Шарль Жидъ.

Проф. соціальной экономіи на юридическомъ факультетѣ Парижскаго у-та.

ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

Переводъ съ послѣдняго, 14-го, французскаго изданія **Виктора Сережникова.**

Подъ редакціей прив.-доц. **В. Ѳ. Тотоміанца.**

Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію.

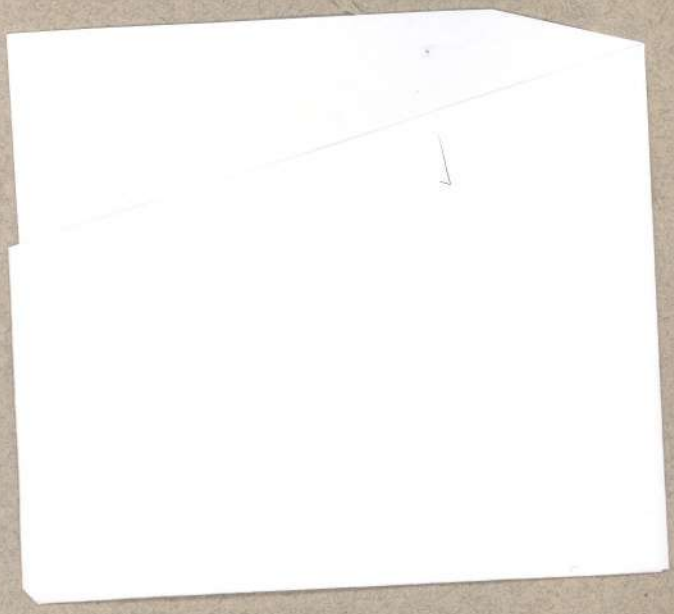
„Общество въ цѣломъ не что иное, какъ совокупность перекрещивающихся солидарностей".

Бастіа: „Гармоніи".

Изданіе

„Студенческаго Издательства"

МОСКВА—1916.

33
Ж 69

Шарль Жидъ.

Проф. соціальной экономіи на юридическомъ факультетѣ Парижскаго у-та.

ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

215916

Переводъ съ послѣдняго, 14-го, французскаго изданія **Виктора Сережникова.**

Подъ редакціей прив.-доц. **В. Ѳ. Тотоміанца.**

Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію.

Киевскій институт
народнаго хозяйства
БИБЛІОТЕКА

Изданіе

„Студенческаго Издательства"

МОСКВА—1916.

1571/3842

Типографія В. И. Воронова, преемникъ Ѳ. Л. Гавриленко.
Моховая, противъ Манежа, д. кн. Гагарина.

Предисловіе автора къ настоящему русскому изданію.

„Студенческое Издательство“ проситъ меня написать предисловіе къ русскому переводу моего учебника „Основы политической экономіи“. Я благодарю и поздравляю студентовъ съ тѣмъ, что въ этотъ часъ, когда ихъ и моя страны объяты пожаромъ, они сумѣли сохранить достаточно бодрости, чтобы продолжать интересоваться экономическими вопросами. Это свидѣтельствуетъ о спокойствіи духа университетской молодежи, достойномъ удивленія и несущемъ благопріятное предзнаменованіе грядущей побѣды.

Что касается меня, то мнѣ стоитъ большого труда запастись необходимымъ хладнокровіемъ, чтобы написать эти нѣсколько строкъ. Представившееся намъ зрѣлище способно потрясти умъ стараго профессора политической экономіи. Нынѣ ниспровергается все, чему мы учимъ. На нашихъ глазахъ до основанія рушится весь строй цѣнностей: первѣйшая изъ цѣнностей — человѣческая жизнь—растрачивается въ геройской борьбѣ съ большей расточительностью, чѣмъ вода въ фонтанахъ; одно и то же пушечное ядро готовитъ удѣлъ разрушенія знаменитѣйшимъ историческимъ памятникамъ и жалкимъ крестьянскимъ хижинамъ; происходитъ полный переворотъ въ торговой политикѣ самыхъ протекціонистскихъ странъ, которыя теперь настежь открываютъ свои двери ввозу и запрещаютъ вывозъ; собственники не получаютъ арендныхъ платъ; капиталисты лишаются своихъ дивидендовъ; должники не платятъ своихъ долговъ; въ однообразіи военной формы, въ общности боевой жизни траншей, въ братствѣ могилъ смѣшались богатые и бѣдные, князья и крестьяне. Какая соціальная революція смогла бы внести такія перемѣны въ общественный строй?

Но ураганъ пронесется. И, когда свирѣпствующія нынѣ разру-

шительныя силы исчерпаютъ себя, факторы производства возобновятъ свою прерванную работу, и экономическіе законы, которые мы будемъ совмѣстно изучать въ этой книгѣ, вернутся къ своему мирному господству. На орошенной кровью и вспаханной пушечными ядрами землѣ созрѣютъ болѣе пышные всходы. Разрушенные города заново отстроятся, на мѣстѣ сотенъ милліардовъ развѣянныхъ богатствъ возникнутъ новыя. Каждый вернется къ своему положенію въ обществѣ, высокому или низкому, къ своему мѣсту, великому или малому. Жалобы угнетенныхъ, смолкшія среди общей сумятицы битвъ—ибо всѣ стали солдатами—снова громко раздадутся, и правительству придется склонить навстрѣчу имъ свое внимательное ухо, ибо оно вспомнитъ, что тѣ, кто требуетъ большаго участія къ себѣ, спасли отечество.

Когда пробьетъ этотъ часъ возрожденія міра на основахъ новой экономіи, Россія и Франція, какъ нынѣ въ дѣлѣ войны, пойдутъ рука-объ-руку въ дѣлѣ мирнаго строительства, послѣдняя — внося въ это дѣло весь свой страстный порывъ къ справедливости и правамъ человѣка, а первая—все свое милосердіе къ страданіямъ людей. И русскіе студенты, которые запасутся этой книгой, могутъ найти въ ней то, что уже нашли тамъ многіе французскіе и другихъ странъ студенты,—жажду совмѣстной работы надъ созданіемъ лучшаго общественнаго строя.

Шарль Жидъ.

Парижъ, декабрь, 1914 года.

Изъ предисловія автора къ 14-ому французскому изданію.

...Настоящее изданіе значительно отличается отъ предыдущаго. Весьма большая часть библіографическихъ и статистическихъ примѣчаній, прерывавшихъ чтеніе, въ немъ отсутствуетъ, и все же въ немъ больше страницъ, ибо трудные отдѣлы подробнѣе изложены, и даже прибавлено нѣсколько новыхъ главъ,—въ отдѣлѣ о потребленіи, напримѣръ.

Что касается общаго духа этой книги, то я могу повторить здѣсь только то, что говорилось въ предисловіяхъ ко всѣмъ предыдущимъ изданіямъ. Я не задавался цѣлью защищать тѣ или другія положенія; я хотѣлъ не столько дать разрѣшеніе соціальныхъ проблемъ, сколько показать, какого глубокаго интереса полны онѣ. Я хотѣлъ бы, чтобы политическая экономія, въ теченіе столь долгаго времени называвшаяся „скучной литературой" (какъ говорилъ Тьеръ) или „сухой наукой" (dismal science, какъ говорилъ Карлейль), могла предстать предъ всѣми, особенно же, предъ молодежью, такою, какая она есть, подобно драмѣ, захватывающей наукой, поскольку она не только изучаетъ законы, ниспосылающіе отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ народамъ богатство или бѣдность, но и показываетъ, цѣною какой страстной борьбы или братской взаимопомощи люди могутъ достигнуть благосостоянія и избѣгнуть нищеты.

И среди молодыхъ людей всѣхъ странъ, которые изучали политическую экономію по этой книгѣ — я знаю это по личнымъ свидѣтельствамъ—есть, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лицъ, которыя нашли ее на этихъ страницахъ именно такой, какой я хотѣлъ ее показать, которыя за это полюбили ее и на всю жизнь останутся ей вѣрными.

Шарль Жидъ.

Предисловіе редактора.

Настоящій переводъ университетскаго учебника проф. Шарля Жида сдѣланъ съ послѣдняго, 14-го, изданія.

Первое изданіе „Принциповъ политической экономіи“ вышло въ 1883 г. и сразу имѣло успѣхъ, благодаря ясности и живости изложенія, а также глубинѣ мысли.

Затѣмъ изданія быстро слѣдовали другъ за другомъ и были переведены на 12 языковъ, даже на турецкій. Въ нѣкоторыхъ государствахъ переводы выдерживали по нѣсколько изданій, напримѣръ, въ Швеціи и Голландіи—по три. Тиражъ учебника проф. Жида вмѣстѣ съ переводами можно приблизительно опредѣлить въ 110.000, изъ коихъ 60.000 приходится на одну Францію. Такимъ образомъ, этотъ учебникъ является самымъ распространеннымъ въ мірѣ руководствомъ по политической экономіи.

Учебникъ проф. Жида принятъ во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не только во Франціи и Бельгіи, но отчасти и въ Италіи, Испаніи, Швеціи, Голландіи, Австріи (въ Австріи было напечатано три изданія польскаго перевода въ Краковѣ, одно чешское—студентами университета въ Прагѣ и одно—нѣмецкое въ Вѣнѣ), Америкѣ, Индіи и Египтѣ.

Въ русскомъ переводѣ книга появляется во второй разъ, при чемъ первый переводъ съ 4-го французскаго изданія, весь разошедшійся, да и сильно устарѣвшій, былъ изданъ въ 1894 году. И тогда еще учебникъ Ш. Жида, далеко не доведенный до обстоятельности, простоты и ясности послѣдняго изданія, удостоился похвалъ Н. В. Водовозова (въ журнальной статьѣ) и другихъ экономистовъ.

В. Тотоміанцъ.

Оглавленіе.

Стр.
Предисловіе автора къ настоящему русскому изданію III
Изъ предисловія автора къ 14-ому французскому изданію V
Предисловіе редактора VI

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ.

Глава I.

Экономическая наука.

I. Предметъ политической экономіи 1
II. Существуютъ ли въ политической экономіи естественные законы? 5
III. Какъ образовалась экономическая наука 8

Глава II.

Различныя экономическія школы.

I. Школы съ точки зрѣнія метода 13
II. Школы съ точки зрѣнія своихъ программъ: —либеральная школа; — соціалистическія школы; —государственный соціализмъ; —соціальное христіанство; —солидаризмъ. 19

Глава III.

Потребности и цѣнность.

I. Потребности человѣка 39
II. О полезности 46

III. Что такое цѣнность? 50
IV. Чѣмъ создается цѣнность? 55
V. Какъ измѣряется цѣнность? 67
VI. Какъ исправляется мѣрило цѣнностей.—Index Numbers. 72

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРОИЗВОДСТВО.

Первая часть.

Факторы производства.

Глава I.

Природа.

I. Среда 79
II. Сырые матеріалы 85
III. Двигательныя силы 87
IV. Законъ непропорціональнаго дохода 91
V. Порождаемыя машинами иллюзіи 96
VI. Приносятъ ли машины вредъ рабочему классу? 100

Глава II.

Трудъ.

I. О роли, которую трудъ играетъ въ производствѣ 106
II. Какимъ образомъ трудъ производитъ 109
III. Объ эволюціи идей относительно производительности труда . . 111
IV. Объ усиліи, какъ составномъ элементѣ труда 117
V. Время, какъ составной элементъ труда.—Продолжительность полезной жизни 120

Глава III.

Капиталъ.

I. Двѣ концепціи капитала 123
II. Капиталы производительные и доходные 128

III. Какъ слѣдуетъ понимать производительность капиталовъ 132
IV. Основные и оборотные капиталы 135
V. Какъ образуется капиталъ 138

Вторая часть.

Организація производства.

Глава I.

Какъ регулируется производство.

I. О предпріятіи и стоимости производства 142
II. Какъ регулируется производство 147
III. О конкурренціи 152
IV. Перепроизводство и законъ сбыта 157
V. Кризисы 160

Глава II.

Раздѣленіе труда.

I. Различные виды раздѣленія труда 167
II. Условія раздѣленія труда 171
III. Выгоды и неудобства раздѣленія труда 173

Глава III.

Концентрація производства.

I. Этапы промышленной эволюціи 177
II Законы концентраціи 182
III. Спеціализація и интеграція промышленности 187
IV. Кустарная промышленность 189

Глава IV.

Ассоціація въ производствѣ.

I. Ассоціаціи труда 193
II. Ассоціаціи капиталовъ 197
III. Трёсты и картели 202

Глава V.

Государственное производство.

I. Развитіе государственныхъ и муниципальныхъ предпріятій . . . 208
II. Неудобства, связанныя съ огосударствленіемъ и муниципализаціей. 213
III. Различные виды государственныхъ предпріятій 217

КНИГА ВТОРАЯ.

ОБРАЩЕНІЕ.

Глава I.

Обмѣнъ.

I. Историческій очеркъ обмѣна 222
II. Разложеніе мѣны на продажу и покупку 224
III. Мѣновая цѣнность и цѣна 227
IV. Законъ предложенія и спроса 232
V. Колебанія цѣнъ 237
VI. Выгоды обмѣна 241

Глава II.

Металлическія деньги.

I. Историческій очеркъ денегъ 244
II. Занимаетъ ли звонкая монета особое мѣсто среди богатствъ? . . 250
III. Обречены ли металлическія деньги на постоянное пониженіе своей цѣнности? 255
IV. Условія, которымъ должна удовлетворять всякая хорошая монета 259
V. О законѣ Грешема 263

Глава III.

Монетныя системы.

I. О необходимости пользоваться нѣсколькими металлами и о проистекающихъ отсюда неудобствахъ 267
II. Какимъ образомъ биметаллическія страны остаются фактически при одной монетѣ 271
III. Слѣдуетъ ли принять монометаллизмъ? 276

Глава IV.

Бумажныя деньги.

I. Можно ли замѣнить металлическія деньги бумажными? 282
II. Созданіе бумажныхъ денегъ равносильно ли созданію богатства? 288
III. Объ опасностяхъ, проистекающихъ отъ употребленія бумажныхъ денегъ, и о способахъ предупрежденія ихъ 292
IV. Чекъ 295
V. Какимъ образомъ усовершенствованія обмѣна стремятся вернуть насъ къ натуральной мѣнѣ 298

Глава V.

Международный обмѣнъ.

I. Что слѣдуетъ понимать подъ торговымъ балансомъ? 300
II. Какимъ образомъ поддерживается балансъ счетовъ 305
III. Въ чемъ состоятъ выгоды международнаго обмѣна 308
IV. Какимъ образомъ международный обмѣнъ неизбѣжно наноситъ ущербъ интересамъ нѣкоторыхъ классовъ. 313

Глава VI.

Торговая политика.

I. Историческій очеркъ международной торговли 315
II. Протекціонистскій тезисъ 323
III. Фритредерскій тезисъ 329
IV. Режимъ торговыхъ договоровъ 339

Глава VII.

Кредитъ.

I. Какимъ образомъ кредитъ является лишь расширеніемъ обмѣна . 344
II. Историческій очеркъ кредита 347
III. Какимъ образомъ кредитъ позволяетъ уничтожить платежъ деньгами 351
IV. Можетъ ли кредитъ создавать капиталы? 354

Глава VIII.

Банки.

I. Функція и эволюція банковъ 357
II. Депозиты 361
III. Дисконтъ 363
IV. Выпускъ банковыхъ билетовъ 366
V. Разница между банковыми билетами и бумажными деньгами . . 369
VI. Монополія или конкурренція?—Государственный или частный банкъ? 372
VII. Регламентація выпуска билетовъ 376
VIII. Вексельный курсъ 384
IX. Повышеніе нормы учетнаго процента 391

КНИГА ТРЕТЬЯ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

Первая часть.

Различные способы распредѣленія.

Глава I.

Современный способъ.

I. Какъ происходитъ распредѣленіе благъ 397
II. Основаніе права собственности 403
III. Право собственности въ отношеніи къ своему объекту и субъекту. 407
IV. Право собственности въ отношеніи своихъ свойствъ.—Наслѣдованіе 412
V. Неравенство богатствъ 420
VI. Праздность 425
VII. Нищета 428

Глава II.

Соціалистическіе способы.

I. Равный раздѣлъ 431
II. Коммунизмъ 434
III. Коллективизмъ 437
IV. Кооператизмъ 446

Вторая часть.

Различныя категоріи участвующихъ въ распредѣленіи.

Общественные классы 450

Глава I.

Землевладѣльцы.

I. Собственность на землю 454
II. Откуда происходитъ земельный доходъ?—Земельная рента . . 461
III. Законъ ренты 467
IV. О законности земельной ренты 470
V. Системы соціализаціи земли 474
VI. Системы демократизаціи земельной собственности 478
VII. Системы сохраненія земельной собственности 485

Глава II.

Капиталисты-рантье.

I. Историческій очеркъ ссуды подъ процентъ.—Ростовщичество . . 489
II. О законности и регламентаціи процента 493
III. Почему капиталъ производитъ процентъ? 497
IV. Норма процента 501
V. Стремится ли норма процента къ пониженію? 504

Глава III.

Наемники.

I. Что такое наемникъ? 507
II. Историческій очеркъ наемнаго труда 509
III. Законъ заработной платы 512
IV. О повышеніи заработной платы 521
V. О конфликтахъ между рабочими и предпринимателями 527
VI. Вмѣшательство законодателя для защиты рабочихъ 535
VII. Страхованіе риска 541
VIII. Будущее наемнаго труда 547

Глава IV.

Предприниматели.

I. Эволюція предпринимательства 552
II. О законности прибыли 556
III. Ассоціація рабочаго съ предпринимателемъ 564
IV. Производительное товарищество 568

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОТРЕБЛЕНІЕ.

Глава I.

Потребленіе въ его отношеніяхъ къ производству.

I. Что значитъ слово „потребленіе“? 573
II. Будетъ ли производство въ состояніи поспѣвать за потребленіемъ?— Законы Мальтуса 576
III. Роль потребителей 581

Глава II.

Расходъ.

I. Распредѣленіе расходовъ 584
II. Потребительныя общества 586
III. Роскошь 588
IV. Абсентеизмъ 592
V. О контролѣ государства надъ потребленіемъ 595

Глава III.

Сбереженіе.

I. Два вида сбереженія 602
II. Условія сбереженія 608
III. Помѣщеніе капитала 612

„Общество въ цѣломъ не что иное, какъ совокупность перекрещивающихся солидарностей“.

Бастіа: „Гармоніи“.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ.

ГЛАВА I.

Экономическая наука.

I.

Предметъ политической экономіи.

Существа, образующія вселенную, и возникающія между ними отношенія, — небесныя тѣла, земля, заключенные въ ея нѣдрахъ элементы, населяющія ея поверхность животныя и растенія, — все это предметы различныхъ наукъ, называемыхъ физическими и естественными.

Но въ этомъ обширномъ мірѣ есть еще другіе предметы, не менѣе достойные нашего изученія, это — люди, мы сами. Люди живутъ въ обществѣ и не могутъ иначе жить. Возникающія между ними отношенія составляютъ предметъ другой группы наукъ, которыя называются соціальными. Различнымъ отношеніямъ между людьми — моральнымъ, юридическимъ, экономическимъ, политическимъ, религіознымъ и отношеніямъ по языку, служащимъ проводникомъ для всѣхъ другихъ отношеній — соотвѣтствуютъ и отдѣльныя науки: мораль, право, политическая экономія, политика, богословскія науки и языкознаніе.

Правда, границы между соціальными науками, которыя всѣ въ сущности занимаются однимъ и тѣмъ же предметомъ, дѣятельностью соціальнаго человѣка, не могутъ быть проведены такъ рѣзко, какъ между науками, предметы которыхъ совершенно несходны, каковы, напр., геологія, ботаника, зоологія. Такая классификація всегда будетъ болѣе или менѣе искусственной; она создана скорѣе для облегченія изученія и въ помощь ограниченному кругозору

нашего мышленія, чѣмъ вслѣдствіе естественнаго разграниченія ихъ областей.

И, дѣйствительно, Огюстъ Контъ считалъ ирраціональнымъ всякое разграниченіе наукъ, предметомъ которыхъ является человѣческое общество: онъ признавалъ только одну, обнимающую всѣ стороны человѣческаго общества, науку, которой онъ далъ, ставшее съ того времени классическимъ, названіе соціологіи, и осуждалъ всякую попытку, направленную къ тому, чтобы образовать изъ политической экономіи особую науку. Однако, у Огюста Конта не было послѣдователей въ этомъ отношеніи, ибо въ интересахъ методологіи нельзя было вышеназваннымъ соціальнымъ наукамъ отказать въ правѣ слагаться въ отдѣльныя отрасли знанія. Въ особенности, у трехъ наукъ, которыя ближе всего соприкасаются между собою—у этики, права и политической экономіи—границы всегда будутъ болѣе или менѣе неопредѣленными: нѣкоторыя учрежденія, какъ собственность, переходъ имуществъ, наемный трудъ, одновременно подлежатъ вѣдѣнію всѣхъ трехъ,—обстоятельство, къ счастью, очень выгодное для этихъ родственныхъ наукъ! Достаточно замѣтить, что одни и тѣ же предметы можно разсматривать съ различныхъ точекъ зрѣнія и умѣть распознавать эти различныя точки зрѣнія, на которыя становятся моралистъ, юристъ и экономистъ. Къ тому же, относительно легко исполнять свой долгъ, пользоваться своими правами, удовлетворять свои потребности,—т. е. добиваться трехъ довольно различныхъ цѣлей человѣческой дѣятельности. Предметомъ экономической науки является собственно послѣдняя цѣль.

Итакъ, не вдаваясь слишкомъ въ тонкости опредѣленія, которое все еще надо отыскать, несмотря на сотни написанныхъ по этому вопросу трудовъ, скажемъ, что изъ всѣхъ отношеній живущихъ въ обществѣ людей, предметомъ политической экономіи являются только такія отношенія, которыя направляются на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей людей, стремятся ко всему тому, что касается благосостоянія людей[1]). Въ общественномъ организмѣ она составляетъ приблизительно то же, что физіологія въ организмѣ человѣка.

---

[1]) Раньше обыкновенно говорили, да и нынѣ еще часто говорятъ, что политическая экономія—„наука о богатствѣ“. Но это опредѣленіе заключаетъ въ себѣ то неудобство, что вниманіе отвлекается отъ настоящаго предмета экономической науки, человѣка и его потребностей, и сосредоточивается на предметахъ внѣшнихъ, являю-

Нынѣ политическая экономія стремится вылиться въ двѣ дисциплины или въ два разряда познанія.

Съ одной стороны, чистая политическая экономія (иногда ее называютъ также экономикой) изучаетъ самопроизвольныя отношенія, возникающія между живущими въ обществѣ людьми, разсматривая ихъ, какъ отношенія, возникающія между какими-нибудь тѣлами, „тѣ необходимыя отношенія, которыя, — по словамъ Монтескье, — вытекаютъ изъ природы вещей.“ Въ ея задачу не входитъ судить о нихъ ни съ моральной, ни съ практической точки зрѣнія; она только объясняетъ то, что есть. Благодаря этому, въ ней сказывается тенденція конституироваться въ особую естественную науку.

Съ другой стороны, соціальная экономія изучаетъ скорѣе слагающіяся между людьми добровольныя отношенія въ формѣ ассоціацій, писанныхъ законовъ или какихъ-нибудь другихъ учрежденій въ интересахъ улучшенія положенія человѣка въ обществѣ. Въ ея задачу входитъ изслѣдованіе и указаніе наилучшихъ средствъ для достиженія этой цѣли. Поэтому она скорѣе относится къ разряду моральныхъ наукъ, изслѣдующихъ то, что должно быть, и практическихъ дисциплинъ, указывающихъ на то, что слѣдуетъ дѣлать. За это иностранные экономисты называли ее иногда именемъ соціальной политики [2]).

щихся для человѣка лишь средствомъ для удовлетворенія его потребностей. То, что называется экономическимъ или соціальнымъ закономъ, въ дѣйствительности примѣняется къ людямъ даже тогда, когда онъ, повидимому, имѣетъ предметомъ своимъ вещи. Сказать, что хлѣбъ повышается въ цѣнѣ, это значитъ установить, что люди по какой-то причинѣ больше требуютъ хлѣба. И это вовсе не простое словопреніе,— перемѣщеніе истинной точки зрѣнія вызвало по адресу нѣкоторыхъ экономистовъ справедливый упрекъ въ томъ, что они разсуждаютъ такъ, какъ будто бы человѣкъ созданъ для богатства, а не богатство для человѣка.

Впрочемъ, есть еще и другое неудобство въ опредѣленіи политической экономіи понятіемъ богатства:— послѣднее само не легко поддается опредѣленію, какъ это мы увидимъ ниже.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать соціальную экономію съ прикладной политической экономіей.

Прикладная политическая экономія указываетъ на то, каковы наилучшія средства для увеличенія богатства страны (банки, желѣзныя дороги, монетныя или коммерческія системы и т. д.), между тѣмъ, какъ соціальная экономія стремится главнымъ образомъ къ тому, чтобы сдѣлать людей болѣе счастливыми. Вопросы прикладной экономіи не разсматриваются здѣсь; съ ними можно познакомиться въ нашемъ Cours d' Economie Politique.

Такое раздѣленіе важно для спеціалистовъ, но оно очень неудобно при изложеніи основъ политической экономіи. Поэтому мы не будемъ придерживаться его въ настоящемъ трактатѣ, относящемся какъ къ соціальной, такъ и къ политической экономіи.

Среди экономическихъ явленій прежде всего привлекли къ себѣ вниманіе явленія, относящіяся къ производству. Физіократы и Адамъ Смитъ занимались почти исключительно послѣдними. Второе поколѣніе экономистовъ, съ Рикардо во главѣ, отдавалось главнымъ образомъ анализу явленій, относящихся къ распредѣленію. И еще въ наше время политическая экономія содержитъ въ себѣ эти два крупныхъ отдѣла, или, лучше сказать, экономическія явленія представляются ей съ этихъ двухъ сторонъ, ибо, дѣйствительно, въ обѣихъ частяхъ ея встрѣчаются почти только они. Между вопросами: „какъ производятся богатства?“ и „кому они принадлежатъ?“—связь очевидна. Но это не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы изучать ихъ совмѣстно.

Скоро и въ самомъ производствѣ было установлено подраздѣленіе между явленіями производства въ собственномъ смыслѣ и между явленіями обращенія, т. е. стали отличать формы созданія богатства отъ формъ передвиженія или обмѣна ихъ. Послѣднія, дѣйствительно, имѣютъ чрезвычайное значеніе и свою особую физіономію. Тѣмъ не менѣе такое подраздѣленіе отвѣчаетъ скорѣе дидактическимъ соображеніямъ, чѣмъ логической необходимости, ибо, какъ мы увидимъ ниже, обмѣнъ по существу является формой производства.

Есть еще другая категорія фактовъ, которая со времени Ж.-Б. Сэя часто составляла особый отдѣлъ, это—явленія, относящіяся къ потребленію богатствъ. Въ наше время часто и напрасно исключаютъ эту категорію явленій, ибо потребленіе (удовлетвореніе потребностей, иначе говоря) есть очевидно цѣль и единственный смыслъ всякой экономической дѣятельности. Съ другой стороны, мы думаемъ, что на экономической аренѣ, гдѣ до сего времени отводилось мѣсто лишь для производителей, потребитель призванъ играть все болѣе и болѣе важную роль, какъ представитель общественнаго интереса. Вотъ почему мы и рѣшили сохранить здѣсь за потребленіемъ особое мѣсто.

II.

Существуютъ ли въ политической экономіи естественные законы.

Когда какой-нибудь отрасли человѣческихъ знаній сообщаютъ названіе „науки“, этимъ вовсе не имѣютъ въ виду присудить ей просто почетный титулъ, а хотятъ подтвердить, что изучаемые ею факты связаны между собою извѣстными необходимыми отношеніями, которыя были открыты и называются законами.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ связь явленій настолько ясна, что даже наименѣе привычные къ научному мышленію умы не могли не замѣтить ея.

Достаточно поднять глаза къ небу, чтобы установить правильность, съ которой каждую ночь передвигаются звѣзды, каждый мѣсяцъ мѣняются фазы луны, каждый годъ перемѣщается солнце по отношенію къ созвѣздіямъ. Уже въ глубокой древности пастухи, оберегая свои стада, и мореплаватели, направляя свои суда, замѣчали періодичность этихъ движеній и тѣмъ самымъ положили начало настоящей, старѣйшей изъ всѣхъ, наукѣ,—астрономіи.

Явленія, обнаруживающіяся въ образованіи органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, не такъ просты, и порядокъ ихъ сосуществованія, или ихъ послѣдовательности, не такъ легко уловимъ. Поэтому прошло много вѣковъ прежде, чѣмъ человѣческому уму, блуждавшему въ лабиринтѣ фактовъ, удалось нащупать путеводную нить, отыскать порядокъ и законъ въ этихъ фактахъ и создать, такимъ образомъ, физическія, химическія и біологическія науки.

Мало-по-малу идея неизмѣннаго порядка явленій проникла во всѣ области, даже въ тѣ, которыя, какъ казалось съ перваго взгляда, навсегда должны были оставаться для нея закрытыми. Даже вѣтры и волны—эти эмблемы непостоянства и каприза для поэтовъ всѣхъ эпохъ—признали надъ собою власть всемірнаго порядка. Удалось открыть великіе законы, которымъ повинуются въ атмосферѣ воздуха или въ океанахъ воздушныя или морскія теченія, и такимъ образомъ получила въ свою очередь начало метеорологія или физика земного шара. Все, вплоть до шансовъ въ пари и комбинацій въ игрѣ, подчиненныхъ расчетамъ вѣроятности,—все, даже сама случайность, имѣютъ отнынѣ свои законы.

Наконецъ, должно было наступить время, когда великая идея естественнаго порядка вещей, охвативъ постепенно съ непобѣдимой силой всѣ области человѣческихъ знаній, проникнетъ и въ область соціальныхъ явленій. Монтескье и физіократамъ, какъ это мы увидимъ, и принадлежитъ заслуга признанія и провозглашенія впервые господства „естественнаго порядка“ вещей.

Еще недавно многіе отказывались признавать это сходство соціальныхъ наукъ съ естественными. Имъ казалось, что между тѣми и другими возвышается непреодолимая стѣна, ибо послѣднія—царство Необходимости, между тѣмъ какъ первыя—царство Свободы.

Доказательствомъ, по ихъ мнѣнію, служитъ то, что въ естественныхъ наукахъ ученый всегда можетъ точно предвидѣть, при наличности даннаго факта, слѣдующій за нимъ или связанный съ нимъ фактъ: астрономъ за тысячу лѣтъ впередъ и съ точностью до одной секунды предвѣщаетъ затменіе, химикъ, комбинируя два вещества въ плавильникѣ, заранѣе можетъ сказать, какое тѣло дастъ эта комбинація и каковы будутъ свойства его; геологъ можетъ перечислить земляные пласты, которые встрѣтятся при прорытіи туннеля или шахты рудника. Но могутъ ли экономистъ, историкъ, политикъ предвидѣть соціальныя и политическія явленія? Самое большее, на что они могутъ дерзнуть, это нѣкоторыя догадки, слишкомъ часто опровергаемыя дѣйствительностью. Предвидѣніе здѣсь можетъ быть иногда вдохновеніемъ генія, не опирающимся на научное обоснованіе.

Но это обычное возраженіе покоится на двоякой ошибкѣ, вытекающей изъ неправильнаго представленія о естественномъ законѣ и свободѣ воли.

Что касается естественнаго закона, то ошибка проистекаетъ изъ представленія его, какъ силы, разящей мечомъ—аллегорическое изображеніе Закона—и все покоряющей себѣ. Но, вѣдь, естественный законъ ничего иного не выражаетъ, кромѣ извѣстныхъ отношеній, самопроизвольно устанавливающихся между вещами или людьми, отношеній, которыя можно назвать необходимыми только при наличности извѣстныхъ предварительныхъ условій. Атомы кислорода и водорода не при всякихъ условіяхъ образуютъ воду; но если одинъ атомъ кислорода, при извѣстныхъ условіяхъ температуры, давленія и пр., войдетъ въ соприкосновеніе съ двумя атомами водорода, то образуется вода. Точно также люди не при всякихъ условіяхъ продаютъ и

покупаютъ; но если одинъ человѣкъ, расположенный продать, войдетъ въ сношеніе съ другимъ человѣкомъ, расположеннымъ купить, и если ихъ требованія примиримы, то они по необходимости заключатъ сдѣлку по извѣстной цѣнѣ, которую можно опредѣлить, и тѣмъ не менѣе это будетъ свободный договоръ.

Что касается свободы воли, то ошибка проистекаетъ изъ представленія о ней, какъ о возможности дѣлать все, что взбредетъ въ голову, подчиняясь лишь своему капризу. Однако, достаточно немного подумать, чтобы понять, что дѣйствіе, не освѣщаемое разумомъ, относится къ такимъ явленіямъ, которыя характеризуютъ состояніе сумасшествія, и что всякій разумный человѣкъ въ своемъ поведеніи, наоборотъ, подчиняется извѣстнымъ соображеніямъ и не дѣйствуетъ безъ причины. Но, вѣдь, и всякій соціальный или экономическій законъ есть не что иное, какъ предвидѣніе поведенія людей, и его научная цѣнность измѣряется частотой случаевъ, когда это предвидѣніе оправдывается въ дѣйствительности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительность [3]) часто опровергаетъ эти предвидѣнія.

Но такіе случаи имѣютъ мѣсто и въ естественныхъ наукахъ. Всякій мыслящій человѣкъ очень хорошо знаетъ, что вѣтеръ, дождь, градъ или гроза не случайныя явленія; онъ не сомнѣвается, что ими управляютъ естественные законы. И, все-таки, предсказанія въ этой области нисколько не точнѣе, чѣмъ въ области экономической: наступленіе торговаго кризиса можно заранѣе предсказать съ большей увѣренностью, чѣмъ приближеніе циклона; и функціонированіе желѣзной дороги отъ Ліона до Марселя болѣе, конечно, постоянно, чѣмъ разливъ Роны, по берегамъ которой эта дорога проходитъ, а вѣдь желѣзная дорога обслуживается людьми, а не небомъ, которымъ обслуживается рѣка.

Если наши предвидѣнія въ области политической экономіи не всегда надежны и заблаговременны, то основанія для этого слѣдуетъ искать не въ фантазіяхъ свободной человѣческой воли, а въ нашемъ невѣдѣніи истинныхъ причинъ. Если наступитъ время,

---

[3]) Въ качествѣ аргумента противъ существованія въ соціальной области естественныхъ законовъ приводятъ тотъ фактъ, что многія вещи проявляются не въ той формѣ, какъ ихъ предвидѣли. Это указываетъ только на наше невѣжество. Но подумайте зато, какъ часто вещи проявляются въ иной формѣ, чѣмъ желали ихъ творцы? Не указываетъ ли это на то, что въ мірѣ существуютъ болѣе могущественныя причины, чѣмъ воля людей?

когда люди будутъ неограниченно мудрыми, то, вѣроятно, предвидѣніе въ политической экономіи будетъ отличаться такой же точностью, какъ въ астрономіи.

Правда, было бы абсурдно стремиться заранѣе предсказывать образъ дѣйствій отдѣльнаго человѣка; для экономиста въ этомъ нѣтъ никакого интереса,—онъ не ворожея. Для насъ важенъ только образъ дѣйствій людей, разсматриваемыхъ en masse. При изслѣдованіи законовъ въ теоріи и учрежденій на практикѣ мы прибѣгаемъ только къ среднимъ величинамъ [4]).

Впрочемъ, замѣтьте, что дѣловые люди, самымъ настойчивымъ образомъ отказывающіе экономистамъ въ предвидѣніи въ области экономическихъ вопросовъ, сами однако прибѣгаютъ къ нему въ обиходѣ своей жизни и въ своихъ ежедневныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ. Всякій, кто занимается спекуляціей,—а кто ею не занимается?—худо-ли хорошо-ли, сообразуется съ научнымъ предвидѣніемъ. Финансистъ, покупающій акціи какой-нибудь желѣзной дороги, предвидитъ продолжительность и постепенное увеличеніе извѣстныхъ оборотовъ въ опредѣленномъ направленіи и, платя очень дорого за бумагу, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свое желаніе имѣть ее и свою твердую вѣру въ правильность экономическаго закона. И все-таки вѣрно, что всякій человѣкъ, садящійся въ поѣздъ, и всякій багажъ, сдаваемый на желѣзную дорогу, поѣдутъ по ней только потому, что кто-то захочетъ этого.

III.

Какъ образовалась экономическая наука.

Политическая экономія впервые получила свое названіе въ 1615 г. въ книгѣ французскаго писателя Антуаня де Монкретьена Traité de l'Oeconomi politique.

Слово „экономія“ употреблялось уже и раньше, а одна изъ книгъ Ксенофонта носитъ даже такое заглавіе; но древніе понимали подъ этимъ словомъ домашнюю экономію (οἶκος — домъ,

---

[4]) Статистика неоднократно показывала на почти неизмѣнную правильность, съ которой совершаются какъ наиважнѣйшіе факты человѣческой жизни, напр., браки, такъ и самые ничтожные, каковымъ, напр., является фактъ опусканія въ почтовый ящикъ писемъ безъ указанія на конвертѣ адреса.

νόμος—правило, законъ). Опредѣленіе „политическая“, вошедшее въ употребленіе со времени Монкретьена, указываетъ на новый, совпадавшій съ историческимъ переворотомъ,—образованіемъ большихъ современныхъ государствъ,—характеръ этой науки, предметомъ которой уже являются не интересы отдѣльнаго хозяйства, а цѣлаго государства, націи. Въ настоящее время иногда говорятъ Соціальная экономія, вмѣсто „политическая“. Этимологически такое обозначеніе абсолютно равнозначуще (однако прилагательное „политическая“ лучше гармонируетъ съ существительнымъ „экономія“, ибо оба слова происходятъ отъ греческихъ корней), но этому опредѣленію обыкновенно соотвѣтствуетъ, какъ мы указали выше, нѣсколько иной строй идей.

Нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ, которые мы нынѣ называемъ экономическими, привлекали къ себѣ вниманіе во всѣ времена; таковы, напр., вопросы о деньгахъ, о торговлѣ, о средствахъ обогащенія отдѣльныхъ лицъ и государства. Отцы церкви осуждали роскошь, неравенство имуществъ, ссуду денегъ подъ проценты. Древніе, и въ томъ числѣ Аристотель, прекрасно анализировали природу денегъ, раздѣленіе ремеслъ, формы пріобрѣтенія собственности. Но никто не замѣчалъ связи между этими различными вопросами и не думалъ объединить ихъ въ одной общей наукѣ. Они становились скорѣе достояніемъ мудреца, нежели ученаго, и представлялись скорѣе въ формѣ благоразумныхъ совѣтовъ правителямъ или частнымъ людямъ.

Открытіе Америки впервые вызвало въ теченіе XVI и, особенно, VII ст. образованіе настоящей экономической теоріи, системы; иначе говоря, совѣты приняли форму свода связныхъ и систематическихъ наставленій. Такія страны, какъ Франція, Италія и Англія, которыя съ завистью смотрѣли на Испанію, извлекавшую сокровища изъ своихъ рудниковъ въ Новомъ Свѣтѣ, задавались вопросомъ, какими средствами можно было бы добыть себѣ золото и серебро. Книга итальянскаго писателя Антонія Серра, вышедшая въ свѣтъ раньше книги Монкретьена, въ 1613 г., носитъ именно такое заглавіе: „О причинахъ, могущихъ создать обиліе золота и серебра въ государствахъ, у которыхъ нѣтъ своихъ рудниковъ“. Предполагали найти такія средства въ вывозѣ мануфактурныхъ продуктовъ; съ этой цѣлью употребляли всѣ средства для развитія внѣшней торговли и мануфактурной промышленности, для чего прибѣгали къ цѣлой сложной

и искусной системѣ регламентовъ, получившей названіе меркантильной системы.

Въ срединѣ XVIII вѣка во Франціи возникаетъ сильная реакція противъ всѣхъ „системъ“, начинаютъ грезить о томъ, какъ бы вернуться къ „естественному состоянію“, и отвергаютъ все, что кажется искусственнымъ сооруженіемъ. Вся литература XVIII вѣка носитъ на себѣ отпечатокъ такихъ чувствъ; ими же вдохновлялась политическая дисциплина Руссо и Монтескье.

„Духъ законовъ“ начинается слѣдующей безсмертной фразой: „Законы суть необходимыя, проистекающія изъ природы вещей, отношенія“, и Монтескье заявляетъ въ предисловіе къ тому же произведенію: „Я извлекъ свои принципы не изъ предразсудковъ своихъ, а изъ природы вещей“.

Только съ этого момента зарождается настоящая экономическая наука. Лейбъ-медикъ Людовика XV, докторъ Кенэ, опубликовалъ въ 1758 году Le Tableau Économique („Экономическую Таблицу“); его послѣдователями были многіе выдающіеся люди, которые назвали себя экономистами и которыхъ впослѣдствіи стали называть физіократами [5]).

Школа физіократовъ ввела въ науку двѣ новыхъ идеи, которыя были совершенной противоположностью меркантильной системѣ:

1. Существованіе „естественнаго и основного порядка въ человѣческихъ обществахъ“ (таково даже заглавіе книги одного изъ физіократовъ, Мерсье-де-ля-Ривьера); достаточно узнать этотъ порядокъ и сообразоваться съ нимъ. Поэтому безполезно придумывать законы, регламенты и системы,—остается только laisser faire.

2. Превосходство земледѣлія надъ торговлей и промышленностью. По мнѣнію физіократовъ, только одна земля, природа, источникъ богатствъ; только она одна даетъ чистый продуктъ,—всѣ общественные классы, за исключеніемъ земледѣльческаго, безплодны.

Первый изъ этихъ принциповъ послужитъ прочнымъ основаніемъ для всего зданія экономической науки (дѣйствительно, какія бы то ни было явленія могутъ служитъ основаніемъ для опредѣ-

---

[5]) Слово „физіократія“ состоитъ изъ двухъ греческихъ словъ, обозначающихъ дословно: „правленіе природы“.

ленной науки постольку, поскольку признаны между ними отношенія причинности, („основной и естественный порядокъ"), а также для цѣлой политической системы, которая подъ именемъ либеральной политики [6]) будетъ господствовать въ теченіе цѣлаго вѣка и создастъ великія дѣла.

Второй же—наоборотъ: удачно направленный противъ ошибокъ меркантильной системы, онъ самъ, въ свою очередь, какъ мы увидимъ ниже, страдалъ недостатками, которые не замедлили нанести смертельный ударъ господству школы физіократовъ.

Появленіе въ 1776 году книги шотландца Адама Смита „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ" составляетъ эпоху въ исторіи политической экономіи и обезпечиваетъ за англійской школой неоспоримое первенство въ теченіе почти цѣлаго вѣка.

Эта книга доставила автору не вполнѣ заслуженный имъ титулъ отца политической экономіи.

Адамъ Смитъ отбрасываетъ второй принципъ физіократовъ и водворяетъ промышленность на ея законное мѣсто въ производствѣ богатствъ, но онъ удерживаетъ и прекрасно развиваетъ первый принципъ, т.-е. вѣру въ естественные экономическіе законы и въ laisser faire, по крайней мѣрѣ, какъ въ правило практической дѣятельности.

Впрочемъ, съ точки зрѣнія наблюденія фактовъ и оцѣнки уроковъ исторіи, книга Смита стоитъ гораздо выше сочиненій физіократовъ и такъ расширяетъ поле экономической науки, что съ того времени почти не выходили за предѣлы его.

Вскорѣ послѣ Адама Смита почти одновременно появляются въ Англіи два экономиста, теоріи которыхъ, повергая въ изумленіе однихъ и вызывая отвращеніе у другихъ, наложатъ на экономическую науку отпечатокъ на цѣлое столѣтіе: Мальтусъ, знаменитый законъ котораго о народонаселеніи (1803 г.), несмотря на свое по внѣшности спеціальное примѣненіе, найдетъ отголоски во всей экономической наукѣ; Рикардо (1817 г.), не менѣе извѣстный благодаря своему закону о земельной рентѣ, а также благо-

[6]) Знаменитый экономистъ того времени, Тюрго, не раздѣлявшій ошибокъ физіократической системы, первый проводилъ въ жизнь такую политику сначала въ качествѣ интенданта въ Лиможѣ, а потомъ въ качествѣ министра Людовика XVI: въ первой должности онъ декретировалъ свободу торговли, для чего были уничтожены внутреннія таможни и налоги на хлѣбъ, а въ должности министра онъ декретировалъ свободу труда и для этого отмѣнилъ цеховые уставы.

даря злоупотребленію абстрактнымъ и чисто дедуктивнымъ методомъ.

Въ то же время во Франціи Жанъ-Батистъ Сэй выпустилъ въ свѣтъ свой Traité d' Économie politique („Трактатъ по политич. экономіи“ 1803 г.), который блещетъ ясностью изложенія, прекрасно составленнымъ планомъ и классификаціей идей, но который не сдѣлалъ въ науку богатаго вклада, подобно книгамъ только что напечатанныхъ корифеевъ. Несмотря, однако, на это, переведенная на всѣ европейскіе языки, книга Сэя явилась первымъ дѣйствительно популярнымъ трактатомъ по политической экономіи и послужила болѣе или менѣе образцомъ для безчисленнаго множества классическихъ учебниковъ, слѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ одинъ за другимъ.

Въ этой послѣдней книгѣ особенно ясно выступаетъ приписываемый политической экономіи характеръ естественной, т.-е. чисто описательной науки. Адамъ Смитъ опредѣлялъ политическую экономію, какъ науку, „ставящую себѣ задачей обогащеніе одновременно и народа и правителя“, и отводилъ ей, такимъ образомъ, практическую цѣль. А Ж.-Б. Сэй, исправляя это опредѣленіе, пишетъ: „Я предпочелъ бы сказать, что предметомъ политической экономіи является познаніе средствъ, съпомощью которыхъ образуются, распредѣляются и потребляются богатства.“ Этимъ онъ хочетъ сказать, что въ экономическомъ строѣ все идетъ само собой, автоматически.

Съ этого времени можно считать политическую экономію окончательно установившейся въ ея классической формѣ. Но она не замедлитъ распасться на многочисленныя школы, характерныя особенности которыхъ мы вкратцѣ отмѣтимъ въ слѣдующей главѣ [7]).

---

[7]) Для дополненія этой главы равно какъ и слѣдующей, мы отсылаемъ читателя къ нашей книгѣ Histoire des Doctrines économiques (есть русскій переводъ въ изданіи „Труда“ 1914 года: „Исторія экономическихъ ученій.“ Прим. перев.) или—за болѣе краткими указаніями—къ нашему Cours d'Economie politique.

ГЛАВА II.

Различныя экономическія школы.

I.

Школы съ точки зрѣнія метода.

„Методомъ“ въ научномъ языкѣ называется путь, по которому надо слѣдовать для открытія истины.

Дедуктивный методъ отправляется отъ извѣстныхъ общихъ данныхъ, принятыхъ за неоспоримыя, чтобы путемъ логической послѣдовательности вывести изъ нихъ цѣлый рядъ положеній. На геометрію можно указать, какъ на самую типичную науку, пользующуюся дедуктивнымъ методомъ. Для юристовъ наглядным примѣромъ можетъ служить само право, особенно, римское, въ которомъ изъ нѣсколькихъ положеній, установленныхъ двѣнадцатью таблицами или jus gentium, юристъ воздвигаетъ цѣлое великолѣпное зданіе, называемое Пандектами. Его также называютъ абстрактнымъ методомъ, потому что онъ стремится упростить явленія, сводя ихъ къ одному элементу, который хотятъ изучить, исключая всѣ другіе.

Индуктивный методъ исходитъ изъ наблюденія надъ извѣстными отдѣльными фактами и подымается до общихъ положеній, напримѣръ, отъ факта паденія тѣлъ къ закону тяготѣнія.

Весьма спорнымъ является вопросъ о томъ, какой изъ двухъ методовъ наиболѣе пригоденъ для экономической науки.

Извѣстно, что политическая экономія образовалась съ помощью дедуктивнаго метода. Изъ ограниченнаго числа принциповъ, принятыхъ за аксіомы или подтвержденныхъ болѣе общими наблюденіями (напримѣръ, изъ роста народонаселенія; факта убывающаго плодородія земли), экономисты классической школы воздвигли весь остовъ своего прекраснаго зданія. И даже для построенія всей чистой политической экономіи они ограничились однимъ только принципомъ: „человѣкъ при всякихъ обстоятельствахъ старается доставить себѣ максимумъ удовлетворенія съ минимумомъ затраченнаго труда.“ Такимъ образомъ классическіе экономисты стремились къ упрощенію предмета своего изученія, разсматривая человѣка

какъ существо, движимое исключительно своимъ интересомъ, какъ homo oeconomicus, однородное во всѣхъ странахъ и во всѣ времена,—и пренебрегая всякими другими движущими стимулами.

Но полвѣка тому назадъ начали оспаривать правильность этого метода.

Новая школа рекомендуетъ индуктивный методъ, тотъ самый, который нѣсколько вѣковъ тому назадъ введенъ Бэкономъ въ физическія и естественныя науки, и который принесъ тамъ столь удивительные результаты. Въ экономической области этотъ методъ называется нынѣ,—главнымъ образомъ, въ Германіи, гдѣ онъ почти исключительно и примѣняется,—реалистическимъ. Новая школа отказывается изслѣдовать общіе законы, управляющіе абстрактнымъ человѣкомъ, и занимается исключительно историческими законами, управляющими живыми людьми въ данномъ обществѣ и въ данную эпоху. Она отдается цѣликомъ терпѣливому и кропотливому наблюденію надъ всѣми соціальными фактами, въ томъ видѣ, какъ они обнаружены въ настоящемъ ихъ состояніи статистикой или свѣдѣніями путешественниковъ, а въ прошедшемъ—исторіей. Она называется также исторической школой, потому что, по ея мнѣнію, только исторія, научая насъ тому, какъ образуются и измѣняются экономическія и соціальныя учрежденія, можетъ просвѣтить насъ насчетъ истиннаго характера соціальныхъ явленій.

Послѣдствіемъ было то, что изгладились характерныя черты универсальности и перманентности, которыя классическая школа приписывала экономическимъ явленіямъ, и которыя она украшала именемъ естественныхъ законовъ.

Новый методъ несомнѣнно болѣе правиленъ, потому что онъ воздерживается отъ всякихъ смѣлыхъ обобщеній. Но плодотворенъ ли и онъ? Въ этомъ позволительно усомниться. Въ самомъ дѣлѣ, ошибочно думать, что употребленіе чисто индуктивнаго метода въ соціальныхъ наукахъ можетъ быть при всѣхъ условіяхъ такъ же плодотворно, какъ въ физическихъ и естественныхъ наукахъ,—ошибочно по двумъ основаніямъ.

Во-первыхъ, факты труднѣе здѣсь наблюдать, хотя съ перваго взгляда можетъ показаться парадоксальнымъ заявленіе, что труднѣе наблюдать факты, которые ближе всего касаются насъ, и по отношенію къ которымъ мы являемся не только зрителями, но и дѣйствующими лицами; однако въ этомъ-то и заключается причина, мѣшающая намъ видѣть ихъ хорошо. Къ тому же эти факты без-

конечно разнообразнѣе. Кто видѣлъ одного майскаго жука, тотъ видѣлъ ихъ всѣхъ, но кто видѣлъ одного рудокопа, тотъ еще ничего не видѣлъ. Поэтому-то наблюденіе экономическихъ и соціальныхъ фактовъ—задача, черезчуръ непосильная для отдѣльныхъ личностей; она можетъ быть только коллективнымъ дѣломъ тысячъ людей, соединяющихъ свои наблюденія, или даже государствъ, прилагающихъ для этой цѣли имѣющіяся въ ихъ распоряженіи могущественныя средства изслѣдованія. Возникаетъ цѣлая новая наука, называемая статистикой.

Кромѣ того, одно только голое наблюденіе фактовъ никогда не дало бы естественнымъ наукамъ тѣхъ величественныхъ результатовъ, которые такъ поражаютъ насъ въ этихъ наукахъ, если бы къ нему не пришелъ на помощь особый способъ наблюденія, примѣняемый при наличности извѣстныхъ искусственныхъ условій и называемый опытомъ. Но, именно, въ соціальныхъ наукахъ непосредственное примѣненіе опыта невозможно. Химикъ, физикъ, даже біологъ (хотя для послѣдняго это уже труднѣе) всегда могутъ поставить изучаемое явленіе въ извѣстныя искусственно создаваемыя и произвольно измѣняемыя условія: для изслѣдованія, напримѣръ, дыханія животнаго, послѣднее помѣщаютъ подъ колоколъ пневматической машины и произвольно примѣняютъ давленіе воздуха. Но у экономиста—будь онъ даже законодателемъ или всемогущимъ деспотомъ—такой возможности не существуетъ.

Область опыта—если только здѣсь можетъ быть рѣчь объ опытѣ—для него ограничена сравненіемъ данныхъ законодательствами или различными системами результатовъ; напр., во Франціи онъ сопоставитъ результаты, приносимые сѣтью государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ результатами, получаемыми отъ сѣти дорогъ, принадлежащимъ частнымъ компаніямъ, или, напр., послѣдствія системы страхованія рабочихъ въ Бельгіи и въ Германіи. Но выводы, которые онъ сможетъ извлечь отсюда, всегда будутъ непрочными и спорными, ибо условія тамъ и здѣсь никогда не бываютъ совершенно тождественными.

Экономисту приходится изучать факты въ томъ видѣ, какъ они ему представляются; онъ не можетъ изолировать ихъ отъ всей совокупности другихъ родственныхъ фактовъ, съ которыми они такъ или иначе связаны. Онъ можетъ изолировать ихъ только мысленно, предполагая, что то или другое явленіе протекаетъ

изолированно,—отсюда столь частое у экономистовъ и столь осмѣянное, хотя и напрасно, пользованіе „Робинзонадами.“ Но въ такомъ случаѣ, такъ называемый, экспериментальный методъ низводится на степень абстрактнаго, котораго новая школа хотѣла избѣгнуть.

Высмѣивая, какъ это она дѣлаетъ, пріемы методы дедуктивной школы, новая школа обнаруживаетъ слишкомъ большія претензіи и даже нѣкоторую неблагодарность, ибо въ сущности она постоянно вращается среди категорій, заложенныхъ старой школой. Она не обновила науки, а только внесла въ нее новый духъ. Правда, и это большой вкладъ! Но историческая школа и сама не свободна отъ упрековъ. Отдавая все свое вниманіе наблюденію фактовъ и измѣненій, происходящихъ среди народовъ въ разныя эпохи, она слишкомъ склонна погружаться въ эрудицію и упускать изъ виду общія условія, опредѣляющія повсюду экономическія явленія. Ей грозитъ опасность остаться чисто описательной наукой. Можно собрать тысячи фактовъ, а все-таки для науки наступитъ время только тогда, когда будетъ установлена между ними извѣстная связь. Если бы пришлось отказаться отъ мысли открыть въ явленіяхъ, подъ покровомъ ихъ разнообразія, постоянную связь и общіе законы, то тѣмъ самымъ пришлось бы окончательно ликвидировать всякія попытки создать изъ политической экономіи науку. Но въ такомъ случаѣ, какъ бы ни были опасны для науки смѣлыя гипотезы, онѣ все-таки были бы безконечно менѣе опасны, чѣмъ такое признаніе собственной немощи. Какъ бы ни были, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, правильны издѣвательства надъ абстрактнымъ человѣкомъ, homo oeconomicus' омъ классической школы, все-таки необходимо допустить наличность извѣстныхъ общихъ характерныхъ чертъ, присущихъ человѣческому роду. И лучшее доказательство этому можно найти именно въ исторіи, ибо послѣдняя показываетъ, что повсюду, гдѣ человѣческія общества находились въ аналогичныхъ условіяхъ, создавались у нихъ одинаковыя типичныя явленія: феодальный режимъ въ Европѣ до XII в. и въ Японіи до XIX ст., послѣдовательно смѣняющіяся формы собственности и брака, употребленіе драгоцѣнныхъ металловъ въ качествѣ денегъ, погребальные обычаи, вплоть до сказокъ (какъ, напр., „Мальчикъ съ пальчикъ“ или фольклоръ),—все это болѣе или менѣе одинаково на всемъ земномъ шарѣ!

Нельзя, слѣдовательно, совершенно отвергать пользованіе аб-

страктнымъ методомъ, ни излюбленное школой Рикардо „предположимъ, что...“, которое повергаетъ въ ужасъ историческую школу. Лабиринтъ экономическихъ явленій слишкомъ запутанъ, чтобы при помощи одного наблюденія можно было когда-нибудь разобраться въ основныхъ отношеніяхъ, составляющихъ содержаніе всякой науки. Чтобы внести свѣтъ въ эти потемки и порядокъ въ этотъ хаосъ, надо прибѣгать не только къ абстракціи, но и къ воображенію, т. е. къ гипотезѣ.

Настоящій методъ проходитъ черезъ три стадіи:

1) Наблюденіе, безъ предвзятой идеи, фактовъ, особенно, такихъ, которые съ перваго взгляда кажутся самыми незначительными;

2) Мысленное построеніе общаго объясненія, съ помощью котораго можно было бы связать между собою извѣстныя группы фактовъ причинной связью, — иными словами, построеніе гипотезы;

3) Провѣрка основательности этой гипотезы—т.-е. находится ли гипотеза въ точномъ соотвѣтствіи съ фактами—путемъ, если не опыта въ собственномъ смыслѣ, то, во всякомъ случаѣ, путемъ спеціальнаго наблюденія.

Между прочимъ, такъ именно поступаютъ въ физическихъ и естественныхъ наукахъ. Всѣ великіе законы, составляющіе основу современнаго знанія, начиная съ закона тяготѣнія Ньютона, не что иное, какъ провѣренныя гипотезы. Больше того: великія теоріи, послужившія основаніемъ для научныхъ открытій нашего времени (напр., существованіе эфира въ физическихъ наукахъ или эволюціоннаго ученія въ естественныхъ), являются не чѣмъ инымъ, какъ непровѣренными еще гипотезами [1]).

---

[1]) См. l'Introduction à l'étude de la Médecine expérimentale Клода Бернара и La Science et l'Hypothèse (есть русскій переводъ) Пуанкарэ.—Какъ замѣтилъ Стенли Джевонсъ (въ Principles of Science), методъ, употребляемый въ наукахъ для отысканія истины, напоминаетъ тотъ, къ которому безсознательно прибѣгаютъ при отгадываніи ребусовъ и шарадъ, помѣщаемыхъ на послѣдней страницѣ иллюстрированныхъ журналовъ. Чтобы отгадать смыслъ этихъ загадокъ, мы предварительно придумываемъ какой-нибудь смыслъ, потомъ провѣряемъ, дѣйствительно ли соотвѣтствуетъ онъ цифрамъ и рисункамъ, находящимся предъ нашими глазами. Если соотвѣтствія нѣтъ, гипотезу надо отвергнуть. Тогда придумываемъ мы какую-нибудь другую гипотезу, пока намъ не посчастливиться или пока мы не потеряемъ терпѣнія. Изслѣдователь никогда не найдетъ ни-

Київський інститут народного господарства БІБЛІОТЕКА

215916

Ошибка классической школы заключается, слѣдовательно, совсѣмъ не въ томъ, что она слишкомъ часто прибѣгала къ абстрактному методу, а въ томъ только, что она часто принимала абстракцію и гипотезу за дѣйствительность: предположивъ, напр., что homo oeconomicus движимъ исключительно личнымъ интересомъ,—что она вправѣ была дѣлать,—она сама повѣрила въ его реальное существованіе и никого, кромѣ него, не видѣла въ экономическомъ мірѣ.

Поэтому дедуктивная школа не умерла: она оживаетъ нынѣ въ двухъ новыхъ школахъ, сестрахъ ея.

Это, прежде всего, такъ называемая математическая школа. Математическая школа разсматриваетъ возникающія между людьми при всякихъ данныхъ обстоятельствахъ отношенія, какъ отношенія равновѣсія, подобныя изучаемымъ въ математической механикѣ и, подобно послѣднимъ, укладывающіяся въ алгебраическія уравненія. Для этого необходимо свести проблему къ извѣстному количеству данныхъ условій и отвлечься отъ всѣхъ другихъ,—словомъ, продѣлывать все точно такъ, какъ это продѣлывается въ математической механикѣ.

Психологическая школа (называемая также австрійской по національности наиболѣе выдающихся представителей своихъ) отдается исключительно изслѣдованію теоріи цѣнности, которую она ставитъ въ центрѣ всей экономической науки; а такъ какъ цѣнность, по ея мнѣнію, есть лишь выраженіе желаній человѣка, то вполнѣ естественно было свести экономическую науку къ изученію желаній людей, причинъ, вызывающихъ или ослабляющихъ желанія, т. е. къ очень тонкому психологическому анализу. Впрочемъ, и старый классическій принципъ, который она возродила подъ именемъ гедонистическаго (отъ греческаго слова: ἡδονή—удовольствіе, наслажденіе)—получать максимумъ удовлетворенія при минимумѣ затраченнаго усилія,—уже не былъ ли совершенно психологическимъ?

Такимъ образомъ, ясно, что обѣ эти школы пользуются дедуктивнымъ методомъ, доводя его даже до крайности. Но, все-таки, надо отдать имъ справедливость, онѣ сумѣли не попасться въ ловушку собственныхъ отвлеченныхъ теорій, какъ это случилось со

чего въ фактахъ, если только въ его головѣ нѣтъ уже заранѣе сложившагося образа отыскиваемой истины.

старой дедуктивной школой. Онѣ выдаютъ свой гедонистическій принципъ и свои абстракціи лишь за гипотезы, необходимыя для установленія чистой [2]) науки.

Съ другой стороны, если абстрактный методъ Рикардо ожилъ въ математической и психологической школахъ, то можно также сказать, что натуралистическій методъ Ж.-Б. Сэя возродился въ органической школѣ, которая превращаетъ политическую экономію въ придатокъ къ естественной исторіи и біологіи, уподобляя человѣческія общества живымъ существамъ и всѣ ихъ учрежденія—органамъ, приспособленнымъ къ отправленію аналогичныхъ функцій, и переводитъ, такимъ образомъ, физіологическіе законы въ соціальные. Биржа, это—„сердце"; богатые—„жировая ткань"; интеллигенты—„нервная система"; рабочіе—„мускулы", и т. д.

Но эта послѣдняя школа, блиставшая одно время, теперь склоняется къ упадку. Большинство соціологовъ нынѣ протестуетъ противъ ассимиляціи. Самъ Гербертъ Спенсеръ, наиблестящимъ образомъ развивавшій такія аналогіи въ своихъ „Принципахъ соціологіи", впослѣдствіи протестовалъ противъ всякой мысли объ аналогіи между живыми организмами и человѣческими обществами.

II.

Школы съ точки зрѣнія своихъ программъ.

Экономисты дѣлятся на многочисленныя школы—почти столь же многочисленныя, какъ и у философовъ—не только по методу, но и по программѣ практической дѣятельности, по соціальной политикѣ, какъ выражаются нѣмцы, по предлагаемымъ ими рѣшеніямъ экономическихъ вопросовъ. Это, безспорно, свидѣтельствуетъ о еще низкой степени развитія экономической науки. Нельзя утѣшать себя тѣмъ, что эта наука существуетъ не больше

---

[2]) „Чистая политическая экономія", говоритъ Вальрасъ въ своихъ Éléments d'Économie politique pure, „является по существу теоріей опредѣленія цѣнъ при гипотетическомъ режимѣ абсолютной свободы конкурренціи." Панталеони дѣлаетъ даже такое, неслыханное до сихъ поръ, признаніе (Principii di Economia pura): „Совпадаетъ ли, или не совпадаетъ гедонистическая и психологическая гипотеза, изъ которой выводятся всѣ экономическія истины, съ мотивами, опредѣляющими въ дѣйствительности дѣйствія человѣка... это вопросъ, вовсе не затрагивающій правильности выведенныхъ такимъ образомъ истинъ."

вѣка и что со временемъ этотъ недостатокъ исчезнетъ. Другія науки, нисколько не болѣе древнія и едва достигшія продолжительности человѣческой жизни, сумѣли уже выработать совокупность принциповъ, настолько несомнѣнныхъ, что они почти единогласно приняты всѣми адептами науки. Рано или поздно мы вправѣ были бы надѣяться на возникновеніе такого согласія между экономистами, если бы разногласія ихъ касались только наблюденія явленій и объясненія связующихъ ихъ отношеній. Къ сожалѣнію, экономисты расходятся въ цѣляхъ, въ идеалахъ и въ способахъ осуществленія ихъ. Поэтому разногласія между ними прекратятся только тогда, когда осуществится моральное, политическое и соціальное единство человѣческаго рода.

Въ современномъ экономическомъ движеніи можно различить пять школъ или, если угодно, пять тенденцій, довольно опредѣленно выраженныхъ.

§ 1. *Либеральная школа.*

Первую изъ этихъ школъ называютъ иногда классической, потому что къ ней принадлежатъ всѣ основатели политической экономіи: физіократы, Адамъ Смитъ, Рикардо, Ж.-Б. Сэй, Стюартъ Милль; иногда называютъ ее также индивидуалистической, потому что она смотритъ на индивида одновременно, какъ на двигателя и цѣль экономической дѣятельности; противники называютъ ее ортодоксальной за нѣсколько догматическій характеръ ея утвержденій и за то презрѣніе, которымъ она слишкомъ часто дарила, такъ называемыхъ, еретиковъ; сама же она неоднократно заявляла, что она не принимаетъ никакого другого названія, кромѣ названія либеральной школы. За ней слѣдуетъ оставить только этотъ послѣдній титулъ, потому, между прочимъ, что онъ очень хорошо характеризуетъ ее и согласуется со знаменитой формулой, долгое время служившей ей девизомъ: „laisser faire, laisser passer“. Но представляетъ ли она изъ себя „школу“? Приверженцы ея съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ отметаютъ отъ себя это названіе и утверждаютъ, что они являются представителями самой науки. Они сами называютъ себя просто „экономистами“, и даже ихъ противники по большей части уступаютъ имъ это названіе. Дѣйствительно, начало этой школы сливается съ началомъ самой экономической науки. Ученіе ея очень просто и его можно свести къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ:

1) Человѣческія общества управляются естественными законами, измѣненіе которыхъ не въ нашей власти, если бы оно и было желательно, потому что не мы создали ихъ; да такое измѣненіе, если бы оно было возможно, и не въ нашихъ интересахъ, ибо законы эти хороши или, во всякомъ случаѣ, насколько возможно наилучшіе [3]). Задача экономиста ограничивается открытіемъ дѣйствія этихъ естественныхъ законовъ, а долгъ отдѣльныхъ лицъ и правительствъ—стараться сообразовать свою дѣятельность съ ними.

2) Эти законы нисколько не противорѣчатъ человѣческой свободѣ; наоборотъ, они являются лишь выраженіемъ отношеній, самопроизвольно устанавливающихся между людьми, живущими обществами, повсюду, гдѣ эти люди предоставлены самимъ себѣ и свободны дѣйствовать сообразно своимъ интересамъ. Въ такомъ случаѣ между этими индивидуальными интересами, съ виду противоположными, устанавливается гармонія, которая именно и составляетъ естественный порядокъ и стоитъ гораздо выше какихъ бы то ни было искусственныхъ комбинацій.

3) Роль законодателя, если онъ хочетъ обезпечить общественный порядокъ и прогрессъ, ограничивается, слѣдовательно, развитіемъ, насколько это возможно, частной иниціативы, устраненіемъ всего, что могло бы стѣснять это развитіе, направлять одну иниціативу во вредъ другой. Вмѣшательство власти должно, такимъ образомъ, сводиться къ минимуму, необходимому для безопасности каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ,—словомъ, къ laisser faire [4]).

Подобная концепція не лишена, конечно, простоты и величія. Какова бы ни была ожидающая ее участь, за ней, во всякомъ случаѣ, останется заслуга созданія экономической науки, и, если

---

[3]) „Законы капитала, заработной платы, распредѣленія богатствъ такъ же хороши, какъ и неизбѣжны. Они ведутъ къ постепенному повышенію человѣческаго уровня". (Леруа Болье, Précis d' Économie politique).

[4]) „Мы говоримъ, что достаточно исполнять ихъ (эти естественные законы), устраняя естественныя препятствія, мѣшающія ихъ дѣйствію и, въ особенности, не прибавляя къ этимъ препятствіямъ другихъ, искусственныхъ—для того, чтобы положеніе человѣка стало такимъ хорошимъ, какимъ только оно можетъ быть при современномъ состояніи его знаній и промышленности. Поэтому-то наше евангеліе и сводится къ слѣдующимъ четыремъ словамъ: „laisser faire, laisser passer" (Молинари, Les lois naturelles).

другія доктрины и замѣнятъ ее когда-нибудь, она все-таки останется основаніемъ, на которомъ онѣ будутъ возведены.

Возраженія противъ этого ученія сводятся къ слѣдующему:

1. Первое возраженіе, это—его очень замѣтная склонность къ оптимизму,—склонность, которая, повидимому, внушена не столько дѣйствительно научными соображеніями, сколько предвзятымъ намѣреніемъ оправдать существующій строй. Ею особенно отмѣчена французская школа. Если, дѣйствительно, частный интересъ—единственный стимулъ дѣятельности, то надо допустить, что частные интересы, въ концѣ концовъ, совпадаютъ, ибо иначе никакая общественная жизнь не была бы возможна. Конечно, разсматривая экономическую организацію какого-нибудь общества и учрежденія, составляющія основу ея, мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что они имѣютъ нѣкоторыя хорошія стороны, поскольку они самымъ фактомъ своего существованія и своей прочности въ достаточной мѣрѣ доказываютъ свое, по крайней мѣрѣ, относительное достоинство; мы, далѣе, вправѣ сдѣлать выводъ, что они естественны въ томъ смыслѣ, что они, очевидно, предопредѣлены цѣлымъ рядомъ предыдущихъ состояній, положившихъ имъ начало; но мы ни въ какомъ случаѣ не вправѣ отсюда заключить, что они являются, насколько возможно, наилучшими. Такое заключеніе ни съ чѣмъ не сообразно.

2. Не менѣе несправедливой кажется также та мысль, что существующій экономическій строй—естественный, въ томъ смыслѣ, что онъ—самопроизвольный результатъ естественныхъ законовъ и свободы, и что, слѣдовательно, онъ, если и не то, чѣмъ онъ долженъ быть, то, во всякомъ случаѣ, то, чѣмъ можетъ быть. Исторія показываетъ, что очень часто современный строй является результатомъ войны и насильственныхъ захватовъ (напримѣръ, присвоеніе земель въ Англіи и Ирландіи небольшимъ числомъ лэндлордовъ имѣло своимъ историческимъ началомъ завоеваніе, узурпацію и конфискацію) или положительныхъ законовъ, изданныхъ нѣкоторыми классами общества въ своихъ же собственныхъ интересахъ (законы о наслѣдованіи, фискальные законы и т. д.). Если бы, слѣдовательно, міру предстояло быть передѣланнымъ, и если бы это могло произойти въ условіяхъ абсолютной свободы, ничто не говоритъ за то, что этотъ новый міръ былъ бы похожъ на современный.

3. Наконецъ, если бы даже существующій строй былъ есте-

ственнымъ, то и въ такомъ случаѣ у насъ не больше основаній думать, что современныя экономическія явленія и учрежденія должны быть отмѣчены характеромъ постоянства и неизмѣняемости. Это чистый софизмъ, чтобы не сказать—игра словъ. Если же, напротивъ, какъ склонна думать современная наука, законъ эволюціи является естественнымъ закономъ по преимуществу, то слѣдовало бы сказать, что естественные законы не только не исключаютъ идеи измѣненія, но всегда предполагаютъ ее. Если, напримѣръ, мы утверждаемъ, что наемный трудъ долженъ исчезнуть и будетъ замѣненъ кооперативнымъ или какимъ-нибудь другимъ, не имѣющимъ еще названія, строемъ, точно такъ же, какъ самъ наемный трудъ явился на смѣну крѣпостничеству и рабству, то, конечно, можно критиковать эту аргументацію, но нельзя утверждать, что она стоитъ въ противорѣчіи съ естественными законами, ибо по тѣмъ же самымъ законамъ на одномъ и томъ же растеніи сѣмя смѣняется цвѣткомъ, а цвѣтокъ плодомъ.

Далѣе, экономическія явленія и учрежденія не только могутъ измѣняться, но наша воля даже въ состояніи вызывать эти измѣненія. Дѣйствительно, эта воля проявляется ежедневно самымъ наглядньмъ образомъ по отношенію къ физическимъ явленіямъ, измѣняя ихъ сообразно нашимъ потребностямъ, и это разумное воздѣйствіе человѣка на естественныя явленія нисколько не противорѣчитъ идеѣ естественнаго закона; наоборотъ, оно самымъ тѣснымъ образомъ связано съ ней [5]).

Конечно, нѣкоторыя явленія, по своей грандіозности или отдаленности, ускользаютъ отъ всякаго нашего воздѣйствія; таковы, напримѣръ, астрономическія, геологическія и даже метеорологическія явленія; въ такомъ случаѣ намъ приходится лишь молчаливо подчиняться,—наша способность предвидѣнія не поможетъ намъ миновать паденія какой-нибудь кометы или землетрясенія; но зато сколько другихъ областей, гдѣ наша наука почти всесильна! Большая часть соединеній въ неорганической химіи, и, при этомъ, самыхъ важныхъ, была создана ученымъ химикомъ въ его лабораторіи. Наблюдая, какъ скотоводъ въ своихъ стойлахъ и садоводъ въ своихъ садахъ безпрестанно измѣняютъ животныя и растительныя формы и создаютъ новыя породы, можно подумать, что жи-

[5]) Эспинасъ (Sociétés animales) остроумно замѣтилъ: „Если бы дѣятельность человѣка противорѣчила строю явленій, пришлось бы смотрѣть на варку яйца, какъ на чудо.“

вая природа такъ же покорна человѣку, какъ и мертвая матерія. Даже атмосферическія явленія не совсѣмъ ускользаютъ отъ власти человѣческой дѣятельности: соотвѣтствующимъ расчищеніемъ или насажденіемъ лѣсовъ она мѣняетъ направленіе вѣтровъ и влажность климата и, возобновляя чудо пророка Иліи, по своему усмотрѣнію вызываетъ дождь и росу!

Наше активное воздѣйствіе на экономическія явленія можетъ проявляться съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что они—дѣло рукъ человѣческихъ и находятся непосредственно въ нашей власти. Тутъ, какъ и въ области физическихъ явленій, это вмѣшательство, конечно, имѣетъ опредѣленныя границы, которыя наука старается опредѣлить, и съ которыми всѣ люди должны считаться, независимо отъ того, дѣйствуютъ ли они индивидуально путемъ частныхъ предпріятій или коллективно—путемъ законодательныхъ актовъ. Здѣсь умѣстно повторить старое изреченіе Бекона: naturae non imperator nisi parendo (чтобы управлять природой, надо начать съ повиновенія ей). Алхимія старалась превратить свинецъ въ золото; химія оставила эту безплодную попытку съ того времени, какъ установила, что оба эти тѣла—простые или, во всякомъ случаѣ, непревратимые элементы, но она не отказалась отъ попытки превратить уголь въ алмазъ, такъ какъ она констатировала, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же тѣлѣ въ различныхъ состояніяхъ. Утопистъ напрасно пытаетъ природу, требуя отъ нея того, чего она не можетъ ему дать; человѣкъ науки спрашиваетъ отъ природы только то, что, какъ онъ знаетъ, возможно для нея. Но область этого возможнаго несравненно обширнѣе, чѣмъ думала классическая школа.

§ 2. *Соціалистическія школы.*

Соціалистическая школа такъ же стара, какъ и классическая; можно даже сказать, что хронологически она предшествуетъ послѣдней, ибо соціалисты существовали задолго до того, какъ стали извѣстны экономисты. Однако, только послѣ того, какъ политическая экономія приняла научный характеръ, соціализмъ сталъ укрѣпляться въ силу антагонизма съ ней. Такъ какъ ученія этой школы носятъ, главнымъ образомъ, критическій характеръ и весьма несходны между собой, то формулировать ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ ученія предшествующей школы. Вотъ какъ можно, однако, резюмировать ихъ:

1. У всѣхъ соціалистическихъ школъ общее то, что онѣ разсматриваютъ организацію современныхъ обществъ, какъ пораженную извѣстными неизлѣчимыми пороками, или, по крайней мѣрѣ, какъ носящую въ себѣ извѣстные ферменты, которые должны привести ее къ гибели въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

2. Основную причину соціальнаго неустройства онѣ видятъ въ концентраціи имуществъ въ рукахъ ограниченнаго числа людей, что̀ даетъ послѣднимъ въ руки власть эксплоатировать массы народа, заставляя ихъ работать на себя: paucis humanum genus vivit (человѣческій родъ живетъ бѣдными).

3. Потому онѣ ожидаютъ наступленія новаго порядка вещей, въ которомъ капиталистическая собственность и ея оборотная сторона—наемный трудъ будутъ, если не окончательно уничтожены, то, во всякомъ случаѣ, весьма сильно ограничены. По степени большаго или меньшаго ограниченія частной собственности можно классифицировать соціалистическія школы слѣдующимъ образомъ: коммунисты хотятъ уничтоженія частной собственности для всѣхъ имуществъ; коллективисты требуютъ уничтоженія собственности только для орудій производства; аграрные соціалисты ограничиваются уничтоженіемъ собственности только для недвижимыхъ имуществъ, земель и домовъ.

Что касается другихъ чертъ будущаго строя, то онѣ весьма неопредѣленны. Старые соціалисты (Томасъ Моръ, Сенъ-Симонъ, Фурье), которыхъ презрительно называютъ утопистами, и чьи доктрины нынѣ довольно, а, можетъ быть, и слишкомъ дискредитированы, созидали будущее общество, руководствуясь апріорной идеей справедливости,—они строили системы. Другіе, гордо именующіе себя представителями научнаго соціализма (коллективисты), съ Карломъ Марксомъ во главѣ, отказываются строить системы и ограничиваются доказательствомъ того, какъ будущее общество образуется само собой и какъ оно выдѣляется изъ современнаго общества уже теперь на нашихъ глазахъ. Самая интересная и самая оригинальная часть ихъ тезиса состоитъ въ доказательствѣ того, что это будущее общество уже заключается, какъ бы въ состояніи зародыша, въ нѣдрахъ нашихъ современныхъ обществъ, созрѣвшихъ для родовъ.

4. Соціалистическія школы нисколько не отрицаютъ (какъ это неправильно приписываютъ имъ, чтобы лучше опровергнуть ихъ, экономисты) существованія естественныхъ законовъ; наоборотъ,

для подкрѣпленія своего тезиса онѣ особенно крѣпко цѣпляются за нихъ. Но, между тѣмъ, какъ слова „естественный законъ" связываются у либеральной школы съ идеей стойкости и неизмѣнности, у современной соціалистической школы тѣ же слова предполагаютъ идею перемѣны и безпрерывнаго преобразованія. Вмѣсто того, чтобы, подобно Бастіа, представлять себѣ человѣческія общества, какъ систему планетъ, застывшихъ въ вѣчномъ, никогда не нарушающемся равновѣсіи, соціалисты представляютъ себѣ эти общества на подобіе растенія или животнаго, которое со дня своего рожденія и до самой смерти не перестаетъ измѣняться,—и надо признать, что такая точка зрѣнія болѣе соотвѣтствуетъ духу современной науки.

Марксистская школа не только допускаетъ великіе законы классической экономіи, но и провозглашаетъ, что явленія экономическаго порядка и, главнымъ образомъ, явленія, относящіяся къ производству и промышленной техникѣ, опредѣляютъ всѣ другія соціальныя явленія, даже наиболѣе удаленныя и наиболѣе высоко стоящія на іерархической лѣстницѣ, даже явленія политическаго, моральнаго, религіознаго, эстетическаго порядка. Марксъ писалъ: „Измѣняя свой способъ производства, люди измѣняютъ всѣ свои соціальныя отношенія. Ручная мельница даетъ вамъ общество во главѣ съ сюзереномъ; паровая — общество во главѣ съ промышленнымъ капиталистомъ". И такимъ путемъ, съ помощью чисто экономическихъ причинъ, хотѣли объяснить возникновеніе Христіанства или Реформаціи, Возрожденія, борьбу виговъ и тори, и все, что угодно.

Это ученіе, прошумѣвшее подъ именемъ историческаго матеріализма, содержитъ въ себѣ, конечно, долю истины въ томъ смыслѣ, что прежде, чѣмъ что-нибудь сдѣлать, человѣкъ долженъ поѣсть, и что, дѣйствительно, экономическія явленія имѣютъ первостепенное значеніе и служатъ основаніемъ, на которомъ зиждется все остальное. Но одно дѣло сказать, что извѣстная экономическая подпочва служитъ базой для всякой цивилизаціи, и совсѣмъ другое дѣло—видѣть въ ней опредѣляющій моментъ для этой цивилизаціи. Она, просто-на-просто, — грунтъ, на которомъ можетъ распуститься самая разнообразная флора. Впрочемъ, и сами марксисты не принимаютъ больше этой доктрины въ абсолютномъ смыслѣ: она служитъ для нихъ не больше, какъ орудіемъ протеста противъ идеологическаго метода.

Кромѣ того, большинство соціалистовъ ждетъ революціи, какъ встряски, необходимой для смѣны современнаго [6]) строя новымъ порядкомъ вещей. Такая точка зрѣнія со стороны эволюціонистовъ можетъ показаться, на первый взглядъ, удивительной; но соціалисты стараются оправдать ее, указывая на то, что процессъ эволюціи часто совершается путемъ кризисовъ, т.-е. внезапнымъ и даже насильственнымъ переходомъ отъ одного состоянія къ другому,—такъ, куколка, чтобы стать бабочкой, должна разорвать свою оболочку, или цыпленокъ, чтобы вылупиться изъ яйца, долженъ разбить своимъ клювомъ скорлупу.

5. Наконецъ, соціалистическія школы обыкновенно склонны расширять, насколько возможно, полномочія коллективныхъ властей,— будетъ ли это государство, или коммуны, или рабочія ассоціаціи,— ибо ихъ цѣль на самомъ дѣлѣ въ томъ и состоитъ, чтобы сдѣлать общественнымъ все, что нынѣ находится въ вѣдѣніи частной иниціативы.

Однако, замѣтьте, соціализмъ требуетъ расширенія полномочія государства только какъ переходной мѣры для превращенія частныхъ предпріятій въ коллективныя; но, какъ только это произойдетъ, такъ онъ уничтожитъ государственную власть. Ибо, далеко не будучи приверженцемъ государственности, онъ питаетъ величайшее презрѣніе къ государству въ современной его формѣ, къ „буржуазному государству“, какъ соціалисты называютъ его, т.-е. къ государству, ведущему свои предпріятія такимъ же способомъ, какъ и частныя лица. Въ планахъ общественной реорганизаціи онъ даже избѣгаетъ произносить слово „государство“ и предпочитаетъ употреблять слово „общество“. По соціалистическому плану государ-

---

[6]) Однако не всѣ: соціалисты первой половины XIX ст. взывали только къ единству классовъ, къ братству и къ лучше понятому интересу самихъ владѣющихъ классовъ. Только впослѣдствіи—подъ вліяніемъ марксистовъ—соціализмъ принялъ чисто рабочій характеръ и, какъ таковой, всталъ въ оппозицію къ буржуазному классу. Тогда лозунгомъ соціализма стала борьба классовъ. Тѣмъ не менѣе, самъ по себѣ лозунгъ этотъ не предполагаетъ непремѣнно насильственной революціи: борьба классовъ можетъ достигнуть своей цѣли легально, путемъ завоеванія государственной власти,—такова программа соціалистической партіи во Франціи, въ Германіи, и всюду. Но есть много соціалистовъ, которые думаютъ, что современный экономическій строй можетъ измѣниться только насильственнымъ путемъ,—это, такъ незываемый, „катастрофическій“ тезисъ. Его проповѣдуютъ во Франціи, напр., синдикалисты, которые стремятся совершить революцію путемъ всеобщей стачки.

ство должно будетъ потерять всякій политическій характеръ и стать просто экономическимъ; оно будетъ не чѣмъ другимъ, какъ административнымъ совѣтомъ огромнаго кооперативнаго общества, обнимающаго всю страну. Этимъ, именно, чистый соціализмъ, рабочій соціализмъ (въ Германіи говорятъ „демократическій соціализмъ“) отличается отъ государственнаго соціализма, къ которому мы сейчасъ перейдемъ [7]).

Невозможно оцѣнить въ этой главѣ значеніе нападокъ, направленныхъ соціалистической школой противъ современнаго соціальнаго строя; мы еще не разъ встрѣтимся съ ними на дальнѣйшихъ страницахъ. Скажемъ, однако, сейчасъ же, что быстрое распространеніе соціализма во всѣхъ странахъ очень хорошо объясняется долей содержащейся въ немъ истины, и что въ качествѣ критической доктрины онъ скорѣе оказывалъ спасительное вліяніе на умы и стремленія нашего времени.

Но, какъ положительная доктрина, т.-е. какъ доктрина, намѣчающая планъ экономической организаціи, предназначенной къ замѣщенію современнаго строя, онъ не могъ имѣть успѣха. Всѣ нѣкогда предложенныя системы собирали вокругъ себя нѣсколькихъ учениковъ-энтузіастовъ, но потомъ онѣ оставлялись и продолжаютъ существовать теперь съ призраками неопредѣленныхъ надеждъ. А что касается, такъ называемаго, научнаго соціализма, то онъ отказался формулировать свой планъ будущей организаціи и даже долженъ былъ осуждать тѣхъ, кто преждевременно набрасывалъ контуры будущаго общества. Въ III кн. мы еще вернемся къ этому вопросу.

---

[7]) Среди различныхъ соціальныхъ школъ анархизмъ носитъ столь отличительныя черты, что его слѣдовало бы выдѣлять въ особую категорію. Само слово „соціалистическій“ не подходитъ къ нему, ибо для него, наоборотъ, характерны крайній индивидуализмъ, отвращеніе ко всякой регламентаціи и принужденію. Онъ скорѣе является чѣмъ-то въ родѣ извращенія либеральной школы, ибо, подобно послѣдней, онъ хочетъ совершенной свободы (и поэтому онъ охотно называется соціализмомъ libertaire—либертэрнымъ) и, тогда какъ либеральная школа ограничивается сведеніемъ до минимума роли законодателя, либертэрная школа уничтожаетъ всякій законъ. Впрочемъ, она раздѣляетъ съ либеральной школой оптимизмъ и, подобно ей, восторгается гармоніей естественныхъ инстинктовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Но она рѣзко расходится съ либеральной школой по вопросу о частной собственности, которую она считаетъ несовмѣстимой съ полной независимостью индивида, или, во всякомъ случаѣ, она не можетъ дать частную собственность одному, не отнявъ ее у другихъ.

§ 3. Государственный соціализмъ.—О роли государства.

Это ученіе ни въ коемъ случаѣ нельзя смѣшивать съ предыдущимъ. Оно, наоборотъ, представляется противоядіемъ противъ настоящаго соціализма и, обыкновенно, столь же благосклонно принимается правителями, сколь послѣдній—революціонерами.

По происхожденію государственный соціализмъ тѣсно сплетается съ исторической школой, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ, и даже смѣшивается съ ней. Первоначально послѣдняя отличалась отъ классической школы лишь методомъ, но вскорѣ она не замедлила отдѣлиться отъ нея и своими тенденціями и своей программой. Она начала съ абсолютнаго отрицанія характернаго для либеральной школы принципа „laisser faire.“ Она ставитъ наукѣ практическую цѣль: ей представляется отжившимъ—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ соціальнымъ наукамъ—старое различіе между практическимъ руководствомъ и теоретическимъ знаніемъ, и, благодаря этому, она возвращается къ концепціи первыхъ экономистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, историческая школа думаетъ, что мы въ состояніи измѣнить экономическія учрежденія только въ томъ направленіи, который указанъ исторіей, что въ этомъ направленіи мы не только можемъ, но и должны его сдѣлать, и что, слѣдовательно, наука содержитъ въ себѣ практическое руководство точно такъ же, какъ въ прошломъ заключается будущее. Нераздѣльно все то, что есть, что будетъ и что должно быть. Между тѣмъ, какъ, напримѣръ, классическая школа смотритъ на земельную собственность, на наемный трудъ, какъ на законченныя учрежденія, возникшія изъ общихъ и необходимыхъ причинъ, историческая школа видитъ въ нихъ просто „историческія категоріи“, обязанныя своимъ существованіемъ различнымъ причинамъ и появлявшіяся въ весьма различныхъ формахъ, смотря по времени и мѣсту [8]).

[8]) И даже больше. Если вѣрить исторической школѣ, то даже гедонистическій принципъ вовсе не является врожденнымъ, универсальнымъ и во всѣ времена существующимъ инстинктомъ. Въ примитивныхъ обществахъ (и даже нынѣ тамъ, гдѣ сохранились еще первобытные нравы) человѣкъ вовсе не руководится въ своей жизни принципомъ добиться наибольшей выгоды. Только благодаря сношеніямъ съ иностранцемъ, т.-е. съ врагомъ (у древнихъ оба слова—синонимы) онъ узналъ объ этомъ принципѣ; и по мѣрѣ того, какъ расширялась внѣшняя торговля, поглощала и смѣняла частныя сношенія, жестокое правило рынка (пограничнаго), гдѣ обмѣ-

Придавая небольшое значеніе понятію естественнаго закона, она приписываетъ тѣмъ большую силу положительнымъ, исходящимъ отъ законодателя, законамъ и видитъ въ нихъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ факторовъ соціальной эволюціи [9]). Поэтому она склонна значительно расширять полномочія государства и ничуть не раздѣляетъ въ этомъ отношеніи антипатій и недовѣрія либеральной школы.

Въ послѣднее время эта школа оказывала огромное вліяніе не только на умы, но и на законодательство. Ей по большей части обязаны великое законодательное движеніе послѣдней четверти XIX ст., носящее названіе рабочаго законодательства, могучее движеніе въ пользу международной регламентаціи труда, моральная, а часто и денежная, поддержка многочисленнымъ соціальнымъ учрежденіямъ со стороны государства. Она, несомнѣнно, оказала большую услугу наукѣ, расширивъ тотъ узкій, искусственный, преднамѣренно упрощенный и навязчивый оптимистическій кругозоръ, на которомъ всегда покоилась классическая школа. Она заставила науку выйти изъ состоянія систематическаго воздержанія, въ которомъ послѣдняя упорно оставалась, и на вопросъ, съ давнихъ поръ поставленный человѣческой нищетой: „Что дѣлать?“ — она искала иной отвѣтъ, нежели безплодное „laisser faire“.

Точно также на ея счетъ надо отнести доказательство, что крайнее недовѣріе къ государству, проявляемое либеральной школой (государству оставалась единственная роль — постепенно подготовить собственное отреченіе), представляется ни теоретически, ни исторически неустановленнымъ. Роль государства всегда была очень великой и постоянно усиливающейся, несмотря на нѣкоторые признаки, какъ будто противорѣчащіе этому.

Прежде всего, законы всегда издавались государствомъ, а право создается закономъ. А какое вліяніе оказываютъ на соціальныя отношенія—даже съ чисто экономической точки зрѣнія – законъ и право, на собственность, на наслѣдованіе, на всѣ договоры, на продажу, ссуду, наемъ! Правда, говорятъ, что государство не соз-

---

нивались съ копьемъ въ рукахъ, становилось закономъ экономическихъ отношеній (см. Брентано: Une leçon sur l'Économie classique, Revue d'Économie Politique, 1889 г).

9) „Законы, съ которыми имѣетъ дѣло политическая экономія, не являются законами природы: ихъ издаетъ законодатель. Одни ускользаютъ отъ воли человѣка, другіе исходятъ отъ нея“. (Лавелэ: Elements d'Economie poitique, с. 17).

даетъ ни законовъ, ни права; оно лишь закрѣпляетъ въ формулахъ то, что раньше создали обычаи. Вслѣдствіе этого, именно, по выраженію физіократовъ, говорятъ „законодатели“, а не „законосоздатели“. Не отвергая доли истины, содержащейся въ этой доктринѣ, и не впадая въ противоположную крайность вслѣдъ, напр., за доктриной философа Гегеля (государство—сознаніе націи), оказавшаго столь громадное вліяніе на развитіе государственнаго соціализма въ Германіи, не трудно показать, до какой степени слаба эта либеральная концепція. Наблюдая, какъ нынѣ государство борется законами съ пьянствомъ, порнографіей и азартными играми, думаемъ ли мы, что оно въ этой своей дѣятельности слѣдуетъ только за обычаями и освящаетъ ихъ?

Кромѣ того, не слѣдуетъ также забывать, что государство, несмотря на свою слабую организацію въ прошломъ, совершило — если оставаться только въ области экономической—весьма великія и прекрасныя дѣла, которыя были не подъ силу индивидуальной иниціативѣ: уничтоженіе рабства, крѣпостного права, цехового строя, регламентація труда, покровительство дѣтскаго труда, проведеніе дорогъ, оздоровленіе городовъ. Конечно, эти реформы возникли по иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ,—можно ли забыть о роли Вильберфорса и Бичеръ Стоу въ дѣлѣ уничтоженія рабства черныхъ, или о роли лорда Шэфтсбэри въ дѣлѣ освобожденія дѣтей отъ фабрики? Государство вмѣшивается въ дѣло послѣ частныхъ лицъ, да и дѣйствуетъ оно только чрезъ частныхъ лицъ (государство всегда—кто-нибудь: герой или писецъ); тѣмъ не менѣе, только благодаря его власти проводятся въ жизнь благія пожеланія частныхъ лицъ.

Можно сдѣлать только два серьезныхъ возраженія противъ государственнаго соціализма.

Первое возраженіе сводится къ тому, что государство даже тогда, когда оно проводитъ въ жизнь хорошія сами по себѣ реформы, можетъ обыкновенно дѣлать это только путемъ закона, т. е. принужденія. Но во всякой ассоціаціи, даже добровольной, нужно прежде всего признавать необходимость подчиненія отдѣльныхъ лицъ волѣ большинства. Кромѣ того, повелѣвая или запрещая дѣлать то или другое, государство не всегда въ такихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ принужденію; весьма часто оно дѣйствуетъ путемъ примѣра, подобно хозяину въ мастерскихъ, или путемъ вспоможенія, напр., когда оно строитъ дороги, порты, прорываетъ

каналы, проводитъ телеграфныя линіи, субсидируетъ извѣстныя отрасли промышленности, какъ-то: желѣзныя дороги или учрежденія, возникающія по частной иниціативѣ - общества взаимопомощи, кредитныя, страхованія отъ безработицы, на случай старости—или когда оно непосредственно организуетъ извѣстныя учрежденія, чтобы отдать ихъ въ распоряженіе заинтересованныхъ, каковы, напр., профессіональныя школы, сберегательныя или страховыя кассы.

Второе серьезное возраженіе противъ государственнаго соціализма состоитъ въ томъ, что государство часто обнаруживало весьма прискорбную неспособность въ области экономической дѣятельности и часто также становилось скорѣе орудіемъ партій, чѣмъ органомъ общаго интереса. Все это весьма справедливо, но тутъ сказываются недостатки, присущіе не столько природѣ государства, сколько его организаціи. Принципіально нѣтъ никакого основанія предполагать, что государство, являющееся по сусуществу не чѣмъ инымъ, какъ ассоціаціей, непремѣнно стоитъ ниже любого изъ тѣхъ обществъ, которыя все болѣе и болѣе забираютъ въ свои руки управленіе экономической жизнью страны. Но фактически могутъ быть такія плохо организованныя государства, которымъ не подъ силу отправлять экономическія функціи. Не слѣдуетъ забывать, что даже въ наиболѣе передовыхъ, съ точки зрѣнія демократической, странахъ (особенно въ послѣднихъ,— надо ли это говорить!) государство было организовано исключительно для отправленія своихъ политическихъ, а отнюдь не экономическихъ функцій (и послѣднія даже подчинены первымъ, — достаточно наблюдать вліяніе интересовъ избирательной борьбы, когда дѣло идетъ о проведеніи какой-нибудь желѣзной дороги!). Еще эмбріональная форма раздѣленія труда въ управленіи, нераціональное распредѣленіе публичныхъ функцій, неустойчивость власти, неуклюжая организація, такъ называемаго, всеобщаго избирательнаго права, которое слишкомъ часто не выявляетъ даже воли большинства, — все это можетъ въ настоящее время сдѣлать государство неспособнымъ преслѣдовать экономическія цѣли. Но позволительно надѣяться, что въ тотъ день, когда экономическая дѣятельность государства (или муниципалитетовъ) будетъ болѣе тщательно отдѣлена отъ политической, она можетъ стать болѣе дѣйствительной, чѣмъ была до сихъ поръ.

Какъ бы то ни было, а экономическая дѣятельность повсемѣстно стремится къ развитію. Съ вопросомъ о вмѣшательствѣ государства и вызываемыхъ имъ нападкахъ намъ придется встрѣчаться во всѣхъ отдѣлахъ этой книги:

Въ отдѣлѣ о производствѣ мы увидимъ государство-предпринимателя или государство, субсидирующее и контролирующее нѣкоторыя частныя предпріятія;

въ отдѣлѣ объ обращеніи—государство, регламентирующее международную торговлю и банки, и чеканящее денежные знаки;

въ отдѣлѣ о распредѣленіи—государство, вмѣшивающееся въ область распредѣленія имуществъ—путемъ законодательныхъ актовъ о собственности, наслѣдованіи, ссудѣ подъ проценты, арендѣ, заработной платѣ, и взимающее себѣ опредѣленную часть путемъ налога на доходъ каждаго гражданина.

И даже въ отдѣлѣ о потребленіи — государство, воспрещающее или надзирающее за нѣкоторыми предметами потребленія.

§ 4. *Соціальное христіанство.*

Въ этой школѣ проявились двѣ весьма различныхъ тенденціи при наличности одного исходнаго пункта ихъ; обѣ эти тенденціи естественно соотвѣтствуютъ двумъ крупнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, между которыми распредѣлились наиболѣе передовыя, съ точки зрѣнія экономической, страны.

1.—Католическая школа, подобно классической, твердо вѣритъ въ существованіе естественныхъ законовъ, которые она называетъ провиденціальными законами, и которые управляютъ соціальными явленіями точно такъ же, какъ и явленіями физическими.

Но она полагаетъ, что дѣйствіе этихъ провиденціальныхъ законовъ можетъ быть глубоко нарушено злоупотребленіемъ человѣческой свободой и что въ дѣйствительности это, именно, и произошло: по винѣ человѣка, вслѣдствіе грѣхопаденія Адама, міръ не тотъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть, какимъ желалъ видѣть его Богъ. Въ противоположность, слѣдовательно, либеральной школѣ католическая отнюдь не оптимистична: она вовсе не смотритъ на соціальный строй, какъ на хорошій, ни даже какъ на стремящійся по природѣ своей къ лучшему. Въ особенности она не питаетъ никакого довѣрія къ laisser faire и не ждетъ отъ него возстановленія гармоніи и обезпеченія прогресса, ибо въ гордой

вѣрѣ въ свободу, которую школа называетъ либерализмомъ, она видитъ какъ разъ истинную причину общественной дезорганизаціи.

Яростныя нападки католической школы на современную общественную организацію, на капитализмъ, прибыль, процентъ, который она клеймитъ, какъ въ средніе вѣка, именемъ роста (usura vorax), на акціонерныя компаніи, на свободу торговли и всѣ формы интернаціонализма и, въ особенности, на конкурренцію, послужили для либеральныхъ экономистовъ поводомъ прозвать ее католическимъ соціализмомъ. Однако, она очень энергично отвергаетъ эту кличку и на самомъ дѣлѣ, несмотря на кое-какія общія точки зрѣнія, она, toto orbe, отличается отъ соціалистической школы: во-первыхъ, тѣмъ, что она отнюдь не задается цѣлью уничтожить основныя учрежденія современнаго общественнаго строя—собственность, наслѣдованіе, наемный трудъ,—а скорѣе стремится освятить ихъ духомъ христіанскаго ученія; во-вторыхъ, тѣмъ, что она отнюдь не вѣритъ въ эволюцію и безконечный прогрессъ человѣчества и ищетъ свой идеалъ не столько въ будущемъ, сколько въ возрожденіи учрежденій прошлаго, которыя обезпечивали людямъ относительно счастливую жизнь, какъ, напр., деревенской жизни, а также профессіональныхъ корпорацій совмѣстно для хозяевъ и рабочихъ.

Католическая школа не обнаруживаетъ себя вообще враждебной ко вмѣшательству государства, которое является „послѣ церкви служителемъ Бога ради блага“, и даже формально требуетъ вмѣшательства для обезпеченія воскреснаго отдыха трудящимся классамъ, регламентаціи труда и даже справедливой заработной платы. Все-таки, одна вѣтвь католической школы обнаруживаетъ себя, не менѣе либеральной школы, враждебной ко вмѣшательству государства. Этотъ вопросъ вызвалъ въ католической школѣ даже весьма жаркія междуусобныя распри.

Къ этой либеральной (въ экономическомъ смыслѣ слова) вѣтви католической школы примыкаетъ школа Ле-Плэ, о которой мы уже говорили, касаясь вопроса о методѣ. Несмотря на это, послѣдняя остается въ одномъ лагерѣ съ католической школой, 1) благодаря отдаваемому ею предпочтенію религіозному чувству; 2) благодаря нѣкоторому недовѣрію къ эволюціи, естественному прогрессу и горячей ненависти къ „ложнымъ догмамъ“ Великой Революціи; 3) благодаря тому, что она придаетъ чрезмѣрную важ-

ность организаціи и устойчивости семьи (семья—родоначальница), сохраненію родового имущества и свободѣ завѣщанія. Озабоченная, главнымъ образомъ, возстановленіемъ общественнаго порядка и мира, она надѣется достигнуть своей цѣли съ помощью троякого рода попечительства: попечительства отца въ семьѣ, хозяина въ мастерской и церкви въ обществѣ, но при условіи, что эти „соціальныя власти“ будутъ нести на себѣ нѣкоторыя обязанности.

Самое сильное возраженіе этой школѣ, стоящее внѣ спора въ политической или религіозной области, было сдѣлано уже очень давно Стюартомъ Миллемъ, сказавшимъ, что нѣтъ такихъ примѣровъ, чтобы какой-нибудь классъ общества, имѣя въ своихъ рукахъ власть, воспользовался ею въ интересахъ другихъ классовъ. Можно серьезно опасаться, чтобы попечительство правящихъ классовъ, если когда-нибудь забота о разрѣшеніи соціальнаго вопроса будетъ довѣрена исключительно имъ, не подтвердило лишній разъ прискорбный фактъ, подмѣченный Стюартомъ Миллемъ.

2.—Не большей симпатіей пользуется современный экономическій строй и у протестантской школы. Послѣдняя также бичуетъ конкурренцію и погоню за прибылью. Она пріемлетъ собственность, но, главнымъ образомъ, какъ соціальную функцію. Она думаетъ, что міръ долженъ будетъ радикально измѣниться, чтобы приблизиться къ тому „Царствію Божію“, пришествіе котораго должны ждать и подготовлять всѣ правовѣрные уже на этой землѣ.

Но, вѣрная своимъ демократическимъ традиціямъ, которыя дѣлаютъ изъ каждой протестантской церкви маленькую республику, она ставитъ себѣ задачу ввести тотъ же режимъ въ промышленность. Протестантская школа ищетъ рѣшенія не столько въ профессіональной ассоціаціи (которой, повидимому, не поощряетъ опытъ прошлаго времени и которая представляется ей по природѣ склонной къ развитію корпоративнаго эгоизма), сколько въ другой формѣ ассоціаціи, въ, такъ называемой, кооперація. Въ кооперація она усматриваетъ опредѣленную антитезу соперничества. „Христіанскіе соціалисты“, какъ называли ихъ (пасторы Кингслей, Морисъ и др.), принимали большое участіе въ англійскомъ кооперативномъ движеніи въ срединѣ XIX ст.

Не трудно, впрочемъ, замѣтить, что въ соціальномъ протестан-

тизмѣ еще меньше единства программы, чѣмъ въ соціальномъ католицизмѣ. Въ немъ имѣется правое крыло, склоняющееся къ консервативному и антисемитскому государственному соціализму, и лѣвое, тяготѣющее къ коллективистскому соціализму, какъ къ довольно близко приближающемуся къ евангельскимъ доктринамъ. Въ Англіи протестантскій соціализмъ выражаетъ сильное сочувствіе націонализаціи земли.

§ 5. *Солидаризмъ.*

Въ настоящемъ, хотя и краткомъ, обозрѣніи мы не можемъ пройти молчаніемъ одну школу, которая возникла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но вліяніе которой быстро возрастаетъ,—школу, выставляющую своимъ девизомъ Солидарность.

Фактъ солидарности, т.-е. взаимной зависимости людей, столь отчетливо проявляющейся въ раздѣленіи труда, въ обмѣнѣ, а для послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга поколѣній—въ наслѣдованіи—уже, давно былъ подмѣченъ Пьеромъ Леру, Бастіа, Огюстомъ Контомъ. Но раньше ее принимали за естественный законъ, который для своего проявленія не нуждался въ содѣйствіи отдѣльныхъ личностей и на который къ тому же не всегда смотрѣли, какъ на благодѣяніе, ибо солидарность въ худомъ дѣлѣ (напримѣръ, въ передачѣ болѣзней при соприкосновеніи или по наслѣдству) болѣе наглядна, чѣмъ въ добромъ (напримѣръ, въ дѣлѣ охраны здоровья людей). Кромѣ того, она представлялась противной справедливости, согласно которой каждый отвѣтственъ только за свои собственныя дѣйствія.

Солидаристская же школа, наоборотъ, стремится къ тому, чтобы солидарность, бывшая раньше лишь голымъ фактомъ, стала правиломъ поведенія, нравственнымъ долгомъ и даже юридической, санкціонированной закономъ, обязанностью. Какое же у нея для этого основаніе? Основаніе то, что солидарность, естественный законъ, ясно показываетъ намъ, какъ каждое дѣйствіе наше отзывается добромъ или зломъ на нашихъ ближнихъ и въ связи съ этимъ чрезмѣрно возрастаютъ наша отвѣтственность и нашъ рискъ. Если существуютъ несчастные, мы должны имъ помочь, во-первыхъ, потому, что мы, вѣроятно, отчасти виновники ихъ несчастья, возникшаго или вслѣдствіе того, что мы такъ поставили наши предпріятія, произвели наши затраты, совершили наши закупки, или вслѣдствіе того, что мы подали имъ примѣръ; а разъ

отвѣтственность наша, мы же и должны помочь имъ; во-вторыхъ, потому, что мы знаемъ, что мы, или наши дѣти, будемъ жертвами ихъ несчастій, ихъ болѣзнь заразитъ насъ, ихъ паденіе причинитъ ущербъ нашей нравственности; слѣдовательно, нашъ собственный, хорошо понятый, интересъ—помочь имъ.

Поэтому надо превратить общество людей въ огромную общественную организацію взаимовспоможенія, гдѣ естественная солидарность, исправленная доброй волей отдѣльныхъ лицъ, или, за отсутствіемъ ея, принудительной силой закона, станетъ справедливостью; гдѣ каждый возложитъ на себя часть бремени другихъ, а также получитъ отъ другихъ свою долю выгоды. А тѣмъ, кто боится ограничить такимъ образомъ свою индивидуальность, свою энергію, которая разсчитываетъ прежде всего на себя, self-help, слѣдуетъ отвѣтить, что индивидуальность укрѣпляется и развивается не столько тогда, когда мы помогаемъ себѣ, сколько тогда, когда мы помогаемъ другимъ[9]).

Солидаризмъ отличается отъ соціализма тѣмъ, что онъ сохраняетъ основы современнаго общественнаго строя: частную собственность, наслѣдованіе, свободу завѣщательныхъ распоряженій и всѣ вытекающія отсюда неравенства, но онъ сглаживаетъ эти неравенства, привязывая слабыхъ къ сильнымъ тысячами нитей добровольныхъ ассоціацій. Однако, и солидаризмъ допускаетъ вмѣшательство государства всякій разъ, какъ въ формѣ регламентаціи труда, правилъ о здоровыхъ жилищахъ или о фальсификаціи продуктовъ законъ можетъ предупредить пониженіе уровня массъ, или когда извѣстными формами обязательнаго страхованія или покровительства законъ стремится внѣдрить въ различные классы народа духъ солидарности. Не слѣдовало бы забывать, что само государство есть наиболѣе старая и наиболѣе грандіозная форма солидарности между людьми. Конечно, солидарность лишь постольку возрастаетъ во всей своей моральной цѣнности, поскольку она становится желанной, но приписываемая закономъ солидарность можетъ быть необходимой для того, чтобы подготовить почву, на которой впослѣдствіи распустится свободная кооперація[10]).

---

[9]) Протестантскій критикъ Винэ удивительнымъ образомъ выразилъ это въ слѣдующей фразѣ: „чтобы отдать себя, надо принадлежать себѣ".

[10]) Леонъ Буржуа сдѣлалъ попытку облечь въ юридическую формулу нѣсколько неопредѣленное понятіе солидарности. Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, рождается должникомъ общества вслѣдствіе молчаливаго соглашенія (которое онъ

На долю этой доктрины выпало рѣдкое счастье сплотить около себя приверженцевъ, пришедшихъ со всѣхъ концовъ свѣта: вѣрныхъ послѣдователей стараго французскаго идеалистическаго соціализма Фурье и Леру, учениковъ Огюста Конта, мистиковъ и эстетовъ, вдохновляемыхъ Карлейлемъ, Рёскинымъ и Толстымъ, тѣхъ, кто ходитъ въ церковь, равно какъ и тѣхъ, кто выходитъ изъ лабораторій. Но такимъ своимъ счастьемъ она, можетъ быть, обязана незрѣлости своей программы. Поэтому-то у нея мало поклонниковъ въ рядахъ профессіональныхъ экономистовъ.

называетъ мнимымъ договоромъ), и это молчаливое соглашеніе возникаетъ изъ соображенія о выгодности такого положенія для общества, какъ продукта труда всѣхъ, откуда каждый получаетъ свою долю. Поэтому каждый долженъ начать съ погашенія своего долга, дѣлая, напримѣръ, взносъ на страхованіе, на пріютъ, на образованіе своихъ братьевъ и всякіе другіе взносы. Только по выполненіи этого предварительнаго условія экономическая свобода и частная собственность будутъ въ состояніи выйти на путь полнаго развитія. (См. La Solidarité Леона Буржуа (есть русскій переводъ), а также Essai d'une philosophie de la Solidarité, собраніе лекцій, прочитанныхъ солидаристами въ 1902 г. въ школѣ высшихъ соціальныхъ наукъ).

Возраженіе противъ этой остроумной теоріи сводится къ тому, что не существуетъ должниковъ безъ кредиторовъ. И трудно, вѣдь, сказать, кого въ обществѣ назвать кредиторомъ и кого должникомъ.

А между тѣмъ это важно. Можно подумать на первый взглядъ, что богатые—должники, а бѣдные—кредиторы (ибо послѣднихъ обыкновенно называютъ „обездоленными"). Но это въ высокой степени неправильно, ибо весьма возможно, что богатый человѣкъ далъ обществу гораздо больше, чѣмъ получилъ отъ него (великій изобрѣтатель, напримѣръ), и наоборотъ, бѣдный человѣкъ, по неспособности или слабости, никогда ничего не давалъ за то, что получалъ отъ общества. Дѣти, напримѣръ,—кредиторы или должники по этой теоріи?

ГЛАВА III.

Потребности и цѣнность.

I.

Потребности человѣка.

Потребности человѣка составляютъ стимулъ всякой экономической дѣятельности и, слѣдовательно, исходный пунктъ всей экономической науки. Поэтому въ настоящую главу можно было бы включить всю политическую экономію.

Во самомъ дѣлѣ, для того, чтобы жить, развиваться и преслѣдовать свои цѣли, всякое существо чувствуетъ потребность заимствовать у внѣшняго міра нѣкоторые элементы, а когда этихъ элементовъ не хватаетъ, наступаетъ сначала страданье и въ заключеніе смерть. Отъ растенія (и даже отъ кристалла) и до человѣка, съ ростомъ индивидуальности, растетъ также и эта необходимость. Всякая, слѣдовательно, потребность порождаетъ у живого существа желаніе, а, вслѣдствіе этого, и усиліе добыть себѣ эти внѣшніе предметы[1]), такъ какъ обладаніе ими даетъ удовлетвореніе.

Потребности человѣка носятъ различный характеръ, что имѣетъ большое значеніе, ибо отъ характера потребности зависитъ какой-нибудь великій экономическій законъ.

---

[1]) Хотя слова „потребность“ и „желаніе“ весьма часто употребляются одно вмѣсто другого (и мы тоже часто будемъ это дѣлать), однако, не надо ихъ смѣшивать.

Потребность физіологическаго происхожденія; она состоитъ въ ощущеніи, что организму чего-то не хватаетъ, и въ инстинктивномъ стремленіи къ тому, чего не хватаетъ. Но организмъ еще не знаетъ того опредѣленнаго предмета, который сможетъ удовлетворить его. И только послѣ того, какъ инстинктъ, открытіе или случай указали намъ на этотъ предметъ, онъ становится желаемымъ, а вслѣдъ за тѣмъ открываются и средства къ удовлетворенію.—Желаніе же всегда психологическаго происхожденія. Такъ, потребность ѣсть существуетъ отъ природы, а желаніе ѣсть хлѣбъ или паштетъ изъ гусиной печенки можетъ возникнуть только при условіи, что человѣкъ уже открылъ хлѣбное зерно или что кулинарное искусство сдѣлало большіе успѣхи. Точно также у всѣхъ людей существуетъ потребность къ возбуждающимъ и наркотическимъ средствамъ, причины которой, между прочимъ, еще

1. Потребности не ограничены въ количествѣ.—Этимъ именно человѣкъ отличается отъ животнаго, и въ этомъ лежитъ залогъ цивилизаціи въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, ибо цивилизовать какой-нибудь народъ—обратите вниманіе на колонизацію—ничего больше не значитъ, какъ вызвать у него новыя потребности.

Съ потребностями человѣчества происходитъ то же, что и съ потребностями ребенка. Немного молока и теплое одѣяльце,—вотъ все, что нужно новорожденному; но, мало-по-малу, у ребенка возникаетъ потребность въ болѣе разнообразной пищѣ, въ болѣе сложной одеждѣ, въ игрушкахъ; съ каждымъ годомъ появляется какая-нибудь потребность, какое-нибудь новое желаніе. Въ примитивныхъ обществахъ у человѣка и потребности примитивныя, т. е. физіологическія, о которыхъ мы только что говорили. Другія потребности еще не извѣстны.—Но, чѣмъ болѣе мы видимъ и знаемъ, тѣмъ болѣе пробуждается наше любопытство, а съ нимъ растутъ и множатся наши желанія. Поэтому нынѣ мы испытываемъ тысячу потребностей и комфорта, и гигіены, и чистоты, и просвѣщенія, и путешествій, и переписки,—потребностей, неизвѣстныхъ нашимъ предкамъ; несомнѣнно также, что ихъ будетъ больше у нашихъ внуковъ. Если бы мы могли знать, что на какой-нибудь планетѣ есть существо, стоящее выше человѣка, то мы, несомнѣнно, открыли бы въ немъ безконечное множество потреб-

---

недостаточно извѣстны, но которая была извѣстна задолго до того, какъ были открыты табакъ, опіумъ, морфій и пр. Только тогда стали желаемыми эти предметы, а благодаря имъ трубка или кальянъ. Такъ, независимость—потребность, но только съ того времени, какъ частная собственность на землю представляется человѣку наивѣрнѣйшимъ средствомъ обезпечить эту независимость, земля становится страстно желаемой. Въ этомъ именно смыслѣ Тардъ могъ формулировать слѣдующее, на первый взглядъ немного парадоксальное, предложеніе: „изобрѣтеніе—первоначальная причина всякаго экономическаго желанія" (Logique sociale, гл. VIII).

Желаніе создается, слѣдовательно, потребностью и, будучи удовлетвореннымъ, тотчасъ же угасаетъ; но такъ какъ потребность перманентна, то обыкновенно желаніе не медлитъ возобновляться. Когда такимъ образомъ оно находитъ себѣ удовлетвореніе нѣсколько разъ подъ-рядъ, создается привычка, т.-е. спеціальная потребность, напримѣръ, не только потребность курить или пить спиртные напитки, но и курить трубку или пить абсентъ. Эти второстепенныя, порождаемыя привычкой, потребности называются иногда, въ отличіе отъ первичныхъ, искусственными, но не слѣдуетъ, однако, забывать поговорки: „привычка—вторая природа". Порожденная первоначально желаніемъ, потребность, въ концѣ концовъ, тоже становится физіологической.

ностей, о которыхъ мы на землѣ не можемъ имѣть никакого представленія [2]).

Безконечный ростъ потребностей создалъ современную цивилизацію и то, что называется прогрессомъ. Это не значитъ, что люди стали вмѣстѣ съ тѣмъ счастливѣе. Неоднократно отмѣчалось, что ростъ желаній и объектовъ ихъ, иначе говоря, богатствъ, не стоитъ въ необходимой связи съ пріумноженіемъ счастья. Позволительно даже спросить, не дурачитъ ли природа человѣка и здѣсь такъ же, какъ и въ области умноженія видовъ, ибо по мѣрѣ того, какъ удовлетворяется одна потребность, природа порождаетъ какую-нибудь другую и такимъ образомъ подстегиваетъ человѣка, чтобы онъ гнался за цѣлью, которая постоянно ускользаетъ отъ него? Въ качествѣ поразительнаго примѣра можно привести душевное состояніе нашихъ современниковъ, у которыхъ, по мѣрѣ роста благосостоянія, растетъ зависть и раздраженіе. Не слѣдуетъ ли пожелать, чтобы этотъ ростъ потребностей когда-нибудь пріостановился или, по крайней мѣрѣ, замедлился? Не лучше ли направить свои усилія не къ тому, чтобы увеличивать богатства, а къ тому, чтобы уменьшить потребности?

Таково было мнѣніе мудрецовъ древности, а вслѣдъ за ними и тѣхъ, кто вдохновлялся христіанскимъ ученіемъ. Мнѣніе же другихъ, особенно, начиная съ XVIII ст., сводилось къ тому, что воздержаніе равносильно праздности и рутинѣ.

Но это вопросъ морали, а не политической экономіи. Однако,

---

[2]) Порядокъ, въ какомъ появляются потребности въ историческія и доисторическія времена, можетъ служить достаточнымъ мѣриломъ важности ихъ. Но это относится къ области соціологіи. Ясно, что потребность въ пищѣ появилась прежде всѣхъ другихъ потребностей. За нею должна была слѣдовать потребность въ защитѣ противъ звѣрей и своихъ ближнихъ. Этимъ и объясняется весьма древняя и ужасающая важность потребности въ вооруженіи, которая уже во времена каменнаго вѣка занимала въ жизни и трудѣ людей, несомнѣнно, равное, а, можетъ быть, и высшее мѣсто, по сравненію съ тѣмъ, которое она захватываетъ въ бюджетахъ культурныхъ странъ XX ст. Но, что интересно и неожиданно, такъ это то, что потребность въ украшеніи предшествуетъ потребности въ одеждѣ. Благодаря этой потребности, человѣкъ сталъ впервые отличаться отъ животнаго. „Ни одной собакѣ", какъ замѣчаетъ Теофилъ Готье, „не приходила въ голову мысль вдѣвать въ уши серьги, а глупые папуасы украшаютъ себя разноцвѣтными раковинами и ягодами". Значительно позже, наоборотъ, появилась потребность въ быстротѣ сношеній людей между собою, и послѣдняя принимаетъ теперь чудовищные размѣры.

мы допускаемъ, что желательно, чтобы экономическія потребности, т.-е. такія потребности, единственной цѣлью которыхъ является погоня за богатствомъ, уменьшились въ числѣ и въ интенсивности и заняли въ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ болѣе скромное мѣсто, чѣмъ занимаемое ими нынѣ. Но съ однимъ условіемъ: чтобы онѣ уступили мѣсто другимъ, болѣе благороднымъ потребностямъ, ибо уровень соціальной жизни сталъ бы понижаться до степени животнаго существованія, если бы дѣло ограничилось уничтоженіемъ ихъ безъ замѣщенія другими. Горе расамъ, которыя слишкомъ дешево удовлетворяютъ свои потребности, которыя не простираютъ своего желанія за узкіе предѣлы окружающаго ихъ горизонта, и которыя не требуютъ ничего, кромѣ горсти спѣлыхъ плодовъ, чтобы жить, и убогаго крова, чтобы укрыться отъ солнца! Онѣ не преминутъ исчезнуть съ лица земли, изъ которой онѣ не сумѣли извлечь никакой выгоды.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что даже чисто экономическія потребности не лишены нѣкоторой моральной цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, каждая новая потребность устанавливаетъ лишнюю связь между людьми, ибо вообще мы можемъ удовлетворять свои потребности только съ помощью своего ближняго, а вслѣдствіе этого растетъ чувство солидарности. Человѣкъ, не имѣющій потребностей, отшельникъ, довольствуется самимъ собой, но этого, именно, и надо избѣгать. Что касается трудящихся классовъ, то слѣдуетъ радоваться, а не печалиться тому, что новыя потребности и желанія неустанно взбудораживаютъ ихъ: иначе они оставались бы въ вѣчномъ рабствѣ.

2. Потребности ограничены въ объемѣ.—Тутъ мы подходимъ къ одному изъ самыхъ важныхъ въ политической экономіи положеній, ибо, какъ мы вскорѣ увидимъ это, на немъ основывается новая теорія цѣнности.

Потребности ограничены въ объемѣ въ томъ смыслѣ, что для удовлетворенія каждой потребности достаточно опредѣленнаго количества какого-нибудь предмета. Человѣку достаточно извѣстнаго количества хлѣба, чтобы насытиться, и извѣстнаго количества воды, чтобы утолить жажду.

Больше того. Всякая потребность ослабѣваетъ, по мѣрѣ того, какъ она удовлетворяется, вплоть до того момента, когда наступаетъ пресыщеніе, т.-е. потребность исчезаетъ и наступаетъ

отвращеніе или даже страданіе [3]). Худшее изъ наказаній—страдать отъ недостатка въ водѣ, но еще болѣе худшей пыткой была въ Средніе вѣка, такъ называемая, „пытка водой", когда насильно вводили ее въ желудокъ пытаемаго.

Чѣмъ болѣе потребность естественна, иначе говоря, чѣмъ болѣе она физіологическаго происхожденія, тѣмъ болѣе опредѣленно намѣчаются границы ея. Не трудно сказать, сколько граммовъ хлѣба и центилитровъ воды необходимо и достаточно для человѣка. Чѣмъ болѣе потребность искусственна, я хочу сказать, чѣмъ болѣе она соціальнаго происхожденія, тѣмъ болѣе эластичными становятся ея границы. Нельзя съ увѣренностью опредѣлить число лошадей, которымъ будетъ удовлетворена потребность спортсмена, количество кружевъ, необходимое для свѣтской женщины, число рубиновъ для индійскаго раджи, въ особенности же, золотыхъ или серебряныхъ денегъ для какого-нибудь культурнаго человѣка, которыми онъ сможетъ удовлетвориться и даже воскликнуть: довольно! Все же можно утверждать, что даже и для этихъ благъ есть нѣкоторый предѣлъ, что пресыщеніе ими также неизбѣжно и что, во всякомъ случаѣ, съ каждымъ новымъ предметомъ, прибавляемымъ къ уже имѣющимся, чувство наслажденія быстро идетъ къ пониженію.

Только пресыщеніе деньгами бываетъ весьма рѣдкимъ и, пожалуй, почти невѣроятнымъ. Почему? Просто потому, что деньги—единственное богатство, одаренное свойствомъ отвѣчать не какой-нибудь опредѣленной потребности, а всевозможнымъ потребностямъ, и, слѣдовательно, деньги перестаютъ быть желаемыми только въ тотъ моментъ, когда всѣ желанія удовлетворены, что̀ отодвигаетъ границы потребности въ нихъ въ безконечность. Тѣмъ не менѣе, очевидно, что милліонеру одна лишняя монета въ пять франковъ не доставляетъ такого удовольствія, которое испытываетъ отъ этой монеты бѣднякъ. Уже Бюффонъ, который былъ великимъ умомъ, но не былъ экономистомъ, отмѣтилъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ глазахъ математика экю бѣдняка, предназначенное для уплаты за предметъ первой необходимости, и экю, заполняющее мѣшокъ богатаго финансиста, двѣ единицы одного и того же по-

[3]) Дѣло происходитъ такъ, какъ въ извѣстныхъ математическихъ рядахъ, нисходящихъ до нуля, а затѣмъ восходящихъ отъ нуля, но въ формѣ отрицательныхъ величинъ. Различныя степени потребности, это—положительныя величины ряда, различныя же степени отвращенія—отрицательныя величины, а нуль—пресыщеніе.

рядка, но, съ точки зрѣнія морали, одно стóитъ луидора, а другое не стóитъ и ліарда".

3. Между потребностями существуетъ соперничество; это значитъ, что весьма часто одна какая-нибудь потребность можетъ развиваться только въ ущербъ другимъ потребностямъ, которыя она вытѣсняетъ или поглощаетъ. Онѣ бываютъ такъ же очень часто взаимно смѣняющимися, подобно отдѣльнымъ частямъ ружей или велосипедовъ, вслѣдствіе чего легко можно замѣнить одну изъ нихъ какой-нибудь другой. Какъ, по пословицѣ, „клиномъ вышибается клинъ", такъ и одна потребность вышибаетъ другую. Вотъ и основа для весьма важнаго экономическаго закона, такъ называемаго, закона замѣны. Неоднократно и въ разныхъ странахъ констатировано, что мода на велосипеды и автомобили причиняла значительный вредъ не только заводамъ верховыхъ лошадей и экипажнымъ фабрикамъ, но и — что было весьма неожиданно — производству піанино!

Законъ замѣны имѣетъ капитальное значеніе въ томъ отношеніи, что онъ оставляетъ потребностямъ дверь всегда открытой, чтобы ускользнуть отъ чрезмѣрныхъ требованій производителя даже въ такомъ случаѣ, когда у него монополія, и когда, слѣдовательно, перестаетъ дѣйствовать законъ конкурренціи между производителями, котораго обыкновенно достаточно для огражденія кліента ихъ. Потребитель воленъ обратиться къ какому-нибудь другому предмету, можетъ быть, не такъ хорошо отвѣчающему его потребности, но, во всякомъ случаѣ, удовлетворяющему ее. Такимъ-то образомъ всемогущество трёстовъ ограничивается закономъ замѣны. Когда рѣчь идетъ о потребностяхъ физіологическаго порядка, то поле возможныхъ замѣнъ довольно ограничено, но когда идетъ рѣчь о потребностяхъ роскоши, то оно безгранично. Вполнѣ возможно, что мужчина замѣнитъ театръ охотой, а женщина автомобиль—ожерельемъ изъ жемчуга.

Гигіена и мораль утилизируютъ этотъ законъ въ цѣляхъ замѣны низшихъ и грубыхъ потребностей другими—высшаго порядка. Такъ, напримѣръ, для борьбы съ алкоголизмомъ, общества трезвости не нашли ничего лучшаго, какъ открытіе „кофеенъ трезвости", гдѣ стараются пріучить потребителей пить чай и кофе. Замѣтьте, что матеріальная потребность можетъ быть замѣнена интеллектуальной (такъ, напримѣръ, кабакъ—библіотекой для чтенія) или моральной потребностью: рабочій отказывается, напримѣръ, отъ

посѣщенія кабаковъ для того, чтобы сдѣлать свой взносъ въ пенсіонную кассу или въ кассу борьбы или пропаганды.

4. Бываютъ потребности дополнительныя, т.-е. такія, которыя выступаютъ обыкновенно группами и въ изолированномъ видѣ могутъ удовлетворяться съ трудомъ. Къ чему одинъ башмакъ или одна перчатка? Къ чему телѣга безъ лошади или автомобиль безъ бензина? Для огражденія себя отъ холода не достаточно имѣть хорошее пальто, надо еще хорошо обѣдать. Потребность въ ѣдѣ предполагаетъ у культурнаго человѣка, по крайней мѣрѣ, потребность въ большомъ количествѣ движимости: столовъ, стульевъ, салфетокъ, скатертей, тарелокъ, стакановъ, ножей, вилокъ, и даже, чтобы достигнуть максимума удовлетворенія, она должна—на банкетахъ, напримѣръ,—пріобщить нѣкоторыя эстѣтическія наслажденія въ формѣ цвѣтовъ, хрустальной посуды, туалетовъ, музыки и пр.

5. Потребности, даже искусственныя, будучи разъ удовлетворены, стремятся регулярно возобновляться, фиксироваться, переходить въ привычку, становиться, какъ очень хорошо сказано, „второй природой.“ Этотъ законъ также имѣетъ большое значеніе, именно, съ точки зрѣнія заработной платы. Обычный уровень существованія, standard of life, не легко склоняется къ пониженію. Было время, когда рабочіе не носили ни бѣлья, ни обуви, когда у нихъ не было ни кофе, ни табаку, когда они не ѣли ни мяса, ни пшеничнаго хлѣба, но теперь эти потребности до того вкоренились, что рабочій, который не могъ бы удовлетворять ихъ и былъ бы внезапно возвращенъ къ условіямъ существованія своихъ собратьевъ временъ Св. Людовика или Генриха IV, несомнѣнно, погибъ бы.

Если, наконецъ, прибавить, что привычка, передаваемая въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, имѣетъ тенденцію закрѣпляться путемъ наслѣдственности, что чувства становятся болѣе утонченными, и болѣе требовательными, то будетъ понятно, какую деспотическую силу можетъ пріобрѣсти съ теченіемъ времени потребность, казавшаяся въ началѣ самой пустой и незначительной.

II.

О полезности.

Во внѣшнемъ мірѣ насъ интересуетъ—по крайней мѣрѣ, когда мы разсматриваемъ его съ точки зрѣнія поддержанія нашей жизни и нашего благосостоянія—больше всего свойство извѣстнаго числа предметовъ удовлетворять какую-нибудь изъ потребностей, которыя мы только что изучали. Это замѣчательное свойство называется полезностью (utilité, отъ латинскаго uti—пользоваться.)

Къ сожалѣнію, это выраженіе является причиной путаницы, потому что въ разговорномъ языкѣ оно получило такое значеніе, которое вовсе не совпадаетъ съ его экономическимъ значеніемъ. Слову „полезный“ (utile) обыкновенно противополагается, съ одной стороны, слово „вредный“ (nuisible), а съ другой—слово „излишній“ (superflu). Въ немъ скрытъ нѣкоторый моральный приговоръ. Оно мѣтитъ лишь въ предметы, способные удовлетворять извѣстныя, признанныя хорошими, потребности. Поэтому было бы неудобно говорить о „полезности“ кружевъ или абсента. Несмотря, однако, на это, въ экономическомъ смыслѣ выраженіе „полезность“ ничего другого не обозначаетъ, кромѣ свойства отвѣчать какой-нибудь потребности или желанію, и интенсивностью этой потребности или желанія исключительно и измѣряется полезность.

Во избѣжаніе постоянныхъ недоразумѣній было бы хорошо замѣнить слово „полезность“ какимъ-нибудь другимъ. Старые экономисты говорили о потребительной цѣнности. Вильфредо Парето предложилъ слово ophélimité, греческое слово, выражающее „отношеніе соотвѣтствія“ между вещью и желаніемъ. Но оно не получило права гражданства. Мы лично еще въ первомъ изданіи этой книги (въ 1883 г.) предложили слово desirabilité—желаемость, у котораго то преимущество, что оно нисколько не предполагаетъ у желанія нравственныхъ или безнравственныхъ чертъ, разумныхъ или безразсудныхъ,—но ему также не посчастливилось.

Приступимъ теперь къ анализу этого основного свойства, каково бы ни было его названіе.

Не всѣ окружающія насъ вещи, животныя, растенія, грубыя тѣла—далеко не всѣ—обладаютъ полезностью. Найдется лишь очень ограниченное число полезностей среди нихъ: въ животномъ царствѣ, напримѣръ, едва насчитаешь 200 видовъ на нѣсколько сотъ тысячъ.

Необходимы два условія для того, чтобы вещь была полезной:

1) Необходимо открыть извѣстное отношеніе между физическими свойствами вещи и какой-нибудь изъ нашихъ потребностей. Если хлѣбъ полезенъ, то это значитъ, съ одной стороны, что у насъ есть потребность питаться, а съ другой, что какъ разъ въ хлѣбномъ зернѣ содержатся элементы, въ высокой степени годные для нашего питанья. Если алмазъ очень цѣнится, то это значитъ, что человѣкъ, равно какъ и нѣкоторыя животныя, по природѣ своей находитъ удовольствіе созерцать то, что блеститъ, и что, именно, алмазъ, благодаря своей особой преломляемости, ставящей его выше всякаго другого извѣстнаго тѣла, обладаетъ свойствомъ сверкать безподобными огнями.

Замѣтьте, что изъ двухъ членовъ этого отношенія наиважнѣйшимъ является человѣкъ, а не вещь. Можно, пожалуй, было бы подумать обратное, а именно, что ожидаемое нами удовлетвореніе принадлежитъ къ числу извѣстныхъ свойствъ вещей, что полезность золота одинаковаго характера съ вѣсомъ его, блескомъ или неокисляемостью, что полезность должна быть связана съ вещами подобно тому, какъ связаны съ ними ихъ осязаемыя свойства. Но это отнюдь не такъ: полезность нарождается только тогда, когда пробуждается желаніе; съ угасаніемъ желанія, меркнетъ и полезность. Полезность идетъ слѣдомъ за желаніемъ и прохаживается съ нимъ отъ предмета къ предмету, какъ тѣнь слѣдуетъ за бабочкой и останавливается тамъ, гдѣ садится бабочка. Полезность субъективна, а не объективна. На этомъ, именно, основаніи слово „желаемость“ было бы яснѣе, чѣмъ слово „полезность“, ибо изъ двухъ членовъ отношенія (человѣка и вещи) оно ставитъ на первый планъ человѣка, между тѣмъ какъ полезность ставитъ на первый планъ вещь.

Впрочемъ, не важно, что вещь не получила отъ природы ни одного изъ свойствъ, способныхъ удовлетворять наши потребности; лишь бы мы думали, что у нея имѣются таковыя. Реликвіи, болѣе или менѣе подлинныя, считались въ теченіе многихъ вѣковъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ считаются еще и теперь, безподобными богат-

ствами въ силу приписываемыхъ имъ свойствъ. Есть не мало минеральныхъ водъ и фармацевтическихъ продуктовъ, которые очень цѣнятся, хотя ихъ цѣлебныя свойства далеко не доказаны. А сколько костюмовъ, которыхъ уже не носятъ; книгъ, которыхъ уже не читаютъ; картинъ, которыми уже не восхищаются; монетъ, которыя уже не обращаются; лѣкарствъ, которыя уже не исцѣляютъ, — и какой длинный списокъ можно было бы составить этимъ богатствамъ, полезность которыхъ такъ же эфемерна и скоропреходяща, какъ и породившая ее потребность! Несмотря, однако, на это, если желаніе коллекціонера, самое интенсивное, можетъ быть, изъ всѣхъ желаній, случайно остановится на этихъ мертвыхъ богатствахъ, оно вдунетъ въ нихъ новую жизнь, и они немедленно пріобрѣтутъ цѣнность, болѣе высокую, чѣмъ та, которую они имѣли въ теченіе прежней своей жизни.

Алкоголь и спиртные напитки, по словамъ ученыхъ и гигіенистовъ, не имѣютъ ни одного изъ тѣхъ свойствъ, которыми ихъ надѣляютъ,—они ни укрѣпляютъ, ни согрѣваютъ. Но что же изъ этого? Къ сожалѣнію, достаточно того, чтобы милліоны людей во всѣхъ странахъ вѣрили, что они имѣютъ такую полезность для того, чтобы они стали богатствами и даже такими богатствами, которыя исчисляются милліардами и въ которыхъ сами государства черпаютъ часть своихъ доходовъ.

2) Недостаточно еще знать, что вещь обладаетъ свойствомъ удовлетворять наши потребности: надо умѣть на дѣлѣ приспособлять ее къ удовлетворенію потребностей. Недостаточно знать, что вещь признана полезной: нужно умѣть ее утилизировать. Послѣднее не всегда случается. Есть много лѣсовъ, гніющихъ на корню, потому что не умѣютъ ихъ эксплоатировать; многія рѣки, даже во Франціи, гонятъ золото, и его не умѣютъ извлекать оттуда; мы знаемъ, что колоссальныя силы таятся въ морскихъ приливахъ и отливахъ, въ ручьяхъ, въ притяженіяхъ молекулъ, но изъ всего этого мы не можемъ извлечь пользы, по крайней мѣрѣ, при современномъ состояніи нашихъ знаній. Вѣроятно, нѣтъ въ мірѣ такого тѣла, которое не могло бы быть полезнымъ человѣку и не могло бы умножить наши богатства. Но поскольку такія тѣла не извѣстны, постольку они остаются такъ же безполезными, какъ были бы безполезными плодородныя земли или драгоцѣнные металлы, существованіе которыхъ на Марсѣ или на Лунѣ открылъ бы телескопъ или спектральный анализъ астронома.

Принадлежитъ ли только вещамъ это свойство удовлетворять наши потребности, доставлять намъ наслажденіе? Конечно, оно принадлежитъ также и дѣйствіямъ, дѣятельности другихъ людей, нашихъ ближнихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что многіе изъ нихъ не доставляютъ намъ большой радости и даже не полезны для насъ, въ экономическомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они не создаютъ для насъ никакого матеріальнаго богатства, хотя и удовлетворяютъ непосредственно наши потребности: врачъ возстановляетъ наше здоровье, профессоръ сообщаетъ намъ знанія, судья печется о справедливости, полицейскій—о безопасности, литераторъ и артистъ—о высшихъ и чистѣйшихъ наслажденіяхъ, и прислуга исполняетъ наши порученія. Человѣкъ—самое полезное существо для человѣка! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что удовлетвореніе, получаемое нами отъ него, не того же порядка, или даже болѣе высокаго порядка, чѣмъ удовлетвореніе, доставляемое намъ вещами, или что мы почитаемъ это удовлетвореніе таковымъ или высшимъ, ибо мы оплачиваемъ его, когда нужно, слишкомъ дорого. Правда, въ такихъ случаяхъ охотнѣе употребляютъ слово „услуга“, чѣмъ „полезность“. Но что жъ изъ этого? Развѣ мы повседневно не говоримъ о какомъ-нибудь предметѣ, напр., о велосипедѣ или карманной чернильницѣ, что онъ „оказываетъ большую услугу“ намъ, въ то же время, наоборотъ, развѣ нашимъ друзьямъ мы не говоримъ (правда, простую формулу вѣжливости, но весьма правильную съ научной точки зрѣнія): „пользуйтесь мною, пожалуйста!“

Какимъ именемъ назвать вещи или дѣйствія, которыя обладаютъ такимъ драгоцѣннымъ свойствомъ удовлетворять наши потребности, быть намъ полезными или нами желаемыми? Приходится сдѣлать здѣсь необычайное признаніе: не существуетъ подходящаго слова для обозначенія того, что составляетъ подлинный предметъ экономической науки! Юристы употребляютъ слово „благо“. Это слово, можетъ быть, и было бы наилучшимъ, если бы оно, подобно слову „полезность“, не содержало въ себѣ нѣкоторой моральной оцѣнки,—пожалуй, воровскія орудія взлома не назовешь „благомъ“. Экономисты предпочитаютъ слово „богатство“, но серьезнымъ недостаткомъ его является придаваемое ему въ обыденной жизни значеніе состоянія, противоположное значенію бѣдности. Не легко понять, что полевые цвѣты, рѣчная вода, здоровый воздухъ или даже кусокъ хлѣба называются

богатствами. Однако, всѣ эти вещи надѣлены въ высочайшей степени свойствомъ давать намъ наслажденіе и жизнь.

Слово „богатство“ содержитъ въ себѣ еще и другую идею, кромѣ указанной идеи наслажденія,—идею власти. Значеніе этой идеи, по меньшей мѣрѣ, равносильно первой: если бы богатство приносило только наслажденіе, то погоня за нимъ не переступала бы тѣхъ границъ, до которыхъ можетъ доходить наслажденіе. Другая сторона богатства, а, именно, желаніе проявлять власть надъ людьми, толкаетъ человѣка дальше всякихъ поставленныхъ границъ, призываетъ къ жизни американскихъ милліардеровъ и всѣхъ тѣхъ, кого такъ правильно называютъ нефтяными, стальными или хлопковыми королями.

Богатство-наслажденіе представляется вообще въ формѣ дохода, а богатство-власть — въ формѣ капитала. И мы впослѣдствіи увидимъ, что современный соціализмъ можетъ видѣть свое назначеніе въ стремленіи уничтожить богатство, какъ орудіе власти человѣка надъ своими ближними, и оставить его, какъ средство наслажденія; но сомнительно, чтобы ему удалось разобщить эти двѣ функціи богатства, а если бы это и удалось, то осталась бы незатронутой наименѣе благородная функція богатства.

Слово „богатство“ имѣетъ еще и другое неудобство: оно приложимо только къ тѣлеснымъ предметамъ и не приложимо къ дѣйствіямъ человѣка. Нельзя сказать, что консультація врача, пѣніе знаменитой пѣвицы, стрижка волосъ у парикмахера—богатства. А вѣдь во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ (мы только что видѣли это), какъ въ любомъ тѣлесномъ предметѣ, заключаются „полезности“.

Что же дѣлать?—Согласиться употреблять выраженія „благо“ или „богатство“, мысленно подразумѣвая въ нихъ то, что мы считаемъ способнымъ удовлетворять желанію экономическаго порядка.

III.

Что такое цѣнность?

Не всѣ вещи желательны въ одинаковой степени. Мы устанавливаемъ между ними нѣкоторую іерархію, разставляемъ ихъ по порядку предпочтенія, въ чемъ и выражается идея цѣнности.

Обыкновенно учатъ, что цѣнность не отдѣлима отъ обмѣна и не можетъ быть даже понята внѣ его. Мы не думаемъ этого.

Даже Робинзонъ на своемъ островѣ установилъ сравнительную скалу предметовъ, бывшихъ въ его распоряженіи, начавъ спасать свое имущество съ погибавшаго корабля, съ тѣхъ вещей, которыя были для него наиболѣе желательны. И если когда-нибудь осуществится коммунистическое общество, обмѣнъ исчезнетъ, но идея цѣнности останется. Тѣмъ не менѣе, мы признаемъ, что въ нашемъ современномъ обществѣ обмѣнъ опредѣляетъ сравненіе между двумя или нѣсколькими богатствами; почти всегда обмѣнъ выводитъ цѣнность изъ внутренняго міра, гдѣ она безсознательно дремала, и заставляетъ ее найти себѣ опредѣленное мѣсто среди биржевыхъ цѣнъ, указываемыхъ имъ для каждаго товара. Поэтому мы встрѣтимся съ цѣнностью въ главѣ объ обмѣнѣ, но это общее введеніе осталось бы незаконченнымъ, если бы въ немъ не была опредѣлена идея цѣнности, ибо она доминируетъ не только въ обмѣнѣ и обращеніи богатствъ, но и въ распредѣленіи, въ производствѣ, въ потребленіи и во всей политической экономіи.

Попытаемся поэтому точнѣе опредѣлить эту самую важную, но въ то же время, къ сожалѣнію, и самую темную во всей экономической наукѣ, идею.

Идея цѣнности сложнѣе идеи полезности. Въ ней различаются слѣдующія двѣ характерныя черты:

1. Прежде всего, характерной чертой цѣнности является идея послѣдовательнаго расположенія двухъ или нѣсколькихъ вещей, ихъ отношенія, или, лучше сказать (вещи имѣютъ здѣсь лишь побочное значеніе), отношенія между потребностями, между желаніями. Цѣнность не только желаемость, но и степень желаемости.

Этимъ она отличается отъ полезности, ибо послѣдняя существуетъ сама по себѣ, подобно потребности, которой она отвѣчаетъ. Когда я говорю, что такая-то вещь, напр., ружье, лошадь, полезна, я высказываю совершенно ясное и опредѣленное положеніе. Но когда я говорю, что ружье или лошадь стоитъ..., то такое положеніе не полно и даже не понятно: чего-же стоитъ? Для того, чтобы было понятно, надо прибавить, что стоитъ столько-то денегъ или, если мы среди дикарей, столько-то кусковъ матеріи, или столько-то слоновыхъ бивней, т. е. сравнить съ какимъ-нибудь другимъ богатствомъ.

Поэтому цѣнность — понятіе относительное, такого же

порядка, какъ величина или вѣсъ. Если бы въ мірѣ существовало только одно какое-нибудь тѣло, нельзя было бы сказать, велико оно или мало; нельзя было бы также сказать, мала или велика его цѣнность [4]).

Правда, въ обыденной рѣчи говорятъ о какомъ-нибудь предметѣ, что онъ имѣетъ „большую цѣнность", ничего больше не прибавляя. Тѣмъ не менѣе, единица сравненія имѣется при этомъ въ виду,—она подразумѣвается. Алмазъ, напримѣръ, имѣетъ большую цѣнность относительно денежной единицы; въ такомъ случаѣ сравниваютъ его съ другой цѣнностью, которая называется монетой; или онъ занимаетъ высокое мѣсто среди богатствъ; въ этомъ случаѣ сравниваютъ его со всѣми другими богатствами, разсматриваемыми коллективно. Точно также, когда говорятъ, что какое-нибудь тѣло, напримѣръ, платина, очень тяжело, ни съ чѣмъ не сравнивая его, то этимъ подразумѣваютъ, что оно представляетъ значительное число килограммовъ, иначе говоря, сравниваютъ его съ вѣсомъ литра воды; или что оно, съ точки зрѣнія тяжести, занимаетъ первое мѣсто въ спискѣ всѣхъ извѣстныхъ намъ тѣлъ.

2. Во-вторыхъ, цѣнность характеризуется р ѣ д к о с т ь ю, т.-е.

---

[4]) Изъ относительнаго характера цѣнности вытекаетъ тотъ выводъ, что никогда не слѣдуетъ говорить о повышеніи или паденіи в с ѣ х ъ цѣнностей, — такое положеніе было бы лишено смысла. Ибо, если цѣнность не больше, какъ порядокъ, размѣщеніе по порядку, установленная между богатствами іерархія, то какъ можно понять, что всѣ цѣнности одновременно могутъ повышаться или падать? Для того, чтобы однѣ изъ нихъ могли подняться по лѣстницѣ, безусловно необходимо, чтобы онѣ заняли мѣсто другихъ, которыя, слѣдовательно, д о л ж н ы с п у с т и т ь с я. Дѣло происходило бы точь-въ-точь такъ, какъ если бы кандидаты, размѣщенные по степени своихъ заслугъ на какомъ-нибудь конкурсѣ, спросили, не могутъ ли ихъ всѣхъ з а р а з ъ принять въ высшій разрядъ!

Все-таки, это положеніе могло бы получить нѣкоторый разумный смыслъ, если бы подъ нимъ подразумѣвать просто-на-просто то, что желанія людей могутъ всѣ разомъ увеличиться или уменьшиться въ интенсивности. Если, напр., цивилизованныя общества будутъ направляться къ „тому стаціонарному положенію", которое предвидитъ Стюартъ Милль, гдѣ души перестанутъ преисполняться заботами въ погонѣ за богатствомъ, тогда дѣйствительно можно будетъ сказать, что всѣ вещи понизятся въ цѣнности; точно также, если когда-нибудь установятъ, что сила земного притяженія уменьшилась, можно будетъ сказать, что вѣсъ всѣхъ тѣлъ понизился. Впрочемъ, даже и при такомъ допущеніи, это утвержденіе не имѣло бы практической пользы и даже не могло бы быть провѣрено за отсутствіемъ средствъ для измѣренія общаго пониженія цѣнностей и желаній, за исключеніемъ развѣ только факта замедленія человѣческой дѣятельности въ экономической жизни.

(это слово не менѣе, чѣмъ полезность, нуждается въ объясненіи и исправленіи) недостаточностью существующаго количества по сравненію со спрашиваемымъ[5]). Если, дѣйствительно, какое-нибудь благо появляется въ количествѣ, превышающемъ потребность, оно не можетъ претендовать на какую-нибудъ цѣнность. Таковъ, постоянно приводимый, случай съ питьевой водой въ большинствѣ нашихъ странъ, съ невоздѣланной землей въ незанятыхъ еще странахъ и часто—увы!—съ ручнымъ трудомъ въ нашихъ городахъ. А почему? Потому (какъ мы разъяснили выше при анализѣ потребностей), что всякая потребность и всякое желаніе исчезаютъ, разъ они пресыщены, и даже смѣняются отвращеніемъ къ предмету, котораго недавно еще жаждали. Но, скажутъ, вѣдь вода остается полезной даже тогда, когда мы утолили жажду? Да, она полезна, въ томъ смыслѣ, что физически она всегда имѣетъ утоляющія жажду свойства, а экономически она не желаема ни мною, ни кѣмъ другимъ, потому что у всѣхъ ея достаточно и даже „съ лишкомъ“, какъ говорятъ[6]).

Чѣмъ больше количество будетъ приближаться къ тому предѣлу, гдѣ оно превосходитъ потребность, тѣмъ болѣе цѣнность будетъ стремиться къ пониженію; чѣмъ болѣе количество будетъ удаляться отъ этого предѣла, тѣмъ болѣе цѣнность будетъ стремиться къ повышенію.

Отсюда вытекаетъ слѣдующій интересный выводъ, который можно было бы назвать экономическимъ парадоксомъ: увеличивая количество какого-нибудь блага, можно уменьшить сумму представляемыхъ имъ цѣнностей, и наоборотъ: уменьшая это количество, можно увеличить сумму цѣнностей. Этотъ законъ былъ из-

---

[5]) Дѣйствительно, рѣдкость, разсматриваемая отдѣльно, т.-е. внѣ связи со спросомъ, потребностью, никакого вліянія на цѣнность не оказываетъ. Вишня бываетъ рѣдкой какъ въ концѣ, такъ и въ началѣ сезона; но такъ какъ она особенно желанна только тогда, когда она впервые появляется свѣжей, то рѣдкость ея въ концѣ сезона не придаетъ ей никакой цѣнности. Предположите, что я написалъ трагедію, мой подлинникъ будетъ единственнымъ экземпляромъ въ мірѣ, что составляетъ максимумъ рѣдкости, но это обстоятельство не придаетъ ему никакой цѣнности.

[6]) Это, впрочемъ, правильно только относительно питьевой воды; если же она должна удовлетворять потребностямъ орошенія или въ качествѣ двигательной силы, то въ такихъ случаяхъ вода имѣетъ цѣнность, и значительную, ибо, при использованіи съ такими цѣлями, количество ея недостаточно для того, чтобы удовлетворять потребностямъ всѣхъ, кто хотѣлъ бы пользоваться ею.

вѣстенъ торговцамъ кореньями въ Голландской Индіи, они пользовались имъ, уничтожая часть урожая, когда признавали его слишкомъ обильнымъ; и нынѣ еще онъ примѣняется объединившимися въ картели фабрикантами, которые, подъ страхомъ штрафа, ограничиваютъ производство угля или алкоголя.

Предположите, что по мановенію волшебнаго жезла или, еще проще, благодаря безконечному прогрессу науки и промышленности, всѣ предметы стали бы такъ же обильны, какъ вода въ источникахъ или прибрежный песокъ, и что людямъ для удовлетворенія своихъ желаній ничего не оставалось бы, какъ черпать ихъ, сколько угодно,—не очевидно ли, что всѣ вещи, при такомъ допущеніи, въ силу ихъ изобилія, потеряли бы всякую цѣнность? У отдѣльнаго лица цѣнности было бы ни больше, ни меньше, чѣмъ въ названныхъ водѣ или песчинкахъ, съ которыми мы только что эти предметы сравнивали.

И мы приходимъ къ тому выводу, что въ подобной странѣ молочныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ соціальное богатство достигло бы своего максимума и, тѣмъ не менѣе, тамъ не было бы богатыхъ, ибо тогда всѣ люди стали бы равными предъ нулевой цѣнностью вещей, какъ нынѣ король и нищій равны предъ солнечнымъ свѣтомъ [7]).

---

[7]) Ж.-Б. Сэй считалъ этотъ вопросъ самымъ щекотливымъ въ политической экономіи и такъ формулировалъ его: „Если богатство состоитъ изъ суммы цѣнностей находящихся въ распоряженіи націи вещей, то какъ можетъ быть, что нація тѣмъ болѣе богата, чѣмъ вещи у нея дешевле?“ (Cours d'Économie politique, 3 ч., гл. V). И Прудонъ въ своихъ Contradictions économiques бился объ закладъ со „всякимъ серьезнымъ экономистомъ“, что нельзя отвѣтить на этотъ вопросъ. Мнимая трудность получается отъ того, что въ первой половинѣ фразы Ж.-Б. Сэя, опредѣляющей богатство „суммой цѣнностей“, слово „богатство“ принимается въ индивидуальномъ смыслѣ, въ смыслѣ цѣнности въ деньгахъ. Богатство отдѣльнаго лица состоитъ изъ суммы благъ, которой оно обладаетъ, исчисляемой въ деньгахъ (но вѣдь чѣмъ больше благъ, тѣмъ меньше они стоятъ), между тѣмъ какъ во второй половинѣ фразы: „нація тѣмъ болѣе богата, чѣмъ вещи у нея дешевле“, слово „богатство“ принимается въ соціальномъ смыслѣ, въ смыслѣ изобилія.

Когда въ нѣкоторые урожайные годы случается, что во Франціи изобиліе вина и хлѣба, тогда говорятъ: „хорошій годъ“, но этотъ хорошій годъ очень плохъ для землевладѣльцевъ, которые плохо продаютъ свое вино и хлѣбъ. Г-жа Севинье, которая была беззаботна по части политической экономіи, великолѣпно понимала это, когда писала изъ своего замка де Гриньяна (октябрь 1673 г.): „Здѣсь все утопаетъ въ хлѣбѣ, а у меня нѣтъ ни одного су. Я вопію о голодѣ среди изобилія!“

IV.

Чѣмъ создается цѣнность?

Мы только что сказали, что цѣнность предполагаетъ расположеніе предметовъ въ извѣстномъ порядкѣ,—сравненіе, предпочтеніе. Но на какомъ же основаніи предпочитаемъ мы одну вещь другой, говоримъ, что она стоитъ больше другой? Почему одинъ килограммъ золота стоитъ почти 10.000 килограммовъ хлѣба? Таковъ этотъ ужасный вопросъ, въ теченіе болѣе столѣтія подвергающій пыткѣ всѣ поколѣнія экономистовъ. Каждое изъ этихъ поколѣній обольщается мыслью, что оно дало категорическій отвѣтъ на него, но слѣдующее поколѣніе остается неудовлетвореннымъ и пытается глубже вникнуть въ задачу.

Можно спросить, разрѣшимъ ли онъ, подобно многимъ другимъ проблемамъ, которыя человѣкъ ставилъ себѣ, а затѣмъ откладывалъ на цѣлыя столѣтія. Если, по пословицѣ, „о вкусахъ и цвѣтахъ не спорятъ“, то не слѣдуетъ ли сказать, что причины вкусовъ и желаній людей ускользаютъ отъ всякаго анализа? Рикардо говоритъ: „У каждаго человѣка имѣется особая мѣрка для опредѣленія цѣнности своихъ наслажденій. Но эта мѣрка такъ же измѣнчива, какъ характеръ человѣка“.

Однако, отказъ отыскать извѣстные общіе двигатели у индивидуальныхъ предпочтеній было бы равносильно отказу отъ политической экономіи, какъ науки. И экономисты не только искали опредѣленія причинъ цѣнности, но и старались свести ихъ къ одной какой-нибудь причинѣ: къ полезности, рѣдкости, трудности пріобрѣтенія, стоимости производства или стоимости воспроизводства. У каждой теоріи были свои приверженцы. Но большинство этихъ теорій постепенно было оставлено.

Теорія полезности въ вульгарномъ смыслѣ слова, т.-е. полезности, какъ свойства отвѣчать самымъ неотложнымъ потребностямъ, не могла устоять противъ слѣдующаго банальнаго возраженія: почему алмазъ стоитъ на лѣстницѣ цѣнностей на первой, а вода на послѣдней ступени, т.-е. въ порядкѣ, какъ разъ обратномъ ихъ дѣйствительной полезности? Вѣдь вода, несомнѣнно, отвѣчаетъ наиболѣе частой и наиболѣе интенсивной потребности: *ἄριστον μεν ὕδωρ*, говорилъ уже поэтъ Пиндаръ.

Но ее обыкновенно дополняли элементомъ рѣдкости, и нѣкоторые экономисты (Сеньоръ, Вальрасъ-отецъ) даже думали, что этого элемента достаточно, такъ какъ полезность сама собой подразумѣвается въ словѣ „рѣдкость“,—безполезная рѣдкость была бы безсмыслицей. Хотя эта теорія близко соприкасается съ теоріей предѣльной полезности, которая пользуется нынѣ всеобщимъ признаніемъ, и которую мы скоро будемъ разсматривать, она сбиваетъ съ толку, выдвигая на первое мѣсто то, что имѣетъ лишь второстепенный характеръ. Только, вѣдь, для коллекціонера главное или даже иногда единственное достоинство вещей заключается въ ихъ рѣдкости, но сама по себѣ рѣдкость не имѣетъ притягательной силы,—она лишь препятствіе, которое стѣсняетъ, а потомъ еще больше взвинчиваетъ желаніе [8]).

---

[8]) Выраженіе „трудность пріобрѣтенія“ лучше выраженія „рѣдкость“, потому что у него есть преимущество въ двухъ словахъ соединять много элементовъ, которые могутъ вліять на цѣнность, но, какъ и рѣдкости, ему не хватаетъ самаго существеннаго,—желанія. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ достать камень, брошенный на дно Атлантическаго океана, однако, это не придаетъ ему никакой цѣнности.

Стоимость воспроизводства, излюбленная теорія американскаго экономиста Кэри и итальянца Феррары, отличается отъ предыдущей лишь тѣмъ, что принимаетъ во вниманіе усиліе, которое надо было употребить на замѣну какой-нибудь вещи, а не на пріобрѣтеніе ея.

Что касается закона предложенія и спроса, то если онъ и можетъ объяснить (тоже съ оговорками, которыя узнаемъ ниже) колебанія цѣнности, онъ не объясняетъ, однако, ихъ происхожденія, или причины. Сказать, что цѣнность болѣе или менѣе велика, смотря по тому, болѣе или менѣе предлагаютъ ее, или болѣе или менѣе спрашиваютъ ее, это—все равно, что сказать, что маятникъ колеблется болѣе или менѣе въ зависимости отъ того, что его болѣе или менѣе толкаютъ направо и налѣво; но такое утвержденіе ничего не говоритъ о томъ, какая причина приводитъ маятникъ къ вертикальному положенію (земное притяженіе).

Объясненіе закона стоимости производства см. ниже въ примѣчаніи.

„Весьма естественно,—говоритъ Адамъ Смитъ,—что обыкновенно продуктъ двухъ часовъ труда стоитъ вдвое дороже того, что требуетъ обыкновенно одного часа труда“. (Кн. I, гл. 16.).

„Я разсматриваю трудъ, говоритъ Рикардо, какъ источникъ всякой цѣнности, а его относительное количество, какъ мѣрило, которымъ почти исключительно измѣряется относительная цѣнность товаровъ“ (Гл. I, секц. 2).

„Цѣнность товара опредѣляется количествомъ израсходованнаго на его производство труда“ (Карлъ Марксъ, гл. I).

Несмотря на видимую идентичность, объясненія цѣнности, данныя этими тремя великими умами, по существу, довольно различны; но мы не можемъ входить здѣсь въ тонкости существующаго между ихъ объясненіями различія (См. „Исторію экономическихъ ученій“ Ш. Жида).

Нынѣ существуютъ только два объясненія, оспаривающихъ другъ у друга первенство: теорія труда и теорія предѣльной полезности, но первая почти уже потеряла подъ собой почву.

Изложимъ ихъ вкратцѣ.

§ 1.—*Трудъ.*

Трудовая теорія цѣнности занимала выдающееся мѣсто въ исторіи экономическихъ ученій. Изложенная впервые, хотя и въ неопредѣленной немного формѣ, Адамомъ Смитомъ, значительно закрѣпленная Рикардо, эта теорія привлекла къ себѣ экономистовъ, принадлежащихъ къ школамъ самыхъ противоположныхъ направленій, начиная съ оптимистовъ, вродѣ Бастіа, и кончая соціалистами, вродѣ Карла Маркса.

Эта теорія, разумѣется, не отрицаетъ, что полезность, т.-е. свойство удовлетворять какому-нибудь желанію человѣка,—первоначальное условіе всякой цѣнности. Нужно было бы, въ самомъ дѣлѣ, потерять здравый смыслъ, чтобы вообразить, что вещь, которая ни къ чему не служитъ, можетъ имѣть какую-нибудь цѣнность,—каковъ бы ни былъ трудъ, котораго она могла стоить. Но, по мнѣнію этой школы, полезность, будучи условіемъ цѣнности, все же не является причиной ея. Основаніе цѣнности—трудъ человѣка, и каждая вещь имѣетъ большую или меньшую цѣнность, смотря по тому, стоитъ ли она болѣе или менѣе значительнаго труда.

На первый взглядъ эта теорія кажется болѣе соблазнительной, чѣмъ всякая другая.

Во-первыхъ, потому, что она болѣе научна, ибо она кладетъ въ основаніе цѣнности опредѣленное понятіе, количественное, нѣчто, что можно измѣрить. Сказать, что такіе-то часы имѣютъ цѣнность вдвое большую, чѣмъ другіе, потому что они представляютъ двойной трудъ,—это удовлетворяетъ разумъ: объясненіе кажется правильнымъ; во всякомъ случаѣ его можно провѣрить. Но сказать, что часы стоятъ вдвое дороже потому, что ихъ полезность вдвое выше,—это ничего не поясняетъ.

Во-вторыхъ, она болѣе отвѣчаетъ идеѣ справедливости, ибо кладетъ въ основаніе цѣнности моральный элементъ,—трудъ. И, главнымъ образомъ, этой своей стороной она соблазнила столько благородныхъ умовъ. Если бы удалось доказать, что цѣнность всѣхъ вещей, которыя присвоены нами, начиная, напр., съ земли,

пропорціональна труду, котораго онѣ стоили, изъ этого вовсе не слѣдовало бы, что присвоенное каждымъ отдѣльнымъ лицомъ богатство эквивалентно продукту его труда (ибо онъ могъ присвоить себѣ созданную трудомъ другихъ цѣнность), но зато очень упростилась бы проблема, состоящая въ надѣленіи каждаго цѣнностью, равной продукту его труда, и было бы легче прочно установить соціальную организацію на началѣ справедливости [9]).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что этотъ мотивъ моральнаго порядка подлежитъ оспариванію, ибо самъ трудъ не можетъ претендовать на моральную цѣнность, если онъ безполезенъ. Все же, допуская,—что̀ не всегда бываетъ,—что трудъ одержимъ, по крайней мѣрѣ, добрыми намѣреніями, не слѣдуетъ забывать поговорку: „и адъ устланъ добрыми намѣреніями".

Но, съ точки зрѣнія экономической, это объясненіе еще менѣе цѣнно по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Если бы цѣнность какой-нибудь вещи имѣла своей причиной, или сущностью, потраченный на ея производство трудъ, то она должна была бы оставаться неизмѣнной, ибо, какъ это говоритъ Бастіа, „прошлый трудъ не способенъ ни увеличиться, ни уменьшиться". Между тѣмъ, всякому, напротивъ, извѣстно, что цѣнность предмета постоянно и безпрерывно мѣняется, именно, потому, что зависитъ отъ спроса, отъ желанія. Очевидно, слѣдовательно, что эти колебанія абсолютно не зависимы отъ труда производства. Къ тому же a priori нелѣпо думать, что цѣнность вещи можетъ зависѣть отъ безвозвратно прошедшаго факта. Съ прошлымъ дѣло покончено, нечего къ нему возвращаться; здѣсь умѣстно повторить слова лэди Макбетъ: „What's done, is done" (что сдѣлано,—сдѣлано.)

На это, правда, можно возразить, что принимаемый для измѣ-

---

[9]) Замѣтьте, однако, что этимъ объясненіемъ пользовались для двухъ противоположныхъ цѣлей: какъ для защиты частной собственности, такъ и для уничтоженія ея.

Такъ, оптимистическая школа утверждаетъ, что присвоенныя каждымъ цѣнности являются вообще (кромѣ случаевъ переворота, эксплоатаціи и кражи, отъ которыхъ не свободны самыя цивилизованныя общества) плодомъ труда собственника или его предшественника. См. Бастіа, Фонтенэ, Поль Леруа Болье, а, именно, по вопросу о земельной собственности, гдѣ доказательства болѣе щекотливы.

Соціалистическая школа наоборотъ, утверждаетъ, что присвоенныя цѣнности вообще плодъ чужого труда.

ренія цѣнности трудъ не есть прошлый трудъ, а настоящій, т.-е. не трудъ, спеціально потраченный на производство разсматриваемаго предмета, а трудъ, вообще небходимый, при существующихъ соціальныхъ условіяхъ, на воспроизводство тѣхъ же самыхъ предметовъ, трудъ воспроизводства [10]).

2) Если бы трудъ былъ причиной цѣнности, то одинаковому труду всегда бы соотвѣтствовала одинаковая цѣнность, неодинаковому труду — неодинаковая цѣнность. А, между тѣмъ, мы на

---

[10]) Карлъ Марксъ отвѣчалъ на это возраженіе точно такимъ же образомъ, заявляя, что надо считаться не съ индивидуальнымъ трудомъ, который могъ быть затраченъ на производство какого-нибудь предмета, а съ общественнымъ трудомъ, необходимымъ для производства этого предмета, каковой трудъ измѣряется числомъ часовъ, необходимыхъ въ среднемъ на выполненіе его.

Для разрѣшенія той же трудности Бастіа говоритъ, что нужно разсматривать не трудъ, затраченный тѣмъ, кто произвелъ предметъ, а только трудъ, сбереженный для того, кто хочетъ его пріобрѣсти.

А такъ какъ избавить кого-нибудь отъ извѣстнаго труда, значитъ, по мнѣнію Бастіа, „оказать ему услугу", то авторъ „Гармоній" и приходитъ такимъ путемъ къ опредѣленію цѣнности, какъ отношенія двухъ обмѣниваемыхъ услугъ, и заявляетъ, что цѣнность имѣетъ своимъ основаніемъ и мѣриломъ оказанную услугу. Прекраснѣйшая (и очень современная) идея видѣть въ соціальныхъ отношеніяхъ обмѣнъ услугами, но, какъ объясненіе цѣнности, она сводится къ простой тавтологіи. На вопросъ, почему алмазъ имѣетъ бóльшую цѣну, чѣмъ булыжникъ, она отвѣчаетъ такъ: „потому что, когда уступаютъ мнѣ алмазъ, мнѣ оказываютъ бóльшую услугу, чѣмъ уступкой булыжника". Никто не станетъ оспаривать такого трюизма, но достаточно замѣтить, что если услуга, оказываемая передачей алмаза, больше услуги, оказываемой передачей простого булыжника, то это просто потому, что алмазъ имѣетъ бóльшую цѣнность, чѣмъ булыжникъ,—мы, слѣдовательно, вертимся на одномъ мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ, не услуга, оказываемая лицомъ, уступающимъ мнѣ вещь, опредѣляетъ цѣнность этой вещи, а, напротивъ, цѣнность уступаемой вещи опредѣляетъ и измѣряетъ важность оказанной услуги. См. въ Revue d'Économie politique (14 іюня 1887 г.) нашу критику этой теоріи, и, наоборотъ, ея защиту у Cauwès (т. I,308).

Впрочемъ, замѣтьте, что по мѣрѣ внесенія поправокъ, исправляющихъ основную теорію, у нея отнималась и та заслуга, которая, по крайней мѣрѣ, была у нея, — заслуга удовлетворенія идеѣ справедливости. Мы, дѣйствительно, признали, что была бы гармонія, если бы можно было доказать, что цѣнность предмета пропорціональна труду, который долженъ былъ бы потратить владѣлецъ на производство его, но эта гармонія улетучивается, если ограничиться доказательствомъ того, что цѣнность просто пропорціональна сбереженному труду (который, слѣдовательно, не былъ потраченъ!), какъ это говоритъ Бастіа, или среднему труду (и, слѣдовательно, независимому отъ индивидуальнаго усилія!), какъ это говоритъ Карлъ Марксъ.

каждомъ шагу видимъ, что предметы, которые стоили одинаковаго труда, продаются за весьма различныя цѣны (напр., бычачій филей и хвостъ отъ того же быка), именно, потому, что цѣнность этихъ частей опредѣляется ихъ качествомъ, иначе говоря, ихъ относительной полезностью; и, наоборотъ, предметы, которые стоили различнаго труда, продаются за одинаковую цѣну (напр.: гектолитръ хлѣба, уродившагося на почвѣ, дающей 15 гектолитровъ съ гектара, и гектолитръ хлѣба того же качества, но который былъ собранъ съ земли, дающей 30 гектолитровъ съ гектара). На этомъ, именно, явленіи основанъ знаменитый въ политической экономіи законъ р е н т ы. Какъ мы увидимъ ниже, онъ всегда предполагаетъ нѣкоторый излишекъ въ продажной цѣнѣ предмета надъ стоимостью производства, т.-е. надъ стоимостью, выраженной въ трудѣ. Но, вѣдь, рента существуетъ почти повсюду [11]).

3. Если бы трудъ былъ причиной цѣнности, то тамъ, гдѣ нѣтъ никакого труда, не было бы никакой цѣнности. А, между тѣмъ, нѣтъ числа вещамъ, которыя имѣютъ цѣнность, хотя онѣ и не требовали *никакого* труда, просто потому, что онѣ полезны и нужны: источникъ минеральной воды или нефти, гуано, сложенный морскими птицами, песокъ Камарга, взрытый только вѣтромъ на просторѣ и продающійся очень дорого для разведенія на немъ виноградниковъ, участки земли въ Парижѣ на Поляхъ Елисейскихъ и пр., [12])—или которыя пріобрѣтаютъ новую цѣнность безъ труда: напр., вино, остающееся въ погребѣ.

4. Если трудъ — причина цѣнности, то въ чемъ же причина ц ѣ н н о с т и т р у д а? Ибо и трудъ, несомнѣнно, имѣетъ цѣнность, онъ ежедневно продается, покупается и нанимается. Развѣ не потому, что онъ полезенъ и источникъ полезностей? Легко объяснить

[11]) Рикардо не отрицалъ ренты; онъ-то именно и открылъ ренту для земли (см. кн. III: „Законъ ренты"), но даваемое имъ объясненіе лишь констатируетъ безспорный фактъ, что два предмета одинаковаго качества, т.-е. одинаковой полезности, непремѣнно имѣютъ одинаковую цѣнность, какъ бы ни были неодинаковы труды, которыхъ они стоили.

[12]) Рикардо и его школа не отрицаютъ также (ибо фактъ безспоренъ), что есть извѣстные предметы, „цѣнность которыхъ зависитъ только отъ рѣдкости, потому что никакой трудъ не можетъ увеличить ихъ количество". Но они смотрятъ на нихъ, какъ на незначительное исключеніе и приводятъ въ качествѣ примѣра только драгоцѣнныя картины, статуи и т. д. А, между тѣмъ, въ дѣйствительности эти предметы составляютъ громадное исключеніе, которое уничтожаетъ правило.

цѣнность труда цѣнностью его продуктовъ точно такъ же, какъ цѣнность земли опредѣляется цѣнностью урожаевъ, которые она можетъ дать. Но, если хотятъ объяснить цѣнность этихъ самыхъ продуктовъ цѣнностью породившаго ихъ труда, то начинаютъ вращаться въ заколдованномъ кругу [13]).

5. Наконецъ, и это особенно слѣдуетъ отмѣтить, трудовая концепція цѣнности грубо матеріалистична; она представляетъ цѣнность, какъ продуктъ труда, а между тѣмъ цѣнность не продуктъ. Какъ мы увидимъ, она не заключена въ вещахъ, а приходитъ извнѣ. Слѣдуетъ представлять себѣ цѣнность, какъ освѣщеніе, бросаемое на вещи лучами нашего желанія. По мѣрѣ того, какъ лучи скользятъ то тамъ, то здѣсь, изъ потемокъ вырисовываются предметы внѣшняго міра, и, какъ только лучи сбѣгаютъ съ этихъ предметовъ, послѣдніе вновь исчезаютъ во мракѣ,—они имѣли цѣнность, и ея не стало у нихъ. И вотъ, другая теорія намъ лучше это объяснитъ.

§ 2.—*Предѣльная полезность* *).

Эта другая теорія нѣкоторымъ образомъ противоположна предыдущей: между тѣмъ, какъ послѣдняя связывается съ идеей израсходованнаго усилія, первая связывается съ идеей доставленнаго удовлетворенія.

Но теорія предѣльной полезности отличается отъ старой теоріи полезности тѣмъ, что дѣлаетъ очень тонкое различіе между полез-

---

[13]) Трудовую теорію и теорію стоимости производства часто не отличаютъ одну отъ другой. Однако, важно не смѣшивать ихъ.

Если подъ стоимостью производства разумѣть сумму цѣнъ, уплачиваемыхъ за разныя производительныя услуги, заработную плату, процентъ, аренду и т. д., то вопросъ сводится къ объясненію цѣнности продукта цѣнностью элементовъ, составляющихъ этотъ продуктъ, къ объясненію продажной цѣны себѣстоимостью, но это не просвѣщаетъ насъ ни на счетъ причины, ни на счетъ происхожденія цѣнности, ибо одна цѣнность объясняется здѣсь другой цѣнностью!

Если подъ стоимостью производства подразумѣвать количество труда и количество времени, потраченныхъ на производство какой-нибудь вещи (такъ, именно, понималъ стоимость производства Рикардо), то объясненіе сводится къ приведенному въ контекстѣ, съ той разницей, что къ напряженію или усилію, необходимому для производства, оно относитъ не только трудъ, но и продолжительность его.

*) Ш. Жидъ употребляетъ выраженіе конечная полезность, но мы придерживаемся принятаго на русскомъ языкѣ термина.

Примѣч. ред.

ностью какой-нибудь вещи, разсматриваемой въ массѣ, in genere, и полезностью каждой единицы этой вещи. Она доказала, что только исключительно послѣдняя полезность для насъ важна.

Что хотятъ сказать, формулируя старое возраженіе, что вода очень полезна, но что все-таки она не имѣетъ цѣнности? Хотятъ вести рѣчь о всей, существующей на земномъ шарѣ, водѣ? Въ такомъ случаѣ было бы неправильно утверждать, что она не имѣетъ цѣнности,—она была бы неоцѣнима, если бы она принадлежала отдѣльному лицу или государству и если бы ее можно было продавать. Хотятъ ли говорить о количествѣ содержащейся въ графинѣ или ведрѣ воды? Конечно, о ней говорятъ, ибо она только интересуетъ насъ. Ну и что же? Развѣ нельзя сказать, что вода, содержащаяся въ ведрѣ, полезна или неполезна?... Смотря по обстоятельствамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что количество воды, которымъ я могу располагать ежедневно, распредѣлено по цѣлому ряду занумерованныхъ ведеръ, поставленныхъ у меня на полкѣ. Ведро № 1 имѣетъ для меня максимумъ полезности, потому что оно должно служить для утоленія моей жажды; ведро № 2 имѣетъ также большую полезность, хотя уже меньшую, потому что оно должно служить для варки пищи; ведро № 3—меньшую полезность, потому что оно должно служить для моего туалета; ведро № 4—для пойла моей лошади; ведро № 5—для поливки моихъ георгинъ, ведро № 6—для мытья пола моей кухни. Ведро № 7 не приноситъ мнѣ никакой пользы; поэтому я и не буду трудиться доставать его изъ колодца... И если бы какой-нибудь злой геній, вродѣ вызваннаго „неискуснымъ колдуномъ“ нѣмецкой легенды, потѣшился принести мнѣ 10-ое, 20-ое, 100-ое ведро—вплоть до наводненія, было бы ясно, что эти ведра не только нельзя было бы назвать полезными, но они положительно были бы вредными. Поэтому нельзя сказать, что эти ведра воды полезны или неполезны, но что они представляютъ цѣлую гамму убывающей полезности, начиная съ безконечности и кончая нулемъ и даже ниже.

Остановимся мысленно на ведрѣ № 6, послѣднемъ, которое имѣетъ нѣкоторую полезность, хотя и очень малую, все-таки достаточную для того, чтобы стоило труда достать его изъ колодца. Мы можемъ положительно сказать, что здѣсь самый интересный пунктъ доказательства, что никакое другое ведро не можетъ имѣть

цѣнности выше той, которая измѣряется полезностью этого послѣдняго ведра. Почему же? Потому, что мы измѣряемъ наше наслажденіе или наше лишеніе—что бы ни случилось—этой послѣдней пріобрѣтенной или потерянной единицей. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что ведро № 1, то, которое должно служить для питья, я случайно опрокину, что же, буду ли я взывать къ милосердію, крича, что я осужденъ умереть отъ жажды? Я уподобился бы тогда Жокрису *). Ясно, что я не стану лишать себя питья; я буду только вынужденъ пожертвовать другимъ ведромъ, чтобы замѣнить опрокинутое. Какимъ? Очевидно, тѣмъ, которое мнѣ менѣе всего полезно, именно, послѣднимъ. Вотъ почему оно опредѣляетъ цѣнность всѣхъ остальныхъ. И такъ какъ это послѣднее ведро имѣетъ низшую цѣнность (по крайней мѣрѣ, въ нашихъ странахъ, — иначе обстояло бы дѣло въ африканскихъ деревняхъ), то вода и имѣетъ низшую цѣнность. Дѣйствительно, его предѣльная полезность очень незначительна.

Отбросимъ теперь эту нумерацію, которая придумана нами для демонстраціи и которая ни для чего больше не нужна, такъ какъ теперь ясно, что всѣ ведра тождественны, способны замѣщать другъ друга и, слѣдовательно, всѣ они имѣютъ одинаковую цѣнность. Между тѣмъ, эта цѣнность какъ разъ и есть та цѣнность, которая отвѣчаетъ послѣдней удовлетворенной или обойденной потребности.

Резюмируемъ доказательство:

Цѣнность опредѣляется субъективной полезностью.

Эта полезность не одинакова для каждой находящейся во владѣніи вещи, она убываетъ, ибо интенсивность потребности ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество находящихся во владѣніи единицъ.

Между тѣмъ, именно, полезность послѣдней, находящейся во владѣніи (слѣдовательно, наименѣе полезной, ибо она отвѣчаетъ послѣдней удовлетворенной потребности), единицы опредѣляетъ и ограничиваетъ полезность всѣхъ другихъ единицъ [14]).

---

*) Персонажъ старыхъ французскихъ фарсовъ, встрѣчающійся и понынѣ въ скоморошьихъ представленіяхъ. Жокрисъ, по преимуществу, пустой малый, до крайности довѣрчивый и наивный, игрушка въ рукахъ своихъ сотоварищей.

Примѣч. переводчика.

[14]) Поэтому предѣльную полезность нужно тщательно отличать отъ цѣлостной полезности. Послѣдняя состоитъ изъ суммы сложенныхъ полез-

Слѣдуетъ восхищаться этой теоріей, какъ представляющей весьма тонкій и вѣрный анализъ потребностей человѣка и колебаній ихъ интенсивности. Ей въ заслугу нужно поставить то, что она возродила и примирила два старыхъ объясненія полезности и рѣдкости, показавъ, что оба эти понятія неотдѣлимы, и что полезность, въ экономическомъ смыслѣ этого слова, по необходимости является, какъ выражаются математики, „функціей“ количества. Предѣльная полезность, по существу, есть лишь ученое названіе рѣдкой полезности.

Но эта теорія страдаетъ двумя недостатками:

Первый недостатокъ сводится къ тому, что слово „полезность“ употребляется въ смыслѣ, искажающемъ его первоначальное значеніе, и что, слѣдовательно, каждый разъ требуется утомительная умственная работа для исправленія смысла. Поэтому-то мы и предпочитаемъ слово „желаемость“, а Вильфредо Парето—ophélimité.

Второй недостатокъ: теорія внушаетъ мысль, что отыскана единственная причина цѣнности, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности слово „предѣльная полезность“ обнимаетъ столько различныхъ элементовъ, какъ слово „желаемость“ или какъ слова „трудность пріобрѣтенія.“ Въ самомъ дѣлѣ, не одна только предѣльная полезность предполагаетъ рѣдкость; рѣдкость, или предѣльность въ количествѣ, почти никогда не бываетъ первоначальнымъ фактомъ, — въ нашемъ экономическомъ строѣ она лишь относительный фактъ. Ибо нѣтъ такихъ предметовъ въ мірѣ, даже среди естественныхъ продуктовъ, а тѣмъ болѣе среди продуктовъ человѣческой промышленности, количество которыхъ было бы опредѣлено такъ строго, что, приложивъ трудъ, нельзя было бы его увеличить. Когда говорятъ, что алмазы рѣдки, этимъ вовсе не хотятъ сказать, что природа выпустила въ обращеніе опредѣленное количество ихъ и послѣ того разбила форму; этимъ хотятъ просто сказать, что нужно много труда или много случайностей, чтобы найти алмазъ, и, слѣдовательно, существующее количество ихъ можетъ увеличиваться только съ трудомъ. Если хронометры рѣдки, это не

ностей всѣхъ ведеръ воды и, слѣдовательно, она всегда значительно выше полезности одного послѣдняго ведра. Вотъ почему цѣлостная полезность воды огромна, хотя полезность ведра воды мала.

Уже Франклинъ говорилъ въ Science du Bonhomme Richard: „Когда колодецъ пересохъ, тогда только узнаешь цѣнность воды.“

значитъ, что на свѣтѣ существуетъ только извѣстное количество нумерованныхъ экземпляровъ ихъ; это просто значитъ, что такъ какъ фабрикація хорошаго хронометра требуетъ значительнаго времени и спеціальнаго искусства, то количество ихъ ограничено находящимися въ распоряженіи свободнымъ временемъ и трудомъ. Было бы даже смѣло утверждать, что картины Рафаэля находятся въ абсолютно ограниченномъ числѣ, ибо не совсѣмъ не возможно, чтобы когда-нибудь не открыли гдѣ-нибудь въ глубинѣ чердака или въ какой-нибудь старой церкви другія, кромѣ тѣхъ, которыя мы знаемъ.

Поэтому, при объясненіи цѣнности, мы не можемъ исключать возможность умноженія богатства: простой, еще не осуществившейся, возможности,—напр., открытія, позволяющаго превращать уголь въ алмазъ, даже прежде, чѣмъ оно получило бы примѣненіе въ промышленности, — можетъ быть вполнѣ достаточно, чтобы подѣйствовать охлаждающимъ образомъ на желаніе и на цѣнность.

Наконецъ, этой теоріи, которая гармонируетъ съ фактами и является довольно ясной, поскольку рѣчь идетъ только объ объясненіи индивидуальной цѣнности, удается объяснить мѣновую цѣнность, какъ только мы вступаемъ въ ея область, лишь съ помощью абстракціи (см. ниже о мѣновой цѣнности).

* * *

Таковы двѣ великихъ теоріи цѣнности. Слѣдуетъ ли безусловно сдѣлать выборъ между ними? Нѣтъ, ибо каждая изъ нихъ представляетъ одну сторону истины. Въ погонѣ за единствомъ человѣческій умъ во всемъ ищетъ единую причину; но почему бы цѣнности не имѣть двухъ полюсовъ, двухъ сторонъ: полезность и трудъ, удовольствіе и заботу? Если, какъ мы только что сказали, мы должны устранить грубую идею, что трудъ создаетъ цѣнность, то, тѣмъ не менѣе, мы должны допустить, что усиліе, необходимое для производства предмета, вліяетъ на наше желаніе.

Провѣримъ сами себя. Почему мы приписываемъ какому нибудь предмету извѣстную цѣнность, почему такая-то вещь намъ дорога? Немного поразмысливъ, мы хорошо поймемъ, что мы можемъ дать два различныхъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, противопо-

ложныхъ отвѣта: мы можемъ привязываться къ вещамъ или въ силу удовольствія, которое намъ доставляетъ обладаніе ими, или въ силу усилія, котораго намъ стоило пріобрѣтеніе ихъ. Развѣ не изъ этихъ двухъ элементовъ слагается даже самая сильная любовь,—материнская?

Даже изолированный производитель, Робинзонъ, цѣнитъ свой хлѣбъ не въ силу только своего голода, а и въ силу напряженія, которое онъ потратилъ на производство его, и которое онъ былъ бы принужденъ повторить, чтобы замѣнить его новымъ, если бы хлѣбъ былъ побитъ градомъ до жатвы.

Съ тѣмъ большимъ основаніемъ это относится къ людямъ, живущимъ обществомъ, гдѣ почти всѣ блага получаются при посредствѣ обмѣна, и гдѣ каждый изъ насъ можетъ добыть себѣ благо только при условіи уступки какого-нибудь блага другому. И вотъ покупатель думаетъ, главнымъ образомъ, объ удовольствіи, которое доставитъ ему пріобрѣтаемый предметъ, а продавецъ думаетъ, главнымъ образомъ, о жертвѣ, которой стоилъ ему сбываемый предметъ, и объ усиліи, которое ему придется потратить на замѣну продаваемаго новымъ предметомъ. И, такимъ образомъ, эти два чувства одновременно или послѣдовательно, одно вслѣдъ за другимъ, осаждаютъ нашу мысль, а между ними летаетъ туда и сюда цѣнность, какъ мячъ между ракетками.

Но каждое изъ этихъ чувствъ само по себѣ безконечно сложно. Ограничимся попыткой дать имъ синтезъ въ слѣдующей формулѣ:

Благо имѣетъ тѣмъ большую цѣнность, чѣмъ болѣе интенсивному желанію оно отвѣчаетъ.

Интенсивность этого желанія растетъ одновременно и въ силу наслажденій, которыхъ люди ожидаютъ отъ блага, поскольку они не обладаютъ имъ, и въ силу жертвъ, которыя они должны были бы понести на возмѣщеніе блага, если бы они потеряли его.

V.

Какъ измѣряется цѣнность.

Если цѣнность—степень желаемости, то, чтобы измѣрить цѣнность вещи, слѣдуетъ найти мѣрило интенсивности желанія, которое она въ насъ вызываетъ. Возможно ли это? Да, возможно, если мы ограничимся—это только для насъ и важно—сравненіемъ двухъ желаній съ точки зрѣнія ихъ интенсивности. Какъ для измѣренія вѣса какого-нибудь тѣла мы сравниваемъ дѣйствующую на него притягательную силу земли съ такой же силой, дѣйствующей на другое тѣло, такъ точно мы можемъ измѣрить цѣнность вещи, сравнивая силу, влекущую насъ къ ней, съ силой, которая насъ влечетъ къ какой-нибудь другой вещи.

Правда, для взвѣшиванія желаній нѣтъ вѣсовъ, но у насъ есть способъ столь же точный,—обмѣнъ. При всякомъ обмѣнѣ каждому изъ участниковъ его предстоитъ принести извѣстную жертву для удовлетворенія своего желанія: приходится уступить извѣстное количество находящагося въ его распоряженіи богатства, чтобы получить то, котораго онъ добивается. Ясно, что размѣры приносимой имъ жертвы очень хорошо измѣряютъ интенсивность его желанія. Если бассуто даетъ десять быковъ за одну женщину, не вправѣ ли мы сказать, что для него эта женщина въ десять разъ желательнѣе одного быка?

Чѣмъ живѣе желаніе, внушаемое намъ находящимся въ нашемъ обладаніи предметомъ, тѣмъ больше будетъ количество всякаго другого богатства, которое нужно будетъ намъ предложить, чтобы пробудить въ нашей душѣ противоположное и равное по интенсивности желаніе и чтобы перетянуть чашку вѣсовъ на сторону этого послѣдняго. Поэтому правильно выражаются, когда говорятъ, что мѣновая цѣнность вещи измѣряется количествомъ другихъ вещей, на которое ее можно обмѣнять, или, короче, цѣнность вещи измѣряется ея пріобрѣтательной способностью [15]).

---

[15]) Но остерегайтесь говорить—какъ это слишкомъ часто дѣлаютъ—что пріобрѣтательная способность образуетъ цѣнность! Только наше желаніе образуетъ цѣнность. Пріобрѣтательная способность есть лишь слѣдствіе цѣнности, какъ притягательная способность магнита есть лишь слѣдствіе проникающаго его тока.

Если, слѣдовательно, въ обмѣнъ за быка я могу имѣть 8, 10, 12 барановъ, то я скажу, что цѣнность быка въ 8, 10, 12 разъ больше цѣнности барана, или обратно, цѣнность барана въ 8, 10, 12 разъ меньше цѣнности быка, что можно выразить слѣдующимъ образомъ: цѣнности двухъ товаровъ всегда обратно пропорціональны обмѣниваемымъ количествамъ. Чѣмъ больше нужно отпустить какой-нибудь вещи въ обмѣнъ на другую, тѣмъ меньше она стоитъ, а чѣмъ меньше ея нужно отпустить, тѣмъ больше она стоитъ.

То же, что при взвѣшиваніи: когда вѣсы въ равновѣсіи, можно сказать, что вѣсъ предметовъ обратно пропорціоналенъ ихъ взвѣшиваемымъ количествамъ. Если на одну чашку вѣсовъ нужно было положить 10 барановъ для того, чтобы установить равновѣсіе съ другой чашкой, на которой одинъ быкъ, это значитъ, что вѣсъ барана составляетъ только $^1/_{10}$ вѣса быка.

Но для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о величинѣ, тяжести, цѣнности и всякихъ другихъ количественныхъ понятіяхъ, не достаточно взаимнаго сравненія и измѣренія вещей,— необходимо имѣть общую мѣру для всѣхъ вещей. Такъ, для измѣренія длины мѣрой сравненія выбрали или какую-нибудь часть человѣческаго тѣла (во Франціи—pied, pouce, coudée) или опредѣленную часть окружности земного шара (метръ). Для измѣренія вѣса мѣрой сравненія выбрали опредѣленный вѣсъ дистиллированной воды.

Назначеніе общей мѣры состоитъ въ томъ, чтобы можно было съ помощью ея сравнивать двѣ расположенныя въ различныхъ мѣстахъ вещи, которыя, слѣдовательно не могутъ быть сравнены непосредственно, или чтобы можно было сравнивать одну и ту же вещь въ разные моменты и убѣдиться, измѣнилась ли она и въ какомъ отношеніи. Метръ позволяетъ сравнить ростъ лапландцевъ съ ростомъ патагонцевъ и установить, насколько послѣдніе выше первыхъ. Онъ позволитъ, если онъ будетъ въ употребленіи или просто будетъ извѣстенъ черезъ нѣсколько тысячелѣтій, сравнить человѣка будущихъ временъ съ человѣкомъ нашихъ дней и установить, понизился ли ростъ его.

Для измѣренія цѣнности недостаточно сравнить двѣ цѣнности (какъ это дѣлается при натуральномъ обмѣнѣ); нужно еще за мѣру сравненія взять цѣнность опредѣленной вещи. Но какую вещь избрать для этого?

Каждый народъ, каждая эпоха пользовались различными мѣрами. Гомеръ говоритъ, что вооруженіе Діомеда стоило сто быковъ. Японецъ еще недавно сказалъ бы, что оно стоило столько то центнеровъ риса, черный африканецъ—столько-то метровъ матеріи, охотникъ изъ Канады—столько-то лисьихъ шкурокъ.

Замѣчателенъ, однако, тотъ фактъ, что почти всѣ цивилизованные народы сошлись въ выборѣ цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ—золота, серебра или мѣди, въ особенности, первыхъ двухъ—какъ мѣры, масштаба цѣнностей. Всѣ народы стали пользоваться маленькимъ слиткомъ золота или серебра, который назвали франкомъ, фунтомъ стерлинговъ, маркой, долларомъ, рублемъ и т. д. Для измѣренія цѣнности какого-нибудь предмета сравниваютъ ее съ цѣнностью того вѣса золота или серебра, который служитъ монетной единицей, т.-е. узнаютъ, сколько надо уступить этихъ маленькихъ слитковъ для пріобрѣтенія даннаго товара, и если ихъ надо уступить, напримѣръ, 10, то говорятъ, что товаръ стóитъ 10 франковъ или 19 долларовъ и т. д. Это его ц ѣ н а.

Цѣна какой-нибудь вещи есть, слѣдовательно, выраженіе отношенія, существующаго между цѣнностью этой вещи и цѣнностью извѣстнаго вѣса золота и серебра, или, короче, е я в ы р а ж е н н а я в ъ д е н ь г а х ъ ц ѣ н н о с т ь; а такъ какъ во всякой цивилизованной странѣ деньги являются единственнымъ употребительнымъ мѣриломъ, то слово „цѣна“ стало синонимомъ слова „цѣнность“ [16]).

Почему благородные металлы были избраны общимъ мѣриломъ цѣнности? Потому, что они имѣютъ два особенныхъ свойства, которыя позволяютъ имъ выполнять эту функцію, если не въ совершенствѣ, то, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ всякому другому извѣстному предмету.

Эти два свойства слѣдующія: съ одной стороны, очень большая цѣнность при небольшомъ объемѣ, вслѣдствіе чего ихъ очень л е г к о п е р е в о з и т ь; съ другой стороны, химическая неизмѣняемость, что обезпечиваетъ имъ почти неограниченную п р о ч н о с т ь. Благодаря первому изъ этихъ свойствъ, цѣнность благородныхъ металловъ менѣе другихъ цѣнностей мѣняется съ мѣстностью; а благодаря второму свойству она менѣе другихъ мѣняется изъ года въ годъ. Эта двоякая неизмѣняемость въ про-

[16]) См. въ кн. II, главу „Цѣна“.

странствѣ и во времени есть существенное условіе всякой общей мѣры. Однако, въ главѣ о деньгахъ мы увидимъ, что когда охватываешь длинные періоды времени, и даже не нѣсколькихъ столѣтій, а только одного поколѣнія, то эта неизмѣняемость оказывается иллюзорной.

Можно ли было бы найти лучшую? Было предложено нѣсколько, прежде всего—х л ѣ б ъ.

На первый взглядъ такой выборъ кажется страннымъ, ибо если наблюдать цѣнность этого товара въ разныхъ мѣстахъ или въ разные періоды времени, то замѣтишь, что мало такихъ товаровъ, колебанія цѣнъ которыхъ были бы болѣе поразительны. Можно было видѣть, что въ одно и то же время гектолитръ хлѣба продается за 20 франковъ во Франціи, за 15 фр. въ Лондонѣ и даже за 3—4 фр. въ нѣкоторыхъ областяхъ Сибири. И изъ года въ годъ, смотря по тому, будетъ ли годъ урожайнымъ или нѣтъ, цѣна хлѣба можетъ колебаться въ широкихъ предѣлахъ.

На это возражаютъ, что если цѣнность хлѣба несравненно перемѣнчивѣе цѣнности благородныхъ металловъ въ пространствѣ или даже въ короткіе промежутки времени, то она, наоборотъ, гораздо болѣе стойка, если обнять длинные періоды. Хлѣбъ отвѣчаетъ физіологической потребности, которая перманентна и почти не подвержена колебаніямъ. Ни одинъ товаръ не отличается въ такой же степени слѣдующими двумя чертами: безъ него почти нельзя обойтись (по крайней мѣрѣ, для европейскихъ обществъ) въ предѣлахъ количества, необходимаго для питанія человѣка, и, во-вторыхъ, онъ почти безполезенъ за этими предѣлами, ибо никто не заботится ѣсть хлѣба больше, чѣмъ требуется для утоленія голода. Поэтому, несмотря на всѣ рѣзкія и многочисленныя колебанія, вызываемыя капризами неба въ производствѣ хлѣба, законъ предложенія и спроса всегда стремится свести его къ уровню, указанному физіологической потребностью, съ тѣмъ большей силой, что иначе въ производствѣ хлѣба немедленно нарушилось бы равновѣсіе.

Вполнѣ вѣрно, что, съ точки зрѣнія колебаній своей цѣнности, хлѣбъ представляетъ качества и недостатки, к а к ъ р а з ъ п р о т и в о п о л о ж н ы е тѣмъ, которыми характеризуются благородные металлы.

Но этого недостаточно, чтобы отвести ему роль денегъ. Самое большее, на что онъ можетъ претендовать, это роль его, какъ

дополнительнаго и провѣрочнаго мѣрила. И, дѣйствительно, статистики часто пользовались имъ, какъ хорошимъ контрольнымъ средствомъ для опредѣленія стоимости жизни въ разные періоды исторіи.

Предлагалась еще въ качествѣ общей мѣры, заработная плата рабочаго послѣдней категоріи, поденщика, каторый подлинно зарабатываетъ свою жизнь; при этомъ исходили изъ той мысли, что необходимое для жизни человѣка количество средствъ должно быть величиной постоянной. Но достаточно обратиться къ тому, что мы выше сказали о потребностяхъ, и къ тому, что мы ниже скажемъ о заработной платѣ, чтобы признать это предположеніе безусловно противорѣчащимъ фактамъ.

Лучшей мѣрой, повидимому, было бы затраченное для производства напряженіе, усиліе, ибо можно съ полнымъ правомъ утверждать, что люди соглашаются потратить на производство какой-нибудь вещи тѣмъ больше усилія, чѣмъ больше ея они желаютъ, другими словами: чѣмъ больше они признаютъ въ ней цѣнности. Какъ при обмѣнѣ мы измѣряемъ цѣнность какого-нибудь блага жертвой въ формѣ другого блага, приносимой нами для того, чтобы добыть желаемую вещь — напр., количествомъ уступаемаго покупателемъ серебра—такъ точно не можемъ ли мы измѣрить ее жертвой, которую люди готовы принести для производства вещи, въ формѣ своего времени и напряженія, количества ударовъ молота или лопаты? Въ этомъ смыслѣ Адамъ Смитъ говорилъ: „Трудъ былъ первобытной монетой, которой люди платили за всѣ вещи“ [17]).

---

[17]) Не слѣдуетъ смѣшивать эту теорію съ уже отвергнутой теоріей, которая дѣлаетъ трудъ причиной цѣнности. Мы разсматриваемъ здѣсь трудъ не какъ причину цѣнности, а наоборотъ, какъ слѣдствіе, проявленіе цѣнности или, вѣрнѣе, желанія, составляющаго цѣнность. Но если допускается, что трудъ—слѣдствіе цѣнности, то должно представиться вполнѣ научнымъ пріемомъ измѣреніе причины ея слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, теплоту измѣряютъ съ помощью расширенія ртути въ термометрѣ.

Теоретически эта мѣра была бы даже лучше предыдущихъ потому, что послѣднія всѣ ограничиваются измѣреніемъ одной цѣнности какой-нибудь другой посредствомъ сравненія ихъ, такъ что можно достичь только относительнаго результата. Я измѣряю цѣнность хлѣба цѣнностью золота, но если констатируютъ, что въ теченіе ста лѣтъ тотъ же вѣсъ золота стоитъ въ два раза больше хлѣба, то я не смогу узнать, какая изъ двухъ цѣнностей измѣнилась (см. ниже о деньгахъ). Наоборотъ, усиліе, которое я готовъ затратить для удовлетворенія моего желанія,

Къ сожалѣнію, нелѣпо искать мѣру цѣнностей въ напряженіи или усиліи, потому что они сами нуждаются въ измѣреніи, а у насъ нѣтъ никакого динамометра для этого.

И потому, за недостаткомъ лучшаго, пришлось удовольствоваться, какъ мѣрой цѣнностей, золотомъ и серебромъ; но ихъ ошибки можно попытаться исправить.

VI.

Какъ исправляется мѣрило цѣнностей.

Index Numbers.

Можно ли найти средство узнавать и исправлять тѣ видимыя колебанія, которыя стоятъ въ связи съ колебаніемъ мѣрила? Предлагалось нѣсколько такихъ средствъ.

Возьмемъ тщательно составленный списокъ существующихъ въ данный моментъ цѣнъ на всѣ безъ исключенія товары. Предположимъ, что черезъ 10 лѣтъ составляется новый списокъ; сравнивая его со старымъ, мы констатируемъ, что всѣ безъ исключенія цѣны повысились на 100%, т.-е. удвоились. При подобномъ предположеніи мы можемъ утверждать, что цѣнность денегъ понизилась на половину. Если всякая вещь, стоившая раньше 1 франкъ, стоитъ нынѣ 2 франка, это значитъ, что 2 франка стоятъ не больше, чѣмъ 1 франкъ и, слѣдовательно, звонкая монета потеряла половину своей цѣнности.

На какомъ же основаніи мы вправѣ формулировать такое заключеніе?

А вотъ на какомъ. Такое явленіе, какъ всеобщее и едино-

позволяетъ подняться до самой основы цѣнности, измѣрить степень желаемости и, благодаря этому, сравнить какую-нибудь цѣнность съ самой собой, — сказать, напр., стало ли нынѣ желаніе хлѣба менѣе интенсивнымъ, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ (что, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію).

Между деньгами и трудомъ, какъ мѣрами цѣнностей, есть та же самая разница, какая существуетъ между вѣсами и маятникомъ, какъ мѣрами вѣса. Вѣсы позволяютъ намъ сравнивать относительный вѣсъ двухъ тѣлъ, между тѣмъ какъ маятникъ измѣряетъ причину тяжести, т.-е. земное притяженіе.—Онъ, напр., даетъ такія указанія, какихъ вѣсы не могли бы дать: насколько ослабѣваетъ интенсивность тяготѣнія по мѣрѣ того, какъ поднимаешься на гору.

образное повышеніе цѣнъ допускаетъ только два возможныхъ объясненія: или нужно допустить, что факты и на самомъ дѣлѣ таковы, какими они кажутся, т.-е. что всѣ товары испытали общее и одинаковое повышеніе цѣнъ, или нужно допустить, что цѣнность одной только вещи, денегъ, испытала пониженіе, а въ цѣнности другихъ товаровъ не произошло никакихъ измѣненій. На какомъ же изъ этихъ двухъ объясненій остановиться? Здравый смыслъ не позволяетъ здѣсь колебаться ни секунды. Насколько второе объясненіе просто и ясно, настолько первое — невѣроятно по удивительному стеченію обстоятельствъ, которое оно предполагаетъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ причину, способную дѣйствовать одновременно и одинаково на цѣнность предметовъ самыхъ несходныхъ съ точки зрѣнія ихъ полезности, количества, способа производства,—причину, способную заставить подняться заразъ и въ одинаковой пропорціи шелку и каменному углю, хлѣбу и алмазу, кружевамъ и винамъ, землѣ и рабочимъ рукамъ и всѣмъ другимъ предметамъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго? Предпочесть это второе объясненіе было бы такъ же нелѣпо, какъ для объясненія движенія небесныхъ свѣтилъ предпочесть систему Птоломея системѣ Коперника. И это движеніе также можно объяснять двумя способами: либо передвиженіемъ всего небеснаго свода съ востока на западъ, или просто передвиженіемъ нашей земля въ обратномъ направленіи. Но, даже при отсутствіи всякаго прямого доказательства, нельзя было бы колебаться въ выборѣ между этими двумя объясненіями: какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, чтобы такія различныя по своей природѣ и чудовищно удаленныя другъ отъ друга свѣтила, какъ солнце, луна, планеты, звѣзды и туманныя пятна, могли такъ вращаться, сохраняя свое положеніе и разстояніе между собою, словно солдаты на смотрѣ? Такое же разсужденіе примѣнимо и къ восходящему и однообразному движенію цѣнъ; оно не можетъ быть разумно объяснено иначе, какъ своего рода оптической иллюзіей, являясь лишь кажущимся движеніемъ, вызываемымъ дѣйствительнымъ и обратнымъ движеніемъ денегъ [18]).

Правда, факты не представляются въ такомъ простомъ видѣ, какъ мы ихъ предположили. Никогда не констатируется безусловно общее и единообразное повышеніе цѣнъ, а констатируется

---

[18]) См. Курно, Doctrines économiques.

слѣдующее: такъ какъ цѣнность каждой вещи имѣетъ свои, только ей одной свойственныя причины колебаній, то нѣкоторыя цѣны повышаются въ очень различныхъ пропорціяхъ, другія остаются безъ измѣненій, третьи даже понижаются. Во всякомъ случаѣ, если съ помощью правильно произведенныхъ вычисленій можно вывести общее среднее повышеніе, напр., на 10%, то это среднее, по тѣмъ же основаніямъ, которыя мы только что приводили, можно будетъ объяснить только равнымъ и обратнымъ пониженіемъ цѣнности звонкой монеты [19]).

Съ этой цѣлью многіе экономисты занимаются нынѣ составленіемъ таблицъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: Index Numbers (по-французски: les nombres indicateurs.) Въ эти таблицы можно помѣстить всѣ товары, но выбираютъ главные. Производить выборъ товаровъ — дѣло довольно щекотливое, ибо онъ можетъ повліять на результаты. Если рѣчь идетъ не столько о томъ, чтобы опредѣлить колебанія денежнаго мѣрила, сколько о томъ, чтобы установить вліяніе этихъ колебаній на стоимость жизни, то выбираютъ предметы самаго широкаго потребленія и даже умножаютъ ихъ цѣны на коэффиціентъ, пропорціональный ихъ важности въ расходномъ бюджетѣ. Разъ выборъ произведенъ, для 50 или 100 товаровъ, напр, то берутъ ихъ цѣны за извѣстный періодъ, принимаемый за точку отправленія. Надо ли еще знать, какія цѣны выбрать: оптовыя или розничныя? Выборъ цѣнъ зависитъ отъ того, какое употребленіе предполагается сдѣлать изъ таблицы, какъ способа изслѣдованія. Наконецъ, опредѣливъ цѣны, подводятъ итогъ и ставятъ его въ графу разсматриваемаго года. То же самое продѣлываютъ по отношенію ко всѣмъ разсматриваемымъ годамъ и, сравнивъ всѣ эти итоги, сразу же замѣчаютъ, повышается или понижается вся совокупность цѣнъ. Для облегченія чтенія этихъ таблицъ и вычисленій, сумму цѣнъ за тотъ годъ, съ которымъ сравниваются всѣ другіе, обозначаютъ условной цифрой 100, а

---

[19]) Да будетъ намъ позволено заимствовать изъ астрономической области еще одно сравненіе. Было констатировано, что звѣзды, неправильно названныя неподвижными, въ дѣйствительности передвигаются въ весьма различныхъ направленіяхъ. Все-таки, предполагали установить среднее направленіе всѣхъ этихъ движеній къ одной опредѣленной точкѣ на небѣ. И, не имѣя никакихъ данныхъ для объясненія этого общаго движенія, разсматриваютъ его, какъ оптическую иллюзію, производимую передвиженіемъ нашей солнечной системы къ противоположному именно полюсу, обозначаемому созвѣздіемъ Геркулеса.

суммы за всѣ другіе годы выражаются тогда въ пропорціональныхъ числахъ.

Взявъ, напр., одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и чаще всего приводимыхъ, Index Numbers англійскаго статистика Sauerbeck'a, мы будемъ имѣть, такимъ образомъ, слѣдующія цифры (мы даемъ только максимальныя и минимальныя):

1818 — 1827 111
1848 — 1857 89
1858 — 1867 . . . . . 100 (годъ, принятый за исходную точку).
1890 — 1899 66
1900 — 1910 80

Можно также выразить таблицу въ графической формѣ, изображая каждую цѣну вертикальной линіей (ординатой) соотвѣтствующей высоты и соединяя вершины всѣхъ вертикальныхъ кривой. Такія таблицы, придуманныя англійскимъ экономистомъ Ньюмаркомъ въ 1859 г., не даютъ особенно точныхъ результатовъ, такъ какъ въ способѣ ихъ составленія есть, очевидно, значительная доля произвольности. Но когда сравниваютъ Index Numbers, составленные въ разныхъ странахъ и по различнымъ методамъ, то онѣ даютъ довольно согласныя показанія.

Уже и въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ удовлетворительны настолько, что съ помощью ихъ можно было бы осуществить очень смѣлый проектъ, состоящій въ томъ, чтобы въ долгосрочные договоры ссуды или аренды вводить измѣненія, дѣлающіяся необходимыми вслѣдствіе колебаній денежнаго мѣрила.

Можно было бы въ опредѣленные періоды опубликовывать таблицы этихъ колебаній, которыя могли бы служить оффиціальнымъ курсомъ для исправленія ошибокъ, происходящихъ на практикѣ отъ употребленія звонкой монеты въ качествѣ мѣры цѣнностей,—для того, напр., чтобы позволить должникамъ, занявшимъ 100 франковъ, покрыть долгъ уплатой только 90 фр., или, наоборотъ, чтобы заставить ихъ заплатить 110 фр., смотря по тому, констатировано ли пропорціональное повышеніе или пониженіе въ цѣнности денегъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРОИЗВОДСТВО.

Первая часть.

Факторы производства.

Въ силу восходящей ко времени первыхъ экономистовъ традиціи, всегда различали три фактора производства: землю, трудъ и капиталъ. Это тройное дѣленіе удобно для классификаціи, и мы не думаемъ, чтобы было полезно отказываться отъ него.

Но оно нуждается въ кое-какихъ предварительныхъ поправкахъ. Классическая политическая экономія всегда обнаруживала прискорбную тенденцію ставить эти три фактора на одну линію. Между тѣмъ, они играютъ далеко неодинаковую роль.

Изъ всѣхъ трехъ факторовъ только трудъ и могъ бы претендовать на титулъ агента производства, въ точномъ смыслѣ этого слова. Только человѣкъ играетъ активную роль, ему одному принадлежитъ иниціатива во всякой производительной операціи.

Земля (лучше сказать, природа, ибо дѣло идетъ не только о воздѣланной почвѣ, но и о матеріальной, твердой, жидкой и газообразной средѣ, въ которой мы живемъ) играетъ безусловно пассивную роль: она повинуется настояніямъ человѣка, и то чаще всего послѣ долгаго сопротивленія. Тѣмъ не менѣе она составляетъ необходимое условіе производства, по крайней мѣрѣ, всякій разъ, какъ дѣло идетъ о вещественныхъ богатствахъ. Съ полнымъ правомъ ее можно даже назвать первоначальнымъ факторомъ, ибо она не только сопутствуетъ дѣйствію труда, но и предшествуетъ ему. Дѣятельность человѣка не могла бы проявляться въ

пустомъ пространствѣ; она не оперируетъ творческимъ: „fiat“ (да будетъ!), она должна найти внѣ себя необходимые матеріалы; природа и доставляетъ ей эти матеріалы.

Третій факторъ, капиталъ, не только играетъ, подобно природѣ, чисто пассивную роль и никоимъ образомъ не заслуживаетъ названія агента, но и не можетъ быть даже названъ, подобно ей, первоначальнымъ факторомъ. Онъ является только подчиненнымъ факторомъ, который, какъ съ логической, такъ и съ генеалогической точки зрѣнія, происходитъ отъ двухъ остальныхъ. Капиталъ, какъ это мы увидимъ болѣе подробно ниже, продуктъ труда и природы, содѣйствующій производству. Наиболѣе подходящимъ для него названіемъ было бы — орудіе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Нельзя не замѣтить, что каждый изъ трехъ факторовъ производства появился на экономической сценѣ въ свое время. Въ примитивныхъ обществахъ охотниковъ, рыболововъ или пастуховъ почти исключительно природа все доставляла имъ; въ античной древности къ ней присоединился трудъ, сначала земледѣльческій, затѣмъ промышленный; наконецъ, въ современныхъ обществахъ появился капиталъ, который занялъ по отношенію къ остальнымъ двумъ факторамъ такое господствующее положеніе, что соціальный режимъ нашего времени въ обыденной рѣчи называютъ капиталистическимъ режимомъ.

Настоящая классификація, какъ и всякая классификація вообще, въ извѣстномъ отношеніи является, очевидно, произвольной: въ дѣйствительности эти три фактора часто сливаются, перемѣшиваются. Расчищенная, дренированная и воздѣланная земля становится продуктомъ труда и, слѣдовательно, капиталомъ. Органы человѣка, напр., гортань тенора, являются, несомнѣнно, естественными агентами. Но человѣкъ также становится капиталомъ, когда онъ, благодаря воспитанію, накопилъ въ своемъ мозгу и воплотилъ въ свои дѣла пріобрѣтенныя познанія.

ГЛАВА I.

Природа.

Подъ словомъ „природа“ слѣдуетъ понимать не какой-нибудь опредѣленный факторъ производства (имъ выражалось бы тогда какая-то расплывчатая сущность), а совокупность предсуществующихъ элементовъ, доставляемыхъ намъ средой, въ которой мы живемъ [1]). Для того, чтобы человѣкъ могъ производить, необходимо, чтобы природа доставляла ему благопріятную среду, годный для утилизаціи сырой матеріалъ, а также весьма часто двигательныя силы, помогающія его работѣ. Можно было бы прибавить время, ибо время, какъ и пространство, служитъ условіемъ нашего существованія.

I.

Среда.

Съ перваго взгляда кажется, что человѣкъ ничего не можетъ измѣнить въ средѣ, въ которую его поставила природа. Но степень развитія организма характеризуется его способностью подчинять себѣ среду, а не подчиняться ей. Законъ этотъ въ высокой степени оправдывается на человѣкѣ. Конечно, онъ не можетъ создать рудниковъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, но онъ можетъ, съ помощью удобренія, всякую почву превратить въ годную для обработки, болота и даже заливы (какъ Zuyderzee)—въ пахотныя земли. Онъ не можетъ измѣнить великихъ географическихъ очертаній, намѣченныхъ природой, но стоитъ только ей проявить кое-какую подат-

---

[1]) Раньше употребляли слово земля. Это выраженіе равнозначуще первому, если подъ нимъ понимать не только обрабатываемую почву, но и весь земной шаръ съ его атмосферой. Единственной частью вселенной, которая могла служить ареной для нашей экономической дѣятельности, является, какъ само собой очевидно, наша планета, да и то только въ верхнихъ слояхъ своей коры. Все-таки, съ научной точки зрѣнія, слово природа представляется болѣе точнымъ, поскольку намъ извѣстны народности, утилизировавшія желѣзные самородки, которые они находили въ аэролитахъ, падавшихъ съ неба, и поскольку двигательная сила (вѣтеръ, теченіе воды, и содержащаяся въ углѣ теплота) происходитъ отъ солнечной теплоты.

ливость, и человѣкъ можетъ видоизмѣнить и эти очертанія; дополнить, напр., систему внутренней навигаціи, уничтожить преграды горъ и морскіе заливы, путемъ проведенія чрезъ нихъ или подъ ними путей сообщенія; или отрѣзать Африку отъ стараго материка, Южную Америку отъ Новаго Свѣта и сдѣлать острова изъ этихъ полуостововъ. Человѣкъ, правда, не можетъ измѣнить климатическихъ условій, но съ помощью облѣсенія мѣстностей въ широкомъ масштабѣ, путемъ развитія извѣстныхъ приспособленныхъ растеній, а впослѣдствіи и другими средствами, тайны которыхъ мы не знаемъ, человѣческая дѣятельность сможетъ, вѣроятно, замѣтнымъ образомъ измѣнить время выпаденія дождей и направленіе вѣтровъ.

Среда составляется изъ слѣдующихъ частей:

1. Изъ атмосферы, которая содержитъ необходимый для жизни кислородъ, удовлетворяющій самой настоятельной и самой неотложной потребности, ибо достаточно прекратиться доступу его на 1—2 минуты, чтобы послѣдовала смерть. Но такъ какъ составъ атмосферы одинаковъ на всемъ пространствѣ земного шара и повсюду встрѣчается она въ сверхъобильномъ количествѣ, то съ этимъ столь драгоцѣннымъ благомъ не связывается экономическій интересъ. Но поскольку эта атмосфера является болѣе или менѣе умѣренной, болѣе или менѣе влажной, болѣе или менѣе богатой солнечнымъ свѣтомъ, дождевыми осадками и водными теченіями, словомъ, поскольку она создаетъ тотъ или другой климатъ, она вліяетъ рѣшительнымъ образомъ на культуру почвы и на всѣ виды промышленной дѣятельности [2]). Если въ Ниццѣ или С.-Морицѣ за метръ голой земли платятъ сотни франковъ, то такимъ образомъ пріобрѣтаютъ не столько право собственности на землю, сколько право пользованія такимъ благодатнымъ воздухомъ, солнцемъ, какихъ нѣтъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ [3]).

---

[2]) Монтескьё въ своемъ Esprit des Lois одинъ изъ первыхъ приписывалъ климату рѣшительное вліяніе.

[3]) Отколовшаяся отъ школы Ле-Плэ вѣтвь ея во главѣ съ Демоленомъ видитъ въ вопросѣ о территоріи исходный пунктъ всей соціальной науки. Она различаетъ три категоріи почвы, дающія начало тремъ типамъ примитивныхъ обществъ: степь даетъ начало пастушескимъ племенамъ; морской берегъ — племенамъ, занимающимся рыболовствомъ; лѣса—охотничьимъ племенамъ. Это основные типы простыхъ обществъ, т.-е. такихъ, которыя живутъ исключительно естественными продуктами природы. Но школа идетъ дальше и выводитъ отсюда

Тропическія страны могли видѣть расцвѣтъ блестящихъ цивилизацій, но онѣ не видѣли трудолюбивыхъ и плодовитыхъ въ промышленномъ отношеніи расъ. Природа какъ бы парализуетъ тамъ промышленную дѣятельность какъ своими щедротами, такъ и силой своихъ стихій. Въ этомъ счастливомъ климатѣ, гдѣ хлѣбъ растетъ, какъ плоды, гдѣ температура избавляетъ отъ заботы объ одеждѣ и почти о жилищѣ, человѣкъ привыкаетъ расчитывать на природу и избавляетъ себя отъ усилій. А, съ другой стороны, стихіи въ этихъ странахъ такъ грозны, такъ непреодолимы въ своихъ различныхъ проявленіяхъ — проливныхъ дождяхъ, наводненіяхъ, землетрясеніяхъ, ураганахъ,—что устрашенному человѣку и въ голову не приходитъ мысль укротить эти силы и заставить ихъ служить своимъ цѣлямъ,—въ пору бы уберечься отъ нихъ. Въ нашихъ умѣренныхъ странахъ, наоборотъ, природа достаточно скупа, чтобы принуждать человѣка много расчитывать на собственныя усилія, но она недостаточно страшна, чтобы не позволять человѣческой дѣятельности справиться съ ней. Здѣсь природа благопріятствуетъ производительной дѣятельности одновременно и тѣмъ, въ чемъ она намъ отказываетъ, и тѣмъ, чѣмъ она насъ одѣляетъ.

2. Изъ территоріи, которая въ свою очередь заключаетъ въ себѣ географическое, морское или континентальное положеніе, горный рельефъ, опредѣляющій направленіе рѣкъ и крупныхъ путей сообщенія, почвенныя и подпочвенныя богатства. Кто могъ бы измѣрить вліяніе островного положенія Англіи, или даже Японіи, на ихъ промышленное и торговое развитіе? [4]) И если хотятъ

всѣ сложныя, иначе говоря, цивилизованныя общества. Въ примитивномъ состояніи почвы она остроумно отыскиваетъ начало и единственную причину всѣхъ современныхъ формъ собственности, семьи, государственнаго строя и т. д. См. интересное развитіе этой системы въ собраніи журн. La science Sociale.

Но школа К. Маркса ближе къ истинѣ, когда она показываетъ, что вліяніе физической среды падаетъ по мѣрѣ роста вліянія экономической среды.

[4]) Если бы нужно было привести доказательство того, какую первостепенную роль играла въ судьбахъ Англіи „серебристая кайма“, его можно было бы найти въ томъ странномъ чувствѣ безпокойства, которое овладѣло англійской націей—такой торговой и столь приверженной къ свободѣ торговли!—предъ одной перспективой быть соединенной съ континентомъ туннелемъ подъ Ла-Маншемъ, и въ категорическомъ отказѣ англійскаго правительства, несмотря на „l'entente codiale“, въ проектѣ, вполнѣ осуществимомъ и даже готовомъ къ исполненію.

знать, почему африканскій материкъ, извѣстный съ древнѣйшихъ временъ и даже бывшій колыбелью древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ цивилизацій—египетской, остался до нашихъ дней внѣ всякаго экономическаго движенія, между тѣмъ какъ обѣ Америки, открытыя всего четыре столѣтія тому назадъ, изборождены во всѣхъ направленіяхъ коммерческими водными путями, то главную причину этого слѣдуетъ искать въ различіи ихъ рѣчныхъ системъ. Въ то время, какъ рѣки Новаго Свѣта, при впаденіи въ океанъ, разливаются въ обширные лиманы и такъ взаимно переплетаются, что можно изъ притоковъ Лаплаты проникнуть въ притоки Амазонки, а отсюда въ притоки Ориноко, или изъ бассейна Миссиссипи въ бассейнъ Большихъ Озеръ, почти не покидая воднаго пути,— всѣ африканскія рѣки, не менѣе, однако, широкія, ставятъ предъ изыскателемъ въ нижней части своего теченія преграду въ видѣ непроходимыхъ пороговъ или заразительныхъ болотъ,—кромѣ развѣ Нила,—но и то сказать: какую историческую и экономическую роль игралъ этотъ послѣдній?

Химическій составъ почвы, который, какъ и составъ подпочвы, стоитъ, впрочемъ, въ связи съ геологическими образованіями, оказываетъ не меньшее вліяніе. Отъ него, именно, зависитъ сельскохозяйственное богатство страны. Если Китай можетъ питать свое, какъ въ муравейникѣ, кишащее населеніе, то онъ обязанъ этимъ своей „желтой землѣ“; а Россія не менѣе обязана своему богатому черноземy,—да, поистинѣ, богатому, ибо, по словамъ одного геолога, онъ содержитъ не менѣе, чѣмъ на 16 милліардовъ франковъ азота и фосфора.

Однако, въ естественномъ состояніи это богатство земли не приноситъ человѣку особенной помощи и скорѣе служитъ для его дѣятельности препятствіемъ, благодаря обилію растительности, отъ которой и приходится на первыхъ порахъ піонерамъ освобождаться,—весьма часто, правда, хищническими пріемами, о которыхъ впослѣдствіи имъ приходится сожалѣть. Нынѣ человѣкъ жалѣетъ о томъ, что лѣса вырублены, и дѣлаетъ попытки сохранить тѣ, которые еще покрываютъ нѣкоторыя области южно-американскаго и африканскаго материковъ.

До послѣдняго столѣтія подземныя отложенія почти не оказывали никакого дѣйствія на эволюцію общества. Но нынѣ они играютъ первенствующую роль и немало способствовали перемѣщенію націй въ строѣ промышленной и даже политической

жизни, ибо подпочва создаетъ такія громадныя скопленія людей, какія мы находимъ въ Германіи, Бельгіи и Англіи. Міровое производство каменнаго угля и желѣза уже представляетъ цѣнность, равную цѣнности хлѣба. Скоро добыча подземныхъ продуктовъ превзойдетъ цѣнностью жатву съ поверхности земли, и первые нынѣ больше всего цѣнятся.

Франція не относится къ числу странъ, наиболѣе богато надѣленныхъ, но она не находится и среди наиболѣе обездоленныхъ. Что касается каменнаго угля, то у нея есть нѣсколько хорошихъ мѣсторожденій его, но они не совсѣмъ удобно расположены: не на берегу моря, какъ въ Англіи, и не у какой-нибудь большой рѣки, какъ въ Германіи; а самая лучшая въ этомъ отношеніи область была отнята при ампутаціи Лотарингіи. При данныхъ условіяхъ она производитъ 40 милліоновъ тоннъ, но это лишь $^2/_3$ того, что она потребляетъ, и этотъ недостатокъ будетъ все увеличиваться. Въ отношеніи желѣза Франція находится въ лучшемъ положеніи, благодаря одному пріему, который позволилъ пользованіе фосфорнокислой рудой, бывшей недавно еще негодной для утилизаціи.

Въ вопросъ о территоріи входитъ также, какъ составная часть, вопросъ о мѣстѣ, ибо мѣсто—необходимое условіе всякаго производства. Для человѣка необходимо извѣстное пространство, хотя бы для того, чтобы было, гдѣ стать; чтобы прилечь, ему нужно уже немного побольше; еще больше, чтобы построить себѣ домъ, и гораздо больше, чтобы сѣять хлѣбъ или пасти свои стада.

Вотъ этотъ-то вопросъ о мѣстѣ становится угрожающимъ, какъ только населеніе какой-нибудь страны перешагнуло извѣстный предѣлъ плотности. Когда человѣческія существа, повинуясь инстинкту общественности, скучиваются въ одномъ изъ тѣхъ громадныхъ муравейниковъ, какъ Лондонъ, Нью-Іоркъ, Парижъ, тамъ, въ концѣ-концовъ, обнаруживается недостатокъ въ необходимомъ для ихъ помѣщенія мѣстѣ. Земельные участки пріобрѣтаютъ цѣнность бо́льшую, чѣмъ занимающія ихъ постройки, хотя бы эти были мраморные дворцы, а отсюда возникаютъ гибельныя соціальныя послѣдствія, какъ это мы увидимъ, касаясь вопроса объ арендной платѣ за квартиры.

Было бы, конечно, нелѣпо опасаться, что наступитъ когда-нибудь такое время, что на землѣ не будетъ хватать мѣста, необходимаго для пропитанія людей. Въ самомъ дѣлѣ, для пропитанія одного человѣка необходимо значительное пространство земли.

Правда, успѣхи цивилизаціи и сельскохозяйственной промышленности ведутъ къ постоянному сокращенію этого пространства. У охотничьихъ племенъ каждому индивиду необходимо нѣсколько квадратныхъ лье, у пастушескихъ—нѣсколько квадратныхъ километровъ, у земледѣльческихъ—достаточно нѣсколькихъ гектаровъ, а, по мѣрѣ того, какъ они отъ экстенсивной культуры переходятъ къ интенсивной, границы еще болѣе суживаются. Китаю, благодаря интенсивной культурѣ, принявшей почти формы огородничества, удалось достигнуть того, что нѣсколько человѣкъ могутъ прокормиться тамъ съ одного гектара земли. Все же роковой предѣлъ, хотя и отодвигаемый постоянно, остается, а этого достаточно, чтобы безпокоить человѣческій родъ насчетъ его будущихъ судебъ.

Ограниченная въ пространствѣ, земля, очевидно, можетъ питать только ограниченное количество людей. Это, именно, обстоятельство служитъ основаніемъ знаменитыхъ законовъ Мальтуса, о которыхъ мы узнаемъ ниже. Природа, говорилъ онъ, сама заботится о томъ, чтобы, съ помощью голода, мора и войны, уничтожить излишекъ населенія и привести численность его въ соотвѣтствіе съ пространствомъ и плодородіемъ страны.

Открытіе Новаго Свѣта, Южной Африки, Австраліи обезпечило достаточное пространство для многихъ еще поколѣній. Но съ ежегоднымъ приростомъ не менѣе, чѣмъ въ 15 милліоновъ людей, этотъ резервъ свободныхъ земель скоро истощится. А у насъ нѣтъ больше надежды на открытіе новыхъ земель. Не пройдетъ и полустолѣтія, какъ послѣдній свободный клочекъ земли будетъ занятъ, будетъ вбита послѣдняя вѣха, и тогда человѣческій родъ будетъ принужденъ довольствоваться своими 13 милліардами гектаровъ земли безъ всякой надежды умножить ихъ новыми пріобрѣтеніями. Въ утѣшеніе придется ему тогда повторять тотъ стихъ, который начерталъ, съ довольно, впрочемъ, неосновательнымъ притязаніемъ, поэтъ Реньяръ на одномъ изъ утесовъ Лапландіи:

Hic stetimus tandem nobis ubi defuit orbis!

II.

Сырые матеріалы.

Сырые матеріалы, составляющіе земную кору до той очень небольшой глубины, куда мы можемъ проникнуть, и органическія вещества, происходящія отъ живыхъ существъ (растеній или животныхъ), населяющихъ ея поверхность, доставляютъ промышленности необходимое ей сырье и составляютъ первоначальный элементъ всякаго богатства.

Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ природа разсыпала щедрой рукой, а на другіе оказалась очень скупой.

Однако, даже тѣ матеріалы, количество которыхъ очень значительно, могутъ, тѣмъ не менѣе, быть рѣдкими по отношенію къ той или иной опредѣленной области. Прѣсная вода обыкновенно приводится, какъ примѣръ богатства, встрѣчающагося въ неограниченномъ количествѣ, а, между тѣмъ, нѣтъ такого большого города, гдѣ бы вода была въ достаточномъ количествѣ и гдѣ бы не было нужды прибѣгать къ весьма дорогимъ и иногда колоссальнымъ сооруженіямъ для снабженія ею жителей. Есть также много странъ, гдѣ, даже для нуждъ орошенія земли, снабженіе водой по ея естественному ложу или, рѣже, съ помощью подъемныхъ машинъ (ирригація) становится такимъ жизненнымъ вопросомъ, что можно говорить о „гидравлической политикѣ“ [5]). И свя-

---

[5]) См. прекрасную книгу Brunhes, L'Irigation dans la Peninsule Jberique et dans l'Afrique du Nord и слѣд. картину Фромантэна, изображающую „распредѣлителя водъ“ въ Лагуа: „Это старецъ съ серебристой бородой, въ образѣ Сатурна, вооруженный заступомъ, вмѣсто косы, и съ песочными часами въ рукѣ. Шнурокъ, привязанный къ часамъ и помѣченный узлами, показываетъ ему, сколько разъ онъ повернулъ свой хронометръ... Когда шнурокъ подходитъ къ концу, это значитъ, что сады кантона достаточно напоены, и что наступилъ моментъ измѣнить направленіе воды. Тогда онъ поднимается, ударомъ заступа уничтожаетъ запруду и возводитъ другую съ помощью щебня, земли и соломы“.

Существуетъ не одинъ, а четыре водныхъ вопроса: 1) вопросъ о питьевой водѣ для городовъ, становящійся почти неразрѣшимымъ и, во всякомъ случаѣ, все болѣе и болѣе отяготительнымъ для крупныхъ городовъ; 2) объ орошеніи полей; 3) о водѣ, какъ двигательной силѣ для промышленности; 4) о водѣ, какъ пути и средствѣ перевозки по естественнымъ теченіямъ или по каналамъ.

занные съ водою вопросы вызвали къ жизни весьма интересныя формы собственности, обыкновенно, отличныя отъ формъ собственности на землю. Иногда, какъ, напримѣръ, въ Египтѣ и въ алжирскомъ Тэлѣ, вода—собственность государства, которое распредѣляетъ ее среди населенія безвозмездно, и которое, въ силу только факта этого распредѣленія, держитъ въ своихъ рукахъ верховную власть. Иногда же, какъ, напримѣръ, въ знаменитыхъ huertas Валанса или въ оазисахъ Алжира, вода принадлежитъ общинамъ, которыя взимаютъ за нее плату.

Когда дѣло касается такихъ матеріаловъ, которые могутъ перевозиться, то человѣческая промышленность можетъ устранить неудобство, связанное съ неодинаковымъ распредѣленіемъ ихъ, путемъ перемѣщенія. И потому, какъ мы увидимъ ниже, транспортъ является по-истинѣ актомъ производства. Но, такъ какъ матерія въ силу своей тяжести и инерціи оказываетъ перемѣщенію ея съ мѣста на мѣсто сопротивленіе, которое можетъ быть очень значительнымъ, а усиліе и издержки, необходимыя для того, чтобы побороть сопротивленіе, возрастаютъ пропорціонально разстоянію, то дѣятельность по перевозкѣ не можетъ совершенно уничтожить всѣ естественныя неравенства въ условіяхъ страны. Каменный уголь, въ силу именно своей слабой экономической плотности (т. е. въ силу своего большого вѣса по сравненію со своей цѣнностью), можетъ перевозиться почти только по морю или по каналамъ. Если же существуютъ только шоссейныя или даже желѣзныя дороги, то каменный уголь доступенъ для утилизированія въ предѣлахъ довольно ограниченной мѣстности.

Что касается, наконецъ, естественныхъ матеріаловъ, которые являются безусловно рѣдкими, и образцы которыхъ природа какъ бы разбила, то возможно, что человѣкъ, возстановивъ пріемы природы, сможетъ искусственно возсоздать ихъ: научится, напр., дѣлать алмазъ путемъ кристаллизированія угля. Возможно также, что человѣкъ найдетъ какой-нибудь суррогатъ, т. е. тѣло, сходное по своимъ свойствамъ съ тѣмъ, котораго ему не хватаетъ. Ему часто удается это и удавалось бы всегда, если бы у него было больше знаній, ибо среди безконечнаго разнообразія органическихъ или неорганическихъ тѣлъ есть много такихъ, которыя представляютъ однородныя черты и могутъ, слѣдовательно, до извѣстной степени замѣнять другъ друга: напр., шелкъ, изготовленный изъ целлулоида, вмѣсто шелка, изготовленнаго шелковичнымъ

червемъ; вежеталинъ, приготовленный изъ кокосоваго орѣха вмѣсто масла; ацетиленъ вмѣсто освѣтительнаго газа. Въ этихъ замѣщеніяхъ, впрочемъ, обнаруживается лишь дѣйствіе того „закона замѣны“, о которомъ мы уже говорили.

III.

Двигательныя силы.

Трудъ производства, какъ мы видѣли, состоитъ исключительно въ перемѣщеніи матеріи. Сопротивленіе, оказываемое матеріей вслѣдствіе ея инерціи, бываетъ часто значительнымъ, а мускульная сила человѣка довольно слаба. Поэтому съ давнихъ поръ, въ особенности же, съ того времени, когда съ уничтоженіемъ рабства прекратилась возможность безвозмездно пользоваться силой своихъ ближнихъ, человѣкъ сталъ прибѣгать для восполненія недостатка въ собственныхъ силахъ къ помощи нѣкоторыхъ двигательныхъ силъ природы.

Естественныя силы человѣкъ утилизируетъ съ помощью машинъ. Машина есть не что иное, какъ инструментъ, отъ котораго она отличается тѣмъ, что приводится въ движеніе не рукой человѣка, а какой-нибудь естественной силой (водопадомъ, паромъ и пр.) [6])

Слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ могущественнѣе эти естественныя силы, тѣмъ больше времени и труда нужно было человѣку, чтобы утилизировать ихъ и заставить служить своимъ цѣлямъ. Это вполнѣ естественно: сопротивленіе растетъ прямо пропорціонально величинѣ силы.

Вотъ почему есть только какихъ-нибудь четыре или пять силъ,

---

[6]) Правда, въ обыденномъ языкѣ инструменты, приводимые въ движеніе непосредственно человѣкомъ, называются машинами, если они сложной конструкціи (швейная, пишущая машина, велосипедъ), но это не научная терминологія.

Впрочемъ, орудія или инструменты тоже могутъ увеличивать силу человѣка. Такъ, съ помощью гидравлическаго пресса ребенокъ можетъ производить давленіе, теоретически неограниченное, а съ помощью рычага и точки опоры Архимедъ основательно хвалился поднять земной шаръ. Для курьеза, однако, было высчитано, что если бы онъ и нашелъ недоставшую ему точку опоры, то ему удалось бы, послѣ нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ труда, поднять землю только на безконечно малую величину. И, дѣйствительно, согласно закону механики, человѣкъ съ помощью орудій теряетъ во времени то, что выигрываетъ въ силѣ. Время же, какъ мы видѣли, весьма дорогой элементъ, къ которому надо относиться очень бережливо, такъ что на практикѣ выгода отъ употребленія орудій довольно ограниченна.

которыя человѣкъ сумѣлъ утилизировать для производства: мускульная сила животныхъ, двигательная сила вѣтра и теченія воды, сила расширенія газовъ (особенно, въ формѣ пара, а также иногда въ формѣ взрывчатаго газа) и, наконецъ, съ недавняго времени электричество (которое, впрочемъ, обыкновенно является лишь видоизмѣненіемъ двухъ предыдущихъ). Но есть безконечное множество другихъ силъ, извѣстныхъ или неизвѣстныхъ. Волны, вздымаемыя вѣтромъ на поверхности морей, или морскіе приливы, дважды въ день подмывающіе берега на тысячи льё, составляютъ по-истинѣ неистощимые резервуары силъ. Но эти видимыя силы ничто на ряду съ тѣми, о присутствіи которыхъ мы только догадываемся, — будь то хотя бы скрытыя силы въ молекулѣ радія. По мнѣнію Густава Лебона, если бы можно было освободить внутри-атомную силу, содержащуюся въ одномъ граммѣ матеріи, напр., въ односантимной монетѣ, то ея достаточно было бы для того, чтобы четыре раза прогнать вокругъ земного шара товарный поѣздъ!

Прирученіе нѣкоторыхъ животныхъ—лошади, быка, верблюда, слона, оленя или эскимосской собаки и пр.—доставило людямъ первую естественную силу, которой они пользовались для перевозки, переноски и пахоты. Это было уже цѣнное пріобрѣтеніе, ибо животное относительно сильнѣе человѣка. Сила лошади въ семь разъ больше силы человѣка, а содержаніе ея обходится значительно дешевле. Но число этихъ животныхъ ограничено, тѣмъ болѣе ограничено, чѣмъ плотнѣе населена страна, ибо для содержанія ихъ требуется много мѣста; поэтому и двигательная сила, представляемая ими, незначительна. Все же Франція, несмотря на свои желѣзныя дороги и автомобили, еще и понынѣ употребляетъ животныхъ болѣе, чѣмъ на 3 милліона лошадиныхъ силъ, не считая 2 милліоновъ рабочихъ быковъ.

Двигательная сила вѣтра и рѣкъ употреблялась для перевозки съ давнихъ временъ, а до послѣдняго времени она примѣнялась почти только для вращенія колесъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ. Водяная мельница, извѣстная съ первыхъ вѣковъ христіанской эры, отмѣчаетъ дату изобрѣтенія первой машины въ собственномъ смыслѣ,— въ смыслѣ естественной, приспособленной для производства, силы [7]).

[7]) Поэтому изобрѣтеніе водяной мельницы было прославлено въ часто приводимыхъ стихахъ греческаго поэта Антипароса.

Но изъ этихъ двухъ естественныхъ силъ одна, вѣтеръ, слишкомъ слаба,—обыкновенно, по крайней мѣрѣ,—или, во всякомъ случаѣ, слишкомъ перемежающаяся; другая же, хотя и болѣе могущественная и легче улавливаемая, отличается тѣмъ серьезнымъ недостаткомъ, что связана съ опредѣленнымъ мѣстомъ. Только тогда, когда Ньюкоменъ (1705 г.), а позже Джемсъ Уаттъ (1769 г.) употребили теплоту на расширеніе паровъ воды, заключенной въ закрытомъ резервуарѣ, было создано то чудесное орудіе современной промышленности, которое называется паровой машиной [8]). До сихъ поръ превосходство пару давало то обстоятельство, что онъ—искусственная сила, въ томъ смыслѣ, что ее создалъ человѣкъ, а не природа. Эта сила представляетъ то неоцѣнимое преимущество, что человѣкъ можетъ развить ее, гдѣ, когда и какъ ему угодно. Она подвижна, ее легко переносить, увеличивать или уменьшать, ее можно развить до 1, 2, 3, 4... 10 атмосферъ и, по крайней мѣрѣ, теоретически, нельзя указать границы ея расширенія [9]).

И вотъ теперь, когда найдено средство переносить воду на сотни километровъ и не только переносить, но и дѣлить до безконечности, такъ что сила ея свободно можетъ излучаться на всѣ стороны отъ того мѣста, къ которому, казалось, приковала ее природа,—теперь вода, какъ двигательная сила, готова выдвинуться на первое мѣсто. Такъ, Рона, которая искони безполезно расточала свои силы на то, чтобы точить гальки на своемъ ложѣ, нынѣ направляется въ высокія помѣщенія Croix Rousse на помощь рабочимъ ліонскихъ шелкопрядиленъ. Нынѣ двигательная сила распредѣляется уже по домамъ, какъ вода

---

[8]) Я называю его „чудеснымъ“ за оказанныя услуги. На самомъ же дѣлѣ, паровая машина является, напротивъ, очень несовершеннымъ орудіемъ въ томъ смыслѣ, что она утилизируетъ весьма незначительную, самое большое, $^1/_{10}$ часть теплоты, развиваемой горѣніемъ угля. Получается огромная потеря на протяженіи отъ мѣста топки до котла; отъ котла и до самой машины происходитъ тоже значительная, хотя и меньшая, потеря въ энергіи. Поэтому Густавъ Лебонъ вправѣ былъ написать: „Я твердо увѣренъ, что не пройдетъ и двадцати лѣтъ, какъ этотъ несовершенный инструментъ раздѣлитъ въ музеяхъ компанію съ каменными топорами нашихъ первобытныхъ предковъ“.

[9]) Достаточно было бы нагрѣть воду до 516°—что не очень высокая температура, — чтобы развить давленіе до 1.700.000 атмосферъ, болѣе, чѣмъ достаточное, для того, чтобы поднять Гималаи! Единственная трудность состояла бы въ томъ, чтобы найти оболочку, которая могла бы устоять противъ такого давленія.

или газъ, и достаточно повернуть кранъ или надавить ручку, чтобы получить ее.

Но такъ какъ вода дѣйствуетъ не массой своей, а быстротой— ибо какую же пользу извлечь для созданія двигательной силы изъ милліардовъ кубическихъ метровъ воды, дремлющей въ какомъ нибудь озерѣ или въ такой мирно текущей рѣкѣ, какъ Сена?—то приступлено было къ использованію воды въ мѣстѣ ея паденія, т.-е. ближе къ источникамъ рѣкъ и резервуарамъ, гдѣ онѣ питаются, у ледниковъ. Поэтому-то уже сорокъ лѣтъ тому назадъ (1868 г.) Бержэ, гренобльскій инженеръ, далъ этой новой силѣ укрѣпившееся за ней названіе „бѣлаго угля". Подъ этимъ именемъ разумѣется не рѣчная вода, какъ это обыкновенно думаютъ, а ледникъ, какъ резервуаръ накопленныхъ силъ.

По счастливой случайности, въ которой нѣкогда видѣли установленную Провидѣніемъ гармонію, и начало которой приписывали какой-то неизвѣстной причинѣ, наиболѣе бѣдныя чернымъ углемъ страны были какъ разъ особенно обильно одарены природой бѣлымъ углемъ и vice versa. Такъ, изъ европейскихъ странъ, Швейцарія, Сѣверная Италія, Скандинавскія страны, въ которыхъ нѣтъ ни атома чернаго угля, имѣютъ великолѣпные источники бѣлаго, тогда какъ богатыя копями Англія, Бельгія, Германія имѣютъ мало водопадовъ и теченій рѣкъ, которые можно было бы утилизировать, какъ двигательную силу. Точно также въ Америкѣ Канада и Бразилія, у которыхъ, повидимому, нѣтъ каменноугольныхъ копей, обладаютъ колоссальными силами въ формѣ водопадовъ. Франція довольно хорошо надѣлена и тѣмъ и другимъ, поскольку, не будучи обездоленной чернымъ углемъ, она обладаетъ массой водяной силы, исчисляемой болѣе, чѣмъ въ шесть милліоновъ лошадиныхъ силъ. Если Франція сумѣетъ утилизировать ее, ей будетъ достаточно этой силы не только для того, чтобы освободиться отъ дани, выплачиваемой ею ежегодно заграничнымъ странамъ за покупаемые 20 милліоновъ тоннъ угля, но и для того, чтобы немного вывозить ее за границу. Къ сожалѣнію, спекуляція въ этой области ставитъ серьезныя препятствія для утилизаціи этихъ силъ.

Во всякомъ случаѣ, и черный, и бѣлый уголь ограниченъ въ своей массѣ. Первый изсякаетъ, какъ накопленное съ палеонтологическихъ временъ богатство, которымъ мы пользуемся расточительно, и которому скоро наступитъ конецъ. Второй имѣетъ то

преимущество, что не изсякаетъ отъ пользованія имъ—здѣсь мы пользуемся лишь доходомъ, а не капиталомъ—но у насъ нѣтъ никакой надежды на то, что количество его будетъ возрастать по мѣрѣ роста потребностей въ немъ, если даже предположить, что констатированное уменьшеніе ледниковъ и предвидимое сокращеніе дождей не грозятъ намъ ослабленіемъ двигательной силы воды. Позволительно, поэтому, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ задать себѣ вопросъ, что станется съ человѣческой промышленностью, если когда-нибудь придется ей потушить свои печи или остановить свои машины за недостаткомъ топлива—чернаго и бѣлаго угля?

Правда, начинаютъ мечтать обратиться за нужной намъ теплотой къ самому источнику всякой силы,—къ солнцу. Но даже допуская, что это когда-нибудь случится, приходится имѣть въ виду, что эта заимствованная отъ солнца сила будетъ представлять еще въ большей степени неудобства всѣхъ другихъ естественныхъ силъ: ее нельзя будетъ развивать гдѣ, когда и какъ захочется человѣку. Солнце свѣтитъ не всегда и не вездѣ. Если когда-нибудь солнце должно будетъ приводить въ движеніе наши заводы, какимъ ударомъ это будетъ для Англіи! Еще болѣе худшимъ, чѣмъ конкурренція бѣлаго угля. Туманы Сѣвернаго моря станутъ ея саваномъ, и человѣческая промышленность должна будетъ тогда перенести свои столицы въ глубь Сахары.

IV.

Законъ непропорціональнаго дохода.

Поскольку, какъ это мы только что видѣли, земля, сырые матеріалы и даже естественныя силы,—по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя нынѣ утилизируются,—ограничены въ своемъ количествѣ, постольку невозможно, чтобы не было ограничено и производство, въ которомъ они являются необходимымъ факторомъ. Въ дѣйствительности, дѣло такъ и обстоитъ.

Въ добывающей промышленности такая ограниченность замѣтнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой. Когда копи истощаются, необходимо остановиться, и, обыкновенно, такая необходимость наступаетъ гораздо раньше, чѣмъ копи совершенно истощатся, потому что добываніе угля перестаетъ быть выгоднымъ, хотя впослѣдствіи, съ прогрессомъ металлургіи, оно можетъ возстановиться.

Охота, имѣвшая такое крупное значеніе у первобытныхъ народовъ, исчезла изъ списка производительныхъ промысловъ въ культурныхъ странахъ по той простой причинѣ, что, вопреки всѣмъ покровительствующимъ ей постановленіямъ, она перестала давать доходъ. Даже въ пустыняхъ Африки и среди безмолвія полярныхъ странъ все рѣже и рѣже попадаются охотникамъ слоны, страусы, бобры, выдры и киты. Морской ловъ, благодаря огромнымъ пространствамъ, гдѣ человѣкъ можетъ черпать естественныя богатства, является еще крупнымъ промысломъ, дающимъ во Франціи пропитаніе 150.000 лицамъ, на сумму около 150 милліоновъ франковъ, но истощеніе морей, омывающихъ наши берега, составляетъ предметъ жалобъ нашихъ прибрежныхъ жителей, которые уже вынуждены пускаться за рыбой въ открытое море и снаряжать для этого болѣе прочныя суда. Истребленіе птицъ, производящееся съ цѣлью добыванія перьевъ на дамскія шляпы, или ради пропитанія, или просто ради озорства, ведетъ къ размноженію насѣкомыхъ и всевозможныхъ червячковъ, пожирающихъ наши посѣвы. Исчезновеніе лѣсовъ и, слѣдовательно, строевого дерева уже совершившій фактъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, особенно же, въ Англіи. Во Франціи, бывшей со времени галловъ сплошнымъ лѣсомъ, а въ средніе вѣка только отчасти расчищенной пришедшими съ запада монахами, нынѣ остается не болѣе $^1/_6$ территоріи подъ лѣсомъ (9 съ половиной милліоновъ гектаровъ на 53 мил.). Въ нѣкоторыхъ странахъ (въ Англіи меньше $5^0/_0$) это отношеніе еще ниже, а въ нѣкоторыхъ другихъ оно выше: напр., въ Германіи—около $^1/_4$, въ Австро-Венгріи и Россіи—около $^1/_3$ и въ Швеціи—около половины. Казалось бы, что по мѣрѣ того, какъ желѣзо все болѣе и болѣе вытѣсняетъ дерево при постройкѣ домовъ и кораблей, остаются сохраннѣе лѣса. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ нарождаются другія отрасли промышленности, которыя еще болѣе истребляютъ ихъ. Въ настоящее время величайшимъ истребителемъ лѣсовъ является бумажное производство, главнымъ образомъ, для газетъ. Какая-нибудь большая ежедневная газета въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ одна пожираетъ цѣлый лѣсъ въ годъ. Корсиканскіе каштановые лѣса нынѣ совершенно уничтожены на производство дубильной кислоты [10]).

---

[10]) Въ 1908 г. въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ было созвано особое совѣщаніе изъ губернаторовъ и спеціалистовъ-экспертовъ различныхъ штатовъ для обсужде-

Правда, когда дѣло касается живыхъ существъ, животныхъ или растеній, то промышленность въ состояніи въ извѣстной мѣрѣ предотвратить угрожающую имъ участь, видоизмѣняя свои пріемы. Вмѣсто того, чтобы охотиться на птицъ, можно заняться выводкой ихъ; вмѣсто рыболовства можно заняться рыбоводствомъ; вырубку лѣсовъ можно замѣнить насажденіемъ ихъ; иначе говоря, данную категорію добывающей промышленности, въ сущности, обратить въ отрасль земледѣльческой промышленности, но послѣдняя въ свою очередь встрѣчаетъ двоякое препятствіе:

1. Прежде всего, земледѣльческая промышленность ограничена количествомъ минеральныхъ элементовъ, необходимыхъ для жизни растеній. Всякая земля, даже самая плодородная, содержитъ ихъ въ опредѣленной пропорціи (азота, фосфорнокислыхъ солей, извести и пр.), и съ каждымъ урожаемъ они понемногу отнимаются у нея. Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческому прогрессу удается не только возстановлять взятые у земли элементы, но и обогащать ее новыми. Но слѣдуетъ замѣтить, что источники, къ которымъ обращается земледѣлецъ для обогащенія почвы, сами по себѣ ограничены, ибо естественное удобреніе возвращаетъ землѣ только часть того, что потребилъ домашній скотъ, а химическое удобреніе состоитъ изъ минеральныхъ веществъ (фосфорно- и азотнокислыхъ солей, гуано и пр.), залежи которыхъ рѣдки и быстро исчерпаемы.

2. Кромѣ того, земледѣльческая промышленность ограничена условіями пространства и времени, небходимыми для растительной или животной жизни, болѣе строгими и менѣе подда-

---

нія вопроса о „сохраненіи естественныхъ богатствъ". Президентъ Штатовъ Рузвельтъ открылъ совѣщаніе слѣдующимъ заявленіемъ:

„Естественныя богатства страны, которыя являются, въ концѣ концовъ, основой могущества и продолжительности существованія націи, стоятъ на пути къ быстрому исчезновенію. Уже носится призракъ исчезновенія еще не поступавшихъ въ обработку земель. С. Штаты начали съ безподобнаго наслѣдства лѣсовъ, и уже половина строительнаго лѣса исчезла. С. Штаты начали съ обширнѣйшихъ залежей угля, съ неисчерпаемыхъ богатствъ желѣза, и уже многія компетентныя лица нынѣ заявляютъ, что приближается конецъ углю и желѣзу. Колоссальныя скопленія минеральнаго масла и газа въ большей части уже исчезли.

Естественные водные пути еще существуютъ; но, благодаря небрежности и другимъ причинамъ, они доведены до такого состоянія, что плаваніе по нимъ менѣе удобно, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, С. Штаты при началѣ своемъ нашли безпримѣрно плодородныя земли и такъ истощили ихъ, что ихъ производительная сила падаетъ, вмѣсто того, чтобы повышаться".

ющимися измѣненіямъ, чѣмъ въ индустріальной промышленности. Земледѣлецъ обреченъ почти на пассивную роль: онъ терпѣливо наблюдаетъ, какъ природа выполняетъ свое дѣло сообразно почти неизвѣстнымъ ему законамъ, которыхъ онъ не въ состояніи измѣнить. Нужно ждать долгіе мѣсяцы, пока дремлющее въ бороздѣ зерно превратится въ колосъ, и много лѣтъ, пока желудь станетъ дубомъ. Всякое растеніе, хлѣбное ли зерно или дубъ, для распространенія своихъ корней и для дыханія, нуждается въ извѣстномъ пространствѣ, котораго нельзя сократить. Напротивъ, промышленникъ въ своихъ мастерскихъ подвергаетъ матерію превращеніямъ, обыкновенно несложнымъ, физическіе или химическіе законы которыхъ гораздо менѣе таинственны, чѣмъ законы жизни. Доказательствомъ служитъ то, что онъ ихъ осилилъ и заставляетъ работать по своему приказу съ автоматической точностью. Онъ не замкнутъ въ неизмѣнный циклъ времени: лѣтомъ и зимой, днемъ и ночью, онъ можетъ растоплять свои печи или пускать въ ходъ свои мастерскія [11]).

Правда, можетъ быть, нѣтъ такого клочка земли, доходность котораго не въ силахъ былъ бы увеличить земледѣлецъ, но только до извѣстнаго предѣла, за которымъ это становится возможнымъ

---

[11]) Можно, однако, задать себѣ слѣдующій вопросъ. Если ограниченіе, которое встрѣчаетъ земледѣльческая промышленность, зависитъ отъ того, что она имѣетъ дѣло съ живыми существами, то почему бы не попытаться ей устранить это препятствіе и обойтись безъ содѣйствія таинственныхъ силъ жизни, обратясь къ производству съѣстныхъ продуктовъ точно такъ, какъ промышленникъ производитъ химическіе? — Въ самомъ дѣлѣ, намъ извѣстно, что всѣ ткани живыхъ существъ животнаго или растительнаго царства образованы исключительно изъ кислорода, водорода, азота, особенно же, углерода и въ весьма незначительной части изъ нѣкорыхъ минеральныхъ солей, — изъ такихъ все элементовъ, которые существуютъ въ избыткѣ въ земной корѣ и въ атмосферѣ. Теоретически задача не представляется поэтому неразрѣшимой, и химики думаютъ, что она наканунѣ своего разрѣшенія. Конечно, если кому-нибудь изъ нихъ удастся разрѣшить ее, то осуществится нѣчто такое, что превзойдетъ самыя смѣлыя мечты алхимиковъ: измѣнятся въ корнѣ всѣ законы политической экономіи. Ибо если бы когда-нибудь всякія средства существованія могли производиться съ помощью чисто-промышленныхъ способовъ, то земледѣліе стало бы безполезнымъ, и человѣкъ требовалъ бы отъ земли лишь столько мѣста, сколько нужно ему, чтобы встать и построить себѣ жилище, и не было бы ни одного гектара земли, гдѣ не могло бы жить такое плотное населеніе, какое тѣснится въ нашихъ крупныхъ городахъ.—Но до настоящаго времени законъ: omne vivum ex vivo (все живое происходитъ отъ живого) не могъ быть измѣненъ.

только цѣною постоянно возрастающаго труда, такъ что наступаетъ моментъ, когда для увеличенія доходности приходится дѣлать усиліе, совершенно не оправдываемое результатомъ.

Возьмемъ, напр., одинъ гектаръ земли, дающій 15 гектолитровъ хлѣба,—приблизительно, среднюю урожайность во Франціи. Допустимъ, что эти 15 гектолитровъ хлѣба представляютъ 100 рабочихъ дней или 300 франковъ издержекъ. Слѣд., по закону непропорціональности дохода (т. е. дохода, непропорціональнаго труду), выходитъ, что для полученія съ этой земли въ два раза больше хлѣба, т. е. 30 гектолитровъ, нужно будетъ затратить болѣе 200 дней труда или болѣе 600 фр. издержекъ. Для того, чтобы удвоить продуктъ, придется, можетъ быть, утроить, можетъ быть, учетверить, и даже удесятерить, трудъ и издержки.

Этотъ законъ несомнѣнно подтверждается повседневной практикой. Обратитесь къ какому-нибудь толковому земледѣльцу и спросите его, не могла ли бы его земля давать больше того, что она даетъ, и онъ отвѣтитъ вамъ:—Конечно. Урожай хлѣба былъ бы гораздо значительнѣе, если бы я хотѣлъ больше тратить удобренія, глубже вспахивать землю, совершенно очистить ее отъ сорныхъ травъ, пересаживать въ случаѣ необходимости каждое зерно отдѣльно, затѣмъ охранять свою жатву отъ насѣкомыхъ, отъ птицъ, отъ паразитическихъ растеній.—Почему же вы этого не дѣлаете?—Да потому, что я не покрылъ бы тогда своихъ расходовъ: увеличеніе урожая обошлось бы мнѣ гораздо дороже того, что оно стоитъ.

Итакъ, въ производствѣ какой бы то ни было земли существуетъ извѣстная точка равновѣсія, составляющая предѣлъ, дальше котораго не пойдутъ—не потому, чтобы его нельзя было переступить какой бы то ни было цѣной, а потому, что не хотятъ его переступать, ибо это не представляетъ никакой, ни индивидуальной, ни общественной, выгоды.

Иначе, если бы можно было безконечно увеличивать производство на данномъ участкѣ земли, умножая только соотвѣтственно количество труда и издержекъ, землевладѣльцы, конечно, не преминули бы воспользоваться этимъ, и, вмѣсто распространенія эксплоатаціи на болѣе или менѣе обширныя пространства земли, старались бы сконцентрировать ее на возможно меньшемъ участкѣ; это было бы гораздо выгоднѣе. Но тогда и весь міръ представлялся бы иначе, чѣмъ теперь. Уже одинъ тотъ фактъ, что вещи

происходятъ иначе, и что постоянно распространяютъ обработку на менѣе плодородные или менѣе удобно расположенные участки земли, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что на практикѣ съ даннаго участка земли нельзя получить больше опредѣленнаго количества дохода (см. въ кн. III—„Земельную ренту“).

Впрочемъ, законъ непропорціональной доходности не является спеціальнымъ закономъ, относящимся только (какъ это думали) къ земледѣльческой или добывающей промышленности. Это общій законъ производства и его можно формулировать слѣдующимъ образомъ: за извѣстнымъ предѣломъ всякое увеличеніе доходности требуетъ еще въ бо́льшей степени увеличенія силы. Такъ, для того, чтобы удвоить быстроту корабля или дирижабля, пришлось бы, можетъ быть, въ сто разъ увеличить силу мотора.

V.

Порождаемыя машинами иллюзіи.

Естественныя силы, плѣненныя машинами, совершаютъ чудеса, къ которымъ мы уже приглядѣлись въ силу привычки. Онѣ не только даютъ намъ возможность выполнять тѣ же самыя работы, которыя выполнялись раньше, съ ошеломляющей быстротой, легкостью и точностью, но и, въ особенности, сдѣлали возможнымъ выполненіе такихъ работъ, о которыхъ раньше мы не могли и думать. Сошлемся при этомъ на два примѣра изъ сотни другихъ: газетное дѣло и желѣзныя дороги, которыя глубоко видоизмѣнили всѣ не только экономическія, но и политическія, интеллектуальныя и моральныя условія современной жизни,—созданія паровой машины [12]).

---

[12]) Номеръ такой газеты, какъ Times, или нѣкоторыхъ большихъ американскихъ газетъ съ объявленіями представляетъ почти половину такой книги, какъ настоящія „Основы“ и даже равняется цѣлой такой книгѣ въ тѣ дни, когда онъ выходитъ съ приложеніемъ. Допустимъ, что онъ выходитъ въ 100,000 экземпляровъ; это составитъ 50,000 такихъ томовъ, какъ наша книга. Сколько нужно было бы переписчиковъ, чтобы переписать отъ руки эти 50,000 томовъ въ теченіе 10 час., т.-е. въ продолженіе того времени, какое уходитъ на печатаніе газеты? Предполагая, что каждый переписчикъ переписываетъ по 5 стр. въ часъ, нужно было бы занять, по крайней мѣрѣ, 600,000 переписчиковъ.

Однако, надо остерегаться безсмысленныхъ надеждъ, порождаемыхъ этими чудесами. Уже встаетъ въ мечтахъ образъ человѣка, почти порвавшаго съ необходимостью борьбы за насущный хлѣбъ, работающаго не болѣе 3—4 часовъ въ день—по подсчету одного соціалиста даже по 1 часу 20 минутъ!—и, тѣмъ не менѣе, производящаго больше богатства, чѣмъ нужно для того, чтобы могло очень привольно жить все человѣчество.

Развѣ во Франціи въ настоящее время не существуетъ около 11 милліоновъ паровыхъ лошадиныхъ силъ, превосходящихъ силу 110 милліоновъ человѣкъ? [13]) А такъ какъ во Франціи едва наберется 8—10 милліоновъ взрослыхъ производительныхъ рабочихъ, то можно сказать, что производительная сила каждаго изъ нихъ умножилась въ 12 разъ, или, выражаясь болѣе картинно, каждый французскій рабочій отнынѣ имѣетъ къ своимъ услугамъ дюжину рабовъ, что́ какъ будто должно бы создать ему такое положеніе, какое было у римскихъ патриціевъ, т.-е. дать ему возможность соединять удовольствіе богатства съ наслажденіями праздности. Если это такъ, то почему бы, при этомъ новомъ режимѣ рабства, который придетъ на смѣну рабству древнихъ временъ,—почему бы людямъ завтрашняго дня не зажить благородной жизнью древнихъ, подобно грекамъ на ἀγορά (на площади), римлянамъ на форумѣ, не посвятить политической жизни, артистическимъ развлеченіямъ, гимнастическимъ упражненіямъ или возвышеннымъ полетамъ мысли часы, свободные отъ физическаго труда,—съ той только разницей, что то, что было тогда привилегіей ограниченнаго меньшинства, станетъ въ будущемъ удѣломъ всѣхъ!

Чтобы разсѣять эти иллюзіи, особенно, иллюзіи соціалистовъ, предающихся по этому поводу ликованію, можно было бы прежде всего замѣтить, что у насъ нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, чтобы

---

[13]) Паровая лошадиная сила, исчисляемая въ 75 килограмометровъ, представляетъ немного большую силу обыкновенной лошади, а такъ какъ сила послѣдней въ 7 разъ больше силы человѣка, то можно сказать, что одна паровая лошадиная сила въ 10 разъ больше силы человѣка. Но такъ какъ эта паровая сила можетъ дѣйствовать безпрерывно, напр., на паровыхъ судахъ, тогда какъ сила человѣка или лошади не можетъ дѣйствовать больше 8 — 10 часовъ въ день, то можно сказать, что работа, выполняемая одной паровой лошадиной силой въ машинѣ съ безпрерывной топкой, представляется въ 20—25 разъ больше силы человѣка. Машины строящихся нынѣ гигантскихъ судовъ доходятъ до 40,000 — 50,000 лошадиныхъ силъ, что́, слѣд., составляетъ силу болѣе милліона гребцовъ.

подобный соціальный строй былъ желателенъ. Сисмонди, въ началѣ XIX ст., былъ скептически настроенъ и даже безпокоился по поводу благодѣяній машинизма и, хотя его сурово упрекали за это экономисты и даже называли невѣжественнымъ, однако, его пессимизмъ содержалъ въ себѣ частицу истины. Античное рабство было одинаково гибельно какъ для господъ, такъ и для рабовъ, оно лишило первыхъ привычки и желанія трудиться; и потому у насъ есть всѣ основанія безпокоиться за то, чтобы естественныя силы не принесли людямъ XX ст. тѣхъ же пагубныхъ послѣдствій. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы предварительно создать для нихъ иной идеалъ, нежели идеалъ римскихъ гражданъ: panem et circenses (хлѣба и зрѣлищъ).

Но главное дѣло въ томъ, что достаточно проанализировать эти фантастическія цифры, чтобы увидѣть, насколько слѣдуетъ ихъ сократить. Болѣе трехъ четвертей изъ этой арміи паровыхъ лошадиныхъ силъ уходитъ исключительно на транспортъ въ формѣ локомотивовъ и паровыхъ судовъ. А послѣдніе, отодвигая границы, положенныя разстояніями перемѣщеніямъ людей, конечно, вызвали цѣлый переворотъ въ обмѣнѣ продуктовъ, и распространеніемъ идей довели до высшей степени солидарность человѣческаго рода—и съ этой точки зрѣнія они оказываютъ моральную услугу, значеніе которой нельзя переоцѣнить—но, несмотря на это, все-таки нельзя въ буквальномъ смыслѣ сказать, что они увеличиваютъ количество продуктовъ. Они увеличиваютъ количество ихъ для даннаго момента, привозя ихъ изъ заморскихъ странъ, но ясно, что такое положеніе объясняется временными обстоятельствами, возникающими просто-на-просто вслѣдствіе того, что страны, откуда продукты привозятся, еще не заселены и не нуждаются въ сохраненіи для своего потребленія всего своего производства.

Даже въ индустріи и въ земледѣліи многія машины служатъ только для того, чтобы ускорить работу, а не для того, чтобы увеличивать количество продуктовъ. Молотилка и машина, съ помощью которой колютъ сахаръ, ни атома не прибавляютъ къ нашимъ богатствамъ, и даже, наоборотъ, причиняютъ нѣкоторый ущербъ. Много машинъ и силъ употребляется только для того, чтобы, какъ замѣтилъ Леруа-Болье, производить другія машины. Мы не думаемъ оспаривать, что машины являются прекраснымъ примѣненіемъ гедонистическаго принципа въ томъ смыслѣ, что

онѣ могутъ уменьшить почти до безконечности трудъ для достиженія даннаго результата (хотя, какъ мы увидимъ дальше, рабочій классъ, котораго онѣ непосредственно касаются, даже съ этой точки зрѣнія, кажется, фактически не много выигралъ), но мы говоримъ только, что онѣ вовсе не увеличили массы продуктовъ въ такой мѣрѣ, какъ это думаютъ.

Самое замѣтное улучшеніе въ жизнь людей могло бы внести увеличеніе сельскохозяйственныхъ продуктовъ, ибо первымъ условіемъ матеріальнаго благосостоянія является питаніе и, по возможности, хорошее питаніе. Но какъ разъ, именно, въ сельскохозяйственной области машинизмъ до сего времени менѣе всего развивался. Во Франціи не было (въ 1905 г.) использовано въ сельскомъ хозяйствѣ даже 200,000 паровыхъ лошадиныхъ силъ, т.-е. менѣе 2% изъ всего количества ихъ! Объясняется ли такое медленное развитіе машинизма въ сельскомъ хозяйствѣ только отсталостью земледѣльческаго населенія или, скорѣе всего, слѣдуетъ приписать его самой природѣ земледѣльческаго производства? Послѣднее объясненіе намъ кажется правильнымъ. Земля—лабораторія жизни, а жизнь имѣетъ свои особые законы развитія.

Есть еще другая отрасль промышленности, не менѣе важная для благосостоянія людей,—постройка домовъ. А, между тѣмъ, машины почти вовсе не примѣняются въ этой отрасли производства, развѣ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Итакъ, въ болѣе узкой, чѣмъ предполагаютъ, области—только фабричной — примѣненіе естественныхъ силъ дало все то, чего можно было отъ нихъ ожидать въ смыслѣ обилія богатства и дешевизны. Можно даже сказать, что здѣсь примѣненіе силъ природы переступило предѣлы, ибо приводитъ къ такому излишнему накопленію продуктовъ, что принуждаетъ крупныхъ промышленниковъ сговариваться относительно сокращенія производства [14]).

---

[14]) Англійскія мануфактуры производятъ такое количество метровъ бумажной ткани, что ею можно 120 разъ обвить земной шаръ (5 милліардовъ ярдовъ). Если бы только онѣ находили сбытъ, ничто не помѣшало бы имъ выработать такое количество ткани, чтобы можно было бы покрыть чехломъ изъ нея весь земной шаръ. Заводъ Балдвина въ Филадельфіи производитъ ежедневно 5—6 локомотивовъ.

Часовое производство достигло такой высоты, что приготовленіе однихъ часовъ, распадающееся на безчисленное множество отдѣльныхъ операцій, продолжается не болѣе 2 часовъ 40 минутъ, а это даетъ возможность продавать ихъ (оптомъ) по изумительно низкой цѣнѣ въ 2 фр. 75 с.

Наконецъ, вовсе не видно, чтобы въ какой-нибудь странѣ *машинизмъ уменьшилъ* участіе труда со стороны человѣческаго рода или даже со стороны рабочаго класса. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Стюартъ Милль написалъ слѣдующія, полныя меланхоліи, слова: „еще вопросъ, сократили ли всѣ эти механическія изобрѣтенія ежедневный трудъ хотя бы одного какого-нибудь человѣческаго существа". Правда, съ того времени, какъ произнесены были эти слова, продолжительность рабочаго дня на много сократилась во всѣхъ странахъ, но только это сокращеніе обязано вовсе не машинизму, а, какъ разъ наоборотъ, злоупотребленію продолжительностью рабочаго дня, возникшему благодаря машинизму, а это злоупотребленіе, въ концѣ концовъ, вызвало вмѣшательство законодателя; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, сокращеніе рабочаго дня обязано тому обстоятельству, что оно нашло себѣ компенсацію въ интенсификаціи труда, т.-е. въ болѣе нервномъ, чѣмъ мускульное, примѣненіи труда; но отъ этого не меньше изнашиваются силы и, можетъ быть, даже быстрѣе [15]).

Можно также отнести насчетъ машинъ множество золъ, причиняющихъ безпокойство нашимъ современнымъ обществамъ, какъ то: кризисы, концентрацію промышленности и населенія въ отвратительныхъ „городахъ со щупальцами", а, особенно, безработицу. Это и есть самое замѣчательное послѣдствіе примѣненія машинъ, которое въ теченіе долгаго времени поднимало противъ нихъ возмущеніе рабочихъ классовъ. Но ему стоитъ посвятить особую главу.

VI.

Приносятъ ли машины вредъ рабочему классу.

Если предположить, что одна паровая лошадиная сила выполняетъ работу 10 человѣкъ, то каждая вновь поставленная паровая лошадиная сила дастъ возможность одному человѣку выполнять работу 9 рабочихъ и, слѣдовательно, осудить послѣднихъ на безработицу. А такъ какъ каждый изъ этихъ 9 человѣкъ будетъ напрягать силы сохранить за собой свое мѣсто, то между

---

[15]) Есть станокъ съ 1000 — 1400 веретенъ, дѣлающими по 180 оборотовъ въ секунду. Рабочій долженъ слѣдить за ними глазами и управлять двумя такими станками, а въ С. А Соединенныхъ Штатахъ—4 или 5-ью!

ними возникнетъ конкурренція, которая поведетъ къ пониженію заработной платы.

И такъ какъ такой фатальный исходъ борьбы ихъ между собою представлялся имъ очевиднымъ, то они во многихъ случаяхъ прибѣгали къ уничтоженію машинъ, какъ это еще недавно было въ Конкарно съ машинами для спайки сардиночныхъ коробокъ.

Вполнѣ ли они не правы? Классическіе экономисты, старавшіеся доказать, что въ нашемъ экономическомъ строѣ немыслимо существованіе противорѣчія между общественнымъ и частнымъ интересами, напрягали силы, чтобы убѣдить насъ, что машины, напротивъ, требуя отъ рабочихъ больше труда, обезпечиваютъ имъ больше благосостоянія.

Вотъ три выставленныхъ классиками довода:

1. Пониженіе цѣнъ. Всякое техническое изобрѣтеніе,—говорятъ они,—ведетъ къ пониженію стоимости производства, а, слѣдовательно, и къ пониженію цѣнъ на продукты. Если даже допустить, что заработная плата падаетъ, то рабочій въ качествѣ потребителя выигрываетъ отъ пониженія цѣнъ то, что онъ теряетъ въ качествѣ производителя.

На это можно возразить прежде всего то, что рабочій не получитъ никакой компенсаціи, если данный продуктъ не входитъ въ его потребленіе, а это весьма возможно. Машинное производство нѣкоторыхъ кружевъ могло понизить цѣну ихъ, но такъ какъ бѣдная женщина, изготовлявшая ихъ раньше, не имѣла привычки ими украшать себя, то пониженіе цѣнъ на нихъ нисколько не вознаграждаетъ ее.

Если даже допустить, что данный продуктъ входитъ въ потребленіе рабочаго, то нужно имѣть въ виду, что онъ составитъ въ потребленіи его ничтожную долю, такъ что говорить о компенсаціи смѣшно. Работницѣ, которая вязала чулки и, вслѣдствіе изобрѣтенія вязальной машины, потеряла свой заработокъ, не легко будетъ утѣшиться тѣмъ, что ей можно будетъ покупать себѣ чулки по дешевой цѣнѣ.

Для того, чтобы дѣйствительно получилась компенсація, нужно было бы, чтобы техническій прогрессъ осуществлялся одновременно во всѣхъ отрасляхъ производства, такъ, чтобы обусловливаемое имъ пониженіе цѣнъ было всеобщимъ и одновременнымъ. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, можно было бы говорить, что рабочаго мало трогаетъ пониженіе его за-

работной платы на-половину, разъ всѣ его расходы тоже уменьшились наполовину. Но мы только что видѣли, что, къ сожалѣнію, техническія изобрѣтенія захватываютъ не всѣ отрасли производства, а только небольшое число ихъ, и что они только въ слабой степени отражаются на расходахъ, занимающихъ самое крупное мѣсто въ бюджетѣ рабочаго, т.-е. на пищѣ и на жилищѣ.

2. Увеличеніе производства. Всякое техническое изобрѣтеніе,—продолжаютъ экономисты-классики,—уже, благодаря вызываемому имъ пониженію цѣнъ на продукты, должно повести и къ соотвѣтствующему увеличенію сбыта ихъ, а, слѣдовательно, и къ принятію, въ концѣ концовъ, на работу временно вытѣсненныхъ новымъ изобрѣтеніемъ рабочихъ. Вмѣсто того, чтобы отнимать у нихъ работу, оно создаетъ имъ новую. И въ подтвержденіе этого приводятся многочисленные примѣры: по сравненію съ числомъ переписчиковъ въ средніе вѣка, какая масса типографскихъ рабочихъ появилась вслѣдствіе увеличенія количества книгъ со времени изобрѣтенія книгопечатанія! [16]).

На это прежде всего можно отвѣтить, что хотя возрастаніе спроса бываетъ обыкновенно слѣдствіемъ пониженія цѣнъ, это, однако, не имѣетъ мѣста въ слѣдующихъ случаяхъ: а) всякій разъ, какъ продуктъ отвѣчаетъ только какой-нибудь ограниченной потребности. Классическимъ примѣромъ служатъ гробы; но есть много другихъ продуктовъ (хлѣбъ, соль, зонты, очки, инструменты), пониженіе цѣнъ которыхъ только въ слабой степени увеличило бы ихъ потребленіе, а для нѣкоторыхъ предметовъ роскоши было бы весьма возможнымъ даже пониженіе его. Можно даже сказать, что очень рѣдки товары, потребленіе которыхъ увеличивается какъ разъ обратно пропорціонально пониженію ихъ цѣнъ. Можно ли сказать, что если цѣна на штиблеты понизится вдвое, то и изнашиваться ихъ будетъ въ два раза больше? б) Всякій разъ, какъ какая-нибудь отрасль промышленности стоитъ въ

---

[16]) Еще одинъ болѣе опредѣленный примѣръ. Въ 1835 г. въ Англіи число рабочихъ, занятыхъ въ прядильныхъ и ткацкихъ мануфактурахъ, достигало 220,000; а теперь ихъ больше 700,000. А въ этой, именно, области машины, главнымъ образомъ, и творили чудеса.

Впрочемъ, машины создали множество совершенно новыхъ отраслей производства (и, между прочимъ, производство самихъ машинъ), которыя открываютъ новые рынки для рабочихъ рукъ. Совершенно молодая промышленность по изготовленію автомобилей и велосипедовъ занимаетъ во Франціи 100.000 рабочихъ.

связи съ другими. Такой случай встрѣчается очень часто. Производство бутылокъ и бочекъ ограничено производствомъ вина, и сколько бы ни падала цѣна на бутылки и бочки, ихъ не продадутъ больше, если нѣтъ больше вина для наполненія ихъ. Точно также производство часовыхъ пружинъ ограничено производствомъ часовъ, производство болтовъ—производствомъ рельсовъ или котловъ, производство рельсовъ и котловъ ограничено въ свою очередь другими независящими отъ цѣнъ причинами, какъ, напр., отъ развитія транспорта, горной промышленности и т. д.

Кромѣ того, если даже и допустить, что увеличеніе потребленія пропорціонально, или даже больше, чѣмъ пропорціонально, пониженію цѣнъ, то нужно будетъ еще болѣе или менѣе продолжительное время и, можетъ быть, даже нѣсколько поколѣній, прежде, чѣмъ завершится эта эволюція. Нужно извѣстное время для того, чтобы прежнія цѣны понизились, тѣмъ болѣе, что заинтересованные въ дѣлѣ промышленники и укоренившіяся привычки будутъ замедлять паденіе цѣнъ; правда, конкурренція возьметъ, въ концѣ концовъ, свое, но вѣдь новыя предпріятія тоже не создаются въ одинъ день. Еще больше потребуется времени, пока съ пониженіемъ цѣнъ продуктъ проникнетъ въ тѣ новые слои общества, которые не мѣняютъ со дня на день своихъ вкусовъ и потребностей. А что же дѣлать за это время рабочему, которому надо жить изо дня въ день? Для его внуковъ, можетъ быть, будетъ какая-нибудь компенсація, а не для него.

3. Возстановленіе вытѣсненнаго труда. Всякое употребленіе машинъ,—говорятъ, наконецъ, экономисты, — сберегающее ручной трудъ, непремѣнно доставляетъ кому-нибудь прибыль: либо производителю въ видѣ увеличенія предпринимательской прибыли, если онъ продолжаетъ продавать свои продукты по прежней цѣнѣ, либо потребителю въ видѣ уменьшенія его расходовъ, если, что болѣе вѣроятно, цѣна продукта понижается до уровня новой стоимости производства. Деньги, которыхъ стало въ карманѣ у расчитанныхъ рабочихъ меньше, не пропали, стало быть: онѣ оказываются въ карманѣ у предпринимателя или у потребителей. Но что же будетъ дѣлать предприниматель со своей новой прибылью или потребитель со своимъ новымъ сбереженіемъ? Они или помѣстятъ ихъ въ новое предпріятіе или израсходуютъ: иного выбора у нихъ нѣтъ. Слѣдовательно, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ,

деньги пойдутъ на поощреніе какой-нибудь отрасли промышленности и на развитіе производства либо путемъ покупки новыхъ продуктовъ, либо путемъ снабженія производства новыми капиталами.

Въ концѣ концовъ, всякое техническое изобрѣтеніе ведетъ, слѣдовательно, къ тому, что, какъ сказали бы химики, „выдѣляетъ“ не только извѣстное количество труда, но и извѣстное количество капитала, а такъ какъ между этими двумя элементами существуетъ большое сродство, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ обойтись безъ другого, то, въ концѣ концовъ, они сойдутся и вступятъ во взаимную связь.

Такова аргументація, главнымъ образомъ, Бастіа. In abstracto, она правильна. Но напрашивается вопросъ, гдѣ и когда установится эта связь? Произойдетъ ли это чрезъ десять лѣтъ и на другомъ какомъ-нибудь концѣ міра? Можетъ быть, реализованныя потребителемъ сбереженія пойдутъ на прорытіе Панамскаго канала или на сооруженіе желѣзной дороги въ Китаѣ. Разъ освобожденный капиталъ не затруднится найти себѣ помѣщеніе,—на своихъ крыльяхъ онъ можетъ унестись, куда угодно. Но рабочій не такъ подвиженъ: не ко всякому занятію онъ способенъ и не легко ему искать заработка по всему свѣту. Все же, въ концѣ концовъ, ему придется измѣнить свое ремесло. И, вѣроятно, онъ потеряетъ нѣкоторую долю пріобрѣтенныхъ навыковъ, и потому заработная плата его уменьшится. Во всякомъ случаѣ, кризисъ будетъ затяжнымъ и болѣзненнымъ. А такъ какъ подобный кризисъ возобновляется съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ, то безработица становится хроническимъ явленіемъ. И это текучее населеніе безработныхъ, представляющее 5—10% всего числа занятыхъ, давитъ на рабочій рынокъ и сбиваетъ рабочую плату предложеніемъ труда за безцѣнокъ.

Слѣдовательно, жалобы рабочихъ, временныхъ, по крайней мѣрѣ, жертвъ вызываемой машинами экспропріаціи, не совсѣмъ напрасны [17]).

Нужно ли, поэтому (какъ этого требовала программа Рёскина

[17]) Нынѣ, впрочемъ, рабочіе протестуютъ не противъ машинъ, а противъ присвоенія ихъ капиталистами. Они предполагаютъ, что машины принесутъ благодѣянія и имъ, и другимъ, если только онѣ будутъ принадлежать обществу, ибо въ такомъ случаѣ машины приведутъ лишь къ уменьшенію доли труда каждаго, и никого не будутъ лишать средствъ существованія.

и его учениковъ), проповѣдывать людямъ мысль объ отказѣ отъ паровыхъ машинъ и звать ихъ къ ручному труду или естественнымъ силамъ, какъ болѣе гуманнымъ, къ водѣ и вѣтру?

Нѣтъ, ибо это не является специфической чертой машинъ. Всякій экономическій прогрессъ,—будь то техническое изобрѣтеніе или новый способъ организаціи труда—не можетъ не вести къ тому, чтобы не сдѣлалось безполезнымъ извѣстное количество труда. И при данной организаціи нашихъ современныхъ обществъ, основанной на раздѣленіи труда, гдѣ каждый живетъ опредѣленнымъ родомъ труда, невозможно, чтобы этотъ прогрессъ, каковъ бы онъ ни былъ, не сдѣлалъ безполезнымъ чьего-либо труда и не отнялъ бы у кого нибудь средствъ существованія. Таково фатальное противорѣчіе современнаго общества.

Но позволительно надѣяться, что крупный экономическій и техническій переворотъ, свидѣтелемъ котораго былъ XIX в., подходитъ, вѣроятно, къ концу.

Исторія, дѣйствительно, показываетъ намъ въ экономическомъ развитіи человѣчества періоды внезапныхъ переворотовъ, за которыми слѣдуетъ долгіе промежутки болѣе или менѣе полнаго затишья. Весьма вѣроятно, поэтому, что за великой экономической революціей нашего времени послѣдуетъ продолжительное время покоя или, по крайней мѣрѣ, очень медленнаго прогресса, подобное тысячелѣтнему періоду, который предшествовалъ этой революціи. Изобрѣтеніе паровой машины уже, несомнѣнно, дало почти все, что оно могло дать. Будетъ изобрѣтена другая, болѣе совершенная,—скажутъ намъ. А кто это знаетъ? И если бы даже такое предсказаніе сбылось, то замѣна паровой машины этой безымянной новой, вѣроятно, не произвело бы такого переворота, какой вызвала замѣна ручного станка паровой машиной. Сѣть электрическихъ телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ закончена или будетъ повсюду закончена чрезъ какихъ-нибудь 50 лѣтъ,—вотъ еще одно

А пока они требуютъ никого не увольнять при введеніи новаго изобрѣтенія. Такъ, въ іюлѣ 1908 г., конгрессъ спичечниковъ принялъ слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что реализуемая, благодаря техническому прогрессу, прибыль не должна притекать только въ кассу хозяевъ, а должна также способствовать улучшенію условій существованія рабочихъ, конгрессъ постановляетъ бороться по принципіальнымъ соображеніямъ со всякимъ новымъ сокращеніемъ рабочаго персонала“.

окончательное преобразованіе, въ которомъ больше нечего будетъ дѣлать. Допустимъ, что научатся управлять воздушными шарами; но развѣ можно себѣ представить, что перевозка пассажировъ и, особенно, товаровъ на шарѣ или аэропланѣ поведетъ къ тѣмъ же экономическимъ послѣдствіямъ, какія вызвали желѣзныя дороги? Наконецъ, чрезъ нѣсколько поколѣній человѣческій родъ займетъ все, что остается еще незанятымъ на нашей планетѣ; не будетъ больше свободныхъ земель, и прекратится также экономическая революція, вызванная конкурренціей новыхъ странъ на нашихъ старыхъ рынкахъ [18]).

ГЛАВА II.

Трудъ.

I.

О роли, которую трудъ играетъ въ производствѣ.

Для осуществленія своего назначенія и, главнымъ образомъ, для удовлетворенія потребностей своего существованія, всякое живое существо принуждено выполнять извѣстную работу. Даже зерно напрягаетъ свои силы, чтобы приподнять прикрывающую его земную отвердѣвшую кору и подышать на воздухѣ подъ лучами солнца. Прицѣпившаяся къ рифу устрица то пріоткрываетъ, то закрываетъ свою раковину, чтобы почерпнуть въ омывающей ее влагѣ питательные элементы. Паукъ ткетъ свою паутину. Лисица и волкъ рыщутъ въ поискахъ за добычей. Человѣкъ не уклоняется отъ общаго закона: онъ тоже долженъ употреблять настойчивыя усилія для удовлетворенія своихъ потребностей. Безсознательное у растенія, инстинктивное у животнаго, это усиліе становится у человѣка обдуманнымъ актомъ и называется трудомъ.

Не существуетъ ли, однако, кое-какихъ богатствъ, которыя человѣкъ можетъ добыть себѣ безъ труда, напр., такихъ, кото-

---

[18]) Стюартъ Милль въ одномъ краснорѣчивомъ и часто приводимомъ мѣстѣ предсказывалъ, что безконечное пониженіе цѣнъ на продукты приведетъ къ „стаціонарному состоянію“, въ которомъ „увидятъ, какъ рѣка человѣческой промышленности впадаетъ, въ концѣ концовъ, въ стоячее море“.

рыми природа щедро надѣляетъ его? Это—нѣсколько щекотливый вопросъ.

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что въ этой группѣ богатствъ, называемыхъ продуктами, нѣтъ ни одного такого, которое не предполагаетъ, въ большей или меньшей степени, вмѣшательства труда. Это вытекаетъ уже изъ самой этимологіи слова: „продуктъ"—productum—откуда-нибудь извлеченное. Но кто же, такимъ образомъ, извлекъ его, какъ не человѣческая рука? Для того, чтобы плоды, даже тѣ, которые сама природа даетъ намъ—плоды хлѣбнаго дерева, бананы, финики или всевозможныя раковины, которыя въ Италіи называются frutti di mare (морскими плодами)—могли служить для удовлетворенія нашихъ потребностей, все-таки необходимо, чтобы человѣкъ потрудился собрать ихъ. Но, вѣдь, и сборъ плодовъ представляетъ, конечно, трудъ, который можетъ стать очень тяжелымъ.

Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно не отдаютъ себѣ точнаго отчета о значительной роли, которую играетъ трудъ даже въ созданіи тѣхъ продуктовъ, которые часто совершенно неправильно называются „естественными". Люди склонны, напр., думать, что все произрастающее на землѣ—хлѣбные злаки, овощи, плоды—щедрый даръ ея, alma parens rerum. Въ дѣйствительности же, большая часть растеній, служащихъ для питанія человѣка, была, если не создана, то, во всякомъ случаѣ, такъ измѣнена культурой и трудами сотенъ поколѣній, что ботаники еще до настоящаго времени не могли отыскать первоначальныхъ типовъ этихъ растеній. Пшеница, кукуруза, чечевица, бобъ нигдѣ не могли быть найдены въ своемъ начальномъ состояніи. Даже тѣ виды, которые попадаются въ естественномъ состояніи, рѣзко отличаются отъ однородныхъ имъ, насаждаемыхъ человѣкомъ, видовъ. Между кислыми ягодами дикой виноградной лозы и нашими кистями винограда, между овощами или сочными плодами нашихъ огородовъ и жесткими корнями или терпкими, иногда ядовитыми, ягодами дикихъ разновидностей разница такъ велика, что эти плоды или овощи можно разсматривать, какъ искусственные продукты, т.-е. настоящими созданіями человѣческой промышленности [1]). Доказательствомъ служитъ то, что какъ только неустан-

[1]) „Боги," говоритъ Ксенофонтъ, „продаютъ намъ всѣ блага по цѣнѣ нашего труда".

ный трудъ обработки прерывается на нѣсколько лѣтъ, эти продукты немедленно начинаютъ, какъ говорятъ, вырождаться, иначе говоря, возвращаться въ естественное состояніе, утрачивая всѣ качества, которыми надѣлила ихъ человѣческая дѣятельность.

Наконецъ, даже по отношенію къ тѣмъ богатствамъ, которыя не являются „продуктами", потому что ихъ существованіе предшествуетъ всякому акту производства, какъ-то: земля и всѣ представляемые ею въ состояніи организованномъ или неорганизованномъ матеріалы, источники воды или нефти, дѣвственные лѣса, луга, залежи камня, металлической руды и каменнаго угля, водопады, годные для вращенія колесъ мельницы или турбинъ, гуано, сложенное морскими птицами, заводи, богатыя рыбой, раковинами или кораллами,—даже по отношенію ко всѣмъ этимъ естественнымъ богатствамъ слѣдуетъ все-таки замѣтить:

1. Что они существуютъ, какъ богатства, т.-е. какъ полезныя и цѣнныя вещи, лишь постольку, поскольку человѣческій умъ, съ одной стороны, сумѣлъ открыть ихъ существованіе, а, съ другой,—распознать въ нихъ свойства, которыя дѣлаютъ ихъ способными удовлетворять какую-нибудь изъ нашихъ потребностей. Возьмите любую землю, напр., хлѣбородную землю въ Америкѣ. Если она представляется богатствомъ, то только потому, что нѣкій изслѣдователь или піонеръ, идя по стопамъ Христофора Колумба, впервые открывшаго Америку, обнаружилъ мѣстонахожденіе ея. Но, вѣдь, фактъ открытія, касается ли оно Новаго Свѣта или какихъ-нибудь грибовъ, все же предполагаетъ наличность извѣстнаго труда;

2. Что они смогутъ быть утилизированы, т.-е. служить въ будущемъ удовлетворенію потребностей человѣка лишь постольку, поскольку болѣе или менѣе испытаютъ на себѣ дѣйствіе труда: будутъ, напр., распаханы, если дѣло идетъ о дѣвственныхъ земляхъ; или будутъ обнаружены и разлиты по бутылкамъ, если дѣло касается минеральныхъ водъ въ источникахъ; или будутъ собраны и, вѣроятно, положены въ кастрюлю для варки, если дѣло идетъ о грибахъ или раковинахъ.

II.

Какимъ образомъ трудъ производитъ.

Слѣдуетъ различать три вида труда:

1. Ручной трудъ необходимъ для всякаго производства матеріальныхъ богатствъ, ибо необходимо, какъ мы только что видѣли, видоизмѣнять или, по крайней мѣрѣ, извлекать сырые матеріалы всякаго богатства. Человѣческая рука является первоначальнымъ, хотя и не единственнымъ, агентомъ этого видоизмѣненія.

Вышедшія изъ рукъ человѣческихъ безконечно разнообразныя, изумительныя творенія оспариваютъ славу у чудесъ. А вѣдь человѣкъ не надѣленъ „перстами сказочной феи“. Его рука представляетъ лишь довольно слабую [2]) мускульную силу, но руководимую умомъ. Она, слѣдовательно, не можетъ производить никакихъ иныхъ дѣйствій, кромѣ дѣйствій, исходящихъ изъ какой-нибудь двигательной силы, иначе говоря, кромѣ какого-нибудь перемѣщенія [3]).

Это перемѣщеніе можетъ состоять либо въ перемѣнѣ мѣста самаго предмета, либо въ перемѣнѣ мѣста его составныхъ частей. Въ послѣднемъ случаѣ мы, правда, говоримъ, что предметъ подвергся „видоизмѣненію“, но всякое видоизмѣненіе сводится, въ сущности, къ перемѣщенію. Изящныя формы, въ которыя облекается глина въ рукахъ горшечника или ваятеля, богатые и сложные рисунки, которые выводятъ нитью пальцы кружевницы, не что иное, какъ дѣйствія, произведенныя благодаря перемѣщеніямъ молекулъ глины или нитей ткани. Все, что можетъ дѣлать трудъ человѣка—двигать, отдѣлять, соединять, раскладывать, накладывать, размѣщать,—не что иное, какъ движенія. Возьмите, напр., производство хлѣба и разсмотрите различные акты этого производства: паханіе, сѣяніе, жатву, вѣяніе, молотьбу, просѣваніе муки, приготовленіе тѣста и сажаніе его въ печь—и вы увидите, что всѣ они представляютъ лишь извѣстныя, сообщаемыя матеріи, перемѣщенія. Что же касается настоящихъ пре-

---

[2]) Все-таки, слѣдуетъ сказать, что если у человѣка меньше мускульной силы, чѣмъ у животныхъ, зато у него больше ловкости, а ловкостью онъ обязанъ, главнымъ образомъ, тому изумительному органу, который называется рукой.

[3]) Это отмѣтилъ еще итальянскій экономистъ Верри въ 1771 г.

вращеній, происходящихъ въ организаціи тѣлъ, модифицирующихъ ихъ физическія и химическія свойства и тѣмъ способствующихъ производству,—той таинственной эволюціи, которая изъ ростка производитъ растеніе; того броженія, которое изъ сахарнаго сока дѣлаетъ алкоголь; того химическаго соединенія, которое изъ желѣза и угля производитъ сталь,—то все это не дѣло рукъ человѣческихъ. Человѣкъ ограничился тѣмъ, что расположилъ матеріалы въ нужномъ порядкѣ: хлѣбное сѣмя бросилъ въ землю, собранный виноградъ сложилъ въ чанъ, руду — въ плавильную печь, а ужъ природа сдѣлала все остальное.

При такой слабости этой двигательной силы и ограниченности ея способа дѣйствія, еще болѣе изумляешься, что ея достаточно для преобразованія міра!

2. Трудъ изобрѣтенія—чисто интеллектуальный трудъ, но онъ столь же необходимъ для производства, какъ и ручной трудъ, ибо нѣтъ ни одной утилизированной человѣкомъ вещи, ни одного производительнаго дѣйствія его, которыя не были бы изобрѣтены. Благодаря изобрѣтенію, вотчина человѣчества ежедневно обогащается какимъ-нибудь новымъ завоеваніемъ. То изъ глины, грязью устилающей наши улицы, промышленность выдѣлываетъ блестящій, крѣпкій, но въ то же время легкій, металлъ, который называется аллюминіемъ; то смрадные остатки каменнаго угля она превращаетъ въ благоуханные вещества или въ краски, пышнѣе тирскаго пурпура. Во всякомъ случаѣ, еще далеко не великъ списокъ вещей, которыми мы умѣемъ пользоваться, по сравненію съ безмѣрнымъ количествомъ тѣхъ вещей, изъ которыхъ мы ничего не выдѣлываемъ. Изъ 140,000 извѣстныхъ намъ видовъ растительнаго царства, наша культура не утилизируетъ и 300; изъ сотенъ тысячъ видовъ животнаго царства едва насчитываются 200, изъ которыхъ мы сумѣли извлечь пользу [4]), и для неорганическихъ тѣлъ отношеніе не болѣе благопріятно для насъ. Но каталогъ нашихъ богатствъ удлиняется съ каждымъ днемъ, и у насъ есть всѣ основанія предполагать, что если бы наше знаніе было совершеннымъ, въ этомъ обширномъ мірѣ не было бы ни одной былинки, ни одного атома вещества, въ которомъ мы не сумѣли бы найти какую-нибудь пользу для себя.

Не только богатства должны быть открыты, но и способъ ихъ

[4]) De Candolle. Origines des plantes cultivées, p. 366.

видоизмѣненія и утилизированія, т.-е., самъ ручной трудъ во всѣхъ своихъ видахъ, каждое движеніе пальцевъ ткача или рукъ кузнеца непремѣнно были открыты вначалѣ какимъ-нибудь ремесленникомъ. И не приходится думать, что въ этой области изобрѣтеніе когда-нибудь остановится окончательно: оно пріобщается къ самой грубой работѣ и мѣшаетъ ей застывать на рутинныхъ пріемахъ. Въ экономическомъ смыслѣ слова, изобрѣтеніе не есть свѣтъ, исходящій изъ мозга геніальнаго человѣка, а только примѣненіе какого-нибудь вновь открытаго способа для достиженія какой-нибудь цѣли.

Слѣдуетъ отмѣтить, что всякое, разъ найденное изобрѣтеніе, отличается свойствомъ служить для безконечнаго количества актовъ производства или, лучше сказать, воспроизводства. Это, именно, обстоятельство и дѣлаетъ для законодателя столь труднымъ регулированіе и защиту права собственности изобрѣтателя.

3. Наконецъ, всякое производительное предпріятіе, когда оно ведется не отдѣльно, а коллективно, требуетъ извѣстнаго управленія; а управленіе само по себѣ составляетъ очень дѣйствительный видъ труда, важность котораго увеличивается по мѣрѣ того, какъ промышленность въ нашихъ современныхъ обществахъ стремится принять форму крупнаго производства (см. гл. о предпріятіи и прибыли).

III.

Объ эволюціи идей относительно производительности труда.

Любопытно показать, какъ эпитетъ „производительный“, прилагавшійся сначала къ одной только категоріи человѣческой дѣятельности, мало-по-малу расширялся и, въ концѣ концовъ, сталъ обозначать безразлично всякія категоріи ея, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не безполезно прослѣдить развѣтвленіе экономическихъ ученій по этому вопросу.

1. Школа физіократовъ надѣляла эпитетомъ „производительный“ только земледѣльческій трудъ (включая также охоту, рыболовство, рудники) и отказывала въ немъ всякому другому труду, даже мануфактурному. Основаніемъ для этого служило ей то обстоятельство, что только эти отрасли промышленности доста-

вляютъ матеріалы для всякаго богатства, а другія ограничиваются только приложеніемъ этихъ матеріаловъ къ дѣлу.

2. Опредѣленіе физіократовъ было, безспорно, очень узкимъ. Матеріалы въ томъ видѣ, въ какомъ они доставляются намъ земледѣльческой или добывающей промышленностью, обыкновенно совершенно непригодны для нашего потребленія; они нуждаются еще въ многочисленныхъ измѣненіяхъ, что́ какъ разъ и относится къ области мануфактурной промышленности. Послѣдняя, поэтому, есть необходимое дополненіе первой, и процессъ производства остается безъ нея такъ же не законченъ, какъ драма безъ послѣднихъ дѣйствій. Для чего нужна была бы извлеченная изъ рудника руда, если ей не приходилось бы побывать на желѣзодѣлательномъ или литейномъ заводѣ? Къ чему годился бы хлѣбъ, если бы онъ не долженъ былъ пройти чрезъ руки мельника и булочника? Безъ труда ткача ленъ былъ бы не полезнѣе крапивы. На какомъ же основаніи отказывать этимъ отраслямъ въ эпитетѣ „производительный“, если безъ нихъ эти богатства были бы для насъ безполезными и даже не были бы богатствами?

Что же касается мысли, что добывающая и земледѣльческая промышленность создаетъ богатство, тогда какъ мануфактурная только преобразовываетъ его, то это—ошибка. Земледѣлецъ ничего не создаетъ: онъ только преобразовываетъ простые, заимствованные изъ почвы и атмосферы, элементы. Онъ производитъ хлѣбъ съ помощью воды, кремнезема, фосфорно и азотнокислыхъ солей совершенно такъ же, какъ мыловаръ изъ натра и жировъ дѣлаетъ мыло.

Поэтому со времени Адама Смита никто больше не колебался распространять эпитетъ „производительный“ на всѣ виды мануфактурной промышленности.

3. Относительно дѣятельности по транспорту колебанія были болѣе продолжительны по той причинѣ, что перевозка какъ будто не сообщаетъ предмету никакого измѣненія. Развѣ грузъ представляетъ изъ-себя не одно и то же, какъ на мѣстѣ прибытія, такъ и на мѣстѣ отправки? Въ этомъ-то, говорили, и заключается характерное отличіе перевозочной промышленности отъ мануфактурной.

Это различіе—философски мало обоснованное, ибо всякое перемѣщеніе составляетъ существенное измѣненіе тѣлъ, и это даже, собственно говоря, единственное, какъ мы сейчасъ видѣли, измѣненіе, какое мы можемъ сообщать матеріи.

Если бы, къ тому же, признавалось, что перемѣщеніе не представляетъ настолько существеннаго измѣненія, чтобы считаться производительнымъ, тогда бы слѣдовало отказать въ эпитетѣ „производительный“ и добывающей промышленности, ибо какую же можно установить разницу между трудомъ рудокопа, извлекающаго руду или каменный уголь изъ глубины шахты на поверхность земли, и трудомъ извозчика, который беретъ эту руду или каменный уголь и перевозитъ ихъ на заводъ, если только не утверждать, что перемѣщеніе бываетъ производительнымъ только тогда, когда оно совершается въ вертикальномъ направленіи, и перестаетъ быть таковымъ, когда совершается въ горизонтальномъ? При этомъ излишне прибавлять, что, какъ мануфактурная промышленность является необходимымъ дополненіемъ земледѣльческой и добывающей, такъ и транспортная есть необходимое дополненіе предшествующихъ. Къ чему было бы сдирать кору съ хинныхъ деревьевъ въ бразильскихъ лѣсахъ, собирать гуано на перуанскихъ островахъ и добывать слоновые бивни въ Южной Африкѣ, если бы не было моряковъ и извозчиковъ для перевозки этихъ продуктовъ въ мѣста ихъ потребленія? Къ чему землевладѣльцу наилучшій въ мірѣ урожай, если собранный хлѣбъ нельзя перевезти за отсутствіемъ дорогъ?

4. Относительно торговой промышленности колебанія были еще болѣе продолжительными.

И, дѣйствительно, нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что торговая сдѣлка, сведенная къ чисто юридическому акту — куплѣ-продажѣ — (таково, именно, юридическое опредѣленіе торговой сдѣлки), не предполагаетъ никакого созданія богатства. Такова была доктрина физіократовъ и даже Дюнуайе. Обмѣнъ, говорили они, можетъ принести много денегъ тому, кто занимается имъ, но онъ ничего не прибавляетъ къ общему богатству.

Но, съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе, что торговая дѣятельность почти не можетъ быть отдѣлена отъ транспортной. Отдѣленіе ихъ, какъ мы увидимъ это ниже, происходитъ довольно поздно. И нынѣ еще купцы являются настоящими заправилами транспорта въ мірѣ, и перевозочная промышленность исполняетъ лишь ихъ распоряженія. На ихъ же попеченіи лежитъ, кромѣ того, сохраненіе товаровъ на складахъ. Они также подвергаютъ товары и нѣкоторымъ измѣненіямъ: тор-

говецъ сукномъ разрѣзаетъ его на „кипы“, бакалейщикъ жаритъ кофе и т. д. Наконецъ, даже сведенный къ простому обмѣну, голый фактъ передачи собственности на какую-нибудь вещь изъ рукъ того, кто ничего не можетъ сдѣлать изъ нея, тому, кто можетъ и хочетъ утилизировать ее, нужно разсматривать, какъ производительную операцію, ибо весь секретъ производства въ томъ и заключается, чтобы изъ безполезной вещи сдѣлать полезную (см. ниже „Обмѣнъ“).

5. Наконецъ, самая оживленная дискуссія была по поводу дѣятельности, состоящей лишь въ оказаніи услугъ, куда относятся, напр., либеральныя профессіи. Можетъ показаться, напр., страннымъ объявлять „производительнымъ“ трудъ судьи, постановляющаго приговоръ, или трудъ хирурга, отнимающаго ногу. Гдѣ ихъ продукты? Гдѣ созданныя ими „богатства“?

Но здѣсь достаточно замѣтить слѣдующее:

а) Если либеральныя профессіи и не создаютъ матеріальныхъ богатствъ, то онѣ, во всякомъ случаѣ, создаютъ полезности въ видѣ оказанныхъ услугъ, а цѣлью производства является полезность, но не матерія, съ которой она можетъ быть связана;

б) Въ соціальномъ организмѣ, благодаря закону раздѣленія труда, съ которымъ мы познакомимся ниже, между всѣми видами дѣятельности людей существуетъ такая солидарность, что невозможно отдѣлить ихъ, и нематеріальныя услуги являются необходимымъ условіемъ производства всякаго матеріальнаго богатства. Возьмите, напр., производство хлѣба. Мы, конечно, безъ всякаго колебанія отнесемъ къ производительному труду трудъ пахарей, сѣятелей, жнецовъ, извозчиковъ, мельниковъ, булочниковъ, начиная съ какого-нибудь Триптолема, который открылъ хлѣбъ, и всѣхъ его преемниковъ, которые нашли ту или иную разновидность хлѣбныхъ злаковъ, открыли сѣвооборотъ или способы интенсивной культуры. Но мы не можемъ ограничиться однимъ собственно ручнымъ трудомъ. Ясно, что трудъ фермера или землевладѣльца, хотя бы онъ самъ и не ходилъ за плугомъ, тоже очень полезенъ для производства хлѣба, не менѣе полезенъ, чѣмъ трудъ пастуха для производства шерсти, хотя бы послѣдній и не самъ стригъ овецъ. Нельзя также игнорировать трудъ инженера, построившаго планъ системы орошенія, трудъ архитектора, возведшаго амбары и необходимыя для эксплоатаціи постройки.

Слѣдуетъ ли ограничиться этимъ? Можно, конечно. Здѣсь-то

многіе экономисты и проводятъ демаркаціонную линію между видами дѣятельности, которые должны быть названы производительными, потому что они придаютъ вещи новую полезность, и тѣми видами, которые не должны бы называться производительными, хотя они безусловно полезны, потому что они состоятъ лишь въ оказаніи услугъ (см. выше о разницѣ между богатствомъ и услугой). Но развѣ трудъ сельскаго сторожа, напугавшаго воровъ, трудъ прокурора, возбудившаго противъ нихъ преслѣдованіе, судьи, осудившаго ихъ, солдата, защитившаго собранный хлѣбъ отъ еще худшихъ опустошителей—непріятельскихъ армій,—развѣ этотъ трудъ не способствовалъ также производству хлѣба? А что же сказать о трудѣ тѣхъ, кто образовалъ самого земледѣльца и его людей, о трудѣ учителя, давшаго имъ представленіе о земледѣліи, или указавшаго имъ способы пріобрѣтенія ихъ, о трудѣ врача, поддерживавшаго ихъ въ добромъ здравіи? Развѣ безразлично, даже съ точки зрѣнія только производства хлѣба, чтобы рабочіе были образованы и здоровы, чтобы для нихъ былъ обезпеченъ порядокъ и безопасность, благодѣяніе хорошаго правленія и хорошихъ законовъ? Вправѣ ли мы вычеркнуть, какъ безразличные для производства хлѣба, такіе весьма чуждые земледѣлію виды труда, какимъ является, напр., трудъ литераторовъ, поэтовъ, артистовъ? Кому же придетъ въ голову утверждать, что стремленіе къ земледѣльческому труду не можетъ быть съ пользой для общества развиваемо романистами, изображающими картины сельской жизни, или поэтами, воспѣвающими прелести полевыхъ работъ, и научившими насъ вмѣстѣ съ авторомъ „Георгикъ“ повторять:

O fortunatos nimium sua si bona norint
Agricolas!

Гдѣ-же остановиться? Кругъ производительной дѣятельности, какъ мы видимъ, расширяется до безконечности, до послѣднихъ предѣловъ общества, подобно тѣмъ концентрическимъ кругамъ, которые, расширяясь, бѣгутъ по поверхности воды отъ центра, гдѣ былъ нарушенъ покой водной глади, и теряются вдали, такъ что взоръ не можетъ нащупать мѣста ихъ конечной остановки. Можно, конечно, сказать, что не всѣ разсмотрѣнные нами виды дѣятельности одинаковымъ образомъ способствовали производству хлѣба; одни оказывали непосредственное содѣйствіе, а другіе—косвенное;

но достаточно констатировать, что ни одинъ изъ этихъ видовъ, начиная съ труда пахаря и кончая трудомъ представителя верховной власти, не можетъ быть уничтоженъ безъ ущерба для хлѣбопашества.

Неумѣстно даже устанавливать между ними іерархію, съ точки зрѣнія ихъ экономической полезности. Можно было бы, пожалуй, сообразно степени экономическихъ потребностей, которымъ они отвѣчаютъ, поставить на первомъ мѣстѣ трудъ открытія и изобрѣтенія, на второмъ—земледѣльческій трудъ, затѣмъ—мануфактурный, за нимъ трудъ по перевозкѣ, и на послѣднемъ мѣстѣ коммерческій и по отправленію общественныхъ функцій. Но достаточно замѣтить, что если страна плохо управляется, или у нея нѣтъ перевозочныхъ средствъ, всѣ ея земледѣльческія богатства не послужатъ ей ни къ чему. Однако, съ другой стороны, было бы не менѣе грубой ошибкой, хотя и противоположнаго свойства, предполагать, что такъ какъ всѣ ремесла или профессіи могутъ быть одинаково производительными, то и не важно, что какое-нибудь одно ремесло или одна профессія распространяется больше или меньше, чѣмъ какое-нибудь другое или другая. Правильнымъ представляется такое положеніе: если всякая профессія можетъ быть полезной въ предѣлахъ, поставленныхъ ей потребностью, то она становится вредной, выходя за эти предѣлы, такъ какъ тогда она вырождается въ паразитизмъ. Слѣдуетъ добиваться правильнаго соотношенія между наличнымъ составомъ каждой профессіональной группы и значеніемъ потребности, которой она должна удовлетворять. Къ сожалѣнію, наши цивилизованныя общества далеки отъ осуществленія такого правильнаго равновѣсія. Такъ, напр., мы видимъ, какъ нѣкоторыя страны тратятъ милліарды на развитіе перевозочныхъ средствъ, не сообразуясь съ тѣмъ, будутъ ли у нихъ продукты для перевозки; видимъ, какъ число лицъ, принимающихся за мелкую торговлю или поступающихъ на общественныя должности, съ каждымъ днемъ увеличивается, а въ земледѣліи все болѣе и болѣе становится настоятельной нужда въ рабочихъ рукахъ, и не безосновательными являются жалобы на ростъ числа посредниковъ и чиновниковъ и того обременительнаго вычета, который тѣ и другіе производятъ изъ продукта труда всѣхъ. Ниже мы увидимъ, что потребительныя общества какъ разъ и ставятъ своей цѣлью исправленіе зла, причиняемаго размноженіемъ торговцевъ.

IV.

Объ усиліи, какъ составномъ элементѣ труда.

Безспоренъ тотъ фактъ, что человѣкъ почти не трудится добровольно, а только подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ, каковыми для ребенка бываютъ наказаніе, награда, чувство соревнованія, а для взрослаго человѣка—потребность, погоня за барышомъ, самолюбіе, профессіональная честь. Большинство людей работаетъ съ усердіемъ только для того, чтобы ускорить приближеніе часа, когда они смогутъ уже больше не работать. Поэтому слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что всякій производительный трудъ предполагаетъ извѣстное усиліе. Это законъ, имѣющій капитальное значеніе въ политической экономіи. Если бы трудъ не содержалъ въ себѣ элемента усилія, то (можно съ увѣренностью сказать) всѣ экономическія явленія были бы совершенно иными: такъ, напр., ни рабство, ни машинное производство не существовали бы, поскольку ихъ цѣлью было бы лишь освобожденіе отъ извѣстнаго труда.

Но почему трудъ тягостенъ? Не легко отвѣтить на этотъ вопросъ, хотя всѣ это чувствуютъ. Ибо трудъ въ сущности есть только проявленіе человѣческой дѣятельности, но, вѣдь, дѣятельность ничего тягостнаго въ себѣ не заключаетъ: дѣйствовать, значитъ, жить; и, наоборотъ, совершенное бездѣйствіе является наказаніемъ, и такимъ жестокимъ, что убиваетъ наказаннаго или сводитъ его съ ума, когда оно слишкомъ долго длится въ одиночномъ тюремномъ заключеніи.

Можетъ быть, потому, что трудъ всегда предполагаетъ извѣстное усиліе, а человѣкъ по природѣ лѣнивое животное? Но это объясненіе недостаточное, ибо многія упражненія, считающіяся удовольствіями—экскурсіи въ горы, катаніе на лодкѣ, на велосипедѣ, всякаго рода спортъ, даже танцы — требуютъ бóльшей затраты усилія, чѣмъ трудъ, и, несмотря на это, многіе со страстью отдаются имъ.

Но въ игрѣ затрата усилія добровольна и свободна; усиліе ищетъ и находитъ удовлетвореніе въ самомъ себѣ: оно само есть собственная цѣль. Наоборотъ, въ трудѣ затрата усилія вызывается необходимостью достигнуть извѣстной цѣли, — удовлетворенія

какой-нибудь потребности; здѣсь усиліе не больше, какъ предварительное условіе для полученія удовлетворенія въ будущемъ; оно, какъ говорятъ, „урокъ“, и потому оно тягостно. Между катающимся на лодкѣ, который гребетъ ради собственнаго удовольствія, и лодочникомъ, который гребетъ ради заработка, между туристомъ, взбирающимся на Альпы, и сопровождающимъ его проводникомъ, между молодой дѣвушкой, проводящей цѣлую ночь на балу, и танцовщицей, участвующей въ балетѣ, я не вижу иной разницы, кромѣ той, что одни гребутъ, карабкаются, танцуютъ съ единственной цѣлью, чтобы грести, карабкаться, танцовать, тогда какъ другіе—для того, чтобы заработать себѣ средства къ существованію; но этой разницы достаточно, чтобы одни и тѣ же виды дѣятельности одни считали за удовольствіе, а другіе—за тягость. Кандиду было пріятно „культивировать свой садъ“, но ему было бы непріятно, если бы онъ долженъ былъ культивировать его для того, чтобы взращивать овощи и потомъ продавать ихъ на рынкѣ. Туристъ, идущій по дорогѣ исключительно ради прогулки, находитъ въ этомъ удовольствіе, но сельскій рабочій, который проходитъ по ней утромъ и вечеромъ для достиженія опредѣленной цѣли, всегда находитъ ее длинной и утомительной. Но, вѣдь, почти для всего рода человѣческаго трудъ есть только путь, на который онъ вышелъ въ силу необходимости жить. Онъ трудится для пріобрѣтенія средствъ къ существованію, а не „ради своего удовольствія“.

Что обременительность труда зависитъ отъ характера привносимаго въ него условія, доказывается тѣмъ, что эта обременительность измѣняется прямо пропорціонально принудительности и обратно пропорціонально свободѣ труда. Она доходила до максимума для римскаго раба, привязаннаго къ жернову, или для каторжника, прикованнаго къ своей скамейкѣ; она все еще велика для наемнаго рабочаго, обязаннаго ежедневно добывать свой насущный хлѣбъ. Она спускается до минимума для крестьянина, который охотно запахиваетъ клочокъ своего поля, для директора трёста, командующаго надъ милліардами долларовъ, какъ генералъ надъ своей арміей, и для художника, одухотворяющаго полотно или мраморъ своей идеей.

Отсюда одинъ только шагъ до того вывода, что трудъ сможетъ окончательно стряхнуть съ себя всякій характеръ обременительности въ общественномъ строѣ, гдѣ не будутъ больше

чувствоваться тиски нищеты и голода. И этотъ шагъ былъ сдѣланъ большинствомъ соціалистовъ. Фурье во главу угла будущаго общества, организаціей котораго онъ задавался, ставилъ привлекательный трудъ. Онъ заявлялъ, что если трудъ тягостенъ, то это зависитъ исключительно отъ несостоятельной организаціи нашихъ современныхъ обществъ и ручался въ своемъ фаланстерѣ превратить трудъ въ удовольствіе путемъ свободнаго выбора профессіи, разнообразія занятій, кратковременности урочныхъ работъ, путемъ развитія корпоративнаго духа, соревнованія и тысячи другихъ то остроумныхъ, то фантастическихъ комбинацій;—словомъ, ручался сдѣлать трудъ кузнеца, пахаря, плотника, сапожника и т. д. разновидностью спорта. Если король Людовикъ XVI, говоритъ онъ, находилъ удовольствіе выдѣлывать замки, то почему бы также и всѣмъ людямъ не работать для удовольствія?

Дѣйствительно, необходимо допустить, что трудъ будетъ становиться все менѣе и менѣе тягостнымъ по мѣрѣ того, какъ люди будутъ становиться все болѣе богатыми и болѣе независимыми, потому что трудъ все болѣе будетъ утрачивать характеръ урока, налагаемаго необходимостью, чтобы принять характеръ свободной дѣятельности. Все-таки, даже тогда, когда законъ необходимости трудиться утратитъ элементъ экономической фатальности, онъ останется моральнымъ закономъ, долгомъ, налагаемымъ общественной солидарностью. И страдало бы противорѣчіемъ предположеніе, что трудъ сдѣлается когда-нибудь игрой.

Во всякомъ случаѣ, нынѣ всякій трудящійся человѣкъ подвергается дѣйствію двухъ противоположныхъ силъ: съ одной стороны, имъ обладѣваетъ желаніе доставить себѣ какое-нибудь удовлетвореніе, а съ другой — желаніе избавиться отъ обремененія, причиняемаго ему трудомъ. Смотря по тому, какой изъ этихъ двухъ двигателей возьметъ верхъ, человѣкъ будетъ продолжать свою работу или прекратитъ ее.

Какъ очень остроумно замѣтилъ Стэнли Джевонсъ, затрачиваемое работникомъ усиліе идетъ, постоянно увеличиваясь, по мѣрѣ того, какъ длится работа, между тѣмъ какъ ожидаемое имъ удовлетвореніе идетъ, непрерывно уменьшаясь, по мѣрѣ того, какъ начинаютъ удовлетворяться [5]) его самыя настоятельныя потреб-

[5]) См. то, что мы выше говорили о предѣльной полезности.

ности, такъ что изъ двухъ желаній,—одного, понуждающаго его работать, и другого, понуждающаго бросить работу, второе рано или поздно, очевидно, одержитъ верхъ. Возьмите работника, достающаго воду изъ колодца. Усталость его растетъ съ каждымъ новымъ ведромъ воды; съ другой стороны, полезность каждаго ведра уменьшается, ибо если первое необходимо для питья, второе послужитъ только для пойла животныхъ, третье—для наведенія чистоты, четвертое—для поливки сада, пятое—для мытья половъ и т. д. На какомъ же ведрѣ онъ прекратитъ работу? Это зависитъ въ нѣкоторой мѣрѣ отъ степени его сопротивленія усталости, а, особенно, отъ многочисленности его потребностей. Эскимосъ, который видитъ въ водѣ только одну полезность—утолять жажду, остановится на первомъ или на второмъ ведрѣ; а голландцу, который испытываетъ потребность мыть все, вплоть до крыши своего дома, придется, можетъ быть, начерпать пятьдесятъ ведеръ прежде, чѣмъ онъ сочтетъ себя достаточно снабженнымъ водой.

Если къ стимулу имѣющихся въ настоящее время потребностей прибавится еще стимулъ потребностей, которыя появятся въ будущемъ—если, напр., въ странѣ, гдѣ мало воды, работникъ задумаетъ наполнить водой чанъ на случай засухи—то производительная дѣятельность можетъ чрезвычайно усилиться. Но эта способность взвѣшивать непосредственную затрату усилія съ отдаленнымъ удовлетвореніемъ, способность, настоящее имя которой предусмотрительность, принадлежитъ только культурнымъ расамъ, а среди нихъ—только достаточнымъ классамъ. Дикарь и бѣднякъ одинаково непредусмотрительны.

V.

Время, какъ составной элементъ труда.

Продолжительность полезной жизни.

Мы уже говорили выше, что время можно разсматривать, какъ одинъ изъ факторовъ производства, когда дѣло идетъ о природѣ (нужно время для того, чтобы созрѣть плодамъ и устояться вину въ бутылкахъ); тѣмъ большее значеніе имѣетъ оно, когда дѣло касается труда человѣка. Между моментомъ, когда работа начи-

нается, и тѣмъ моментомъ, когда она принесетъ ожидаемые отъ нея результаты, всегда протекаетъ болѣе или менѣе долгое время.

Вообще говоря, этотъ промежутокъ тѣмъ болѣе бываетъ продолжительнымъ, чѣмъ болѣе операція должна быть производительной. Когда дѣло идетъ о трудѣ, которымъ человѣкъ живетъ изо дня въ день (from hand to mouth — отъ руки до рта, какъ говорятъ англичане), какъ, напр., охота, рыбная ловля, собираніе дикихъ плодовъ, то въ такомъ случаѣ достаточно нѣсколькихъ часовъ. Когда же дѣло касается земледѣльческихъ работъ, промышленныхъ предпріятій или такихъ искусныхъ сооруженій, дѣлающихъ честь нашей эпохѣ, каковыми являются рудники, артезіанскіе колодцы, желѣзныя дороги, туннели или каналы, то необходимое время становится огромнымъ и пропорціональнымъ обширности результатовъ. Сколько лѣтъ пройдетъ съ того момента, когда — тридцать лѣтъ тому назадъ — былъ данъ первый ударъ лопаты по Панамскому перешейку, до того дня, когда по прорытому каналу проплыветъ первое судно?

Но только, если по отношенію къ природѣ можно сказать, что время—факторъ производства, по отношенію къ человѣку оно, наоборотъ, является какъ бы препятствіемъ такого же рода, какъ усиліе и обременительность. Дѣйствительно, нельзя сказать—какъ говорятъ о природѣ—что время ничего не стоитъ человѣку: время много стоитъ для человѣка. Англійская поговорка свидѣтельствуетъ: time is money (время — деньги), а французская — выражается еще живописнѣе: время—ткань, изъ которой строится жизнь (le temps est l'etoffe dont la vie est faite). Но, вѣдь, эта ткань очень скупо отпускается человѣку и еще скупѣе труду. Ибо человѣкъ далеко не всю свою жизнь можетъ посвятить труду. Не принимая даже въ расчетъ времени, безразсудно потраченнаго, благодаря праздности или плохому использованію его, необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

1. Человѣкъ не можетъ работать безпрерывно цѣлый день. Надо же вычесть время, необходимое для сна, принятія пищи, а опытъ показалъ, что производительность труда ничего не выигрываетъ отъ удлиненія рабочаго дня. Раньше рабочій день былъ въ 14—15 часовъ. Давленіе рабочихъ профессіональныхъ союзовъ или законъ свели его почти во всѣхъ странахъ до 10—11 час., а то даже и до 8 час., что составляетъ только одну треть дня.

2. Человѣкъ не можетъ работать безпрерывно круглый годъ. Нѣтъ такой страны, гдѣ бы не было извѣстнаго числа *праздничныхъ дней*. Англія и Америка строго соблюдаютъ воскресный отдыхъ, а англичане, кромѣ того, прекращаютъ работу съ полудня субботы. Въ Россіи существуетъ невѣроятное количество дней, когда празднуется какой-нибудь святой. Надо исключить также дни болѣзни. Рѣдко случается, чтобы рабочій, даже самый трудолюбивый, могъ въ среднемъ проработать до 300 дней въ годъ. Для Франціи официальная статистика даетъ 295 рабочихъ дней.

3. Человѣкъ не можетъ, наконецъ, работать всю свою жизнь, ибо нужно вычесть годы дѣтства и старости. Для рабочаго полезная жизнь, т. е. такая, когда онъ можетъ производить, начинается съ 14 — 15 лѣтъ и не продолжается свыше 55 л., иначе говоря, составляетъ продолжительность въ 40 лѣтъ. Для людей, отдающихся либеральнымъ профессіямъ, полезная жизнь можетъ продолжаться значительно больше, но зато она начинается значительно позже.

Въ общемъ, въ жизни, продолжительностью въ 80 лѣтъ, производительный періодъ не составляетъ болѣе половины, а число часовъ, дѣйствительно посвященныхъ труду, составляетъ не больше одной шестой части.

Съ точки зрѣнія демографической, самое благопріятное для данной страны такое положеніе, когда число лицъ, принадлежащихъ къ полезному [6]) періоду жизни, пропорціонально очень велико. Идеаломъ (съ чисто-экономической точки зрѣнія, разумѣется) было бы такое положеніе, когда вовсе не было бы ни дѣтей, ни стариковъ, потому что эти двѣ категоріи непроизводительны. Это, очевидно, вещь невозможная. Все-таки, новыя страны, заселяющіяся, главнымъ образомъ, благодаря иммиграціи, значительно приближаются къ такому положенію, ибо туда приходятъ уже взрослые люди или съ уже взрослыми дѣтьми, и иногда ихъ не принимаютъ

---

[6]) Полезная жизнь не находится въ необходимой связи со средней жизнью. Представьте двѣ страны: въ одной всѣ умираютъ въ 30 лѣтъ, а въ другой—одна половина умираетъ при рожденіи, а другая—только въ 60 лѣтъ. Средняя продолжительность жизни будетъ одинакова въ обѣихъ странахъ, но насколько же вторая страна будетъ въ болѣе благопріятномъ положеніи по сравненію съ первой, съ точки зрѣнія продолжительности полезной жизни: у нея будетъ 40 лѣтъ такой жизни вмѣсто 10!

тамъ, если они уже переступили опредѣленный возрастъ. Это обстоятельство, конечно, является однимъ изъ факторовъ экономическаго процвѣтанія такихъ странъ.

Страны, гдѣ рождаемость очень слаба, какъ, напр., Франція, тоже находятся, съ точки зрѣнія демографической, въ довольно выгодномъ положеніи, потому что категорія дѣтей у нихъ не такъ многочисленна, категорія взрослыхъ относительно больше, но и категорія стариковъ тоже многочисленнѣе, что сокращаетъ экономическую выгоду.

Необходимость во времени для всякой производительной операціи—и во времени, тѣмъ болѣе продолжительномъ, чѣмъ производительнѣе должно быть предпріятіе,—составляетъ, какъ это мы увидимъ, одну изъ главныхъ причинъ значенія капиталовъ и привилегированнаго положенія тѣхъ, кто ими обладаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, работнику, въ ожиданіи плодовъ своего труда, приходится жить авансами, а этими авансами въ состояніи снабдить его только капиталистъ. Естественно, капиталистъ не сдѣлаетъ этого безвозмездно.

ГЛАВА III.

Капиталъ.

I.

Двѣ концепціи капитала.

Ни одна экономическая концепція, кромѣ концепціи цѣнности, не вызвала къ жизни столько теорій, какъ концепція капитала. Это произошло потому, что она содержитъ въ себѣ два весьма различныхъ значенія.

Вотъ первое изъ нихъ.

Среди многочисленныхъ авторовъ, познакомившихъ насъ съ исторіями о Робинзонахъ и поставившихъ себѣ цѣлью показать намъ изолированнаго человѣка въ борьбѣ за существованіе, нѣтъ ни одного, который не постарался бы снабдить своего героя коекакими орудіями или запасами, спасенными отъ кораблекрушенія. Они, конечно, хорошо понимали, что безъ этой предосторожности

имъ пришлось бы прервать свой романъ на второй страницѣ, гдѣ пріостановилось бы существованіе ихъ героевъ. Все-таки, развѣ не имѣлись у всѣхъ этихъ Робинзоновъ рессурсы для ихъ существованія въ видѣ ихъ труда и сокровищъ плодородной, хотя и дѣвственной, природы? Да, это такъ, но все же имъ кое-чего не хватало, и, такъ какъ они не могли бы обойтись безъ этого, то авторамъ и приходится такъ или иначе добыть своимъ героямъ это необходимое нѣчто, называемое капиталомъ.

Нѣтъ, впрочемъ, необходимости ссылаться на примѣръ Робинзона, чтобы убѣдиться въ полезности капитала. Среди нашихъ цивилизованныхъ обществъ дѣло стоитъ не иначе. Нѣтъ въ мірѣ, гдѣ мы живемъ, задачи, болѣе трудной для разрѣшенія, чѣмъ пріобрѣтеніе чего-нибудь, когда ничѣмъ не владѣешь. Представьте себѣ пролетарія, т. е. человѣка безъ всякихъ средствъ. Что ему придется дѣлать, чтобы производить для себя все необходимое для жизни, добывать, какъ говорятъ, кусокъ насущнаго хлѣба? Достаточно немного подумать, чтобы понять, что онъ не можетъ заняться ни одной отраслью производительной дѣятельности, даже охотиться за дичью въ чужихъ лѣсахъ, потому что и для этого нужно ружье или хотя бы силки; даже собирать тряпки, ибо и для этого нуженъ крючекъ и корзина [1]). Онъ такъ же жалокъ, такъ же безпомощенъ и такъ же былъ бы обреченъ на вѣрную смерть отъ голода, какъ и Робинзонъ, которому ничего не удалось бы спасти отъ кораблекрушенія, если бы существованіе наемнаго труда не давало ему возможности поступить на службу къ капиталисту, который даетъ ему, подъ извѣстными условіями, небходимые для производства сырые матеріалы и орудія.

Животнымъ, несомнѣнно, приходится довольствоваться своимъ трудомъ и природой для удовлетворенія своихъ потребностей. Первобытный человѣкъ по необходимости былъ въ такомъ же положеніи. Безспорно, роду человѣческому нужно было создавать первый капиталъ безъ помощи всякаго капитала. Нужно же было человѣку, болѣе обездоленному на этой землѣ, чѣмъ Робинзонъ на своемъ островѣ, когда-нибудь разрѣшить трудную

[1]) Интеллектуальное производство не составляетъ исключенія. Профессіи адвоката, врача, судьи и т. д. предполагаютъ утилизацію и наличность извѣстнаго количества богатства не только въ видѣ орудій труда—библіотеки, портфеля съ инструментами, лабораторіи, экипажа, костюма и т. д., но, особенно, въ видѣ денежныхъ затратъ въ годы ученія и стажа.

задачу производства перваго богатства безъ помощи какого-либо раньше существовавшаго. Только съ помощью своихъ собственныхъ рукъ человѣку пришлось пустить въ ходъ колоссальный механизмъ человѣческой промышленности. Но какъ только этотъ механизмъ пришелъ въ движеніе, трудность была превзойдена, и самаго легкаго толчка было достаточно, чтобы сообщать ему быстроту, которая безпрестанно возрастала. Первый камень, подобранный первобытнымъ человѣкомъ у своихъ ногъ, первый кусокъ кремня, давшій искру огня, послужилъ прежде всего средствомъ для созданія новаго богатства при нѣсколько болѣе благопріятныхъ условіяхъ, а оно въ свою очередь послужило для производства другихъ богатствъ. Способность производства возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, пропорціонально числу уже пріобрѣтенныхъ богатствъ. Но извѣстно, что если геометрическая прогрессія, дойдя до извѣстной точки, начинаетъ возрастать съ головокружительной быстротой, то въ началѣ возрастаніе ея, наоборотъ, бываетъ медленнымъ. Точно также наши современныя общества, которыя, живя богатствами, накопленными трудомъ тысячъ поколѣній, считаютъ бездѣлицей умноженіе богатства во всѣхъ его формахъ, не должны забывать, какъ медленно и съ какими опасностями должно было совершаться накопленіе первыхъ богатствъ, и въ теченіе сколькихъ вѣковъ первыя человѣческія общества должны были влачить свое существованіе среди мрака каменныхъ эпохъ, прежде чѣмъ имъ удалось собрать первые капиталы. Многія изъ нихъ, конечно, должны были погибнуть отъ лишеній на этомъ ужасномъ пути борьбы за существованіе, и только немногимъ избраннымъ расамъ удалось счастливо пробраться по немъ и подняться на высоту дѣйствительно капиталистическихъ обществъ.

Таково значеніе, придаваемое капиталу въ трактатахъ о политической экономіи. Оно, конечно, существенно. Однако, существуетъ другое значеніе капитала, болѣе употребительное.

Въ обыденной рѣчи капиталомъ является не орудіе производства, а всякое богатство, которое служитъ владѣльцу его для того, чтобы извлекать извѣстный доходъ безъ затраты труда со стороны владѣльца, или, чтобы приносить, какъ говорятъ, ренту. Но это опредѣленіе, очевидно, предполагаетъ наличность извѣстнаго экономическаго и соціальнаго условія, а, именно, наличность того факта, что богатство можетъ быть ссужаемо подъ проценты, или что

оно можетъ быть употребляемо для предоставленія работы бѣднымъ людямъ, которые почтутъ за большое счастье отдать себя въ наемъ для того, чтобы жить.

Это опредѣленіе, очевидно, предполагаетъ существованіе частной собственности, и хотя оно такъ же старо, какъ сама частная собственность, однако, оно получило болѣе широкое распространеніе только съ того времени, какъ кредитъ умножилъ формы обладанія и мобилизаціи капитала. Эта вторая концепція капитала характеризуется, слѣдовательно, не производительностью, а рентабильностью [2]) (прибыльностью), не свойствомъ производить, подобно орудію труда, а властью распоряжаться чужимъ трудомъ и, слѣдовательно, извлекать доходъ, не прибѣгая къ затратѣ личнаго труда, кромѣ развѣ труда, состоящаго въ наблюденіи за приложеніемъ своего капитала и за собираніемъ плодовъ отъ него.

Вотъ почему соціалисты настаиваютъ исключительно на этомъ второмъ значеніи капитала. Они не допускаютъ, чтобы можно было считать капиталомъ лукъ дикаря и шестъ Робинзона. Ясно на самомъ дѣлѣ, что ни дикарь, ни Робинзонъ не могли извлекать изъ нихъ „ренты“, а потому, говорятъ соціалисты, они и не были капиталами. И они высмѣиваютъ то, что можно было бы назвать натуралистической концепціей капитала, и замѣняютъ ее концепціей юридической [3]). Капиталъ, по ихъ мнѣнію, не что иное, какъ „историческая категорія“, которая въ свое время появилась и также въ свое время исчезнетъ.

Между этими двумя теоріями выросла пропасть, потому что ихъ хотѣли превратить въ орудіе борьбы: съ помощью первой стремились оправдать, а съ помощью второй унизить роль капитала. Одни говорятъ: посмотрите, какой полезный рабъ,—даже Робинзонъ не можетъ жить безъ него! А другіе говорятъ: посмотрите, какой тиранъ,—онъ питается соками чужого труда!—Но размы-

---

[2]) „Нельзя, говоритъ Родбертусъ, какъ слѣдуетъ постичь большинство проблемъ нашей науки и, особенно, проблему положенія рабочаго класса, поскольку не уяснили себѣ разницу между этими двумя значеніями, поскольку не освоились съ ними“ (Le Capital, с. 248).

[3]) Это выраженіе принадлежитъ Шатлену, см. Revue d' économie politique (1905 г., с. 673): Le capital économique et le capital juridique. Въ предыдущихъ изданіяхъ я говорилъ: историческая концепція, что не такъ хорошо.

шленія по этому поводу мы отложимъ до того момента, когда мы будемъ заниматься вопросомъ о распредѣленіи богатствъ. Въ настоящій моментъ нужно выяснить одно: какова истинная функція капитала въ производствѣ.

Между этими двумя теоріями нѣтъ неизбѣжнаго противорѣчія, потому что одна теорія разсматриваетъ капиталъ съ точки зрѣнія естественныхъ, постоянныхъ, экономическихъ качествъ его, а другая - съ точки зрѣнія качествъ пріобрѣтенныхъ, относительныхъ, юридическихъ. Обѣ онѣ, слѣдовательно, могутъ быть правильными и, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, дѣйствительно являются таковыми.

Извѣстно, что роль капитала измѣняется вмѣстѣ съ экономической эволюціей. Будучи сначала скромнымъ орудіемъ простого рабочаго, онъ мало-по-малу отрывался отъ его рукъ и переходилъ въ руки богачей. Сначала простое орудіе производства, онъ становится орудіемъ для извлеченія прибыли и ужъ не ограничивается помощью труду, а распоряжается имъ. Наступаетъ, такимъ образомъ, тотъ новый соціальный строй, который соціалисты называютъ капитализмомъ.

Тѣмъ не менѣе, въ тотъ день, когда исчезнетъ „капитализмъ", „капиталъ" все же останется въ качествѣ средства производства. Поэтому я признаю опредѣленіе экономистовъ болѣе правильнымъ, именно, потому, что имъ отмѣчаются въ капиталѣ существенныя и необходимыя черты, тогда какъ другое опредѣленіе видитъ въ немъ только случайныя и мимолетныя.

Тотъ фактъ, что никакое богатство нельзя произвести безъ помощи другого, раньше существовавшаго, богатства, есть экономическій законъ, значеніе котораго, конечно, не можетъ быть преувеличено. Это такъ; и подобно тому, какъ нельзя воспламенить огонь, по крайней мѣрѣ, въ обычныхъ условіяхъ жизни, безъ частицы матеріи, обладающей свойствомъ горѣнія (безъ спички, головни, огнива), какъ нельзя взорвать взрывчатую массу безъ частицы взрывчатаго вещества, какъ нельзя произвести живого существа безъ извѣстной частицы живой предсуществующей матеріи (безъ зародыша, клѣточки, протоплазмы),—точно такъ же въ нормальныхъ экономическихъ условіяхъ нельзя произвести никакого богатства, не имѣя въ своемъ распоряженіи извѣстной частицы предсуществующаго богатства, которое играетъ роль насадки. Нужно же дать какое-нибудь названіе этому предсуще-

ствующему богатству, функція котораго столь характерна. Мы даемъ ему названіе капитала. Если соціалисты не принимаютъ этого названія, они вправѣ предложить какое-нибудь другое, но, пока они этого не сдѣлали, мы остаемся при этомъ названіи.

II.

Капиталы производительные и доходные.

Уже съ перваго взгляда видно, что богатства раздѣляются на двѣ категоріи, довольно опредѣленно отличающіяся одна отъ другой.

Одни богатства служатъ непосредственно для удовлетворенія нашихъ потребностей, для доставленія намъ какого-нибудь мимолетнаго или постояннаго удовольствія. Излишне перечислять ихъ: сюда относится все то, что находится на нашемъ столѣ и въ нашемъ домашнемъ хозяйствѣ, все то, что составляетъ наше благосостояніе. Ихъ можно назвать потребительными благами[4]).

Но за этой первой категоріей благъ мы усматриваемъ много другихъ, которыя сами по себѣ не способны доставить намъ никакого удовлетворенія, и которыя служатъ лишь для производства благъ первой категоріи,—таково исключительное назначеніе ихъ. Сюда относятся орудія и машины, фабрики, фермы, средства перевозки, дороги, мосты, уголь, сырье и всякій продуктъ, находящійся въ процессѣ преобразованія, но не принявшій еще своего окончательнаго вида. Къ этой второй категоріи относится названіе капиталовъ.

Однако, въ эту вторую категорію не слѣдуетъ включать землю и естественные агенты, потому что они составляютъ первоначальный факторъ производства, который, во избѣжаніе путаницы, не долженъ входить въ рубрику капиталовъ[5]). Основная черта капи-

---

[4]) Нѣкоторые экономисты называютъ также доходами, но это выраженіе сбивчиво, ибо оно предполагаетъ, что благо можетъ быть съѣдено или израсходовано, тогда какъ выраженіе „потребленіе“ не предполагаетъ этого непремѣнно. Картина, серебряныя вещи, замокъ, домъ суть потребительныя блага, но не доходы.

[5]) Однако, поскольку земля сама можетъ быть разсматриваема, какъ продуктъ, иначе говоря, поскольку къ ней прибавлено что-нибудь въ видѣ построекъ, удобренія и запашки, ей можно придать значеніе капитала.

тала—служить богатствомъ, созданнымъ не для самого себя, а для того, чтобы создавать новыя богатства, или, какъ кратко и красиво выражается Бёмъ-Баверкъ, служить богатствомъ—посредникомъ.

Эта разница между тѣмъ, что—капиталъ, и тѣмъ, что не капиталъ, кажется вполнѣ опредѣленной. Между двумя категоріями какъ будто проложена демаркаціонная линія, ровъ и даже пропасть! Однако, на самомъ дѣлѣ, она не такъ опредѣленна, какъ кажется съ перваго взгляда.

Слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что многія вещи обладаютъ многочисленными свойствами, бываютъ о двухъ концахъ, такъ что ихъ можно отнести то къ первой, то ко второй изъ категорій, смотря по тому, какимъ изъ ихъ свойствъ пользуются. Яйцо является одновременно и зародышемъ, и пищей: оно, слѣдовательно, капиталъ, если утилизируется его свойство, какъ зародыша, для созданія новой жизни, но если утилизируются его питательныя свойства для приготовленія пищи, то оно является предметомъ потребленія. Уголь — капиталъ, если онъ служитъ для нагрѣванія локомотива, и предметъ потребленія, когда онъ предназначается для согрѣванія ногъ. Домъ необходимъ для производства, но онъ же можетъ служить и для жилья.

Съ другой стороны, нѣтъ такого блага, даже среди тѣхъ благъ, которыя по природѣ своей могутъ служить только для личнаго потребленія и удовольствія, которое нельзя было бы продать, отдать въ наемъ, ссудить, и которое, вслѣдствіе этого, не приносило бы дохода, прибыли для своего обладателя. Но такъ какъ доходность есть основная черта капитала, то поэтому слѣдуетъ признать, что не существуетъ ни одного такого блага, которое не могло бы стать капиталомъ, разъ собственникъ этого блага обращаетъ его въ орудіе дохода, вмѣсто того, чтобы употребить его на свои личныя надобности. Не только автомобиль, вилла на морскомъ

Если природу не должно смѣшивать съ капиталомъ, то то же слѣдуетъ сказать и о трудѣ. Однако, многіе экономисты называютъ капиталами пріобрѣтенныя знанія, свидѣтельствомъ которыхъ, напр., въ либеральныхъ профессіяхъ или на общественныхъ должностяхъ бываютъ дипломы. Правда, эти познанія могутъ послужить источникомъ дохода, но такой доходъ будетъ, тѣмъ не менѣе, плодомъ труда. Что приходится тутъ сказать, такъ это только то, что знанія эти могли быть пріобрѣтены, а дипломы получены только благодаря обладанію нѣкоторымъ денежнымъ капиталомъ, но это уже другой вопросъ.

курортѣ, маскарадный кастюмъ могутъ быть наняты и потому стать капиталомъ, но и любой товаръ, служащій предметомъ потребленія, любой предметъ украшенія или развлеченія можетъ быть объектомъ торговли и потому стать тѣмъ, что какъ разъ и называется „торговымъ фондомъ“, т. е. капиталомъ.

Такъ, дома по природѣ своей не что иное, какъ предметы потребленія, поскольку, подобно жизненнымъ припасамъ или платью, они являются окончательными продуктами и дѣйствительно употребляются для удовлетворенія потребностей своихъ обитателей; такъ со временъ Адама Смита на нихъ и смотрѣли. Но они могутъ стать доходнымъ капиталомъ, если собственники ихъ, вмѣсто того, чтобы жить въ нихъ самимъ, отдаютъ ихъ въ аренду, и даже производительнымъ капиталомъ, если они служатъ не для жилья, а для производства, какъ напр., разныя эксплоатаціонныя постройки (заводы, фермы, помѣщенія для складовъ [6]).

Такимъ образомъ, то, что въ обыденной рѣчи составляетъ „капиталы“ par excellence, въ отличіе отъ недвижимой собственности, а именно: всѣ движимыя цѣнности, представляемыя государственными процентными бумагами, облигаціями или акціями, ипотечными долговыми обязательствами и т. д.,—все это есть только доходные капиталы въ томъ смыслѣ, что они не соотвѣтствуютъ никакому дѣйствительно производительному капиталу и извлекаютъ доходъ свой изъ кармана должника или плательщика налога. Изъ движимыхъ цѣнностей только, такъ называемыя, „акціи“ представляютъ производительные капиталы, существующіе, гдѣ бы то ни было, въ видѣ рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ, заводовъ, банковъ и т. д., но акціи—не что иное, какъ юридическій титулъ, знакъ; поэтому и по отношенію къ нимъ слѣдовало бы остерегаться дважды считать ихъ въ общей массѣ богатства данной страны: одинъ разъ въ видѣ титула, а другой — въ натуральномъ видѣ.

---

[6]) Все-таки, я долженъ сказать, что такое различеніе вызвало оживленные споры. Многіе экономисты признаютъ, что домъ всегда является капиталомъ, даже тогда, когда онъ служитъ только для жилья, потому что онъ всегда производителенъ въ смыслѣ доходности, т. е. въ томъ смыслѣ, что онъ даетъ кровъ, комфортъ, оказываетъ услугу.—*Но, при такомъ разсужденіи,* и кресло, на которомъ я сижу, также должно быть производительнымъ капиталомъ, ибо оно также оказываетъ мнѣ услуги!— И, дѣйствительно, нѣкоторые экономисты, а, именно, Вальрасъ и Ирвингъ Фишеръ, заходятъ такъ далеко.

То же самое относится въ особенности къ деньгамъ (металлическимъ), которыя бываютъ всѣмъ, чѣмъ угодно. Мы думаемъ, что ихъ можно отнести къ производительнымъ капиталамъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ относятся къ послѣднимъ гири и мѣры или вагоны, ибо, подобно имъ, деньги служатъ орудіемъ обмѣна [7]). Но онѣ также доходный капиталъ par excellence, когда ихъ ссужаютъ. И, наконецъ, когда деньги употребляются для украшенія, какъ, напр., цехины, которые восточныя женщины носятъ на шеѣ, то въ такомъ случаѣ онѣ бываютъ не капиталомъ, доходнымъ или производительнымъ, а просто „потребительнымъ благомъ".

Какъ бы то ни было, важно усвоить то, что одно дѣло—капиталъ, служащій для производства новаго богатства, и совершенно другое дѣло—капиталъ, служащій для извлеченія дохода. Доходъ, приносимый послѣднимъ, не есть какое-нибудь новое, созданное для общества, богатство: это есть просто-на-просто нѣкоторая, взимаемая съ дохода квартиранта, заемщика или покупателя, доля.

Съ цѣлью обозначенія указаннаго нами различія между благами, мы называемъ производительными капиталами блага, дѣйствительно служащія для производства, и доходными капиталами [8]) тѣ изъ благъ, которыя предназначаются только для извлеченія дохода.

Но дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ на счетъ того, что слѣдуетъ понимать подъ производительностью капиталовъ.

---

[7]) На это послѣдовало возраженіе со стороны Шатлена, который видитъ въ деньгахъ лишь доходный капиталъ на томъ основаніи, что деньги сами по себѣ ничего не могутъ производить и, въ случаѣ помѣщенія ихъ въ торговое предпріятіе, служатъ лишь для извлеченія прибыли. Но вѣсы и пробирный камень, которые китайскій торговецъ носитъ у себя на поясѣ, тоже ничего не производятъ и служатъ лишь для провѣрки цѣнности серебряныхъ слитковъ. Однако, они—капиталъ, разъ они необходимы для торговли;—почему же маленькому серебряному слитку не быть капиталомъ?

[8]) Бёмъ-Баверкъ въ своей, уже цитированной нами, книгѣ соглашается съ такой классификаціей и терминологіей; все-таки, онъ предпочитаетъ называть производительные капиталы соціальнымъ капиталомъ, а доходные — индивидуальнымъ. Онъ хочетъ сказать, что только первые капиталы служатъ обществу, а вторые—служатъ только частному лицу, и это въ высшей степени правильно. Тѣмъ не менѣе, термины его могутъ ввести въ заблужденіе, ибо, съ иной нѣсколько точки зрѣнія, можно себѣ представить доходные капиталы лишь въ условіяхъ общественной жизни, тогда какъ производительные капиталы существуютъ даже и у Робинзона.

III.

Какъ слѣдуетъ понимать производительность капиталовъ.

Представленія о роли, которую капиталъ играетъ въ производствѣ, крайне сбивчивы.

Обыкновенно говорятъ, что всякій капиталъ даетъ доходъ,—это кажется свойствомъ его природы,—и воображаютъ, что онъ даетъ доходъ точно такимъ же образомъ, какъ дерево приноситъ плоды или курица несетъ яйца; въ доходѣ видятъ продуктъ, образованный исключительно капиталомъ и вышедшій изъ него, и думаютъ, что если капиталъ не приноситъ доходовъ, то это значитъ, что онъ пораженъ какимъ-нибудь природнымъ недугомъ.

Распространенію такого ложнаго мнѣнія способствуетъ то обстоятельство, что большинство капиталовъ представляется намъ въ видѣ процентныхъ бумагъ, акцій или облигацій, отъ которыхъ, по освященной традиціей формулѣ, отрѣзаются купоны, представляющіе доходъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ или цѣлаго года, смотря по характеру бумаги, купонъ растетъ, и ко дню срока платежа онъ созрѣваетъ: его можно отрѣзать и, дѣйствительно, отрѣзаютъ—однимъ движеніемъ ножницъ.

Больше того: какъ можно снова посѣять созрѣвшій плодъ и зерно и взрастить новое растеніе, которое принесетъ новые плоды, или какъ можно положить подъ насѣдку снесенное яйцо и вывести цыпленка, который будетъ нести новыя яйца, точно такъ же, помѣстивъ купонъ, можно создать новый капиталъ, который будетъ приносить новые купоны. Такимъ образомъ, кажется, будто капиталъ растетъ и размножается по тѣмъ же самымъ законамъ, по которымъ происходитъ размноженіе растительныхъ или животныхъ породъ. Но законъ сложныхъ процентовъ — такъ именно называется этотъ доходъ—куда удивительнѣе закона размноженія сельдей или микробовъ. Ибо одно су, помѣщенное подъ сложные проценты въ первый день христіанской эры, нынѣ составило бы цѣнность, равную цѣнности нѣсколькихъ милліардовъ золотыхъ шаровъ, масса которыхъ по объему своему равнялась бы земному шару,—простое ариѳметическое вычисленіе, ставшее нынѣ знаменитымъ.

Нужно отбросить всю эту фантасмагорію, на которую соціалисты—и не безъ основанія—изливаютъ столько своей желчи. Эта, своего рода, таинственная производительная сила, приписываемая капиталу и ему якобы свойственная, эта его производительная способность — чистый вымыселъ. Вопреки народной поговоркѣ, деньги не плодятъ денегъ и капиталъ не плодитъ капитала. Не только мѣшокъ монетъ, какъ уже замѣтилъ Аристотель, никогда не произвелъ ни одной монеты, но и тюкъ шерсти или тонна желѣза никогда не произвели ни клочка шерсти, ни атома желѣза. А если овцы производятъ другихъ овецъ, какъ говорилъ Бентамъ, думая этимъ опровергнуть Аристотеля, то это происходитъ не потому вовсе, что овцы—капиталъ, а просто потому, что онѣ... овцы и, какъ всѣ другія живыя существа, по природѣ своей, способны воспроизводить подобныхъ себѣ индивидуумовъ. Капиталъ самъ по себѣ инертная и совершенно безплодная матерія. Поэтому когда мы—какъ это только-что сдѣлано нами—называемъ капиталъ „производительнымъ“ въ противоположность доходному капиталу и говоримъ о „производительности“ капиталовъ, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ понимать капиталъ просто въ смыслѣ орудія производительнаго труда.

Правда, трудъ, какъ это мы видѣли, безъ содѣйствія капитала тоже безплоденъ при современныхъ экономическихъ условіяхъ. Можно было бы поэтому сдѣлать поспѣшный выводъ, что они въ одинаковомъ положеніи, одинаково безплодны, когда разъединены, и одарены творческой способностью, когда соединены, и когда нельзя распознать доли участія каждаго изъ нихъ, какъ нельзя отличить въ потомствѣ доли участія каждаго изъ половъ. Все-таки, нельзя поставить ихъ на одну доску, ибо, какъ мы видѣли, капиталъ самъ лишь продуктъ труда. Сказать, что трудъ безплоденъ безъ содѣйствія капитала, это попросту значитъ то, что настоящій трудъ можетъ производить только въ сотрудничествѣ съ прошлымъ трудомъ. Пахарь съ плугомъ и со всѣми приспособленіями къ нему въ состояніи больше произвести хлѣба, чѣмъ безъ плуга, съ голыми руками. Происходящій отсюда нѣкоторый излишекъ хлѣба и составляетъ, такъ называемый, доходъ съ капитала. Но этотъ излишекъ происходитъ не отъ плуга, а отъ человѣка, находящаго помощь въ плугѣ. Да и самъ плугъ происходитъ отъ труда какого-нибудь человѣка, работающаго теперь или раньше работавшаго. Тутъ умѣстно напом-

нить прекрасную мысль Альфреда Фулье о томъ, что изобрѣтатель плуга продолжаетъ незримо пахать бокъ-о-бокъ съ пахаремъ.

Въ заблужденіе вводитъ насъ то обстоятельство, что существуетъ множество рантье, живущихъ, ничего не дѣлая, и при этомъ еще быстро умножающихъ свое состояніе. Выходитъ какъ будто бы такъ, что доходъ ихъ можетъ получаться отъ самаго капитала, который приноситъ его какъ бы самопроизвольно. На самомъ же дѣлѣ этотъ доходъ есть продуктъ подлиннаго труда, только такого труда, котораго мы не видимъ, ибо всегда есть гдѣ-то вдали или вблизи отъ насъ люди, работающіе этими занятыми у рантье капиталами и производящіе своимъ трудомъ проценты, прибыль или дивиденды, получаемые рантье. Купоны акцій и облигацій каменноугольныхъ копій представляютъ цѣнность каменнаго угля, добытаго трудомъ рудокоповъ, а купоны акцій или облигацій желѣзныхъ дорогъ представляетъ плодъ труда машинистовъ, поѣздной прислуги, начальниковъ станцій, стрѣлочниковъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ перевозки [9]).

Точно также дѣло обстоитъ и тогда, когда заемщикъ растратилъ или непроизводительно израсходовалъ капиталъ. Только въ такомъ случаѣ получаемые заимодавцемъ проценты представляютъ продуктъ труда какого-нибудь другого лица, которое слѣдуетъ искать подальше, а не заемщика. Напр., купоны бумагъ государственной ренты обыкновенно не представляютъ богатствъ, произведенныхъ трудомъ или промышленностью государства, ибо послѣднее обычно непроизводительно расходуетъ большую часть ссуженныхъ ему капиталовъ, но эти купоны представляютъ продуктъ труда всѣхъ французовъ, который въ видѣ налоговъ ежегодно вносится въ государственное казначейство, а оттуда переходитъ въ руки рантье. Точно также, когда какой-нибудь родовитый сынокъ занимаетъ деньги для мотовства, то уплачиваемые имъ ростовщику проценты представляютъ, конечно, не продуктъ его собственнаго труда, а, можетъ быть, труда его арендаторовъ или же труда его отца, если онъ будетъ покрывать долгъ изъ своего наслѣдства. И еще долго послѣ того, какъ эти деньги

[9]) Изъ этого факта соціалисты дѣлаютъ тотъ выводъ, что взиманіе капиталистами въ видѣ дохода (процента, прибыли и т. д.) нѣкоторой доли продукта равносильно ограбленію рабочихъ. Но это другой вопросъ, съ которымъ мы встрѣтимся при разсмотрѣніи дохода. См. въ кн. III. „Проценты и прибыль".

будутъ размотаны родовитымъ сынкомъ или пойдутъ прахомъ на поляхъ сраженія, онѣ все же могутъ оставаться доходнымъ капиталомъ для ростовщика или для государственнаго рантье.

IV.

Основные и оборотные капиталы.

Производительный капиталъ не вѣченъ. Вообще говоря, онъ не можетъ существовать слишкомъ долгое время, ибо онъ уничтожается самымъ актомъ производства, но, смотря по тому, насколько будетъ продолжительнымъ существованіе капитала, онъ сможетъ послужить болѣе или менѣе значительному числу актовъ производства.

Именемъ оборотныхъ капиталовъ обозначаются такіе капиталы, которые могутъ служить одинъ только разъ, потому что они должны исчезнуть въ самомъ процессѣ производства, напр., предназначенное для посѣва зерно, зарываемое въ почву удобреніе, сжигаемый въ машинѣ каменный уголь, служащій для пряденія хлопокъ; а подъ именемъ основныхъ разумѣются такіе капиталы, которые могутъ служить нѣсколькимъ актамъ производства; сюда относятся всѣ орудія, начиная съ орудій самыхъ непрочныхъ, какъ, напр., игла или мѣшокъ, и кончая самыми долговѣчными, какъ, напр., туннель или каналъ, которые, однако, могутъ существовать тоже только при условіи поддержанія ихъ, т.-е. при условіи постояннаго ремонтированія ихъ.

Продолжительность существованія доходнаго капитала, наоборотъ, неограничена, ибо, далеко не изнашиваясь въ производствѣ, онъ постоянно возобновляется благодаря выплатѣ или погашенію. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, доходный капиталъ? Нѣкая цѣнность, ссуженная заемщику, который обязуется вѣчно платить проценты—такова ссуда государству подъ ренту—или возвратить ее цѣликомъ въ срокъ платежа, что дастъ возможность вновь ссудить ее и т. д.—до безконечности; или же это вложенная собственникомъ въ промышленность или торговлю цѣнность, которая должна не только принести доходъ, но и нѣкоторую сверхъ-цѣнность, достаточную для возстановленія вложенной въ дѣло цѣнности, въ случаѣ потери ея,—въ поясненіе

чего экономисты часто приводятъ миѳологическое сравненіе капитала съ Протеемъ или фениксомъ, возрождающимся изъ своего пепла.

Есть громадная выгода для производства въ употребленіи капиталовъ съ продолжительнымъ существованіемъ. Дѣйствительно, какъ бы ни былъ значителенъ требуемый для ихъ созданія трудъ и какъ бы ни былъ ничтоженъ сберегаемый ежегодно при ихъ содѣйствіи трудъ, непремѣнно долженъ, рано или поздно, наступитъ такой моментъ, когда сбереженный трудъ будетъ равенъ израсходованному. Съ наступленіемъ такого момента капиталъ будетъ— по общепринятому выраженію — погашенъ, иначе говоря, отнынѣ сбереженный трудъ будетъ составлять для общества чистую прибыль. Съ этого момента и въ теченіе всего времени, пока будетъ существовать капиталъ, оказываемая имъ услуга будетъ уже даровой. Поэтому-то прогрессъ цивилизаціи безпрерывно клонится къ замѣщенію капиталовъ съ меньшей продолжительностью болѣе долговѣчными капиталами.

Не слѣдуетъ, все-таки, забывать слѣдующаго:

1) Обыкновенно образованіе подобныхъ капиталовъ требуетъ тѣмъ болѣе труда, чѣмъ дольше они должны существовать; здѣсь, слѣдовательно, нужно установить равновѣсіе. Можно только сказать, что вообще увеличеніе въ количествѣ затраченнаго труда не пропорціонально получаемому такимъ образомъ росту продолжительности, а это, именно обстоятельство и дѣлаетъ выгоднымъ употребленіе подобныхъ капиталовъ.

2) Образованіе основныхъ капиталовъ требуетъ немедленной жертвы въ видѣ огромнаго количества труда или издержекъ, тогда какъ вознагражденіе, которое должно отъ этого получиться, въ видѣ вытѣсненія труда или сбереженія издержекъ, предстоитъ въ будущемъ и въ тѣмъ болѣе отдаленномъ будущемъ, чѣмъ дольше продолжительность существованія капитала. Если сооруженіе морского канала, Панамскаго, напримѣръ, должно стоитъ два милліарда, и капиталъ долженъ быть погашенъ только чрезъ 99 лѣтъ, то при этомъ слѣдуетъ взвѣсить, съ одной стороны, немедленную жертву въ видѣ 2 милліардовъ, а съ другой — вознагражденіе, которое придется ждать цѣлый вѣкъ. Для того, чтобы все это учесть, надо быть въ высокой степени надѣленнымъ даромъ предвидѣнія и отвагой и имѣть непоколебимую вѣру въ будущее, т.-е. имѣть на лицо

такія условія, которыя встрѣчаются только въ средѣ очень культурныхъ народовъ. Поэтому-то народы, которые въ соціальномъ отношеніи стоятъ на низкой ступени развитія, и политическій строй которыхъ даетъ мало гарантій, почти не употребляютъ основныхъ капиталовъ. Всѣ ихъ богатства выражаются въ формѣ предметовъ потребленія или оборотныхъ капиталовъ [10]).

3) Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить—къ невыгодѣ основныхъ капиталовъ—что если ихъ продолжительность слишкомъ велика, то они рискуютъ стать безполезными, и что, слѣдовательно, нужна большая осторожность въ расчетахъ, на которые мы сейчасъ указывали. Дѣйствительно, не матеріальная продолжительность капитала насъ интересуетъ, а только продолжительность его полезности, а между тѣмъ, если еще можно до извѣстной степени расчитывать на первую, то ни въ коемъ случаѣ нельзя положиться на вторую. Когда мы прорываемъ туннель или проводимъ каналъ, у насъ нѣтъ никакой гарантіи, что чрезъ сто или двѣсти лѣтъ торговыя сношенія не примутъ какого-нибудь иного направленія. А между тѣмъ, если къ тому времени, когда произойдетъ эта перемѣна, затраченный на туннель капиталъ не будетъ еще погашенъ, получится то, что громадная масса труда была затрачена безъ пользы. Поэтому, въ виду нашей неувѣренности на счетъ будущаго, благоразумнѣе не строить ничего на вѣчныя времена, и съ этой точки зрѣнія употребленіе слишкомъ долговѣчныхъ капиталовъ можетъ составлять опасную операцію.

Эта оговорка правильна даже и по отношенію къ доходнымъ капиталамъ. Никогда, ни частное лицо, ни банкъ, ни поземельный кредитъ не согласятся на выдачу капиталовъ, если эти капиталы могутъ быть погашены или возвращены только чрезъ двѣсти лѣтъ. А почему? Потому что въ расчеты людей не входятъ результаты, которые должны обнаружиться только по истеченіи такого долгаго времени. Можно положительно установить, что практика исключитъ всякое пользованіе такимъ капиталомъ, относительно котораго нельзя сказать, что онъ возстановится въ продолженіе трехъ поколѣній.

---

[10]) Возьмите, напримѣръ, Индію или Персію, гдѣ еще обрѣтаются всѣ сокровища Тысячи и Одной Ночи, но гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, ни рудниковъ, ни машинъ.

V.

Какъ образуется капиталъ.

Всякій капиталъ—продуктъ труда и, какъ всякій продуктъ, онъ можетъ быть образованъ только при содѣйствіи двухъ первичныхъ факторовъ всякаго производства: труда и природы. Достаточно обозрѣть всѣ капиталы, какіе только можно себѣ представить,—орудія, машины, сооруженія искусства, всякаго рода матеріалы,—чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ они не могли имѣть другого происхожденія, кромѣ только что указаннаго мною [11]).

Не стоило бы останавливаться на этомъ столь очевидномъ положеніи, если бы не было тенденціи усматривать въ образованіи капитала участіе новаго, совершенно особаго агента, который называется сбереженіемъ [12]) (народная мудрость даже устанавливаетъ, что нельзя обогатиться иначе, какъ „съ помощью труда и сбереженія"). О трудѣ мы знаемъ. А что такое сбереженіе? Что же такое эта новая, появляющаяся на сценѣ, персона?—Какой-нибудь третій, забытый нами, первоначальный факторъ производства? Нѣтъ: нельзя себѣ представить другихъ такихъ факторовъ, кромѣ труда и естественныхъ силъ.—Какая-нибудь особая форма труда? Нѣкоторые экономисты утверждали это, но что же общаго между этими двумя актами: трудиться, т. е. дѣйствовать, и сберегать, т. е. воздерживаться? [13]). Непонятно, какъ чисто отрицательный актъ, простое воздержаніе, можетъ что бы то ни было произ-

---

[11]) Выраженіе Карла Маркса, что капиталъ есть „кристаллизованный трудъ" было бы правильнымъ, если бы Марксъ, вѣрный своему принципу, что всякая цѣнность обязана исключительно труду, преднамѣренно не игнорировалъ участіе природы въ образованіи капитала.

[12]) Англійскій экономистъ Сеньоръ говорилъ, что третій—послѣ труда и природы—первоначальный факторъ производства слѣдуетъ называть не капиталомъ (ибо капиталъ есть лишь продуктъ и, слѣдовательно, второстепенный факторъ), а воздержаніемъ.

[13]) Это именно утверждаетъ Курсэль-Сэней: сбереженіе есть не что иное, „какъ форма труда" (См. въ Journal des Économistes, іюнь 1890 г., ст. подъ такимъ заглавіемъ). Правда, оно бываетъ иногда бременемъ—не всегда, впрочемъ (см. въ кн. IV „Сбереженіе")—но, вѣдь, недостаточно быть какому-нибудь акту обременительнымъ, чтобы представлять изъ себя трудъ. Не пить, когда имѣешь жажду, тоже очень тяжело, однако это не трудъ.

вести. Монтэнь можетъ, сколько ему угодно, говорить, что онъ „не знаетъ болѣе дѣятельнаго и болѣе доблестнаго дѣла, чѣмъ это ничего-недѣланіе"; это, можетъ быть, вѣрно съ моральной точки зрѣнія, но это нисколько не объясняетъ того, что ничего-недѣланіе можетъ создать хотя бы одну только булавку.

Поэтому, когда говорятъ, что капиталъ созданъ сбереженіемъ, это просто значитъ, что если бы богатство, по мѣрѣ своего возникновенія, было потребляемо, то капиталъ никогда не образовался бы. И, въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что если бы хозяйка не клала яицъ подъ насѣдку, то у нея никогда не было бы цыплятъ. Тѣмъ не менѣе, если ребенку, спрашивающему, откуда берутся цыплята, отвѣтить, что единственное средство для производства цыплятъ—воздержаніе отъ употребленія яицъ въ пищу, онъ вправѣ найти этотъ отвѣтъ хорошимъ въ смыслѣ совѣта, но нелѣпымъ, какъ объясненіе.

Но разсужденіе, по которому сбереженіе является первоначальной причиной образованія капиталовъ, нисколько не кажется намъ болѣе удовлетворительнымъ. Такое разсужденіе приводитъ къ тому, что неуничтоженіе должно быть отнесено къ причинамъ производства, а это—своеобразная логика.

По существу, нарожденіе капитала всегда предполагаетъ нѣкоторый излишекъ произведеннаго богатства надъ богатствомъ потребленнымъ, но этотъ излишекъ можетъ происходить двоякимъ образомъ: или отъ того, что производство обогнало потребности, или отъ того, что потребленіе низведено до уровня, несоотвѣтствующаго потребностямъ. Къ счастью, первый случай встрѣчается значительно чаще, и исторически такимъ, именно, способомъ образовался капиталъ. Все, что можно сказать, это то, что если бы человѣкъ — какъ, впрочемъ, и муравей и другія животныя — не имѣлъ способности предвидѣть своихъ будущихъ потребностей, все производимое богатство, навѣрное, ежедневно потреблялось бы или расточалось бы—какъ это, впрочемъ, имѣетъ мѣсто среди нѣкоторыхъ дикихъ племенъ—и, слѣдовательно, капиталъ никогда не образовался бы. Пусть, поэтому, говорятъ, что предусмотрительность, умѣренность и другія добродѣтели—необходимыя условія для первоначальнаго образованія и сохраненія капитала, — все это прекрасно. Но экономисты, придавая сбереженію (которое они, чтобы лучше подчеркнуть обременительность его, называютъ даже воздержаніемъ) характеръ активной причины возникно-

венія капитала, дѣлаютъ это—безсознательно или нѣтъ—съ намѣреніемъ оправдать процентъ съ капитала, какъ вознагражденіе за это воздержаніе.

Мысль о сбереженіи, какъ отцѣ капитала, возникла и упрочилась подъ вліяніемъ употребленія денегъ почти исключительно въ формѣ богатства. Если оглянуться на происхожденіе всякаго денежнаго капитала, то окажется, что начало было положено нѣкоторымъ количествомъ денегъ, которыя, какъ говорятъ, б ы л и о т л о ж е н ы, т. е. были положены въ копилку или въ банкъ на храненіе или въ сберегательную кассу. То же практикуется по отношенію къ доходному капиталу. Но, что касается послѣдняго, то я ссужаю или помѣщаю только то, въ чемъ я самъ не нуждаюсь, а потому всякая ссуда или помѣщеніе прежде всего предполагаетъ нѣкоторый излишекъ дохода надъ расходомъ, и, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ сбереженіе. А отсюда заключили, что всѣ истинные капиталы, т. е. производительные капиталы, должны были имѣть такое же происхожденіе. Но это заблужденіе.

Пусть намъ укажутъ хотя бы на одно богатство, созданное воздержаніемъ. Сверхурочный трудъ далъ возможность первобытному человѣку высѣчь первый каменный топоръ: посчастливилось, напримѣръ, на охотѣ, и онъ добылъ продовольственныхъ средствъ больше обыкновеннаго, а это дало ему одинъ свободный день, въ который онъ и создалъ свой первый капиталъ. Развѣ можно предположить, что прежде, чѣмъ перейти отъ охоты къ земледѣлію, народы должны были предварительно сберечь продовольствія на цѣлый годъ? Нѣтъ ничего менѣе вѣроятнаго. Они просто приручили животныхъ, а животныя, которыя были ихъ первымъ капиталомъ, дали имъ вмѣстѣ съ обезпеченіемъ продовольствія на завтрашній день, досугъ, необходимый для продолжительныхъ работъ. Но въ чемъ же, какъ очень хорошо замѣчаетъ Беджготъ, [14]) стадо представляетъ какое-нибудь сбереженье? Развѣ его владѣлецъ долженъ былъ обречь себя какимъ-нибудь лишеніямъ? Совсѣмъ наоборотъ: благодаря молоку и мясу, онъ только хорошо питался; благодаря шерсти и шкурѣ, лучше одѣвался.

Впрочемъ, мы нисколько не думаемъ оспаривать важности сбереженія. Но если оно играетъ значительную роль въ потребленіи

---

[14]) Economics Studies.—Growth of capital, с. 166, 167.

(и мы встрѣтимся съ нимъ, когда будемъ говорить о потребленіи), то его не слѣдуетъ помѣщать въ производствѣ. Каждой вещи свое мѣсто. Сбереженіе вліяетъ на производство только тогда, когда оно находитъ себѣ помѣщеніе, т. е. когда оно возвращается къ производству и расходуется тамъ [15]).

---

[15]) См. въ кн. IV о потребленіи „Что такое сбереженіе?“

Вторая часть.

Организація производства.

ГЛАВА I.

Какъ регулируется производство.

I.

О предпріятіи и стоимости производства.

Мы только что изучили отдѣльно каждый факторъ производства. Но мы также видѣли, что въ отдѣльности они не могутъ что-либо произвести. Для того, чтобы они могли дѣйствовать, необходимо, слѣдовательно, соединить ихъ въ однѣхъ рукахъ или, во всякомъ случаѣ, подъ однимъ руководствомъ. Какъ же происходитъ соединеніе?

Возможно, что одно и то же лицо вноситъ въ производство всѣ три фактора, принадлежащіе ему лично: трудъ, такъ какъ оно само работаетъ, землю и капиталъ, такъ какъ они принадлежатъ ему по праву собственности. Крестьянинъ, обрабатывающій свою собственную землю, своими собственными руками и принадлежащими ему лошадью и плугомъ, представляетъ типичную форму этого первичнаго способа производства. Его называютъ автономнымъ производителемъ.

Но чаще всего эти три фактора производства не будутъ встрѣчаться одновременно у одного и того же лица. У одного будутъ свои руки и своя земля, но не будетъ своего капитала,—это крестьянинъ, который будетъ получать ссуду подъ залогъ земли. У

другого будетъ свой трудъ и свой капиталъ, но не будетъ земли, и онъ будетъ принужденъ снимать ее въ аренду,—это фермеръ, арендующій землю, или купецъ, снимающій магазинъ. У нѣкоторыхъ другихъ будутъ земля и капиталъ, но они не могутъ или не хотятъ прикладывать свой физическій трудъ, — имъ придется подряжать рабочихъ.

Можно даже предположить такой случай, когда производитель, не имѣя возможности приложить ни своего труда, ни своего капитала, ни естественныхъ агентовъ, долженъ будетъ все нанимать. Таковы, напримѣръ, каменноугольныя или желѣзнодорожныя предпріятія или предпріятіе по прорытію Суэцкаго канала. Въ такихъ случаяхъ предприниматели берутъ землю (поверхность земли или нѣдра) на долгосрочную концессію, достаютъ капиталъ съ помощью займа и выпуска акцій, а трудъ—подрядомъ тысячъ рабочихъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, которому принадлежитъ иниціатива въ производствѣ, добываетъ всѣ средства производства или часть ихъ на сторонѣ, оно носитъ названіе предпринимателя. Его роль — важнѣйшая къ тому же роль — сводится къ комбинированію всѣхъ этихъ элементовъ производства такимъ образомъ, чтобы извлечь изъ нихъ по возможности наибольшую выгоду.

Поэтому предпринимательство есть краеугольный камень всего экономическаго механизма. Все держится на этомъ камнѣ. Къ нему сходятся всѣ факторы производства и отъ него же, какъ мы увидимъ, исходятъ всѣ виды дохода, ибо все то, что называется доходами подъ разными названіями процентовъ, дивидендовъ, рентъ, арендъ, заработныхъ платъ, жалованій и т. д., есть не что иное, какъ цѣна, получаемая за наемъ капитала, земли или ручного труда. Предприниматель является одновременно великимъ двигателемъ и великимъ распредѣлителемъ.

Мы знаемъ (изъ отдѣла о факторахъ производства), что производство любого богатства по необходимости сопровождается потребленіемъ извѣстнаго количества раньше созданныхъ богатствъ. Совокупность этихъ потребленныхъ при производствѣ богатствъ и есть то, что на языкѣ экономистовъ называется стоимостью производства, а на языкѣ купцовъ иногда — себѣстоимостью. (См. ниже гл. о стоимости производства).

Возьмемъ, напримѣръ, эсплоатацію какого-нибудь рудника. Предприниматель заноситъ въ расходы по производству:

1) Заработную плату, которую онъ выдаетъ подряженнымъ имъ рабочимъ;

2) Процентъ и погашеніе за занятый имъ капиталъ;

3) Арендную плату за снятую имъ землю, если, какъ, напримѣръ, въ Англіи, собственность на нѣдра раздѣляетъ судьбу съ собственностью на поверхность земли.

Даже и въ томъ случаѣ, когда предприниматель былъ бы собственникомъ земли и капитала, это нисколько не мѣняло бы дѣла, ибо и тогда онъ считалъ бы среди расходовъ по производству процентъ со своего капитала, помѣщеннаго имъ въ предпріятіе, и съ денегъ, на которыя онъ купилъ землю.

Если мы перейдемъ отъ добывающей промышленности, которую мы взяли въ качествѣ примѣра, къ обрабатывающей и прослѣдимъ, какъ сырье—въ данномъ случаѣ, руда—проходитъ черезъ желѣзодѣлательный заводъ, черезъ заводъ, на которомъ выдѣлываются плуги или иглы и т. д., то станетъ очевиднымъ, что первоначальная стоимость производства постепенно все увеличивается, подобно кому снѣга, отъ отлагающихся на ней слоевъ въ формѣ издержекъ производства, но эти издержки будутъ все тѣ же, а именно: цѣна за наемъ труда, капитала и земли, т. е. заработная плата, процентъ и арендная плата [1]).

Предприниматель мысленно взвѣшиваетъ сумму уничтоженныхъ цѣнностей и созданную и, естественно, приступаетъ къ дѣлу только тогда, когда, по его расчетамъ, вторая сумма будетъ превышать первую. Онъ производитъ нѣчто вродѣ обмѣна: обмѣниваетъ то, что есть, на то, что будетъ. Можетъ быть и такъ, что онъ ошибается въ своихъ расчетахъ, но это случайность.

Часто говорятъ, а раньше этому учили даже многіе экономисты, что цѣнность опредѣляется стоимостью производства. Это утвержденіе не лишено основанія. Можно было бы также сказать,—и это даже было бы правильнѣе,—что стоимость производства опредѣляется цѣнностью предмета, который хотятъ произвести. Въ самомъ дѣлѣ, прежде, чѣмъ приступить къ производству какого-нибудь новаго продукта, предприниматель долженъ задаться вопросомъ, по какой цѣнѣ онъ сможетъ продавать его, и ужъ

---

[1]) Кромѣ этихъ трехъ основныхъ категорій издержекъ производства есть еще нѣкоторыя другія, фигурирующія въ бухгалтеріи предпринимателя, какъ-то: издержки по страхованію отъ огня и несчастныхъ случаевъ, и налоги.

затѣмъ поставить дѣло такъ, чтобы не израсходовать на производство этого продукта больше, чѣмъ онъ будетъ стоить; въ особенности же, если дѣло касается предмета, уже имѣющагося на рынкѣ. Кто хочетъ, напримѣръ, приступить къ эксплоатаціи угля, тотъ говоритъ себѣ: „если уголь стоитъ въ нашей области столько-то, смогу ли я добыть его по болѣе выгодной цѣнѣ, т. е. по такой цѣнѣ, чтобы мнѣ остался нѣкоторый барышъ?“ Если онъ плохо расчиталъ, и потомъ ему придется потратить на добычу больше, чѣмъ уголь будетъ стоить, его промахъ не прибавитъ къ цѣнности угля ни одного сантима. Въ результатѣ онъ разорится и броситъ шахты,—вотъ и все.

Однако, развѣ не безспоренъ тотъ фактъ, что продажная цѣна почти на всѣ предметы, имѣющіеся на рынкѣ, стремится приблизиться къ себѣстоимости или, во всякомъ случаѣ, слѣдовать за ней во всѣхъ ея колебаніяхъ, словно между ними существуетъ неразрывная солидарность, связь?—Это вѣрно, но это явленіе объясняется очень простымъ образомъ. Здѣсь нѣтъ причинной связи, а только дѣйствіе нѣкоторой внѣшней причины, конкурренціи, которая, подобно атмосферическому давленію, всегда стремится приблизить и даже привести къ совпаденію стоимость производства каждаго продукта съ его цѣнностью, и она дѣйствуетъ съ тѣмъ большимъ давленіемъ, чѣмъ болѣе обѣ цѣнности стремятся отдалиться одна отъ другой. Нетрудно, дѣйствительно, понять, что какъ только онѣ отдаляются одна отъ другой, иначе говоря, оставляютъ предпринимателю нѣкоторый значительный барышъ, всѣ конкурренты устремляются сюда, и скоро, увеличивъ производство даннаго продукта, понижаютъ его цѣнность. Можно даже утверждать, что при режимѣ полной свободы конкурренціи, совпаденіе ихъ также было бы полнымъ [2]). Это одинъ изъ самыхъ важныхъ законовъ полити-

---

[2]) Однако, надо отмѣтить два исключенія:

а) Можетъ случиться, что цѣнность нѣкоторыхъ продуктовъ постоянно значительно превышаетъ стоимость производства, при монополіи, напримѣръ, когда конкурренція вовсе не вліяетъ, или, во всякомъ случаѣ, оказываетъ давленіе только до извѣстной степени, низводя цѣнность до уровня стоимости производства, но очень высокаго уровня, оставляющаго нѣкоторый излишекъ или то, что, какъ мы увидимъ ниже, экономисты называютъ рентой.

б) Можетъ случиться, что цѣнность нѣкоторыхъ продуктовъ падаетъ ниже стоимости производства, не останавливая, однако, производства. Это бы-

ческой энономіи, ибо этотъ именно законъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, автоматически регулируетъ производство.

Но вотъ какая здѣсь представляется трудность. Если, дѣйствительно, цѣнность всѣхъ вещей стремится совпасть со стоимостью производства ихъ, то выходитъ, какъ будто бы весь человѣческій родъ дѣлаетъ безсмысленное дѣло, точь-въ-точь похожее на дѣло Данаидъ, наполнявшихъ бездонную бочку. Ибо если каждый актъ производства только воспроизводитъ въ формѣ новыхъ цѣнностей прежнія, уничтоженныя въ процессѣ производства, цѣнности, то гдѣ же, спрашивается, прибыль, гдѣ же прогрессъ?—Это кажется непонятнымъ, ибо не надо долго размышлять, чтобы убѣдиться, что никогда цивилизація не могла бы развиться, и человѣчество никогда не могло бы даже выйти изъ животнаго состоянія, если бы, какъ правило, производство не приносило бы чистаго продукта, который служитъ расширенію его потребленія и увеличенію его капитала. Ясно, что если бы человѣкъ никогда не собиралъ хлѣба больше, чѣмъ требуется на обсѣмененіе его поля и на питаніе, онъ не могъ бы имѣть семьи.

Для разрѣшенія этого кажущагося противорѣчія достаточно — какъ и при разрѣшеніи другихъ трудныхъ вопросовъ экономической науки,—дѣлать различіе между индивидуальной и соціальной стоимостями производства.

Съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя, то, что онъ основательно называетъ своими расходами, своими издержками, своими жертвами, является въ дѣйствительности лишь доходомъ его сотрудниковъ: заработной платой, процентомъ, арендной платой, иначе говоря, доходомъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Слѣдовательно, даже въ томъ случаѣ, когда, вслѣдствіе конкурренціи, цѣнность продуктовъ не давала бы ничего, кромѣ этихъ издержекъ

ваетъ тогда, когда, вслѣдствіе промышленнаго прогресса, себѣстоимость даннаго предмета постепенно понижается. Въ такомъ случаѣ конкурренція безпрестанно сводитъ цѣну до уровня стоимости производства, или, лучше сказать, стоимости воспроизводства, каковая стоимость для продуктовъ промышленности обыкновенно ниже первоначальной стоимости.

Возможно также и то, что вложенный въ предпріятіе капиталъ, напримѣръ, въ каменноугольное предпріятіе или желѣзнодорожное дѣло, не можетъ быть вынутъ оттуда. Въ такомъ случаѣ для продолженія предпріятія достаточно того, чтобы оно приносило немного больше, чѣмъ потрачено на издержки по эксплоатаціи его, если ужъ оно не покрываетъ ни процента на вложенный капиталъ, ни погашенія его.

производства—что могло бы быть прискорбнымъ для предпринимателя [3]) — общество въ цѣломъ все же выиграло бы нѣкоторую порядочную долю богатства, составляющую то, что получаютъ всѣ эти сотрудники въ видѣ доходовъ; для общества, слѣдовательно, чистый продуктъ могъ бы быть огромнымъ, хотя у предпринимателя его вовсе не было бы.

Все-таки, если даже разсматривать общество въ его цѣломъ, должна же быть у него какая-нибудь стоимость производства, ибо общество не обладаетъ свойствомъ производить, ничего не затрачивая. Это правильно, но у него стоимость производства составляется только изъ цѣнностей, дѣйствительно потраченныхъ на производство даннаго продукта, т. е. изъ цѣнностей употребленнаго сырья, изношенныхъ орудій.

II.

Какъ регулируется производство.

Здоровое состояніе соціальнаго организма, какъ, впрочемъ, и всѣхъ живыхъ организмовъ, заключается въ правильномъ равновѣсіи между производствомъ и потребленіемъ.

Мало производить—зло, потому что остается неудовлетворенной нѣкоторая категорія потребностей. Производить слишкомъ много,—тоже зло, меньшее, чѣмъ первое, если угодно, но все-таки дѣйствительное зло. Дѣйствительно, всякій избытокъ въ производствѣ, непремѣнно влечетъ за собой не только расточеніе богатства, но, особенно, растрату силъ и, слѣдовательно, ведетъ къ вредному обремененію общественнаго организма.

Тамъ, гдѣ каждый человѣкъ производитъ для себя все то, что онъ долженъ потребить, какъ, напримѣръ, Робинзонъ на своемъ островѣ, или, лучше сказать, какъ это происходитъ въ первоначальной фазѣ домашней промышленности, въ античной семьѣ или

[3]) Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже (см. гл. о прибыли), у предпринимателя даже и въ такомъ случаѣ не было бы основанія особенно печалиться, ибо онъ все же получилъ бы нѣкоторую долю, если и не въ качествѣ предпринимателя, то во всякомъ случаѣ, въ качествѣ рабочаго, или капиталиста, или землевладѣльца; только такая доля его должна быть занесена въ статью объ издержкахъ производства, а не въ статью о прибыляхъ.

въ средневѣковой общинѣ, — тамъ равновѣсіе устанавливается легко. Каждый изъ насъ въ отдѣльности, или каждая маленькая группа въ состояніи заранѣе предусмотрѣть свои собственныя потребности — хотя эта предусмотрительность была бы не безусловно надежной—и сообразно съ этимъ регулировать свое производство.

Но задача становится болѣе сложной, когда производитель производитъ уже не для себя и не для своихъ, а для кліента, для другихъ, ибо предусмотрѣть чужія потребности, очевидно, труднѣе, чѣмъ свои. И, все-таки, даже при режимѣ раздѣленія труда и обмѣна еще не слишкомъ трудно установить равновѣсіе между производствомъ и потребностями, поскольку производитель работаетъ на заказъ, или, во всякомъ случаѣ, поскольку ему извѣстны привычки каждаго кліента и легко предусмотрѣть его потребленіе: булочникъ, напримѣръ, или кондитеръ довольно точно опредѣляютъ на каждый день количество хлѣба или пирожныхъ.

Но по-истинѣ становится трудноразрѣшимой эта задача при такомъ экономическомъ строѣ, какъ нашъ современный строй, гдѣ рынокъ сдѣлался огромнымъ, гдѣ промышленникъ не ждетъ отъ потребителя заказовъ, а ведетъ дѣло въ расчетѣ на требованія со стороны торговцевъ, посредниковъ и спекулянтовъ, а послѣдніе сами опережаютъ производство, покупая и продавая въ кредитъ и заранѣе строя расчеты на спросъ со стороны публики [4]).

Несмотря, однако, на это, какъ разъ къ моменту возникновенія крупной промышленности, законодатель, оставивъ всякую регламентацію, рѣшилъ, что для производства не нужно иного правила, кромѣ свободы. Извѣстно, что именно Французская революція знаменитымъ закономъ 17 марта 1791 г. уничтожила цехи, т.-е. такой режимъ, при которомъ всякое частное лицо могло заниматься извѣстнымъ ремесломъ, удовлетворяя лишь извѣстнымъ условіямъ,—и провозгласила принципъ свободы

---

[4]) Этой заботой регулировать производство объясняется, по крайней мѣрѣ, отчасти, строгая регламентація промышленности въ старыя времена: при кастовомъ строѣ, когда каждый по принципу долженъ былъ заниматься только ремесломъ своего отца, или при цеховомъ режимѣ, когда никто не могъ заниматься ремесломъ безъ королевскаго разрѣшенія (Эсменъ, Histoire du Droit). И не только ремесла, но и въ особенности, земледѣльческое производство и торговля подвергались крайне строгой регламентаціи. Запрещалось, напр., пахотную землю отводить подъ виноградникъ во избѣжаніе недостатка въ хлѣбѣ или перепроизводства вина.

труда, т.-е. признала за каждымъ частнымъ лицомъ право производить все, что ему угодно. Эта реформа, принятая единодушными одобреніями, немедленно нашла подражаніе во всей Европѣ.

Но эта свобода производить то, что каждому угодно, въ связи съ производствомъ по предварительному расчету на существующія въ обществѣ потребности,—не освящала ли она анархіи въ производствѣ?

Утвердительно отвѣчали на это соціалисты, особенно, соціалисты первой половины XIX ст. Экономисты же, напротивъ, обыкновенно задыхались отъ восторга предъ зрѣлищемъ порядка и равновѣсія, царствующаго въ производствѣ.

Фактъ тотъ — довольно необъяснимое явленіе на первый взглядъ,—что ежедневно сотни тысячъ людей безъ предварительнаго между собою соглашенія находятъ то, что имъ нужно, во всякомъ случаѣ то, на покупку чего имѣются средства! Какое же Провидѣніе, какая таинственная сила такъ регулируетъ изо-дня-въ-день производство богатствъ, что ихъ бываетъ не слишкомъ много и не слишкомъ мало?

Даваемое экономистами объясненіе очень просто. Они говорятъ, что производство регулируется самымъ вѣрнымъ и самымъ быстрымъ способомъ; просто съ помощью закона предложенія и спроса, который можно формулировать слѣдующимъ образомъ: вещи стоятъ дорого или дешево, смотря по тому, въ какомъ количествѣ онѣ находятся на рынкѣ—въ болѣе или менѣе, достаточномъ для нашихъ потребностей.

Если случается, что та или иная отрасль промышленности не обезпечена достаточнымъ количествомъ рукъ и капиталовъ, общественная потребность, которой она отвѣчаетъ, страдаетъ, и потому продукты ея пріобрѣтаютъ болѣе высокую цѣнность. Производители, въ частности же, предприниматели, которые являются главными агентами производства и первыми имѣютъ возможность извлечь выгоду изъ повышенія цѣнъ, получаютъ громаднѣйшіе барыши. Соблазняемые высокими прибылями, переступившими нормальный предѣлъ, другіе производители, капиталисты или рабочіе устремляются въ эту же отрасль промышленности. Производство даннаго товара увеличивается, такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока производимое количество его не поднимется до уровня существующаго спроса.

И, наоборотъ, всякій разъ, какъ какой-нибудь товаръ будетъ

произведенъ въ количествѣ, превышающемъ наличныя потребности, цѣнность его должна пасть. Паденіе цѣнности ведетъ къ уменьшенію дохода производителей и, въ частности, прибыли предпринимателя, — на послѣднемъ отражаются непосредственно всѣ невзгоды рынка. Поэтому предприниматель покидаетъ путь, на которомъ онъ терпитъ неудачи и потери, и производство даннаго товара идетъ на убыль до тѣхъ поръ, пока производимое количество его не падетъ до уровня потребляемаго.

Такова эта прекраснѣйшая и весьма основательно прославленная, главнымъ образомъ, Бастіа, гармонія самопроизвольной организаціи производства. Это нѣчто вродѣ автоматически дѣйствующаго механизма,—но насколько-же—какъ говорятъ—онъ выше всякой искусственной регламентаціи, какъ бы остроумна она ни была! [5])

Принципіально, и въ смыслѣ тенденціи, этотъ законъ правиленъ, но для того, чтобы онъ проявлялся въ дѣйствительности, необходима наличность многихъ условій, которыя встрѣчаются очень рѣдко.

Необходимо, чтобы предложеніе немедленно приходило въ соотвѣтствіе со спросомъ. Необходимо, чтобы факторы производства обладали свойствомъ абсолютной подвижности и перемѣщались съ быстротой электрическаго тока отъ пунктовъ, гдѣ они въ излишкѣ, къ пунктамъ, гдѣ въ нихъ ощущается недостатокъ. Необходимъ единый міровой рынокъ или, по крайней мѣрѣ, взаимносвязанные рынки, на подобіе сообщающихся сосудовъ, чтобы только что нарушенное равновѣсіе тотчасъ же возстановлялось. Между тѣмъ, если и можно допустить, что экономическій міръ идетъ по направленію къ такому состоянію, то, все-таки, слѣдуетъ признать, что ему еще далеко до осуществленія его. Въ самомъ дѣлѣ, всякое земледѣльческое или индустріальное производство предполагаетъ затрату капиталовъ на болѣе или менѣе продолжительное время (см. выше, объ основныхъ и оборотныхъ капиталахъ), а эти капиталы, уже вслѣдствіе одного того, что они стали „основными," перестаютъ быть подвижными. Время отъ времени во Франціи говорятъ владѣльцамъ виноградниковъ, что они слишкомъ много производятъ вина, и что слѣдуетъ производить „что-нибудь

---

[5]) Приводятъ, въ качествѣ примѣра, хлѣбъ. Дѣйствительно, хотя торговля хлѣбомъ свободна и не регламентирована, голодъ исчезъ изъ нашихъ странъ.

другое," и, вѣроятно, что законъ предложенія и спроса — котораго они не находятъ ни гармоничнымъ, ни благодѣтельнымъ — рано или поздно дѣйствительно принудитъ ихъ къ этому. Но что же дѣлать съ семью или восемью милліардами капитала, зарытаго въ землю въ видѣ плантацій и подваловъ?

Это не все. Даже тамъ, гдѣ законъ предложенія и спроса дѣйствуетъ въ полной мѣрѣ, онъ не проявляетъ никакой заботы о соціальной полезности. Онъ распредѣляетъ занятія, нисколько не сообразуясь съ истинными потребностями людей: имъ руководитъ расчетъ на прибыль, представляющуюся въ той или другой отрасли дѣятельности.

Отсюда получается то, что самыя полезныя занятія, какъ, напримѣръ, земледѣліе, все болѣе и болѣе покидаются, тогда какъ самыя непроизводительныя, какъ, напримѣръ, занятія городскихъ лавочниковъ, не говоря уже о массѣ паразитическихъ общественныхъ должностей, размножаются до смѣшного. Если сравнить двѣ переписи 1896 и 1901 гг., то можно увидѣть, что за этотъ короткій пятилѣтній періодъ число сельскихъ рабочихъ во Франціи пало съ 3.736.000 до 3.407.000 (уменьшеніе приблизительно на 9%), тогда какъ число торговцевъ поднялось съ 1.604.000 до 1.822.000 (увеличеніе свыше 13%); изъ нихъ около 500.000 кабатчиковъ! Изъ другихъ профессій,—врачей, напримѣръ,—было бы достаточно, если бы они лучше распредѣлялись по территоріи, но они почти всѣ сосредоточиваются въ городскихъ центрахъ, гдѣ многіе изъ нихъ, за отсутствіемъ паціентовъ, живутъ почти впроголодь, между тѣмъ, какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ въ нихъ чувствуется недостатокъ. По поводу вспыхнувшей (въ январѣ 1893 г.) въ Бретани эпидеміи оспы газеты отмѣтили фактъ, что въ районѣ эпидеміи не нашлось ни одного врача на 15 километровъ въ окружности. [6])

Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что „спросъ" исходитъ не отъ потребителей непосредственно, а отъ посредниковъ, торговцевъ и спекулянтовъ, что спросъ основанъ не столько на настоящихъ

---

[6]) Автомобильная промышленность, получившая за послѣдніе годы во Франціи чудовищное развитіе, до сего времени оказала незначительныя услуги земледѣлію и перевозочной промышленности (за исключеніемъ доставокъ въ городахъ отъ крупныхъ магазиновъ.) А почему? Потому, что заводы едва успѣваютъ выполнять заказы своихъ богатыхъ кліентовъ, которые пользуются автомобилями для удовольствія, и нисколько не заинтересованы въ удовлетвореніи спроса со стороны тѣхъ лицъ, для которыхъ автомобиль былъ бы орудіемъ производства.

и реальныхъ потребностяхъ, сколько на потребностяхъ будущихъ и предполагаемыхъ, и что онъ, слѣдовательно, можетъ ошибиться въ своихъ расчетахъ. Возможно, что спекуляція расчитывала на такія потребности, которыя не возникнутъ,—тогда наступитъ перепроизводство. А можетъ быть и такъ, что она недоучтетъ этихъ потребностей, — въ такомъ случаѣ обнаружится недостатокъ въ продуктахъ [7]). Съ этимъ мы встрѣтимся сейчасъ въ главахъ, говорящихъ о перепроизводствѣ и кризисахъ.

III.

О конкурренціи.

Для своего полнаго проявленія законъ предложенія и спроса предполагаетъ наличность свободы труда, а свобода труда въ своей активной формѣ называется конкурренціей. Слѣдовательно, конкурренція представляется въ видѣ огромнаго регулятора всего экономическаго механизма въ нашихъ современныхъ обществахъ.

Когда-то въ трактатахъ по политической экономіи было принято за правило признавать за конкурренціей слѣдующія достоинства:

1) Она приспособляетъ производство къ потребленію и такимъ образомъ поддерживаетъ экономическое равновѣсіе;

2) стимулируетъ прогрессъ, вызывая соревнованіе между конкуррирующими отраслями промышленности и, смотря по обстоятельствамъ, губитъ отсталыя отрасли;

3) влечетъ за собой постепенное пониженіе цѣнъ и приводитъ такимъ образомъ къ дешевизнѣ, къ наибольшей выгодѣ для всѣхъ и, въ частности, для бѣдныхъ классовъ;

4) вводитъ прогрессивное уравниваніе состояній

[7]) Отсюда не слѣдуетъ дѣлать поспѣшнаго вывода—къ чему иногда очень склонны нѣкоторые—о томъ, что спекуляція, т. е. дѣятельность, связанная съ расчетомъ на нѣкоторыя предстоящія событія, непремѣнно зло. Наоборотъ, спекулянтъ, покупающій въ предвидѣніи недостатка въ продуктахъ, и продающій въ предвидѣніи излишняго скопленія ихъ, можетъ выполнять очень благодѣтельную регулирующую функцію. Наконецъ, спекуляція часто попадаетъ впросакъ, особенно, когда она становится биржевой игрой.

путемъ сведенія прибыли и заработной платы приблизительно къ одному и тому же уровню во всѣхъ отрасляхъ промышленности.

И экономисты оптимистической школы, какъ, напримѣръ, Бастіа, восхищались, разрисовывая намъ „эти гармоніи“, не менѣе чудесныя, по ихъ мнѣнію, чѣмъ та, схожденія которой съ небесъ ожидалъ Пиѳагоръ. Они называли ее самопроизвольной и естественной организаціей и заключали отсюда, что она, въ своемъ родѣ, совершенство и вполнѣ законченная организація. [8])

Нынѣ этотъ энтузіазмъ немного остылъ. Болѣе внимательное наблюденіе фактовъ и практика свободы не подтвердили этого оптимистическаго закона. Было признано, что режимъ конкурренціи не болѣе и не менѣе естественъ и самопроизволенъ, чѣмъ раньше существовавшія формы организаціи, каковыми были домашняя промышленность, кастовый или цеховой строй, ибо онѣ также были естественнымъ результатомъ исторической эволюціи. А что касается ея благодѣтельныхъ результатовъ, то они довольно сомнительны, ибо было, наоборотъ, признано слѣдующее:

1) Что касается равновѣсія между производствомъ и потребностями, то конкурренція обезпечиваетъ его лишь весьма нерегулярно, если только вовсе не нарушаетъ его. Мы встрѣтимся съ этимъ въ слѣдующей главѣ, трактующей о перепроизводствѣ.

2) Если свободная конкурренція, вообще говоря, побуждаетъ производителей къ соревнованію, которое она поддерживаетъ между ними, то въ нѣкоторыхъ иныхъ отношеніяхъ она тормозитъ это соревнованіе, напримѣръ, въ отношеніи улучшенія качества продуктовъ. Чтобы выдержать борьбу, каждый конкурентъ изощряется въ томъ, чтобы сырьемъ низшаго качества и дешевымъ замѣнить сырье высшаго качества и болѣе дорогое, такъ что, съ точки зрѣнія прогресса, самымъ, можетъ быть, замѣчательнымъ явленіемъ представляется фальсификація товаровъ, которая стала подлиннымъ искусствомъ, призвавшимъ къ себѣ на службу всѣ научныя открытія [9]).

Монополистъ же, напротивъ, обыкновенно весьма заинтересо-

---

[8]) См. весьма прекрасное, между прочимъ, описаніе ея, даваемое Бастіа въ его „Гармоніяхъ“, въ гл. объ Естественной организаціи.

[9]) Примѣры многочисленны. Дошли до производства вина безъ винограда, пирожныхъ—безъ фруктовъ и сахара, масла—безъ молока, молока—безъ коровы, даже яицъ безъ куръ, и фабрикуютъ шелковыя матеріи, содержащія 5% шелка и 95% минераловъ.

ванъ и даже считаетъ дѣломъ своей чести поддерживать высокое качество своихъ продуктовъ и репутацію своей марки.

3) Она не всегда обезпечиваетъ дешевизну, а во многихъ случаяхъ можетъ даже вызвать дороговизну. Правильно, что вездѣ, гдѣ конкурренція можетъ развернуться въ полной мѣрѣ, она стремится свести цѣнность всякой вещи къ уровню стоимости производства. Но какъ она дѣлаетъ это? Двумя послѣдовательными способами: а) посредствомъ размноженія производителей, и б) пониженіемъ цѣнъ вслѣдствіе возникающей между ними борьбы. Однако, весьма часто случается такъ, что только одинъ первый способъ проводится въ жизни, а второй—отсутствуетъ, ибо новые производители вступаютъ въ соглашеніе съ прежними относительно поднятія цѣнъ до уровня, достаточнаго для того, чтобы всѣмъ имъ можно было жить. Такимъ образомъ, остается отъ конкурренціи только вредный результатъ, а не тотъ, который былъ бы благодѣтельнымъ. Въ качествѣ самаго поразительнаго примѣра можно привести существованіе двухъ или трехъ линій конкуррирующихъ желѣзныхъ дорогъ между двумя городами: ясно, что торговый оборотъ въ этой мѣстности, остающійся неизмѣннымъ, долженъ выносить вдвое или втрое большія издержки по оборудованію и эксплоатаціи этихъ сооруженій. Прекраснымъ примѣромъ являются булочныя. Число булочниковъ увеличивается до смѣшного. Каждый изъ нихъ, продавая вслѣдствіе конкурренціи все меньше и меньше, принужденъ сократиться и выгадывать больше на каждомъ отдѣльномъ предметѣ. Всякій новый булочникъ не можетъ понизить цѣнъ, потому что онѣ и безъ того уже едва достаточны для того, чтобы можно было существовать старымъ булочникамъ; и ему придется побудить ихъ повысить цѣны, потому что отнынѣ нужно будетъ жить большему числу булочниковъ на то-же самое продаваемое количество хлѣба [10]).

---

[10]) Раньше число булочниковъ въ каждомъ городѣ фиксировалось въ зависимости отъ цифры населенія, и потому хлѣбъ относительно продавался не такъ дорого, какъ теперь. Въ Парижѣ только 30 лѣтъ тому назадъ насчитывался одинъ булочникъ на 1800 жителей; нынѣ насчитываютъ одного булочника на 1300 жителей и даже, если принять во вниманіе отдѣленія, одного—на 800. Отсюда слѣдуетъ, что каждый булочникъ для того, чтобы быть въ состояніи просуществовать, долженъ выгадывать 12 сантимовъ на одно кило хлѣба (по публикуемымъ періодически исчисленіямъ Сенской префектуры), тогда какъ крупныя кооперативныя булочныя могутъ покрывать свои издержки только 2—3 сантимами на кило.

Наоборотъ, режимъ монополіи вовсе не есть режимъ произвола. Цѣны при немъ не болѣе произвольны, чѣмъ при режимѣ конкурренціи, ибо какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онѣ подчинены общему закону цѣнностей, по которому цѣна какого-нибудь предмета имѣетъ предѣлъ въ желаніяхъ потребителей на этотъ предметъ и въ жертвахъ, которыя они готовы принести, чтобы достать его. Не входя въ разборъ труднаго вопроса опредѣленія цѣнъ при режимѣ монополіи, достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что въ интересахъ каждаго монополиста понижать свои цѣны для того, чтобы увеличить свою продажу и сдѣлать своимъ девизомъ девизъпарижскаго магазина Au Bon Marché: „продавать дешево, чтобы продавать много".

У насъ нѣтъ также увѣренности въ томъ, что конкурренція устраняетъ съ рынка только отсталыхъ и неспособныхъ. Если бы конкурренція была только формой соревнованія, она обезпечивала бы побѣду за наиболѣе нравственными, наиболѣе преданными, наиболѣе альтруистически настроенными лицами, и тогда она была бы орудіемъ прогресса и истиннаго подбора. Но такъ какъ она является, главнымъ образомъ, формой борьбы за жизнь, то она обезпечиваетъ побѣду, главнымъ образомъ, наиболѣе сильнымъ и наиболѣе ловкимъ и, вслѣдствіе того, можетъ даже повести къ подлинному моральному упадку, ибо, какъ говоритъ пословица, „приходится выть вмѣстѣ съ волками". Можетъ случиться также и то, что она устраняетъ наиболѣе честнаго, напримѣръ, добросовѣстнаго торговца, который не захочетъ фальсифицировать своихъ продуктовъ, или который будетъ закрывать свой магазинъ по воскресеніямъ; фабриканта, который не захочетъ понижать заработную плату своихъ рабочихъ или повышать продолжительность ихъ рабочаго дня. Дальше мы увидимъ, что честная промышленность почти не въ состояніи выдерживать конкурренцію sweating system [11]).

4) Конкурренція не ведетъ непремѣнно къ уравненію прибылей

---

[11]) Слово „конкурренція" заключаетъ въ себѣ, на самомъ дѣлѣ, двѣ весьма различныя, хотя обыкновенно неправильно смѣшиваемыя идеи:

Первая, это—идея свободы труда: каждый слѣдуетъ по пути, который онъ предпочитаетъ. Какъ мы сказали, эта идея датируетъ во Франціи со времени Революціи 1789 г.

Вторая—идея борьбы за жизнь: каждый достигаетъ первымъ, если можетъ. Эта концепція опредѣлилась много позже подъ вліяніемъ идей Спенсера и Дарвина.

и состояній, потому что она по существу является настоящей войной, которая обезпечиваетъ побѣду сильнымъ за счетъ пораженія слабыхъ. А мы что-то не видимъ, чтобы политическія войны обезпечивали въ результатѣ уравненіе силъ у націй, или чтобы конкурренція въ борьбѣ за существованіе, Struggle for life, между растительными или животными видами ставила бы ихъ развитіе въ одинаковыя границы. На самомъ дѣлѣ происходитъ какъ разъ обратное. То же самое нужно сказать и относительно странъ, гдѣ въ полномъ расцвѣтѣ промышленная конкурренція, какъ, напримѣръ, въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ: въ такихъ странахъ возникаютъ колоссальнѣйшія состоянія.

5) Наконецъ, режимъ конкурренціи не является прочнымъ режимомъ, ибо, какъ, повидимому, показываетъ опытъ, конкурренція приводитъ къ самому неожиданному и къ самому курьезному результату: вырождаясь въ монополію, она стремится къ самоуничтоженію! Вытѣсненіемъ слабыхъ въ пользу сильныхъ она клонится какъ разъ къ образованію исполинскихъ предпріятій, которыя стараются уничтожить всякую конкурренцію. Эти крупные производители стремятся, въ свою очередь, къ объединенію въ гигинтскіе національные синдикаты (называемые въ Соединенныхъ Штатахъ трёстами, а въ Германіи картелями), которые, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время, деспотически управляютъ цѣлой вѣтвью производства. Эти синдикаты оказываютъ нѣкоторую реальную услугу, какъ это мы увидимъ ниже. Тѣмъ не менѣе, чтобы гарантировать общество противъ ихъ фактическаго могущества и монополіи, государство стремится вмѣшаться путемъ регламентаціи, въ ожиданіи, пока сами потребители сорганизуются въ потребительскіе союзы для защиты себя.

Мы очень хорошо можемъ себѣ представить и даже видимъ уже осуществляющимся въ дѣйствительности такой порядокъ, въ которомъ путемъ соглашенія – либо между фабрикантами и рабочими, организующимися въ параллельные союзы, либо между производителями и потребителями, организующимися въ кооперативныя ассоціаціи – можно будетъ уничтожить большую часть того

Если разсматривать конкурренцію съ точки зрѣнія первой идеи, ее можно только одобрить, хотя она и не обладаетъ всѣми приписываемыми ей добродѣтелями. Если же взять конкурренцію въ смыслѣ второй идеи, то въ ней таится больше опасностей, чѣтъ добродѣтелей, и она нуждается въ контролѣ. См. нашу лекцію о конкурренціи и кооперациі въ книгѣ—„Кооперація".

зла, которое приноситъ конкурренція, не подвергая, однако, свободу труда бремени официальной регламентаціи, какъ это было въ прошлое время.

IV.

Перепроизводство и законъ сбыта.

Мы видѣли, что потребности безграничны, а производство, наоборотъ, ограничено. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ сдѣлать тотъ необходимый выводъ, что производство всегда будетъ отставать отъ потребностей. А на самомъ дѣлѣ, наоборотъ, страхъ предъ чрезмѣрностью производства, предъ всеобщимъ загроможденіемъ рынка продуктами (general glut, говорятъ англійскіе экономисты) смущаетъ фабрикантовъ и дѣловыхъ людей, и о немъ только чаще всего слышишь разговоры. Какъ же это возможно?

Экономисты всегда, именно, и отрицали, чтобы это было возможно. Они, конечно, не отрицаютъ, что въ нѣкоторыхъ и даже во многихъ отрасляхъ промышленности можетъ случиться такъ, что, благодаря нѣкоторой непредусмотрительности, производство превыситъ спросъ. Но они рѣшительно отрицаютъ всякую возможность возникновенія в с е о б щ а г о перепроизводства и приписываютъ мысль объ этомъ чисто оптической иллюзіи, причину которой, впрочемъ, легко понять. Производители, у которыхъ товары въ избыткѣ на рынкѣ, и которые, слѣдовательно, продаютъ ихъ плохо, вопіютъ объ этомъ, а тѣ, у кого товаровъ мало, и кто, слѣдовательно, торгуетъ хорошо, молчатъ. Получается впечатлѣніе, что повсюду только и говорятъ о перепроизводствѣ, а, въ концѣ-концовъ, и увѣренность, что повсюду перепроизводство.

Мало того. Экономисты полагаютъ, что, въ случаѣ чрезмѣрнаго скопленія товаровъ въ одной какой-нибудь отрасли, наилучшимъ средствомъ для исцѣленія отъ этого зла является именно соотвѣтственное увеличеніе производства и въ другихъ отрасляхъ. Кризисъ, являющійся слѣдствіемъ излишества, можетъ быть устраненъ не иначе, какъ при помощи такого же излишества, сообразно принципу одной извѣстной въ медицинѣ школы: similia similibus. Такимъ образомъ, всѣ производители оказываются заинтересованными въ томъ, чтобы производство было какъ можно болѣе обильнымъ и разнообразнымъ. Эта теорія извѣстна подъ именемъ

закона сбыта. Впервые формулировалъ его Ж.-Б. Сэй, который съ гордостью заявлялъ, „что этотъ законъ измѣнитъ міровую политику“. Его можно выразить слѣдующимъ образомъ: каждый продуктъ тѣмъ легче найдетъ себѣ сбытъ, чѣмъ будутъ многочисленнѣе и разнообразнѣе другіе продукты.

Чтобы понять эту теорію, нужно совершенно забыть о существованіи денегъ и допустить, что продукты непосредственно обмѣниваются на продукты, какъ при натуральномъ обмѣнѣ. Предположимъ, напримѣръ, что какой-нибудь торговецъ пріѣзжаетъ на одинъ изъ крупныхъ рынковъ центральной Африки: выгодно ли ему найти этотъ рынокъ сверхъ мѣры снабженнымъ многочисленными и разнообразными товарами? Правда, ему неинтересно встрѣтить тамъ въ значительномъ количествѣ такой же товаръ, какой и онъ можетъ сбыть, напримѣръ, ружья, но ему желательно найти тамъ какъ можно больше всѣхъ другихъ товаровъ, напримѣръ, слоновую кость, золотой песокъ, гумми и т. д. Каждый новый появляющійся на рынкѣ товаръ составляетъ помѣщеніе или, какъ выражается эта теорія, сбытъ для его собственнаго товара: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. И если даже нашего купца постигла та неудача, что онъ привезъ слишкомъ много ружей, — ну, такъ что же!—Самымъ счастливымъ для него выходомъ будетъ тотъ, если и другіе привезли на тотъ же рынокъ слишкомъ много другихъ товаровъ: тогда и его ружья не окажутся въ излишкѣ по сравненію съ другими продуктами, ибо, какъ прекрасно говоритъ Ж.-Б. Сэй: „лучше всего можетъ благопріятствовать сбыту одного товара производство другого.“

Дѣло происходитъ не иначе, говоритъ онъ, и при режимѣ куплипродажи: каждый изъ насъ имѣетъ тѣмъ больше шансовъ найти помѣщеніе своимъ продуктамъ или своимъ услугамъ, чѣмъ больше будетъ средствъ у другихъ людей, а у нихъ будетъ тѣмъ больше средствъ, чѣмъ больше они произведутъ. Поэтому самый счастливый выходъ, какой только можно пожелать промышленнику, который произвелъ слишкомъ много какого-нибудь товара, тотъ, чтобы и другіе производители, съ своей стороны, тоже произвели слишкомъ много: излишекъ однихъ будетъ ослабленъ излишкомъ у другихъ. Англія произвела слишкомъ много бумажныхъ матерій. Но если, на ея счастье, Индія произвела слишкомъ много хлѣба, Англіи легче сбыть туда свои бумажныя матеріи. Или вотъ еще

одинъ примѣръ: благодаря чудовищному росту своей механической силы, мануфактурная промышленность выбрасываетъ на рынокъ огромныя количества товара. Слѣдствіемъ этого является general glut (общій завалъ). А почему? Потому, что земледѣльческая промышленность не поспѣвала за мануфактурной, количество земледѣльческихъ продуктовъ увеличивалось только въ слабой степени, цѣнность ихъ по сравненію съ цѣнностью мануфактурныхъ продуктовъ поднялась; у потребителей, вынужденныхъ много расходовать на предметы питанія, не остается необходимыхъ средствъ на то, чтобы много покупать мануфактурныхъ товаровъ. Но предположите, что земледѣльческая промышленность идетъ рука объ руку съ мануфактурной, и равновѣсіе не замедлитъ возстановиться. Тратя меньше на свое питаніе, потребитель безъ труда поглотитъ излишекъ мануфактурныхъ продуктовъ.

Однако, даже при предположеніи, что всѣ безъ исключенія продукты вдругъ увеличились въ количествѣ, все же возможно, что и въ такомъ случаѣ цѣны падутъ, и наступитъ застой. Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что при нашемъ предположеніи остается одинъ, одинъ только продуктъ—деньги—количество котораго не увеличилось. Поэтому отношеніе между цѣнностью денегъ и цѣнностью товаровъ измѣнилось: такъ какъ деньги стали относительно рѣдки, цѣны понизились. Но если вы можете увеличить количество денегъ въ той же пропорціи, какъ и количество товаровъ, то вы избѣжите зла, ибо отношеніе цѣнностей, называемое „цѣной“, не измѣнится, и кризисъ не наступитъ.

Итакъ, теорія сбыта пытается въ сущности доказать, что перепроизводства нечего опасаться, если ростъ производства и потребностей происходитъ одновременно и пропорціонально во всѣхъ отрасляхъ производства. И дѣйствительно, въ такомъ случаѣ, очевидно, отношеніе между обмѣниваемыми количествами не измѣнится.

Къ сожалѣнію, ростъ производства никогда не будетъ проявляться въ тѣхъ условіяхъ, которыя предполагаетъ теорія сбыта. Можно было бы съ математической точностью доказать, что изъ тысячи найдется одинъ только случай, когда ростъ производства происходитъ одновременно и равномѣрно во всѣхъ отрасляхъ. Обыкновенно же ростъ его сказывается въ скачкахъ, въ перемежающихся и локализирующихся вспышкахъ. Впрочемъ, для того,

чтобы законъ сбыта могъ примѣняться, надо было бы, чтобы страны не отгораживались одна отъ другой непроницаемой стѣной таможенныхъ пошлинъ, которыя мѣшаютъ избыточнымъ товарамъ переливаться изъ страны въ страну и устанавливать на всемірномъ рынкѣ одинъ общій уровень.

Вотъ почему законъ сбыта, вѣрный въ принципѣ, не устраняетъ безпрестанныхъ нарушеній равновѣсія въ обмѣнѣ, вызывающихъ кризисы. И вотъ также почему производители стараются нынѣ предупредить ихъ съ помощью торговыхъ соглашеній (картелей, трёстовъ), которыя представляютъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій нашего времени, и которыя мы изучимъ впослѣдствіи. Основная черта ихъ — взаимно принятыя на себя производителями одной и той же отрасли промышленности обязательства не производить товаровъ, смотря по положенію на рынкѣ, сверхъ извѣстнаго зафиксированнаго количества.

Можетъ ли государство что-нибудь предпринять, чтобы избѣжать кризисовъ отъ перепроизводства, по крайней мѣрѣ, частичнаго? Не такъ давно нѣкоторыми правительствами были продѣланы интересные опыты въ этомъ отношеніи, какъ, напр., въ Бразиліи, съ кофе. Штатъ Св. Павла закупилъ громадное количество кофе и сложилъ его на складахъ, чтобы разгрузить рынокъ въ моментъ переполненія, и постепенно выпускалъ его въ оборотъ въ неурожайные годы. Этотъ пріемъ, прозванный „валоризаціей кофе", напоминаетъ пріемъ въ Египтѣ Іосифа, который приказалъ наполнить общественные склады хлѣбомъ въ урожайные годы, чтобы продавать его въ неурожайные. И, повидимому, этотъ пріемъ далъ хорошіе, хотя все же не безспорные [12]), результаты.

V.

Кризисы.

Кризисы часто характеризовали, какъ своего рода болѣзни экономическаго организма. Проявляются они въ столь же разнообразныхъ видахъ, какъ и безчисленныя болѣзни, постигающія людей. Одни изъ нихъ возникаютъ періодически, въ появленіи

[12]) Греческое и португальское правительства во избѣжаніе перепроизводства винограда и вина воспрещали или ограничивали разведеніе новыхъ виноградниковъ.

другихъ безусловно отсутствуетъ какая-нибудь правильность. Одни—кратковременны, но зато бурны, какъ приступъ лихорадки; подобно послѣднему, выражаются въ быстромъ повышеніи температуры, сопровождаемомъ немедленнымъ упадкомъ; другіе же протекаютъ медленно, „подобно анеміи", по выраженію Лавелэ. Одни локализируются въ опредѣленной странѣ, а другіе, подобно эпидеміи, распространяются по всему міру.

Но это метафора. Обратимся къ дѣйствительности. Мы только что видѣли, какъ въ нашихъ современныхъ обществахъ—худо-ли, хорошо-ли—поддерживается равновѣсіе между производствомъ и потребностями. Было бы чудомъ, если бы было безукоризненнымъ равновѣсіе, имѣющее въ качествѣ своего единственнаго регулятора капризъ предложенія и спроса. И, дѣйствительно, такое равновѣсіе очень не прочно.

Правда, нарушившись, оно возстановляется автоматически; но оно не возстановляется, не причинивъ нѣкотораго сотрясенія. Когда сотрясеніе велико, оно называется кризисомъ; впрочемъ, оно, хотя и непріятно, но благодѣтельно, такъ какъ оно же и необходимо для возстановленія равновѣсія.

Весьма естественно, слѣдовательно, что кризисы составляютъ нормальное явленіе, неразрывно связанное съ экономической организаціей, и возникающее періодически, съ ритмической правильностью закона. Дѣлались даже попытки вычислить продолжительность этихъ періодовъ. Стенли Джевонсъ сдѣлалъ попытку доказать, что кризисы возникали правильно каждые десять лѣтъ. Съ начала XIX ст. онъ, дѣйствительно, насчиталъ слѣдующіе девять кризисовъ: въ 1815, 1827, 1836, 1839, 1847, 1857, 1866, 1873, 1882 годахъ. Эта десятилѣтняя періодичность, по Джевонсу, стояла въ связи съ такой же періодичностью неурожайныхъ годовъ, которая, въ свою очередь, зависила отъ десятилѣтней періодичности солнечныхъ пятенъ! Такимъ образомъ, вопросъ о кризисахъ, причинахъ и развитіи ихъ свелся къ астрономическому закону.

Но этотъ блестящій романъ не подтверждается фактами ни въ отношеніи причины возникновенія кризисовъ, ни въ отношеніи десятилѣтней періодичности, хотя, правда, ритмъ ихъ, о которомъ мы только что говорили, обыкновенно совпадаетъ съ интерваломъ приблизительно въ десять лѣтъ между двумя кризисами. Къ только-что перечисленнымъ кризисамъ слѣдуетъ прибавить кризисъ 1890

года, незначительный кризисъ 1900 года и очень сильный кризисъ 1907 года,—три кризиса на 25 лѣтъ.

Соціалисты возлагаютъ 'отвѣтственность за кризисы не на солнечныя пятна, а на капитализмъ.

Соціалисты утверждаютъ не только то, что кризисы—необходимое слѣдствіе современной экономической организаціи, капиталистическаго строя, но и прибавляютъ къ этому еще то, что съ каждымъ разомъ они должны будутъ носить все болѣе и болѣе тяжелый характеръ вплоть до того момента, когда подъ нагроможденными ими развалинами будетъ погребенъ капиталистическій строй, и что, такимъ образомъ, послѣднему предопредѣлено погибнуть отъ порожденныхъ имъ самимъ послѣдствій. Но, по мнѣнію соціалистовъ, перепроизводство, вызываемое жадностью капиталистовъ, которые подъ давленіемъ конкурренціи и, слѣдовательно, пониженія нормы прибыли, стараются „наверстать на количествѣ", не есть единственная причина кризиса; еще въ большей степени таковой является недопотребленіе, обуславливаемое недостаточностью средствъ у громадной массы потребителей, у рабочаго класса, у наемниковъ, у которыхъ нѣтъ средствъ на покупку продуктовъ ихъ собственнаго труда. И, дѣйствительно, надо ли говорить, что потребности людей безграничны или безконечно растяжимы, и что для сбыта товара недостаточно найти людей, желающихъ имѣть его, нужно еще найти такихъ людей, которые имѣли бы средства на пріобрѣтеніе его. Но ростъ дохода массы населенія, вообще говоря, не поспѣвалъ за быстрымъ ростомъ мануфактурнаго производства. И такъ какъ обѣ эти противоположныя, но клонящіяся къ одному и тому же результату причины—съ одной стороны, растущая у фабрикантовъ необходимость возможно больше расширять свое производство, а съ другой—растущее число наемниковъ и недостаточность заработной платы—безпрерывно будутъ усиливаться, то нарушенное равновѣсіе, вмѣсто того, чтобы, какъ думаютъ экономисты, автоматически возстановляться, все болѣе и болѣе, вплоть до окончательнаго краха, будетъ расшатываться.

Но это тоже романъ, только менѣе поэтичный. Ничто не оправдываетъ этихъ пессимистическихъ предсказаній. Пониженіе нормы прибыли, правда, дѣйствительно существующее, вело бы скорѣе къ тому, что Стюартъ Милль называлъ „стаціонарнымъ состояніемъ", чѣмъ къ перепроизводству, а недостаточность зара-

ботной платы, правда, тоже дѣйствительная, клонится со дня на день къ повышенію. Потребленіе рабочихъ классовъ быстро возрастаетъ, а потребительныя кооперативныя общества разовьютъ его до огромныхъ размѣровъ. Впрочемъ, даже допуская, что у рабочаго класса безконечно продолжали бы грабить продуктъ его труда, все-таки, мы не видимъ, почему должна была бы получиться отсюда всеобщая недостаточность потребленія, ибо при этомъ, во всякомъ случаѣ, была бы лишь передача потребленія отъ одного класса къ другому; а, слѣдовательно, почему бы воры не могли потреблять столько же, сколько потребляютъ обворовываемые?

Отбросимъ же эти обѣ обобщающія теоріи кризисовъ и условимся видѣть въ кризисахъ присущіе экономической жизни феномены, которые свидѣтельствуютъ отнюдь не о смерти, а скорѣе о чрезмѣрной жизненности ея, и которые тѣмъ чаще будутъ возникать, чѣмъ сложнѣе и чувствительнѣе будетъ экономическая организація.

Нарушеніе равновѣсія, подготовляющее наступленіе кризиса и свидѣтельствующее о немъ, можетъ выражаться въ двухъ противоположныхъ формахъ: въ формѣ перепроизводства продуктовъ или въ формѣ недостаточности его, хотя о второй почти никогда не говорятъ.

§ 1. Кризисы отъ перепроизводства могутъ зависить:

а) Или отъ избытка производства, потому что фабриканты расчитывали на потребности, которыхъ не оказалось впослѣдствіи. Замѣтимъ, что вовсе не необходимо, чтобы перепроизводство было всеобщимъ, и что даже если бы перепроизводство было абсолютно всеобщимъ и распространялось бы одинаково на всѣ продукты, не исключая и денегъ (абсолютно невѣроятное, впрочемъ, предположеніе), то кризиса не было бы, какъ мы показали выше. Открывается кризисъ перепроизводствомъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, а ужъ потомъ онъ становится всеобщимъ.

Весьма возможно также, что избытокъ производства не реально существующій фактъ, а предполагаемый, т. е. избытокъ перепроизводства существуетъ еще не въ формѣ созданныхъ фабрикантами продуктовъ, а въ формѣ затѣваемыхъ спекулянтами на финансовомъ рынкѣ предпріятій. Этого вполнѣ достаточно, чтобы вызвать кризисъ. Это даже одна изъ самыхъ постоянныхъ его причинъ. Предполагается, напримѣръ, что потребности въ автомобиляхъ, рези-

новыхъ издѣліяхъ или фосфатахъ и т. д. будутъ огромны. Создается множество предпріятій для производства этихъ продуктовъ: выпускаются груды бумагъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Въ теченіе нѣкотораго времени всѣ эти цѣнности поднимаются. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день замѣчаютъ, что такой-то продуктъ не можетъ пройти: бумаги, въ формѣ которыхъ финансировались соотвѣтствующія предпріятія, или „которыя,—какъ краснорѣчиво выражается Зелигманъ,— представляли капитализацію столькихъ надеждъ", летятъ внизъ, а за ними вслѣдъ рушатся, какъ карточные домики, [13]) всѣ остальныя.

б) Или отъ сокращенія потребленія, если, напримѣръ, въ странѣ, опустошенной войной или обнищавшей, вслѣдствіе неурожая, населеніе вынуждено сократить свои расходы. Но чаще всего кризисы отъ недоѣданія слѣдуютъ за кризисами отъ перепроизводства. Послѣ того, какъ этотъ послѣдній разоритъ многихъ промышленниковъ, лишитъ многихъ рабочихъ заработной платы и ввергнетъ въ нищету многихъ рантье, вслѣдствіе паденія ихъ цѣнностей, каждый ограничиваетъ свое потребленіе. Кризисъ 1907 года, начавшійся въ Америкѣ, вызвалъ въ 1908 году всеобщее сокращеніе потребленія, которое опредѣленно сказалось въ статистикѣ въ формѣ значительнаго сокращенія международной торговли и налоговыхъ поступленій.

Всѣ кризисы отъ перепроизводства предваряются одними и тѣми же предвѣстниками: ростомъ активности въ дѣловыхъ оборотахъ, въ области продажъ, помѣщенія капиталовъ, учета, повышеніемъ товарныхъ цѣнъ и курса бумагъ на биржѣ.

И послѣдствія ихъ также одинаковы:

что касается товаровъ—отсутствіе сбыта ихъ, паденіе цѣнъ, крахи торговыхъ предпріятій;

что же касается капиталовъ,—исчезновеніе съ рынка денежныхъ капиталовъ, трудность найти ихъ, [14]) повышеніе нормы процента

---

[13]) Такъ, кризисъ 1907 г., вызвавшій такое разстройство въ дѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣлъ первоначальной причиной чрезмѣрное повышеніе цѣнности мѣди и всѣхъ мѣдныхъ товаровъ, за которымъ послѣдовало въ августѣ 1907 г. крахъ курса бумагъ на мѣдь и на всѣ названныя цѣнности.

[14]) Въ самый острый моментъ кризиса въ 1907 г. даже самые богатые люди въ Нью-Іоркѣ не могли найти денегъ. Банки осаждались растерявшейся r u n, и многіе изъ нихъ принуждены были пріостановить свои платежи, хотя они были безусловно состоятельными,—пришлось даже выписать 600 милліоновъ золота изъ Ев-

и учета, а, можетъ быть, и пріостановка платежей, и принудительный курсъ банковскихъ билетовъ.

Что кризисъ отъ перепроизводства ведетъ къ паденію товарныхъ цѣнъ, это довольно ясно, но не столь ясно то обстоятельство, что онъ влечетъ за собой второй результатъ, а именно, вздорожаніе денегъ. Послѣднее, однако, объясняется тѣмъ, что коммерсанты, которые не могутъ теперь пріобрѣтать деньги продажей товаровъ, принуждены доставать ихъ посредствомъ займа или учета, и, такимъ образомъ, кризисъ отъ перепроизводства товаровъ рикошетомъ создаетъ денежный кризисъ.

§ 2. Кризисы отъ недостаточности производства зависятъ:—а) или отъ слабости производства, что можетъ случиться развѣ только въ земледѣльческомъ производствѣ, но даже и тогда эти кризисы почти не влекутъ за собой тяжелыхъ послѣдствій, за исключеніемъ развѣ такихъ бѣдныхъ странъ, какъ Россія или Индія;—б) отъ неожиданнаго роста нѣкоторыхъ потребностей, застающихъ производство врасплохъ.

Ясно безъ оговорокъ, что кризисъ отъ недостаточности производства влечетъ за собою послѣдствія, противоположныя послѣдствіямъ отъ вышеназванныхъ кризисовъ, т. е. общее вздорожаніе товаровъ. Однако, можетъ случиться, хотя это кажется весьма парадоксальнымъ, что кризисъ, вызванный недостаточностью производства, косвенно создаетъ тѣ же послѣдствія, что и кризисъ отъ перепроизводства, т. е. общее загроможденіе рынка товарами и обезцѣненіе ихъ! Достаточно отмѣтить, что слабый урожай хлѣба, напримѣръ, повлечетъ за собой повышеніе цѣны на хлѣбъ, вслѣдствіе чего всѣ потребители хлѣба, располагающіе ограниченными средствами, т. е. огромное большинство людей, будутъ принуждены сократить свои расходы на всѣ другіе потребляемые ими предметы; поэтому масса этихъ предметовъ не будетъ больше находить сбыта или же будетъ сбываться съ убыткомъ. Такъ, неурожаи въ Индіи обыкновенно отзываются кризисомъ въ англійскихъ мануфактурахъ. Памятны еще и понынѣ бѣдствія, причиненныя хлопчатобумажнымъ голодомъ (cotton famine) вслѣдъ за междуусобной войной въ Соединенныхъ Штатахъ.

ропы. Однако, количество звонкой монеты въ экономическомъ мірѣ, даже и въ Соединенныхъ Штатахъ, никогда не было выше этой цифры (33 доллара на человѣка вмѣсто 22 д. въ 1897 г.). Но несовершенная организація банковъ не позволяла располагать этимъ количествомъ золота. См. ниже, о банкахъ.

Хотя кризисы нужно въ конечномъ счетѣ признать спасительными, такъ какъ они играютъ роль фактора, возстановляющаго нарушенное равновѣсіе, тѣмъ не менѣе вызываемыя имъ потрясенія—какъ это само собой ясно—болѣзненны и, слѣдовательно, весьма ужасны. Къ счастью, послѣдствія ихъ являются въ то же время исцѣляющимъ средствомъ, — они дѣйствуютъ на подобіе автоматическаго тормаза желѣзнодорожнаго поѣзда.

Дѣйствительно, застой въ торговлѣ, паденіе цѣнъ, трудности по отысканію денегъ, печальное зрѣлище разоренія, — все это составляетъ наилучшее средство для запугиванія производителей и для тормаза разстройства производства.

Но именно потому, что средство оказывается настолько дѣйствительнымъ, кризисы отъ перепроизводства не такъ страшны какъ можно было бы подумать, и, по всей вѣроятности, не повлекутъ за собой такихъ катастрофъ, какими угрожаютъ соціалисты.

Послѣдствія кризисовъ отъ недостаточности производства также стремятся къ ослабленію этихъ кризисовъ, но только съ меньшей успѣшностью, ибо при повышеніи цѣны на уголь, напримѣръ, не удается устранить недостатка въ углѣ, если каменноугольныя копи истощились; но зато повышеніе цѣны на уголь можетъ оказаться благопріятнымъ условіемъ для замѣщенія угля другимъ продуктомъ по закону замѣны потребностей.

Когда равновѣсіе оказывается нарушеннымъ только для одного какого-нибудь продукта, то такое разстройство въ экономической жизни не влечетъ за собой всеобщаго кризиса [13]). Есть, однако, одинъ продуктъ, нарушеніе равновѣсія въ которомъ влечетъ за собой кризисъ, отражающійся на всѣхъ остальныхъ безъ исключенія продуктахъ, но послѣдствія отъ этого противоположны послѣдствіямъ, присущимъ кризисамъ со всякимъ другимъ товаромъ: изобиліе его ведетъ къ всеобщему повышенію цѣнъ и пониженію процента или, по крайней мѣрѣ, учета, а недостатокъ въ немъ вызываетъ всеобщее пониженіе цѣнъ и повышеніе учета! Не трудно догадаться, о чемъ идетъ рѣчь,—о деньгахъ (металлическихъ или бумажныхъ). Это, такъ называемые, д е н е ж н ы е к р и з и с ы, самые опасные кризисы, самые опасные въ томъ смыслѣ, что они

---

[13]) Кризисы, затрогивающіе какой-нибудь одинъ продуктъ, постоянное явленіе: во Франціи и Португаліи кризисъ въ производствѣ вина, въ Греціи—въ производствѣ изюма, въ Бразиліи—въ производствѣ кофе.

имѣютъ въ высокой степени эпидемическій характеръ, но зато они лучше другихъ изучены, такъ что легче предвидѣть ихъ наступленіе и легче, слѣдовательно, предотвратить опасность отъ нихъ (см. выше о повышеніи нормы учета).

Мы только-что видѣли, какъ при посредствѣ закона конкурренціи—худо-ли, хорошо-ли, и скорѣе худо, чѣмъ хорошо—регулируется производство. Но это не единственный законъ, управляющій промышленной эволюціей; есть еще три такихъ закона, которые надо изучить отдѣльно:

Законъ раздѣленія труда;

Законъ концентраціи;

Законъ ассоціаціи.

ГЛАВА II.

Раздѣленіе труда.

I.

Различные виды раздѣленія труда.

Если трудъ, который необходимо исполнить, совершенно простъ (копать землю, поднимать тяжесть, грести, рубить дрова), то онъ и не поддается какому бы то ни было раздѣленію: каждый будетъ исполнять одни и тѣ же движенія,—это то, что можно было бы назвать простой кооперацией.

Но какъ только операція становится сложной и обнимаетъ разнообразныя движенія, выгоднѣе разложить этотъ трудъ (представляющій въ цѣломъ одно заданіе) на цѣлый, болѣе или менѣе многочисленный, рядъ частичныхъ заданій и поручить каждому человѣку по одному заданію. Это и есть то, что называется раздѣленіемъ труда, и что можно было бы назвать сложной кооперацией.

Разсмотрѣніемъ раздѣленія труда открывается знаменитая книга Адама Смита, чѣмъ этотъ великій умъ хотѣлъ подчеркнуть при-

---

16) См. подробнѣе о кризисахъ и объясненіи ихъ книгу Lescure, Des crises générales et périodiques de surproduction.

писываемое имъ этому явленію значеніе. И съ того времени на это явленіе смотрѣли, какъ на законъ, значеніе котораго не только съ экономической, но и съ соціальной и даже моральной точекъ зрѣнія, не переставало расти. Раздѣленіе труда вышло съ того времени далеко за предѣлы мастерской, гдѣ оно впервые поразило взоръ Адама Смита [1]).

Однако, начнемъ съ простѣйшаго явленія. Раздѣленіе труда—одно изъ рѣдкихъ экономическихъ явленій, встрѣчающихся на ряду съ бережливостью у нѣкоторыхъ животныхъ видовъ. Въ человѣческомъ родѣ первоначальной формой его является раздѣленіе труда между полами, обусловливающее возникновеніе различныхъ функцій у нихъ даже съ экономической точки зрѣнія. Она соотвѣтствуетъ первоначальной промышленной фазѣ, такъ называемой, домашней промышленности.

Это раздѣленіе работъ на первоначальной фазѣ далеко не сообразовалось съ тѣмъ, что мы нынѣ назвали бы свойственными каждому полу способностями: мужчинѣ — заниматься тяжелымъ трудомъ, а женщинѣ—работой по хозяйству. Наоборотъ, мужчина предавался благороднымъ занятіямъ, т. е. войнѣ, охотѣ, надзору за скотомъ, а на долю женщины оставался презрѣнный трудъ, не только по хозяйству, ткачеству, но также и по перевозкѣ, какъ подлинно вьючному скоту, и даже по обработкѣ земли: cura agrorum feminis delegata (обработка полей возложена на женщину) говоритъ Тацитъ, описывая бытъ германцевъ [2]); это мы наблюдаемъ еще и нынѣ у всѣхъ африканскихъ племенъ. Жен-

---

[1]) Профессіональное раздѣленіе труда и его соціальная полезность были отмѣчены уже въ древности. Въ своей „Республикѣ“ Платонъ вкладываетъ въ уста Сократа слѣдующее: „Вещи дѣлаются лучше и легче, когда каждый дѣлаетъ такую вещь, на которую онъ способенъ, и когда онъ избавленъ отъ всякой другой заботы“. То же самое говорится въ знаменитомъ апологѣ Менения Агриппы.

[2]) По Бюхеру, на мужчинѣ лежала забота по добыванію животной пищи (сначала охота, потомъ надзоръ за стадомъ), а на женщинѣ—по добыванію растительной пищи (сборъ плодовъ, потомъ земледѣліе). Но такое раздѣленіе работы, повидимому, нисколько не вызывалось спеціальнымъ свойствомъ ея, и корни свои имѣетъ исключительно въ религіи. Во всякомъ случаѣ, только, кажется, довольно поздно, можетъ быть, въ древней Греціи, женщинѣ были отведены работы по хозяйству (см. очень подробное изложеніе доисторическаго раздѣленія труда въ статьѣ Ренэ Монье въ Revue de Sociologie, 1908). Еще въ наше время на бретонскомъ островѣ Сэнѣ, говоритъ Лёгофикъ (le Goffic): „поле человѣческаго труда размежевано такимъ образомъ: море—для мужчинъ, земля—для женщинъ“.

щина была первымъ рабомъ, а рабство въ собственномъ смыслѣ, т. е. рабство плѣнниковъ впервые возвѣстило ей объ ея эмансипаціи, а именно, освободило ее отъ изнурительнаго труда, состоявшаго въ молотьбѣ зерна и вращеніи жернова.

Въ древности раздѣленіе труда принимаетъ форму профессіи въ различныхъ ремеслахъ. Надо ли отнести первоначальное появленіе ихъ насчетъ естественныхъ способностей отдѣльныхъ лицъ? [3]) Возможно допустить такое предположеніе, если имѣть въ виду только свободныхъ работниковъ. Но не слѣдуетъ забывать, что такіе работники были рѣдкимъ явленіемъ. Рабу полагалось выполнять лишь то, что приказывалъ ему господинъ. Представляется болѣе вѣроятнымъ, что даже и среди свободныхъ людей трудъ распредѣлялся въ зависимости отъ соображеній соціальнаго, политическаго, религіознаго и обрядового характера (какъ, напримѣръ, въ кастовомъ строѣ), и что профессіональные навыки появились лишь потомъ, благодаря практикѣ и наслѣдственной передачѣ.

При цеховомъ строѣ раздѣленіе ремеслъ становится болѣе наглядным, потому что каждый „цехъ“ занятъ исключительно однимъ родомъ труда, къ тому же и регламенты ревниво наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы каждый оставался въ предѣлахъ своей спеціальности. Одна и та же промышленная дѣятельность распадается на различныя вѣтви (напримѣръ, дерево-обдѣлочная на столярную, плотничную, телѣжную и т. д.) или на послѣдовательныя операціи (напримѣръ, съ бревномъ, послѣдовательно переходящимъ изъ рукъ дровосѣка въ руки пильщиковъ и т. д.), изъ которыхъ каждая образуетъ особое ремесло. И эти подраздѣленія и развѣтвленія безостановочно прогрессируютъ параллельно процессу размноженія потребностей, такъ что въ связи съ каждой новой потребностью возникаетъ и новое ремесло.

Но только при мануфактурномъ строѣ появляется техническое раздѣленіе труда. Такъ какъ всякій промышленный трудъ есть, какъ мы уже видѣли, просто-на-просто рядъ движеній, то и стараются разложить сложное движеніе на рядъ по возможности простѣйшихъ движеній, которыя поручаются соотвѣтствующему

[3]) Первыя профессіи образуются, главнымъ образомъ, изъ видовъ интеллектуальной и артистической дѣятельности. Первыми начинаютъ занимать особое положеніе жрецъ, колдунъ, лѣкарь, пѣвецъ, танцоръ, которые одарены особыми талантами. За ними обыкновенно слѣдуетъ кузнецъ; остальные ремесленники выдѣляются долгое время спустя (Бюхеръ: Этюды о раздѣленіи труда).

числу различныхъ рабочихъ, такъ, чтобы каждому изъ нихъ приходилось по возможности производить всегда одно и то же движеніе. Этотъ-то видъ раздѣленія труда, наблюденный въ булавочной мастерской, впервые привлекъ вниманіе Адама Смита и вдохновилъ его на созданіе удивительной, много разъ впослѣдствіи воспроизведенной, страницы.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что въ отличіе отъ предыдущихъ видовъ раздѣленія труда,—естественныхъ и самопроизвольныхъ,—послѣдній видъ является искусственно созданнымъ и скомбинированнымъ, подобно, впрочемъ, всѣмъ другимъ пріемамъ труда.

Развиваясь и укрѣпляясь въ мастерской, раздѣленіе труда въ то же время расширялось, благодаря развитію транспорта и международнаго обмѣна, и само становилось международнымъ, такъ какъ каждый народъ спеціализировался на производствѣ такихъ товаровъ, которые представлялись наиболѣе подходящими къ его почвѣ, климату или расовымъ особенностямъ: Англія—на добычѣ угля и производствѣ бумажныхъ матерій, Соединенные Штаты—на производствѣ машинъ, Франція—предметовъ роскоши, Бразилія—кофе, Австралія—шерсти и т. д.

Названіе „раздѣленіе труда“ было подвергнуто критикѣ, какъ слишкомъ узкое, и, дѣйствительно, обнимаемый имъ строй явленій настолько расширился, что словесной формулѣ, въ которую его заключилъ Адамъ Смитъ, пришлось надтреснуть. Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе „раздѣленіе труда“ на своемъ мѣстѣ только тамъ, гдѣ трудъ дѣйствительно разлагается на отдѣльные моменты, напримѣръ, внутри мастерской, гдѣ производство одного башмака или однихъ часовъ распадается на 50—100 различныхъ операцій. Но оно почти непримѣнимо для обозначенія отдѣленія ремеслъ, тамъ, напримѣръ, гдѣ сапожникъ дѣлаетъ башмакъ цѣликомъ—въ такомъ случаѣ лучше было бы говорить о специализаціи труда,—и еще менѣе примѣнимо оно для обозначенія того, что мы назвали международнымъ раздѣленіемъ труда, т. е. тогда, когда извѣстныя вѣтви производства локализируются въ опредѣленныхъ странахъ,—въ такихъ случаяхъ было бы предпочтительнѣе говорить о локализаціи труда.

Но выраженіе „раздѣленіе труда“, какъ и многія другія неудачныя названія, имѣетъ за собой освященную обычаемъ давность.

II.

Условія раздѣленія труда.

Техническое раздѣленіе труда является тѣмъ болѣе полнымъ, чѣмъ на большее количество частичныхъ заданій можно разложить трудъ. Но число рабочихъ должно непремѣнно соотвѣтствовать числу различныхъ операцій [4]);—между тѣмъ ясно, что число рабочихъ, которое можетъ занять промышленникъ, зависитъ отъ размѣровъ его производства. А такъ какъ размѣръ производства по необходимости зависитъ отъ обширности рынка, то въ конечномъ счетѣ можно сказать, что раздѣленіе труда стоитъ въ прямомъ отношеніи къ обширности рынка.

Поэтому-то, какъ это часто отмѣчалось, раздѣленіе труда существуетъ только почти въ крупныхъ центрахъ и неизвѣстно въ деревнѣ или въ мелкихъ мѣстечкахъ. Здѣсь, въ одной и той же лавчонкѣ, найдешь бокъ-о-бокъ и бакалейные товары, и мясные, и игрушки и писчебумажныя принадлежности и швейные товары,— все, что въ большомъ городѣ было бы предметомъ соотвѣтствующаго числа крупныхъ магазиновъ [5]). Причина очевидна. Въ деревнѣ человѣку приходится заниматься всѣми ремеслами вмѣстѣ на томъ простомъ основаніи, что одно какое-нибудь занятіе не давало бы ему достаточно средствъ къ существованію.

Когда же, наоборотъ, промышленность можетъ имѣть своимъ рынкомъ весь міръ, тогда она въ состояніи не только спеціализироваться на производствѣ нѣкоторыхъ предметовъ, отвѣчающихъ

---

[4]) Было бы весьма ошибочнымъ думать, что для проведенія раздѣленія труда достаточно употреблять по одному рабочему на каждую отдѣльную операцію: рабочихъ требуется обыкновенно гораздо больше. Предположимъ, что выработка одной иголки распадается на три операціи: на приготовленіе острія, головки и ушка. Предположимъ, что на остріе надо употребить 10 секундъ, на головку—20 и на ушко—30. Ясно, что на одного рабочаго, занятаго остріемъ, надо двухъ рабочихъ для головокъ и троихъ для ушковъ. Поэтому всего надо не 3, а 6 рабочихъ; иначе первый останется нѣкоторую часть дня безъ дѣла.

[5]) Можно было бы съ перваго взгляда подумать, что то же самое имѣетъ мѣсто въ крупныхъ столичныхъ магазинахъ, какъ, напр., Лувръ или Au bon Marché въ Парижѣ, такъ какъ они продаютъ всякаго рода предметы. Но это вовсе не такъ, ибо каждый отдѣлъ въ этихъ магазинахъ имѣетъ свою спеціальность (см. въ Курсѣ гл. о крупныхъ магазинахъ).

лишь очень ограниченной потребности (ибо ограниченность потребности компенсируется огромнымъ количествомъ потребителей этихъ предметовъ), но и больше того: спеціализировавшись, она въ состояніи довести до крайнихъ предѣловъ техническое раздѣленіе труда. Это одинъ изъ поводовъ, почему страны такъ склонны къ закрѣпленію за собой широкаго вывоза. Такой вывозъ, позволяя ихъ промышленности провести широкое раздѣленіе труда, обезпечиваетъ за ними вытекающее отсюда промышленное превосходство.

Обыкновенно указываютъ еще на другое необходимое для раздѣленія труда условіе,—на безпрерывность труда. Дѣйствительно, если трудъ выполняется съ перерывами, то, такъ какъ рабочій не можетъ оставаться въ праздности въ промежуткахъ, его нужно занять чѣмъ-нибудь другимъ, а потому онъ уже не въ состояніи отдаваться одному какому-нибудь занятію. Это одно изъ основаній, по которымъ въ земледѣльческой промышленности, какъ это мы увидимъ ниже, почти не примѣняется раздѣленіе труда. Все-таки, это условіе менѣе повелительно, чѣмъ предыдущее, такъ какъ человѣкъ, не лишаясь выгодъ спеціализаціи, прекрасно можетъ отдаваться различнымъ работамъ, если онѣ производятся неодновременно, а послѣдовательно и съ довольно длинными промежутками. Можно даже сказать, что въ этомъ обстоятельствѣ, какъ это мы увидимъ ниже, заключается, наоборотъ, благодѣтельный коррективъ къ нѣкоторымъ неудобствамъ, вытекающимъ отъ раздѣленія безпрерывнаго труда [6]).

---

[6]) Соціалистъ Фурье ставилъ условіями привлекательнаго труда слѣд.: а) трудъ долженъ быть весьма дробнымъ; эту дробность онъ доводитъ до крайности, создавая столько же группъ рабочихъ, сколько было видовъ растеній (капустники, рѣпники, черешники, грушники и т. д.) и даже столько подгруппъ, сколько могло существовать разновидностей въ одномъ и томъ же видѣ; б) трудъ долженъ быть разнообразенъ,—каждый работникъ долженъ посвящать своему занятію очень короткое время, одинъ или два часа; при такомъ порядкѣ, который онъ называлъ „короткими сеансами“, на каждый день должно было приходиться, извѣстное, такъ сказать, меню очень разнообразнаго труда. Такъ Фурье давалъ удовлетвореніе страсти, которую онъ красочно называлъ la papillonne (альтернантъ)!

III.

Выгоды и неудобства раздѣленія труда.

Раздѣленіе труда непостижимо увеличиваетъ производительную мощь труда и вотъ по какимъ причинамъ:

1) Самый сложный трудъ разлагается, какъ это мы объяснили, на рядъ движеній очень простыхъ, почти автоматически и очень легко исполнимыхъ, что́ необыкновенно облегчаетъ производство.

Можно даже дойти такимъ образомъ до столь простыхъ движеній, что вмѣшательство человѣка становится излишнимъ для ихъ выполненія, и достаточно одной машины. И въ самомъ дѣлѣ, такимъ именно путемъ и пришли къ выполненію съ помощью машинъ работъ, казавшихся на первый взглядъ весьма сложными [7]).

2) Разнообразіе создаваемыхъ такимъ образомъ заданій, совершенно различныхъ съ точки зрѣнія трудности, силы или вниманія, которыхъ они требуютъ, позволяетъ согласовать каждое заданіе съ индивидуальными способностями рабочихъ. Такимъ образомъ можно использовать природныя способности каждаго рабочаго и избѣгнуть безполезной траты времени, силъ и даже капитала, которая появлялась бы въ томъ случаѣ, если бы всѣ—сильные и слабые, глупые и умные—исполняли одну и ту же работу: иначе говоря, можно избѣгнуть траты труда болѣе сильныхъ или болѣе способныхъ на работу, для нихъ слишкомъ легкую, или, наоборотъ, потери труда болѣе слабыхъ или болѣе неопытныхъ на работѣ, превышающей ихъ силы.

3) Безпрерывное повтореніе одного и того же упражненія создаетъ у всѣхъ людей по-истинѣ удивительную ловкость, подобно тому, какъ при умственномъ трудѣ выдержанное и настойчивое стараніе замѣчательно развиваетъ умственныя способности и, слѣдовательно, производительную силу. Врачи, адвокаты, художники, писатели, ученые имѣютъ нынѣ свою спеціальность: каждый изъ нихъ находитъ выгоднымъ замкнуться

---

[7]) Вотъ почему изобрѣтеніе главныхъ машинъ (ткацкой, прядильной и т. д.) какъ разъ совпало съ апогеемъ раздѣленія труда въ мануфактурѣ.

въ маленькомъ уголкѣ человѣческихъ знаній, чтобы лучше въ немъ разобраться и достичь наибольшихъ результатовъ.

Къ этимъ причинамъ преимущества раздѣленія труда обыкновенно прибавляютъ еще три другія, менѣе важныя:

4) Экономію времени, вытекающую изъ безпрерывности труда. Рабочій, часто мѣняющій трудъ, теряетъ при каждой перемѣнѣ не только промежутокъ времени между одной операціей и другой, но и, въ особенности, время, потребное на приспособленіе къ новой операціи.

5) Экономію орудій, доведенную до максимума, когда каждый рабочій употребляетъ одинъ только инструментъ и пользуется имъ постоянно.

6) Наконецъ, меньшую продолжительность обученія, которое бываетъ тѣмъ дольше, чѣмъ сложнѣе ремесло.

Но въ противовѣсъ этимъ выгодамъ уже издавна были указаны серьезныя неудобства:

1) Отупѣніе рабочаго, который повтореніемъ одного и того же до послѣдней степени упрощеннаго движенія, обреченъ на чисто машинальную роль, что дѣлаетъ отнынѣ безполезнымъ всякое обученіе. Какъ часто повторялись слова Лемонтэ: „Горько сознавать, что за всю свою жизнь не дѣлалъ ничего другого, кромѣ восемнадцатой части булавки!“ Но болѣе его знаменитый авторъ, тотъ самый, который разоблачилъ важность и благодѣянія раздѣленія труда, Адамъ Смитъ, выразилъ ту же мысль въ выраженіяхъ еще болѣе жесткихъ: „Человѣкъ, всю жизнь проводящій въ выполненіи небольшого числа простыхъ операцій, становится обыкновенно такъ ограниченъ и невѣжественъ, какъ только возможно для человѣческаго существа!“

2) Крайняя зависимость рабочаго, который неспособенъ ни къ чему, кромѣ опредѣленной и часто спеціальной, усвоенной имъ операціи, и который, вслѣдствіе этого, подвергается опасности безработицы или расчета. Подобно изготовляемымъ имъ частямъ, которыя имѣютъ цѣнность только въ совокупности цѣлаго, и онъ самъ, можно сказать, имѣетъ значеніе только какъ составная часть той огромной машины, которая называется мануфактурой: внѣ ея онъ ни къ чему не пригоденъ.

Довольно легко отвѣтить на эти возраженія. Несомнѣнно, въ ручномъ трудѣ много отупляющаго, но не потому, что онъ раздѣляется, а потому, что, къ сожалѣнію, есть много работъ, необ-

ходимыхъ, но по своей природѣ непривлекательныхъ. Трудъ метельщика, чистильщика отхожихъ мѣстъ или дробильщика камня на мостовой вовсе не раздѣленъ, а болѣе ли онъ благороденъ, чѣмъ трудъ рабочаго, выдѣлывающаго болты? Или, какъ остроумно замѣтили, можно ли себѣ представить, что рабочій, выдѣлывающій булавочныя головки, много выигралъ бы въ умственномъ и моральномъ отношеніи, выдѣлывая цѣлыя булавки? Если раздѣленіе труда можетъ приводить къ нѣкоторымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ съ точки зрѣнія монотонности труда, то послѣднія смягчаются или устраняются: а) съ помощью всеобщаго профессіональнаго обученія, которое позволитъ рабочему, обремененному частичной работой, проникнуться сознаніемъ важности занимаемаго имъ въ цѣломъ положенія и при случаѣ перемѣнить ремесло, и которое въ этомъ отношеніи стоитъ значительно выше ученичества; б) съ помощью употребленія машинъ, ибо, достигнувъ упрощенія технической операціи до такой степени, что она превращается въ чисто машинальную, можно немедленно замѣнить рабочаго машиной, и это обыкновенно выгодно дѣлать. Правда, управленіе машиной довольно утомительный трудъ (не въ смыслѣ мускульной затраты, а въ смыслѣ нервнаго напряженія), но не отупляющій. Современная искусная машина нуждается въ избранныхъ рабочихъ. По мѣрѣ того, какъ она становится болѣе автоматической, рабочій перестаетъ быть таковымъ; в) съ помощью ограниченія рабочаго дня, что даетъ рабочему досугъ, которымъ онъ пользуется для всесторонняго развитія своего тѣла и духа [8]), а это удержитъ его отъ отупѣнія, устрашавшаго Адама Смита.

Надо, впрочемъ, отмѣтить, что вышеуказанныя возраженія мѣтятъ лишь въ техническое раздѣленіе труда. А профессіональное раздѣленіе труда—спеціализація функцій, профессій, изученія—никогда не подавало повода для перваго возраженія, касающагося отупѣнія. Что же касается второго возраженія — о зависимости,—то раздѣленіе труда создаетъ во всякомъ случаѣ лишь взаимную зависимость, въ чемъ скорѣе слѣдуетъ видѣть

---

[8]) Система короткихъ рабочихъ дней позволяетъ осуществить въ извѣстной мѣрѣ фурьеристскій идеалъ „короткихъ сеансовъ“ и разнообразія работъ. Углекопъ, оставляя шахту въ 2 ч. пополудни, располагаетъ временемъ для обработки своего садика и даже, если угодно, для разсадки розъ. Рабочій изъ арсеналовъ Бреста и Тулона, по окончаніи своего 8-мичасового дня, занимается нѣкоторыми побочными работами.

преимущество съ экономической и, особенно, моральной точки зрѣнія, а не недостатокъ, и потому подъ именемъ взаимозависимости отдѣльныхъ лицъ она стала основой закона солидарности. Благодаря взаимной зависимости, устанавливаемой имъ между людьми, раздѣленіе труда въ обществѣ, подобно физіологическому раздѣленію труда, существующему между органами живого тѣла, какъ бы дѣлаетъ всѣхъ членовъ даннаго общества членами одного и того же тѣла и, благодаря этому, какъ бы осуществляетъ идеалъ солидаристской школы. Многіе соціологи охотно поддерживаютъ эту аналогію [9]).

И, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ считать весьма желаннымъ идеаломъ націю, гдѣ каждый человѣкъ отдавался бы лишь одному какому-нибудь ремеслу и гдѣ умъ и тѣло его носили бы на себѣ неизгладимыя черты профессіональнаго труда. Мы полагаемъ, что отъ этого получился бы нѣкоторый вредъ для всесторонняго развитія человѣческой личности и даже для соціальнаго прогресса, ибо обществу грозила бы опасность застоя, какъ при кастовомъ строѣ. Мы очень склонны согласиться съ Эспинасомъ въ томъ, что „способность къ жизни въ одиночествѣ есть лишь признакъ очень низкой индивидуальности“, и даже въ томъ, что это черта, свойственная дикарю—а „дикарь“ для насъ, конечно, уже не является идеальнымъ типомъ чело-

---

[9]) Дюркеймъ (въ своей, уже цитированной нами, книгѣ „О раздѣленіи соціальнаго труда“) считаетъ раздѣленіе труда основнымъ соціальнымъ закономъ. Онъ видитъ въ немъ даже основу морали, ибо, вслѣдствіе дифференціаціи, отдѣльныя лица, будучи не въ состояніи ограничиваться собственными силами, вынуждены оказывать другъ другу взаимныя услуги, благодаря чему и создается взаимопомощь.

Раздѣленіе труда, по его мнѣнію, есть результатъ борьбы за жизнь и въ то же время коррективъ къ ней: результатъ, ибо борьба, являющаяся тѣмъ болѣе ожесточенной, чѣмъ больше сходства между отдѣльными лицами и ихъ потребностями, заставляетъ каждаго индивидуума спеціализироваться на производствѣ того, чего не дѣлаетъ его сосѣдъ; коррективъ, ибо, открывая отдѣльнымъ лицамъ возможность избавиться отъ конкурренціи, раздѣленіе труда тѣмъ самымъ позволяетъ имъ избавиться отъ краха или смерти.

Однако, мы отказываемся въ основаніе солидарности класть раздѣленіе труда, ибо послѣднее предполагаетъ возрастающую между отдѣльными лицами дифференціацію, тогда какъ истинная солидарность предполагаетъ возрастающую между ними общность. Быть солидарнымъ, какъ говорятъ философы Ш. Секретанъ и Фулье, значитъ имѣть сознаніе единства человѣческаго рода, стремиться осуществить и предвосхитить это единство, дѣйствуя такъ, какъ если бы мы всѣ составляли нѣчто единое.

вѣка, какимъ онъ былъ въ глазахъ писателей XVIII вѣка — но, тѣмъ не менѣе, способность къ перемѣнѣ профессіи или ремесла является у человѣка свидѣтельствомъ силы и превосходства. Большинство людей, достигшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ весьма высокаго положенія, работало въ теченіе своей прежней жизни въ двадцати ремеслахъ. Способность утилизировать всѣ свои члены во многихъ направленіяхъ есть признакъ подвижности и прогрессивности общества, а единственнымъ средствомъ достичь этого являются, съ одной стороны, образованіе, которое должно быть по возможности всеобщимъ даже тогда, когда оно носитъ исключительно техническій характеръ, чтобы открыть человѣку многочисленные пути и позволить ему смѣнять ихъ, а съ другой— досугъ, достаточный для того, чтобы человѣкъ могъ использовать свои способности въ различныхъ направленіяхъ и проявлять свою дѣятельность въ разнообразныхъ областяхъ,—въ области жизни домашней, гражданской, интеллектуальной, религіозной, эстетической и пр.

ГЛАВА III.

Концентрація производства.

I.

Этапы промышленной эволюціи.

Въ главѣ I мы видѣли, какъ поддерживается—или иногда нарушается—равновѣсіе между производствомъ и потребностями. Разсмотримъ теперь — не со статической, а съ динамической точки зрѣнія — какъ производство можетъ слѣдовать за безпрерывно восходящимъ движеніемъ потребностей. Для этого производство должно было облекаться въ различныя формы.

За исторической школой, главнымъ образомъ, въ Германіи, числится, между прочимъ, заслуга въ открытіи и изученіи послѣдовательныхъ типовъ промышленной эволюціи.

Обыкновенно признается пять такихъ типовъ:

1. Семейная или домашняя промышленность. Она господствуетъ не только въ первобытныхъ обществахъ, но и въ

обществахъ классической древности и доживаетъ до начала среднихъ вѣковъ. Люди распадаются на маленькія автономныя и самодовлѣющія группы, которыя производятъ почти лишь то, что онѣ должны потребить. Обмѣнъ и раздѣленіе труда—въ зачаточномъ состояніи.

Каждая группа состоитъ изъ одной семьи, которую слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, нежели придаваемый ей нынѣ. Патріархальная семья была не только значительно многочисленнѣе нынѣшней семьи, но, помимо того, она увеличивалась еще искусственно вводившимися въ нее посторонними элементами—рабами, а впослѣдствіи крѣпостными. Въ Римѣ рабы въ юридическомъ смыслѣ обозначались терминомъ familia (семья). Вилла богатаго римскаго землевладѣльца съ арміей рабовъ, занимающихся всѣми ремеслами, сеньорія барона феодальнаго времени съ своими крѣпостными относятся къ этому же періоду экономической эволюціи.

2. Ремесло, отправляемое ремесленникомъ. Эта вторая фаза развивается почти исключительно въ средніе вѣка. Характерной чертой ея является то, что производитель работаетъ уже не на себя и не на членовъ своей семьи, а на публику, на кліента, на вновь появляющуюся на экономической сценѣ личность. Производитель — самостоятельный, по крайней мѣрѣ, въ городахъ, работникъ, производитъ изъ своего сырья и своими инструментами [1]; при цеховомъ строѣ онъ превращается въ, такъ называемаго, мастера. Во всякомъ случаѣ, онъ работаетъ еще только на заказъ или, по крайней мѣрѣ, производитъ на ограниченный рынокъ своего города, который онъ ревниво сохраняетъ за собой. Съ цѣлью взаимопомощи и защиты онъ соединяется съ

[1]) Однако, и прежде часто случалось, и нынѣ еще въ деревняхъ случается, что ремесленнику не принадлежитъ сырье, изъ котораго онъ долженъ выработать продуктъ. Такъ бываетъ со странствующимъ ремесленникомъ, переходящимъ изъ дома въ домъ для выполненія извѣстныхъ работъ, напримѣръ, со швеей, съ точильщикомъ, съ ремесленникомъ, который чинитъ котлы или корзины и т. д. Сюда же относится мелкій мельникъ, который мелетъ приносимое ему крестьяниномъ зерно; только онъ сидитъ на одномъ мѣстѣ.

Нѣмецкая историческая школа (см. уже указанные выше этюды Бюхера) усматриваетъ въ этомъ видѣ труда особую фазу (вторую фазу промышленной эволюціи) подъ названіемъ наемнаго труда. Правильно, конечно, и это, но намъ кажется, что тутъ лишь видоизмѣненіе „ремесла“, ибо всѣ эти лица, отдающія свой трудъ въ наемъ, имѣютъ свои орудія труда и работаютъ на кліента.

работниками своего ремесла въ союзъ и образуетъ тѣ корпораціи, которыя играли такую важную роль въ экономической и даже политической исторіи среднихъ вѣковъ, и регламенты которыхъ были собраны въ XIV ст. въ „Книгу ремеслъ“.

3. Кустарная промышленность (надо остерегаться смѣшивать ее съ семейной промышленностью, хотя обѣ онѣ отправляются на дому)[2]). Ремесленники понемногу утрачиваютъ свою самостоятельность и, вмѣсто того, чтобы производить непосредственно за счетъ своихъ кліентовъ или публики, производятъ отнынѣ за счетъ крупнаго торговца, предпринимателя,—опять новая личность съ крупной, первостепенной ролью. Работаютъ они у себя на дому и, какъ общее правило, сохраняютъ право собственности на свои орудія, но сырье доставляется имъ отнынѣ торговцемъ. Во всякомъ случаѣ, право собственности на выработанный продукъ имъ не принадлежитъ; хлопоты по продажѣ его лежатъ на купцѣ. Какъ же этотъ посредникъ проскользнулъ между ними и публикой? Когда на смѣну ограниченному городскому рынку появился національный или даже интернаціональный, то ремесленники оказались слишкомъ бѣдными и слишкомъ слабыми предъ такимъ огромнымъ рынкомъ, и производство ихъ для него было слишкомъ дорогимъ. Такъ стоитъ дѣло у ткачей шелковыхъ товаровъ въ Ліонѣ, у canuts, которые являются собственниками своихъ мастерскихъ, но шелковую нитку они получаютъ отъ хозяевъ (неправильно называемыхъ фабрикантами, тогда какъ въ дѣйствительности они купцы), которымъ и возвращаютъ ее въ видѣ готовой матеріи.

4. Мануфактура. Посредникъ, предприниматель, соединяетъ этихъ разбросанныхъ рабочихъ въ одномъ помѣщеніи. Для него это выгодно во многихъ отношеніяхъ: онъ можетъ установить между ними техническое раздѣленіе труда, отъ чего увеличится производительная сила ихъ, и понизятся издержки производства.

---

[2]) Ле-Плэ, впервые отмѣтившій значеніе этой промышленной формы, окрестилъ ее именемъ коллективной фабрики. Это названіе не представляется намъ удачнымъ, ибо въ немъ подразумѣвается мысль, какъ разъ противоположная той, которую онъ хочетъ выразить, а именно, мысль о скопленіи рабочихъ въ одномъ и томъ же помѣщеніи. Между тѣмъ, характерной чертой этой промышленной фазы является болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ, работающихъ на одного и того же хозяина, но каждый у себѣ на дому, — разбросанная фабрика.

Съ этого момента рабочій уже не имѣетъ ни сырья, ни инструментовъ; онъ не работаетъ больше у себя и становится наемникомъ. Всѣмъ этимъ владѣетъ уже посредникъ, который и становится хозяиномъ. Но такимъ фабрикантомъ можетъ быть только крупный капиталистъ, потому что его функція въ томъ и состоитъ, чтобы доставлять всѣмъ занимаемымъ имъ рабочимъ необходимые для производства капиталы. Поэтому четвертая фаза эволюціи могла начаться только тогда, когда были накоплены и собраны въ рукахъ торговцевъ большіе капиталы.

Такое преобразованіе въ экономическихъ отношеніяхъ и начинаетъ совершаться около XVI ст. Не безъ борьбы болѣе совершенная организація мануфактурной промышленности одолѣла корпоративную и завоевала рынокъ, который былъ для нея закрытъ регламентами цеховъ. Во Франціи для этого понадобилось даже вмѣшательство государства, которое—именно при Сюлли и Кольберѣ—создало особо привилегированныя мануфактуры; изъ послѣднихъ нѣкоторыя (производство гобеленовъ и т. д.) и до настоящаго времени еще остаются въ вѣдѣніи государства. Въ Англіи вывозъ за-границу и въ колоніи подготовилъ почву для возникновенія новыхъ мануфактуръ и для разстройства порядка цеховой организаціи.

5. Фабрика, главной чертой которой является употребленіе механическаго двигателя. Это типичная форма современной индустріи, фаза, въ которой мы живемъ. Начало ея относится къ тому времени, когда стали примѣнять въ промышленности силу пара, т.-е. къ концу XVIII ст. Нельзя, конечно, считать предвѣстникомъ фабричной эры гидравлическіе заводы, начавшіе функціонировать съ XIII вѣка и еще менѣе водяныя мельницы, извѣстныя со времени упадка римской имперіи.

Фабрика довела до максимума мощь производства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она дала въ большинствѣ случаевъ толчокъ развитію отличительныхъ чертъ предыдущаго періода экономической эволюціи: все болѣе и болѣе возрастающему скопленію рабочихъ массъ въ одномъ мѣстѣ, ночному труду, почти военной регламентаціи, пользованію трудомъ женщинъ и дѣтей; и такъ какъ, въ силу необходимости, фабрика требуетъ весьма значительныхъ капиталовъ, то она и составляетъ характерную особенность того, что соціалисты называютъ капиталистическимъ режимомъ. У фабричнаго режима есть тоже свои недостатки, кото-

рые подаютъ поводъ, слишкомъ часто основательный, для обвиненій противъ современнаго экономическаго строя: несчастные случаи, хроническая безработица, перепроизводство и кризисы; наверху—накопленіе колоссальныхъ состояній, внизу—скопленіе массъ голоднаго пролетаріата, часто вынужденнаго продавать себя за кусокъ хлѣба, и появленіе особой категоріи собственниковъ, которые называются акціонерами, и которыхъ съ перваго взгляда не легко отличить отъ простыхъ паразитовъ. Всѣ эти особенности будутъ яснѣе представлены въ слѣдующихъ главахъ.

Было бы ошибочно думать, что каждая изъ вышеуказанныхъ формъ окончательно отрѣшалась отъ предшествующихъ формъ эволюціи. Все дѣло сводилось къ тому, что каждая форма послѣдовательно выдвигалась на первый планъ. И въ наши еще дни, когда фабричная форма является характернымъ способомъ производства, существуютъ всѣ предшествующія формы. Можно еще во множествѣ найти слѣды семейной промышленности въ тѣхъ крестьянскихъ избахъ, гдѣ женщина прядетъ ленъ, изъ котораго потомъ приготовляется для семьи бѣлье; въ городахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ ремесленники, занимающіеся разными ремеслами и работающіе на своихъ заказчиковъ, какъ въ средніе вѣка. Не приходится также говорить о томъ, что существуютъ еще мануфактуры, гдѣ употребляется ручной трудъ человѣка.

И даже—воистину прихоть экономической эволюціи—есть такой видъ труда, который не только не исчезаетъ, какъ это недавно думали, но неожиданно поднимается для новой жизни и развитія,—это трудъ на дому. Нынѣ въ крупныхъ городахъ почти исключительно въ этой формѣ проявляются нѣкоторыя крупныя отрасли промышленности, какъ, напримѣръ, отрасль по изготовленію платья. Возможно, что это курьезное воскресеніе обязано лишь недавнему вмѣшательству законодателя въ организацію труда и носитъ временный характеръ. Такъ какъ новые законодательные акты относятся лишь къ фабричному производству, то представители многихъ такихъ отраслей находятъ для себя болѣе удобнымъ уклоняться отъ исполненія ихъ, прибѣгая къ эксплоатаціи труда на дому (см. ниже гл. о кустарной промышленности).

II.

Законъ концентраціи.

Мы только-что видѣли, что съ цѣлью удовлетворенія растущихъ потребностей и снабженія рынка, предѣлы котораго безпрерывно расширяются, промышленность стремится къ развитію отъ самыхъ простыхъ формъ индивидуальнаго или семейнаго производства до формъ крупнаго предпріятія, объединяющаго тысячи рабочихъ и милліоны капиталовъ. Эта тенденція объединять, концентрировать на одномъ пунктѣ максимумъ производительныхъ силъ называется закономъ концентраціи; она и создала режимъ „крупнаго производства“ [3]).

Экономисты и соціалисты придаютъ—одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда они согласны—большое значеніе закону концентраціи. Они признаютъ его безусловно доказаннымъ и долженствующимъ все болѣе и болѣе воздѣйствовать на экономическій міръ.

Безспорно, крупному производству при группировкѣ всѣхъ факторовъ производства—рабочихъ рукъ, капиталовъ, естественныхъ силъ, мѣста—удается дѣлать экономію на нихъ, т. е. производить то же количество богатствъ съ меньшими затратами или, что то же, производить больше богатствъ съ тѣми же затратами.

1) Прежде всего, экономія труда.

Эта первая выгода зависитъ, главнымъ образомъ, отъ возмож-

---

[3]) Концентрація не предполагаетъ непремѣнно соединеніе всѣхъ рабочихъ и машинъ въ одномъ помѣщеніи; она совмѣстима также съ мануфактурой на дому, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ. Но она стремится къ такому соединенію всякій разъ, какъ этому не препятствуютъ какія-нибудь случайныя причины.

Часто говорятъ также о законѣ концентраціи, но не въ области производства, а въ области распредѣленія, подразумѣвая подъ ней тенденцію (впрочемъ, не совсѣмъ доказанную) богатства (земель или капиталовъ) концентрироваться въ рукахъ все болѣе и болѣе узкаго круга лицъ и создавать, такимъ образомъ, вслѣдствіе исчезновенія среднихъ классовъ, колоссальныя состоянія.

Не слѣдуетъ смѣшивать эти два вида концентраціи. Они не всегда солидарны, между собою, ибо, съ одной стороны, крупнѣйшія предпріятія, въ формѣ, напримѣръ, акціонерныхъ компаній, предполагаютъ, напротивъ, раздѣленіе капитала въ формѣ акцій и облигацій; а, съ другой—концентрація земельной собственности совмѣстима съ мелкимъ производствомъ: напримѣръ, крупное имѣніе можетъ быть разбито на многочисленныя независимыя фермы.

ности установить болѣе совершенное раздѣленіе труда, какъ это мы только что видѣли. Но она вытекаетъ также изъ простого факта соединенія рабочихъ. Въ раздробленномъ производствѣ пропадаетъ много времени. Часы каждаго рабочаго остаются часто незанятыми. Возьмемъ, напримѣръ, 100 торговыхъ предпріятій, изъ которыхъ каждое употребляетъ по 10 служащихъ. Соедините ихъ въ одно препріятіе: очевидно, не нужно будетъ удерживать всѣхъ прежнихъ служащихъ для того, чтобы сдѣлать оборотъ на сумму, равную суммѣ всѣхъ 100 предпріятій, отдѣльно взятыхъ; не нужно же, въ самомъ дѣлѣ, держать 100 кассировъ или 100 бухгалтеровъ. Каждый служащій, будучи въ состояніи работать теперь безъ перерыва, сможетъ давать труда больше въ два или три раза и, слѣдовательно, замѣнитъ собою двухъ или трехъ работниковъ.

2) Экономія мѣста.

Чтобы имѣть въ магазинѣ или на фабрикѣ въ сто разъ больше мѣста, нѣтъ вовсе необходимости занимать въ сто разъ бо́льшую площадь или употреблять въ сто разъ больше матеріаловъ на постройку помѣщенія. Самое простое вычисленіе показываетъ, что когда объемы двухъ кубовъ относятся между собой, какъ 1 къ 1000, то отношеніе ихъ поверхностей выражается въ 1 къ 100. А, между тѣмъ, сто́ятъ-то только поверхности. Впрочемъ, и помимо математическаго расчета, наблюденіе показываетъ, что стоимость строенія или плата за наемъ помѣщенія возрастаетъ не пропорціонально занимаемому мѣсту. Самый маленькій въ Парижѣ магазинъ, ежедневные обороты котораго составляютъ 500 франковъ, платить 6—8.000 фр. въ годъ за наемъ помѣщенія. А плата за помѣщеніе магазина „Au Bon Marché“, продающаго ежедневно болѣе, чѣмъ на 500.000 фр., и дѣлающаго, слѣдовательно, въ тысячу разъ большіе обороты, далеко не въ тысячу разъ выше; въ такомъ случаѣ она поднялась бы до 6—8 милліоновъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она менѣе 1 милліона франковъ, что составляетъ, слѣдовательно, эквивалентъ двухдневной выручки.

3) Экономія капиталовъ.

Сильная паровая машина потребляетъ относительно гораздо меньше угля, чѣмъ болѣе слабая: разница можетъ подниматься отъ 1 до 10. Электрическое освѣщеніе стоитъ меньше, чѣмъ газовое, но только тогда, когда имъ пользуются для освѣщенія обширныхъ пространствъ; при примѣненіи же его въ малыхъ размѣрахъ оно

обходится дороже. Отбросы производства могутъ быть утилизированы только тогда, когда въ производствѣ участвуютъ огромныя массы матеріаловъ.

Оборотный капиталъ или оборотныя средства крупнаго магазина могутъ быть гораздо ограниченнѣе оборотнаго капитала маленькаго магазина по сравненію съ ихъ оборотами по слѣдующимъ двумъ основаніямъ: а) потому, что, покупая свои товары огромными партіями или даже непосредственно заказывая ихъ на фабрикѣ, крупный магазинъ меньше расходуетъ денегъ на заготовку ихъ; б) потому, что его товары остаются на полкахъ только нѣсколько дней или недѣль, вмѣсто того, чтобы валяться тамъ цѣлыми мѣсяцами и годами, какъ это бываетъ въ маленькихъ магазинахъ и, слѣдовательно, деньги его возвращаются значительно быстрѣе. Ясно, что капиталъ 100 эквивалентенъ капиталу 1000, если онъ оборачивается въ 10 разъ быстрѣе. При этомъ и для потребителей бо́льшая приманка, такъ какъ имъ будетъ предоставленъ выборъ болѣе свѣжихъ, болѣе модныхъ новинокъ сезона вслѣдствіе болѣе быстраго возобновленія запасовъ; в) и потому, наконецъ, что крупное предпріятіе достаетъ необходимый ему капиталъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ маленькое, ибо, обычно пользуясь большимъ кредитомъ, оно получаетъ его за болѣе низкій процентъ или учетъ.

Тенденція къ концентраціи очень хорошо объясняется поэтому выгодами, которыя она доставляетъ предпринимателямъ и даже обществу, ибо въ сущности всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы производительныя силы использовались наиболѣе экономнымъ образомъ.

Тѣмъ не менѣе, есть и оборотная сторона медали: если движеніе, которое мы только что изучили, будетъ и дальше такъ прогрессировать, предъ нами откроется перспектива постепеннаго исчезновенія съ экономическаго поприща всѣхъ, кто работаетъ на собственный рискъ и страхъ—мелкихъ ремесленниковъ, мелкихъ лавочниковъ, мелкихъ собственниковъ,—всѣхъ самостоятельныхъ производителей и переходъ ихъ, подъ видомъ приказчиковъ, въ служащихъ, въ наемниковъ, работающихъ на крупныя предпріятія, управляемыя капиталистами-милліардерами или анонимными обществами.

Поэтому-то, именно, сердцу соціалистовъ-марксистовъ и близокъ законъ концентраціи, который до настоящаго времени оста-

ется краеугольнымъ камнемъ ихъ доктрины. Они думаютъ, что въ тотъ моментъ, когда въ силу закона концентраціи всѣ орудія производства будутъ сосредоточены въ рукахъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, а всѣ независимые производители будутъ низведены до роли наемниковъ ихъ, все капиталистическое зданіе уподобится пирамидѣ, стоящей на своей вершинѣ! При малѣйшемъ толчкѣ эта пирамида опрокинется и встанетъ на свое основаніе. Достаточно будетъ экспропріировать этихъ нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ въ интересахъ всего общества, даже не прибѣгая ни къ какимъ измѣненіямъ въ самой организаціи производства. Коллективисты даже привѣтствуютъ трёсты, потому что въ нихъ они видятъ какъ бы вѣхи того царственнаго пути, который ведетъ прямо въ коллективизму [4]).

При этомъ они преисполнены неограниченнымъ презрѣніемъ къ мелкому производству, къ индивидуальному предпріятію. „Этотъ режимъ, говоритъ Карлъ Марксъ, исключаетъ концентрацію, кооперацію въ широкомъ масштабѣ, машинное производство, разумное господство человѣка надъ природой, согласованность и единство цѣлей, средствъ и усилій коллективной дѣятельности. Онъ совмѣстимъ лишь съ узко ограниченнымъ состояніемъ производства и общества. Увѣковѣчить режимъ изолированнаго производства значило бы декретировать во всемъ посредственность".

Мы позволимъ себѣ опротестовать этотъ нѣсколько поспѣшный приговоръ.

Режимъ мелкой промышленности (мы говоримъ не о домашней промышленности, которая сильно отличается отъ мелкой, – см. выше о домашней промышленности) значительно благопріятствовалъ бы установленію соціальнаго мира и справедливому распредѣленію богатствъ. Въ силу своей крайней простоты онъ устранялъ бы бóльшую часть тѣхъ конфликтовъ, которые возникаютъ нынѣ между различными классами, участвующими въ дѣлежѣ общественнаго продукта, главнымъ образомъ, между трудомъ и капиталомъ. Онъ

---

[4]) Это разсужденіе грѣшитъ недостаточностью наблюденія. Оно предполагаетъ, что концентрація прозводства и управленія всегда сопровождается концентраціей собственности. Оно представляетъ крупное предпріятіе въ видѣ спрута съ тысячей рукъ и съ одной головой, которую легко будетъ отсѣчь; но при этомъ забывается, что крупное предпріятіе, переходящее въ общества на акціяхъ, весьма часто имѣетъ столько же головъ, сколько и рукъ: концентрація производства сопровождается раздѣленіемъ собственности въ формѣ акцій и облигацій.

не установилъ бы царства абсолютнаго равенства — что́ было бы уже слишкомъ большимъ счастьемъ—но онъ почти не зналъ бы иного неравенства, кромѣ неравенства, вытекающаго изъ неодинаковой мощи земель и примѣняемыхъ въ производствѣ орудій, или, кромѣ того, неравенства, которое возникаетъ отъ удачъ или неудачъ, присущихъ всѣмъ человѣческимъ дѣламъ [5]).

Даже съ точки зрѣнія продуктивности мелкое производство ужъ не такое слабое и отсталое, какъ это думаютъ. Самостоятельные производители могутъ ассоціироваться и усвоить нѣкорые пріемы крупнаго производства и раздѣленія труда, не жертвуя ни своей независимостью, ни своей иниціативой, ни своей отвѣтственностью, ни своимъ личнымъ интересомъ, ни всѣми, словомъ, могущественными двигателями производства, которые коллективное предпріятіе всегда рискуетъ нѣсколько ослабить. Мы наблюдаемъ это во Франціи у крестьянъ въ земледѣльческихъ ассоціаціяхъ. Въ Германіи можно наблюдать то же самое у ремесленниковъ, организующихся въ товарищества для закупокъ сырья или для продажи своихъ продуктовъ сообща. Возможно также, что новые способы подачи на домъ двигательной силы съ помощью гидроэлектрическихъ сооруженій создадутъ для ремеслъ мелкой индустріи благопріятныя условія для удешевленія производства или даже поведутъ къ возникновенію новыхъ формъ мелкой индустріи. Нѣтъ необходимости конкуррировать крупной индустріи съ мелкой, но между ними можетъ установиться раздѣленіе труда.

Съ другой стороны, еще не доказано, что эволюція крупнаго производства даже въ предпріятіяхъ, наиболѣе склонныхъ къ концентраціи, можетъ быть безконечной. Напротивъ, вѣроятно, что эта эволюція не переступитъ извѣстныхъ предѣловъ. Ростъ соціальныхъ организацій, подобно росту живыхъ организмовъ, самой природой, повидимому, поставленъ въ опредѣленныя границы [6]). Уже нѣсколько лѣтъ, какъ крупные магазины, вродѣ парижскихъ Лувра или Au Bon Marché, повидимому, вступили въ стаціонарное состояніе. Это явленіе можно, впрочемъ, объяснить слѣдующимъ экономическимъ основаніемъ: за извѣстнымъ предѣломъ общая масса затратъ начинаетъ возрастать, вмѣсто того, чтобы

---

[5]) См. въ высокой степени безпристрастную и очень основательную книгу Brants, La petite industrie contemporaine.

[6]) См. Вильфредо Парето: „Курсъ политической экономіи“.

понижаться и, такимъ образомъ, о сбереженіи на затратахъ, обусловливаемомъ крупнымъ производствомъ, нѣтъ и помина [7]).

Во всякомъ случаѣ, факты, болѣе убѣдительные, чѣмъ разсужденія, ни въ коемъ случаѣ не говорятъ объ исчезновеніи мелкой индустріи или мелкой торговли, ни тѣмъ болѣе объ исчезновеніи мелкаго земледѣлія [8]). И это въ такой степени вѣрно, что часть марксистской школы, съ Бернштейномъ во главѣ, отказалась отъ пресловутаго закона концентраціи предпріятій.

III.

Спеціализація и интеграція промышленности.

Концентрація капиталовъ и рабочихъ рукъ—не единственная характерная черта крупной индустріи. Ей свойственны и другія двѣ черты: первая заключается въ томъ, что крупная промышленность все болѣе и болѣе стремится замыкаться въ предѣлахъ опредѣленной вѣтви производства, а вторая, на первый взглядъ противоположная первой, въ томъ, что крупная промышленность стремится захватить въ свои руки всѣ подсобныя отрасли промышленности, являющіяся лишь дополненіемъ къ тому главному производству, куда проникла крупная промышленность. Это и есть то, что называется спеціализаціей и интеграціей индустріи.

Ростъ спеціализаціи въ промышленности есть не что иное, какъ проявленіе закона раздѣленія труда, и объясняется она тѣми же причинами. Вполнѣ естественно, что предпринимателю, взявшемуся за производство исключительно одного какого-нибудь предмета, легче довести это производство до совершенства. Поэтому мы видимъ, напримѣръ, что производство часовъ не только составляетъ особую отрасль индустріи, но и въ предѣлахъ самой этой отрасли одни занимаются изготовленіемъ карманныхъ часовъ,

---

[7]) Нынѣ начинаютъ признавать, что общія затраты въ крупной, равно какъ и мелкой индустріи, приблизительно одинаковы не потому, что указанныя выше причины сбереженія на нихъ не основательны, а потому, что онѣ компенсируются другими причинами, дѣйствующими въ противоположномъ направленіи; сюда надо отнести затраты на публикаціи, по надзору, утечкѣ и т. д.

[8]) См. въ „Курсѣ“ гл. о промышленной эволюціи въ земледѣліи.

другіе—часовъ съ боемъ, третьи—будильниковъ, да и въ самой отрасли производства карманныхъ часовъ одинъ фабрикантъ занятъ изготовленіемъ хронометровъ а другой — дешевыхъ, изготовляемыхъ механическимъ путемъ. То же самое наблюдается и въ области торговли въ крупныхъ городахъ: одни магазины торгуютъ исключительно бронзой, другіе—корзинами, третьи—чемоданами и дорожными вещами и т. д.

Но на ряду съ этой растущей спеціализаціей наблюдается также и другое, нѣсколько странное и какъ бы противоположное спеціализаціи, явленіе: нѣкоторые фабрики и магазины умножаютъ вѣтви своей промышленности или отдѣленія продажъ.

Въ области крупной индустріи нынѣ становятся все болѣе и болѣе многочисленными такія производства, которыя вбираютъ въ себя всѣ предварительныя или послѣдовательныя по отношенію къ основному производству операціи. Шоколадная фабрика, напримѣръ, можетъ имѣть мастерскую для изготовленія упаковочныхъ ящиковъ, коробочную мастерскую и типографію для изготовленія коробокъ и этикетокъ, а, можетъ быть, даже и плантаціи для насажденій какао гдѣ-нибудь за моремъ и корабли для перевозки какао. Шерстопрядильня можетъ имѣть химическій заводъ для разработки жировыхъ веществъ, извлекаемыхъ изъ шерсти, и даже мыловарню для приготовленія изъ нихъ мыла. Утилизація отбросовъ производства является, какъ мы видѣли, одной изъ причинъ превосходства крупной индустріи.

Въ торговлѣ это явленіе еще нагляднѣе. О немъ свидѣтельствуетъ предваряемое необычайной рекламой появленіе крупныхъ магазиновъ, называемыхъ базарами, гдѣ покупатель можетъ найти абсолютно все, что ему требуется,—не только всякую вещь изъ платья и мебели, какъ, напримѣръ, въ Луврѣ или Au Bon Marché, но даже, если угодно, слона, какъ, напримѣръ, въ лондонскомъ Wetheley, получившемъ названіе универсальнаго поставщика (universal provider).

Противорѣчіе между этими двумя тенденціями въ крупной индустріи лишь кажущееся. Интеграція не мѣшаетъ спеціализаціи. На фабрикѣ каждая мастерская, въ магазинѣ каждое отдѣленіе имѣютъ свою спеціальность и свою автономію. Во всякомъ крупномъ магазинѣ есть отдѣленіе шелковыхъ товаровъ, отдѣленіе бѣлья, ковровъ и въ каждомъ изъ нихъ свой служащій персоналъ и свои покупатели. Вся разница только въ томъ, что, вмѣсто

того, чтобы быть разбросанными по разнымъ рукамъ, они сгруппированы подъ однимъ управленіемъ и оказываютъ другъ другу взаимную поддержку. Интеграція производства есть не что иное, какъ высшая ступень спеціализаціи,—кооперированная спеціализація [9]).

IV.

Кустарная промышленность.

Кустарная промышленность составляетъ исключеніе изъ закона концентраціи. Рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, которыя не только не доразвились до фабричнаго способа производства, но и иногда, вслѣдствіе какого-то неожиданнаго регресса, вернулись послѣ разложенія фабричнаго производства на домъ.

Такой способъ производства остается, главнымъ образомъ, въ индустріи по изготовленію одежды (бѣлья, платья, вязаныхъ издѣлій, перчатокъ, кружевъ и пр.), а также въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ, какъ, напримѣръ, въ игрушечномъ дѣлѣ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже какъ будто бы расширяется. Между тѣмъ, производство одежды какъ будто изъ такихъ производствъ, которое наилучшимъ образомъ приспособляется къ машинному производству и раздѣленію труда, и для котораго, слѣдовательно, какъ будто бы предпочтительнѣе фабричный способъ. Правильно и вполнѣ вѣроятно, что за нимъ въ конечномъ счетѣ и останется послѣднее слово. Но, съ другой стороны, сопротивленіе кустарной

---

[9]) Не надо смѣшивать спеціализацію съ локализаціей промышленности, хотя между этими двумя тенденціями есть нѣкоторое родство. Локализація есть тенденція нѣкоторыхъ отраслей промышленности сосредоточиваться въ одной и той же области: шелковое производство, напр., въ Ліонѣ, шерстяное въ Рубэ, производство часовъ—въ департаментѣ Юры, аллюминіевое—въ Дофинэ и т. д. Ясно, что пока фабрики какой-нибудь одной и той же отрасли производства работаютъ на мѣстный рынокъ, для нихъ выгоднѣе быть возможно дальше другъ отъ друга. Но съ того времени, какъ онѣ начинаютъ работать для вывоза, онѣ заинтересованы въ томъ, чтобы быть поближе другъ къ другу, ибо взаимная конкурренція ихъ отъ этого нисколько не усиливается, а между тѣмъ нѣкоторыя выгоды получаются: или отъ того, что онѣ всѣ такимъ образомъ находятся вблизи извѣстныхъ источниковъ сырья и двигательной силы, или отъ того, что такимъ образомъ создается громадный рынокъ, привлекающій больше покупателей.

промышленности въ этой отрасли можно легко объяснить слѣдующими причинами:

1) Потому что дѣло касается продуктовъ небольшого размѣра—одежды или частей ея,—производство коихъ не требуетъ ни большого мѣста, ни большой механической силы, и которые, слѣдовательно, могутъ быть очень хорошо изготовлены въ комнатѣ, рукой, или небольшой машиной (швейной), или при помощи небольшого электрическаго или газоваго двигателя въ $^1/_4$ лошадиной силы и даже еще меньше [10]). Не слѣдуетъ смѣшивать промышленность по изготовленію одежды съ текстильной промышленностью.

Съ другой стороны, раздѣленіе труда можетъ быть очень хорошо организовано при режимѣ кустарной промышленности путемъ распредѣленія между рабочими или работницами внѣ фабрики различныхъ частей продукта, которыя впослѣдствіи соединяются вмѣстѣ.

2) Потому что производство на дому очень цѣнится многими рабочими за ту независимость, которую оно предоставляетъ; эта независимость для нихъ столь дорога, что они не боятся оплачивать ее путемъ пониженія заработной платы. Обыкновенно для того, чтобы заработать столько же, сколько они заработали бы на фабрикѣ, имъ приходится работать больше, но зато они работаютъ, когда хотятъ, и располагаютъ своимъ временемъ по своему усмотрѣнію. А что касается въ особенности женщинъ, то работа на дому представляетъ для нихъ удобство совмѣщенія ея съ работами по хозяйству и уходу за дѣтьми.

Иногда же, когда дѣло идетъ о трудѣ для женщинъ, послѣднія выполняютъ его въ свободныя минуты и требуютъ лишь подсобной платы, которая, несмотря на всю свою ничтожность, вмѣстѣ съ платой или жалованьемъ мужа, нѣсколько округляетъ семейный бюджетъ. [11]).

3) Потому что хозяева въ свою очередь находятъ въ кустарной промышленности огромную выгоду: а) вслѣдствіе сбереженія

---

10) А иногда, когда дѣло касается продуктовъ роскоши—кружевъ, бѣлья и т. д.—то покупатель даже и не беретъ такихъ продуктовъ, которые изготовлены машиннымъ способомъ.

11) Бываетъ даже и такъ, что жены или дочери служащихъ или мелкихъ чиновниковъ, живущихъ относительно безъ нужды, принимаютъ работу на домъ и выполняютъ ее тайно отъ своихъ мужей или отцовъ.—См. опубликованный Управленіемъ Труда томъ о L'industrie à domicile.

на затратахъ по постройкѣ фабрики и дорого стоящаго оборудованія ея; б) вслѣдствіе возможности обойти законы, регламентирующіе трудъ, и избѣгнуть надзора со стороны фабричныхъ инспекторовъ; в) вслѣдствіе возможности платить низшую заработную плату по только-что указаннымъ соображеніямъ. Эти выгоды могутъ значительно превышать тѣ, которыя получились бы отъ крупнаго фабричнаго производства, и ихъ однѣхъ достаточно было бы для объясненія живучести или даже распространенія домашняго способа производства [12]).

Однако, какъ бы домашняя промышленность ни была въ нѣкоторыхъ случаяхъ безобидной, а иногда даже и благодѣтельной, все-таки, весьма часто она ведетъ къ послѣдствіямъ, гибельнымъ для заработной платы и даже для здоровья рабочихъ, и нынѣ во всѣхъ странахъ представляется одной изъ самыхъ серьезныхъ и самыхъ трудныхъ для разрѣшенія соціальныхъ проблемъ. Но для объясненія этого надо поподробнѣе анализировать то, что называется домашней промышленностью, ибо она обнимаетъ весьма различные способы производства.

Прежде всего, когда рѣчь идетъ о такомъ работникѣ, который работаетъ у себя на свой маленькій капиталъ и за свой собственный рискъ, работникѣ, котораго нѣкогда называли ремесленникомъ, человѣкомъ, имѣющимъ свое ремесло (какъ, напримѣръ, сапожникъ, слесарь, переплетчикъ, живописецъ, кузнецъ и т. д.), то въ такомъ положеніи во многихъ отношеніяхъ слѣдуетъ видѣть идеалъ рабочей жизни.

Что касается человѣка, работающаго у себя, но не на какого-нибудь хозяина, то положеніе его хуже. Все-таки, даже и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ полагать, что выгоды независимаго положенія перевѣшиваютъ вредъ отъ заработной платы, стоящей ниже средней, потому что сами рабочіе предпочитаютъ такой режимъ фабричному, какъ, напримѣръ, ліонскіе или сенъ-этьенскіе ткачи, часовщики французской и швейцарской Юры и т. д. Такой рабочій занимаетъ среднее положеніе между наемникомъ и самостоятель-

[12]) Отчеты фабричныхъ инспекторовъ за послѣдніе годы неоднократно отмѣчали случаи перехода отъ фабричнаго производства къ домашнему и объясняли ихъ только-что указанными причинами и, въ особенности, второй причиной. Однако, теперь, кажется, хозяева признаютъ, что при всестороннемъ подсчетѣ фабричное производство оказывается для нихъ болѣе выгоднымъ.—См. нѣкоторыя интересныя заявленія хозяевъ въ только-что указанной анкетѣ.

нымъ производителемъ. Онъ отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что никогда не имѣетъ своего сырья, а иногда и инструментовъ, особенно же тѣмъ, что продаетъ свой продуктъ не непосредственно покупателямъ, а своему хозяину.

Однако, когда идетъ рѣчь о поденной работѣ и, какъ таковой, оплачиваемой жалкой цѣной, лицо, которое берется за нее—чаще всего женщина—должно бы сознавать вредъ, причиняемый имъ настоящимъ рабочимъ, для которыхъ эта работа составляетъ единственный источникъ существованія и на которыхъ непосредственно отражается конкурренція такого домашняго труда.

Но трудъ на дому становится ужаснымъ для рабочаго, работающаго за счетъ подрядчика (sous-entrepreneur). А такое положеніе встрѣчается очень часто и составляетъ даже нормальное явленіе въ большинствѣ предпріятій по изготовленію платья.

Въ самомъ дѣлѣ, когда дѣло идетъ о болѣе или менѣе значительномъ предпріятіи, самъ хозяинъ не располагаетъ ни временемъ, ни средствами для того, чтобы ходить и вербовать каждаго нужнаго ему рабочаго: безъ посредника онъ не можетъ обойтись. Между тѣмъ, вмѣшательство послѣдняго обыкновенно ведетъ къ уменьшенію заработной платы, ибо посредникъ свою собственную прибыль взимаетъ съ платы рабочихъ, что, впрочемъ, не значитъ, что онъ сколачиваетъ себѣ такимъ образомъ состояніе: онъ самъ часто несетъ тяжелый трудъ и зарабатываетъ не больше своихъ рабочихъ. Мало этого: если подрядчикъ заставляетъ рабочихъ работать у себя, тогда для послѣднихъ это уже не будетъ работой на дому,—это будетъ работа въ мастерской, но въ мастерской тѣсной, грязной, являющейся гнѣздомъ туберкулеза и заразныхъ болѣзней, стоящей внѣ всякой защиты со стороны рабочаго законодательства. Въ такихъ-то вотъ условіяхъ работа на дому и становится именно тѣмъ, что называется sweating system (потогонной системой), системой, состоящей въ выжиманіи изъ рабочаго всего, что только онъ можетъ дать.

Вопросъ о работѣ на дому въ такомъ видѣ особенно сильно взволновалъ общественное мнѣніе, тѣмъ болѣе, что указывалось на опасность, которой грозятъ здоровью покупателей зараженные продукты, исходящіе изъ этихъ вертеповъ, и предлагались различныя мѣры, дѣйствительность которыхъ, къ сожалѣнію, весьма сомнительна. Подведеніе этихъ мастерскихъ подъ рубрику фабрикъ, съ точки зрѣнія закона о защитѣ рабочихъ и контроля фабрич-

ныхъ инспекторовъ, было бы практически почти неосуществимо, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы до чрезвычайности увеличить число инспекторовъ, что́, все-таки, не разрѣшало бы вопроса, такъ какъ фабричный надзоръ весьма часто былъ бы не въ состояніи отличить мастерскую подрядчика, которую желательно было бы настигнуть, отъ семейной мастерской, къ которой слѣдуетъ, все-таки, относиться бережно независимо отъ того, кому она принадлежитъ: бѣдному или богатому человѣку. Самымъ дѣйствительнымъ, хотя и носящимъ только моральную санкцію, средствомъ является мѣра, предусмотрѣнная англійскимъ закономъ и проектомъ французскаго закона, и предписывающая хозяину вносить въ особый списокъ имена и адреса рабочихъ, занятыхъ его работой на дому, заработную плату, которую онъ уплачиваетъ имъ, и другія условія труда. Самымъ же дѣйствительнымъ средствомъ является контроль со стороны соціальныхъ лигъ покупателей.

ГЛАВА IV.

Ассоціація въ производствѣ.

I.

Ассоціаціи труда.

„Сегодня, въ Великій Пятокъ,—писалъ Фурье въ 1818 году,—я открылъ тайну всемірной ассоціаціи“. Фурье хвасталъ; онъ, конечно, не открылъ ассоціаціи,—хотя и изобразилъ ее съ исключительнымъ талантомъ,—ибо ассоціація не относится къ разряду тѣхъ явленій, которыя нужно открывать: она сама бросается всѣмъ въ глаза. Ассоціація, вѣроятно, представляетъ собой самый общій изъ всѣхъ управляющихъ вселенной законовъ, поскольку она проявляется не только въ отношеніяхъ людей, живущихъ обществами, но также въ связяхъ, соединяющихъ міры въ солнечныя системы и молекулы или клѣтки въ неорганизованныя или организованныя тѣла, и даже въ логическихъ связяхъ, позволяющихъ намъ мыслить. Животныя также знаютъ законы ассоціаціи,

и нѣкоторыя изъ нихъ,—какъ, напримѣръ, пчелы, муравьи, бобры, —благодаря организаціи своихъ обществъ, были для людей во всѣ времена неистощимымъ источникомъ поученія и предметомъ удивленія.

Ассоціація примѣняется для достиженія всякихъ цѣлей, но мы займемся здѣсь ассоціаціей въ производствѣ, принимая ее не въ томъ смыслѣ, какой она обыкновенно носитъ, т.-е. не въ смыслѣ договорной [1]) ассоціаціи, а въ самомъ широкомъ смыслѣ группировки отдѣльныхъ лицъ ради общей цѣли. Въ этомъ смыслѣ она необходима людямъ для работъ, превышающихъ одиночныя силы, хотя бы дѣло шло только о поднятіи груза, а также для такихъ работъ, которыя, вслѣдствіе неразрывной связи между ними, должны быть выполняемы непремѣнно вмѣстѣ,—таковы, напримѣръ, работы сѣятеля и пахаря (послѣдній идетъ за первымъ, чтобы зарывать зерно) или машиниста и кочегара на одномъ и томъ же локомотивѣ. Раздѣленіе труда, какъ мы видѣли, всегда предполагаетъ сознательную или безсознательную ассоціацію.

Ассоціація людей проходила черезъ слѣдующія три фазы:

1) Прежде всего, она была инстинктивной, совершенно такой же, какъ у животныхъ. Люди инстинктивно группируются не только для борьбы, но и для работы и игры: люди не любятъ ни работъ, ни игры въ одиночествѣ. Половой инстинктъ тоже создалъ самую естественую и, навѣрное, первую ассоціацію,—ассоціацію мужчины, женщины и дѣтей. Можетъ быть, скажутъ, что такая ассоціація вовсе не носитъ экономическаго характера. Это невѣрно. Напротивъ, бракъ или, лучше сказать, семейный очагъ,

---

[1]) Хотя выраженія ассоціація и общество употребляются въ разговорной рѣчи, какъ синонимы, однако, законъ устанавливаетъ существенное различіе между ними. Въ понятіи общества предполагается цѣлью достиженіе прибыли, дѣлежъ барышей, тогда какъ понятіе ассоціаціи, напротивъ, исключаетъ такую цѣль и, слѣдовательно, относится къ группировкамъ, преслѣдующимъ какой-нибудь соціальный, религіозный, политическій и т. д. идеалъ. Однако, обыденная рѣчь не всегда считается съ такимъ юридическимъ различеніемъ, и потому говорятъ, напримѣръ: „общества взаимовспоможенія", хотя такія общества имѣютъ цѣлью только взаимную помощь.

Однако, отмѣтимъ, что вопреки тому, что можно было бы на первый взглядъ ожидать, законодатель всегда очень недовѣрчиво относился къ ассоціаціямъ, не преслѣдующимъ наживы, и даже, какъ во Франціи, напримѣръ, запрещалъ ихъ до самаго недавняго времени (1901 г.), тогда какъ онъ все время благоволилъ къ обществамъ съ цѣлями наживы.

повидимому, былъ сначала по преимуществу экономической ассоціаціей. Когда спрашивали у индѣйцевъ Сѣверной Америки, зачѣмъ они женятся, они отвѣчали: „Наши жены ходятъ за дровами, за водой, за пищей и носятъ всякіе наши пожитки". Весьма также вѣроятно, что это экономическое основаніе брачнаго союза сообщило ему тотъ характеръ длительности, котораго онъ не получилъ бы ни отъ полового, ни даже отъ родительскаго инстинкта.

2) Затѣмъ ассоціація стала принудительной, сначала въ формѣ рабства. Мы уже говорили, что рабство надо разсматривать, какъ простое расширеніе первобытной семьи, опредѣляемое экономическими причинами,—потребностью составить болѣе сильную ассоціацію. Нечему, впрочемъ, удивляться, если въ тѣ времена, когда даже женщины часто доставались, какъ плодъ побѣды (похищеніе сабинянокъ), завоеваніе также приводило въ семью постороннихъ работниковъ. Въ концѣ-концовъ они обыкновенно становились пріемными членами семьи: указаніе на это можно видѣть какъ въ греческихъ трагедіяхъ, появившихся за 2500 лѣтъ до насъ, такъ и въ разсказахъ путешественниковъ въ современномъ Марокко.

Путемъ такой кооперативной ассоціаціи люди давнопрошедшихъ эпохъ, запрягаемые вмѣстѣ цѣлыми сотнями и подвигавшіеся впередъ размѣреннымъ шагомъ, въ тактъ, подъ звуки мѣднаго инструмента, которымъ управлялъ нѣкто, вродѣ дирижера оркестра (какъ мы видимъ это на египетскихъ барельефахъ), могли воздвигать египетскія пирамиды или приводить въ движеніе галеры о трехъ или четырехъ рядахъ веселъ.

Ассоціація становится менѣе принудительной съ появленіемъ крѣпостничества, поскольку, по крайней мѣрѣ, ослабляются связи между хозяиномъ и работникомъ. Но ассоціація между работникомъ и землей, напротивъ, становится здѣсь, тѣснѣе, ибо, какъ извѣстно, отличительной чертой крѣпостничества является принудительная связь крѣпостного съ землей.

При цеховомъ строѣ ассоціація сохраняетъ еще полупринудительный характеръ. Она обязательна въ томъ смыслѣ, что никто не можетъ заниматься какимъ-нибудь трудомъ, не состоя въ корпораціи, въ вѣдѣніе которой перешелъ данный родъ дѣятельности, и не подчиняясь регламентамъ, изданнымъ цехомъ или впослѣдствіи правительствомъ. Но такая обязанность составляетъ уже привилегію, а не крѣпостное положеніе.

Быть допущеннымъ въ ассоціацію ремеслъ, называемую цехомъ, считается преимуществомъ и почетомъ. Доступъ туда открывается только послѣ долгихъ лѣтъ ученичества и по выдержаніи экзамена, состоящаго въ выполненіи какого-нибудь шедевра. Впослѣдствіи шедевръ былъ замѣненъ дипломомъ, за который съ теченіемъ времени приходилось платить все болѣе и болѣе высокую цѣну, и доступъ въ цехъ открывался не столько благодаря технической выучкѣ, сколько благодаря деньгамъ, рекомендаціи или родственнымъ связямъ съ мастерами. Такъ образовалась въ отношеніяхъ между рабочимъ и хазяиномъ трещина, которая постепенно должна была превратиться въ пропасть. Рабочіе—подмастерья (compagnons или varlets, какъ ихъ тогда называли) увидѣли предъ собой закрытымъ доступъ къ мастерству, т.-е. къ независимому производству, и были окончательно осуждены оставаться простыми наемниками. Тогда-то корпораціямъ, ставшимъ исключительно корпораціями мастеровъ (les maîtrises, какъ говорили тогда), они противопоставили ассоціаціи, составившіяся исключительно изъ рабочихъ, братства (compagnonnages), сыгравшія въ исторіи рабочихъ классовъ великую роль.

3) Такимъ образомъ, эволюція, которая, казалось, должна была въ средніе вѣка объединить капиталъ и трудъ въ одной ассоціаціи, не удалась. Тѣмъ не менѣе, она привела къ новой формѣ ассоціаціи, обозначаемой нынѣ именемъ предпріятія (техническій терминъ въ словарѣ политической экономіи), т. е. къ соединеніямъ болѣе или менѣе значительнаго числа индивидуумовъ, изъ которыхъ одинъ, хозяинъ, доставляетъ капиталъ, орудія, землю, а другіе, наемники, рабочую силу.

Не есть ли это договорная и свободная ассоціація и не составляетъ ли она окончательнаго завершенія — за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ деталей, которыя подлежатъ усовершенствованію—соціальной эволюціи? Это именно утверждаетъ классическая школа. Достойно, однако, замѣчанія то обстоятельство, что рабочіе не чувствуютъ ни малѣйшаго желанія ассоціироваться съ хозяиномъ въ общемъ дѣлѣ; хотя на дѣлѣ они ассоціируются съ хозяиномъ въ производствѣ, но они ничуть не ассоціированы съ нимъ въ управленіи и въ распредѣленіи. Не только они не ассоціированы съ нимъ въ точномъ и юридическомъ смыслѣ слова общество, но даже является вопросъ, состоятъ ли они вообще въ какихъ-нибудь юридически-договорныхъ отношеніяхъ съ хо-

зяиномъ, отношеніяхъ найма или подряда? Ибо на дѣлѣ, такъ называемый, „рабочій договоръ“ есть не что иное, какъ техническое выраженіе, обозначающее вербовку рабочихъ.

Однако, ниже мы увидимъ, что нынѣ законъ стремится придать договору найма характеръ договора со взаимными обязательствами для сторонъ путемъ предоставленія рабочимъ права участія въ составленіи „правилъ внутренняго распорядка“ въ мастерскихъ или путемъ возложенія на виновную сторону убытковъ за нарушеніе обязательствъ; да и сами договаривающіяся стороны, хозяева и рабочіе, стремятся сообщить ему нѣкоторыя черты, свойственныя понятію общества въ собственномъ смыслѣ, путемъ введенія въ него нѣкоторыхъ условій, о чемъ мы скажемъ ниже, какъ, напримѣръ, условіе объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ.

4) Наконецъ, нельзя ли надѣяться, что эта несовершенная ассоціація, называемая предпріятіемъ, въ свою очередь, уступитъ мѣсто послѣдней фазѣ,—свободной и интегральной ассоціаціи, т. е. такой ассоціаціи, которая будетъ охватывать какъ управленіе и распредѣленіе, такъ равно и производство, и въ которой каждый будетъ ясно сознавать, что онъ участвуетъ въ коллективномъ дѣлѣ, и будетъ имѣть твердое желаніе сотрудничать въ немъ?

Да, это возможно, поскольку такая форма ассоціаціи уже существуетъ подъ именемъ кооперативной производственной ассоціаціи. Это—ассоціація рабочихъ, производящихъ на свои собственныя средства, за свой собственный рискъ и сохраняющихъ для себя весь продуктъ своего труда. Но такъ какъ этотъ строй имѣетъ цѣлью уничтоженіе наемнаго труда, то лучше будетъ говорить о немъ ниже въ соотвѣтствующей главѣ. Скажемъ только, что такая форма предпріятія занимаетъ еще лишь ничтожное мѣсто и распространяется очень медленно.

II.

Ассоціаціи капиталовъ.

Изъ того, что мы только-что сказали, вытекаетъ, что свободной ассоціаціи труда въ истинномъ смыслѣ этого слова почти еще не существовало на землѣ. Но не то нужно сказать объ ассоціаціи

капитала. Даже въ формѣ орудія производства капиталъ надѣленъ неограниченной подвижностью и легкостью перемѣщенія, чего лишенъ трудъ, а съ развитіемъ кредита его подвижность растетъ съ каждымъ днемъ. Для того, чтобы работники или землевладѣльцы могли объединиться въ какое-нибудь производительное предпріятіе, необходимо, чтобы это предпріятіе зародилось въ ихъ мѣстности, и ужъ съ этого момента оно можетъ объединить только лицъ, живущихъ въ той же области. Трудъ перемѣщается только вмѣстѣ съ личностью работника, который не легко снимается съ мѣста, гдѣ онъ жилъ, а что касается земли, то она неподвижна. Только капиталъ надѣленъ орлиными крыльями и можетъ мчаться изъ края въ край по всему міру, гдѣ только завидитъ какую-либо прибыль.

Всякій разъ, какъ предпріятіе принимаетъ значительные размѣры—а мы сейчасъ увидимъ, что такова общая тенденція—предприниматель одинъ не въ состояніи снабдить его капиталами въ достаточномъ количествѣ и соотвѣтственно числу рабочихъ и даже не въ состояніи доставить ему необходимый ручной трудъ. Въ такомъ случаѣ соединяется болѣе или менѣе значительное число капиталистовъ, чтобы доставить необходимые капиталы, и предпріятіе возникаетъ въ формѣ, такъ называемаго, о б щ е с т в а н а а к ц і я х ъ,—въ формѣ, впервые появившейся въ Голландіи въ XVII столѣтіи и чрезвычайно размножающейся въ наше время, по крайней мѣрѣ, въ торговлѣ и промышленности.

Характерной чертой этой формы общества является то, что необходимый для предпріятія капиталъ раздробленъ на весьма незначительныя доли — по 500 франковъ во Франціи, по 25 франковъ [2]) (одинъ фунтъ стерлинговъ) въ Англіи — которыя называются а к ц і я м и, иначе говоря, частями собственности въ акціонерномъ обществѣ [3]). Такъ, напримѣръ, какое-нибудь общество съ капиталомъ въ 50 милліоновъ выпускаетъ 100.000 акцій французскаго или 2 милліона акцій англійскаго типа. И каждый можетъ

---

[2]) Во Франціи акція тоже можетъ быть понижена до 25 франковъ, когда капиталъ общества не превышаетъ вначалѣ 200.000 франковъ.

[3]) По закону акція не есть часть общей собственности въ капиталѣ общества, ибо послѣдній не находится въ положеніи общей нераздѣленной между всѣми членами собственности, а принадлежитъ юридическому лицу, каковымъ является само общество и каковое не слѣдуетъ смѣшивать съ отдѣльной личностью членовъ. Но это только юридическая фикція.

взять, сколько пожелаетъ, сообразуясь со своимъ имущественнымъ положеніемъ или со степенью довѣрія, которое онъ питаетъ къ предпріятію,— даже одну, если угодно. Само собою разумѣется, что изъ прибылей предпріятія онъ получитъ лишь часть, соотвѣтствующую количеству своихъ акцій,—то, что называется дивидендомъ. Но что особенно соблазняетъ акціонера, такъ это то, что его отвѣтственность и рискъ тоже ограничены суммой подписанныхъ имъ акцій, — существенное отличіе отъ другихъ обществъ. Въ Англіи тоже установленное закономъ выраженіе limited характеризуетъ всякое общество на акціяхъ. Это сведеніе риска къ безконечно малой долѣ допускало образованіе весьма ненадежныхъ предпріятій. Никогда не были бы созданы желѣзныя дороги, никогда не былъ бы прорытъ Суэзскій каналъ, если бы не была придумана форма обществъ на акціяхъ [4]).

Впрочемъ, для привлеченія крупныхъ или мелкихъ капиталистовъ въ распоряженіи этихъ обществъ имѣются и другіе, помимо обыкновенной акціи, способы участія. Осторожнымъ капиталистамъ, ищущимъ, главнымъ образомъ, обезпеченности помѣщенія денегъ и правильности въ поступленіи дохода, они предлагаютъ облигаціи, которыя (цѣнность обыкновенно та же—500 франковъ) отличаются отъ акцій тѣмъ, что онѣ даютъ право на постоянный доходъ, который называется процентомъ (interet) и который уплачивается всегда, независимо отъ плохого или хорошаго года. Слѣдовательно, облигаціонеръ есть настоящій кредиторъ, рискующій только въ случаѣ несостоятельности общества; впрочемъ, даже и въ такомъ случаѣ ему платятъ раньше акціонера. Самымъ смѣлымъ капиталистамъ, наоборотъ, большинство обществъ предлагаетъ учредительскія части, которыя даютъ право на нѣкоторую долю прибылей, поднявшихся сверхъ опредѣленной цифры, и по удовлетвореніи акціонеровъ, такъ что на учредительскія части подписываются тѣ лица, которыя вѣрятъ въ будущность предпріятія.

Общества на акціяхъ получили во всѣхъ странахъ такое чудо-

---

[4]) Ни одинъ капиталистъ, какъ бы онъ не былъ богатъ, не далъ бы и не могъ бы дать 1300 милліоновъ компаніи Лессепса на прорытіе Панамскаго перешейка, вслѣдствіе сопряженнаго съ этимъ предпріятіемъ риска, тогда какъ распредѣленный на безконечно малыя доли этотъ рискъ не испугалъ даже малоимущихъ лицъ, и, дѣйствительно, огромный крахъ этой компаніи повлекъ за собою разореніе только небольшого числа лицъ.

вищное развитіе, что они повсюду стремятся стать нормальнымъ способомъ производства. Ежегодно возникаютъ тысячи акціонерныхъ обществъ, объединяющихъ милліарды капиталовъ. Правда, изъ нихъ не всѣ новыя предпріятія; многія изъ нихъ еще недавно были индивидуальными предпріятіями, а теперь превращаются въ общества на акціяхъ [5]).

Обыкновенно, у акціонерныхъ обществъ бываетъ и другая характерная для нихъ черта: они—анонимны; это значитъ, что они представляютъ изъ себя не ассоціацію лицъ, подобно ассоціаціямъ труда или кооперативамъ, разсматриваемымъ въ слѣдующей главѣ, а ассоціацію капиталовъ. Конечно, у этихъ капиталовъ есть собственники, но ими не интересуются. Можно еще знать ихъ имена, когда акціи именныя, но если акціи на предъявителя, что теперь бываетъ все чаще и чаще, то анонимность общества становится полной. Такое общество верхъ совершенства капиталистической ассоціаціи, — ассоціація денежныхъ мѣшковъ на мѣсто ассоціаціи людей!

Все-таки, долженъ кто-нибудь управлять обществомъ? Несомнѣнно. Есть небольшое число администраторовъ, образующихъ правленіе съ предсѣдателемъ во главѣ, но ихъ отвѣтственность ограничивается размѣромъ ихъ вкладовъ. На нихъ возлагается управленіе дѣлами общества. Они избираются на общемъ собраніи акціонеровъ и одинъ разъ въ годъ отдаютъ отчетъ въ своей дѣятельности; впрочемъ, при этомъ едва ли возможенъ какой-нибудь дѣйствительный контроль со стороны акціонеровъ.

Но, создавая колоссальныя предпріятія путемъ концентраціи капиталовъ, акціонерное общество вноситъ переворотъ не только въ производство богатствъ; оно стоитъ также на пути къ революціонизированію распредѣленія при посредствѣ пріема, кажущагося на первый взглядъ противоположнымъ первому, а, именно, при посредствѣ разсѣиванія собственности на капиталы среди безконечнаго количества долей. Мы встрѣтимся съ этимъ въ кн. III.

Не безъ основанія можно полагать, что такія могущественныя организаціи небезопасны, въ особенности, когда онѣ принимаютъ,

---

[5]) Въ началѣ 1907 г. во всемъ мірѣ существовало болѣе 730 милліардовъ клочковъ пущенныхъ въ оборотъ бумагъ, называвшихся рентами, акціями, облигаціями, частями процента и т. д.; изъ нихъ около 100 милліардовъ принадлежитъ французамъ.

какъ мы сейчасъ увидимъ, форму трёстовъ; но и безъ этого онѣ опасны для публики, которую онѣ заманиваютъ обѣщаніями прибыли при очень ограниченномъ рискѣ. Легкость, съ которой самыя невѣроятныя предпріятія, организующіяся на акціонерныхъ началахъ, могли находить довѣрчивыхъ и охваченныхъ энтузіазмомъ подписчиковъ, съ давнихъ поръ констатирована и ежедневно находитъ себѣ трагикомическія иллюстраціи. Даже тогда, когда дѣло идетъ о дѣйствительно производительныхъ предпріятіяхъ, публика весьма часто вводится въ заблужденіе относительно настоящаго капитала путемъ вздутія цѣнности его. Такъ, какое-нибудь горнозаводское или электрическое предпріятіе, дѣйствительная цѣнность котораго въ одинъ милліонъ, предлагается публикѣ въ формѣ 10.000 акцій по 500 франковъ, что составляетъ цѣнность въ 5 милліоновъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ такой пріемъ обыченъ, говорятъ въ такихъ случаяхъ, что капиталъ орошается (watered). Бѣшеная реклама вздуваетъ курсъ бумагъ въ моментъ выпуска ихъ. Фиктивные дивиденды, взятые изъ позаимствованнаго капитала, поддержатъ его, можетъ быть, еще 1—2 года, пока учредители не избавятся отъ акцій и, реализовавъ ихъ цѣнность, не бросятъ дѣла на произволъ судьбы.

Поэтому мы воздержались бы присоединиться къ мнѣнія нѣкоторыхъ экономистовъ, думающихъ, что анонимному обществу предопредѣлено не только стать типичной формой всѣхъ предпріятій, но и распространиться на всѣ области человѣческой дѣятельности [6]). Мы отказались бы видѣть въ немъ такую форму организаціи, которой принадлежитъ будущее. Его анонимность, т. е. какъ разъ тотъ фактъ, что оно объединяетъ только капиталы, а не индивидуальности, и устраняетъ почти всякую отвѣтственность, намъ представляется скорѣе причиной его несовершенства, если не экономическаго, то, во всякомъ случаѣ, моральнаго. Мы надѣемся, что ассоціація скорѣе приметъ форму кооператива, объединяющаго всѣхъ сотрудниковъ, работниковъ, капиталистовъ, а также и покупателей, на основѣ болѣе солидарныхъ и личныхъ отношеній.

---

[6]) Главнымъ образомъ, Молинари развивалъ это положеніе во всѣхъ своихъ работахъ особенно же въ своей очень интересной книгѣ: L'Évolution économique au XIX siècle. По его мнѣнію, общественная служба, полиція, народное образованіе и т. д., даже государства, отечество, примутъ форму акціонерныхъ обществъ!

III.

Трёсты и картели.

За послѣдніе годы ассоціаціи капиталистовъ приняли колоссальные размѣры, что́ сильно поразило и даже обезпокоило правительства. Мы хотимъ говорить о трёстахъ и картеляхъ, какъ ихъ называютъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Германіи, которые и являются по преимуществу родиной ихъ и въ которыхъ они получили толчокъ къ своему грандіознѣйшему развитію.

Картель (Charte—договоръ) или, проще, промышленный синдикатъ или торговое соглашеніе, есть самая простая форма ассоціаціи производителей [7]). Онъ—продуктъ реакціи противъ гибельной конкурренціи производителей между собою. Картель не затрагиваетъ индивидуальности и внутренней автономіи каждаго отдѣльнаго предпріятія и ограничивается объединеніемъ ихъ въ видахъ продажи товара предпріятій при наилучшихъ по возможности условіяхъ, а для этого онъ прибѣгаетъ къ различнымъ средствамъ, направленнымъ къ одной и той же цѣли: устранить или урегулировать конкурренцію. Средства эти таковы:

1) Размежеваніе районовъ, закрѣпляемыхъ за членами картеля, т. е. установленіе за каждымъ изъ нихъ областной монополіи;

2) Опредѣленіе для каждаго предпріятія минимума производства, котораго оно не должно переступать;

3) Опредѣленіе продажной цѣны, съ которой всѣ предпріятія должны сообразоваться; это правило не устраняетъ конкурренціи, но замѣняетъ конкурренцію на пониженіе цѣнъ конкурренціей на качество товара. Такъ какъ условія производства весьма неодинаковы въ различныхъ предпріятіяхъ, то такое уравненіе цѣнъ мало практично и часто несправедливо.

4) Такъ какъ, несмотря на залоги и штрафы на случай неисполненія принятыхъ условій, всѣ эти три средства оказались мало дѣйствительными, то пришлось прибѣгнуть къ четвертому средству, устраняющему непосредственную продажу продукта покупа-

---

[7]) Въ Германіи картели получили большое развитіе преимущественно въ каменноугольной промышленности, а также въ нѣкоторыхъ полу-земледѣльческихъ отрасляхъ производства—въ алкогольной, сахарной промышленности.

телю со стороны членовъ картеля и дѣлающему картель обязательнымъ посредникомъ между производителемъ и покупателями. Картель покупаетъ у картеллированныхъ производителей ихъ продукты—количество и цѣна для каждаго члена опредѣлены заранѣе—и картель же беретъ на себя заботу по продажѣ продуктовъ по наилучшей цѣнѣ. Вслѣдствіе этого онъ становится настоящей кооперативной ассоціаціей производства.

Трёстъ [8]) идетъ еще дальше по пути концентраціи и монополіи. Соглашеніе ведетъ здѣсь къ полному сліянію. Трёсты, подобно картелямъ, тоже пытались прибѣгать къ весьма различнымъ средствамъ; для нихъ это было тѣмъ болѣе необходимо, что они подвергались преслѣдованію со стороны закона и были принуждены скрываться. Можно указать на три послѣдовательно примѣнявшихся средства:

а) Первое средство, почти не отличающееся отъ средства, къ которому прибѣгаетъ картель,—соглашеніе между крупными промышленниками или крупными компаніями съ цѣлью урегулированія цѣнъ. Но, начиная съ 1890 года, такое соглашеніе, правильнѣе именуемое pools, подверглось преслѣдованію со стороны закона, такъ называемаго, Sherman Act, какъ клонящееся къ нарушенію свободы торговли, что̀ предусмотрѣно, между прочимъ, и французскимъ закономъ (ст. 419 уголовнаго кодекса).

б) Тогда перешли къ, такъ называемой, системѣ консолидаціи, по которой всѣ объединившіяся предпріятія отказывались отъ своей самостоятельности, чтобы слиться въ одно предпріятіе. Съ этой цѣлью опредѣлялась цѣнность каждаго завода, и эта цѣнность выплачивалась собственнику въ формѣ акцій вновь образовавшагося общества, трёста. Директора послѣдняго забирали все въ свои руки и по своему усмотрѣнію управляли всей совокупностью предпріятій, прибѣгая, смотря по обстоятельствомъ, къ прекращенію тѣхъ изъ нихъ, положеніе которыхъ казалось менѣе удовлетворительнымъ. Для устраненія такой монополизаціи тоже были изданы законы.

---

[8]) Выраженіе трёстъ очень старое англійское выраженіе, обозначающее довѣріе. Представители филантропическихъ или другихъ учрежденій называются trustees, что почти равнозначуще душеприказчикамъ. Таково же положеніе директоровъ трёстовъ: имъ довѣряются интересы всѣхъ. Депозитные банки въ Соединенныхъ Штатахъ называются также Trust Companies, но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ промышленными трёстами.

в) Наконецъ, пришлось обратиться къ той системѣ, которая болѣе всего въ ходу теперь. Оставляя за каждымъ предпріятіемъ его номинальную и юридическую самостоятельность, ограничились фактическимъ уничтоженіемъ ея путемъ записи на какое-нибудь постороннее, стоящее внѣ этихъ предпріятій, общество большинства акцій каждаго изъ нихъ. Будучи всесильнымъ въ администраціи каждаго производства, это общество фактически является таковымъ же въ администраціи всей совокупности производствъ,—это Holding Trust. Такимъ именно образомъ знаменитый нефтяной трёстъ, чтобы удовлетворить по внѣшности требованіямъ закона, разбивался десятка на два якобы самостоятельныхъ обществъ; по существу же всѣ акціи этихъ обществъ находились въ рукахъ одного изъ нихъ. Все-таки ему не удалось ускользнуть отъ законодателя и судовъ, и трёстъ только что распущенъ. Но борьба между законодателемъ и этимъ неуловимымъ Протеемъ, навѣрное, еще не закончилась!

Трёстъ отличается отъ картеля не только болѣе тѣсными узами, связующими его членовъ, и ведущими къ полному слiянію ихъ, но также и тѣмъ, что онъ является и торговой и производственной организаціей. Онъ развиваетъ до высшаго предѣла отличительныя свойства крупной индустріи [9]) — концентрацію, спеціализацію и интеграцію, и также до крайности доводитъ злопотребленія акціонерныхъ обществъ, какъ, напримѣръ, вздутіе цѣнности акціонернаго капитала [10]) (surcapitalisation).

Трёсты, самое названіе которыхъ было не многимъ извѣстно лѣтъ двадцать тому назадъ, и о которыхъ мы не считали нужнымъ упоминать въ первыхъ изданіяхъ этой книги, стали самымъ симптоматическимъ явленіемъ современнаго экономическаго движенія. Растущая многочисленность ихъ и, въ особенности, уже достигнутые ими колоссальные размѣры производятъ ошеломляющее дѣйствіе даже на индиферентныхъ людей. Нефть, сталь, мясо, виски, табакъ, желѣзныя дороги, морское судоходство,—все становится объ-

---

[9]) Такъ, стальной трёстъ не ограничивается объединеніемъ сталелитейныхъ заводовъ, а объединяетъ также и желѣзные рудники и даже желѣзныя дороги и водные пути, по которымъ перевозится металлъ.

[10]) Подъ этимъ разумѣется выпускъ акцій по преувеличенной таксѣ. Здѣсь, впрочемъ, это оправдывается расчетомъ на барыши, ожидаемые именно отъ установленія монополіи.

ектомъ трёста. Подобно чудовищному фавну, онъ вдругъ поднялся изъ нѣдръ капиталистическаго вѣка, и соціалисты и экономисты либеральной школы созерцаютъ его съ одинаковымъ любопытствомъ, хотя и съ противоположными чувствами: первые даже привѣтствуютъ его, какъ послѣднюю ступень капиталистической концентраціи, за которой ничего больше не останется, кромѣ коллективизма; вторые скорѣе смущены этимъ парадоксальнымъ результатомъ свободной конкурренціи, но остаются вѣрными своимъ надеждамъ на то, что, все-таки, той же свободы, которая вызвала его къ жизни, будетъ достаточно, чтобы убить или сдѣлать безвреднымъ его.

Однако, остается еще открытымъ вопросъ, что̀ въ этомъ движеніи одерживаетъ верхъ: благо надъ зломъ или vice versa (наоборотъ).

Въ пользу трёстовъ можно привести два основательныхъ довода:—1) реализація сбереженія на стоимости производства, что̀ является истиннымъ критеріемъ экономическаго прогресса. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ сокращенія издержекъ производства, осуществленнаго трёстами, является сѣть желѣзныхъ трубъ, проложенныхъ на протяженіи тысячъ километровъ для передачи нефти изъ мѣстъ производства въ мѣста потребленія, чѣмъ устраняется необходимость прибѣгать къ помощи желѣзныхъ дорогъ; или еще, въ области той же промышленности,—утилизація остатковъ производства: болѣе двадцати различныхъ продуктовъ вырабатывается изъ нефти трёстомъ того же названія. Можно указать также на устраненіе или, по крайней мѣрѣ, сокращеніе числа торговыхъ агентовъ и расходовъ на рекламу; словомъ, всѣхъ тѣхъ, вызываемыхъ конкурренціей, затратъ, которыя становятся излишними съ момента, когда, огражденная монополіей, индустрія не нуждается больше въ бѣготнѣ за покупателями, а спокойно поджидаетъ ихъ прихода у себя. Прибавьте къ этому еще закрытіе плохо поставленныхъ заводовъ и локализацію производства въ наиболѣе удобныхъ пунктахъ. Замѣтьте, что картели, или простыя торговыя соглашенія, не въ состояніи достигнуть такихъ результатовъ. — 2) Сохраненіе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, добиться чего оказался безсильнымъ режимъ свободной конкурренціи, и, благодаря этому равновѣсію, устраненіе кризисовъ и фиксація цѣнъ. При этомъ защитники трёстовъ отрицаютъ, чтобы трёсты взбивали цѣны, и указываютъ, напротивъ, на многочислен-

ные примѣры прогрессивнаго пониженія ихъ [11]). Политика трёстовъ направлена къ тому, чтобы помѣшать какъ чрезмѣрному повышенію, такъ и пониженію цѣнъ. Впрочемъ, при этомъ прибавляютъ, что если бы даже цѣна и была немного повышена, то, все-таки, потребители нашли бы себѣ достаточную компенсацію за это въ устойчивости ея.

Нѣтъ недостатка также въ доводахъ и противъ трёстовъ.

Прежде всего, достаточно уже того соображенія, что невѣроятно, чтобы какая-нибудь сила, все равно, въ области ли экономическаго или политическаго строя, не находящая себѣ ни въ чемъ противовѣса, не злоупотребляла бы своей мощью или, по крайней мѣрѣ, не ставила бы ее на службу своимъ собственнымъ интересамъ.—1) Допуская, что трёсты не всегда поднимали цѣны, соглашаясь даже съ тѣмъ, что они давали потребителю нѣкоторую ничтожную выгоду вслѣдствіе сдѣланныхъ ими на стоимости производства сбереженій, все-таки, нельзя не замѣтить, что огромнѣйшая часть этихъ сбереженій пошла на обогащеніе акціонеровъ и на накопленіе въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сказочныхъ состояній, какъ, напримѣръ, въ рукахъ Рокфеллера, короля нефти. Вѣдь трёстъ создалъ неизвѣстную дотолѣ породу милліардеровъ.—2) Иногда они не только не предоставляли потребителю никакой выгоды отъ пониженія стоимости производства, но и обнаруживали (мясной трёстъ, напримѣръ) такой цинизмъ, какой вскрылся въ скандальной исторіи съ консервами въ Чикаго.—3) Они варварски подавляли всякую конкурренцію, не только благодаря превосходству своей организаціи и меньшей себѣстоимости, но и при помощи разбойническихъ пріемовъ, прибѣгая къ продажѣ съ убыткомъ для себя въ мѣстахъ, гдѣ появляется конкуррентъ [12]) или принуждая желѣзнодорожныя компаніи дѣлать имъ противозаконныя поблажки [13]). Не исповѣдуя даже слѣпой вѣры въ добродѣтели

---

[11]) Такъ, цѣна нефти съ 24 цент. за галлонъ (въ 1871 г.) дошла до 6 п. въ 1906 г., или съ 28 сантимовъ до 7 с. за литръ, но на это возражаютъ, что безъ трёста цѣна была бы еще ниже. Это трудно провѣрить.

[12]) Мартэнъ Сэнъ-Леонъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ официальной анкеты о нефтяномъ трёстѣ. Предсѣдатель комиссіи спрашиваетъ вице-предсѣдателя трёста: „У васъ принято за правило держать цѣны ниже себѣстоимости, пока исчезнетъ вашъ соперникъ?—Да."

[13]) Американскіе законы запрещаютъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ прибѣгать къ частичному пониженію тарифа, но существуютъ сотни способовъ обойти за-

конкурренціи, все-таки, нельзя не признать, что хозяйничанье нѣсколькихъ автократическихъ магнатовъ въ области промышленности создало бы еще худшій режимъ.— 4) Наконецъ, съ политической точки зрѣнія, пришествіе этихъ гигантовъ, вооруженныхъ всесиліемъ подкупа, на какой только способно неограниченное богатство, можетъ повести къ разстройству всѣхъ пружинъ государственной власти, особенно, въ демократическихъ обществахъ.

Можно ли найти какое-нибудь средство сохранить экономическія выгоды, представленныя трёстами, и устранить вредныя стороны ихъ? Такова нѣсколько противорѣчивая задача, надъ разрѣшеніемъ которой, безъ особаго успѣха, работаютъ экономисты и законодатели. Извѣстно, что Рузвельтъ, бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, близко къ сердцу принялъ эту проблему.

Двадцать лѣтъ тому назадъ былъ принятъ противъ трёстовъ законъ, такъ называемый, Sherman Act. Но если законъ можетъ помѣшать обществамъ сливаться и превращаться въ одно общество, или если онъ можетъ помѣшать желѣнодорожнымъ компаніямъ прибѣгать къ произвольнымъ измѣненіямъ тарифовъ, то какимъ образомъ онъ сможетъ помѣшать богатѣйшимъ капиталистамъ покупать акціи этихъ обществъ и этихъ желѣзныхъ дорогъ и устраивать соглашеніе между собою? Нынѣ трёстъ не что иное, какъ agreement, соглашеніе, ускользающее отъ всякой репрессіи.

Экономисты думаютъ, что если бы можно было добиться уничтоженія протекціонизма, то трёсты, которые росли до сего времени подъ покровомъ таможенныхъ пошлинъ, оказались бы сильно подшибленными международной конкурренціей. При этомъ въ подтвержденіе своего положенія они ссылаются на Англію, гдѣ трёсты не получили особенно широкаго размаха. Однако, нѣтъ никакихъ основаній полагать, что въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Германіи трёсты были бы убиты иностранной конкурренціей. Напротивъ, представляется болѣе вѣроятнымъ, что они лучше выдержали бы ударъ, чѣмъ болѣе слабыя предпріятія. Результатомъ всеобщей сво-

---

конъ. То вдругъ компанія измѣняетъ тарифъ, путемъ повышенія или пониженія его, и заранѣе предупреждаетъ объ этомъ трёстъ, который и можетъ такимъ образомъ первымъ использовать измѣненіе тарифа. То компанія приказываетъ пропустить грузъ трёста раньше груза его конкуррентовъ. Приводятъ даже такой случай, когда компанія отдавала трёсту часть взимавшейся съ его несчастныхъ конкуррентовъ грузовой платы!

боды торговли, вѣроятно, было бы не уничтоженіе трёстовъ, а превращеніе ихъ изъ національныхъ, каковыми они являются теперь, въ интернаціональные, что́ не сдѣлало бы ихъ менѣе страшными.

Самымъ дѣйствительнымъ противовѣсомъ трёстамъ производителей, можетъ быть, окажутся въ будущемъ федераціи кооперативныхъ обществъ по закупкамъ, являющихся настоящими трёстами потребителей. Какъ бы химеричнымъ ни казалось нынѣ такое рѣшеніе, при наличности крайняго неравенства силъ, все же остается фактомъ то обстоятельство, что въ 1906 году въ Англіи уже образовавшійся трёстъ мыловаровъ долженъ былъ распуститься вслѣдствіе кампаніи, предпринятой противъ него крупной манчестерской кооперативной федераціей.

ГЛАВА V.

Государственное производство.

I.

Развитіе государственныхъ и муниципальныхъ предпріятій.

Послѣ изученія производства въ формѣ частнаго предпріятія и въ формѣ ассоціацій необходимо обратиться къ разсмотрѣнію производства, организуемаго государствомъ, понимая подъ государствомъ не только центральное управленіе, но и городскія самоуправленія и, вообще, правительственныя власти и даже отдѣльныя правительственныя установленія [1]).

---

[1]) Т. е. такія установленія, которыя, нося официальный характеръ и будучи органами государствъ, тѣмъ не менѣе, имѣютъ особый личный составъ и самостоятельную организацію, какъ, напримѣръ, общественное призрѣніе.

Государство можетъ вмѣшиваться въ производство двумя различными способами: или въ качествѣ предпринимателя, чтобы поставить себя на мѣсто частнаго предпринимателя; или въ качествѣ законодателя, чтобы регламентировать или стимулировать частное предпринимательство.

Но, что касается второго способа вмѣшательства, то безполезно посвящать ему особую главу; цѣлесообразнѣе изучать его въ связи съ каждымъ такимъ случаемъ, когда становится необходимымъ вмѣшательство государства.

Государство-предприниматель далеко не новое явленіе: нѣкоторыя французскія національныя мануфактуры восходятъ ко времени Кольбера. Однако, тенденція къ развитію государственныхъ и, въ особенности, муниципальныхъ предпріятій—отличительная черта современной эпохи. Въ основѣ ея лежатъ три причины:

1) Фискальная причина, т.-е. необходимость отыскивать новые источники на покрытіе безпрерывно растущихъ расходовъ, не прибѣгая къ чрезмѣрному обремененію плательщиковъ налога. Послѣдній, въ отчаяніи отъ неослабныхъ притязаній фиска, обращается къ государству и говоритъ ему: „Если у тебя такая нужда въ деньгахъ, поступай такъ, какъ я поступаю: зарабатывай само!“ И вотъ государству приходится превратиться въ промышленника и торговца. Барыши, которые оно можетъ извлекать, дѣйствительно, огромны: русское государство пріобрѣтаетъ 1.500 милліоновъ франковъ на продажѣ водки; Пруссія — 350 милліоновъ франковъ на своихъ желѣзныхъ дорогахъ; Франція — около 400 милліоновъ франковъ чистыхъ на продажѣ табака; многія городскія самоуправленія разныхъ странъ—нѣсколько милліоновъ франковъ на разныхъ предпріятіяхъ. Это очень соблазнительно для государствъ и городовъ, стонущихъ подъ бременемъ долговъ!

2) Соціальная причина, сводящаяся къ враждебному настроенію противъ капитализма и къ идеѣ, что барыши и дивиденды крупныхъ компаній есть результатъ ограбленія народа и что необходимо возвращать ихъ народу. А для этого не лучшее ли средство, чтобы самъ народъ, представляемый государствомъ или коммуной, взялъ въ свои руки доходныя предпріятія? Поэтому обыкновенно такой тенденціи даютъ наименованіе государственнаго или муниципальнаго соціализма, хотя на самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ она нашла себѣ наибольшее приложеніе, она ничуть не была внушена соціалистическимъ или коллективистскимъ духомъ въ томъ смыслѣ, какой придается этому выраженію; въ качествѣ примѣра можно привести Пруссію или англійскіе муниципалитеты.

3) Политическая причина: стремленіе правительства расширить свое вліяніе, пріобрѣсти больше силы и прочности, привлечь на свою сторону больше избирателей. Въ странахъ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, это, можетъ быть, самая важная причина. Не трудно понять, что для правительства небезразлично имѣть у себя на службѣ 300.000 желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Тенденція къ огосударствленію, или муниципализаціи предпріятій въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности проявляется сильнѣе, чѣмъ въ другихъ.

Вполнѣ естественно, что легче поддаются ей такія предпріятія, которыя уже образовались въ формѣ монополій и по своей природѣ не могутъ имѣть иной формы,—какъ-то: почта и телеграфъ, чеканка монеты, желѣзныя дороги, водопроводъ, освѣщеніе, трамвай и т. д. И, дѣйствительно, что происходитъ при современныхъ условіяхъ, когда предпріятія такого характера, при возникновеніи, не могутъ функціонировать, не оградивъ себя правомъ исключительной монополіи? Происходитъ то, что государство или городъ уступаетъ имъ эту привиллегію на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Въ такомъ случаѣ возникаетъ у государства или города вопросъ: почему бы мнѣ самому не взять этой привиллегіи? Почему благосклонно уступать акціонерамъ привиллегію собирать барыши, которые проще сберечь для своей кассы? Монополія есть монополія, и почему моя монополія можетъ быть хуже или лучше монополіи какой-нибудь компаніи?

Огосударствленіе или муниципализація менѣе всего проявляется по отношенію къ такимъ предпріятіямъ, которыя не монополизированы, и которыя функціонируютъ обыкновенно при режимѣ свободной конкурренціи. При этомъ возникаютъ значительныя неудобства, ибо одно изъ двухъ: или государство соглашается оставаться при режимѣ свободной конкурренціи, но тогда однородныя предпріятія окажутся по отношенію къ нему въ чрезвычайно неравныхъ и даже весьма несправедливыхъ условіяхъ, такъ какъ государство будетъ конкуррировать съ ними, не только прикрываясь престижемъ, который обыкновенно связывается со всѣмъ, что носитъ официальный характеръ, но и не страшась риска потерь, не боясь несостоятельности и пользуясь капиталами, которые, будучи собранными съ плательщиковъ налога, въ нѣкоторой своей части взяты у тѣхъ самыхъ производителей, съ которыми конкуррируетъ государство! Это ужъ, конечно, не честный бой, когда одна сторона заставляетъ другую доставлять себѣ розги для сѣченія своего противника; а если къ тому же, вопреки всѣмъ условіямъ неравной борьбы, государство, какъ конкуррентъ, побивается, какъ это съ нимъ неоднократно случалось, ему приходится играть довольно смѣшную роль. Или же, признавая такое положеніе невыносимымъ для его конкуррентовъ и, можетъ быть, для себя

самого, государство создастъ для такихъ предпріятій искусственную монополію, какъ это оно уже сдѣлало, напримѣръ, для табачныхъ, спичечныхъ и телефонныхъ предпріятій, а въ недалекомъ будущемъ, можетъ быть, для торговли алкоголемъ или для страхованій. Но тогда слѣдуетъ экспропріировать уже существующія предпріятія за справедливое вознагражденіе, а это слишкомъ обременительно для бюджета, да, сверхъ того, насильно заключать свободную промышленность въ тиски монополіи [2]), значитъ, итти навстрѣчу всякимъ случайностямъ.

Какъ бы ни были серьезны эти возраженія, они, однако, не имѣютъ рѣшающаго значенія. Само собою разумѣется, что съ ними не считаются, когда дѣло идетъ о предпріятіяхъ, достаточно отмѣченныхъ характеромъ общественной полезности:—1) прежде всего, о такихъ, которыя важны для здоровья людей, какъ, напримѣръ, объ аптекахъ, баняхъ, похоронныхъ бюро, дезинфекціонныхъ учрежденіяхъ, рынкахъ, базарахъ и бойняхъ,—2) затѣмъ—хотя это можетъ завлечь немного далеко — о предпріятіяхъ для постройки здоровыхъ и дешевыхъ домовъ, ибо нѣтъ ничего важнѣе для здоровья (мы говоримъ о здоровьѣ не только квартирантовъ, но и всѣхъ городскихъ жителей), какъ жилище; а также для снабженія молокомъ,—дѣло столь полезное при борьбѣ противъ чрезмѣрной дѣтской смертности;—3) наконецъ, если бы случилось, что въ дѣлѣ снабженія населенія хлѣбомъ и мясомъ потребности его страдаютъ отъ недоброкачественности продуктовъ или отъ высокихъ цѣнъ, то слѣдовало бы за муниципалитетами признать право открывать булочныя и мясныя лавки, и это было бы, можетъ быть, лучше, чѣмъ установленіе на хлѣбъ и мясо таксы, которая была во Франціи въ теченіе болѣе одного вѣка единственнымъ орудіемъ муниципалитетовъ для защиты потреби-

---

[2]) Такая точка зрѣнія усвоена во Франціи государственнымъ Совѣтомъ. Онъ всегда отказывалъ городскимъ самоуправленіямъ въ разрѣшеніи создавать коммерческія предпріятія, которыя по природѣ своей были конкуррентами частнымъ предпріятіямъ. Такъ, въ 1892 г. онъ отказалъ городу Рубэ въ открытіи муниципальной аптеки, хотя она должна была отпускать лѣкарства по своей цѣнѣ и могла быть такимъ образомъ разсматриваема, какъ учрежденіе, занимающееся общественной благотворительностью. Правда, другимъ городамъ государственный Совѣтъ разрѣшалъ открытіе торговыхъ бань, постройку домовъ для сдачи квартиръ и даже проведеніе газоваго освѣщенія (Туркуэнъ)—обстоятельство, указывающее на то, что практика Совѣта не особенно устойчива.

телей противъ злоупотребленій со стороны представителей этихъ двухъ огромныхъ отраслей торговой дѣятельности.

Но ходъ вещей совершался не съ такой логической правильностью, и развитіе вышеуказаннаго движенія обязано до нѣкоторой степени случайному стеченію обстоятельствъ. Вотъ въ какихъ отрасляхъ промышленности оно особенно подвинулось впередъ.

Что касается огосударствленія, то почта во всѣхъ странахъ находится въ рукахъ государства; телеграфъ на поверхности земли почти во всѣхъ странахъ (исключеніе—Соединенные Штаты) принадлежитъ государству,— кабели на днѣ океановъ принадлежатъ частнымъ компаніямъ, — телефоны только въ нѣкоторыхъ странахъ — государственное предпріятіе (именно, во Франціи, гдѣ абоненты не проявляютъ особенной радости по этому поводу). Желѣзныя дороги принадлежатъ государству въ Германіи, Россіи, Даніи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи, Австраліи и, отчасти, во Франціи. Кромѣ этихъ крупныхъ предпріятій, есть очень много другихъ, находящихся подъ руководствомъ государства: въ Пруссіи— каменноугольныя копи, виноградники, фарфоровые заводы,—все предпріятія, приносящія значительный доходъ; во Франціи, кромѣ крупныхъ монополій на табакъ, спички, порохъ, имѣется у государства нѣсколько незначительныхъ отраслей промышленности — Севрскіе фарфоровые заводы, мануфактуры гобеленовъ, національная типографія и т. д.; а для многихъ странъ (Италіи, Испаніи, нѣкоторыхъ германскихъ государствъ и т. д.) слѣдуетъ прибавить еще одну не особенно одобрительную, но очень доходную промышленность,—лотерею!

Что касается муниципализаціи, то она осуществлена въ большинствѣ городовъ для водопроводовъ и перечисленныхъ выше предпріятій по оздоровленію городовъ. Муниципализація освѣщенія газоваго или электрическаго введена болѣе, чѣмъ въ 500 городахъ Соединенныхъ Штатовъ, многочисленныхъ городахъ Германіи; развивается въ Великобританіи, Швейцаріи и Италіи; во Франціи она существуетъ пока только въ какой-нибудь дюжинѣ городовъ (Греноблѣ, Туркуэнѣ, Валансѣ и др.). Муниципализація трамваевъ далеко подвинулась въ Англіи,—болѣе половины предпріятій муниципализировано (176 городскихъ противъ 146 частныхъ въ 1905 г.); цѣликомъ или отчасти она осуществлена также въ Берлинѣ, Кельнѣ, Франкфуртѣ, Базелѣ, Бернѣ, Цюрихѣ, С.-Галленѣ, Петроградѣ и т. д.; въ Соединенныхъ Штатахъ и Италіи

къ муниципализаціи трамваевъ только-что приступаютъ. Муниципализація предпріятій по постройкѣ домовъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ Англіи и немного медленнѣе въ Германіи и Швейцаріи. Городское самоуправленіе Женевы подаетъ на домъ двигательную силу. Наконецъ, въ Англіи дѣлаются попытки муниципализаціи въ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ непредвидѣнныхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, не только, напримѣръ, въ дѣлѣ по устройству бань, по изготовленію и доставкѣ стерилизованнаго молока, но и по изготовленію, напримѣръ, искусственнаго льда, въ пивоваренномъ дѣлѣ, по изготовленію разныхъ продуктовъ изъ кухонныхъ отбросовъ, а въ Глазго даже по изготовленію цвѣтовъ для продажи. Въ Катанѣ и Палермо есть городскія булочныя, въ Лиссабонѣ—городскія мясныя лавки.

II.

Неудобства, связанныя съ огосударствленіемъ и муниципализаціей.

Не приходится говорить, что движеніе, о которомъ мы только что говорили, вызываетъ живѣйшія опасенія и строгую критику со стороны экономистовъ либеральной школы, какъ съ точки зрѣнія финансовыхъ результатовъ, такъ равно и съ точки зрѣнія соціальныхъ и экономическихъ послѣдствій. Даже публика, по крайней мѣрѣ, въ Англіи, взволнована имъ, и выборы въ Лондонѣ и другихъ городахъ прошли подъ знакомъ борьбы противъ муниципальнаго соціализма. Приводятся противъ огосударствленія и муниципализаціи слѣдующіе классическіе доводы:

1) Неспособность государства (или всякаго политическаго органа) отправлять функціи предпринимателя. У него нѣтъ для этого, говоритъ Леруа Болье [3]), ни духа инициативы, потому что оно не стимулируется конкурренціей, ни компетенціи, потому что оно организовано не для этой роли, ни послѣдовательности, потому что его представители подвержены всѣмъ колебаніямъ политики и выборовъ. Результатъ получится тотъ, что

---

[3]) Précis d' Économie politique, а болѣе подробно см. его книгу О государствѣ.

государство будетъ производить дороже, чѣмъ частный предприниматель, иначе говоря, будетъ поступать вопреки гедонистическому принципу, по которому максимумъ удовлетворенія доставляется минимумомъ затратъ.

2) Противорѣчіе между двумя преслѣдуемыми цѣлями: одной—фискальной, и другой—соціалистической.

Чтобы достигнуть первой цѣли, заключающейся въ обезпеченіи государству источниковъ дохода съ помощью болѣе удобнаго средства, нежели налогъ, слѣдовало бы назначать по-возможности самую высокую цѣну за оказываемыя услуги, какъ это дѣлаетъ французское государство по отношенію къ табаку. Чтобы достигнуть второй цѣли, заключающейся въ прогрессивномъ приближеніи къ коммунизму, слѣдовало бы сдѣлать эти услуги даровыми или оказывать ихъ, самое большее, по своей цѣнѣ, какъ это почти повсюду дѣлаетъ государство по отношенію къ почтѣ и, еще лучше, по отношенію къ образованію. Соціалисты расчитываютъ, что наступитъ день, когда не только вода, но и трамвай, а, можетъ-быть, и хлѣбъ, и театръ будутъ доставлятся всѣмъ даромъ, и что, такимъ образомъ, мы вернемся къ panem et circenses. Нужно, все-таки, сдѣлать выборъ между этими двумя цѣлями. Между тѣмъ, есть всѣ основанія полагать, что одержитъ верхъ вторая цѣль, и что подъ давленіемъ народныхъ массъ, давленіемъ, неотвратимымъ въ странѣ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, безпрерывное пониженіе всѣхъ цѣнъ сведетъ къ нулю доходы.

3) Растущая политическая опасность чиновничества, въ ряды котораго, въ-концѣ-концовъ, будетъ завербовано большинство гражданъ, разъ всѣ виды экономической дѣятельности мало-по-малу превратятся въ „мѣста“, добываемыя съ помощью экзаменовъ, конкурсовъ, или, еще чаще, съ помощью непотизма и фаворитизма,—сэнъ-симонизмъ, только безъ правила „каждому по его дѣламъ“. И въ каждомъ государственномъ или муниципальномъ предпріятіи число мѣстъ будетъ расчитано не по потребностямъ службы, а по числу соискателей мѣстъ.

Чтобы отвѣтить на эти возраженія, надо отдѣлить возраженія политическаго порядка отъ возраженій порядка экономическаго. Что касается послѣднихъ, то они не представляются убѣдительными. Конечно, нельзя отъ государства-предпринимателя требовать качествъ, свойственныхъ частнымъ предпринимателямъ, но нѣтъ

принципіальныхъ основаній для такого положенія, что государство менѣе состоятельно въ экономической области, чѣмъ всякая другая коллективная организація, какая-нибудь крупная компанія, трёстъ или кооперативное общество: между тѣмъ, и рѣчь идетъ вѣдь не о выборѣ между частнымъ и государственнымъ предпріятіями, а чаще всего о выборѣ между частнымъ коллективнымъ предпріятіемъ и государствомъ. Неизвѣстно, почему бы нельзя было составлять, напримѣръ, управленія государственныхъ желѣзныхъ дорогъ изъ людей столь же компетентныхъ, какъ люди крупныхъ частныхъ компаній; вѣдь инженеры у нихъ одни и тѣ же. Правда, государственное предпріятіе не будетъ гоняться за барышами; но если оно старается удовлетворять потребности публики, тѣмъ лучше, ибо идеалъ хорошей экономической организаціи долженъ заключаться не въ добываніи прибыли, а въ оказываніи услугъ. Что же касается противорѣчія между фискальной и соціальной цѣлями, то оно разрѣшится само собой. Въ области услугъ, полезныхъ для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, для большинства гражданъ, въ области необходимаго и желательнаго потребленія, вѣроятно, пойдутъ въ направленіи къ безвозмездности ихъ, а въ области услугъ, важныхъ для меньшинства, или въ области предметовъ роскоши будутъ устанавливать высокія цѣны и получать барыши. Не было бы ничего предосудительнаго поднять цѣны на табакъ или алкоголь, которыя коснутся курильщиковъ или пьяницъ, чтобы даромъ доставить всѣмъ гражданамъ [4]) воду, средства перевозки, освѣщеніе, а, можетъ быть, даже и отопленіе и двигательную силу. Наконецъ, что касается увеличенія числа чиновниковъ, то эта эволюція можетъ найти себѣ коррективъ въ противоположной эволюціи, ведущей путемъ ассоціаціи къ децентрализаціи предпріятій.

Съ другой стороны, тѣ экономисты, которые, подобно намъ, вѣрятъ въ будущность кооперативной потребительской ассоціаціи, не могутъ отворачиваться отъ муниципализаціи, которая въ дѣйствительности является не чѣмъ инымъ, какъ кооперативной ассоціаціей, ставящей себѣ задачу удовлетворять съ наименьшей по возможности стоимостью самыя необходимыя и самыя общія потребности всѣхъ горожанъ.

---

[4]) Городъ Глазго задается болѣе простой задачей: каждое предпріятіе должно только окупать себя, т. е. не приносить ни прибыли, ни убытка.

Но если государство устроено такимъ образомъ, что его экономическая дѣятельность есть лишь отраженіе политической дѣятельности его, а административные совѣты его предпріятій лишь делегаціи отъ парламента, то вполнѣ вѣроятно, что предпріятія его пойдутъ плохо. Но только тутъ уже мы выходимъ изъ экономической области; и, дѣйствительно, вопросъ о роли государства въ производствѣ есть скорѣе вопросъ политическаго порядка, чѣмъ экономическаго. Нельзя найти для него общаго рѣшенія: вполнѣ понятно, что можно, напримѣръ, стоять за выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи или въ Англіи, противъ выкупа—въ другихъ странахъ, напримѣръ, во Франціи, въ Швейцаріи или въ Соединенныхъ Штатахъ. Ибо въ самыхъ демократическихъ странахъ, гдѣ расширеніе экономическихъ функцій государства наиболѣе желательно, практическое осуществленіе этого какъ разъ весьма затруднительно.

Однако, можно было бы до нѣкоторой степени избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ, сообразуясь со слѣдующими правилами:

1) Дать государственнымъ или муниципальнымъ предпріятіямъ автономную организацію съ особымъ бюджетомъ, съ избраннымъ въ моральномъ отношеніи личнымъ составомъ, съ административнымъ совѣтомъ изъ членовъ, не состоящихъ въ политическихъ учрежденіяхъ страны и избираемыхъ на основѣ двухстепенныхъ выборовъ, и обязать ихъ вести счетоводство по тѣмъ же правиламъ, какъ въ частныхъ предпріятіяхъ;

2) Возлагать на нихъ отвѣтственность по общему закону, отвѣтственность, тождественную съ той, которою несутъ всѣ простые смертные. Это условіе sine qua non, безъ котораго неограниченное отправленіе государствомъ своихъ экономическихъ функцій превратилось бы въ самую нестерпимую тираннію. Для нѣкоторыхъ предпріятій отвѣтственность уже признана; напримѣръ, для государственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ случаяхъ допущенія неправильностей при перевозкѣ,—но она часто не признается, когда дѣло касается почты, телеграфа или телефона. Это злоупотребленіе властью.

Не ограничиваясь принципіальными соображеніями, обратимся къ фактамъ. Чему учатъ факты? Хорошо ли функціонируютъ государственныя или муниципальныя предпріятія тамъ, гдѣ они организованы? Даютъ ли они большіе барыши городамъ или удовлетвореніе потребителямъ? Нѣтъ ничего противорѣчивѣе отвѣтовъ, да-

ваемыхъ фактами, когда вопросы ставятся такимъ образомъ, что́ вполнѣ оправдываетъ только что данный нами отвѣтъ, а, именно, что все зависитъ отъ обстоятельствъ какъ въ связи съ природой промышленности, такъ и въ связи съ политической организаціей государства.

Съ точки зрѣнія потребителей, результаты, полученные отъ муниципальныхъ предпріятій, представляются, вообще говоря, удовлетворительными. Предпріятія государства даютъ неодинаковые результаты. Во Франціи, напримѣръ, почта и телеграфъ дѣйствуютъ довольно хорошо, желѣзныя дороги—сносно, телефонъ—очень плохо.

При изученіи англійскихъ муниципалитетовъ, съ точки зрѣнія поступленія ихъ доходовъ, въ 1900 г. констатировано (докладъ Фоулера), для 1029 муниципальныхъ предпріятій чистый доходъ въ 378.000 фунтовъ ($9^1/_2$ милліоновъ франковъ). При капиталѣ въ 121 милліонъ фунтовъ (болѣе 3 милліардовъ франковъ), вложенномъ въ эти предпріятія, это даетъ до смѣшного низкій процентъ, — 3 на тысячу. Причемъ на амортизацію приходится ничтожнѣйшая величина,—$1^1/_2$ на 1000! Если бы на амортизацію отнести до $5^0/_0$, что составляетъ минимумъ для всякаго частнаго предпріятія, то эта ничтожная прибыль превратилась бы въ 140 милліоновъ франковъ убытка! Съ фискальной точки зрѣнія, такія среднія цифры дѣйствуютъ мало ободряющимъ образомъ; но онѣ не препятствуютъ тому, чтобы хорошо управляемые города находили въ этихъ предпріятіяхъ значительные источники дохода; онѣ доказываютъ только то, что еще немного такихъ муниципалитетовъ, которые находятся въ благопріятныхъ для этого условіяхъ управленія.

III.

Различные виды государственныхъ предпріятій.

Когда государство или правительственныя власти хотятъ создать какое-нибудь новое предпріятіе, они прибѣгаютъ къ одному изъ слѣдующихъ четырехъ видовъ предпріятій:

1) Самый простой видъ тотъ, когда государство само непосредственно приступаетъ къ эксплоатаціи чрезъ своихъ агентовъ, — это, такъ называемая, регалія. Ее мы имѣли въ виду

до сего времени, и ея же выгоды и неудобства мы только что изложили.

2) Если государство не принимаетъ на себя заботъ по веденію предпріятія за свой счетъ, оно можетъ уступить его частному предпринимателю,—это, такъ называемая, концессія [5]). До сего времени прибѣгали почти исключительно къ системѣ концессій, и теперь еще она въ большомъ ходу. Концессія вовсе не предполагаетъ того, что государство абсолютно не интересуется предпріятіемъ. Обыкновенно, государство проявляетъ свою заинтересованность въ немъ разными путями:—а) путемъ опредѣленія въ подрядныхъ условіяхъ нѣкоторыхъ условій относительно добросовѣстнаго выполненія работъ, защиты рабочихъ и удовлетворенія потребителей,—къ концессіи всегда присовокупляется извѣстный тарифъ;—б) путемъ ограниченія срока концессіи и сохраненія за собой права на предпріятіе по истеченіи условленнаго срока; такъ было съ желѣзными дорогами, съ Суэзскимъ каналомъ и многими другими предпріятіями; опредѣленіе срока концессіи необходимо, но это же обстоятельство ведетъ къ прискорбнымъ послѣдствіямъ, ибо, съ приближеніемъ срока, концессіонеръ, не заинтересованный больше въ добросовѣстномъ веденіи дѣла, всѣ силы напрягаетъ лишь къ тому, чтобы извлечь за остающееся время максимумъ прибыли, если у него нѣтъ возможности возобновить концессію;—в) иногда путемъ денежной поддержки предпріятія, чаще всего въ формѣ гарантіи извѣстнаго процента. Такъ было съ желѣзными дорогами во Франціи и при насажденіи разныхъ отраслей промышленной дѣятельности въ новыхъ странахъ.

3) Между системой регалій и системой концессій есть еще одна или даже двѣ промежуточныхъ системы, представляющихъ

---

[5]) Если рѣчь идетъ о предпріятіяхъ, назначеніе которыхъ состоитъ не въ томъ, чтобы приносить доходъ (открытіе новаго пути, прорытіе туннеля, постройка какого-нибудь зданія и пр.), въ такихъ случаяхъ употребляется не выраженіе концессія, предполагающее доходное и на долгій срокъ предпріятіе, а выраженіе общественныя работы.

Впрочемъ, для общественныхъ работъ тоже существуютъ подрядныя условія. Онѣ должны быть сдаваемы съ торговъ (т. е. предпринимателю, предложившему наивысшую цѣну), а не по полюбовному соглашенію, тогда какъ для концессіи такое условіе необязательно, къ нему и не прибѣгаютъ. Поэтому при концессіяхъ слишкомъ часто имѣютъ мѣсто взятки, которыя иногда, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, приводили къ позорнымъ скандальнымъ разоблаченіямъ; система торговъ и преслѣдуетъ цѣль устранить взяточничество въ дѣлѣ подряда.

изъ себя нѣчто въ родѣ ассоціаціи между государствомъ и предпринимателемъ: по одной системѣ предполагается извѣстный дѣлежъ барышей между двумя сторонами, — это, такъ называемая, долевая регалія; а по другой системѣ государство обусловливаетъ опредѣленный оброкъ и является, слѣдовательно, какъ бы собственникомъ предъ лицомъ договаривающейся съ нимъ стороны,—это, такъ называемый, откупъ.

Послѣдняя система, нѣкогда широко практиковавшаяся (извѣстно, что собираніе налоговъ составляло особую форму предпріятій, эсплоатировавшихся богатыми людьми, которые назывались „генеральными откупщиками"), нынѣ почти совершенно оставлена. Наоборотъ, долевая регалія, несомнѣнно, будетъ развиваться, ибо она довольно удачно разрѣшаетъ задачу, которая только-что занимала насъ: совершенно освобождая государство или муниципалитеты отъ техническаго руководства, она, однако, представляетъ имъ почти такія же выгоды, какъ и простая регалія. По отношенію къ предпринимателю государство находится приблизительно въ положеніи коммандитера съ тѣмъ только преимуществомъ, что ему не приходится давать капиталы. Въ Парижѣ система долевой регаліи [6]) примѣнена уже въ четырехъ предпріятіяхъ: газовомъ, омнибусовъ, метрополитэна и электрическомъ. При помощи остроумныхъ комбинацій она позволяетъ объединить интересы четырехъ сторонъ, являющихся факторами экономической жизни: государства, или города, предпринимателя (т. е. капитала), рабочихъ (т. е. труда) и потребителей; первыхъ трехъ—въ формѣ участія въ прибыли, а послѣднихъ—въ формѣ пониженія цѣнъ.

---

[6]) Выраженіе долевая регалія кажется нѣсколько страннымъ, ибо простая регалія—самая доходная для государства, которое беретъ себѣ отъ нея все. Но эпитетъ долевая имѣетъ въ виду не государство, а предпринимателя и служащихъ, которые, вмѣсто того, чтобы быть простыми наемниками государства, получаютъ долю прибыли.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОБРАЩЕНІЕ.

Въ первыхъ изданіяхъ этого произведенія мы помѣщали обращеніе въ одной книгѣ съ производствомъ. Мы были тогда подъ впечатлѣніемъ того обстоятельства, что обращеніе не имѣетъ цѣли въ самомъ себѣ, такъ какъ богатства обращаются не для того, чтобы только обращаться. Обмѣнъ и кредитъ, образующіе двѣ существенныя части обращенія богатства, составляющія, какъ мы это увидимъ, нѣчто единое, представлялись намъ способами организаціи труда, преслѣдующими совершенно одинаковую цѣль съ ассоціаціей и раздѣленіемъ труда,—цѣль облегченія производства.

Если же теперь мы рѣшили принять классическое подраздѣленіе и отвести обмѣну и кредиту особый отдѣлъ, то мы дѣлаемъ это не только потому, что такъ удобнѣе, въ цѣляхъ изученія, располагается матеріалъ, и вовсе не потому только, что такое подраздѣленіе соотвѣтствуетъ обычному различенію между торговлей и промышленностью, а потому, главнымъ образомъ, что эти новые способы организаціи труда, дѣйствительно, переносятъ насъ совсѣмъ въ иную область. Богатство создано, и теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы передать его. Оно не измѣнитъ больше формы, оно перемѣнитъ только собственника. Оно не является больше предметомъ техническаго преобразованія, оно становится объектомъ договоровъ [1]).

---

[1]) Однако, обыкновенно, въ отдѣлѣ объ обращеніи помѣщаются (см. нашъ „Курсъ“) не только способы передачи, но и способы перевозки, носящіе чисто экономическій и техническій характеръ; но фактически послѣдніе почти нельзя отдѣлить отъ первыхъ.

Въ классическомъ трактатѣ Ж.-Б. Сэя обращеніе также включено въ отдѣлъ о

ГЛАВА I.

Обмѣнъ.

I.

Историческій очеркъ обмѣна.

Мѣсто, занимаемое обмѣномъ въ современной жизни, очень обширно.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно замѣтить, что почти вся совокупность богатства создана для обмѣна. Возьмите хлѣбъ, ссыпанный въ амбары или кладовыя землевладѣльцевъ, одежду въ мастерскихъ, обувь у сапожника, драгоцѣнности у ювелира, хлѣбъ у булочника... и спросите, какую часть этихъ богатствъ производитель назначаетъ для собственнаго потребленія. Ея либо вовсе нѣтъ, либо она ничтожна. Все это только товары, т. е., какъ ясно показываетъ само названіе, предметы, предназначенные для продажи. Наша промышленная дѣятельность, наши способности, наши таланты тоже весьма часто предназначаются для удовлетворенія чужихъ, а не нашихъ потребностей. Часто ли приходится адвокату, врачу, нотаріусу работать для самихъ себя, защищать свое собственное дѣло, лѣчить свои болѣзни или составлять для себя документы? Эти лица также разсматриваютъ свои услуги только съ точки зрѣнія обмѣна. Вотъ почему, когда дѣло касается нашихъ богатствъ, мы оцѣниваемъ ихъ не съ точки зрѣнія бо́льшей или меньшей полезности ихъ для насъ, а исключительно съ точки зрѣнія ихъ мѣновой цѣнности, т. е. ихъ полезности для другихъ.

производствѣ. Но въ новѣйшихъ трактатахъ замѣчается скорѣе склонность включать обращеніе въ отдѣлъ о распредѣленіи по тому же основанію, какое мы указываемъ въ текстѣ, а именно: обращеніе предполагаетъ передачу собственности, договоръ обмѣна или кредита. Но вѣдь способы распредѣленія, откуда проистекаютъ всѣ доходы, какъ-то: заработная плата, арендная плата, проценты и т. д., сами по себѣ не что иное, какъ способы обмѣна или кредита. И такую точку зрѣнія тоже можно съ успѣхомъ защищать. См. въ особенности великолѣпный трактатъ Пирсона Principles of Economics (переводъ на англійскій языкъ съ голландскаго).

Но не слѣдуетъ думать, что такъ было всегда. Обмѣнъ не столь простой пріемъ, какъ ассоціація или раздѣленіе труда; послѣдніе столь естественны, что даже нѣкоторые виды животныхъ умѣютъ пользоваться ими [2]). Обмѣнъ далеко не инстинктивное явленіе; на первыхъ ступеняхъ развитія онъ, повидимому, былъ противенъ человѣческой природѣ. Первобытный человѣкъ разсматривалъ то, что онъ сдѣлалъ, продукты своего труда, какъ нѣчто нераздѣльное съ его личностью. Отсюда необыкновенно торжественныя формальности, которыми сопровождалось вначалѣ отчужденіе вещей (напримѣръ, mancipatio въ римскомъ правѣ). Но — странная вещь—даръ, повидимому, практиковался раньше обмѣна, и даже полагаютъ, что онъ, именно, и далъ начало обмѣну въ формѣ взаимнаго даренія.

Въ первоначальной фазѣ промышленной организаціи, въ семейной промышленности, обмѣнъ, очевидно, не могъ имѣть мѣста, такъ какъ каждая группа представляла автономную самодовлѣющую организацію. Группа удовлетворяла свои потребности исключительно съ помощью труда своихъ членовъ и рабовъ, а, впослѣдствіи, съ помощью своихъ крѣпостныхъ. Обмѣнъ возникаетъ, по большей части, какъ рѣдкое или случайное явленіе, для нѣкоторыхъ экзотическихъ продуктовъ, привозимыхъ иностранными купцами извнѣ.

Во второй фазѣ—въ корпоративной промышленности—вмѣстѣ съ раздѣленіемъ ремеслъ по необходимости появляется и обмѣнъ. Но онъ еще не выходитъ за предѣлы города: на городскомъ рынкѣ встрѣчаются производители и потребители, сограждане. Купцамъ извнѣ удается, все-таки, проникнуть въ городъ, но не безъ труда и борьбы и только при соблюденіи извѣстныхъ строгихъ условій.

Въ третьей фазѣ—мануфактурной промышленности—рынокъ расширяется и становится національнымъ; тогда-то и начинается настоящій обмѣнъ и торговля. Уже отмѣчалось въ литературѣ, что возникновеніе національнаго рынка происходитъ одно-

---

[2]) Съ перваго взгляда можно было бы, пожалуй, подумать, что исторически обмѣнъ долженъ былъ предшествовать раздѣленію труда. Таково было мнѣніе Адама Смита. Но въ дѣйствительности было иначе. Раздѣленіе труда предшествовало обмѣну, ибо оно могло осуществляться и безъ обмѣна въ предѣлахъ семьи или даже племени, тогда какъ не легко себѣ представить существованіе обмѣна безъ раздѣленія труда, т. е безъ извѣстной спеціализаціи производства. По поводу этого второго положенія см. Бюхера: „ Происхожденіе народнаго хозяйства". С.П.Б. 1897 г.

временно съ организаціей современныхъ крупныхъ государствъ, а также съ примѣненіемъ системы національныхъ укрѣпленій Вобана, пришедшей на смѣну системѣ городскихъ укрѣпленій, — обстоятельство, доказывающее, что эволюція экономическая, политическая, военная и т. д. идутъ параллельными путями.

Расширяясь еще больше, рынокъ становится колоніальнымъ, и тогда (въ XVIII в.) нарождаются тѣ крупныя торговыя компаніи, которыя сыграли такую важную роль въ экономической жизни странъ, какъ, напримѣръ, англійская Остъ-индская Компанія. Наконецъ, въ четвертой фазѣ—механической промышленности и желѣзныхъ дорогъ—рынокъ по-истинѣ становится міровымъ, и торговля получаетъ тотъ огромный размахъ, который до основанія преобразовалъ экономическія отношенія нашей старой Европы и который изъ вопроса о международной торговлѣ сдѣлалъ одну изъ самыхъ важныхъ проблемъ нашего времени.

II.

Разложеніе мѣны на продажу и покупку.

Когда обмѣнъ совершается непосредственно, товаръ на товаръ, (онъ носитъ тогда названіе мѣны—troc), получается самая неудобная и часто даже неосуществимая на практикѣ операція. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы мѣна осуществилась, нужно, чтобы владѣлецъ какого-нибудь предмета пустился на поиски лица, готоваго пріобрѣсти товаръ, которымъ онъ владѣетъ, и (совпаденіе еще гораздо труднѣе осуществимое!) готоваго также уступить ему какъ разъ ту вещь, въ которой онъ нуждается. Это еще не все: нужно еще (допуская, что такое счастливое совпаденіе можетъ встрѣтиться), чтобы оба предмета, предназначенные для обмѣна, были равной цѣнности, т. е. чтобы они отвѣчали равнымъ и противоположнымъ желаніямъ,—третья невѣроятность! [3])

[3]) Англійскій путешественникъ, лейтенантъ Камеронъ, въ своемъ путешествіи по Африкѣ (въ 1874 г.) разсказываетъ, какъ ему пришлось поступить, чтобы достать себѣ лодку: „Человѣкъ Саида хотѣлъ, чтобы ему заплатили слоновой костью, а у меня ея не было. Мнѣ пришли сказать, что Могаммедъ Ибнъ Селибъ имѣетъ слоновую кость и нуждается въ матеріи; но такъ какъ, къ сожалѣнію, у меня не было ни

Изобрѣтеніе товара-посредника устраняетъ такія неудобства. Оно предполагаетъ, конечно, извѣстное явное или молчаливое соглашеніе между людьми, живущими въ обществѣ, въ томъ, что каждый соглашается принимать въ обмѣнъ за свои продукты этотъ товаръ-посредникъ. Разъ это условіе принято, операція идетъ, какъ нельзя лучше. Предположимъ, выбрали для этой цѣли серебро. Въ обмѣнъ за произведенный мною товаръ, который мнѣ желательно сбыть, я охотно принимаю извѣстное количество серебра, даже и въ томъ случаѣ, когда мнѣ нечего съ нимъ дѣлать. Почему же такъ? А потому, что я знаю, что, когда я захочу пріобрѣсти нужный мнѣ предметъ, мнѣ достаточно будетъ предложить его владѣльцу то же количество серебра, и онъ приметъ его по той же причинѣ, по которой я самъ принялъ это серебро.

Изъ сказаннаго ясно, что всякая мѣновая операція будетъ такимъ образомъ разложена на двѣ различныя операціи. Вмѣсто того, чтобы мѣнять мой товаръ А на вашъ Б, я обмѣнивая свой товаръ А на серебро, чтобы затѣмъ вымѣнять это серебро на товаръ Б. Первая операція называется продажей, а вторая—покупкой (по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, когда товаръ-посредникъ представляется въ формѣ монеты въ собственномъ смыслѣ). Выходитъ какъ будто скорѣе осложненіе, чѣмъ упрощеніе. Но кратчайшій путь не всегда бываетъ прямой линіей, и этотъ геніальный обходъ, напротивъ, устраняетъ неисчислимое множество заботъ и труда. Въ самомъ дѣлѣ, мѣну дѣлало неудобной то, именно, обстоятельство, что какой-нибудь производитель, скажемъ, Примусъ, долженъ былъ встрѣтить другое лицо, скажемъ, Секундуса, которое было бы расположено одновременно, во-первыхъ, пріобрѣсти вещь, которую хочетъ сбыть Примусъ, а, во-вторыхъ, уступить Примусу именно ту вещь, которую тотъ хочетъ пріобрѣсти. Съ разложеніемъ мѣновой операціи, Примусу придется, конечно, подыскать охот-

---

того, ни другого, то это меня еще не устраивало. Но Ибнъ Герибъ, у котораго была матерія, нуждался въ металлической проволокѣ, а у меня ея было много. И вотъ я далъ Ибну Герибу на нужную сумму мѣдной проволоки, а онъ заплатилъ мнѣ матеріей, которую я передалъ Ибну Селибу; послѣдній далъ эквивалентъ ея въ слоновой кости человѣку Саида, и я получилъ лодку!"

Насколько же труднѣе мѣна, когда дѣло идетъ о мѣнѣ услугъ! Альманахъ миссій въ Базелѣ отъ 1907 г. указываетъ, что въ Гренландіи въ Годабѣ у эскимосовъ есть газета, издаваемая миссіонерами; подписка на эту газету на три мѣсяца стоитъ одного дикаго гуся, а на годъ одного тюленя.

ника на свой товаръ, но ему уже не зачѣмъ будетъ спрашивать у этого лица нужный ему, Примусу, товаръ. Примусъ обратится за этимъ къ другому лицу, въ другое время, въ другомъ мѣстѣ. Именно, недѣлимость этихъ двухъ операцій и затрудняла ихъ такъ сильно, но разъ порваны связывавшія ихъ узы, каждая изъ нихъ въ отдѣльности становится довольно простой. Не очень трудно будетъ найти кого нибудь, кто нуждался бы въ вашемъ товарѣ, т. е. покупателя. Еще легче будетъ найти кого-нибудь другого, кто готовъ былъ бы уступить вамъ товаръ, въ которомъ вы нуждаетесь, т. е. продавца

А такъ какъ при непосредственной мѣнѣ весьма трудно произвести оцѣнку вещи, то происходятъ при этомъ самыя возмутительныя злоупотребленія. Когда въ торговыхъ сношеніяхъ съ туземцами центральной Африки даютъ негру ружья или бумажную матерію въ обмѣнъ на резину или слоновую кость, продаваемый продуктъ преувеличивается въ цѣнности въ четыре раза, а цѣнность покупаемаго преуменьшается на половину, что для европейца составляетъ мѣну 1 на 8,—это еще честная мѣна! Во многихъ случаяхъ отношеніе складывается, какъ 1 къ 100! Въ этомъ смыслѣ можно благословлять вмѣшательство въ обмѣнъ денегъ: онѣ стали проводникомъ морали, равенства и справедливости во взаимныя отношенія людей.

Но не слѣдуетъ забывать, что, хотя и отдѣленныя другъ отъ друга, эти двѣ операціи продолжаютъ все же составлять одно цѣлое, и нельзя себѣ представить одну изъ нихъ безъ другой. Въ ежедневномъ обиходѣ мы слишкомъ склонны представлять себѣ продажу и покупку, какъ двѣ совершенно независимыя и самодовлѣющія операціи. Это—заблужденіе. Всякая покупка предполагаетъ предварительную продажу, ибо прежде, чѣмъ быть въ состояніи обмѣнять свои деньги на товары, нужно было предварительно обмѣнять свои товары на деньги. Наоборотъ, всякая продажа предполагаетъ покупку въ будущемъ, ибо когда обмѣниваютъ свои товары на деньги, то это дѣлаютъ только для того, чтобы впослѣдствіи обмѣнять эти деньги на другіе товары,—иначе, для чего нужны были бы эти деньги? При этомъ, такъ какъ деньги могутъ сохраняться неопредѣленное время безъ употребленія, то можетъ случиться, что пройдетъ очень длинный промежутокъ времени—нѣсколько лѣтъ, можетъ-быть, даже нѣсколько поколѣній—между двумя операціями, между

продажей и дополняющей ее покупкой. Но мысленно необходимо сближать эти два акта, и, въ дѣйствительности, всякій человѣкъ въ нашихъ культурныхъ обществахъ, равно какъ и въ первобытныхъ, несмотря на вмѣшательство товара-посредника и вносимыя имъ осложненія, живетъ обмѣномъ своихъ продуктовъ или услугъ настоящихъ или прошлыхъ на другіе продукты или услуги въ настоящемъ или будущемъ. Ни одинъ человѣкъ, не исключая даже празднаго рантье, не можетъ производить расходовъ, если кто-нибудь изъ его предковъ или его должниковъ не продалъ продуктовъ своего труда и не передалъ ему полученныхъ денегъ.

Этотъ, служащій для разложенія мѣны на продажу и покупку, товаръ-посредникъ и называется деньгами. Роль денегъ, какъ въ экономической наукѣ, такъ и въ дѣловой жизни, огромна. Мы посвятимъ имъ нѣсколько главъ.

III.

Мѣновая цѣнность и цѣна.

Старые экономисты, начиная съ Аристотеля, а за нимъ и Адамъ Смитъ, различали двѣ цѣнности: цѣнность, которую они называли потребительной, и которую лучше было бы называть „индивидуальной цѣнностью“, и цѣнность, которую они называли мѣновой, и которую лучше было бы назвать „соціальной цѣнностью“. Они же показали, что между этими цѣнностями можетъ быть весьма большое расхожденіе. Такъ, для близорукаго ученаго очки имѣютъ неоцѣнимую потребительную цѣнность, а мѣновая цѣнность ихъ весьма умѣренна, тогда какъ брилліантовыя серьги, мѣновая цѣнность которыхъ можетъ быть весьма значительной, не имѣютъ для него абсолютно никакой потребительной цѣнности [4]).

Почему такое разнорѣчіе? Потому, что потребительная цѣнность

[4]) Мы уже отмѣтили, что монеты въ двадцать франковъ имѣютъ неодинаковую потребительную цѣнность (полезность) для милліонера и бѣднаго человѣка, ибо для послѣдняго она представляетъ нѣсколько дней существованія, а для перваго—бездѣлицу. И, тѣмъ не менѣе, очевидно, что монета въ двадцать франковъ имѣетъ одинаковую мѣновую цѣнность какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго человѣка: всѣ двадцатифранковики одинаково равноцѣнны.

вещи опредѣляется исключительно потребностями и желаніями, личной оцѣнкой опредѣленнаго индивидуума; въ основѣ ея лежитъ не что иное, какъ субъективная полезность ея для этого индивидуума; она измѣняется въ зависимости отъ потребностей или каприза его и не имѣетъ ни общаго характера, ни соціальнаго значенія. Мѣновая цѣнность болѣе устойчива, потому что она опредѣляется потребностями и желаніями всѣхъ людей данной страны или, можетъ-быть, цѣлаго міра, которые хотятъ или могутъ пріобрѣсти ее. Цѣнность фамильнаго портрета, можетъ-быть, велика для меня, но это обстоятельство не сообщаетъ ему никакой мѣновой цѣнности, если только онъ представляетъ изъ себя мазню. Наоборотъ, если портретъ кисти Ванъ-Дейка или Рембрандта, онъ имѣетъ универсальную мѣновую цѣнность, опредѣляемую желаніемъ всѣхъ любителей картинъ.

Въ глазахъ человѣка, живущаго, подобно всѣмъ намъ, въ обществѣ, мѣновая цѣнность несравненно, конечно, важнѣе потребительной, не только для общества, что̀ самой собой разумѣется, но и для самого обладателя ею. Ибо, если потребительная цѣнность можетъ существовать безъ мѣновой, то, наоборотъ, мѣновая не можетъ существовать безъ потребительной. Всякая мѣновая цѣнность по необходимости предполагаетъ большую потребительную цѣнность, поскольку обмѣнъ самъ по себѣ является весьма частымъ и весьма возможнымъ для обладателя пользованіемъ своимъ богатствомъ, и поскольку уже одно обладаніе предметомъ является причиной огромнаго удовлетворенія, даже независимо отъ возможности продать его. Поэтому вѣроятно, что владѣлецъ портрета кисти Ванъ-Дейка (въ приведенномъ выше примѣрѣ) будетъ дорожить имъ еще больше, чѣмъ портретомъ своего дѣда.

Какъ средняя желаній огромнаго числа лицъ, мѣновая цѣнность имѣетъ общій характеръ, она имѣетъ, какъ говорятъ, курсъ, или котировку. Продавцы и покупатели должны, какъ говорятъ, „сообразоваться съ курсомъ“.

Мѣновую цѣнность называютъ также цѣной.

Однако, цѣна и мѣновая цѣнность далеко не одно и то же, поскольку цѣна, какъ мы видѣли выше, есть одно изъ тысячи возможныхъ выраженій цѣнности. Цѣнность есть отношеніе между какими-нибудь двумя вещами, а цѣна есть отношеніе, въ которомъ одинъ изъ двухъ членовъ всегда представленъ деньгами. Я не говорю, что должны быть

непремѣнно звонкая и чеканная монета или бумажныя деньги, ибо въ тѣхъ мѣстахъ Африки, гдѣ вмѣсто денегъ употребляются еще куски матеріи или стеклянный товаръ, выраженная такимъ образомъ цѣнность товаровъ тоже является ихъ цѣной, но я хочу сказать, что цѣна всегда предполагаетъ общую мѣру, образцовое мѣрило, принятое за средство сравненія.

Съ такой оговоркой можно вполнѣ слѣдовать установившемуся обыкновенію и употреблять слово цѣна, какъ нормальное выраженіе мѣновой цѣнности.

Посмотримъ теперь, какимъ условіямъ должна удовлетворять мѣновая цѣнность, текущая цѣна.

Ихъ можно формулировать такимъ образомъ:

1) Цѣна на однородные продукты, устанавливающаяся въ данный моментъ на рынкѣ, можетъ быть только единой цѣной. Это и есть то, что Стэнли Джевонсъ назвалъ закономъ безразличія. Этотъ законъ, по Джевонсу, сводится къ тому, что всякій разъ, когда для насъ совершенно безразлично пріобрѣсти на рынкѣ тотъ или иной изъ многочисленныхъ предметовъ, потому что всѣ они однородны, иначе говоря, когда у насъ нѣтъ никакого основанія предпочитать одинъ предметъ другому, мы не согласимся платить за одинъ какой-нибудь предметъ дороже, чѣмъ за другой.

Съ перваго взгляда можно было бы, пожалуй, подумать обратное. Предположите, что на рынкѣ находятся десять продавцовъ хлѣба, и у всѣхъ неодинаковыя требованія, а съ другой стороны— десять покупателей хлѣба, и каждый изъ нихъ придаетъ неодинаковую цѣнность хлѣбу, который онъ хочетъ пріобрѣсти. Почему бы не могло установиться столько различныхъ цѣнъ, сколько будетъ паръ контрагентовъ, разъ покупатель готовъ заплатить самую дорогую цѣну, вступивъ въ соглашеніе съ наиболѣе притязательнымъ продавцомъ, тогда какъ покупатель, наименѣе погоняемый нуждой, сойдется съ наименѣе притязательнымъ продавцомъ на очень низкой цѣнѣ? А потому, что ни одинъ покупатель, какъ бы онъ не торопился купить, не согласится дать цѣну, которая была бы выше цѣны его конкуррентовъ, и ни одинъ продавецъ, какъ бы онъ не былъ сговорчивъ, не согласится уступить свой хлѣбъ по цѣнѣ, которая была бы ниже цѣны его товарищей. Тѣ и другіе подождутъ, пока установится рыночная цѣна.

Эту единую въ данный моментъ на рынкѣ цѣну и называютъ

курсомъ. Курсъ для всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ благъ, какъ-то: хлѣбъ, вино, уголь, хлопокъ, шерсть, мѣдь и т. д., а равно и для цѣнныхъ бумагъ и государственныхъ фондовъ, публикуется въ спеціальныхъ вѣдомостяхъ и служитъ основой для торговыхъ операцій.

2) Единая цѣна должна быть такой, чтобы она вела къ совпаденію предлагаемое количество товара со спрашиваемымъ количествомъ его.

Безусловно необходимо, чтобы эти количества совпадали, ибо было бы полной безсмыслицей и неразрѣшимымъ противорѣчіемъ предположеніе, что проданныхъ мѣшковъ хлѣба можетъ быть больше, чѣмъ купленныхъ,—вѣдь это одни и тѣ же мѣшки!

Но только совпаденіе это возникаетъ не сразу; оно осуществляется только какъ результатъ цѣлаго ряда колебаній между предлагаемыми и спрашиваемыми количествами,—колебаній, соотвѣтствующихъ колебаніямъ цѣны; разъ устанавливается между количествами равновѣсіе, появляется рыночная цѣна. Вернемся къ нашимъ продавцамъ хлѣба. Они предлагаютъ 10 мѣшковъ 10-ти покупателямъ, но просятъ за хлѣбъ 22 франка. Часть покупателей, напуганная этой цѣной, уходитъ, и остается только 5 изъ нихъ. Изъ боязни, чтобы хлѣбъ не остался у нихъ на рукахъ, каждый изъ 10 продавцовъ въ погонѣ за покупателемъ спускаетъ цѣну, и цѣна на всѣ 10 мѣшковъ падаетъ до 20 франковъ. Такая цѣна привлекаетъ часть ушедшихъ покупателей, и вотъ теперь 8 покупателей, спрашивающихъ 8 мѣшковъ. Если всѣ 10 продавцовъ рѣшили продать хлѣбъ во что бы то ни стало, надо будетъ согласиться имъ еще понизить цѣну (напримѣръ, до 18 франковъ), чтобы вернуть остальныхъ 2 наиболѣе напуганныхъ покупателей и поднять спросъ до уровня предложенія, равнаго 10 мѣшкамъ. Но, можетъ быть, случится и такъ, что двое изъ продавцовъ предпочтутъ лучше уйти съ рынка съ хлѣбомъ, чѣмъ спускать цѣну его ниже 20 франковъ. Въ такомъ случаѣ цѣна въ 20 франковъ будетъ рыночной цѣной, ибо по этой цѣнѣ будетъ продано и куплено 8 мѣшковъ: каждому спросу будетъ соотвѣтствовать предложеніе, и необходимое совпаденіе окажется осуществившимся.

3) Рыночная цѣна должна быть такой, чтобы она давала удовлетвореніе наибольшему, по возможности, количеству паръ продавцовъ и покупателей, присутствующихъ на рынкѣ.

Представимъ себѣ двѣ партіи продавцовъ и покупателей, встрѣтившихся лицомъ къ лицу на хлѣбномъ рынкѣ, и изобразимъ въ цифрахъ убывающіе ряды ихъ притязаній, иначе говоря, рядъ продавцовъ, которыхъ мы обозначимъ буквами Пр, начнемъ съ продавца, спрашивающаго самую высокую пѣну, и закончимъ продавцомъ, соглашающимся на низкую цѣну; а рядъ покупателей, обозначаемыхъ нами буквами Пк, начнемъ съ покупателя, самаго сдержаннаго въ своихъ предложеніяхъ, и закончимъ самымъ щедрымъ покупателемъ.

$Пр^1$ проситъ . .	22 фр.	$Пк^1$ предлагаетъ . .	18 фр.
$Пр^2$ „ . .	21 „	$Пк^2$ „ . .	19 „
$Пр^3$ „ . .	20 „	$Пк^3$ „ . .	20 „
$Пр^4$ „ . .	19 „	$Пк^4$ „ . .	21 „
$Пр^5$ „ . .	18 „	$Пк^5$ „ . .	22 „

Предположимъ, что открываетъ дѣйствія $Пр^1$, спрашивающій 22 франка. На эту цѣну есть только одинъ покупатель, $Пк^5$, который какъ будто готовъ дать ее, остальные четверо не хотятъ итти такъ далеко. Слѣдовательно, могла бы быть заключена одна сдѣлка, на одинъ только мѣшокъ, тогда какъ есть четыре продавца, жаждущихъ продать даже и по низшей цѣнѣ. Да и $Пк^5$ не такой ужъ наивный человѣкъ, чтобы платить 22 франка, максимальную цѣну, когда можно купить хлѣбъ дешевле. Онъ подождетъ, пока другіе менѣе притязательные продавцы поставятъ свои требованія... Тогда очередь доходитъ до $Пр^2$, который проситъ только 21 фр. На это требованіе откликается второй покупатель, $Пк^4$. Такимъ образомъ, вотъ ужъ два покупателя, готовыхъ пойти на сдѣлки, между тѣмъ, какъ трое остальныхъ покупателей не хотятъ итти на эту (21 фр.) цѣну.

Наконецъ, выходитъ $Пр^3$, который спрашиваетъ только 20 франковъ. На эту цѣну готовы согласиться 3 покупателя изъ 5, слѣдовательно, большинство, а такъ какъ и изъ продавцовъ то же трое готовы удовлетвориться предлагаемыми условіями, то и составится такимъ образомъ три пары контрагентовъ, которыя получатъ удовлетвореніе. Никакая другая цѣна (кромѣ цѣны въ 20 франковъ) не дала бы такого же результата. Поэтому она и будетъ закономъ рынка.

Что касается до $Пр^1$ и $Пр^2$, съ одной стороны, и $Пк^1$ и $Пк^2$, съ другой, то имъ придется покинуть рынокъ, если они не захотятъ понизить своихъ требованій: цѣна установится безъ ихъ участія.

IV.

Законъ предложенія и спроса.

Когда-то существовала — ее можно встрѣтить во всѣхъ классическихъ трактатахъ по политической экономіи—простая и ясная, по внѣшности, по крайней мѣрѣ, формула для объясненія всего того, что касается цѣнности; она формулировалась такъ: мѣновая цѣнность измѣняется прямо пропорціонально спросу и обратно пропорціонально предложенію.

Нынѣ эта формула сильно—и, можетъ-быть, немного слишкомъ—дискредитирована. Ее можно справедливо упрекнуть въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, въ противорѣчіи ея математическихъ притязаній съ фактами. Уменьшеніе предлагаемаго количества товара на половину не влечетъ за собою непремѣнно удвоенія цѣнъ. Если бы предложеніе хлѣба въ какой-нибудь огражденной таможенными пошлинами странѣ уменьшилось бы на половину, цѣна хлѣба повысилась бы гораздо болѣе, чѣмъ вдвое: она, можетъ быть, упятерилась бы—и наоборотъ.

Во-вторыхъ, въ смѣшеніи слѣдствія съ причиной. Если ростъ спроса повышаетъ цѣну, то повѣшеніе цѣны, очевидно, понизитъ въ свою очередь спросъ, и если ростъ предложенія понижаетъ цѣну, то пониженіе цѣны, очевидно, стремится въ свою очередь ограничить предложеніе. Иначе говоря, если спросъ и предложеніе регулируютъ цѣну, то съ такимъ же правомъ можно сказать, что цѣна регулируетъ предложеніе и спросъ [5]).

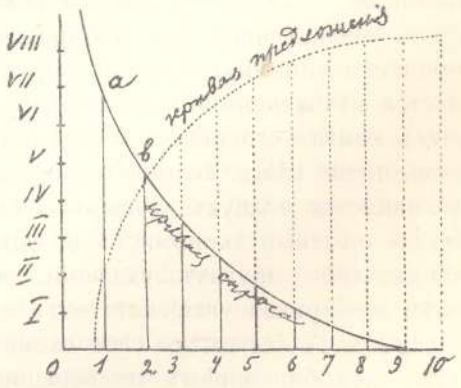
---

[5]) Возьмемъ какую-нибудь цѣнность на биржевомъ рынкѣ, напримѣръ, 3%-ую ренту, и предположимъ ее въ 100 франковъ. Существуетъ постоянно извѣстное предложеніе этой ренты и извѣстный спросъ на нее. Предположимъ, что къ открытію биржи цифра спроса оказывается въ два раза больше цифры предложенія. Кто-же можетъ подумать, что цѣна ренты должна удвоиться и подняться до 200 фр.! А, между тѣмъ, такъ и должно было бы случиться, если бы вышеуказанная формула была точна. Въ дѣйствительности же курсъ ренты не поднимется, можетъ быть, даже и на 1 фр. И произойдетъ это по той простой причинѣ, что большинство лицъ, являвшихся покупателями при курсѣ въ 100 фр., отхлынетъ, какъ только цѣна начнетъ подниматься. Ясно, что если цифра спроса уменьшается по мѣрѣ того, какъ цѣна поднимается, цифра предложенія въ то же время и по той же причинѣ

Въ третьихъ, въ томъ, что эта формула не придаетъ словамъ предложеніе и спросъ никакого удобопонятнаго смысла. Подъ словомъ предложеніе можно еще, пожалуй, подразумѣвать существующее на рынкѣ количество товаровъ (хотя во многихъ случаяхъ и чисто потенціальное уменьшеніе въ количествѣ—боязнь плохого урожая, напримѣръ,—можетъ вызвать тѣ же послѣдствія), но что понимать подъ спросомъ? Спрашиваемое количество совершенно неопредѣленно, такъ какъ оно зависитъ какъ разъ отъ мѣновой цѣнности, отъ цѣны предмета: при цѣнѣ по одному су за бутылку спросъ на бордосское вино будетъ почти неограниченнымъ, а при цѣнѣ по 100 фр., онъ сведется почти къ нулю. Мы вращаемся, слѣдовательно, въ заколдованномъ кругу.

Чтобы выйти изъ этого круга, современные экономисты оставили тщетныя попытки разрѣшить эту проблему: предложеніе и спросъ опредѣляютъ цѣну, или цѣна опредѣляетъ ихъ,—и направляютъ свое вниманіе только на то, чтобы съ точностью опредѣлить существующія между этими различными явленіями отношенія.

При этомъ, прежде всего, констатируется такой безусловно общій законъ: всякій разъ, какъ цѣны увеличиваются, спросъ понижается до тѣхъ поръ, пока онъ, при извѣстномъ уровнѣ цѣнъ, совершенно не исчезнетъ. Этотъ законъ изображается очень простой графической фигурой.

Вертикальныя линіи въ этомъ изображеніи называются ординатами, а отложенные на горизонтальной промежутки—абсциссами.

увеличивается. Слѣдовательно, наступитъ непремѣнно такой моментъ, когда убывающій спросъ и возрастающее предложеніе сравняются, и равновѣсіе будетъ тогда возстановлено. Но чтобы добиться такого результата, обыкновенно бываетъ достаточно повысить ренту на нѣсколько сантимовъ.

Возьмемъ какой-нибудь товаръ. Начертимъ горизонтальную линію и отмѣтимъ на ней равно отстоящія одна отъ другой точки 1, 2, 3, 4, 5 . . . . 10 и т. д.—цифры условныя, выражающія въ сантимахъ, франкахъ и т. д. котирующіяся на рынкѣ цѣны. Изобразимъ вертикальной линіей какой-нибудь высоты количество (выраженное въ кило, метрахъ и т. д.) какого-нибудь товара, требуемое по цѣнѣ въ одинъ франкъ, напримѣръ, затѣмъ другими вертикальными, опущенными на отложенныя нами точки, количество того же самаго товара, спрашиваемое по цѣнамъ въ 2, 3, 4, 5 . . . . 10 фр. и т. д. Эти вертикальныя линіи будутъ становиться все меньше и меньше и, наконецъ, падутъ до нуля. Соединимъ вершины всѣхъ вертикальныхъ одной линіей, которая, болѣе или менѣе быстро ниспадая въ формѣ дуги, въ-концѣ-концовъ, сходится въ данной точкѣ съ горизонтальной; въ выразительной кривизнѣ этой линіи изображается колебаніе спроса въ зависимости отъ цѣны. Она называется кривой спроса.

И не безъ причины она становится „кривой“: было бы самой невѣроятной случайностью, если бы она была прямой, подобно сторонѣ треугольника, ибо это обозначало бы, что измѣненіе спроса находится въ точномъ соотношеніи съ измѣненіемъ цѣны, чего почти не бываетъ. Чаще всего спросъ падаетъ быстрѣе, чѣмъ поднимается цѣна, на томъ весьма простомъ основаніи, что, при весьма ограниченномъ кругѣ богатыхъ людей по сравненію съ бѣдными, достаточно слабаго повышенія цѣны, чтобы продуктъ сталъ недоступенъ для широкихъ массъ, а это обстоятельство и придаетъ упомянутой линіи форму вогнутой. Но форма ея измѣняется въ зависимости отъ товара. Есть такіе товары, для которыхъ кривая становится выпуклой, потому что спросъ, вопреки повышенію цѣнъ, склоняется къ паденію лишь очень медленно. Но не найдется и двухъ товаровъ съ одинаковыми кривыми, такъ чтобы опытный экономистъ по одной только формѣ кривыхъ, безъ какихъ-либо другихъ указаній, могъ съ увѣренностью сказать: вотъ это кривая угля! или: вотъ это кривая мѣди! Иначе каждый товаръ могъ бы имѣть свое схематическое изображеніе, свою примѣту, подобно лицамъ, подвергшимся антропометрическому измѣренію, или, если предпочтительно болѣе благородное сравненіе, подобно тѣмъ полосамъ солнечнаго спектра, которыя позволяютъ физику распознать каждый элементъ.

А что же дѣлается съ предложеніемъ? Оно естественно измѣ-

няется въ обратномъ направленіи. При всякомъ повышеніи цѣнъ предлагаемое количество увеличивается, а потому можно также начертить кривую предложенія, которая получитъ не менѣе интересный видъ, нежели кривая спроса. У нея получается даже еще болѣе разнообразное искривленіе, ибо предложеніе въ конечномъ счетѣ зависитъ отъ производства. И въ зависимости отъ того, коснется ли дѣло строго ограниченнаго производства (предметовъ роскоши и т. д.), или производства съ непропорціональнымъ доходомъ (т. е. производства, въ которомъ затраты растутъ быстрѣе, чѣмъ производимый продуктъ, напр., въ земледѣльческомъ производствѣ), или напротивъ, производства, въ которомъ чѣмъ больше производится, тѣмъ больше уменьшается стоимость производства (какъ это бываетъ въ большинствѣ промышленныхъ отраслей), наклонность кривой къ искривленію будетъ болѣе или менѣе вялой или болѣе или менѣе стремительной.

Обѣ нанесенныя на чертежѣ линіи—кривыя спроса и предложенія — непремѣнно пересѣкутся, ибо онѣ идутъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Точка пересѣченія ихъ имѣетъ капитальное значеніе, ибо она отмѣчаетъ тотъ именно психологическій моментъ, когда, при равенствѣ предлагаемыхъ и спрашиваемыхъ количествъ, подобно химическому соединенію, мгновенно происходитъ обмѣнъ. И если изъ этой точки опустить вертикальную линію на горизонтальную, гдѣ проставлены цѣны, то эта вертикальная, подобно стрѣлкѣ вѣсовъ, укажетъ рыночную цѣну, — это линія *в2*.

Что же дальше,—спросятъ скептики,—чему насъ учитъ все это? Развѣ эти кривыя дадутъ намъ возможность угадывать, когда кофе или хлѣбъ повысятся въ цѣнѣ?—Увы, нѣтъ. Но обнять изящными и точными формулами понятія, которыя были неуловимыми, составляетъ уже нѣкоторый успѣхъ.

До сихъ поръ мы предполагали извѣстное число продавцовъ и покупателей, т. е., именно, наличность того, что называется режимомъ свободной конкурренціи; но вся картина измѣняется, если предположить одного продавца или одного покупателя. Второй случай встрѣчается очень рѣдко, но первый, называемый монополіей (*μόνος*—одинъ), очень часто.

Предположимъ одного продавца и возьмемъ, напримѣръ, какъ Курно, впервые изучавшій законъ цѣнъ при режимѣ монополіи,

собственника минеральнаго источника, надѣленнаго исключительными лѣчебными свойствами. Можно было бы, пожалуй, подумать, что отъ этого собственника зависитъ поставить цѣну, какую ему угодно, и что, слѣдовательно, тутъ нѣтъ никакого закона. Но это далеко не такъ. Если онъ назначитъ 10 франковъ за бутылку, то онъ увидитъ, что продается незначительное количество бутылокъ, и что онъ, слѣдовательно, пріобрѣтаетъ мало, продаетъ, напримѣръ, 1000 бутылокъ, что составитъ 10.000 фр. Если онъ понизитъ цѣну до 1 фр., онъ продастъ 100.000 бутылокъ, что̀ составитъ 100.000 фр., ибо онъ немедленно найдетъ сбытъ среди массы среднихъ по достатку классовъ. Въ этомъ его интересъ не расходится съ интересомъ потребителей. Но вотъ, поощренный успѣхомъ, монополистъ понижаетъ цѣну до 40 сантимовъ за бутылку; а такъ какъ число больныхъ ограничено, и минеральную воду пьютъ не ради удовольствія, то продажа увеличивается только въ два раза (200.000 бут.) и нашъ монополистъ непріятно пораженъ паденіемъ своего дохода до 80.000 фр. Тогда онъ поспѣшитъ поднять свою цѣну и доведетъ ее до такого предѣла, чтобы на продаваемомъ количествѣ бутылокъ получить максимумъ дохода. Въ такомъ случаѣ его интересъ разойдется съ интересомъ потребителя.

Замѣтьте, что мы говоримъ не о той предѣльной цѣнѣ, которая могла бы установиться при выпускѣ на рынокъ всей добываемой изъ минеральнаго источника воды. Далеко нѣтъ, до такой цѣны монополистъ не дойдетъ. Если предположить, что наиболѣе выгодной для него предѣльной цѣной будетъ цѣна въ 1 франкъ, при чемъ продажа выразится въ 100.000 литровъ, а источникъ даетъ 300.000 литровъ, то онъ воздержится отъ сбыта всѣхъ этихъ 300.000 литровъ, ибо для этого ему пришлось бы понизить цѣну, можетъ быть, до 10 сантимовъ, что ему дало бы не больше 30 000 франковъ дохода. Онъ предпочтетъ бросить лишніе 200.000 литровъ. Вотъ почему, какъ извѣстно, одинъ издатель разорвалъ на клочки часть экземпляровъ Энциклопедіи, а Компанія голландскихъ Индій въ годы крупныхъ урожаевъ кореньевъ приказывала сжигать часть ихъ, чтобы выгоднѣе продать остальное. Если бы въ 1906 и 1907 гг. виноградари юга Франціи смогли бы столковаться относительно уничтоженія части урожая винограда, они не задумались бы сдѣлать это. И въ этомъ случаѣ интересъ монополиста, опять-таки, стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ общимъ интересомъ.

V.

Колебанія цѣнъ.

Цѣна есть количество денегъ, которое необходимо дать въ обмѣнъ на какое-нибудь благо или какую-нибудь услугу, чтобы получить ихъ. Чѣмъ больше цѣнность предмета, тѣмъ, очевидно, большее количество денегъ надо будетъ дать за пріобрѣтеніе его, или, что́ то же, тѣмъ меньшее количество этого предмета можно будетъ пріобрѣсти на опредѣленную сумму денегъ.

Цѣна какой-нибудь вещи по существу есть, слѣдовательно, — какъ и сама цѣнность, однимъ изъ выраженій которой является цѣна—отношеніе. Но извѣстно, что если измѣняется одинъ изъ членовъ отношенія, то непремѣнно измѣняется и само отношеніе.

Если, поэтому, вслѣдствіе какой-нибудь причины, измѣнится цѣнность денегъ, то цѣна тоже должна будетъ измѣниться.

Предположите, въ самомъ дѣлѣ, что цѣнность золота или серебра сегодня не та же, что́ была вчера. Ясно, что цѣнность всякаго предмета, которую вы будете измѣрять при помощи этихъ благородныхъ металловъ, будетъ измѣняться, т.-е. цѣна его измѣнится и измѣнится какъ разъ обратно пропорціонально измѣненію цѣнности благородныхъ металловъ.

Если бы длина метра или, вѣрнѣе, длина окружности земного меридіана, дѣленіемъ которой и является метръ, завтра составляла бы лишь половину того, что она составляетъ сегодня, вслѣдствіе, напримѣръ, сокращеніе земного шара, не очевидно ли, что всѣ предметы, которые мы стали бы измѣрять, казались бы намъ болѣе длинными или болѣе высокими, ибо мы нашли бы два метра тамъ, гдѣ мы считали раньше одинъ? Точно такъ же, если бы золото или серебро вдругъ потеряли половину своей цѣнности, вслѣдствіе какой-нибудь гораздо менѣе чудесной причины—вслѣдствіе, напримѣръ, ихъ изобилія, — цѣна всѣхъ предметовъ, т.-е. ихъ выраженная въ деньгахъ цѣнность, очевидно, казалась бы намъ повышенной въ два раза.

Мы можемъ поэтому формулировать этотъ законъ слѣдующимъ образомъ: всякое измѣненіе въ цѣнности денегъ влечетъ за собою обратно пропорціональное измѣненіе въ цѣнахъ.

Итакъ, нашему изслѣдованію подлежатъ двѣ категоріи причинъ: 1) причины, вліяющія на цѣнность того исключительнаго товара, какимъ являются деньги; 2) причины, вліяющія на цѣнность какого-нибудь покупаемаго товара.

§ 1.—Разсмотримъ сначала вліяющія на деньги причины:

а) Большее или меньшее количество звонкой монеты является главнымъ элементомъ, вліяющимъ на цѣнность денегъ. Поэтому можно выставить слѣдующую вторую формулу: всякое измѣненіе въ количествѣ денегъ влечетъ за собою прямо пропорціональное измѣненіе въ цѣнахъ. Если, напримѣръ, количество денегъ вдругъ удвоится въ странѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что цѣны, при всѣхъ, впрочемъ, остальныхъ равныхъ условіяхъ, значительно повысятся, хотя было бы неосторожно утверждать, что онѣ какъ разъ удвоятся.

Эта формула, которая извѣстна подъ названіемъ количественной теоріи денегъ, открытіе которой состовляло одну изъ заслугъ Рикардо, нынѣ очень дискредитирована.

Такова судьба всѣхъ, такъ называемыхъ, классическихъ теорій. Начинаютъ съ преклоненія предъ ними, потомъ находятъ, что онѣ лишь приблизительно нащупываютъ истину; наконецъ, приходятъ экономисты-критики, которые доказываютъ, что эти теоріи вовсе невѣрны. Такова была судьба знаменитой теоріи предложенія и спроса. Несмотря на это, она принесла, все-таки, пользу, чему доказательствомъ служитъ то, что безъ нея почти нельзя обойтись въ обыденной рѣчи. То же относится и къ количественной теоріи денегъ. Если принять ее въ безусловномъ смыслѣ, т. е., если, напримѣръ, утверждать, что всякій разъ, какъ количество денегъ въ странѣ удвоится, цѣны тоже удвоятся, то, конечно, рискуешь встрѣтиться съ фактами, которые категорически опровергнутъ это, ибо количество денегъ есть лишь одинъ изъ вліяющихъ на цѣны факторовъ и, кромѣ него, существуетъ еще много другихъ. Но неоспоримо, что онъ—одинъ изъ такихъ факторовъ и, вѣроятно, самый важный. Экономистъ имѣетъ полное право, подобно всякому экспериментатору, сосредоточить свое вниманіе на одной изъ причинъ извѣстнаго явленія, совершенно абстрагируясь отъ всѣхъ другихъ причинъ. Поэтому, чтобы возстановить за вышеизложенными формулами репутацію истинныхъ, достаточно прибавить къ нимъ оговорку: „при всѣхъ, впрочемъ, остальныхъ равныхъ условіяхъ“; съ такой именно оговоркой онѣ и принима-

лись тѣми экономистами, которые впервые возвѣстили ихъ. Эти экономисты не настолько были слѣпы, чтобы не видѣть другихъ причинъ, которыя вліяютъ на деньги—не говоря уже о тѣхъ, которыя непосредственно вліяютъ на товары—и ихъ взаимно нейтрализующаго вліянія.

Повсемѣстно установленный фактъ тотъ, что при изобиліи денегъ цѣны весьма высоки: напримѣръ, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ есть золотоносная руда, всѣ продукты оплачиваются по сказочно высокимъ цѣнамъ. По той же причинѣ всякій разъ, какъ въ извѣстныя историческія эпохи количество драгоцѣнныхъ металловъ вдругъ увеличивалось, цѣны испытывали сильное повышеніе: такъ было, напримѣръ, въ XVI в. послѣ открытія Америки и въ серединѣ XIX в. послѣ открытія золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи.

б) Большая или меньшая быстрота въ обращеніи денегъ равносильна измѣненію въ количествѣ ихъ и, слѣдовательно, производитъ тотъ же самый эффектъ. Если какая-нибудь желѣзнодорожная или морская транспортная компанія сможетъ удвоить за тотъ же промежутокъ времени пробѣгъ своихъ вагоновъ или своихъ кораблей, то, очевидно, это будетъ равносильно удвоенію подвижного состава ихъ. По этой причинѣ паровое судно даже одинаковаго тоннажа считается равнымъ тройному парусному. Точно также, если золотая монета сможетъ обернуться въ день въ два раза больше, это будетъ равносильно тому, какъ если бы въ обращеніи было двѣ такихъ менеты.

А быстрота обращенія денегъ въ свою очередь зависитъ отъ густоты населенія. Въ большомъ городѣ къ концу дня одна и та же монета пройдетъ чрезъ гораздо большее количество рукъ, чѣмъ въ деревнѣ.

в) Большее или меньшее число актовъ обмѣна (продажъ, ссудъ, учетовъ и т. д.) тоже вліяетъ на цѣнность денегъ, но въ противоположномъ смыслѣ, т. е., чѣмъ больше предстоитъ актовъ обмѣна, тѣмъ больше требуется денегъ, и, слѣдовательно, тѣмъ больше поднимается ихъ цѣнность.

Такъ какъ двѣ послѣднія причины чаще всего дѣйствуютъ одновременно, то онѣ стремятся взаимно ослабить другъ друга. Если бы вторая причина дѣйствовала одна, то въ большихъ городахъ цѣны всегда были бы гораздо выше, чѣмъ въ деревняхъ. Такъ обыкновенно въ дѣйствительности и бываетъ, правда, не въ полной

мѣрѣ, ибо въ большихъ городахъ даетъ себя сильно чувствовать также и третья причина.

2) Степень совершенства видовъ кредита, которые позволяютъ обходиться безъ денегъ и, слѣдовательно, дѣлаютъ ихъ менѣе полезными и менѣе спрашиваемыми.

Что касается бумажныхъ денегъ и банковскихъ билетовъ, то выпускъ ихъ равносиленъ просто увеличенію металлическихъ денегъ. Но при выпускѣ ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду 1) количество денегъ, скопившихся въ кассахъ банковъ, которое банковскій билетъ лишь замѣщаетъ въ обращеніи, и 2) количество металлическихъ денегъ, которое бумажныя деньги могутъ вытѣснить за границу.

Но кредитъ замѣняетъ деньги, главнымъ образомъ, въ формѣ чека и зачетовъ. Безъ этихъ формъ, несмотря на новые золотоносные источники, деньги не смогли бы удовлетворить чрезмѣрному росту потребностей торговаго оборота, и весьма вѣроятно, что мы увидѣли чрезмѣрное вздорожаніе денегъ и послѣдовательное пониженіе цѣнъ.

§ 2.—Если теперь мы захотимъ изслѣдовать тѣ причины измѣненія цѣнъ, которыя дѣйствуютъ непосредственно на товары, предполагая цѣнность денегъ постоянной, то мы будемъ блуждать, какъ въ лѣсу, ибо нѣтъ, можно сказать, ни одного событія не только экономическаго, но даже политическаго и соціальнаго порядковъ, которое не оказывало бы какого-нибудь вліянія на всѣ вообще цѣны или, по крайней мѣрѣ, на цѣны извѣстныхъ продуктовъ. Какъ разъ эта именно проблема весьма усиленно дебатировалась въ послѣднее время. Весьма сильное и общее повышеніе цѣнъ, начиная съ 1902 г., во всѣхъ странахъ вызвало многочисленныя интервью въ газетахъ и дискуссіи въ ученыхъ обществахъ [6]).

Одни экономисты, мнѣніе которыхъ мы раздѣляемъ, приписываютъ это довольно непредвидѣнное повышеніе громадной продуктивности золотоносныхъ рудъ, учетверившейся въ теченіе 20 послѣднихъ лѣтъ. Но большинство, отвергая это объясненіе, ищетъ другія причины, дѣйствующія непосредственно на товары, и каждый

---

[6]) Во Франціи всѣ предметы домашняго хозяйства поднялись въ цѣнѣ на 15—50 %, а во всѣхъ другихъ странахъ, начиная съ Россіи и кончая С. Штатами, повышеніе было еще болѣе сильное, — до 100%. Эта всеобщность явленія показываетъ, что и причина его должна быть всеобщей, и, кромѣ денегъ, другой причины не усматривается.

экономистъ указываетъ свою причину: одинъ указываетъ на протекціонизмъ, другой—на ростъ налоговъ, третій—на безпрерывныя стачки, четвертый—на рабочее законодательство и на воскресный отдыхъ; есть даже такіе экономисты, которые указываетъ на умноженіе посредниковъ, на ростъ вкуса къ роскоши, на русско-японскую войну и т. д. Поэтому тщетна попытка открыть общія причины, которыя опредѣляли бы цѣну товаровъ, и изученіе можетъ быть плодотворнымъ только тогда, когда мы возьмемъ каждый продуктъ въ отдѣльности. Нѣтъ иныхъ общихъ причинъ измѣненія цѣнъ, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ на мѣрило цѣнъ, т. е. на деньги.

VI.

Выгоды обмѣна.

Выгоды обмѣна таковы:

1) Обмѣнъ позволяетъ наилучшимъ образомъ утилизировать такія богатства, которыя безъ обмѣна оставались бы безполезными.

Что дѣлала бы Англія со своимъ каменнымъ углемъ, Трансваль—со своимъ золотомъ, Тунисъ—со своими фосфорнокислыми солями, Бразилія—со своимъ кофе или хинной коркой, если бы не было обмѣна? Анализируя понятіе богатства, мы видѣли, что необходимымъ условіемъ для того, чтобы какой-нибудь предметъ фигурировалъ въ числѣ богатствъ, является возможность пользованія имъ. Но для того, чтобы богатство могло быть утилизированнымъ, необходимо, чтобы обмѣнъ доставилъ его въ руки того, кто долженъ имъ пользоваться: хининъ—въ руки страдающаго лихорадкой, фосфаты—въ руки земледѣльца, каменный уголь—въ руки заводчика. Вообразите, что завтра какой-нибудь указъ вдругъ уничтожитъ повсюду обмѣнъ и заставитъ каждаго человѣка и каждую страну хранить у себя и для себя всю сумму находящихся въ ихъ обладаніи богатствъ, и подумайте, какое огромное количество богатствъ будетъ сразу же лишено всякой полезности,—впору бросить ихъ на гніеніе! И не только осталась бы безполезной большая часть богатствъ при отсутствіи обмѣна,

но эти богатства и не были бы никогда произведены безъ него. Обмѣнъ создаетъ ростъ полезности, а часто также и самоё полезность.

Въ обмѣнѣ слѣдуетъ видѣть послѣдній актъ въ томъ цѣломъ рядѣ производительныхъ актовъ, который начинается съ изобрѣтенія—тоже нематеріальнаго акта,—проходитъ чрезъ всю серію операцій въ земледѣльческой, мануфактурной и транспортной промышленностяхъ, послѣдовательно направляя продукты къ заключительному назначенію ихъ, въ руки того, кто долженъ использовать ихъ. Перемѣна формы, перемѣна мѣста, перемѣна рукъ, —всѣ эти три акта одинаково необходимы для того, чтобы привести продуктъ къ конечной цѣли его.

Правда, есть нѣкоторыя такія мѣновыя и кредитныя операціи, какъ, напримѣръ, продажа домовъ, бумажныхъ цѣнностей на биржѣ, исчисляемыхъ въ милліардахъ, продажа предметовъ искусства или мебели въ аукціонныхъ залахъ,—операціи, о которыхъ нельзя было бы сказать, что онѣ составляютъ производительные акты, ибо какое значеніе можетъ имѣть для производства то обстоятельство, что та или другая акція или облигація, та или другая рента, картина или домъ принадлежатъ Петру или Павлу? Это— сдѣлки передачи, чисто юридическаго характера. Поэтому онѣ могутъ интересовать только юриста, а не экономиста, мы же занимаемся только первой категоріей сдѣлокъ, т. е. тѣми, которыя связаны съ производствомъ.

Но даже и въ такомъ случаѣ, т. е. даже тогда, когда дѣло идетъ о продажахъ или наймѣ, имѣющихъ своимъ предметомъ либо вполнѣ готовые продукты, либо капиталы или земли, иначе говоря, операціи внѣ области промышленности или торговли,— даже и тогда можно разсматривать ихъ, какъ операціи, создающія полезность и, слѣдовательно, производительныя, въ томъ смыслѣ, что проданная или отданная въ наемъ вещь пріобрѣтаетъ бо́льшую полезность, ибо она, очевидно, болѣе желаема покупателемъ или заемщикомъ, чѣмъ продавцомъ или ссужателемъ. Это — сама очевидность, ибо иначе ни продавецъ не продавалъ бы, ни ссужатель не ссужалъ бы.

2) Обмѣнъ позволяетъ наилучшимъ образомъ утилизировать лицъ и производительныя способности ихъ, которыя безъ него оставались бы бездѣятельными.

Замѣтьте, въ самомъ дѣлѣ, что если бы не существовало

обмѣна, каждый человѣкъ долженъ былъ бы заботиться о производствѣ всего, что необходимо для его потребностей, и если бы у него этихъ потребностей было бы, напримѣръ, десять, онъ долженъ былъ бы заниматься десятью различными ремеслами; хорошо ли или плохо отправлялъ бы онъ свои ремесла, — это другой вопросъ, вѣдь онъ былъ бы вынужденъ сообразовать свое производство не со своими способностями, а со своими потребностями. Положеніе сразу измѣняется съ момента появленія на сцену обмѣна: каждый человѣкъ, увѣренный теперь въ возможности достать путемъ обмѣна все, что ему будетъ необходимо, занимается только тѣмъ дѣломъ, которое онъ лучше всего можетъ дѣлать; теперь его производство регулируется уже не по потребностямъ, а по способностямъ или средствамъ его. До обмѣна каждый въ этомъ мірѣ долженъ былъ стараться производить все, что ему было наиболѣе необходимо; съ момента появленія обмѣна каждый старается производить только то, что ему больше всего подъ силу. Великое и изумительное упрощеніе.

Можно сказать, что только что указанныя нами выгоды очень похожи на тѣ, которыя доставляетъ раздѣленіе труда, и, дѣйствительно, это тѣ же самыя выгоды, но насколько же онѣ стали шире и многочисленнѣе! При отсутствіи обмѣна ассоціація и раздѣленіе труда непремѣнно требовали бы предварительнаго соглашенія между сотрудниками: нужно было бы, чтобы всѣ сговорились участвовать въ общемъ дѣлѣ. Но обмѣнъ избавляетъ отъ этого предварительнаго сговора и, такимъ образомъ, позволяетъ раздѣленію труда выйти изъ узкаго круга мастерской или семьи, захватить цѣлую обширную страну и развернуться отъ одного конца свѣта до другого. Съ появленіемъ обмѣна каждый, гдѣ бы онъ ни находился, можетъ производить, сообразуясь со своими естественными или пріобрѣтенными способностями, сообразно естественнымъ свойствамъ обитаемой имъ страны; каждый можетъ посвящать себя цѣликомъ одной только работѣ и выносить на рынокъ всегда одинъ и тотъ же продуктъ и быть увѣреннымъ, что, благодаря искуснымъ механизмамъ, которые мы изучили выше, онъ получитъ любой нужный ему продуктъ. Уже часто отмѣчалось, что то, что каждый изъ насъ потребляетъ въ одинъ день, есть сложный результатъ дѣйствія сотенъ и, можетъ быть, тысячъ работниковъ, связанныхъ

узами весьма реальной, хотя и безсознательно возникшей ассоціаціи [7]).

Обмѣнъ былъ бы почти невозможенъ, если бы не были созданы нѣкоторые необходимые для него органы:

1) Средства перевозки, предназначенныя для облегченія и ускоренія перемѣщенія товаровъ;

2) Сборные пункты, называемые рынками, облегчающіе встрѣчу владѣльцевъ различныхъ предметовъ;

3) Профессіоналы, обозначаемые именемъ купцовъ или коммерсантовъ, для посредничества между производителями и потребителями;

4) Мѣры вѣса для измѣренія обмѣниваемыхъ количествъ;

5) Товаръ-посредникъ, обозначаемый именемъ денегъ и предназначенный для разложенія мѣны на продажу и покупку [8]).

Глава II.

Металлическія деньги.

I.

Историческій очеркъ денегъ.

Тотъ или иной предметъ могъ сдѣлаться посредникомъ при обмѣнѣ не въ силу какого-нибудь нарочитаго соглашенія, а вслѣдствіе присущихъ ему извѣстныхъ преимуществъ, какъ бы предназначившихъ его къ этой высокой функціи и остановившихъ на немъ выборъ людей.

---

[7]) Разсказываютъ, что американскій милліардеръ Карнеги, задавая блестящій пиръ членамъ американскаго конгресса 1890 г., съ гордостью сказалъ имъ: „Почти весь міръ внесъ свою дань въ меню, которое будетъ сейчасъ для васъ сервировано!“ Но—чего же проще—любой бѣднякъ то же самое могъ бы сказать о своемъ обѣдѣ. „Самый бѣдный рабочій,—какъ еще лучше выражается Лавелэ,—потребляетъ продукты всего земного шара. Шерсть для его одежды прибываетъ изъ Австраліи; рисъ для его супа—изъ Индіи, пшеница для его хлѣба—изъ Иллинойса; керосинъ для его лампы—изъ Пенсильваніи; его кофе—изъ Явы...“ (Elements d' Économie politique, с. 198).

[8]) Относительно четырехъ другихъ факторовъ обмѣна см. нашъ Cours d'Économie politique.

Неудобства непосредственной мѣны заставили людей избрать третій товаръ, которому предназначалось участвовать въ каждомъ обмѣнѣ. Вполнѣ естественно, что они избрали такой товаръ, который былъ въ общемъ употребленіи и наиболѣе простымъ, какъ, напримѣръ, тесаный камень у первобытныхъ людей.

Въ патріархальныхъ обществахъ эту роль третьяго товара игралъ, естественно, скотъ (волъ или баранъ), и многіе индо-европейскіе языки и даже языки басковъ сохранили еще воспоминаніе объ этой примитивной формѣ денегъ въ самомъ названіи, которое они даютъ имъ [1]).

Много также другихъ товаровъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣстностямъ, играло роль товара-посредника: рисъ—въ Японіи, плитки чая—въ Центральной Азіи, мѣха—на территоріи Гудзонова залива, кисея или бруски соли—въ Центральной Африкѣ; но есть одна категорія предметовъ, которая имѣла привилегію обратить на себя очень рано вниманіе людей и вскорѣ вытѣснила всякій другой товаръ во всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ обществахъ, —я говорю о, такъ называемыхъ, благородныхъ металлахъ: золотѣ, серебрѣ и мѣди.

Благодаря своимъ химическимъ свойствамъ, дѣлающимъ ихъ относительно неизмѣняемыми, они являются единственными металлами, встрѣчающимися въ природѣ въ самородномъ состояніи, вслѣдствіе чего люди имѣли возможность узнать и добывать ихъ раньше, чѣмъ познанія ихъ въ области металлургіи позволили имъ узнавать и добывать другіе металлы, какъ, напримѣръ, желѣзо. Слѣдуетъ замѣтить, что старое преданіе о четырехъ вѣкахъ — золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ — располагаетъ эти четыре металла какъ разъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стали извѣстны человѣку. Уже однихъ физическихъ свойствъ ихъ—блеска, цвѣта, ковкости,—которыя всегда побуждали людей добиваться ихъ, то въ цѣляхъ украшенія, то для нѣкоторыхъ промышленныхъ работъ,—было бы достаточно, чтобы оправдать ту несравненную роль, какую играли эти металлы у всѣхъ культурныхъ народовъ.

---

[1]) Такъ, латинское слово pecunia—беремъ наиболѣе извѣстный примѣръ—значитъ, скотъ, табунъ. И даже у Гомера еще встрѣчаются цѣнности (вооруженіе Діогена и Главка), исчисляемыя въ „быкахъ". Отсюда казавшееся такимъ смѣшнымъ выраженіе Леконта де Лиля въ его переводѣ Эсхила: „бросить быка на его языкъ!"—что значитъ: заставить кого-нибудь замолчать путемъ подкупа.

Эти естественныя свойства влекутъ за собою извѣстныя экономическія послѣдствія весьма огромной важности, придающія благороднымъ металламъ очень выдающееся преимущество предъ всякимъ другимъ товаромъ.

1) Удобство перевозки. — Никакой другой предметъ не представляетъ такой большой цѣнности при столь незначительномъ вѣсѣ. Грузъ, который человѣкъ въ состояніи перенести на своей спинѣ, равняется приблизительно 30 килограммамъ. А, между тѣмъ, 30 килогр. угля едва представляли бы цѣнность одного франка; 30 килогр. хлѣба — 6 франковъ; 30 килогр. шерсти — 30—40 фр.; 30 килогр. мѣди — 50 фр.; слоновой кости — 700—800 фр.; шелка-сырца — 1500 фр.; серебра — 3000 фр., и чистаго золота — 100.000 франковъ.

Важность этого перваго свойства чрезвычайна, гораздо болѣе значительна, чѣмъ можно себѣ представить это съ перваго взгляда. И вотъ почему.

Ясно, что если бы трудность перевозки всякаго товара была устранена, если бы можно было надѣлить любой товаръ даромъ вездѣсущія, если бы міръ представлялся для него единымъ рынкомъ, то въ результатѣ получилось бы, что цѣнность его была бы совершенно одинаковой во всѣхъ пунктахъ земного шара. Въ самомъ дѣлѣ, предположите, что цѣнность его оказалась бы менѣе высокой въ одномъ мѣстѣ земного шара, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Люди не замедлили бы отправиться въ первое мѣсто, чтобы оттуда переправить его во второе, а такъ какъ, по предположенію, перевозка не представляла бы никакого затрудненія и не сопровождалась бы расходами, то самой незначительной разницы было бы достаточно для того, чтобы операція оказалась выгодной. Равновѣсіе—если предположить, что оно было нарушено—немедленно возстановилось бы, какъ немедленно устанавливается уровень въ жидкости, молекулы которой обладаютъ свойствомъ полной текучести.

Но такъ какъ благородные металлы изъ всѣхъ товаровъ (кромѣ драгоцѣнныхъ камней) имѣютъ наибольшую цѣнность при весьма ограниченномъ объемѣ, то и перевозить ихъ удобнѣе всего, и цѣнность ихъ очень быстро приходитъ къ своему нормальному уровню. За какой-нибудь одинъ процентъ цѣнности—включая фрахтъ и страховку—массу золота и серебра можно перевести съ одного конца свѣта на другой, тогда какъ за такой же вѣсъ хлѣба нужно

было бы заплатить, смотря по разстоянію, 20, 30 и 50 % его цѣнности. Изъ этого слѣдовало бы сдѣлать тотъ выводъ, что во всѣхъ концахъ свѣта цѣнность благородныхъ металловъ должна бы быть приблизительно одинаковой. Однако, такой выводъ былъ бы не совсѣмъ точнымъ. Извѣстно, напротивъ, что цѣнность благородныхъ металловъ не вездѣ одинакова, и что, главнымъ образомъ, въ мѣстахъ добычи ихъ она значительно понижается, каковое обстоятельство объясняетъ невѣроятно низкія цѣны, существующія въ мѣстахъ нахожденія золотоносныхъ рудъ (полвѣка тому назадъ въ Австраліи, нынѣ въ Трансваалѣ или Клондайкѣ). Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что цѣнность этихъ металловъ весьма хорошо удовлетворяетъ первому условію правильнаго мѣрила цѣнностей,—неизмѣняемости въ пространствѣ.

2) Высшая степень прочности.—Вслѣдствіе своихъ химическихъ свойствъ, которыя дѣлаютъ ихъ почти недоступными вліянію воздуха, воды или всякаго другого тѣла, золото и серебро могутъ сохраняться безконечно долго безъ всякихъ измѣненій. Нѣтъ въ природѣ другого богатства, о которомъ можно было бы сказать то же самое: продукты животнаго и растительнаго царства портятся, и даже металлы, какъ, напримѣръ, желѣзо, окисляются и, въ концѣ концовъ, обращаются въ прахъ.

Это свойство по важности своей почти равносильно предыдущему. Оно призводитъ такой же результатъ во времени, какъ первое—въ пространствѣ, а именно: по крайней мѣрѣ, относительную неизмѣняемость цѣнности на протяженіи долгихъ періодовъ времени. Благодаря своей прочности, которая позволяетъ однѣмъ и тѣмъ же вычеканеннымъ и перечеканеннымъ частицамъ металла переживать вѣка, благородные металлы понемногу накопляются во внушительную массу (нынѣ болѣе 60 милліардовъ, изъ которыхъ 40 милліардовъ золота, — изъ нихъ на С.-Штаты, Францію, Россію, Германію и Англію приходится около 25 милліардовъ), въ которую сливается ежегодное производство, какъ въ безпрерывно расширяющійся резервуаръ, и въ которой, поэтому, случайныя колебанія все болѣе и болѣе сглаживаются. Въ стремительномъ потокѣ малѣйшіе приливы выражаются въ необычныхъ измѣненіяхъ уровня, а сильнѣйшіе приливы Роны поднимаютъ уровень Женевскаго озера лишь на какихъ нибудь нѣсколько сантиметровъ.

Какая же разница между благородными металлами и, напри-

мѣръ, хлѣбомъ! Хлѣбъ не имѣетъ продолжительнаго существованія, онъ тотчасъ же потребляется. Поэтому, ко времени новаго урожая, амбары, куда ссыпается хлѣбъ, бываютъ почти уже пустыми. Предположите, что годичный сборъ хлѣба вдругъ удвоится во всемъ свѣтѣ! На складахъ тоже удвоятся запасы хлѣба, и паденіе цѣнъ на него будетъ невѣроятнымъ. Между тѣмъ, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ добыча золота болѣе, чѣмъ учетверилась, поднявшись съ 500 милліоновъ франковъ въ 1884 г. до, приблизительно, 2500 милліоновъ въ настоящее время, и, несмотря на это, такъ какъ эта добыча представляетъ лишь незначительную (5% приблизительно) долю всего существующаго золото-серебрянаго запаса, результатъ ея остается незначительнымъ.

Все-таки, съ теченіемъ времени такія колебанія становятся чувствительными, потому что, при существующей, напримѣръ, нормѣ ежегоднаго производства, запасъ золота, пожалуй, удвоится за 20 лѣтъ. Если, такимъ образомъ, цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ представляетъ достаточную гарантію устойчивости во времени, когда дѣло идетъ о короткихъ періодахъ, то она далеко не въ такой же мѣрѣ обезпечиваетъ ее, когда мы беремъ долгіе періоды. Отсюда возникаютъ серьезныя неудобства, къ которымъ мы еще вернемся.

3) Однокачественность. — Будучи, какъ говорится въ химіи, простыми тѣлами, благородные металлы повсюду одинаковы. Опытный негоціантъ сумѣетъ отличить одесскую пшеницу отъ калифорнской, или клокъ шерсти австралійскаго барана отъ шерсти испанскаго мериноса, но самый искусный ювелиръ или химикъ, вооруженный самыми сильными реактивами, не найдетъ никакой разницы между австралійскимъ золотомъ и уральскимъ. Тутъ не надо никакихъ „образчиковъ“.

4) Трудность поддѣлки. — Благородные металлы сразу распознаются зрѣніемъ, слухомъ и осязаніемъ по своему цвѣту, звуку и вѣсу и, вслѣдствіе этого, ихъ довольно легко отличать отъ всякаго другого тѣла [2]).

5) Совершенная дѣлимость.—Эту дѣлимость слѣдуетъ понимать не только въ механическомъ, но и въ экономическомъ смыслѣ слова. Раздѣлите слитокъ золота на сто частей, и вы ни-

---

[2]) Серебряныя монеты вызываютъ осязательное ощущеніе, опредѣленно отличающее ихъ, напр., отъ никкеля.

сколько не измѣните цѣнности его: каждый кусокъ имѣетъ цѣнность, точно соотвѣтствующую его вѣсу, а всѣ вмѣстѣ взятые куски имѣютъ цѣнность, въ точности равную цѣнности первоначальнаго большого слитка [3]).

Одно дѣло—пользоваться благородными металлами, какъ орудіемъ обмѣна, другое дѣло—пользоваться ими, какъ монетой въ собственномъ смыслѣ [4]). Отмѣчается три различныхъ стадіи въ переходѣ отъ первой формы ко второй:

1. Сначала употребляли благородные металлы въ видѣ неотдѣланныхъ слитковъ. Поэтому при каждомъ обмѣнѣ приходилось сначала взвѣшивать слитки, а потомъ установить ихъ пробу. Юридическія сдѣлки стараго римскаго права, mancipatio, напримѣръ, съ ея libripens, носили слѣды того времени, когда орудіе обмѣна—серебро или бронза—взвѣшивалось. И нынѣ еще въ Китаѣ, гдѣ не въ употребленіи чеканная монета, купцы носятъ у пояса вѣсы и пробирный камень.

2. Когда людямъ наскучила необходимость при каждомъ обмѣнѣ обращаться къ этой двойной операціи, имъ пришла въ голову мысль пользоваться отесанными слитками, вѣсъ и проба которыхъ бывали заранѣе опредѣлены и гарантированы какой-нибудь печатью или офиціальнымъ штемпелемъ. Законодатель, которому впервые явилась эта остроумная мысль, имѣетъ право на признаніе за нимъ заслуги настоящаго изобрѣтенія монеты, ибо съ этого именно момента перестаютъ взвѣшивать слитки и только считаютъ ихъ, а это именно и характеризуетъ монету. Кажется вѣроятнымъ, что одинъ изъ царей Лидіи, жившій около 650—700 гг. до Р. Х, впервые сталъ чеканить монету, образчики которой можно еще видѣть въ Британскомъ музеѣ. Она состоитъ не изъ золота и не изъ серебра, а изъ сплава этихъ двухъ метал-

---

[3]) Драгоцѣнные камни, являющіе превосходство надъ благородными металлами съ точки зрѣнія бо́льшей цѣнности при ограниченности объема, уступаютъ послѣднимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Они весьма измѣнчивы въ качествѣ, доступны поддѣлкѣ, а главное, ихъ нельзя дѣлить безъ того, чтобы не уничтожить ихъ цѣнность.

[4]) Крупныя и могущественныя государства, вродѣ Египта, Халдеи и Ассиріи, просуществовали цѣлыя тысячелѣтія въ богатствѣ и благоденствіи, ведя столь обширныя торговыя сношенія, какихъ никогда не могло быть ни у одного народа древности, и постоянно пользуясь благородными металлами въ торговыхъ дѣлахъ, но абсолютно не зная употребленія монеты" (Monnaies et médailles, гл. I).— Египтяне употребляли ихъ, главнымъ образомъ, въ видѣ колецъ.

ловъ, который греки называли „электріемъ“; она не носила еще формы диска, а имѣла овальный видъ слитка со слѣдами какихъ-го полосъ и трехъ штемпелей. Приблизительно то же самое въ наше время встрѣчается въ Китаѣ, гдѣ на слиткахъ часто попадаются марки торговыхъ домовъ, свидѣтельствующія о вѣсѣ и пробѣ этихъ слитковъ.

3. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ. Мало того, что кубическая или неправильная форма слитка неудобна, но, несмотря на штемпель, нѣтъ ничего легче, какъ обрѣзать этотъ слитокъ, не оставивъ и слѣда поддѣлки. Поэтому, все-таки, было благоразумнѣе взвѣшивать его, чтобы убѣдиться въ его цѣлости. Для устраненія этихъ практическихъ неудобствъ и пришлось принять ту форму чеканной монеты, которая встрѣчается теперь у всѣхъ культурныхъ народовъ; это небольшіе кружки, покрытые выпуклыми оттисками по всей своей поверхности, т. е. на лицевой, оборотной сторонѣ и по ребру, такъ, чтобы нельзя было ни обрѣзать, ни испортить монеты, не оставляя въ то же время видимыхъ слѣдовъ на рисункѣ, покрывающемъ монету со всѣхъ сторонъ.

Съ этого времени народился типъ монеты въ собственномъ смыслѣ, который за цѣлые вѣка не измѣнился сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ и къ которому можно приложить опредѣленіе, данное Стэнли Джевонсомъ: слитки, вѣсъ и проба которыхъ гарантируются государствомъ и провѣряются цѣлостью покрывающаго ихъ поверхность рисунка.

II.

Занимаетъ ли звонкая монета особое мѣсто среди богатствъ?

Если вѣрить ходячему мнѣнію, отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ дикихъ, звонкая монета занимала изъ ряда вонъ выходящее мѣсто въ заботахъ и желаніяхъ людей. Люди смотрѣли на нее, если не какъ на единственное богатство, то, во всякомъ случаѣ, какъ на самое важное и, повидимому, цѣнятъ всякое другое богатство только по сраненію съ количествомъ звонкой монеты, кото-

рое оно представляетъ и позволяетъ пріобрѣсти. Быть богатымъ— значитъ, имѣть либо деньги, либо средства обезпечить себя ими.

Было бы интересно прослѣдить проходящія чрезъ всю исторію различныя проявленія этой идеи, смѣшивающей золото съ богатствомъ:—въ попыткахъ средневѣковыхъ алхимиковъ превратить металлы въ золото и такимъ образомъ осуществить то, что они называли „Великимъ Дѣломъ", понимая подъ этимъ гораздо менѣе химическое открытіе, чѣмъ экономическую революцію;—въ энтузіазмѣ, охватившемъ Старый Свѣтъ при прибытіи первыхъ испанскихъ судовъ изъ Америки и говорившемъ ему, что онъ найдетъ въ этомъ Эльдорадо конецъ всѣмъ своимъ бѣдствіямъ; — въ сложныхъ системахъ, примѣняемыхъ всѣми правительствами въ теченіе XVI и XVII вв. съ цѣлью привлеченія звонкой монеты въ страны, лишенныя ея; — и въ настоящее время въ безпокойствѣ, съ какимъ государственные люди и финансисты слѣдятъ за приливомъ и отливомъ звонкой монеты, вызываемыми разницей между вывозомъ и ввозомъ.

Но, обращаясь къ экономистамъ, получаешь совершенно иной отвѣтъ. Можно сказать, что политическая экономія впервые обнаружила свое существованіе въ протестѣ противъ этой идеи, которую она называетъ предразсудкомъ. Она едва только народилась и еще по-дѣтски лепетала, какъ уже устами Буагильбера (1697 г.) утверждала: „весьма вѣроятно, что деньги сами по себѣ вовсе не богатство, и что количество ихъ ничего не значитъ для достатка страны". Со времени Буагильбера нѣтъ экономиста, который не смотрѣлъ бы на звонкую монету съ полнымъ презрѣніемъ и не утверждалъ бы, что она лишь товаръ, подобный всѣмъ другимъ товарамъ, и даже много ниже всякаго другого, ибо сама по себѣ она неспособна прямо удовлетворить какую-нибудь потребность или доставить намъ какое-либо наслажденіе; это, слѣдовательно, единственный товаръ, о которомъ можно было бы сказать, что обиліе или рѣдкость его одинаково безразличны для общества. Если въ какой-нибудь странѣ мало монетъ, каждая монета будетъ имѣть болѣе значительную покупательную силу; если монетъ много, то каждая монета будетъ имѣть меньшую покупательную силу,—для насъ это безразлично.

Какъ бы ни казались противорѣчивыми оба эти мнѣнія, они очень хорошо мирятся другъ съ другомъ. Публика права съ точки

зрѣнія индивидуальной,—единственной точки зрѣнія, которая ее интересуетъ; экономисты правы съ точки зрѣнія, абстрагирующейся отъ отдѣльныхъ лицъ. И вотъ въ чемъ заключается объясненіе:

Всякая монета должа быть разсматриваема, какъ значекъ на всю совокупность существующихъ богатствъ, дающій предъявителю право требовать выдачи какой-нибудь, по его выбору, части этихъ богатствъ [4]).

Ясно, что въ интересахъ каждаго изъ насъ имѣть по-возможности наибольшее число этихъ „значковъ", и, чѣмъ больше ихъ у насъ будетъ, тѣмъ богаче мы будемъ. Конечно, мы прекрасно знаемъ, что сами по себѣ эти значки не могутъ ни насытить насъ, ни утолить нашей жажды; мы не такъ глупы, да и задолго до того, какъ экономисты открыли эту истину, насъ уже учила ей древняя легенда, рисующая царя Мидаса умирающимъ отъ голода среди богатствъ, которыя его глупость обратила въ золото. Но мы, тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что несравненно удобнѣе имѣть эти значки, чѣмъ какое-угодно другое богатство, и у насъ есть полнѣйшее основаніе для этого. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что при существующей организаціи нашихъ обществъ каждое лицо, желающее достать себѣ предметъ, въ производствѣ котораго оно непосредственно не участвовало (а въ такомъ положеніи большинство людей), можетъ достать его только путемъ слѣдующей двойной операціи: а) путемъ обмѣна продуктовъ своего труда или же самого труда своего на звонкую монету, — что́ называется продать; в) путемъ обмѣна этой звонкой монеты на предметы, которые оно желаетъ,—что́ называется купить. Но изъ этихъ двухъ операцій вторая—покупка—очень легко производится: съ деньгами всегда легко достать, что угодно. Напротивъ, первая операція—продажа—несравненно труднѣе: съ предметомъ даже большой цѣнности не

---

[4]) Значекъ, представляющій то преимущество предъ кредитными знаками, что онъ носитъ съ собою всю стоимость; и, дѣйствительно, каждая монета представляетъ гарантіи, по крайней мѣрѣ, отчасти, уже цѣнностью содержащагося въ ней металла. „Если вы сумѣете умственнымъ взоромъ прочесть написанныя на экю надписи, вы отчетливо разберете слѣдующія слова: окажите предъявителю услугу, равноцѣнную услугѣ, оказанной имъ обществу, цѣнность, установленную, доказанную и измѣренную цѣнностью, содержащейся во мнѣ самомъ" (Bastiat, Maudit argent). — Все-таки, не забудемъ нѣкоторыхъ оговорокъ относительно оптимистскаго положенія, что будто бы всякая монета представляетъ оказанную услугу.

всегда легко достать деньги. Поэтому владѣлецъ звонкой монеты находится въ положеніи гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ владѣлецъ любого товара, ибо первому для того, чтобы добиться удовлетворенія своихъ потребностей, остается совершить лишь одинъ переходъ, и притомъ очень легкій, тогда какъ второму предстоитъ сдѣлать два, изъ которыхъ одинъ часто весьма затруднителенъ. Всякое богатство, какъ очень хорошо сказано, позволяетъ удовлетворять только одну спеціальную и опредѣленную потребность, тогда какъ звонкая монета позволяетъ удовлетворять любую потребность по нашему выбору. Владѣлецъ даже очень полезнаго товара можетъ не знать, что́ дѣлать съ нимъ. Владѣлецъ денегъ не безпокоится: онъ всегда найдетъ охотника, а если бы случайно владѣлецъ не нашелъ имъ приложенія, онъ, по крайней мѣрѣ, въ состояніи хранить ихъ безконечно долго въ ожиданіи лучшаго случая, что́ не всегда возможно со всякимъ другимъ товаромъ.

Независимо отъ своего качества быть единственнымъ непосредственнымъ орудіемъ пріобрѣтенія, звонкая монета обладаетъ еще другимъ очень важнымъ свойствомъ: она является единственнымъ орудіемъ расплаты. Никакое иное богатство не обладаетъ этимъ особеннымъ свойствомъ, ибо законъ, какъ и обычай, не признаетъ иного способа расплаты, кромѣ денегъ. Въ торговомъ или промышленномъ мірѣ нѣтъ никого, кто не состоялъ бы должникомъ на болѣе или менѣе крупную сумму. Но не помогутъ купцу или фабриканту товары на складѣ, хотя бы ихъ было на цѣну, превышающую сумму долга (и неоднократно, дѣйствительно, случалось при банкротствахъ, что, по сведеніи счетовъ, активъ оказывался выше пассива): если у него въ нужный моментъ не окажется того особаго богатства, которое называется деньгами, онъ, все-таки, будетъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Удивительно ли послѣ этого, что придается столь важное значеніе такому товару, отъ обладанія которымъ можетъ во всякое время зависѣть нашъ кредитъ и наша честь?

Но если, вмѣсто того, чтобы разсматривать положеніе отдѣльнаго лица, мы разсмотримъ совокупность отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ общество, то точка зрѣнія измѣнится. Тогда и тезисъ экономистовъ, въ силу котораго большее или меньшее количество звонкой монеты—вещь безразличная, становится болѣе пра-

вильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для меня все равно, что количество звонкой монеты, находящееся въ моемъ обладаніи, удесятерилось, если то же самое случилось и со всѣми остальными членами общества. По этому предположенію, я, на самомъ дѣлѣ, не стану богаче, ибо богатство—вещь чисто относительная, и я не могу даже доставить себѣ большую сумму удовольствій, чѣмъ въ прошломъ, ибо, поскольку общая сумма богатствъ, на которую распространяются эти „значки", не увеличилась. каждый значекъ дастъ отнынѣ право только на часть, въ десять разъ меньшую, иначе говоря, каждая монета будетъ имѣть въ десять разъ меньшую покупательную силу, или, еще иными словами, всѣ цѣны повысятся въ десять разъ,—и мое положеніе останется тѣмъ же.

И, все-таки, для странъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, равно какъ для отдѣльныхъ лицъ въ предѣлахъ своихъ отношеній, важно обладать большимъ количествомъ денегъ. Если бы количество существующей во Франціи монеты удесятерилось, это нисколько, конечно, не измѣнило бы взаимоотношеній французовъ между собою (предполагая, что увеличеніе было пропорціонально для всѣхъ), но это сильно измѣнило бы положеніе Франціи по отношенію къ другимъ странамъ, и экономисты въ своей борьбѣ противъ меркантильной системы иногда впадали въ ошибку, отрицая, повидимому, столь очевидный фактъ. Правда, уже въ силу одного своего изобилія, деньги понизились бы въ цѣнѣ во Франціи, но онѣ сохранили бы нетронутой свою покупательную силу на иностранныхъ рынкахъ, и Франція могла бы употребить ихъ на покупку иностранныхъ товаровъ и такимъ образомъ доставить себѣ приращеніе удовлетворенія, пропорціональное приращенію ея звонкой монеты.

Тезисъ экономистовъ, что большее или меньшее обиліе денегъ—вещь безразличная, становится, слѣдовательно, абсолютно вѣрнымъ только съ того момента, когда мысленно охватываются уже не отдѣльныя лица, ни даже нѣкоторыя страны, а весь родъ человѣческій въ цѣломъ. Тогда становится вполнѣ точнымъ утвержденіе, что открытіе золотыхъ пріисковъ, въ сто разъ богаче существующихъ по сіе время, не принесло бы никакой выгоды людямъ: это было бы даже скорѣе непріятнымъ событіемъ, ибо въ такомъ случаѣ золото стоило бы не дороже мѣди, и мы были бы, слѣдовательно, принуждены отягощать свои карманы такой

же громоздкой монетой, какую Ликургъ хотѣлъ навязать Лакедемонянамъ [5]).

III.

Обречены ли металлическія деньги на постоянное пониженіе своей цѣнности.

Безпрерывное обезцѣненіе металлическихъ денегъ, по крайней мѣрѣ, за послѣднее тысячелѣтіе, — фактъ, доказываемый всѣми историческими документами. Это обезцѣненіе приняло даже весьма большіе размѣры [6]). Цѣнность денегъ при Карлѣ Великомъ была приблизительно въ девять разъ выше, чѣмъ нынѣ; наканунѣ открытія Америки она была еще въ шесть разъ выше; въ эпоху Великой Французской революціи она была въ два раза выше. Поэтому представляется вполнѣ законнымъ предположеніе, что паденіе этой кривой должно безостановочно продолжаться. Человѣческая дѣятельность съ каждымъ днемъ становится все болѣе изобрѣтательной по части открытія тайниковъ, въ которыхъ природа скрыла свои богатства, и болѣе подготовленной для цѣлесообразной обработки ихъ. Ни серебро, ни даже золото не являются столь рѣдкими дарами, какъ это думаютъ; они повсюду [7])

---

[5]) Адамъ Смитъ говорилъ: „Самые богатые рудники благородныхъ металловъ ничего не прибавили бы къ богатству земного шара, разъ продуктъ, главная цѣнность котораго основывается на его рѣдкости, по необходимости обезцѣнивается вслѣдствіе своего изобилія".

[6]) См. Leber, Appréciation de la fortune privée au Moyen Age и d'Avenel, Histoire des prix. Впрочемъ, пониженіе не носило правильнаго характера, и часто цѣнность денегъ поднималась. Вотъ каковы по d'Avenel'ю максимальныя и минимальныя уклоненія исторической кривой:

850 . . . . . 9.
1375 . . . . . 3.
1500 . . . . . 6.
1600 . . . . . $2^1/_2$.
1750 . . . . . 3.
1890 . . . . . 1.

Наиболѣе рѣзко выступающимъ въ этихъ цифрахъ фактомъ является чрезвычайное паденіе цѣнности звонкой монеты въ теченіе XVI ст.,—послѣдствіе открытія Америки.

[7]) Въ самыхъ простыхъ тѣлахъ: въ водѣ морской, въ глинѣ. Доказано, что внутренность земного шара состоитъ изъ гораздо болѣе тяжелыхъ веществъ, чѣмъ

встрѣчаются, правда, въ безконечно малыхъ количествахъ, но прогрессъ въ металлургической индустріи постепенно понижаетъ тотъ предѣлъ, за которымъ добыча металла перестаетъ быть выгодной. Поэтому вѣроятно, что благородные металлы станутъ появляться все въ болѣе и болѣе обильномъ количествѣ и, слѣдовательно, все болѣе и болѣе обезцѣниваться.

Можно было бы возразить, что ростъ предложенія благородныхъ металловъ будетъ въ достаточной мѣрѣ уравновѣшиваться спросомъ на нихъ, вызываемымъ увеличеніемъ народонаселенія и развитіемъ обмѣна; но слѣдуетъ принять въ соображеніе то обстоятельство, что спросъ на металлы въ свою очередь болѣе, чѣмъ достаточно, уравновѣшивается усовершенствованными средствами кредита и быстротой сообщеній. Мы увидимъ, что въ крупнѣйшихъ финансовыхъ центрахъ удается почти совершенно вытѣснить металлическія деньги съ помощью остроумныхъ системъ зачета и кредита.

Слѣдуетъ ли радоваться или печалиться по поводу того факта, что звонкая монета растетъ въ количествѣ и обезцѣнивается въ силу своего изобилія? Что же за бѣда?—скажутъ намъ,—все равно никто отъ этого не станетъ ни богаче и ни бѣднѣе. Единственнымъ прискорбнымъ результатомъ этого будетъ то, что мы будемъ имѣть все болѣе и болѣе тяжелыя монеты по сравненію съ ихъ цѣнностью.

Какъ чистое злато въ свинецъ превратилось презрѣнный?

Но и такая возможность не будетъ особенно опасной, благодаря вмѣшательству банковскихъ билетовъ и чековъ. А если бы даже когда-нибудь и случилось, что, такъ называемые, благородные металлы стали презрѣнными металлами, то и при такой возможности не замедлили бы найти другіе болѣе рѣдкіе металлы для замѣны ими прежнихъ низложенныхъ съ трона величествъ [8]).

Несмотря, однако, на это, вопросъ о паденіи цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ не безразличенъ. На самомъ дѣлѣ, безпрерывное обезцѣненіе денежнаго мѣрила—явленіе въ высокой степени

поверхность; вѣроятно, изъ металловъ. А такъ какъ золото—одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ металловъ, то, можетъ быть, ядро земли и состоитъ изъ массивнаго золота?

[8]) Есть болѣе драгоцѣнные, чѣмъ золото, металлы. Платина немного дороже золота; литій, цирконій и ванадій стоятъ въ 20 и 40 разъ дороже золота, не говоря

важное съ соціальной точки зрѣнія, и послѣдствія его, съ нашей точки зрѣнія, должны быть признаны благодѣтельными.

Прежде всего, обычнымъ послѣдствіемъ обезцѣненія денегъ бываетъ, какъ мы знаемъ, повышеніе цѣнъ. Но повышеніе цѣнъ— полезный стимулъ для производства: оно подстегиваетъ духъ предпріимчивости, благопріятствуетъ повышенію заработной платы, является симптомомъ хорошаго здоровья въ экономическомъ организмѣ.

Поэтому и общество безсознательно радуется повышенію даже тогда, когда нѣтъ основанія для такой радости. Такъ, напримѣръ, въ странахъ Южной Америки, гдѣ необдуманное увеличеніе бумажныхъ денегъ вызвало чрезвычайное повышеніе цѣнъ, производители и промышленники поздравляютъ другъ друга по поводу такого повышенія цѣнъ, и, обыкновенно, оказываются противниками финансовыхъ мѣръ (какъ, напримѣръ, изъятія изъ обращенія бумажныхъ денегъ), необходимыхъ для пониженія цѣнъ.

Мало того: обезцѣненіе денегъ благопріятствуетъ должникамъ, потому что они смогутъ освободиться отъ долга путемъ уплаты меньшей цѣнности, нежели та, которую они получили; обезцѣненіе денегъ приноситъ покрытіе старыхъ долговъ. Оно дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ пониженіемъ нормы процента или, еще лучше, съ фатальнымъ погашеніемъ капитала. И очень хорошо, что старые долги погашаются и не висятъ надъ сыновьями и внуками должника вплоть до пятаго поколѣнія. Особенно же это цѣнно для государствъ—крупнѣйшихъ и единственныхъ поистинѣ неоплатныхъ должниковъ.

Правда, благопріятствуя производителю и должнику, обезцѣненіе денегъ въ такой же мѣрѣ приноситъ вредъ потребителю и кредитору. Но этотъ вредъ самъ по себѣ есть благо. Что касается, прежде всего, потребителя, то, если онъ въ то же время и производитель, онъ легко наверстаетъ свои излишнія затраты на сверхъ-цѣнности своихъ продуктовъ или своей заработной платы [9]). Если же онъ потребляетъ, ничего не производя, то тѣмъ

уже о радіи, который въ чистомъ состояніи стоилъ бы приблизительно 600.000 фр. за граммъ! Правда, все наличное существующее въ лабораторіяхъ количество его не превышаетъ 10 граммовъ!

[9]) Къ сожалѣнію, заработная плата лишь очень медленно, pede claudo, слѣдуетъ за повышеніемъ цѣнъ тамъ, гдѣ рабочіе не организованы; но повсюду, гдѣ рабочіе поддерживаются трэдъ-юніонами, они хорошо умѣютъ подгонять ее.

хуже для него: повышеніе цѣнъ подлинно бьетъ его по карману. Что касается кредитора, то, если его деньги отданы въ краткосрочную ссуду, какъ это обыкновенно бываетъ въ торговлѣ, обезцѣненіе денегъ не будетъ для него чувствительнымъ; если же деньги отданы имъ на долгій срокъ или навѣчно (въ формѣ государственной ренты, земельной, долгосрочныхъ облигацій желѣзнодорожныхъ предпріятій или городовъ и т. д.), что-жъ, постоянное паденіе его доходовъ раскроетъ ему глаза на то, что онъ играетъ въ этомъ мірѣ роль паразита, и побудитъ его, если онъ хочетъ сохранить или передать своимъ потомкамъ такое же, какъ его, соціальное положеніе, внушить своимъ дѣтямъ играть активную въ обществѣ роль. О рантье уже давно сказано однимъ человѣкомъ, который далеко не былъ соціалистомъ, Лафитомъ, крупнымъ финансистомъ Реставраціи: „Ему необходимо или трудиться или сократиться. У капиталиста—роль бездѣльника: его усиліе должно быть направлено на экономію,—не слишкомъ отяготительное усиліе“ [10]).

Идя путемъ доказательства отъ противнаго, предположимъ, что наше предсказаніе по части паденія цѣнности благородныхъ металловъ не оправдывается, и что въ конечномъ счетѣ металлы эти далеки отъ банкротства; тогда мы окажемся свидѣтелями результатовъ, противоположныхъ тѣмъ, на которые мы только что указывали: постоянное паденіе цѣнъ будетъ висѣть надъ промышленностью и обезкураживать духъ предпріимчивости, государства будутъ стонать подъ тяжестью растущихъ долговъ и нестись навстрѣчу банкротству, рантье съ большей увѣренностью будутъ обогащаться отъ своего бездѣлія, чѣмъ всѣ другіе классы населенія—отъ своего труда. Нельзя было бы придумать лучшаго повода для взрыва соціальной революціи. Порадуемся же обезцѣненію благородныхъ металловъ,—оно играетъ роль масла въ колесахъ общественной машины.

---

[10]) Впрочемъ, у благоразумныхъ рантье есть много способовъ избѣжать обезцѣненія денегъ, путемъ ли покупки бумагъ по цѣнѣ „ниже нарицательной“ (т. е. ниже цѣны, которую обѣщалъ возмѣстить должникъ), или путемъ помѣщенія части своего состоянія въ акціяхъ промышленныхъ компаній, т. е. въ бумагахъ, которыя, въ отличіе отъ облигацій или рентъ, всегда слѣдуютъ въ своемъ курсѣ за повышеніемъ цѣнъ продуктовъ.

IV.

Условія, которымъ должна удовлетворять всякая хорошая монета.

Всякая законная монета должна имѣть металлическую цѣнность, строго соотвѣтствующую ея номинальной цѣнности. Таково главное правило.

Мы знаемъ, что монета имѣетъ двойную функцію: быть единственнымъ орудіемъ пріобрѣтенія и единственнымъ орудіемъ расплаты. Обѣ функціи создались путемъ обычая, но обѣ онѣ должны быть санкціонированы закономъ. Дѣйствительно, только законъ можетъ возложить на кредитора и продавца обязанность принимать такую монету въ уплату. Эта привилегія и составляетъ то, что называется законнымъ курсомъ. Но эта привилегія предполагаетъ одно условіе, а именно то, которое мы только что указали. Вотъ золотая 20-ти франковая монета. Выбивая на этой монетѣ одновременно съ государственнымъ гербомъ цифру 20 фр., правительство тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что монета дѣйствительно содержитъ цѣнность 20 фр., и что каждый можетъ принять ее съ полнымъ довѣріемъ. Если же монета не имѣетъ той цѣнности, которую ей приписываетъ государство, то послѣднее совершаетъ настоящую поддѣлку. Къ сожалѣнію, въ теченіе долгаго времени правители не отличались особенной щепетильностью въ этомъ отношеніи; но нынѣ это такой вопросъ достоинства и честности, что не осмѣлится провиниться ни одно правительство.

Всякая монета должна быть, слѣдовательно, разсматриваема съ двоякой точки зрѣнія: — какъ чеканная монета, она имѣетъ опредѣленную цѣнность, обозначенную на одной изъ ея сторонъ; — какъ слитокъ, она имѣетъ цѣнность, соотвѣтствующую цѣнѣ металла на рынкѣ, ибо для золота и серебра существуютъ рынки и котировки цѣнъ, точно такъ же, какъ для хлѣба или хлопка.

Всякій разъ, какъ эти двѣ цѣнности совпадаютъ (всякій разъ, напримѣръ, какъ маленькій слитокъ въ 6 граммовъ 451 миллиграммъ золота пробы $^{9}/_{10}$, составляющій французскую 20 ти франковую монету, имѣетъ на рынкѣ цѣнность въ 20 франковъ, —что соотвѣтствуетъ цѣнѣ въ 3.100 франковъ за килограммъ чистаго

золота [11]), говорятъ, что монета хороша или, чтобы употребить техническое выраженіе, полноцѣнна [12]). Остается узнать, какъ обезпечивается и поддерживается такое полное совпаденіе.

Первый случай. — Если цѣнность слитка выше цѣнности монеты, если, напримѣръ, монета по закону стоитъ только 20 фр., а вѣсъ содержащагося въ ней чистаго металла стоитъ 21 или 22 фр., то говорятъ: монета дорога.

Это прекрасный недостатокъ, но все же недостатокъ и даже такой, который, какъ мы скоро увидимъ, можетъ имѣть довольно серьезныя неудобства. Во всякомъ случаѣ, не приходится особенно безпокоиться относительно такой случайности, во-первыхъ, потому, что не часто случается, чтобы правительство рѣшалось чеканить слишкомъ дорогую монету; если же оно это дѣлаетъ, то, можетъ быть, только по невѣдѣнію, ибо такая операція, очевидно, приноситъ ему потери: чеканить 20-ти франковыя монеты изъ слитковъ, стоящихъ 21 или 22 фр., было бы такъ же разорительно для правительства, какъ для промышленника производство рельсовъ цѣною въ 100 фр. тонна—изъ желѣза, которое стоило 110 фр.; во-вторыхъ, потому, что если бы даже такой фактъ и имѣлъ мѣсто вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы узнаемъ ниже (вслѣдствіе, напримѣръ, повышенія цѣны металла, появившагося уже послѣ чеканки), то это не можетъ длиться долго. Дѣйствительно, какъ только публика узнаетъ, что 20-ти франковая монета стоитъ въ слиткѣ 21 или 22 фр., каждый, ради реализаціи барыша, поспѣшитъ поступить со своей монетой, какъ съ товаромъ, и продать ее на вѣсъ, и такая операція будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока золотыя монеты совершенно не исчезнутъ. Мы увидимъ, что при биметаллическихъ системахъ такое положеніе имѣетъ мѣсто довольно часто.

Второй случай. — Если цѣнность слитка ниже цѣнности монеты, если, напримѣръ, монета по закону стоитъ 20 фр., а вѣсъ

---

[11]) Мы говоримъ о килограммѣ золота пробы $^{9}/_{10}$, что является пробой французской монеты, ибо, само собой разумѣется, килограммъ чистаго золота стоитъ на $^{1}/_{9}$ дороже, т. е. 3.444 франка 44 сантима.

[12]) Однако, можетъ показаться, что вычеканенный въ монету слитокъ золота, все-таки, долженъ стоить нѣсколько больше, чѣмъ необдѣланный слитокъ, по той простой причинѣ, что всякій предметъ по обработкѣ стоитъ больше, чѣмъ въ сыромъ состояніи, и разница должна бы равняться затратамъ на обработку. Такъ, конечно, дѣло обстоитъ и съ монетой, но стоимость обработки въ данномъ случаѣ такъ ничтожна, что она не даетъ чувствительной разницы.

заключающагося въ ней металла стоитъ лишь 18 или 19 фр., то говорятъ: монета дешева.

Такой случай гораздо опаснѣе перваго по двумъ основаніямъ: во первыхъ, потому, что, въ противоположность съ предыдущимъ, случай этотъ вводитъ въ соблазнъ правительство [13]): чеканить 20-ти франковыя монеты изъ слитковъ, стоящихъ только 18 или 19 фр., операція довольно соблазнительная для правительства, нуждающагося въ деньгахъ и недостаточно щепетительнаго; и, дѣйствительно, многія правительства поддавались такому соблазну: достаточно вспомнить эпитетъ „фальшивомонетчика", который историческое преданіе связываетъ съ именами нѣкоторыхъ французскихъ королей и, между прочимъ, съ именемъ Филиппа Красиваго (впрочемъ, не совсѣмъ, повидимому, справедливо); — во-вторыхъ, потому, что разъ подобная монета вошла въ обращеніе, она не вытѣсняется оттуда самимъ ходомъ вещей, какъ другая монета, а, напротивъ, остается тамъ, и даже приходится, какъ это мы сейчасъ увидимъ, прибѣгать къ чрезвычайнымъ усиліямъ, чтобы избавиться отъ нея.

Чтобы поддерживать равновѣсіе между цѣнностью слитка и цѣнностью монеты, при каждой хорошей монетной системѣ принято за правило—и это основное положеніе такой системы—предоставлять каждому частному лицу право превращать свои слитки въ монету, не у себя, само собою разумѣется, а на монетномъ дворѣ: это, такъ называемая, свобода чеканки монеты. Пока существуетъ такая свобода чеканки, она обезпечиваетъ равновѣсіе, ибо если бы случилось, что цѣнность монеты стала бы выше цѣнности ея въ слиткѣ, каждый поторопился бы воспольз-

---

[13]) Извѣстно, что при старомъ режимѣ монетная единица называлась фунтомъ (livre). Но рѣдко кто знаетъ, что эта единица названа была такъ потому, что первоначально, во времена Карла Великаго, она дѣйствительно представляла вѣсъ одного фунта серебра (фунтъ Каролинговъ содержалъ только 408 граммовъ), т. е. вѣсъ, равный вѣсу нынѣшнихъ 82 фр.! Какимъ же образомъ она упала до вѣса 5 граммовъ къ концу стараго режима, который сталъ вѣсомъ нашего теперешняго франка?—Исключительно путемъ безпрерывнаго ряда выпусковъ все болѣе и болѣе дешевыхъ монетъ: каждый король понемногу урѣзывалъ вѣсъ стараго фунта, стараясь, все-таки, сохранить за нимъ его прежнюю законную цѣнность. — Исторія англійскаго фунта почти такая же; только, правда, англійское правительство вело себя въ этомъ отношеніи нѣсколько честнѣе; ибо англійскій фунтъ, имѣющій одинаковый съ французскимъ исходный пунктъ, остановился въ своемъ паденіи на 25 фр., его современной цѣнности.

зоваться барышомъ, который получился бы отъ чеканки монеты: каждый покупалъ бы слитки золота и относилъ бы ихъ на монетный дворъ для чеканки монетъ до тѣхъ поръ, пока уменьшеніе металла въ слиткахъ и увеличеніе его въ формѣ монеты не возстановило бы равенства между обѣими цѣнностями. Хорошая монета не должна терять въ стоимости при переливкѣ [14]). Здѣсь обнаруживается примѣненіе экономической аксіомы, заключающейся въ томъ, что всякій разъ, какъ два предмета могутъ по желанію превратиться одинъ въ другой, они оба непремѣнно имѣютъ одинаковую цѣнность.

Однако, во всякой странѣ существуютъ извѣстныя категоріи монетъ, которыя не удовлетворяютъ предыдущему условію, иначе говоря, ихъ дѣйствительная цѣнность болѣе или менѣе ниже ихъ законной цѣнности: такія монеты называютъ размѣнными. Это, обыкновенно, монеты малой цѣнности, чаще всего изъ мѣди, а иногда также изъ серебра; ими не пользуются для крупныхъ платежей, а только, какъ добавочными деньгами. Въ такихъ условіяхъ законодатель можетъ безъ всякихъ неудобствъ отступить отъ точнаго соблюденія правилъ. Но, отступая отъ правила равновѣсія обѣихъ цѣнностей, онъ долженъ при этомъ пожертвовать качествами хорошей монеты, т. е., во-первыхъ, лишить всякую размѣнную монету характера законной монеты: никого не обязывать принимать ее при платежахъ [15]); во-вторыхъ, отмѣнить для размѣнной монеты свободу чеканки, иначе всѣ стали бы чеканить размѣнную монету, чтобы получить разницу между ея металлической и нарицательной цѣнностью. Только за собой правительство сохраняетъ право выпускать такое количество размѣнной монеты, какое оно сочтетъ необходимымъ для потребностей обращенія; при этомъ оно должно придерживаться правила никогда не выпускать чрезмѣрнаго количества ея.

---

[14]) Потому-то англичане и выражаютъ въ красочной формулѣ, что хорошая монета узнается на „пробѣ огня“,—въ память о той пробѣ огня, которая въ средневѣковомъ процессѣ примѣнялась для распознованія настоящаго права.

[15]) Такъ, во Франціи существуетъ для каждаго обязанность принимать мѣдныхъ монетъ только на сумму ниже 5 фр. (и даже, какъ мы увидимъ, мелкихъ серебряныхъ монетъ на сумму ниже 50 фр.).

V.

О законѣ Грешема.

Во всякой странѣ, гдѣ находятся въ обращеніи двѣ законныя монеты, плохая монета всегда вытѣсняетъ хорошую.

Въ такихъ выраженіяхъ формулируется одинъ изъ самыхъ интересныхъ законовъ политической экономіи, названный по имени канцлера англійской королевы Елизаветы, который открылъ его, какъ говорятъ, три вѣка тому назадъ. Но задолго до него Аристофанъ въ своей комедіи „Лягушки“ отмѣтилъ тотъ интересный фактъ, что уже его современники предпочитали плохую монету хорошей [16]).

Что̀ придаетъ этому факту и выражающему его закону чрезвычайно особенный характеръ странности, это то обстоятельство, что онъ былъ бы совершенно непостижимъ по отношенію ко всякому другому предмету, кромѣ денегъ. Какъ можно себѣ представить, что у людей былъ настолько испорченный вкусъ, чтобы они, какъ общее правило, предпочитали плохой товаръ хорошему? Вся экономическая организація нашихъ обществъ съ его свободой труда и конкурренціи покоится цѣликомъ на томъ положеніи, что при всякихъ обстоятельствахъ своей жизни человѣкъ предпочтетъ продуктъ лучшаго качества, который лучше отвѣчаетъ его потребностямъ. Почему же онъ поступаетъ иначе, когда дѣло идетъ о монетѣ?

Недоумѣніе наше исчезнетъ, если мы сообразимъ, что монета не предназначена, подобно всякому другому богатству, для нашего потребленія или производства, а исключительно для обмѣна. Изъ двухъ плодовъ мы предпочитаемъ наиболѣе сочный, а изъ пары часовъ—часы съ наилучшимъ ходомъ. Но, при выборѣ между двумя монетами неодинаковаго качества, для насъ не важно, которую

---

16) „Мы уже не разъ замѣчали, что въ этомъ городѣ (Аѳинахъ) злоупотребляютъ ею по отношенію къ честнымъ людямъ, равно какъ по отношенію къ старой монетѣ. Послѣдняя безъ лигатуры, лучшая изъ всѣхъ монетъ, единственная хорошо вычеканенная и обращающаяся и у грековъ и варваровъ, но, вмѣсто того, чтобы пользоваться ею, мы предпочитаемъ ей негодныя мѣдныя монеты, вновь вычеканенныя и плохого качества“.

изъ нихъ употребить, ибо мы вовсе не предназначаемъ ихъ для нашего личнаго пользованія, а только требуемъ отъ нихъ служитъ намъ средствомъ расплаты съ нашими кредиторами и поставщиками товаровъ. Поэтому было бы наивно съ нашей стороны отдавать имъ наилучшія монеты; напротивъ, въ нашихъ интересахъ выбрать наихудшія; мы непремѣнно такъ и сдѣлаемъ, при условіи, однако, если кредиторъ или поставщикъ не могутъ отказаться отъ нихъ, т. е. если худая монета имѣетъ такую же платежную силу, какъ и хорошая. И, дѣйствительно, только именно при такомъ предположеніи и примѣняется законъ Грешема, т. е. когда дѣло идетъ о двухъ монетахъ, которыя обѣ законны.

Только что сказанное объясняетъ, почему плохая монета остается въ обращеніи, но оно не объясняетъ еще, почему хорошая исчезаетъ. Что съ нею дѣлается?

Мы прибѣгаемъ къ ней тогда, когда она можетъ быть лучше использована, чѣмъ плохая монета, а это бываетъ въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ, представляющихъ какъ бы три выхода, чрезъ которые утекаетъ хорошая монета: накопленіе денегъ, платежи за границу и продажа на вѣсъ.

1) Прежде всего, о накопленіи денегъ. Когда люди хотятъ сберечь извѣстный запасъ денегъ, иначе говоря, сохранить ихъ на случай нужды, то они ужъ непремѣнно сообразуются при этомъ съ общепринятымъ правиломъ и не бываютъ, конечно, настолько глупыми, чтобы останавливать свой выборъ на плохихъ монетахъ; они выбираютъ наилучшія, потому что сохраняютъ ихъ для себя самихъ, и такія монеты представляютъ для нихъ наибольшее обезпеченіе. Когда во время Французской революціи люди, обезпокоенные событіями, хотѣли сдѣлать запасъ денегъ, они собирали не ассигнаціи, а доброкачественные луидоры. Французскій банкъ старается увеличить, главнымъ образомъ, золотую наличность. Такимъ путемъ можетъ уже исчезнуть изъ обращенія нѣкоторое количество наилучшей монеты. Во всякомъ случаѣ, эта первая причина убыли денегъ имѣетъ не рѣшающее, а лишь временное значеніе.

2) Платежи за-границу ведутъ къ болѣе значительному результату.—Хотя бы странѣ приходилось расплачиваться звонкой монетой только за ничтожную часть своего ввоза, ей, все-таки, нужно совершать платежи за границу въ деньгахъ. Но, если при внутреннихъ покрытіяхъ долговъ нашимъ согражданамъ законъ

даетъ намъ возможность пользоваться какъ плохой, такъ равно и хорошей монетой, такого выбора мы лишены, когда дѣло идетъ о покупкахъ за-границей. Иностранный кредиторъ, нисколько не обязанный принимать нашу монету, возьметъ ее только по вѣсу заключающагося въ ней чистаго металла, т. е. по ея дѣйствительной цѣнности. Поэтому намъ не приходится и думать о томъ, чтобы перевести ему плохую монету. Отсюда вытекаетъ, что мы должны оставить эту монету для внутренней торговли, гдѣ она служитъ такъ же, какъ и другая, а хорошую приберегать для нашей внѣшней торговли. Это и есть вторая и важная причина убыли хорошихъ денегъ.

3) Но причиной, ведущей къ самому быстрому исчезновенію хорошей монеты, является продажа ея, продажа на вѣсъ.— Продавать монету на вѣсъ! Вотъ чрезвычайно странная по внѣшности операція, и какой прокъ отъ нея. Дѣло, однако, очень просто. Какъ только, вслѣдствіе повышенія цѣнности золота, металлическая цѣнность монеты становится выше ея легальной цѣнности, какъ только золото въ слиткѣ стоитъ дороже, чѣмъ въ монетѣ, становится, очевидно, выгоднѣе пользоваться имъ въ слиткѣ, а не въ монетѣ. Поэтому золотую монету извлекаютъ изъ обращенія и выпускаютъ на рынокъ благородныхъ металловъ. Если бы цѣнность бронзы вдругъ замѣтно повысилась, развѣ не стали бы уничтожать множество бронзовыхъ вещей—колокола, пушки, статуэтки, чтобы реализовать цѣнность содержащагося въ нихъ металла? Или вотъ еще примѣръ: когда алкоголь вдругъ повышается въ цѣнѣ въ весьма высокой пропорціи, много вина отсылается на заводы для дистилляціи его и превращенія въ алкоголь. Точно такъ же, когда благородный металлъ повышается въ цѣнности, вычеканенныя изъ него монеты теряютъ характеръ монеты и становятся товаромъ, который торопятся реализовать, т. е. продать.

Законъ Грешема находитъ свое приложеніе въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ:

1) Всякій разъ, какъ стертая монета находится въ обращеніи на ряду съ новой. При такихъ именно обстоятельствахъ и былъ наблюденъ Томасомъ Грешемомъ этотъ законъ. Въ царствованіе Елизаветы была вычеканена новая монета для замѣщенія находившейся въ обращеніи, которая была совершенно испорчена, больше отъ обрѣзыванія, чѣмъ отъ употребленія, и ко всеобщему

изумленію скоро замѣтили, что новыя монеты исчезаютъ, а старыхъ разводится больше, чѣмъ когда-либо раньше [17]).

Поэтому правительству надлежитъ прибѣгать къ частымъ переплавкамъ, чтобы всегда поддерживать свою монету въ новомъ видѣ; въ противномъ случаѣ, впослѣдствіи, при замѣщеніи старой монеты новой, оно встрѣтится съ большими затрудненіями.

2) Всякій разъ, какъ низко стоящія бумажныя деньги находятся въ обращеніи вмѣстѣ съ металлическими деньгами.

Въ этомъ случаѣ изгнаніе звонкой монеты производится въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, если только пониженіе бумажныхъ денегъ становится хоть сколько-нибудь значительнымъ. Мы видѣли, какъ двѣ страны, которыя какъ разъ являются производительницами благородныхъ металловъ, С.-Штаты и Россія, не могутъ сохранить у себя металлическія деньги. Хотя онѣ доставляютъ всему свѣту матеріалъ для денегъ, однако, тщетно онѣ пытались чеканить для себя монету изъ золота своихъ пріисковъ: ихъ дешевыя бумажныя деньги безжалостно изгоняли золотую монету.

3) Всякій разъ, какъ дешевая монета находится въ обращеніи съ полноцѣнной монетой, или даже всякій разъ, какъ полноцѣнная монета находится въ обращеніи съ дорогой монетой.

Въ такомъ случаѣ самая дешевая монета изгоняетъ другую. Это самый интересный случай: онъ представляется почти во всѣхъ странахъ, которыя приняли одновременно и золотую и серебряную монету. Но разсмотрѣніе этого случая приводитъ насъ къ вопросу о монометаллизмѣ и биметаллизмѣ; поэтому мы обратимся къ нему въ слѣдующей главѣ.

---

[17]) Въ случаѣ, указанномъ Аристофаномъ, было обратное: новая монета изгоняла старую. Но это происходило потому, что эта новая монета была низшаго достоинства. А это приводитъ насъ къ 3-ему случаю.

ГЛАВА III.

Монетныя системы.

I.

О необходимости пользоваться нѣсколькими металлами и о проистекающихъ отсюда неудобствахъ.

Возникшій уже съ давняго времени споръ по этому знаменитому вопросу не относится, какъ можно было бы подумать, къ тому, должна ли извѣстная страна употреблять нѣсколько металловъ для созданія себѣ денежнаго аппарата или только одинъ. Тутъ и вопроса никакого нѣтъ, ибо слишкомъ очевидно, что всякая культурная страна вынуждена имѣть одновременно монеты золотыя, серебряныя, мѣдныя или изъ какого-нибудь другого подобнаго металла [1]). Какъ можно, напримѣръ, себѣ представить употребленіе только одного золота? Уже пятифранковая золотая монета неудобна по своимъ небольшимъ размѣрамъ,—что же представляла бы изъ себя золотая монета въ 5 сантимовъ? Какое-то неосязаемое зернышко! Еще труднѣе вообразить себѣ (развѣ только вернуться къ первымъ временамъ Рима) употребленіе одной только мѣди, потому что мѣдная 20-ти франковая монета вѣсила бы около десяти килограммовъ. Даже одного серебра, хотя оно болѣе удобно по своей цѣнности, занимающей среднее мѣсто между цѣнностями двухъ другихъ металловъ, не было бы достаточно, ибо серебряная пятифранковая монета уже слишкомъ велика, а монета въ 20 сант. слишкомъ мала для торговаго обихода. Поэтому непремѣнно необходимо употреблять одновременно три металла.

Но нѣтъ необходимости употреблять всѣ три металла въ качествѣ законной монеты. Фактически, какъ намъ извѣстно, за однимъ изъ нихъ, за мѣдью, никогда не признается это качество: мѣдь всегда бываетъ размѣнной и добавочной монетой. Остаются два другихъ металла: слѣдуетъ ли признать свойство и досто-

---

[1]) Во Франціи въ обращеніи даже четыре металла: золото, серебро, никкель (для монетъ въ 25 сант.) и бронза (которая скоро должна быть замѣнена никкелемъ).

инство законной монеты за ними обоими или только за однимъ? Вотъ вопросъ, когда-то слывшій подъ именемъ вопроса о „простой и двойной валютѣ“, а нынѣ болѣе правильно обозначаемый монометаллизмомъ или биметаллизмомъ.

Если титулъ законной монеты признается только за однимъ металломъ, за золотомъ, напримѣръ, въ такомъ случаѣ нѣтъ никакихъ затрудненій. Серебряная монета, какъ и мѣдная, переводится на степень размѣнной монеты: ей придается чисто условная цѣнность, но въ то же время никого не обязываютъ принимать ее при платежахъ. Золотая монета является единственной монетой, находящейся въ обращеніи въ силу закона, и только относительно нея приходится заботиться о поддержаніи полнаго равновѣсія между ея законной и дѣйствительной цѣнностями.

Если же хотятъ признать характеръ законной монеты одновременно за двумя металлами, въ такомъ случаѣ положеніе становится много сложнѣе. Чтобы лучше дать себѣ отчетъ въ этихъ затрудненіяхъ, возьмемъ, напримѣръ, французскую систему, которую можно принять за типъ биметаллической системы, и обратимся къ тому моменту, когда законодатель организовалъ ее во всѣхъ подробностяхъ (законъ 7 жерминаля XI года — 28 марта 1803 г.).

Монетной единицей былъ прежній фунтъ, обращенный въ франкъ. Это была серебряная монета; слѣдовательно, серебро было признано законной монетой; впрочемъ, въ то время никто не вздумалъ бы оспаривать за нимъ это право. Но нельзя было также отнять это право и у золота.

Возьмемъ для большей ясности двѣ однородныя монеты, существующія во французской монетной системѣ: 5-ти франковую серебряную и 5-ти франковую золотую монету. Мы хотимъ, чтобы та и другая были законными монетами; слѣдовательно, необходимо, чтобы обѣ онѣ имѣли металлическую (дѣйствительную) цѣнность, въ точности равную законной (номинальной) ихъ цѣнности,—это, какъ мы знаемъ, условіе sine qua non. Не трудно удовлетворить этому условію, если дѣло идетъ о серебряной монетѣ. Серебро стоитъ (или, лучше сказать, стоило въ то время, о которомъ мы говоримъ) 200 франковъ за килограммъ, такъ что слитокъ въ 25 граммовъ стоилъ какъ разъ 5 франковъ; мы должны, слѣдовательно, придать нашей серебряной 5-ти франковой монетѣ вѣсъ въ 25 граммовъ, и требуемое относительно нея условіе будетъ выполнено.

Но какой вѣсъ должны мы придать золотой 25-ти франковой монетѣ? Килограммъ золота въ то время стоилъ 3.100 франковъ (той же пробы что́ и серебро, т.-е. $^{9}/_{10}$). Если, слѣдовательно, изъ килограмма золота вычеканить 620 монетъ, то каждая изъ нихъ будетъ стоить какъ разъ 5 франковъ ($620 \times 5 = 3100$) и каждая будетъ вѣсить 1 граммъ 613, — поставленное условіе будетъ выполнено также и въ отношеніи золота.

Возьмемъ теперь обѣ эти монеты и положимъ на разныя чашки вѣсовъ. Мы увидимъ, что для того, чтобы привести вѣсы въ равновѣсіе, нужно бросить на чашку съ золотой монетой 15 съ половиной золотыхъ 5-ти франковыхъ монетъ, или, еще лучше, чтобы уравновѣсить двѣ 5-ти франковыя серебряныя монеты, надо на другую чашку положить 31 золотую 5-ти франковую монету. Это доказываетъ, что операція была хорошо исполнена. Въ самомъ дѣлѣ, килограммъ золота стоилъ въ то время какъ разъ въ 15 съ половиной разъ больше килограмма серебра (3100 франковъ килограммъ золота и 200 франковъ килограммъ серебра). Запомнимъ это отношеніе въ 15,5: это—законное отношеніе между цѣнностями обоихъ металловъ; оно такъ же знаменито въ политической экономіи, какъ извѣстное отношеніе $\pi = 3{,}1416$—въ геометріи. До сего времени все идетъ гладко, но подождемъ конца.

Въ 1847 г. открываютъ въ Калифорніи золотые пріиски; въ 1851 г. — въ Австраліи. Ежегодно добываемое количество золота увеличивается въ четыре раза [2]). Серебро же, наоборотъ, становится рѣдкимъ, вслѣдствіе развитія торговли въ Индіи, которая поглощаетъ значительныя количества его. Отсюда происходитъ то, что отношеніе между цѣнностями золота и серебра на рынкѣ благородныхъ металловъ мѣняется: чтобы достать 1 килограммъ золота, не надо давать, какъ раньше, $15^{1}/_{2}$ килогр. серебра, достаточно дать 15 килограммовъ серебра; иначе говоря, золото потеряло $3\,^{0}/_{0}$ своей цѣнности. Тогда, конечно, и маленькіе слитки, составляющіе золотыя монеты, потерпѣли пропорціональное обезцѣненіе: 5-ти франковая золотая монета въ дѣйствительности стоитъ только 4 фр. 85 с.

Чтоже надо было сдѣлать для возстановленія равновѣсія? Очевидно, прибавить къ каждой монетѣ немного больше золота —

---

[2]) Добыча золота съ 1841 по 1850 г. исчислялась въ среднемъ за годъ въ 184 милліона. Съ 1850 по 1860 она достигла 700 милліоновъ.

приблизительно на 3 % больше. Для возстановленія равенства между дѣйствительной и законной цѣнностямя надо было бы, чтобы серебряная 5-ти франковая монета уравновѣшивала 15 (а не 15 $^1/_2$) золотыхъ 5-ти франковыхъ монетъ. Но тогда надо перечеканить всѣ золотыя монеты!... Подождемъ, однако, еще.

Спустя 20 лѣтъ, около 1871 г., новая перемѣна. Добыча золота, вслѣдствіе истощенія пріисковъ въ Австраліи и Калифорніи, уменьшается на половину, и, наоборотъ, вслѣдствіе открытія рудниковъ, на западѣ Америки добыча серебра увеличивается на половину. Въ то же время Германія, принявъ золотую валюту, обезцѣниваетъ свою серебряную монету и наводняетъ рынокъ ненужными ей больше талерами. Еще разъ отношеніе между цѣнностями металловъ мѣняется, но на этотъ разъ въ обратную сторону: на рынкѣ благородныхъ металловъ за 1 килогр. золота можно достать уже не 15 $^1/_2$ килогр., а 16, 17, 18 и даже 20 килогр. серебра! Иначе говоря, серебро потеряло по отношенію къ золоту болѣе четверти своей цѣнности. Тогда, понятно, и каждый серебряный слитокъ, составляющій серебряную монету, упалъ пропорціонально въ цѣнѣ; серебряная 5-ти франковая монета въ дѣйствительности стоитъ не больше 3 фр. 50 с. Что же нужно было бы сдѣлать для возстановленія равновѣсія? Очевидно, употреблять больше серебра на каждую монету, увеличить вѣсъ ихъ на четверть, сдѣлать такъ, чтобы серебряная 5-ти франковая монета вѣсила столько, сколько вѣсятъ 20 золотыхъ 5-ти франковыхъ монетъ. Тогда равенство между металлической (дѣйствительной) и законной (номинальной) цѣнностями было бы возстановлено, но для этого надо перечеканить всю серебряную монету!

Какъ же такъ! Неужели для того, чтобы сохранить за обѣими нашими монетами характеръ полноцѣнной монеты, т.е. точное равенство между дѣйствительной и законной (номинальной) цѣнностями, придется вѣчно перечеканивать то одну изъ нихъ, то другую, чтобы согласовать ихъ вѣсъ съ колебаніями цѣнности обоихъ металловъ? Какъ будто такой выводъ напрашивается. Но вѣдь это практически невыполнимо и нелѣпо [3]). Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, на какомъ средствѣ остановились.

---

[3]) Не трудно, впрочемъ, видѣть, что достаточно, пожалуй, было бы измѣнить вѣсъ одной только монеты, принимая другую, остающуюся неизмѣнной, за единицу: напримѣръ, принимая за единицу серебряный франкъ вѣсомъ въ 5 граммовъ, измѣнять вѣсъ золотыхъ монетъ то выше, то ниже законнаго вѣса, смотря по

II.

Какимъ образомъ биметаллическія страны остаются фактически при одной монетѣ.

Всякая биметаллическая система представляетъ, какъ мы только что видѣли, то серьезное неудобство, что при ней не удается поддержать для обѣихъ монетъ вмѣстѣ то равенство между дѣйствительной и законной цѣнностями, которое должно быть отличительнымъ признакомъ всякой хорошей монеты.

Можно было бы, пожалуй, подумать, что это неудобство скорѣе теоретическаго, чѣмъ практическаго характера. Что намъ до того,—скажетъ кто-нибудь,—что наши золотыя или серебряныя монеты имѣютъ законную цѣнность нѣсколько выше или ниже ихъ дѣйствительной цѣнности? Никто не обращаетъ на это вниманія и, во всякомъ случаѣ, никто отъ этого не страдаетъ.

Это невѣрно. Въ такомъ положеніи есть весьма реальное неудобство и даже больше—прямо опасность, и вотъ какая: болѣе дешевая монета постепенно вытѣснитъ изъ обращенія дорогую монету, такъ что всякая страна съ якобы двойной валютой фактически оказывается въ такомъ странномъ положеніи, что сохраняетъ въ обращеніи одну только монету и притомъ самую плохую. Періодическая смѣна прилива и отлива уноситъ металлъ, цѣнность котораго въ повышеніи, и приноситъ металлъ, находящійся въ пониженіи.

колебаніямъ цѣнности золота, какъ металла. Но, несмотря на такое упрощеніе, это, все-таки, не было бы практично.

Можно было бы также въ этой гипотезѣ оставить вѣсъ золотыхъ монетъ неизмѣннымъ, стереть выбитое на нихъ указаніе законной цѣнности и предоставить ихъ цѣнности свободно колебаться по законамъ предложенія и спроса. какъ колебалась въ нѣкоторыхъ странахъ, въ Индо-Китаѣ, напримѣръ, недавно, цѣнность піастра. Законодатели жерминаля XI года, организуя французскую монетную систему, прекрасно предвидѣли затрудненія, которыя могли отсюда проистечь и предложили какъ разъ такую именно систему. И нынѣ нѣкоторые экономисты видятъ въ ней единственное возможное рѣшеніе. Но тогда золотыя монеты въ дѣйствительности не будутъ больше монетами; онѣ просто будутъ слитками, обращающимися подобно всякому другому товару. Такъ же будутъ котироваться 20-ти франковики, какъ котируются хлопокъ или хлѣбъ, и также будутъ они подвержены колебаніямъ. Какое создастся усложненіе для дѣлъ, а, главное, сколько будетъ разставлено сѣтей для простаковъ!

Это—простое и точное примѣненіе уже изученнаго нами закона Грешема, и исторія французской монетной системы за послѣдніе сорокъ лѣтъ представляетъ намъ удивительную иллюстрацію этого.

Когда, во время Второй Имперіи, золото оказалось въ пониженіи вслѣдствіе указанныхъ нами въ предыдущей главѣ обстоятельствъ, серебряныя деньги стали исчезать и уступать мѣсто золотымъ, тѣмъ блестящимъ „наполеонамъ“, которые представляли что-то необычное и были встрѣчены съ величайшимъ восторгомъ; въ нихъ придворные привѣтствовали богатство и блескъ новаго царствованія, а, въ дѣйствительности, золотая монета была въ изобиліи только потому, что она была изъ обезцѣненнаго металла. И это явленіе перемѣны металловъ объясняется очень легко.

Лондонскій банкиръ, желавшій достать серебра для пересылки его въ Индію, старался, естественно, купить его тамъ, гдѣ онъ могъ найти его подешевле. Въ Лондонѣ за 1 килограммъ золота онъ могъ бы достать не болѣе 15 килогр. серебра. Но,ославъ тотъ же килограммъ золота на Парижскій монетный дворъ, онъ могъ вычеканить себѣ 3.100 франковъ золотомъ и вымѣнять ихъ затѣмъ на 3100 фр. серебромъ, которые вѣсятъ какъ разъ $15^1/_2$ килогр. (3100×5 гр.). Такимъ образомъ, ему удавалось въ конечномъ счетѣ за свой килограммъ золота получить $15^1/_2$ килогр. серебра [4]).

Легко понять, что, благодаря этой торговлѣ, изъ Франціи ушло извѣстное количество серебряной монеты, а ея мѣсто заняло такое же количество золотой монеты. Таково, именно, и есть дѣйствіе закона Грешема: дорогая монета замѣняется дешевой. Французскія серебряныя деньги цѣлыми грузами увозились въ Индію. Ихъ покупали по вѣсу, чтобы затѣмъ продавать на монетные дворы въ Бомбеѣ и Мадрасѣ, гдѣ ихъ перечеканивали въ рупіи. Въ те-

[4]) Ту же операцію можно было производить и въ обратномъ порядкѣ. Парижскій банкиръ собиралъ 3000 однофранковыхъ серебряныхъ монетъ, которыя вѣсятъ какъ разъ 15 килограммовъ (3000 × 0,005 = 15). Онъ отсылалъ эти 15 килогр. серебра въ Лондонъ и получалъ въ обмѣнъ 1 килограммъ золотомъ, ибо такова была тогда товарная цѣнность этихъ металловъ. Изъ Лондона присылали ему килограммъ золота, а онъ перечеканивалъ его на Парижскомъ монетномъ дворѣ въ 3100 золотыхъ франковъ. Онъ, слѣдовательно, выигрывалъ на этой операціи 100 фр. валового дохода, т. е. немногимъ больше 3%, и операція оказывалась все же очень выгодной, даже по вычетѣ расходовъ по чеканкѣ и транспорту.

ченіе этого періода названные монетные дворы перечеканили въ индійскую монету свыше двухъ милліардовъ французскихъ франковъ.

Скоро во Франціи наступилъ истинный денежный голодъ. Въ старое время для остановки отлива денегъ не замедлили бы прибѣгнуть къ запрещенію вывоза денегъ и, можетъ быть, къ карательнымъ мѣрамъ противъ экспортеровъ серебряной монеты. Указывая на причину зла, экономическая наука давала болѣе дѣйствительное средство противъ него. Серебряная монета исчезала, потому что она была слишкомъ дорога; стоило только удешевить ее, уменьшивъ ея вѣсъ или только пропорцію заключавшагося въ ней чистаго металла, и можно было быть увѣреннымъ, что у нея будутъ обрѣзаны крылья, и она не тронется больше съ мѣста. Такъ и поступили Франція, Италія, Бельгія, Швейцарія, вступившія 23 декабря 1865 г. въ конвенцію [5]). Проба всѣхъ серебряныхъ монетъ, кромѣ пятифранковыхъ, была понижена съ $^{900}/_{1000}$ до $^{835}/_{1000}$, что отнимало у нихъ немногимъ больше 7% ихъ цѣнности. Всѣ эти деньги сдѣлались и остаются до сихъ поръ размѣнной монетой, а, согласно неизмѣннымъ правиламъ, онѣ потеряли съ этого момента характеръ законной монеты и стали приниматься лишь какъ подсобная монета [6]). Почему сдѣлали исключеніе для 5-ти франковой монеты? На это не было никакой основательной причины, но этого требовала Франція. Разбить всѣ серебряныя монеты на размѣнныя, значило бы, совершенно отказаться отъ серебра, какъ законной монеты, это, значило бы, прямо признать, подобно Англіи, монометаллизмъ, а такая революція въ монетной системѣ испугала французское правительство. Поэтому пятифранковую монету сохранили съ тѣмъ же вѣсомъ и пробой и съ тѣмъ же характеромъ законной монеты,

---

[5]) Это, такъ называемый, Латинскій союзъ (хотя въ него не входятъ Испанія и Португалія). Немного попозже къ нему присоединилась Греція. Сначала было условлено, что монеты, выбитыя въ любой изъ этихъ странъ, допускались къ обращенію во всѣхъ союзныхъ странахъ. Но эта свобода обращенія была отнята въ 1893 г. у мелкихъ серебряныхъ монетъ Италіи и Греціи (т. е. у монетъ ниже 5 фр.). Эта мѣра была принята не противъ этихъ странъ, а по ихъ просьбѣ, такъ какъ неблагопріятный для нихъ торговый обмѣнъ вызывалъ отливъ мелкихъ серебряныхъ монетъ и недостатокъ въ нихъ внутри страны.

[6]) До 50-ти франковъ между частными лицами и до 100 — фактически безъ ограниченія—въ государственныхъ казначействахъ. И правильно, конечно, что государство не можетъ отказывать въ пріемѣ монеты, которую оно само выпускаетъ.

что было и раньше. Она, конечно, продолжала исчезать изъ Франціи, но безъ нея можно было легче обойтись, чѣмъ безъ болѣе мелкихъ монетъ: въ случаѣ надобности можно было ее замѣнить пятифранковой золотой монетой.

Начиная съ 1871 г., произошла, какъ мы видѣли, противоположнаго характера революція въ цѣнностяхъ обоихъ металловъ, и французскій монетный аппаратъ снова оказался разстроеннымъ, но на этотъ разъ въ обратную сторону. Оказалась слишкомъ дорогой золотая монета, которая и стала, въ свою очередь, эмигрировать. Серебряная монета оказалась слишкомъ дешевой, она и начала размножаться.

Возобновились тѣ же самыя операціи, о которыхъ мы только что говорили, но въ обратномъ направленіи. Во избѣжаніе всякой неясности въ этомъ существенномъ пунктѣ, повторимъ снова наше объясненіе.

Парижскій банкиръ доставалъ 3100 франковъ золотомъ въ 20-ти и 10-ти франковыхъ монетахъ,—это безразлично. Это составляетъ ровно 1 килограммъ золота. Банкиръ складывалъ монеты въ мѣшокъ и отсылалъ ихъ въ Лондонъ. На рынкѣ благородныхъ металловъ въ Лондонѣ за килограммъ золота можно было пріобрѣсти до 20 килогр. серебра. Банкиръ покупалъ 20 килогр. серебра, которые отсылались ему въ Парижъ, гдѣ онъ и чеканилъ ихъ на монетномъ дворѣ. Такъ какъ изъ 1 килогр. серебра монетный дворъ долженъ былъ чеканить 40 пятифранковыхъ монетъ (т. е. 200 франковъ), то нашему банкиру выдавалось 20×200=4000 франковъ въ пятифранковыхъ монетахъ. Валовая прибыль—900 фр. По вычетѣ расходовъ по перевозкѣ, чеканкѣ и пр., а также на необходимую премію за доставленіе золотыхъ монетъ по мѣрѣ того, какъ онѣ становились рѣже, операція все же оказывалась очень выгодной. Ясно, что для Франціи эта операція сводилась къ уменьшенію золотыхъ денегъ и къ увеличенію серебряныхъ. При безпрестанномъ повтореніи она должна была повести къ тому неизбѣжному результату, что золотыя деньги въ обращеніи окончательно замѣнились бы серебряными.

Поэтому надо было, чтобы образовавшія Латинскій союзъ государства сговорились принять мѣры противъ этой новой опасности. Какъ въ 1865 г. они остановили отливъ серебряной монеты путемъ пониженія ея пробы, точно такъ же и теперь они могли бы прекратить убыль золотой монеты, понизивъ ея пробу или

уменьшивъ ея вѣсъ. Но безпрерывныя перечеканки то одной, то другой монеты, въ концѣ концовъ, привели бы къ разстройству всей монетной системы. Предпочли поэтому прибѣгнуть къ болѣе простому средству. Конвенція 5 ноября 1878 г. совершенно пріостановила чеканку серебряной монеты [7]). Съ того времени описанная нами операція стала уже невозможной. Нѣтъ больше никакой пользы покупать за границей серебряные слитки, если ихъ нельзя превращать въ монету [8]).

Съ помощью этой мѣры вполнѣ удалось сохранить во Франціи ея богатый золотой запасъ, который еще не былъ чувствительно затронутъ. Но, какъ легко себѣ представить, эта конвенція, закрывавшая для серебра рынокъ вмѣстимостью, приблизительно, въ 80 милліоновъ людей и тѣмъ самымъ ограничившая его сбытъ, привела къ еще болѣе быстрому паденію цѣнности серебра, т. е. къ усугубленію зла. Серебро, которое до того потеряло только 10—12% своей цѣнности, стало падать все ниже и ниже и упало ниже 100 франковъ за килограммъ, что̀ составляетъ менѣе половины его законной цѣнности (200 франковъ) и соотвѣтствуетъ отношенію 1:31 между цѣнностями золота и серебра!

При такихъ условіяхъ свободная чеканка серебряной монета не была возобновлена, и неизвѣстно, будетъ ли когда-нибудь возобновлена. Поэтому можно сказать, что, хотя страны Латинскаго союза юридически еще держатся биметаллическаго режима, фактически онѣ почти уже стали монометаллистами съ золотымъ обращеніемъ. Изъ всѣхъ ихъ серебряныхъ монетъ осталась только одна, которая еще является законной монетой, но и эта единственная монета больше не чеканится!

---

[7]) Во всякомъ случаѣ, для пятифранковыхъ монетъ, единственныхъ монетъ, допущенныхъ закономъ къ обращенію. Что касается болѣе мелкихъ серебряныхъ монетъ, то каждое государство сохраняетъ за собою право чеканить извѣстное количество ихъ, опредѣляемое цифрой народонаселенія страны.

[8]) Все-таки, нельзя считать такую опасность окончательно устраненной, ибо не исключается возможность тайной фабрикаціи серебряной монеты—не фальшивой, а доброкачественной съ законнымъ вѣсомъ и пробой—каковая фабрикація все же можетъ обезпечить чрезвычайный барышъ въ 100%, который нынѣ получаетъ государство на чеканкѣ. И въ дѣйствительности такая противозаконная операція, несомнѣнно, производится и, вѣроятно, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Отсюда тотъ результатъ, что количество серебряной монеты должно быть немного больше того, какое выходитъ съ монетнаго двора.

III.

Слѣдуетъ ли принять монометаллизмъ?

По изложеннымъ выше объясненіямъ какъ будто и не можетъ быть мѣста колебаніямъ по этому вопросу. Монометаллизмъ — несравненно болѣе простая система, устраняющая всѣ только что отмѣченныя нами затрудненія. Почему бы не принять ее?

Такое рѣшеніе уже принято большинствомъ странъ и, прежде всего, Англіей (въ 1816 г.) Въ станѣ биметаллистовъ остаются страны Латинскаго союза (Франція, Италія, Бельгія, Швейцарія и Греція), Голландія, Испанія, Соединенные Штаты и Мексика. При этомъ изъ только что перечисленныхъ биметаллическихъ странъ главныя (Франція, Соединенные Штаты, Голландія) фактически являются монометаллистическими съ золотымъ обращеніемъ въ томъ смыслѣ, что онѣ пользуются въ своей внѣшней торговлѣ только золотомъ.

Что же касается Латинскаго союза, то мы сейчасъ видѣли, какъ слаба связь его съ биметаллизмомъ, почти чисто номинальная связь. То же слѣдуетъ сказать о Соединенныхъ Штатахъ. Могущественная партія Silvermen'овъ вела агитацію за свободу чеканки серебра внутри страны и даже за пропаганду этой идеи внѣ страны. Ей удалось даже добиться изданія извѣстнаго (1890 г.) закона, обязывающаго правительство ежемѣсячно покупать на 25 милліоновъ франковъ слитковъ серебра. На выборахъ Silvermen'ы потерпѣли пораженіе, и 14 марта 1900 г. былъ изданъ спеціальный законъ, объявлявшій золотой долларъ мѣриломъ цѣнности; все-таки, серебряный долларъ сохраняетъ за собой неограниченную платежную способность, но чеканка его ограничена.

Почему же эти государства не порвутъ столь тонкую нить, привязывающую ихъ къ биметаллизму, и не примутъ, по примѣру другихъ, монометаллизмъ?

На пути къ этому стоятъ два препятствія: одно—практическаго, а другое—принципіальнаго свойства.

1) Практическаго характера препятствіе состоитъ въ томъ, что за принятіемъ золотой валюты послѣдуетъ утрата серебромъ характера денегъ, ибо, отнимая, напримѣръ, у пятифранковой монеты характеръ законной монеты, слѣдуетъ изъять ее изъ обращенія.

А во Франціи такихъ пятифранковыхъ монетъ — экю, какъ ихъ называютъ—на 3 милліарда франковъ по номинальной цѣнности, а проданныя на вѣсъ они дали бы менѣе 1.500 милліоновъ. Такая операція обошлась бы, слѣдовательно, въ 1500 милліоновъ франковъ, а, можетъ быть, и еще гораздо больше, ибо подобная мѣра, очевидно, привела бы къ еще большему паденію серебра [9]).

2) Принципіальнаго характера возраженіе состоитъ въ томъ, что слѣдуетъ опасаться измѣненій въ цѣнахъ товаровъ гораздо болѣе при одной валютѣ, чѣмъ при двухъ.

Мы знаемъ, что всякое измѣненіе въ цѣнности денегъ немедленно вызываетъ обратное измѣненіе въ цѣнахъ. При наличности одной монетной системы есть основаніе опасаться, что такія измѣненія станутъ частыми и рѣзкими, будутъ разстраивать весь торговый организмъ и вызывать безпрестанные кризисы.

Когда же для измѣренія цѣнностей употребляютъ, наоборотъ, двѣ монеты, тогда между ними устанавливается нѣкоторое равновѣсіе, очень благопріятное для устойчивости цѣнъ, а, слѣдовательно, и для процвѣтанія торговли, ибо въ торговыхъ дѣлахъ заботятся, главнымъ образомъ, объ устойчивости цѣнъ. Объясненіе этого явленія равновѣсія нѣсколько затруднительно, но, все-таки, легко себѣ составить о немъ общее представленіе.

Достаточно вспомнить, что главная причина превосходства благородныхъ металловъ, какъ мѣрила цѣнностей, стоитъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, что измѣненія въ количествѣ металловъ ничтожны по сравненію съ существующимъ запасомъ ихъ. Но это условіе выполняется тѣмъ лучше, чѣмъ значительнѣе металлическій запасъ и чѣмъ многочисленнѣе питающіе его источники. Составленный изъ двухъ металловъ, запасъ, прежде всего, будетъ составлять двойную массу, а, кромѣ того, такъ какъ мало вѣроятно, чтобы причины, порождающія перепроизводство того и другого металла, совпадали, то колебанія будутъ менѣе чувствительны. Такъ, половодье рѣки тѣмъ менѣе внезапны и страшны для насъ, чѣмъ больше у рѣки при-

---

[9]) Но,—можетъ быть, спросятъ,—почему бы государству не оставить потери на счетъ владѣльцевъ пятифранковыхъ монетъ? Прежде всего, такой пріемъ былъ бы несовмѣстимъ съ достоинствомъ государства, которое гарантировало цѣнность этихъ монетъ уже самой выбитой на нихъ надписью; затѣмъ это, во всякомъ случаѣ, повело бы къ разоренію французскаго банка, ибо въ кассѣ у него свыше 900 милліоновъ франковъ серебромъ, на которыхъ онъ потерялъ бы около 450 мил., т. е. сумму, въ два раза большую, чѣмъ его капиталъ въ акціяхъ.

токовъ и чѣмъ удаленнѣе и разнообразнѣе по климатическимъ и геологическимъ условіямъ тѣ страны, гдѣ они берутъ свое начало. Наводненія отъ Сены, многочисленные притоки которой стекаются къ ней радіусами, бываютъ очень рѣдко [10]), тогда какъ наводненія отъ Луары или Гаронны, всѣ главные притоки которыхъ берутъ начало въ одной съ ними области, случаются часто [11]). Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ предпочесть, чтобы металлическій бассейнъ питался двумя различнаго происхожденія притоками, золотомъ и серебромъ, а если бы ихъ было три или четыре, то уровень въ бассейнѣ былъ бы еще болѣе устойчивымъ, такъ что теоретически полиметаллизмъ еще лучше, чѣмъ биметаллизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы существовала только золотая монета, то открытіе золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи и Австраліи вызвало бы величайшій переворотъ, благодаря чрезвычайному повышенію цѣнъ, и такой же результатъ можетъ получиться вслѣдствіе открытія пріисковъ въ Трансваалѣ или Клондайкѣ. А истощеніе ихъ внесло бы еще болѣе страшную смуту. Почти не важно, будутъ ли цѣны высокими или низкими, но очень важно, чтобы за низкими цѣнами не слѣдовали вдругъ высокія, и наоборотъ. Идеаломъ хорошей монетной системы является устойчивость цѣнъ.

Биметаллисты не только не склонны отказаться отъ своей системы, но и желали бы пріобщить къ ней страны съ монометаллизмомъ, утверждая, что ни одно изъ неудобствъ, вызывающихъ опасенія, не имѣло бы мѣста, если бы эта система была одобрена международнымъ соглашеніемъ всѣхъ великихъ странъ на основѣ отношенія $15^1/_2$ или какого-нибудь другого отношенія, 1 къ 33, если угодно.

Это утвержденіе какъ будто коробитъ экономистовъ класси-

---

[10]) Январское наводненіе 1910 г., столь разрушительное, благодаря своей неожиданности, не имѣло себѣ прецедента въ теченіе полутора вѣка.

[11]) Оставляя въ сторонѣ метафоры, отмѣтимъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ частнымъ случаемъ закона замѣны, согласно которому всякій разъ, какъ въ потребленіи какой-нибудь продуктъ можетъ быть замѣненъ другимъ, цѣнности этихъ продуктовъ непремѣнно уравниваются. Если электричество можетъ вполнѣ замѣнить газъ, то цѣна послѣдняго регулируется, сообразуясь съ цѣной перваго. Но вѣдь нельзя себѣ представить лучшаго случая замѣны, какъ замѣна золотого франка серебрянымъ—и наоборотъ,—предполагая существованіе режима подлиннаго биметаллизма, т. е. свободную чеканку обоихъ металловъ. Итакъ, поскольку можно безразлично пользоваться однимъ металломъ вмѣсто другого, ни одинъ изъ нихъ не можетъ стоить больше или меньше другого.

ческой школы. Не можетъ зависѣть, говорятъ они, отъ воли правительства, ни даже отъ союза всѣхъ правительствъ, установить относительную цѣнность золота и серебра ne varietur (такъ, чтобы она не измѣнялась, неизмѣнную), какъ не въ состояніи оно установить относительную цѣнность быковъ и барановъ или пшеницы и овса. Цѣнность вещей опредѣляется исключительно закономъ предложенія и спроса и совершенно ускользаетъ отъ регламентаціи законодателя; цѣнность благородныхъ металловъ не составляетъ исключенія изъ этого правила.

Это разсужденіе классической школы представляется намъ слишкомъ абсолютнымъ. Золото и серебро вовсе не товары, которые можно было бы уподоблять быкамъ, баранамъ или всякому другому товару, потому что ихъ главное назначеніе служитъ для чеканки монеты. Слѣдовательно, когда говорятъ о спросѣ на благородные металлы, подъ этимъ нужно подразумѣвать почти исключительно требованіе какой-нибудь дюжины великихъ государствъ для ихъ монетныхъ дворовъ. Нѣтъ, поэтому, ничего нелѣпаго въ предположеніи, что если эта дюжина покупателей сговорилась бы объ установленіи относительной цѣнности обоихъ металловъ, то они могли бы и на самомъ дѣлѣ добиться своей цѣли. Если они заявятъ, что всѣ они будутъ покупать килограммъ золота по 3.100 фр., а килограммъ серебра по 200 фр., то весьма вѣроятно, что такимъ образомъ они предпишутъ рынку свой законъ цѣнъ.

Говорятъ, что нелѣпо было бы рѣшать, что волъ всегда будетъ стоить десять барановъ, а гектолитръ пшеницы—два гектолитра овса! Да, конечно, потому что рынокъ этихъ товаровъ обширенъ, и каждый изъ насъ своими личными покупками вліяетъ на состояніе цѣнъ. Но если бы на свѣтѣ была какая-нибудь дюжина лицъ, пользующихся волами или баранами, то весьма вѣроятно, что отъ нихъ зависѣло бы сговориться и установить цѣны по нормѣ 1 къ 10 или по любой другой нормѣ, какая была бы имъ угодна. Такой случай представляется весьма часто, даже при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, въ коммерческихъ спекуляціяхъ, образуемыхъ союзами крупныхъ торговцевъ подъ названіемъ картелей или трёстовъ [12]).

[12]) Можно, впрочемъ, привести не мало доказательствъ вліянія, оказываемаго законодателемъ на курсъ благородныхъ металловъ: напримѣръ устойчивость отношенія между цѣнностью обоихъ металловъ, длившаяся около $^3/_4$ вѣка, благодаря

Конечно, не слѣдуетъ доводить этого вывода до абсурда. Само собой разумѣется, что не во власти правительствъ, хотя бы между ними было единодушіе, декретировать, что отношеніе между золотомъ и серебромъ будетъ отнынѣ равно 1 или, еще лучше, что отношеніе это будетъ обратнымъ, и 1 килограммъ серебра будетъ стоить $15^1/_2$ килогр. золота! Почему такой указъ остался бы мертвой буквой? Потому, что хотя промышленное употребленіе благородныхъ металловъ и не такъ важно, какъ употребленіе ихъ для чеканки монеты, все же имъ нельзя пренебречь, и его было бы достаточно, чтобы помѣшать установиться такому странному отношенію, какое мы только что указали. Сколько бы указовъ ни издавали правительства всего міра относительно того, что серебро будетъ стоить столько же, сколько и золото, все-таки, никто никогда не будетъ платить за серебряные часы или серебряное кольцо ту же цѣну, что за золотые часы или золотое кольцо [13]).

Но, оставаясь въ предѣлахъ благоразумія, безъ колебанія можно сказать, что международное соглашеніе оказалось бы дѣйствительнымъ средствомъ для опредѣленія относительной цѣнности обоихъ металловъ и для устраненія, слѣдовательно, главнаго неудобства биметаллической системы, т. е. отлива одной изъ двухъ монетъ. Куда стала бы она отливать, поскольку во всѣхъ странахъ надъ ней тяготѣлъ бы одинъ и тотъ же законъ?

Но осуществимо ли на практикѣ такое международное соглашеніе? Это уже другой вопросъ. Повидимому, неосуществимо, такъ какъ каждая страна считаетъ долгомъ своей чести принять золотую валюту; въ особенности же, всегда противилась этому Англія, содѣйствіе которой по установленію биметаллизма было бы необходимо. Къ тому же, страны, опредѣлившія отношеніе между обоими металлами, установили весьма различныя отношенія (Австрія—1:18 и 22, Россія—1:23 и 25, Японія—1:32 и 33, и т. д.).

Поэтому, кажется, лучше биметаллическимъ странамъ сохранять statu quo,—къ этому онѣ и стремятся. Такая политика могла пред-

---

французскому закону; и, наоборотъ, пониженіе серебра, вызванное изъятіемъ серебряной монеты изъ обращенія въ Германіи, усиленное впослѣдствіи конвенціей, уничтожившей чеканку этого металла въ Латинскомъ союзѣ, и довершенное недавно уничтоженіемъ чеканки въ англійской Индіи.

[13]) Прибавимъ еще, что если бы (оставаясь при нашей гипотезѣ) удалось удержать цѣнность золота на одномъ уровнѣ съ цѣнностью серебра, то, такъ какъ затраты по добычѣ золота гораздо значительнѣе, чѣмъ затраты по добычѣ серебра,

ставлять нѣкоторый рискъ лѣтъ десять тому назадъ, когда добыча золота поразительно сократилась, и могъ даже встать вопросъ, хватитъ ли его для всѣхъ государствъ, которыя пожелали бы признать золотую валюту, и промедлившія съ такимъ рѣшеніемъ государства не придутъ ли слишкомъ поздно; но за послѣдніе годы XIX ст. добыча золота чрезвычайно увеличилась, и есть основанія полагать, что она увеличится еще больше, сравняется по размѣрамъ съ добычей серебра, а, можетъ быть, и опередитъ ее. Такъ что разница въ цѣнности обоихъ металловъ, можетъ быть, уменьшится, и мы будемъ свидѣтелями подъема, обратнаго тому, который наблюдался въ 1871—1895 гг.

Въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ добыча золота болѣе, чѣмъ учетверилась. Ежегодная добыча его, павшая ниже 500 милліоновъ въ 1884 г., скоро достигнетъ $2^1/_2$ милліардовъ франковъ. И съ каждымъ днемъ открываются новыя золотоносныя земли.

Правда, добыча серебра тоже намного увеличилась: съ 2,150,000 килогр. въ 1875 г. она поднялась болѣе, чѣмъ на 5 милліоновъ килограммовъ въ 1893 г. Но съ этого времени, и какъ разъ вслѣдствіе паденія цѣнности серебра, добыча его увеличивается лишь очень слабо. Нынѣ добывается $5^1/_2$ милліоновъ килограммовъ серебра. Цѣнность его тяготѣетъ немного къ повышенію. Упавъ до 80 фр. за килогр. въ 1902 г. она поднялась до 110 фр. въ 1906 г. и, послѣ незначительныхъ колебаній, нынѣ держится на этомъ уровнѣ.

Вопросъ о биметаллизмѣ потерялъ, слѣдовательно, значительную долю своей остроты. Биметаллическимъ государствамъ не опасно оставаться при своемъ биметаллизмѣ, а если они захотятъ когда-нибудь перейти къ монометаллизму съ золотой валютой, то этотъ переходъ будетъ не столь затруднителенъ, какъ теперь. Съ каждымъ днемъ рѣшеніе становится легче, но въ то же время и менѣе настоятельно.

добыча серебра приняла бы широкій размахъ, тогда какъ золотые пріиски немедленно опустѣли бы, такъ какъ они не приносили бы барыша; въ конечномъ счетѣ подобная мѣра привела бы въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ къ уничтоженію производства золота. Равнымъ образомъ, если бы издать указъ о томъ, что волъ долженъ стоить не дороже барана, и удалось бы провести въ жизнь такое основаніе для исчисленія, можно навѣрное сказать, что повсюду стали бы, вмѣсто воловъ, разводить барановъ, и что въ теченіе опредѣленнаго срока воловье племя исчезло бы.

Но такъ какъ золото стало фактически единственной международной монетой, то биметаллическимъ странамъ слѣдуетъ заботиться о накопленіи достаточнаго запаса его; иначе имъ придется покупать его для того, чтобы расплачиваться съ заграничными странами, что будетъ для нихъ довольно затруднительно.

ГЛАВА IV.

Бумажныя деньги.

I.

Можно ли замѣнить металлическія деньги бумажными?

Если бы мы уже изъ ежедневной практики не знали, что можно металлическія деньги замѣнить бумажными, мы съ трудомъ повѣрили бы этому, и поставленный въ заголовкѣ вопросъ показался бы намъ страннымъ.

Ясно, что нельзя замѣнить хлѣбъ, уголь или иное какое-нибудь богатство простыми лоскутками бумаги, на которыхъ было бы начертано: „сто гектолитровъ хлѣба“ или „сто центнеровъ угля.“ Лоскутки эти не накормятъ и не согрѣютъ насъ. Если бы даже мы пользовались монетами для украшенія, какъ это въ обычаѣ у дочерей Востока, навѣшивающихъ себѣ на шею золотые и серебряные цехины, ясно, что и для этой цѣли не могли бы служить разноцвѣтные клочки бумаги. Но мы уже знаемъ, что деньги—особое богатство и что въ нашихъ культурныхъ обществахъ назначеніе ихъ нематеріальное. Монета не что иное, какъ *знакъ*, дающій намъ право на полученіе, подъ извѣстными условіями, нѣкоторой доли существующихъ богатствъ. А роль такого „знака“ можетъ играть листокъ бумаги такъ же хорошо, какъ и кусокъ металла. Финансовому дѣльцу Лоу (приведшему, между прочимъ, Францію къ банкротству своими преждевременными экспериментами) принадлежитъ заслуга въ совершенствѣ усвоить и доказать такую возможность.

Чтобы лучше выяснить это, слѣдуетъ различать три рода бумажныхъ денегъ:

1) Репрезентативныя бумажныя деньги, представляющія лишь соотвѣтствующее количество звонкой монеты, внесенное куда-нибудь, напримѣръ, въ кассу какого-нибудь банка, и служащее бумажнымъ деньгамъ гарантіей. Такъ, когда публика находитъ для себя серебряные экю слишкомъ обременительными, она отдаетъ ихъ на храненіе въ банкъ, а послѣдній замѣняетъ ихъ въ обращеніи билетами, которые, какъ листки бумаги, гораздо удобнѣе. Эта первая форма бумажныхъ денегъ не можетъ представлять никакихъ затрудненій.

2) Кредитныя бумажныя деньги, представляющіяся въ формѣ кредитнаго знака въ собственномъ смыслѣ, въ формѣ обѣщанія уплатить извѣстную сумму денегъ. Ясно, что цѣнность этого обязательства зависитъ исключительно отъ платежеспособности должника; если, слѣдовательно, существуетъ полная увѣренность въ платежеспособности даннаго лица, если, какъ выражаются иногда на дѣловомъ языкѣ, „подпись стоитъ золота," то ясно, что нѣтъ никакого основанія, чтобы этотъ листокъ бумаги не обращался съ такой же легкостью, какъ и металлическая монета. Банковые билеты обыкновенно относятся къ этой второй категоріи бумажныхъ денегъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, съ которыми мы встрѣтимся ниже.

3) Условныя бумажныя деньги, которыя рѣшительно ничего не представляютъ и ни на что не даютъ права. Къ нимъ-то и относится названіе бумажныхъ денегъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это—листки бумаги, выпускаемые государствомъ, у котораго вовсе нѣтъ звонкой монеты. Эти листки носятъ, правда, надпись: „билетъ въ сто франковъ" или „билетъ въ тысячу франковъ" и по внѣшности имѣютъ, такимъ образомъ, форму обѣщанія уплатить извѣстную сумму денегъ, подобно предыдущей категоріи бумажныхъ денегъ; но извѣстно, что это чистая фикція, и что государство никогда не уплатитъ, такъ какъ у него не имѣется для этого денегъ ни въ кассѣ, ни даже въ обращеніи.

Въ особенности, кажется, трудно понять, какъ бумажныя деньги могутъ замѣнить металлическія въ этой послѣдней формѣ, и, конечно, такая замѣна не такъ ужъ легко осуществляется. Однако, стократно повторявшійся во всѣхъ странахъ опытъ доказалъ, что замѣна эта, при извѣстныхъ условіяхъ, возможна, и что народы даже довольно легко приспособляются къ ней. Россія и республики Южной Америки остаются съ этой системой уже въ теченіе нѣ-

сколькихъ поколѣній. Почему бы на самомъ дѣлѣ и не такъ? Если по волѣ закона и съ общаго согласія, которое всегда должно до извѣстной степени санкціонировать распоряженіе законодателя, эти бѣлыя или синія бумажки надѣлены способностью оплачивать наши покупки, долги, налоги, то почему бы имъне обращаться совершенно такъ же, какъ обращаются бѣлыя или желтыя монеты. Вѣдь эти послѣднія ни для чего иного не служатъ намъ.

Однако, слѣдуетъ признать, что между цѣнностями металическихъ и бумажныхъ денегъ всегда будетъ существовать огромная разница. Цѣнность бумажныхь денегъ всегда будетъ ненадежнѣе, ограниченнѣе по сферѣ своего дѣйствія и измѣнчивѣе.

1) Цѣнность бумажныхъ денегъ ненадежна, ибо она покоится исключительно на волѣ законодателя, и законъ, создавшій ее, можетъ также и уничтожить ее. Если законъ отнимаетъ у бумажныхъ денегъ значеніе монеты, то въ рукахъ у ея владѣльца ничего не остается, кромѣ клочка бумаги: потерявъ свою, основанную на законѣ, цѣнность, бумага все потеряла. Совсѣмъ иное дѣло съ металлическими деньгами. Кромѣ своей законной цѣнности, онѣ обладаютъ еще естественной цѣнностью, зависящей отъ рѣдкихъ физическихъ качествъ содержащагося въ нихъ металла. Несомнѣнно, если золото и серебро утратили бы во всѣхъ странахъ [1]) свое значеніе денегъ, металлическія деньги утратили бы наибольшую часть своей цѣнности; нечего строить себѣ иллюзіи на этотъ счетъ [2]). Доказательствомъ служитъ то

[1]) Мы говоримъ во всѣхъ странахъ, такъ какъ если бы онѣ потеряли значеніе только въ одной странѣ, то это не повело бы къ чувствительному уменьшенію ихъ цѣнности. Это-то обстоятельство и составляетъ наилучшую гарантію для обладателя звонкой монеты!

[2]) Такія иллюзіи строятъ себѣ, однако, даже нѣкоторые экономисты; по крайней мѣрѣ, они не достаточно настойчиво предостерегаютъ противъ нихъ своихъ читателей. Большинство изъ нихъ, повидимому, думаетъ, что выбитый на золотой и серебряной монетѣ государственный гербъ констатируетъ ея дѣйствительную цѣнность, вродѣ тѣхъ этикетокъ, которыя купецъ накалываетъ на свой товаръ. Но заявленіе, что золотая монета шести граммовъ стоитъ 20 франковъ, носитъ не только декларативный, но отчасти и аттрибутивный характеръ. И именно, потому, что воля законодателя, санкціонированная, если хотите, волей людей, избрала золото и серебро въ качествѣ денегъ, эти металлы пріобрѣли наибольшую долю своей цѣнности, и они потеряли бы, по крайней мѣрѣ, половину ея, а, вѣроятно, и больше, какъ только законъ отказалъ бы имъ въ этомъ.

Но точно также не слѣдовало бы, какъ это дѣлаютъ другіе экономисты и, особенно, Cernuschi, ударяясь въ противоположную крайность, дѣлать изъ даннаго

обстоятельство, что достаточно было только нѣсколькимъ странамъ отказаться отъ серебряной валюты, чтобы вызвать значительное паденіе цѣнности серебра. Однако, даже при такомъ предположеніи, благородные металлы все же сохранили бы нѣкоторую полезность, ибо они могли бы получить промышленное назначеніе; и, такъ какъ въ производствѣ они стали бы играть тѣмъ болѣе важную и разнообразную роль, чѣмъ ниже падала бы цѣнность металла, то возможно, что это пониженіе цѣнности не было бы такъ велико, какъ предполагаютъ это. Допустимъ, что цѣнность ихъ составляла бы $^2/_3$ или $^3/_4$ нынѣшней цѣнности. Все же въ рукахъ владѣльцевъ монетъ оставалась бы нѣкоторая цѣнность, которую законъ не могъ отобрать отъ нихъ, и, вѣроятно, даже цѣнность, превышающая таковую любого другого товара, который могъ бы быть избранъ въ качествѣ законной монеты.

2) Цѣнность бумажныхъ денегъ ограничена въ сферѣ своего дѣйствія, ибо, какъ порожденная закономъ, она не можетъ распространяться за предѣлы той территоріи, на которой дѣйствуетъ законъ[3]). Она, слѣдовательно, не можетъ служить для международнаго обмѣна. Напротивъ, цѣнность металлическихъ денегъ, зависящая отъ цѣнности металла, остается приблизительно одинаковой во всѣхъ культурныхъ странахъ; слѣдовательно, она

факта того вывода, что цѣнность благородныхъ металловъ чисто условна. Для того, чтобы какой-нибудь предметъ имѣлъ полезность и признанную цѣнность, необходимо вмѣшательство воли людей и ихъ выбора. Но если воля людей и ихъ выборъ опредѣляются естественными причинами, то и проистекающая отсюда цѣнность тоже будетъ естественной, а вовсе не условной. Но вѣдь выборъ людей, остановившійся на благородныхъ металлахъ, ничего произвольнаго въ себѣ не заключаетъ, ибо онъ основанъ на весьма реальныхъ, присущихъ этимъ металламъ качествахъ. Вѣдь и хлѣбъ обязанъ своей цѣнностью лишь тому факту, что большинство культурныхъ людей выбрало его изъ многихъ другихъ растительныхъ злаковъ для своего питанія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что его цѣнность исчезнетъ, разъ онъ будетъ когда-нибудь замѣненъ другимъ. Однако, никто же не подумаетъ сказать, что цѣнность хлѣба условна! Также обстоитъ дѣло и съ благородными металлами, съ той только разницей, что для благородныхъ металловъ въ качествѣ денегъ легче найти замѣщеніе, чѣмъ для хлѣба въ качествѣ пищи.

[3]) Конечно, билетъ Французскаго банка можетъ быть акцептированъ за границей какимъ-нибудь мѣнялой или другимъ лицомъ, знающимъ Французскій банкъ и понимающимъ, что значитъ его подпись. Но въ такомъ случаѣ его принимаютъ не какъ монету, а какъ долговое обязательство, иначе говоря, принимаютъ его съ намѣреніемъ предъявить къ платежу, совершенно такъ же, какъ во всякой странѣ акцептировали бы вексель, подписанный Ротшильдомъ.

можетъ обращаться повсюду, если не какъ чеканная монета, то, во всякомъ случаѣ, какъ слитокъ. Вотъ почему металлическія деньги по природѣ своей всемірныя и международныя деньги, тогда какъ бумажныя по природѣ своей—національныя деньги.

3) Наконецъ, цѣнность бумажныхъ денегъ обыкновенно болѣе измѣнчива, чѣмъ цѣнность металлическихъ, по той причинѣ, что количество бумажныхъ денегъ зависитъ отъ воли людей, тогда какъ количество металлическихъ зависитъ лишь отъ естественныхъ причинъ, а именно, отъ открытія новыхъ пріисковъ. Однѣ пускаются въ обращеніе правительствами, а другія—природой. Поэтому непредусмотрительный законодатель выпускомъ слишкомъ большого количества бумажныхъ денегъ можетъ понизить ихъ цѣнность, что и случается слишкомъ часто! Но никакое правительство не можетъ понизить такимъ образомъ цѣнность металлическихъ денегъ.

Правда, открытіе исключительно богатыхъ пріисковъ можетъ въ извѣстный моментъ бросить на всемірный рынокъ значительное количество благородныхъ металловъ и тѣмъ самымъ понизить цѣнность металлическихъ денегъ. Правда также и то, что когда за періодомъ промышленнаго подъема наступаетъ періодъ застоя, то и металлическія деньги, привлеченныя въ данную страну, могутъ оказаться тамъ въ излишкѣ. Такое явленіе не разъ имѣло мѣсто, но эти колебанія никогда не получаютъ широкаго размаха и не ведутъ къ такимъ гибельнымъ послѣдствіямъ, какія влечетъ за собою всякое колебаніе въ количествѣ бумажныхъ денегъ, потому что первыя распространяются на весь цивилизованный міръ: повсюду спрашиваемые и принимаемые, благородные металлы, если они находятся въ какой-нибудь странѣ въ избыткѣ, сами собой немедленно отливаютъ въ другія страны, тогда какъ внезапныя наводненія бумажныхъ денегъ, сдавленныя всегда предѣлами опредѣленной страны, образующей какъ бы закрытый резервуаръ, откуда нѣтъ выхода, оказываются гибельными.

Таковы неудобства, дѣлающія бумажныя деньги столь несовершеннымъ орудіемъ обмѣна по сравненію съ металлическими деньгами. Но прибавимъ, что эти неудобства можно было бы весьма значительно смягчить и даже почти совершенно устранить, если бы между всѣми культурными странами состоялось соглашеніе, которымъ всѣ онѣ обязывались бы:

1) присвоить законный курсъ однѣмъ и тѣмъ же бумажнымъ деньгамъ;

2) не увеличивать ихъ количества или же увеличивать его только въ размѣрахъ, заранѣе опредѣленныхъ и сообразуемыхъ для каждой страны, напримѣръ, съ ростомъ ея населенія.

Въ такомъ случаѣ цѣнность бумажныхъ денегъ, хотя и условная, искусственная, если угодно, отнынѣ опиралась бы на такой же широкій и прочный базисъ, какъ и цѣнность металлическихъ денегъ, въ силу одного того факта, что она покоится на общемъ соглашеніи всѣхъ народовъ. Ибо если, какъ мы сейчасъ сказали, металлическія деньги выпускаются природой, а бумажныя правительствами, то слѣдуетъ замѣтить, что вѣдь природа слѣпа, а правительства не должны быть слѣпыми! Нынѣ они, какъ мы увидимъ ниже, достаточно имѣютъ въ своемъ распоряженіи средствъ освѣдомленія, чтобы быть въ состояніи регулировать выпускъ бумажныхъ денегъ, сообразуясь съ потребностями обращенія. А въ такомъ случаѣ, если количество бумажныхъ денегъ опредѣляется не игрой случая, а научными данными, есть основаніе предполагать, что и цѣнность ихъ будетъ менѣе подвержена колебаніямъ. Вѣроятно, что въ будущемъ деньги и явятся въ такой именно формѣ.

То, что бумажныя деньги по природѣ своей искусственныя деньги, вовсе не является признакомъ ихъ недоброкачественности. Совсѣмъ наоборотъ. Хронометръ—искусственный инструментъ для измѣренія времени, а солнце—естественный инструментъ. Это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ первому быть совершеннѣе второго. Да и отличительной чертой прогресса является замѣна естественныхъ инструментовъ искусственными: палки—ружьемъ, лошади—локомотивомъ, солнечнаго свѣта — электрической лампой и т. д.

II.

Созданіе бумажныхъ денегъ равносильно ли созданію богатства?

Люди, которымъ впервые пришла мысль создать бумажныя деньги, [4]) обольщали себя надеждой увеличить такимъ образомъ общее богатство, — какъ будто бы они открыли золотые пріиски или осуществили великое дѣло превращенія металловъ, о которомъ грезили алхимики.

Въ такомъ видѣ мысль была, очевидно, нелѣпой, ибо она предполагала созданіе богатства ex nihilo (изъ ничего). И, все-таки, она не такъ ужъ смѣшна, ибо вполнѣ правильно, что выпускъ бумажныхъ денегъ можетъ до извѣстной степени увеличить количество существующихъ въ странѣ богатствъ. Но какимъ образомъ? Впервые разъяснилъ это Адамъ Смитъ. Онъ говоритъ, что обращающіяся въ странѣ металлическія деньги составляютъ непроизводительный капиталъ, и что замѣщеніе ихъ бумажными деньгами дѣлаетъ этотъ капиталъ свободнымъ, позволяетъ утилизировать его съ производительными цѣлями. Точно также,—приводитъ Адамъ Смитъ свое ставшее съ того времени знаменитымъ сравненіе,—если бы открыли способъ путешествовать по воздуху, то можно было бы вернуть земледѣлію и производству всю ту поверхность земли, которая занята нынѣ дорогами.

Остроумное сравненіе Адама Смита оставляетъ, однако, въ умѣ нѣкоторую неясность. Вполнѣ ясно, что какъ только не будетъ нужды въ простыхъ и желѣзныхъ дорогахъ, можно будетъ расчистить занимаемую ими землю и тѣмъ самымъ вернуть земледѣлію и промышленности около 400,000 гектаровъ въ одной только

---

[4]) Кто изобрѣлъ бумажныя деньги? Неизвѣстно. Онѣ были извѣстны въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ, и путешественникъ Марко Поло въ XIV в. даетъ описаніе ихъ. Древность оставила намъ много экземпляровъ денегъ, если и не бумажныхъ, то, во всякомъ случаѣ, кожаныхъ или съ чисто условной цѣнностью, которыя назывались осадными деньгами, потому что ихъ обыкновенно выпускали въ осажденныхъ городахъ для пополненія изсякавшаго запаса металлическихъ денегъ. Впервые въ широкихъ размѣрахъ былъ сдѣланъ выпускъ бумажныхъ денегъ финансистомъ Лоу въ 1721 г. Всѣмъ извѣстно, къ какой катастрофѣ привела его система.

Франціи; но не совсѣмъ ясно, что можно будетъ дѣлать съ металлическими деньгами, когда найденъ будетъ способъ обходиться безъ нихъ. Станутъ ли переплавлять ихъ въ посуду или серьги? Но выгода отъ этого будетъ ничтожная. — Нѣтъ, металлическія деньги можно будетъ употребить на покупки за границей или найти имъ тамъ помѣщеніе,—вотъ въ чемъ выгода. У Франціи имѣется капиталъ, приблизительно, въ 6 милліардовъ въ формѣ золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Этотъ колоссальный капиталъ ничего не приноситъ ей. Предположимъ, что найдутъ средство замѣнить его бумажными деньгами, и тогда Франція сможетъ помѣстить свои 6 милліардовъ за границей путемъ покупки ренты, желѣзнодорожныхъ акцій, земель, кораблей, или путемъ обновленія своихъ земледѣльческихъ или промышленныхъ орудій, — такъ или иначе, но они будутъ приносить ей 4 или 5%, т. е. 200 или 300 милліоновъ дохода.

Такъ поступаютъ тѣ семейства, которыя, обладая серебромъ или драгоцѣнными камнями на значительную сумму, замѣняютъ ихъ поддѣльными камнями или поддѣльнымъ металломъ и реализуютъ капиталъ, чтобы увеличить свои доходы. Точно такъ же поступаютъ опытныя частныя лица, которыя, зная, что деньги ничего не приносятъ, пока онѣ лежатъ у нихъ въ карманѣ или сундукѣ, стараются оставлять при себѣ только крайне необходимую сумму, а остальное помѣщаютъ въ дѣло. Самыми богатыми людьми являются чаще всего тѣ, у кого дома меньше всего денегъ. У зажиточнаго крестьянина имѣется секретный ящикъ, наполненный наполеонами или экю, а у милліонера для расплаты съ поставщикомъ имѣется только чекъ на его банкира.

Націи могутъ поступать точно такъ же. Тогда какъ Франція располагаетъ 6—7 милліардами звонкой монеты, Англія, болѣе опытная по части кредита, довольствуется только тремя; но она нисколько не бѣднѣе отъ этого,—напротивъ.

Итакъ, когда ставится вопросъ: въ состояніи ли государство, или даже банки, путемъ выпуска бумажныхъ денегъ дѣйствительно увеличить богатство страны?—не слѣдуетъ отвѣчать на него безусловнымъ отрицаніемъ. Въ дѣйствительности, это дѣло выполнимое, но только въ предѣлахъ существующаго въ странѣ количества металлическихъ денегъ. При замѣнѣ 6 милліардовъ звонкой монеты, которыми владѣетъ Франція, равной суммой кредитныхъ билетовъ, выпускъ бумажныхъ денегъ дѣйст-

вительно могъ бы доставить Франціи добавочныхъ 6 милліардовъ богатства, но ни на одно су больше, да и то это теоретическій максимумъ, практически же было бы благоразумнѣе не доходить до такого предѣла.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что если только что указанная нами прибыль можетъ быть реализована нѣкоторыми странами, то этого не могли бы сдѣлать одновременно всѣ страны. Данная страна можетъ, конечно, утилизировать производительнымъ образомъ свой металлическій запасъ, сбывая его за границу, но если бы всѣ страны захотѣли сдѣлать то же самое, то, ясно, ни одной это не удалось бы. Золотыя и серебряныя деньги, предлагаемыя всѣми странами, старающимися избавиться отъ нихъ, и никѣмъ не спрашиваемыя, стали бы загромождать рынокъ и потеряли бы свою цѣнность[5]).

Однако, даже при такомъ, невѣроятномъ, впрочемъ, предположеніи, родъ людской все же нашелъ бы выгоду обходиться безъ благородныхъ металловъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сберегалъ бы тогда весь трудъ, посвящаемый имъ ежегодно на сохраненіе своего металлическаго запаса, на перечеканку слитковъ въ монету, на пополненіе убыли, причиняемой ежедневно утратой вѣса и случайными потерями, и, въ особенности, на удержаніе металлическаго запаса на уровнѣ потребностей торговли и постоянно возрастающаго населенія. Кто подумаетъ, что это пустой трудъ? Добыча металла на пріискахъ, переливка, перевозка, чеканка, обмѣнъ представляютъ трудъ, по крайней мѣрѣ, 200.000 рабочихъ,— цѣлой арміи. Уничтожьте необходимость употребленія благородныхъ металловъ, и всѣ эти руки освободятся и поступятъ въ распоряженіе новаго производства. Производительная сила человѣчества значительно увеличится.

Въ конечномъ счетѣ, какъ видно, отвѣтъ на поставленный въ заголовкѣ этой главы вопросъ сильно отличается отъ того, который давали раньше. Слѣдуетъ говорить, что бумажныя деньги увеличиваютъ богатство страны не въ той мѣрѣ, въ какой онѣ увеличиваютъ ея металлическій запасъ, а, наоборотъ,

---

[5]) Въ этомъ, именно, нѣсколько грѣшитъ сравненіе Адама Смита. Ибо если бы открыли способъ обходиться безъ дорогъ, то было бы нѣсколько иначе: всѣ страны одновременно могли бы одинаково использовать новую полезность, которую онѣ нашли бы въ земляхъ, служившихъ раньше для перевозки, а нынѣ ставшихъ свободными.

въ той мѣрѣ, въ какой онѣ позволяютъ уменьшить его.

Такова экономическая выгода, которую можетъ принести странѣ выпускъ бумажныхъ денегъ. Но она интересуетъ только экономистовъ и не служитъ для правительствъ мотивомъ къ выпуску бумажныхъ денегъ. Цѣль, преслѣдуемая правительствами при выпускѣ такихъ денегъ, болѣе практическая и болѣе простая, —финансовая выгода. Когда правительству не хватаетъ денегъ, созданіе бумажныхъ денегъ служитъ для него очень удобнымъ средствомъ расплаты со своими поставщиками, чиновниками, средствомъ покрытія всѣхъ расходовъ, при чемъ ему не приходится прибѣгать къ займу и, слѣдовательно, платить проценты. Когда правительство находится въ такомъ положеніи, съ увѣренностью можно сказать, что оно не пользуется особенно большимъ кредитомъ, и что если оно будетъ вынуждено занимать, норма процента для него будетъ очень отяготительной. Вотъ почему бумажныя деньги могутъ въ такомъ случаѣ доставить ему экономію, которой не приходится пренебрегать. Многія государства прибѣгали къ этому средству и въ сущности не были въ проигрышѣ отъ этого, при томъ, само собой разумѣется, условіи, если въ своихъ выпускахъ они не переступали указанной нами границы, которая представлена находящимся въ обращеніи[6]) количествомъ металлическихъ денегъ.

Всякій выходящій изъ этого предѣла выпускъ могъ бы лишь повести къ пониженію цѣнности бумажныхъ денегъ и причинить странѣ и государству потери, значительно превышающія экономію, о которой мы только что говорили.

[6]) Во время франко-прусской войны французское правительство нуждалось въ деньгахъ и выпустило кредитныхъ билетовъ на 1500 милліоновъ франковъ. Если бы оно прибѣгло къ займу, оно должно было бы уплатить около 6% или 90 милліоновъ въ годъ. Если бы правительство захотѣло само непосредственно выпустить эти бумажныя деньги, оно могло бы обойтись безъ расходовъ, за исключеніемъ затратъ по изготовленію денегъ. Но оно предпочло, вполнѣ, впрочемъ, основательно, прибѣгнуть къ посредничеству Французскаго банка, уплативъ ему за комиссію 1%, что обошлось правительству лишь въ 15 милліоновъ въ годъ. Что касается страны, то она тоже выиграла, такъ какъ въ обращеніи оставалось совершенно недостаточное количество денегъ, частью за вывозомъ за границу на покупку оружія, частью за сокрытіемъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ былъ, такимъ образомъ, для всѣхъ благодѣяніемъ; выпущенное количество было даже ниже требуемаго потребностями, ибо многіе частные банки должны были сговориться для выпуска мелкихъ билетовъ цѣною ниже 5 фр., которые требовались публикой.

III.

Объ опасностяхъ, проистекающихъ отъ употребленія бумажныхъ денегъ, и о способахъ предупрежденія ихъ.

Выгоды, которыя бумажныя деньги могутъ принести либо странѣ, либо правительству, дѣйствительны, но можетъ случиться, что онѣ оплачиваются очень дорого, можетъ быть, дороже того, что онѣ стоятъ. И вѣдь было же сказано, что бумажныя деньги —„величайшій бичъ для народовъ: для ихъ нравственности онѣ то же, что чума для тѣла“[7]).

Все-таки, необходимо замѣтить, что эти прискорбныя послѣдствія скорѣе обязаны неблагоразумію правительства, чѣмъ природѣ бумажныхъ денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, они проявляются только тогда, когда правительство рѣшаетъ переступить уже указанную нами границу и выпустить бумажныхъ денегъ въ количествѣ, превышающемъ потребности (вполнѣ достаточнымъ мѣриломъ этихъ потребностей можетъ служить находящееся обыкновенно въ обращеніи количество металлическихъ денегъ). Къ сожалѣнію, для обремененнаго долгами правительства великъ соблазнъ переступить роковую границу: многія правительства поддались ему и кончили банкротствомъ[8]).

Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что при современномъ состояніи экономической науки правительство, переходящее указанную границу, по-истинѣ не можетъ найти себѣ оправданія. Существуютъ, дѣйствительно, извѣстные, хорошо знакомые экономистамъ

---

[7]) Циркуляръ отъ 25 октября 1810 г. г-на de Montalivet, говорящаго отъ имени Наполеона I.

[8]) Всѣмъ извѣстна плачевная исторія ассигнацій, выпущенныхъ Конвентомъ и Директоріей на невѣроятную цифру въ 45 милліардовъ, т. е., вѣроятно, на сумму, въ 20 разъ превышавшую существовавшее въ ту эпоху количество звонкой монеты. Даже если такой выпускъ былъ сдѣланъ въ хорошихъ золотыхъ и серебряныхъ монетахъ, онъ все же повлекъ бы за собой значительное пониженіе цѣнности металлическихъ денегъ, ибо ихъ оказалось бы въ двадцать разъ больше, чѣмъ нужно. Можно, поэтому, представить себѣ, каково же должно было быть обезцѣненіе простыхъ бумажныхъ денегъ! Ассигнація въ 100 фр. упала, въ концѣ концовъ (въ февралѣ 1796 г.), до 7 су, и за пару сапогъ приходилось платить 4000 франковъ.

и финансистамъ признаки, по которымъ возможно заранѣе предусмотрѣть опасность и которые даютъ болѣе точныя указанія, чѣмъ указанія, получаемыя лоцманомъ отъ лота или морскихъ примѣтъ:

1) Первый признакъ, это—премія на золото. Какъ только бумажныя деньги выпущены въ количествѣ, превышающемъ потребность, онѣ начинаютъ падать въ цѣнѣ согласно непреложному закону цѣнностей, и первымъ послѣдствіемъ этого паденія, первымъ признакомъ, свидѣтельствующимъ о немъ уже тогда, когда публика еще ничего не замѣчаетъ, является то, что на металлическія деньги получается премія. Въ самомъ дѣлѣ, металлическія деньги не раздѣляютъ участи съ бумажными деньгами при начинающемся пониженіи цѣнности орудія обмѣна; да и почему бы это могло случиться, разъ золото и серебро повсюду сохранили свою прежнюю цѣнность? Банкиры и мѣнялы начинаютъ искать ихъ и отсылать за границу въ формѣ слитковъ и платятъ небольшую премію, чтобы достать себѣ металлическія деньги. Вотъ для финансистовъ моментъ прозрѣть!

2) Второй признакъ — повышеніе вексельнаго курса. Заграничныя долговыя обязательства, т. е. переводные векселя, даютъ просторъ огромному движенію дѣловой жизни во всѣхъ торговыхъ пунктахъ міра. На нихъ, какъ и на всякій другой товаръ, существуетъ курсъ, который, именно, и называется вексельнымъ курсомъ. Но эти обязательства всегда оплачиваются золотомъ или серебромъ, чаще всего, золотомъ, такъ какъ послѣднее является международной монетой. Поэтому, если бы, предположимъ, во Франціи былъ режимъ бумажныхъ денегъ, и онѣ упали бы въ цѣнѣ, то заграничныя бумаги, напримѣръ, на Лондонъ, поднялись бы въ цѣнѣ, какъ и само золото, ибо вѣдь онѣ по цѣнности равны золоту, и когда на золото была бы премія въ 2% и 20 фр. продавались бы за 20 фр. 40 с., то и на переводный

Не заходя такъ далеко въ прошлое, мы можемъ указать недавніе примѣры: въ 1903 г. въ Колумбіи бумажный піастръ, стоящій al pari 5 фр., упалъ ниже 5 сантимовъ. Поэтому яйцо покупалось за $2^1/_2$ піастра (12 фр. 50 с.), а мулъ, приблизительно, за 30.000 піастровъ (150.000 фр.)!

Опытъ показалъ, что когда выпускъ бумажныхъ денегъ довѣряется банкамъ, то обыкновенно онъ производится съ гораздо большей умѣренностью и представляетъ гораздо меньше опасности, ибо банкиры съ большей бдительностью защищаютъ свои интересы или, по крайней мѣрѣ, интересы своихъ акціонеровъ, чѣмъ—увы!—казна защищаетъ интересы публики. Поэтому нынѣ большинство правительствъ прибѣгаетъ къ посредству банковъ.

вексель на Лондонъ въ 25 фр. получалась бы одинаковая премія, и онъ продавался бы за 25 фр. 50 с.

3) Третій признакъ—отливъ металлическихъ денегъ. Какъ бы ни было слабо обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, если только оно немедленно не парализуется изъятіемъ изъ обращенія излишка этихъ денегъ и станетъ продолжаться и усиливаться, то не замедлитъ исчезнуть изъ обращенія и тотъ запасъ металлическихъ денегъ, который еще оставался тамъ. Это явленіе въ высокой степени характерно: оно обнаруживается во всѣхъ странахъ, гдѣ злоупотребляли выпускомъ бумажныхъ денегъ, въ Россіи, во всей Южной Америкѣ (все страны съ золотыми или серебряными пріисками!) Мы уже разъяснили это подробно по поводу закона Грешема и не будемъ больше возвращаться.

4) Четвертый признакъ — повышеніе цѣнъ. Онъ обнаруживается позже и указываетъ на то, что зло уже стало серьезнымъ, и дозволенная граница осталась далеко позади. Дѣйствительно, пока пониженіе цѣнности бумажныхъ денегъ было слабымъ, напримѣръ, на 2 или 3%, оно еще не отражалось на цѣнахъ (за исключеніемъ цѣнъ на золото и серебро въ слиткахъ). Мелкій или даже крупный купецъ не подниметъ цѣны на свои товары изъ-за такой ничтожной разницы, а если онъ и сдѣлаетъ это, то публика не обезпокоится. Но какъ только обезцѣненіе бумажныхъ денегъ достигаетъ 10, 12 или 15%, тогда всѣ купцы и производители соотвѣтственно повышаютъ свои цѣны. Зло, бывшее до того какъ бы въ скрытомъ состояніи, вырывается наружу и становится для всѣхъ очевиднымъ [9]).

5) Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что прежнія цѣны не измѣняются для тѣхъ лицъ, которыя могутъ платить металлическими деньгами, если только онѣ сохранились еще у нихъ; послѣднія нисколько не потеряли въ своей цѣнности, и наоборотъ. Такимъ образомъ, наблюдается любопытное явленіе двойственности цѣнъ; каждый товаръ съ этого момента имѣетъ двѣ цѣны: одну, уплачиваемую металлическими деньгами, другую — бумажными, а

---

[9]) Торговцы и производители не огорчаются этимъ повышеніемъ и такъ хорошо свыкаются съ нимъ, что даже становятся приверженцами бумажныхъ денегъ и противниками ихъ уничтоженія, вслѣдствіе чего возстановились бы прежнія цѣны. Когда въ Соединенныхъ Штатахъ былъ режимъ бумажныхъ денегъ, тамъ существовала цѣлая партія, обозначавшаяся довольно многозначительнымъ именемъ inflationists (вздувателей), которая употребляла всевозможныя средства, чтобы сохранить его. Та же самая партія ожила нынѣ въ Аргентинской республикѣ.

разница между ними и есть точная степень обезцѣненія бумажныхъ денегъ.

Итакъ, какъ только правительство констатируетъ наличность предвѣстниковъ, а именно—премію на золото или повышеніе вексельнаго курса, [10]) его первой обязанностью является совершенное прекращеніе дальнѣйшаго выпуска бумажныхъ денегъ: предѣлъ, гдѣ надо остановиться, достигнутъ. Но если съ нимъ уже случилось такое несчастіе, что оно переступило границу, и если оно встало предъ опасностью повышенія и двойственности цѣнъ, посылающихъ ему предостерегающіе возгласы, то оно должно дать ходъ назадъ и уничтожить всѣ бумажныя деньги по мѣрѣ того, какъ онѣ возвращаются въ его кассы, пока она ни сведетъ ихъ до соотвѣтствующаго предѣла. Но такое героическое средство, предполагающее частичное уничтоженіе государственныхъ доходовъ, не всѣмъ правительствамъ доступно. Условіемъ sine qua non для того, чтобы воспользоваться этимъ средствомъ, должно быть слѣдующее: правительство должно быть въ состояніи обойтись безъ нѣкоторой части своихъ доходовъ, т. е. имѣть излишки въ своемъ бюджетѣ.

IV.

Чекъ.

Если бумажныя деньги даютъ экономію на металлическихъ деньгахъ, то эта выгода, какъ можно видѣть, оплачивается цѣною серьезныхъ неудобствъ и даже большихъ опасностей. Если бы, слѣдовательно, можно было найти какое-нибудь средство сберегать металлическія деньги, не прибѣгая къ такому опасному замѣстителю, это было бы, конечно, большимъ благодѣяніемъ.

Но вѣдь такое средство существуетъ: оно одновременно и болѣе радикально и болѣе безобидно, чѣмъ бумажныя деньги. Оно не изгоняетъ металлическихъ денегъ, но позволяетъ обходиться безъ

[10]) Когда послѣ войны 1870 г. Франція оказалась съ бумажными деньгами и все золото ея ушло въ Германію на оплату контрибуціи, на золото установилась одно время премія въ $2^1/_2\%$ (50 сантимовъ за золотую монету въ 20 фр.). Это была ничтожная премія, но этого было достаточно, чтобы предостеречь правительство и предупредить опасность.

нихъ. Это—банковый билетъ и, еще лучше, чекъ. Остановимся пока на послѣднемъ.

Вотъ какъ происходитъ дѣло на практикѣ, напримѣръ, въ Англіи. Всякій разъ, какъ англичанинъ имѣетъ произвести платежъ, скажемъ, по своимъ текущимъ расходамъ, какому-нибудь поставщику, онъ выдаетъ ему чекъ, т. е. приказъ своему банкиру уплатить (этотъ приказъ предполагаетъ, конечно, предварительный взносъ денегъ банкиру [11]). Поставщикъ и не потрудится пойти получать по этому чеку; онъ передаетъ его своему банкиру, который, чаще всего, и не получаетъ валюты чека. И вотъ почему. Всѣ банкиры въ Англіи состоятъ по отношенію другъ къ другу кредиторами и должниками на огромныя суммы. Ихъ корреспондентамъ въ Лондонѣ остается только сговориться и сбалансировать свои счеты. Такъ, именно, они и поступаютъ, собираясь ежедневно для этого въ Clearing—House (разсчетная палата,)[12]) гдѣ путемъ простыхъ зачетовъ регулируются сдѣлки, сумма которыхъ ежедневно поднимается болѣе, чѣмъ на 300 милліардовъ франковъ, т. е. въ среднемъ по 1 милліарду фр. въ день! Разсчетныя палаты въ Соединенныхъ Штатахъ ликвидируютъ еще болѣе колоссальныя суммы (около 800 милліардовъ въ 1907 г.), но это потому, что сюда включаются и биржевыя операціи. Для погашенія разницы въ такихъ огромныхъ операціяхъ металлическая монета бываетъ нужна только въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ (3% приблизительно).

Эта система разсчета облегчается употребленіемъ очень распространеннаго въ Англіи chèque barré (crossed), т. е. такого чека, по

---

[11]) Въ самомъ дѣлѣ, чекъ, по своему юридическому и экономическому характеру, всегда предполагаетъ извѣстную сумму денегъ, или, какъ говорятъ, запасъ, внесенный банкиру. Слѣд., чекъ—орудіе платежа, а не орудіе кредита. Этимъ онъ отличается отъ кредитныхъ бумагъ, которыя мы будемъ изучать ниже, отъ векселя и даже банковаго билета, который не предполагаетъ непремѣнно равной ему въ деньгахъ суммы въ кассѣ банка.

Тѣмъ не менѣе, фактически чекъ стоитъ на границѣ съ кредитными деньгами, ибо часто банкиръ оплачиваетъ его, даже не имѣя соотвѣтствующей суммы на текущемъ счетѣ своего кліента. Но, во всякомъ случаѣ, кредиторъ, получающій въ уплату чекъ, оказываетъ тѣмъ самымъ довѣріе, ибо онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что платежъ послѣдуетъ: дѣйствительно, можетъ случиться, что запаса нѣтъ, или подпись подложна, или чекъ украденъ.

[12]) Не всѣ, конечно, они собираются тамъ, а только въ числѣ 18, которые приносятъ чеки всѣхъ другихъ банкировъ, своихъ корреспондентовъ. Каждый вписываетъ то, что онъ долженъ, и то, что ему должны, а разница заносится на счетъ каждаго въ Англійскомъ банкѣ, гдѣ все въ конечномъ счетѣ сосредоточивается.

которому платежъ можетъ послѣдовать не отъ какого-нибудь неопредѣленнаго лица, а только отъ банкира, названнаго на чекѣ по имени между двумя поперечными наискось проведенными графами. Самъ банкиръ обыкновенно никогда не получаетъ деньгами по чеку, а производитъ взаимный разсчетъ со своими сотоварищами. Поэтому-то только ради юмора можно было назвать этотъ чекъ chèque barré т. е. чекомъ, по которому никогда не производится уплата. Удобство его заключается въ томъ, что онъ не служитъ никому, кромѣ банкира, имя котораго онъ носитъ, и, слѣдовательно, совершенно не важно, будетъ онъ украденъ или потерянъ. [13])

Во Франціи пользованіе чекомъ распространено гораздо меньше и еще меньше—чекомъ barré. Въ дѣловыхъ отношеніяхъ чекъ весьма употребителенъ, но въ повседневныхъ расходахъ рѣдко прибѣгаютъ къ нему. Французъ средняго достатка хранитъ цѣнности у себя, самъ отрѣзаетъ купоны, и самъ оплачиваетъ своихъ поставщиковъ. У него нѣтъ нужды въ чекахъ. Да и поставщикъ можетъ принять въ уплату чекъ только отъ почтенной личности, ибо иначе у него нѣтъ никакой гарантіи, что по чеку послѣдуетъ платежъ. Вслѣдствіе этого, пользованіе чекомъ предполагаетъ довольно высокое моральное состояніе [14]).

Можно даже пойти дальше и устранить чекъ. Предположимъ, что всѣ безъ исключенія французы имѣютъ текущій счетъ въ одномъ и томъ же банкирскомъ домѣ, который будетъ обязанъ принимать всѣ доходы своихъ кліентовъ, записывая ихъ въ кредитъ, и покрывать всѣ ихъ расходы, занося ихъ въ дебетъ. При подобной организаціи можно было бы уничтожить деньги до послѣдняго сантима. Всякій разъ, какъ я буду дѣлать покупку, я ограничусь, вмѣсто платежа своему поставщику, приказомъ банку внести соотвѣтствующую сумму на мой пассивъ и на активъ купца; послѣдній, въ свою очередь, будетъ поступать также при покупкѣ

---

[13]) Въ нѣкоторыхъ странахъ, а именно—въ Австріи и въ Швейцаріи, почтовое вѣдомство также исполняетъ роль разсчетнаго банка, но на маленькія суммы и въ небольшихъ размѣрахъ, правда, все болѣе расширяющихся.

[14]) Къ чеку прибѣгаютъ какъ для потребностей домашняго хозяйства, такъ равно и при крупнѣйшихъ платежахъ. При платежѣ военной контрибуціи въ 1896 г. сумма въ 8.250.000 фунтовъ стерлинговъ (206 милліоновъ фр.) была уплачена китайскимъ посланникомъ японскому въ формѣ простого чека на Лондонскій банкъ. Точно также послѣ русско-японской войны въ 1906 г. былъ врученъ японскому посланнику русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ чекъ на 121 милліонъ франковъ.

всякихъ товаровъ. Если, вмѣсто покрытія расходовъ, мнѣ нужно помѣстить мои деньги, можно будетъ поступить такимъ же образомъ: банкъ занесетъ на мой пассивъ сумму, представляющую цѣнность купленной бумаги, и равную цѣнность въ активъ общества, выпустившаго бумагу, или ея предшествующаго владѣльца, который ее продалъ мнѣ. Къ концу года банкъ пошлетъ каждому кліенту счетъ съ балансомъ въ пользу банка или въ пользу кліента. Разность можно снести на слѣдующій годъ въ пассивъ кліента въ первомъ случаѣ и въ активъ его во второмъ и т. д. Ясно, что, обобщивъ эту систему, можно было бы теоретически погашать всю сумму сдѣлокъ путемъ простой бухгалтерской операціи перевода долга.

V.

Какимъ образомъ усовершенствованія обмѣна стремятся вернуть насъ къ натуральной мѣнѣ.

Только что очерченная нами эволюція приковываетъ наше вниманіе къ одному изъ самыхъ любопытныхъ явленій. Очевидно, что, какъ уже замѣтилъ Стэнли Джевонсъ, путемъ полнаго уничтоженія орудія обмѣна она стремится возвратить насъ къ непосредственному обмѣну товара на товаръ, т. е., по существу, къ натуральной мѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ искусныхъ и сложныхъ пріемахъ, составляющихъ послѣднее слово экономическаго прогресса, есть интересное сходство ихъ съ примитивными пріемами дикихъ обществъ. Ужъ не въ первый разъ отмѣчается въ историческомъ развитіи народовъ это странное шествіе человѣческаго ума, который, дойдя до конца своего пути, какъ будто возвращается снова къ первоначальной точкѣ отправленія, описавъ такимъ образомъ, если не одинъ изъ тѣхъ большихъ круговъ, которые такъ сильно поражали воображеніе Вико, то, во всякомъ случаѣ, кривую въ формѣ восходящей спирали [15]).

---

[15]) Это явленіе аналогично тому, которое стремится устранить купца, чтобы привести производителя и потребителя въ непосредственный контактъ.

Можно было бы въ другихъ соціальныхъ наукахъ найти много другихъ не менѣе интересныхъ примѣровъ: непосредственное управленіе чрезъ народъ, извѣ-

Нѣчто вродѣ простой мѣны находимъ мы и въ принятой нами гипотезѣ, гдѣ всѣ жители данной страны были бы кліентами одного и того же банка; такой общественный строй, гдѣ никто не нуждался бы въ деньгахъ, могъ бы существовать только при условіи, если бы каждый платилъ за пріобрѣтенные продукты или услуги своими собственными продуктами или услугами.

Нѣчто вродѣ мѣны осуществлено также и въ этомъ изумительномъ учрежденіи Clearing—House, ибо эти чудовищныя связки чековъ, векселей, торговыхъ бумагъ, ежедневно обмѣниваемыхъ и погашаемыхъ, не что иное, какъ знаки, представляющіе груды ящиковъ, тюковъ, бочекъ, которые были обмѣнены въ натурѣ; и для того, кто умѣетъ видѣть и закулисную сторону дѣла, Clearing—House представляется огромнымъ рынкомъ, похожимъ на рынки африканскихъ племенъ или исчезнувшихъ городовъ, съ той единственной разницей, что, вмѣсто обмѣна товаровъ въ натурѣ, обмѣниваютъ представляющія ихъ кредитныя бумаги.

И, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, международная торговля всегда склонна принять форму натуральной мѣны,—каждый народъ ввозитъ столько, сколько вывозитъ, и наоборотъ.

Правда, если благородные металлы и утрачиваютъ свою функцію орудія обмѣна, они все же сохраняютъ свою другую функцію мѣрила цѣнностей, ибо ясно, что цѣнность всѣхъ этихъ бумагъ, банковыхъ билетовъ и т. д. покоится въ конечномъ счетѣ на металлическихъ деньгахъ. Но этотъ базисъ съ каждымъ днемъ становится все уже и уже по сравненію съ огромнымъ зданіемъ, которое строитъ на немъ кредитъ. Это, какъ кто-то сказалъ, разрастающаяся пирамида, стоящая на своей вершинѣ, или волчокъ, вращающійся съ головокружительной быстротой на неподвижномъ остріѣ,—въ условіяхъ устрашающе неустойчиваго равновѣсія. Переставая кружиться, волчокъ падаетъ!

Но не исключена возможность, что благородные металлы, даже какъ и мѣрило цѣнностей, когда-нибудь потеряютъ свою прежнюю привилегію. Очень легко можно себѣ представить такое соціальное состояніе, въ которомъ единица цѣнности, служа для покрытія счетовъ, будетъ чисто номинальной и не будетъ соотвѣтство-

---

стное древнимъ общинамъ, возрождается въ референдумѣ современныхъ конституцій; обязательная для всѣхъ гражданъ воинская повинность возвращаетъ насъ къ состоянію, которое предшествовало учрежденію постоянныхъ армій, и т. д.

вать никакой существующей въ обращеніи монетѣ. Можно найти въ исторіи много разсчетныхъ монетъ такого рода, начиная съ mark banco средневѣковыхъ банковъ, турскаго ливра стараго режима во Франціи и кончая гинеей англичанъ нынѣшняго времени, служащей для нѣкоторыхъ особенныхъ платежей.

И только тогда, когда деньги станутъ чистой абстракціей, можетъ быть сполна осуществленъ тотъ соціальный строй, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ, и въ которомъ всѣ экономическія отношенія между людьми будутъ регулироваться путемъ простыхъ бухгалтерскихъ операцій.

ГЛАВА V.

Международный обмѣнъ.

I.

Что слѣдуетъ понимать подъ торговымъ балансомъ?

Торговымъ балансомъ называется отношеніе, существующее между цѣнностью ввоза и цѣнностью вывоза. Если мы справимся со статистикой вывоза и ввоза, мы увидимъ, что равенства между ними почти никогда не существуетъ: торговый балансъ склоняется то въ сторону ввоза, то въ сторону вывоза; однако, чаще всего встрѣчается первый случай.

Возьмемъ, напримѣръ, Францію. Вотъ цифра французской торговли (спеціальной торговли [1]) за послѣдніе пять лѣтъ:

---

[1]) Подъ общей торговлей подразумѣвается оборотъ всѣхъ приливающихъ во Францію или отливающихъ изъ нея товаровъ, какъ бы только касающихся французской земли, а подъ спеціальной торговлей подразумѣвается только оборотъ товаровъ, произведенныхъ внутри или предназначенныхъ для внутренняго потребленія; въ нее, слѣдовательно, не входятъ ни транспортируемые чрезъ страну товары, ни admissions temporaires. Спеціальная торговля уже общей; разница между ними выражается для Франціи въ нѣсколькихъ милліардахъ. Эта разница еще значительнѣе въ другихъ странахъ вслѣдствіе ихъ географическаго положенія: въ Швейцаріи, напримѣръ.

1907 г.	ввозъ	6,223	милліона,	вывозъ	5,596	милліоновъ.
1908 „	„	5,640	„	„	5,051	„
1909 „	„	6,246	„	„	5,718	„
1910 „	„	7,173	„	„	6,234	„
1911 „	„	8,160	„	„	6,172	„
Итого .		33,442			28,771.	

Изъ этихъ цифръ видно, что ввозъ и вывозъ значительно разнятся между собою, и первый весьма часто превышаетъ второй. Только одинъ разъ за тридцать лѣтъ, въ 1905 г., вывозъ превысилъ ввозъ.

Изъ этихъ цифръ, слѣдовательно, вытекаетъ, что за одно только пятилѣтіе Франція купила за границей на 4,671 милліардъ франковъ больше товаровъ, чѣмъ продала, что̀ представляетъ ежегодный излишекъ ввоза надъ вывозомъ въ 934 милліона, около 1 милліарда.

Слѣдуетъ ли изъ этихъ цифръ заключить, что Франція ежегодно должна была платить за границу около 1 милліарда франковъ? Это невѣроятно, ибо путемъ самаго поверхностнаго наблюденія легко констатировать, что количество находящихся въ обращеніи денегъ, повидимому, не уменьшилось сколько-нибудь чувствительнымъ образомъ. Больше того, — оно увеличилось! Дѣйствительно, тѣ же таможни, которыя записываютъ ввозъ и вывозъ товаровъ, регистрируютъ также приливъ и отливъ благородныхъ металловъ. И вотъ каковы относящіяся къ тому же періоду цифры:

1907 г.	приливъ	805	милліоновъ,	отливъ	371	милліонъ.
1908 „	„	1,173	„	„	184	„
1909 „	„	540	„	„	361	„
1910 „	„	405	„	„	389	„
1911 „	„	455	„	„	290	„
		3,378			1,595.	

Итакъ, запасъ звонкой монеты во Франціи увеличился за тотъ же періодъ на 1,783 милліона, или 357 милліоновъ въ годъ, 1 милліонъ въ день! Это совсѣмъ иная картина!

Если бы мы обратились къ Англіи, то цифры оказались бы еще болѣе поразительными. Ежегодный излишекъ ввоза надъ вывозомъ въ Англіи регулярно достигаетъ 5 милліардовъ франковъ, т. е. за шесть мѣсяцевъ долженъ былъ бы исчезнуть весь метал-

лическій запасъ Англіи, ибо онъ не превышаетъ трехъ милліардовъ франковъ! А, между тѣмъ, ничего подобнаго тамъ не случается, и, наоборотъ, мы наблюдаемъ, что въ Англіи, какъ и во Франціи, приливъ звонкой монеты обыкновенно превышаетъ отливъ ея.

Какъ же разрѣшить эту загадку? Очень просто: чтобы знать, сохраняетъ ли равновѣсіе внѣшняя торговля страны, слѣдуетъ принимать во вниманіе не только балансъ ввоза и вывоза, какъ это обыкновенно принято дѣлать, а вообще балансъ актива и пассива ея. Но вѣдь балансъ счетовъ не совпадаетъ съ торговымъ балансомъ: вывозъ составляетъ, правда, долгъ на заграницу, и даже главный долгъ, но могутъ быть еще и другіе долги на заграницу; вывозъ также составляетъ главный долгъ заграницѣ, но онъ тоже не единственный долгъ.

Каковы же эти международные активные и пассивные долги, отличные отъ вывоза и ввоза, — долги, очень хорошо названные невидимымъ ввозомъ и вывозомъ?

Ихъ много [2]); вотъ главные:

1) Издержки по перевозкѣ вывозимыхъ товаровъ, т. е. фрахтъ и страховка.—Если вывозящая страна сама же перевозитъ ихъ, что не всегда имѣетъ мѣсто, то она пріобрѣтаетъ активный долгъ на заграницу, который, конечно, не будетъ сопричисленъ къ вывозу, ибо онъ возникаетъ только послѣ выхода товара изъ порта и въ пути къ мѣсту назначенія. Такая страна, какъ Англія, имѣетъ по этой статьѣ огромный активный долгъ на другихъ странахъ, исчисляемый департаментомъ торговли въ 2,255 франковъ въ годъ; вѣдь Англія не только перевозитъ всѣ свои товары, но также и наибольшую часть товаровъ другихъ странъ, и, конечно, не безплатно [3]).

---

[2]) Но слѣдуетъ избѣгать включать сюда, какъ это дѣлаютъ во многихъ трактатахъ по политической экономіи, прибыль экспортера. Эта прибыль уже включена въ цѣнность вывоза, которая опредѣляется, такъ называемой, Комиссіей для опредѣленія цѣнностей въ таможнѣ, сообразно курсу товарныхъ цѣнъ, а этотъ курсъ соотвѣтствуетъ продажнымъ цѣнамъ и, конечно, содержитъ прибыль фабриканта.

[3]) Эта надбавка, при которой издержки по перевозкѣ ложатся на цѣнность товаровъ, объясняетъ слѣдующій фактъ, который съ перваго взгляда кажется необъяснимымъ. Если взять всю совокупность вывоза и ввоза всѣхъ странъ міра, то можно замѣтить постоянное превышеніе ввоза надъ вывозомъ. Такъ, по даннымъ Антверпенскаго бюро всеобщей статистики, въ 1904 г. общая цѣнность ввоза по всѣмъ странамъ міра составляла 67 милліардовъ фр., тогда какъ общая цѣнность вывоза достигала

Франція, напримѣръ, имѣетъ по этой статьѣ пассивный долгъ, исчисляемый въ 300 или 400 милліардовъ франковъ. Она перевозитъ на своихъ судахъ только половину своего экспорта и треть своего импорта.

2) Проценты съ капиталовъ, помѣщенныхъ за границей.—Богатыя страны помѣщаютъ за границей большую часть своихъ сбереженій и получаютъ, такимъ образомъ, ежегодно очень значительныя суммы въ видѣ купоновъ отъ рентъ, акцій или облигацій, или даже въ видѣ арендныхъ платъ и прибылей отъ промышленныхъ или торговыхъ предпріятій.Такимъ образомъ, дань, взимаемая Англіей по этой статьѣ съ чужихъ странъ или собственныхъ колоній, опредѣляется болѣе, чѣмъ въ 2 милліарда франковъ. Мало того, что Индія и австралійскія колоніи почти всѣ свои займы заключили на лондонскомъ рынкѣ, но сколько есть еще въ цѣломъ мірѣ предпріятій, которыми управляютъ или распоряжаются англичане! Въ Соединенныхъ Штатахъ они пріобрѣли земли площадью въ 8 милліоновъ гектаровъ, равной площади Ирландіи! Франція тоже имѣетъ значительные активные долги на чужія страны. По официальному исчисленію, составленному уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они достигаютъ приблизительно 30 милліардовъ франковъ въ капиталахъ и до 1,134 милліона въ доходахъ, но для настоящаго времени эта цифра должна быть увеличена.

Германія—тоже кредиторъ по этой статьѣ на сумму, вѣроятно, немного меньшую, но, во всякомъ случаѣ, быстро возрастающую.

Напротивъ, Испанія, Турція, Египетъ, Индія, республика Южной Америки состоятъ по этой статьѣ должниками.

3) Расходы иностранцевъ, живущихъ въ странѣ.—Такъ какъ расходуемыя ими деньги не составляютъ продукта ихъ труда, а извлекаются ими изъ ихъ земель или капиталовъ, помѣщенныхъ

только 63 милліардовъ, т. е. на 4 милліарда меньше. Но если, вмѣсто сравненія цѣнностей ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, сравнить ихъ количества, то, очевидно, оба итога будутъ равны, ибо не можетъ быть въ мірѣ больше ввозимыхъ, чѣмъ вывозимыхъ товаровъ, если только не допускать, что они размножаются въ дорогѣ. Напротивъ, такъ какъ извѣстная часть ихъ утрачивается въ пути вслѣдствіе кораблекрушенія и утечки, то, понятно, прибывающихъ товаровъ должно быть количествомъ немного меньше, чѣмъ отправляемыхъ. Но, такъ какъ, вмѣсто количествъ, принимаютъ въ расчетъ цѣнности и такъ какъ эти цѣнности увеличиваются въ пути вслѣдствіе именно путевыхъ издержекъ, то неудивительно, что ввозимые товары, т. е. прибывшіе по назначенію, представляютъ болѣе значительную цѣнность, чѣмъ вывозимые въ мѣстѣ ихъ отправки.

на ихъ родинѣ, то деньги эти для всякой страны, посѣщаемой богатыми иностранцами, образуютъ постоянный притокъ доходовъ. Сумма ихъ была опредѣлена въ 350 милліоновъ фр. для Италіи и въ 200 милліоновъ фр. для Швейцаріи. Для Франціи, которая принимаетъ у себя въ Парижѣ, Ниццѣ, По и т. д. значительное число иностранныхъ рантье, она должна доходить, по крайней мѣрѣ, до 300 милліоновъ франковъ.

Напротивъ, Соединенные Штаты, Англія и Россія являются по этой статьѣ должниками на сотни милліоновъ. Это какъ бы стоимость пансіона, которую имъ приходится платить за пребываніе своихъ подданныхъ за границей.

4) Комиссіонное вознагражденіе банкировъ, которые распространяютъ свои операціи на заграничныя страны. — Такіе центры, какъ Лондонъ, Парижъ или Берлинъ, получаютъ приказы и производятъ операціи для всего міра и, такъ какъ они дѣлаютъ это не безвозмездно, то они состоятъ по этой статьѣ кредиторами своихъ кліентовъ на значительныя суммы.

5) Продажа судовъ. — Купленныя суда не отмѣчаются въ таможенныхъ книгахъ и не значатся ни въ вывозѣ, ни въ ввозѣ. А, между тѣмъ, Англія, строящая корабли для всѣхъ странъ, является по этой статьѣ кредиторомъ на огромную сумму, тогда какъ Франція въ этомъ отношеніи является скорѣе должникомъ.

Если бы можно бы точно знать общій итогъ активныхъ и пассивныхъ долговъ каждой страны—включая сюда, само собою разумѣется, вывозъ и ввозъ, — то былъ бы извѣстенъ остатокъ, приходящійся на пассивъ или активъ каждой страны, и тогда было бы видно, что количество звонкой монеты, приливающей въ страну или отливающей изъ нея, равняется этому остатку.

Такъ, для Франціи, имѣвшей за послѣдніе пять лѣтъ ежегодно излишекъ ввоза на 934 милліона и, тѣмъ не менѣе, получавшей въ среднемъ 357 милліоновъ фр. звонкой монеты, балансъ активныхъ и пассивныхъ долговъ на чужія страны представляетъ остатокъ въ ея пользу въ 934+357=1,291 милліонъ франковъ.

II.

Какимъ образомъ поддерживается балансъ счетовъ.

Поэтому отбросимъ старую и нелѣпую мысль — еще и нынѣ часто пережевываемую въ серьезныхъ органахъ печати—о томъ, что страна идетъ навстрѣчу гибели, когда ввозитъ больше, чѣмъ вывозитъ. Но вопросъ принялъ другую форму, ибо, замѣнивъ выраженіе „торговый балансъ“ другимъ: „балансъ счетовъ,“ мы должны формулировать его такимъ образомъ: грозитъ ли странѣ опасность гибели, когда, при подведеніи итога, оказывается, что ей придется уплатить больше, чѣмъ получить?

Экономисты классической школы смѣло отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно, и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводили весьма стройное доказательство.

Предположимъ, что рѣчь идетъ о Франціи.

Допустимъ, что отсутствіе равновѣсія между активными и пассивными долгами влечетъ за собою безпрерывный отливъ звонкой монеты. Результатомъ исчезновенія звонкой монеты — поскольку правильна количественная теорія денегъ—будетъ увеличеніе цѣнности денегъ и, какъ слѣдствіе этого, всеобщее пониженіе цѣнъ. Но, если цѣны падутъ, это обстоятельство дастъ сильный толчокъ вывозу, ибо для иностранцевъ будетъ выгодно дѣлать у насъ закупки,—покупатель всегда ищетъ купить подешевле, — но тѣмъ самымъ будетъ наброшена крѣпкая узда на ввозъ, такъ какъ иностранцамъ не будетъ никакой выгоды продавать у насъ, и потому нашъ народъ будетъ въ состояніи съ этого момента дѣлать свои запасы по дешевой цѣнѣ во Франціи: товары не уходятъ съ рынка, гдѣ они въ цѣнѣ, на рынокъ, гдѣ нѣтъ на нихъ цѣны, какъ рѣки не поднимаются къ своимъ истокамъ! Въ конечномъ счетѣ такое положеніе должно склоняться къ повышенію вывоза и къ сокращенію ввоза. Вотъ средство, какъ разъ соотвѣтствующее положенію. И, въ концѣ концовъ, звонкая монета, какъ ушла, такъ и вернется.

Предположите, что Франція выпускаетъ бумажныя деньги взамѣнъ своей звонкой монеты, — получится тотъ же результатъ, и еще болѣе выраженный. Рѣдкія металлическія деньги будутъ при-

носить премію, которая будетъ тѣмъ выше, чѣмъ больше было выпущено бумажныхъ денегъ. Французскіе производители при такихъ условіяхъ находятъ для себя очень выгоднымъ продавать за границей, такъ какъ имъ платятъ деньгами, которыя даютъ премію, а эта премія даетъ имъ барышъ. Вывозъ, слѣдовательно, получаетъ сильный толчокъ, а ввозъ, наоборотъ, ослабляется, такъ какъ иностранцы неохотно продаютъ странамъ съ обезцѣненными деньгами, или, если и продаютъ, то только по высокимъ цѣнамъ, а это обстоятельство, равнымъ образомъ, суживаетъ кругъ ихъ покупателей.

И нѣтъ даже необходимости ждать, пока произойдетъ пониженіе цѣнъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и измѣнится соотношеніе между вывозомъ и ввозомъ: для этого существуетъ болѣе тонкій механизмъ. Это—повышеніе вексельнаго курса, которое вызываетъ тѣ же послѣдствія: стимулируетъ вывозъ и ограничиваетъ ввозъ.

Словомъ, какая-то автоматическая сила тяготѣетъ надъ балансомъ счетовъ и позволяетъ ему приходить въ равновѣсіе, когда послѣднее нарушается, подобно тому регулятору у паровой машины, который стремится всегда привести движеніе машины въ состояніе равновѣсія. Никогда потокъ вывоза или ввоза не можетъ неуклонно двигаться въ одномъ только направленіи, какъ никогда не можетъ быть вѣчнаго прилива или отлива: рано или поздно онъ повернетъ назадъ и, унеся звонкую монету, принесетъ ее обратно.

Рикардо облекъ это доказательство въ весьма выразительную формулу, сказавъ, что международный обмѣнъ всегда стремится принять форму натуральной мѣны, существующей у дикихъ народовъ, безъ примѣненія, разумѣется, усовершенствованныхъ пріемовъ. Всякій долгъ чужой странѣ уплачивается вывозомъ товаровъ изъ этой страны и, наоборотъ, всякій долгъ чужой страны уплачивается ввозомъ товаровъ въ эту самую страну,—дѣло происходитъ такъ, какъ будто бы денегъ вовсе не существуетъ [4]).

---

[4]) Однако, Геркенратъ (въ голландскомъ переводѣ) замѣчаетъ, что, какъ между странами, такъ и между отдѣльными лицами, обмѣнъ не всегда состоитъ въ передачѣ товара за товаръ, а и въ передачѣ товара за услугу, или наоборотъ. Это правильно: когда, напримѣръ, Швейцарія въ обмѣнъ за деньги туристовъ позволяетъ любоваться видами ея водопада, а Италія—созерцаніемъ ея

А еще лучше показалъ опытъ, что всякій разъ, какъ, вслѣдствіе торговаго договора или какой-нибудь другой причины, въ странѣ наблюдается сильное повышеніе ввоза, вывозъ тоже не медлитъ итти на повышеніе. И, наоборотъ, если съ помощью запретительнаго тарифа удается сократить ввозъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо ожидать и соотвѣтствующаго пониженія вывоза.

Эта теорія находитъ, несомнѣнно, подтвержденіе въ фактахъ, ибо статистика показываетъ, что звонкая монета принимаетъ лишь очень слабое участіе въ урегулированіи международной торговли,— въ размѣрѣ, приблизительно, 6—7%. Поэтому слѣдуетъ допустить, что балансъ счетовъ регулируется самъ собой, и что активные и пассивные долги стремятся къ равновѣсію. Это и есть то, что въ школѣ Бастіа называлось „экономической гармоніей".

Тѣмъ не менѣе, нынѣ экономисты не столь категоричны въ такомъ утвержденіи; они допускаютъ, что для страны довольно плачевное положеніе (мы не говоримъ больше: „неблагопріятный торговый балансъ", что, на самомъ дѣлѣ, ничего не означаетъ) быть по балансу счетовъ должникомъ чужихъ странъ.

Дѣйствительно, уменьшеніе у нея запаса металлическихъ денегъ предполагаетъ обѣднѣніе,—если не абсолютно, то, во всякомъ случаѣ, относительно другихъ странъ,—и паденіе цѣнъ и, какъ слѣдствіе этого, паденіе заработной платы; спасительное, по предположенію, средство является не меньшимъ зломъ: всѣ производители знаютъ кое-что объ этомъ.

Съ другой стороны, пассивный остатокъ, независимо отъ его непосредственныхъ послѣдствій, часто бываетъ показателемъ плачевнаго положенія страны, свидѣтельствуя о томъ, что или страна не можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ и оплачивать своимъ трудомъ требуемые изъ-за границы товары, или же она должна платить дань за своихъ гражданъ, проѣдающихъ за границей свои доходы.

Если для замѣщенія уходящей звонкой монеты страна выпускаетъ бумажныя деньги, она становится на наклонную плоскость,

---

картинъ, но при этомъ никакого товара онѣ въ обмѣнъ не даютъ. Поэтому выраженіе натуральная мѣна слѣдуетъ принимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ, какъ товары, такъ равно и услуги.

которая ведетъ ее къ банкротству. Но еще хуже будетъ, если она, не имѣя денегъ для уплаты пассивнаго остатка, прибѣгнетъ для погашенія долга къ займу, подобно тѣмъ папенькинымъ сынкамъ, которые съ наступленіемъ срока, просятъ переписать свои векселя! Страна идетъ тогда навстрѣчу банкротству. Такъ было не съ однимъ государствомъ.

III.

Въ чемъ состоятъ выгоды международнаго обмѣна.

При оцѣнкѣ выгодъ международной торговли экономисты становились—странная вещь!—на двѣ прямо противоположныя точки зрѣнія.

Классическая школа выставляетъ слѣдующія положенія:

1) Международный обмѣнъ безусловно выгоденъ для обѣихъ странъ, ибо иначе для чего бы ему существовать? Иначе надо было бы предположить, что теряющая отъ обмѣна страна добровольно или по принужденію играетъ роль глупца.

2) Выгода обмѣна для обѣихъ странъ состоитъ въ ввозѣ. Ввозъ —цѣль и единственный смыслъ международнаго обмѣна. Что же касается вывоза, то вывозъ есть лишь средство, единственное средство для страны пріобрѣсти товары, которые она ввозитъ, цѣна въ натурѣ, которую она уплачиваетъ за нихъ. И превышеніе цѣнности ввозимыхъ товаровъ надъ цѣнностью вывозимыхъ какъ разъ и служитъ степенью выгоды, которую доставляетъ странѣ международный обмѣнъ. Пріобрѣтеніе, напримѣръ, массы ввозимыхъ товаровъ, стоящей 8 милліардовъ, въ обмѣнъ за вывозимые товары, стоящіе лишь 6 милліардовъ, составляетъ операцію, приносящую странѣ 2 милліарда барыша. Ибо чѣмъ менѣе дается въ обмѣнъ на то, что желательно пріобрѣсть, тѣмъ обмѣнъ прибыльнѣе!

По этой теоріи, когда обмѣниваются двѣ страны, напримѣръ, когда Англія обмѣниваетъ свой каменный уголь на вино Франціи (одну тонну каменнаго угля на гектолитръ вина), то она сравниваетъ то, что стоитъ ей производство тонны каменнаго угля, съ тѣмъ, что стоило бы ей производство гектолитра вина. И, такъ какъ производство вина стоило бы для нея безконечно дороже—

ибо какъ же Англія могла бы производить вино? — то отсюда вытекаетъ, что выгода обмѣна огромна для нея. Она меньше, конечно, для Франціи, потому что у Франціи также есть каменноугольныя копи, но, все-таки, выгода есть и для Франціи, ибо стоимость производства каменнаго угля въ послѣдней выше, чѣмъ въ Англіи.

3) Наибольшая выгода выпадаетъ на долю той страны, которая находится въ наиболѣе неблагопріятномъ положеніи (вслѣдствіе ли бѣдности своей почвы, недостаточности производительныхъ силъ или отсутствія промышленности и т. д.), потому что для нея именно представляются наибольшими сохраняемыя обмѣномъ усиліе и стоимость.

Протекціонистская школа, и даже общественное мнѣніе, напротивъ, принимаютъ во вниманіе при оцѣнкѣ выгодъ международной торговли исключительно вывозъ; въ немъ-то и состоитъ будто бы истинная выгода международной торговли. Ввозъ представляется имъ въ видѣ печальной необходимости, съ которой приходится странѣ примириться въ томъ случаѣ, когда она сама не можетъ производить всего, что ей необходимо, но она должна стараться по возможности ограничить эту необходимость, вводящую страну въ расходы. Только вывозъ представляетъ обогащеніе, доходъ. Слѣдовательно, выгода международной торговли измѣряется излишкомъ вывоза надъ ввозомъ, доходовъ надъ расходами. Если бы Франція вывозила товаровъ на 8 милліардовъ, а ввозила бы ихъ къ себѣ только на 6 милліардовъ, то изъ этого сдѣлали бы выводъ, что Франція получаетъ 2 милліарда барышей.

Оба эти пріема разсужденія покоятся на слишкомъ упрощенной точкѣ зрѣнія: на уподобленіи положенія страны положенію отдѣльнаго лица. Нѣтъ, большая страна не можетъ быть уподоблена, какъ это дѣлаютъ приверженцы свободной торговли, дикарю, который видитъ въ обмѣнѣ (въ формѣ натуральной мѣны) только средство достать себѣ то, чего у него нѣтъ. Но точно также ее нельзя уподобить—какъ это дѣлаютъ протекціонисты—купцу, покупающему только для того, чтобы перепродать, и находящему свой барышъ въ излишкѣ продажной цѣны надъ покупной. Не существуетъ „страны,“ продающей другой „странѣ,“ какъ мы выражаемся метафорически, а существуютъ тысячи отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ каждое лицо покупаетъ или продаетъ, не заботясь о другихъ. Между ввозомъ и вывозомъ никакой сознательной солидарности

не существуетъ. Тутъ дѣло не въ дикарѣ, дающемъ слоновую кость, чтобы имѣть ружье, и не въ купцѣ, покупающемъ, чтобы перепродать. Французскій производитель автомобилей, продающій автомобиль англичанину, дѣлаетъ это не съ тѣмъ, чтобы въ обмѣнъ достать уголь, и англичанинъ, покупающій автомобиль, поступаетъ такъ не съ цѣлью перепродажи его. Конечно, существуютъ, какъ мы видѣли, извѣстные общіе законы, господствующіе надъ мѣшаниной отдѣльныхъ актовъ и приводящіе ввозъ и вывозъ къ извѣстному равновѣсію. Но только финалистскій оптимизмъ можетъ думать, что всѣмъ этимъ отдѣльнымъ актамъ присуще стремленіе къ всеобщему благу.

Выгоды международной торговли не поддаются опредѣленію путемъ ариѳметическихъ дѣйствій; ихъ нельзя измѣрить деньгами; онѣ сложны, и искать ихъ слѣдуетъ одновременно, смотря по обстоятельствамъ, то въ ввозѣ, то въ вывозѣ.

Вотъ, прежде всего, выгоды ввоза:

1) Ростъ благосостоянія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о товарахъ, которыхъ страна не могла бы произвести изъза своей почвы или климата: колоніальные товары для европейскихъ странъ, вино или виноградъ — для Англіи, соль — для Норвегіи, мѣдь—для Франціи, каменный уголь—для Швейцаріи и т. д. Это—безспорная выгода.

2) Пополненіе предметовъ питанія въ тѣхъ странахъ, территорія которыхъ слишкомъ ограничена для обезпеченія ими населенія. Англія для продовольствія своего населенія, разрастающагося съ каждымъ днемъ, уже вынуждена прибѣгать къ ввозу продовольственныхъ продуктовъ, приблизительно, на 6 милліардовъ франковъ, что составляетъ половину ея потребленія. Точно также, Германія должна доставать за границей больше четверти всего своего продовольствія.

Это—общее явленіе, которое со временемъ будетъ принимать все болѣе широкіе размѣры: по мѣрѣ роста населенія европейскихъ странъ, послѣднимъ придется ввозить изъ-за границы все болѣе значительное количество питательныхъ продуктовъ. Эта выгода скорѣе меньшее зло, чѣмъ благо. Для народа, конечно, лучше ввозить недостающій ему хлѣбъ изъ-за границы, чѣмъ допустить умереть часть населенія отъ голодной смерти; но если нѣтъ никакого неудобства для частнаго лица разсчитывать достать себѣ хлѣба у булочника, то не трудно понять, что не-

безопасно для страны разсчитывать на заграничные питательные продукты.

3) Экономія труда въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о богатствахъ, которыя хотя и могла бы произвести ввозящая ихъ страна, но только съ бóльшими расходами, чѣмъ страна, откуда они происходятъ, ибо послѣдняя находится въ болѣе выгодныхъ естественныхъ или благопріобрѣтенныхъ условіяхъ. Франція, напримѣръ, могла бы, конечно, сама производить машины, и производитъ весьма прекрасныя машины, хотя бы моторы для своихъ автомобилей и аэроплановъ, но ей часто выгоднѣе выписывать машины изъ Англіи или Соединенныхъ Штатовъ, какъ странъ, болѣе щедро надѣленныхъ отъ природы желѣзомъ и каменнымъ углемъ, а также обладающихъ болѣе совершеннымъ машиннымъ производствомъ.

Эта выгода международнаго обмѣна обыкновенно предполагаетъ менѣе развитое производство въ странѣ, ввозящей къ себѣ товары, но это не всегда бываетъ такъ. Какая-нибудь страна можетъ имѣть для себя выгоду доставлять себѣ нѣкоторыя богатства путемъ ввоза даже и тогда, когда она была бы въ состояніи производить ихъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ та страна, которая ихъ продаетъ ей. Предположимъ, что Антильскіе острова могли бы производить хлѣбъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Франція, съ затратой, напримѣръ, трехъ дней труда на центнеръ вмѣсто шести; не ясно ли, что для Антильскихъ острововъ въ такомъ случаѣ было бы выгоднѣе непосредственно производить свой хлѣбъ, чѣмъ вывозить изъ Франціи? А, между тѣмъ, весьма возможно, что Антильскіе острова все же находятъ для себя выгоднымъ вывозить хлѣбъ изъ Франціи. Достаточно предположить, что они находятъ возможность платить за французскій хлѣбъ другимъ товаромъ, который они будутъ въ состояніи производить въ еще болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ хлѣбъ, напримѣръ, сахаромъ, производство котораго будетъ имъ стоить только одного дня труда. Ясно, что эта операція будетъ для нихъ очень выгодной, потому что она доставитъ имъ то же количество хлѣба за трудъ въ три раза меньшій.

Итакъ, данная страна можетъ быть въ состояніи производить всякіе предметы съ меньшими издержками, чѣмъ ея сосѣди, и, все-таки, имѣть выгоду ввозить къ себѣ ихъ продукты. Ибо даже

въ такомъ случаѣ она сочла бы для себя выгоднымъ посвятить себя производству тѣхъ предметовъ, на которыхъ особенно замѣтно ея превосходство, и доставлять ихъ своимъ менѣе привилегированнымъ сосѣдямъ въ обмѣнъ на продукты, на которыхъ ея превосходство менѣе выражено [5]). Въ этомъ случаѣ, вывозъ является не больше, какъ средствомъ получить ввозъ, т. е. do ut des (даю, чтобы ты далъ).

Что касается вывоза, то выгоды его слѣдующія:

1) Утилизированіе нѣкоторыхъ естественныхъ богатствъ или производительныхъ силъ, которыя остались бы безъ употребленія, если бы не находили себѣ сбыта за границей. При отсутствіи вывоза Перу не знало бы, что дѣлать со своимъ гуано или своими азотнокислыми солями, Австралія—со своей шерстью, Калифорнія—со своимъ золотомъ, Испанія—со своими винами.

2) Покупка продуктовъ, сырья и продовольственыхъ товаровъ, которыхъ не хватаетъ въ странѣ или которые находятся въ ней въ недостаточномъ для потребностей количествѣ. Благодаря вывозу фабрикатовъ, Англія, Бельгія, Германія могутъ снабжать свою индустрію и населеніе сырьемъ.

3) Пониженіе себѣ стоимости промышленныхъ продуктовъ и, тѣмъ самымъ, развитіе національной индустріи, ибо мы знаемъ, что раздѣленіе труда и прогрессъ крупнаго производства пропорціональны объему рынковъ. Если бы Англія не вывозила во всѣ страны міра, она не могла бы довести свои орудія производства до такого совершенства, какого они достигли у нея теперь. Такъ какъ, напримѣръ, ея верфи работаютъ на всѣ страны міра, то онѣ и могутъ достигнуть такой грандіозной спеціализаціи и оборудованія и строить суда дешевле, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

---

[5]) Сначала Рикардо, а затѣмъ Стюартъ Милль, обратили вниманіе на это интересное явленіе, которое можно было бы назвать экономическимъ парадоксомъ, ибо ненормально, чтобы А, если онъ можетъ сдѣлать вещь легче, чѣмъ Б, пришла мысль продать ее Б. Однако, такой случай, хотя и рѣдкій, не является особенностью обмѣна между странами, ибо, какъ замѣтилъ уже Рикардо (и Геркенратъ—въ переводѣ этой книги), онъ можетъ представиться также и въ обмѣнѣ между отдѣльными лицами. Профессоръ ботаники или докторъ можетъ быть очень хорошимъ садовникомъ и, тѣмъ не менѣе, даже въ такомъ случаѣ онъ находитъ для себя выгоднымъ поручить свой садъ садовнику, хотя и менѣе его искусному, чтобы посвятить все свое время своимъ больнымъ или своимъ изслѣдованіямъ.

IV.

Какимъ образомъ международный обмѣнъ неизбѣжно наноситъ ущербъ интересамъ нѣкоторыхъ классовъ?

Изъ того, что мы только что сказали, вовсе не слѣдуетъ, что международная торговля представляетъ однѣ только выгоды и не несетъ съ собой никакихъ неудобствъ. Это значило бы плохо понимать ея послѣдствія. Изъ вышеизложенныхъ объясненій вытекаетъ, что ввозъ имѣетъ цѣлью и своимъ послѣдствіемъ сбереженіе извѣстнаго количества труда. Но при нашей соціальной организаціи, основанной на раздѣленіи труда, нельзя сберечь извѣстное количество труда, *не сдѣлавъ безполезной извѣстную категорію рабочихъ*. Торговля шелкомъ съ Китаемъ представляетъ выгоду для французскихъ потребителей, такъ какъ она позволяетъ доставать шелкъ съ меньшими затратами и съ меньшимъ трудомъ, но сельскіе хозяева и рабочіе въ Севеннахъ, жившіе этимъ промысломъ, оказываются теперь какъ бы экспропріированными.

Совершенно вѣрно, что всякій новый ввозъ клонится, какъ мы уже разъяснили это, къ созданію соотвѣтствующаго вывоза, и что китайскій шелкъ будетъ оплаченъ, напримѣръ, предметами парижскаго производства, которые надо будетъ приготовить съ этой цѣлью. Но не слѣдуетъ забывать, что привозимый изъ Китая шелкъ представляетъ, очевидно, *меньшую* цѣнность, чѣмъ замѣщенный имъ французскій шелкъ; иначе послѣдній и не былъ бы вытѣсненъ съ рынка. Китайскій шелкъ представляетъ, напримѣръ, цѣнность только 100 милліоновъ, тогда какъ французское шелководство представляло бы цѣнность 120 милліоновъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы противопоставить этому ввозу соотвѣтствующій равный ему по цѣнности вывозъ, достаточно будетъ, чтобы парижская индустрія послала въ Китай (или въ другое мѣсто) своихъ предметовъ на 100 милліоновъ. Конечнымъ результатомъ будетъ, такимъ образомъ, уменьшеніе мѣстнаго производства на 20 милліоновъ, представляющее и соотвѣтствующее уменьшеніе труда.

Если бы, впрочемъ, отъ международной торговли не возникало

никакого другого послѣдствія, кромѣ нѣкотораго перемѣщенія труда (послѣднее внѣ всякаго сомнѣнія), то ужъ и это одно послѣдствіе приносило бы серьезный ущербъ нѣкоторымъ классамъ населенія. Ясно, что севеннскіе шелководы, не будучи въ состояніи превратить свои прядильни въ фабрики для производства „articles de Paris", должны будутъ потерять капиталы, вложенные ими въ шелкопрядильни въ формѣ основныхъ капиталовъ; а такъ какъ работавшія у нихъ прядильщицы также не могутъ заняться производствомъ игрушекъ для китайскихъ ребятъ, то нельзя съ увѣренностью сказать, что онѣ тоже найдутъ какое-нибудь другое ремесло. Первыхъ ждетъ разореніе, вторыхъ — безработица и нищета.

Однако, можно выставить кое-какія смягчающія обстоятельства. Можно сказать—какъ мы раньше сказали относительно машинъ—что международная торговля косвеннымъ путемъ можетъ увеличить количество труда, которое она сначала уменьшила, и это возможно двоякимъ образомъ:

1) Пониженіе цѣнъ, вытекающее изъ самой же свободной торговли, поведетъ къ возрастанію потребленія и, слѣдовательно, къ возрастанію производства. Напримѣръ, пониженіе цѣны на шелкъ приведетъ къ тому, что мы будемъ больше потреблять его. Если даже допустить, что этотъ возросшій спросъ относится только къ китайскому шелку, а не къ французскому, все-таки, для уплаты за увеличившійся ввозъ шелка нужно будетъ также увеличить и вывозъ articles de Paris, который будетъ представлять уже не 100 милліоновъ, какъ мы раньше предполагали, а, можетъ быть, 120 милліоновъ, какъ раньше.

2) Пониженіе цѣнъ, уменьшая расходы потребителей на извѣстный предметъ, можетъ позволить имъ реализованное такимъ образомъ сбереженіе употребить на другія траты или помѣстить его подъ проценты. Слѣдовательно, то, что отнимается у труда съ одной стороны, можетъ принять другое направленіе и въ формѣ сбереженій или новыхъ затратъ питать другія отрасли производства, а потому возможно, что, въ концѣ концовъ, количество занятаго національнаго труда останется неизмѣннымъ.

Не только ввозъ, но даже и вывозъ, можетъ имѣть нѣкоторыя печальныя послѣдствія. Напримѣръ, страны, какъ Россія, постоянно вывозящія свой хлѣбъ и кормовыя травы и не возстановляющія

плодородіе своей почвы химическимъ удобреніемъ, въ концѣ концовъ, лишаютъ свою землю всѣхъ плодотворныхъ элементовъ, отнимаемыхъ у нея урожаями; получается то же, какъ если бы эти страны понемногу вывозили самую землю. Перу, которое вывезло уже все свое гуано и скоро вывезетъ всѣ свои азотнокислыя соли, истребляетъ плодотворные резервы будущаго, какія бы деньги эта страна временно ни пріобрѣтала теперь.

ГЛАВА VI.

Торговая политика.

I.

Историческій очеркъ международной торговли.

Въ древности и въ средніе вѣка международная торговля не имѣла того общаго характера, который она приняла въ наше время. Она была тогда въ рукахъ нѣсколькихъ небольшихъ народовъ, которые, благодаря своему приморскому положенію—Тиръ и Карѳагенъ въ древности, итальянскія республики и города Ганзейскаго союза въ средніе вѣка, Голландія въ началѣ новаго времени,—захватили монополію торговли и транспорта. Другіе народы играли чисто пассивную роль. Они принимали иностранныхъ купцовъ, какъ нынѣ негрскія племена Африки встрѣчаютъ мусульманскихъ или европейскихъ купцовъ, съ нѣкоторымъ доброжелательствомъ, потому что доставали у нихъ товары, которыхъ они сами не могли бы произвести. Они старались даже привлечь ихъ къ себѣ и предоставляли имъ, въ случаѣ надобности, привилегіи [1]). За это покровительство они заставляли ихъ платить извѣстныя пошлины, представлявшія нѣчто вродѣ доли участія въ ихъ барышахъ,—такъ поступаютъ нынѣ мелкіе африканскіе князьки съ караванами,

[1]) Когда Людовикъ XI, поборникъ передовыхъ идей своего времени, захотѣлъ въ 1482 г. организовать систему протекціонизма и устранить конкурренцію иностранныхъ купцовъ, онъ натолкнулся на оппозицію съѣхавшихся въ Турѣ изъ всѣхъ французскихъ городовъ торговыхъ депутатовъ, которые хотѣли привлечь „всѣ чужія націи". (См. въ Revue des questions historiques, іюль 1895 г., ст. де ла Ронсьера).

проходящими по ихъ территоріи. Таможенныя пошлины, если только уже можно присвоить имъ это названіе, имѣли, слѣдовательно, въ началѣ только фискальный, а не покровительственный характеръ. Чему бы, въ самомъ дѣлѣ, онѣ покровительствовали, если бы еще не было національной промышленности?

Когда въ XVI и XVII вв. начали создаваться современныя крупныя государства, картина совершенно измѣнилась, и случилось это по двумъ причинамъ:

1) Эти крупныя государства вознамѣрились создать у себя національные рынки, производить то, что имъ было нужно, и быть, такимъ образомъ, самодовлѣющими государствами;

2) Открытіе большихъ морскихъ путей сообщило международной торговлѣ неизвѣстное дотолѣ развитіе. Международная конкурренція (о которой не могло быть и рѣчи, пока торговля состояла только въ перевозкѣ предметовъ роскоши: тирскаго пурпура, венеціанской парчи, толедскихъ клинковъ, пряностей и т. д.) начала становиться чувствительной, какъ только транспортная промышленность была достаточно приспособлена къ перевозкѣ предметовъ обыденнаго потребленія, напримѣръ, фландрскихъ суконъ.

Тогда впервые сложилась цѣлая совокупность теорій и проводившая ихъ въ жизнь правительственная политика, извѣстная подъ названіемъ меркантильной системы. Въ классическихъ трактатахъ эта система представляется нѣсколько искаженной. Говорили, напримѣръ, будто меркантилисты думали, что деньги—единственное истинное богатство, что, слѣдовательно, страна можетъ обогащаться только путемъ накопленія у себя денегъ, что, за отсутствіемъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, для этого необходимо возможно больше продавать другимъ странамъ, у которыхъ имѣются деньги, и, такимъ образомъ, понемногу оттуда высасывать ихъ. Если же, напротивъ, допускалась неосторожность покупать за предѣлами своей страны, то тѣмъ самымъ растрачивалась звонкая монета.—Итакъ, возможно больше вывозить и возможно меньше ввозить, словомъ, всегда стремиться къ благопріятному торговому балансу,—таковъ былъ выводъ меркантильной системы.

Нынѣ полагаютъ, что такой взглядъ на меркантилизмъ представляется нѣсколько упрощеннымъ, если не карикатурнымъ. Онъ относится, пожалуй, скорѣе къ тѣмъ, кто предшествовалъ

меркантилистамъ и кого называютъ иногда бульонистами (отъ англ. слова bullion — слитокъ) за то значеніе, какое они дѣйствительно приписывали благороднымъ металламъ, что́, впрочемъ, было ужъ не такъ дѣтски-наивно, какъ это думаютъ, для эпохи, когда золото и серебро были такъ рѣдки, какъ ни въ одну, можетъ быть, историческую эпоху, тогда какъ разраставшіяся потребности торговли и индустріи, не говоря уже о бюджетахъ вновь народившихся государствъ, вызывали настоящій денежный голодъ, а, между тѣмъ, формы кредита едва только начинали появляться. Если открытіе рудниковъ Новаго Свѣта встрѣчено было людьми того времени съ такимъ ликованіемъ и породило столько алчныхъ аппетитовъ, то для этого былъ основательный поводъ: открытіе произошло въ удачный психологическій или, какъ сказалъ бы Бастіа, провиденціальный моментъ.

Что же касается меркантилистовъ, то они, приписывая должное значеніе звонкой монетѣ, не смѣшивали ее съ богатствомъ или капиталомъ и вовсе не видѣли единственную цѣль торговой политики народа въ возможно большемъ пріобрѣтеніи денегъ. Ихъ цѣлью было созданіе національной индустріи. Въ этомъ отношеніи они были сотрудниками государственныхъ людей, создавшихъ тѣ современныя государства, о которыхъ мы только что говорили, и предшественниками тѣхъ экономистовъ, которыхъ нынѣ называютъ экономистами-націоналистами. Къ тому же разрѣшительныя и запретительныя таможенныя пошлины не были единственными мѣрами, которыя они прославляли. Они основали первыя національныя мануфактуры и особенно заботились о привлеченіи хорошихъ рабочихъ, которыхъ они считали столь же драгоцѣнными, какъ и золото.

Тѣмъ не менѣе, вѣрно, что у нихъ зародилась мысль пользоваться таможенными пошлинами для устраненія иностранной конкурренціи и для развитія національной промышленности: эти пошлины потеряли тогда свой фискальный характеръ, чтобы стать покровительственными. Кромвель въ Англіи, Кольберъ во Франціи были первыми государственными людьми, создавшими во всѣхъ подробностяхъ истинную протекціонистскую систему. Система Кольбера формулировалась въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ:

1) путемъ покровительственныхъ пошлинъ препятствовать ввозу фабрикатовъ;

2) путемъ пониженія пошлинъ способствовать, напротивъ, ввозу сырья и всего того, что служитъ для фабрикъ;

3) въ особенности же, способствовать, путемъ поощренія мануфактуръ или премій, вывозу продуктовъ страны.

Эта система, обыкновенно обозначаемая именемъ кольбертизма, неограниченно господствовала до появленія экономистовъ. Какъ извѣстно, физіократы безпощадно разрушили все ученіе меркантилизма; взявъ совершенно противоположное направленіе, они водрузили девизъ: „laissez faire, laissez passer", и боролись за свободу торговли противъ протекціонизма не менѣе энергично, чѣмъ за свободу труда противъ цехового строя. Но французская революція, которая привела къ торжеству ученіе физіократовъ о свободѣ труда, далеко не осуществила ихъ ученія о свободѣ торговли. Двадцатилѣтняя европейская война, послѣдовавшая за революціей, едва ли, правда, могла подготовить почву для возникновенія свободной торговли.

Но въ Англіи идеи Адама Смита принесли свои плоды. Впрочемъ, Англія никогда не была особенно протекціонистски настроена, развѣ только по отношенію къ заокеанской торговлѣ и въ видахъ установленія монопольной торговли со своими колоніями. Знаменитые договоры Метуэна съ Португаліей въ 1703 г. и Эдена съ Франціей въ 1786 г. (имена министровъ, которые вели переговоры), пожалуй, можно нынѣ разсматривать, какъ фритредерскіе. И, какъ только прекратились войны съ Наполеономъ, началось пониженіе пошлинъ на промышленные продукты. Англійское правительство долгое время оставалось недоступнымъ для переговоровъ о ввозѣ хлѣба, потому что англійская аристократія, изъ которой рекрутируется палата лордовъ, была противъ этого. Какъ разъ именно противъ покровительственныхъ пошлинъ на хлѣбъ (Corn Laws) и началъ Кобденъ въ 1838 г. въ Манчестерѣ свою достопамятную кампанію, которой суждено было опрокинуть протекціонистскую систему. Дѣйствительно, была въ высокой степени гнусна роль англійскихъ лордовъ, когда они, какъ собственники почти всей земли королевства по праву захвата, не допускали въ страну иностраннаго хлѣба, чтобы дороже продавать свой собственный, и пользовались ростомъ потребностей населенія, чтобы получать все болѣе и болѣе высокую ренту! Палата лордовъ оказалась, слѣдовательно, въ слишкомъ некрасивомъ положеніи, чтобы устоять противъ поднятаго Лигой негодующаго движенія, и

въ 1846 г., послѣ открытаго обращенія министра сэра Роберта Пиля въ защитника свободной торговли, палата принуждена была уступить. Съ отмѣной пошлинъ на хлѣбъ, рухнуло и все зданіе протекціонизма (вплоть до знаменитаго кромвельскаго „Навигаціоннаго акта“, которому приписывалось морское могущество Англіи).

Во Франціи, при иныхъ совершенно соціальныхъ условіяхъ, потерпѣла крушеніе лига, основанная Бастіа въ 1846 г. по образцу англійской лиги. Но императоръ Наполеонъ III, политика котораго была основана на союзѣ съ Англіей, а настроенія были довольно демократическаго характера, воспользовался предоставленной ему конституціей властью, чтобы, помимо палаты, заключить съ Англіей торговый договоръ. Этотъ знаменитый договоръ 1860 года, которому Франція подчинилась довольно неохотно, нашелъ себѣ удивительный откликъ во всей Европѣ, и вслѣдъ за нимъ были заключены подобные же договоры между всѣми европейскими державами, такъ что повсюду утвердилось мнѣніе, что наступилъ конецъ вѣковому режиму протекціонизма, и открылась эра свободы торговли.

Однако, господству свободной торговли не суждено было долго существовать. Прежде всего, Соединенные Штаты остались внѣ этого фритредерскаго движенія. Они всегда были настроены протекціонистски не только на практикѣ, но также и въ теоріи: въ Штатахъ сформировались оба величайшихъ теоретика протекціонизма—Кэри, а также Листъ, хотя послѣдній и былъ нѣмцемъ. Соединенные Штаты отъ рожденія, можно сказать, были протекціонистскими, ибо главной причиной ихъ возстанія противъ метрополіи было то, что послѣдняя не позволяла имъ дѣлать даже подковы, и было вполнѣ естественно, что первой заботой ихъ было завоеваніе своей индустріальной автономіи. Но, сначала очень умѣренныя, покровительственныя пошлины отъ времени до времени все болѣе усиливались и всякій разъ по какому-нибудь новому мотиву. Сначала онѣ были установлены для покровительства нарождающейся индустріи, — это по системѣ Листа; затѣмъ, послѣ 1866 г., для уплаты расходовъ по войнѣ за независимость; впослѣдствіи этотъ предлогъ отпалъ, ибо наибольшая часть долга была выплачена, и Соединенные Штаты не знали, что дѣлать съ деньгами, образовавшимися отъ таможенныхъ пошлинъ, такъ что, въ цѣляхъ использованія ихъ, роздали милліардъ на пенсіи, такъ называемымъ, инвалидамъ войны, а новый предлогъ для взиманія

таможенныхъ пошлинъ нашли въ защитѣ высокихъ цѣнъ и высокой заработной платы въ Америкѣ противъ низкихъ цѣнъ и низкой заработной платы въ Европѣ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Соединенные Штаты представляютъ союзъ 49 государствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя величиною съ Францію, и между всѣми этими государствами существуетъ абсолютная свобода торговли; получилось бы приблизительно то же самое, если бы всѣ европейскія государства объединились въ таможенный союзъ и воздвигли заставы для американскихъ продуктовъ.

Въ 1872 году, послѣ франко-прусской войны, Франція въ правленіе Тьера попыталась было послѣдовать примѣру Соединенныхъ Штатовъ и переложить на иностранные продукты тяжесть новыхъ налоговъ, которые она вынуждена была ввести для уплаты контрибуціи, но эта попытка не удалась вслѣдствіе дѣйствовавшихъ еще тогда договоровъ. По иниціативѣ князя Бисмарка въ 1879 г. Германія первой въ Европѣ вернулась къ строго протекціонистской политикѣ.

Германія придерживалась въ дѣлѣ торговли весьма оппортунистической политики, которая была для нея весьма успѣшной. Въ 1833 г. путемъ Таможеннаго Союза между различными нѣмецкими государствами она подготовляетъ свое политическое объединеніе. Когда наступило время свободной торговли, она цѣликомъ восприняла ее. Но, когда ея политическое объединеніе стало фактомъ, она возымѣла претензію стать великой промышленной державой и сдѣлала крутой поворотъ къ протекціонизму. Наконецъ, совсѣмъ недавно (1892—1894 гг.), когда, быстро достигнувъ этой цѣли, Германія должна была искать себѣ рынки сбыта внѣ своихъ предѣловъ, она усвоила смѣшанную систему торговыхъ договоровъ, которая какъ бы мѣтитъ въ новый таможный союзъ, обнимающій всю центральную Европу.

Въ 1892 г. Франція, освободившаяся тогда отъ заключенныхъ во время Имперіи договоровъ и затѣмъ возобновившая ихъ, также становится протекціонистской и съ того времени все болѣе ускоряетъ свое движеніе въ этомъ направленіи,—въ 1910 году еще были повышены таможенные тарифы.

Наконецъ, нѣтъ страны, — не исключая и Англіи, классической страны свободной торговли, — гдѣ бы режимъ свободы торговли не началъ колебаться. Нео-протекціонизмъ представляется въ Англіи, прежде всего, въ формѣ имперіализма, т. е. внушается, глав-

нымъ образомъ, соображеніями политическаго характера: объединить узами взаимной заинтересованности всѣ народы, составляющіе огромную Британскую имперію. Для этого необходимо, чтобы колоніи, въ большинствѣ уже сильно протекціонистскія, согласились на пониженіе пошлинъ на продукты изъ метрополіи, и, наоборотъ, чтобы Англія сохранила свободу доступа для продуктовъ изъ своихъ колоній, что́ предполагаетъ установленіе пошлинъ на иностранные продукты. Но нѣкоторыя другія причины еще больше, чѣмъ имперіалистскія претензіи, побуждаютъ Англію, равно какъ и другія страны, итти по пути протекціонизма; изъ нихъ отмѣтимъ необходимость обезпечить себѣ источники для покрытія чрезвычайно разрастающихся военныхъ расходовъ и расходовъ вызываемыхъ требованіями соціальной солидарности, а, именно по страхованію рабочихъ на случай старости. Если Англія откажется отъ таможенныхъ сборовъ, ей придется обратиться съ требованіемъ къ богатымъ людямъ, къ лордамъ,—такова программа либеральной партіи; и вполнѣ естественно, что богатые землевладѣльцы предпочитаютъ протекціонизмъ, а чтобы привлечь на свою сторону рабочій классъ, они изображаютъ протекціонизмъ, какъ средство противъ безработицы.

Итакъ, въ настоящее время въ Европѣ, кромѣ Англіи, только нѣсколько небольшихъ государствъ—Голландія, Норвегія, Данія—остаются вѣрными free trade (свободной торговлѣ), ибо ихъ предѣлы слишкомъ узки, чтобы они могли быть самодовлѣющими; по всей остальной Европѣ, даже въ Швейцаріи, возстановлены таможенныя заставы, и тарифныя войны пришли на мѣсто торговыхъ договоровъ.

Существуютъ, несомнѣнно, общія причины такой внезапной и непреодолимо разрастающейся эпидеміи протекціонизма, но ихъ не очень-то легко открыть или, по крайней мѣрѣ, намѣтить. Есть, конечно, нѣкоторое сходство у нихъ съ причинами, создавшими меркантилизмъ въ XVI в.,—это взрывъ націоналистическихъ тенденцій. Націоналистическій принципъ создалъ во второй половинѣ XIX ст. два великихъ государства и привилъ претензіи многимъ другимъ. Всякая страна съ мало-мальски обширной территоріей стремится быть самодовлѣющей и видитъ въ экономической независимости условіе своей политической самостоятельности. Съ другой стороны, нѣтъ ничего болѣе заразительнаго, какъ протекціонизмъ, ибо какъ только какая-нибудь страна воспримет его,

другія слѣдуютъ ея примѣру изъ боязни сыграть роль простофили. Прибавьте, наконецъ, еще то, что вѣра въ свободу торговли чрезвычайно подорвана съ того времени, какъ Соединенные Штаты и Германія на своемъ примѣрѣ показали, что протекціонизмъ также можетъ привести страну къ промышленному господству. Когда былъ изданъ тарифъ Макъ Кинлея, одинъ англійскій экономистъ сказалъ: „Если этотъ тарифъ будетъ имѣть успѣхъ, наша экономическая политика будетъ основана на колоссальной ошибкѣ, которая приведетъ къ гибели всѣ наши націи". Тарифъ, дѣйствительно, далъ блестящій результатъ для Соединенныхъ Штатовъ. Какъ удержаться отъ нѣкотораго скептицизма и не задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли протекціонизмъ или свобода торговли одинаково приносятъ добро или зло, какъ утверждаютъ ихъ приверженцы или противники? Мы думаемъ, что промышленное процвѣтаніе данной страны зависитъ отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ, что таможенная система является при этомъ однимъ изъ самыхъ слабыхъ факторовъ, и что значеніе ея чрезвычайно преувеличено.

Съ другой стороны, поднявшаяся въ наши дни реакція противъ классической школы, хотя она и не относилась спеціально къ вопросу о протекціонизмѣ, содѣйствовала подрыву вѣры въ абсолютные принципы, и въ настоящее время примыкающіе къ исторической или реалистической школѣ экономисты допускаютъ, что коммерческій режимъ каждой страны долженъ быть приноровленъ къ особенностямъ ея экономическаго положенія. Тѣмъ не менѣе, въ доктринѣ не замѣчается такой сильно выраженной протекціонистской реакціи, какая господствуетъ въ торговой политикѣ; можно даже сказать, что большинство экономистовъ остается вѣрнымъ фритредерскимъ доктринамъ, хотя въ 1841 г. Листъ (нѣмецъ) въ своей „Національной системѣ политической экономіи", а позже Кэри (американецъ) въ своихъ „Принципахъ соціальной науки" (1859 г.) пробили брешь въ манчестерской доктринѣ какъ разъ въ эпоху ея наивысшаго расцвѣта. Листъ — прямой наслѣдникъ меркантилистовъ въ томъ отношеніи, что протекціонизмъ для него лишь средство для развитія національной промышленности, осужденное на исчезновеніе, лишь только будетъ достигнута указанная цѣль.

Во всякомъ случаѣ, мнѣнія по этому серьезному вопросу такъ раздѣлились, что лучше изложить сначала объективно и безпристрастно обѣ теоріи.

II.

Протекціонистскій тезисъ.

Почему международная торговля возбуждаетъ то, что называется „вопросомъ"? И почему нѣтъ другого вопроса, который вызывалъ бы столько волненія, побудилъ бы написать столько томовъ полемическихъ произведеній и сдѣлать столько пушечныхъ выстрѣловъ?

Развѣ торговля между странами не похожа во всѣхъ отношеніяхъ на торговлю между отдѣльными лицами? Развѣ она, подобно послѣдней, не представляетъ обыкновенную и нормальную форму обмѣна, а если это такъ, то къ чему тогда какая-то спеціальная теорія международной торговли? Если обмѣнъ самъ по себѣ благо, то почему бы становиться ему опаснымъ только въ силу того случайнаго обстоятельства, что два контрагента раздѣлены одинъ отъ другого пограничнымъ столбомъ?

Такова, дѣйствительно, точка зрѣнія классической политической экономіи. Она не допускаетъ и не понимаетъ, какимъ образомъ международная торговля можетъ быть подчинена инымъ законамъ, нежели какая-либо другая торговля. Для нея этого знаменитаго вопроса не существуетъ, и онъ долженъ быть вычеркнутъ изъ числа экономическихъ проблемъ. Обмѣнъ есть лишь форма кооперації и раздѣленія труда, удивительныя слѣдствія котораго мы уже объяснили раньше; его выгоды взаимны и равны для каждой изъ сторонъ. Что нужды, принадлежатъ ли контрагенты къ одной или разнымъ странамъ? Свободная торговля между всѣми народами міра будетъ послѣднимъ этапомъ той эволюціи, которая послѣдовательно смѣняла домашній рынокъ городскимъ, а городской, въ свою очередь, національнымъ и, наконецъ, всемірнымъ. И всѣ тѣ выгоды, которыя мы отмѣтили по поводу обмѣна, а, именно, наилучшее использованіе вещей и людей, только увеличиваются по мѣрѣ того, какъ расширяется поле обмѣна.

Но общественное мнѣніе не исповѣдуетъ этого великолѣпнаго безразличія. Оно не оспариваетъ, что свобода торговли, съ теоретической точки зрѣнія, самая предпочтительная система и что даже наиболѣе соотвѣтствующая всеобщему благу человѣчества. Протекціонисты и не заявляютъ себя противниками международ-

ной торговли, и они, между прочимъ, съ избыткомъ доказываютъ это той энергіей, съ какой они оспариваютъ ее другъ у друга, и тѣми жертвами, которыя они приносятъ въ интересахъ развитія морской торговли или крупныхъ торговыхъ портовъ,—только они хотятъ сохранить барышъ отъ нея. Но народы и тѣ, кто ими управляетъ, обыкновенно не задаются общими интересами рода человѣческаго; ихъ занимаютъ только частные интересы страны, гдѣ они живутъ, чего нельзя было бы поставить имъ въ вину. Они полагаютъ, правильно или неправильно,— въ этомъ-то весь вопросъ и заключается — что международная торговля, предоставленная самой себѣ, грозитъ промышленности данной страны разореніемъ, можетъ сократить или даже заглушить ея производительныя силы и косвенно отразиться на цѣлости національнаго существованія. Они думаютъ, что международный обмѣнъ не только не приноситъ взаимныхъ и равныхъ выгодъ обѣимъ сторонамъ, но часто можетъ даже разорить одну изъ сторонъ, обогащая другую, и что въ сущности дѣло идетъ о томъ, чтобы не играть роль простофили!

Далеко не раздѣляя взгляда на торговлю, какъ на одну изъ формъ раздѣленія труда и кооперації, они смотрятъ на нее, какъ на войну, какъ на одну изъ формъ борьбы за существованіе между націями. И, подобно тому, какъ все военное искусство состоитъ въ томъ, чтобы вступить на непріятельскую территорію и занять ее, не позволяя вмѣстѣ съ тѣмъ непріятелю то же самое сдѣлать по отношенію къ нашей территоріи, такъ и вся тактика въ международной торговлѣ должна состоять по ихъ мнѣнію, въ томъ, чтобы наводнить иностранную территорію нашимъ вывозомъ, не допуская проникновенія иностраннаго ввоза къ намъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы образовать достаточно сильную національную промышленность, чтобы быть въ состояніи отстранить отъ себя продукты иностранной индустріи и даже успѣшно бороться противъ нея на ея собственной территоріи. Такова задача, которую ставитъ себѣ протекціонизмъ уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и добивается разрѣшенія ея путемъ весьма сложной тактики.

Вотъ какова вкратцѣ его аргументація:

1) Если международная торговля приняла въ наше время характеръ борьбы за существованіе,то она можетъ повести къ присущему всякой конкурренціи, даже между отдѣльными лицами, прискорб-

ному послѣдствію, а именно — къ подавленію слабыхъ. Такъ, Соединенные Штаты, благодаря обширности своихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, плодородію нѣкоторыхъ областей, не требующихъ удобренія, дешевизнѣ земель, умѣренности налоговъ, могутъ производить хлѣбъ въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ наши европейскія страны. Что же будутъ дѣлать французскіе земледѣльцы, если ввозъ американскаго хлѣба не позволитъ имъ производить у себя хлѣбъ? Пусть займутся производствомъ вина!—скажутъ намъ. Но Испанія и Италія, благодаря своему климату, могутъ производить гораздо лучшія вина, которыя при этомъ, благодаря дешевизнѣ тамъ рабочихъ рукъ, будутъ дешевле французскихъ винъ. Точно также въ отношеніи шелка Франція стоитъ ниже Китая, въ отношеніи шерсти — ниже Австраліи, въ отношеніи мяса—ниже Аргентинской республики... Какъ же быть тогда? Неужели же всѣмъ нашимъ земледѣльцамъ, составляющимъ половину населенія Франціи, придется покинуть свою землю и переселиться въ города? Но, въ такомъ случаѣ, какія бѣдствія нахлынутъ на нашу страну въ связи съ подобнымъ перемѣщеніемъ, не только съ экономической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія общественнаго здравія, нравственности, прочности политическаго положенія, военныхъ силъ и всей будущности нашей страны! И кто же поручится за то, что изгнанное изъ деревень населеніе найдетъ въ городахъ болѣе прибыльный трудъ? Развѣ нельзя допустить, что и мануфактурная промышленность въ свою очередь рухнетъ подъ давленіемъ иностраннаго ввоза? Если данная страна, къ несчастью своему, стоитъ ниже нѣкоторыхъ другихъ странъ во всѣхъ отрасляхъ производства, ее послѣдовательно будутъ вытѣснять изъ всѣхъ занятыхъ ею позицій и останется ей одинъ только исходъ: перенести свое населеніе и остающіеся еще капиталы въ тѣ именно страны, которыя успѣшно конкуррируютъ съ ней, чтобы тамъ, по крайней мѣрѣ, использовать условія, обезпечивающія за этими странами ихъ превосходство [2]). Если Франція не въ состояніи дальше выдерживать конкурренцію Америки, то

[2]) Замѣтьте, что такой именно результатъ вызываетъ внутренняя торговля между различными частями одной и той же страны. Развѣ свобода и легкость сношеній между Канталемъ или Нижними Альпами и Парижемъ не ведутъ къ обезлюденію и смерти промышленности этихъ департаментовъ? Но, такъ какъ при этомъ теряетъ одна часть Франціи то, что другая пріобрѣтаетъ, то, съ точки зрѣнія національной, тутъ не умѣстно какое-либо вмѣшательство.

и пусть она переселится въ Америку! Таковъ былъ бы логическій выводъ изъ системы, которая видѣла бы въ международной торговлѣ только наилучшій способъ организаціи для извлеченія по возможности наибольшей выгоды изъ земли и населяющихъ ее людей, и не считалась бы съ тѣмъ фактомъ, что люди раздѣлены на націи, и что каждая изъ этихъ націй хочетъ и имѣетъ право жить.

Когда дѣло идетъ только объ индивидуумахъ, то еще понятно, что какой-нибудь убѣжденный дарвинистъ можетъ пожертвовать ими ради общихъ интересовъ рода, но нельзя же требовать отъ страны отдать себя на закланіе во имя общечеловѣческихъ интересовъ. Это было бы тѣмъ болѣе нелѣпо, что здѣсь въ сущности поставленъ вопросъ только объ экономическомъ и торговомъ превосходствѣ, между тѣмъ, какъ у каждаго народа, кромѣ роли простого производителя экономическихъ благъ, имѣется въ этомъ мірѣ еще и другое назначеніе. Надо ли подвергать какую-нибудь новую Грецію опасности быть когда-нибудь вычеркнутой изъ среды націй только потому, что ея безплодная почва не позволяла бы ей производить такъ же дешево, какъ ея соперницы?

Если не желательно итти такъ далеко, чтобы уничтожить иностранную конкурренцію, то, по крайней мѣрѣ, необходимо поставить конкуррирующія страны въ условія равенства. Если какая-нибудь страна—благодаря ли своимъ естественнымъ рессурсамъ, напримѣръ, благодаря обладанію золотыми и желѣзными рудниками или совсѣмъ дѣвственной еще почвой, или же вслѣдствіе того, что надъ ея бюджетомъ не тяготѣютъ послѣдствія прошлыхъ временъ — можетъ производить на 10% ниже цѣны, по которой въ состояніи производить наши промышленники, то будетъ справедливо, если для возстановленія равенства наложить на ввозъ возмѣщающихъ пошлинъ въ размѣрѣ 10%, какъ на скачкахъ прибавляютъ маловѣснымъ жокеямъ соотвѣтствующую тяжесть.

2) Допустимъ даже, что ни одна страна не погибнетъ въ этой международной борьбѣ, и что каждая страна найдетъ какую-нибудь отрасль промышленности, гдѣ ей удастся сохранить свое превосходство и куда она направитъ всѣ свои производительныя силы,— развѣ такой результатъ можетъ быть желательнымъ? — Фритредерская школа отвѣчаетъ на это утвердительно, потому что она

усматриваетъ тутъ лишь широкое примѣненіе закона раздѣленія труда; ей угодно смотрѣть на міръ, какъ на огромную мастерскую, гдѣ каждый народъ будетъ производить только одну вещь, именно, такую, какую ей предназначено выдѣлывать наилучшимъ образомъ, и гдѣ, слѣдовательно, осуществится наилучшая утилизація производительныхъ силъ нашей планеты и всего человѣчества. Франція будетъ производить только тонкія вина, шляпы и шелковыя вещи, Англія—машины и бумажныя матеріи, Китай—чай, Австралія—шерсть, Россія—хлѣбъ, Швейцарія—сыръ и часы, Греція—изюмъ, и т. д.

Но здѣсь опять-таки національный интересъ совершенно приносится въ жертву какому-то, якобы общему, интересу, какой-то въ сущности абстракціи. Если бы подобный идеалъ и могъ осуществиться, онъ привелъ бы къ вырожденію всѣхъ странъ и, слѣдовательно, всего рода человѣческаго, который не существуетъ внѣ составляющихъ его націй. Если, дѣйствительно, даже по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ признано, что спеціализація въ одной и той же работѣ гибельно отражается на ихъ физическомъ, интеллектуальномъ и моральномъ развитіи, то что же сказать о цѣломъ народѣ! Страна, гдѣ всѣ люди занимались бы однимъ и тѣмъ же ремесломъ, была бы какой-то неорганизованной аморфной массой. Біологія учитъ насъ, что развитіе организованнаго существа и мѣсто, занимаемое имъ среди живыхъ существъ, стоятъ въ зависимости отъ разнообразія и многочисленности его функцій и дифференціаціи выполняющихъ эти функціи органовъ. Совершенно то же относится и къ народу: если онъ хочетъ подняться до интенсивной и богатой жизни, онъ долженъ стараться размножать у себя всѣ формы соціальной дѣятельности, напрягать всю свою энергію и, слѣдовательно, наблюдать за тѣмъ, чтобы иностранная конкурренція не уничтожила ихъ одну за другой.

3) Ввозъ иностранныхъ продуктовъ, не встрѣчающій противовѣса въ соотвѣтствующемъ вывозѣ, можетъ разорить страну, отнимая у нея, прежде всего, ея звонкую монету, а, затѣмъ, низводя ее на положеніе должника. Страна расплачивается за ввозъ своими деньгами, пока онѣ имѣются у нея, а когда ихъ больше нѣтъ, она прибѣгаетъ къ займу, чаще всего, у той же страны, которая ей продаетъ. Ея положеніе отъ этого только ухудшается, ибо къ долгу отъ ввоза присоединяется

еще долгъ отъ процентовъ по займу [3]). Такимъ образомъ страна постепенно идетъ навстрѣчу банкротству. Такъ случилось, напримѣръ, съ Португаліей, Турціей и др.

4) Таможенныя пошлины являются наилучшимъ налогомъ, ибо уплачиваетъ ихъ иностранецъ. Страна поэтому должна прибѣгать къ нимъ безъ всякихъ колебаній, потому что она найдетъ въ нихъ не только защиту для своей промышленности, но и обезпечитъ себѣ источникъ доходовъ, который ничего не будетъ стоить ея населенію [4]).

5) Наконецъ, интереса національной безопасности было бы достаточно для того, чтобы оправдать протекціонистскую систему. Мы видимъ, какъ каждый народъ изощряется, цѣною самыхъ тяжелыхъ жертвъ, въ созданіи крѣпостей, военнаго флота, оружейныхъ заводовъ. Но необходимыми для безопасности страны производствами являются не тотъ или другой оружейный заводъ или фабрика сухарей, а каменный уголь, безъ котораго не могли бы двигаться поѣзда и, слѣдовательно, не состоялась бы мобилизація, желѣзо, лошади, хлѣбъ, мясо, сукно, кожа и все то, что необходимо во время войны для содержанія и существованія тысячъ людей. Если Англія можетъ себѣ позволить ввозить къ себѣ изъ-за границы половину своихъ продовольственныхъ

---

3) Ту же мысль проводилъ старый Катонъ, говоря: Patrem familias vendacem, non emacem esse oportet (De Agricultura). Моисеевъ законъ говоритъ (Второзаконіе. XV, 6): „Усердно проводи въ жизнь приказаніе, которое я нынѣ предписываю тебѣ. Ссужай многимъ народамъ и ни у кого не занимай: и такъ, да будешь господствовать надъ многими народами и да не господствуютъ они надъ тобой". Правда, здѣсь идетъ дѣло о ссудѣ, а не о продажѣ; но это одно и то же, говорятъ протекціонисты, ибо продающая страна, въ концѣ концовъ, становится кредитующей страной.

4) Лидеръ протекціонистовъ Мелинъ говорилъ съ трибуны Палаты депутатовъ (засѣд. 28 февр. 1898 г.): „Таможенныя пошлины платитъ иностранецъ".

Послѣ войны за независимость Lawrence, контролеръ казначейства Соединенныхъ Штатовъ, говорилъ: „Нашимъ таможеннымъ тарифомъ мы извѣстимъ иностраннаго фабриканта о томъ, что онъ можетъ сбывать свои продукты у насъ, но что ему придется заплатить за эту привилегію. Онъ поэтому вынужденъ понижать свои цѣны и свою прибыль и способствовать образованію дохода, который позволяетъ намъ уплатить нашъ государственный долгъ и выдавать пенсіи нашимъ солдатамъ, искалѣченнымъ или раненымъ во время гражданской войны. Это справедливое воздаяніе, ибо такимъ образомъ мы побуждаемъ Англію и Францію принять на себя долю расходовъ по возстанію, которое онѣ злонамѣренно поощряли"! (Цит. Economiste français, 1882 г., I т. с. 411).

средствъ [5]), то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что она господствуетъ на всѣхъ великихъ морскихъ путяхъ и затрачиваетъ колоссальныя суммы, чтобы сохранить свое превосходство въ случаѣ войны. Но если бы когда-нибудь предъ ней встала опасность потерять свои пути сообщенія, нѣтъ никакого сомнѣнія, что она приняла бы тогда мѣры для расширенія своего земледѣльческаго производства, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть даже къ искусственнымъ пріемамъ. Принимая во вниманіе чудовищныя формы современной войны, сгоняющей подъ ружье все населеніе и поглощающей всѣ экономическіе рессурсы націи, нельзя было бы назвать ни одной отрасли промышленности, которая была бы безполезна для національной защиты.

III.

Фритредерскій тезисъ.

Представители свободной торговли начинаютъ съ опроверженія только что изложенныхъ нами аргументовъ.

1) Доводъ объ опасности иностранной конкурренціи производитъ сильное впечатлѣніе. А посмотрите-ка, говорятъ фритредеры, какое странное превращеніе испыталъ онъ и къ какимъ противорѣчіямъ приводитъ.

Когда-то говорили: надо защищать слабыхъ противъ сильныхъ, молодыхъ противъ старыхъ — это называлось покровительственнымъ протекціонизмомъ. Указывалось на то, что нарождающейся промышленности предстоитъ вынести борьбу съ большими препятствіями. Ей не легко встать на ноги рядомъ съ старой уже промышленностью, имѣющей въ своемъ распоряженіи обширные рынки и, благодаря распространенности своего производства, могущей довести до крайняго предѣла совершенства раздѣленіе труда и технику крупнаго производства. Борьба ока-

5) Вычислено, что количествомъ ввозимыхъ въ Англію пищевыхъ продуктовъ населеніе пользуется почти шесть мѣсяцевъ, а въ Германіи—три мѣсяца, или, иначе говоря, половина населенія Англіи и четверть населенія Германіи питаются продуктами иностраннаго происхожденія. Не то во Франціи, гдѣ населеніе менѣе густо, а почва весьма плодородна.

зывается тѣмъ болѣе трудной, что въ этихъ новыхъ странахъ заработная плата выше, а рабочіе менѣе опытны. Не легко, какъ извѣстно, взрастить молодыя деревца въ сосѣдствѣ со старыми, ибо послѣднія, захвативъ уже весь свѣтъ солнца и всѣ соки земли, не даютъ молодымъ протянуть свои корни и раскинуть свои вѣтви.

Доводъ представлялся убѣдительнымъ и какъ будто подтверждался опытомъ новыхъ странъ, напримѣръ, молодыхъ англійскихъ колоній, вродѣ Австраліи и Канады, которыя питались молокомъ чистой фритредерской доктрины и, тѣмъ не менѣе, безъ колебанія, какъ бы по инстинкту, воздвигли протекціонистскую заставу противъ самой метрополіи.

Ссылались въ особенности на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. Развѣ американская индустрія разрослась бы такъ быстро, если бы на первыхъ же шагахъ ей пришлось бороться съ англійской мануфактурой, и развѣ она не была бы задавлена своей могущественной соперницей въ самомъ зародышѣ?

Очень хорошо. Но вѣдь вотъ нынѣ Соединенные Штаты блестяще прошли путь экономической эволюціи и стали одной изъ первыхъ мануфактурныхъ странъ міра. Ставъ сильными и великими, отказались ли они отъ защиты таможенной заставы, которая покровительствовала имъ въ дѣтствѣ? Ничуть не бывало. Они продолжаютъ оставаться протекціонистскими, но только пренебрежительно отвергаютъ, какъ оскорбительный для себя, доводъ о „покровительственномъ протекціонизмѣ“. Нынѣ они заявляютъ, что страна, продвинувшаяся впередъ по пути цивилизаціи, богатая и платящая своимъ рабочимъ высокую заработную плату, должна защищать себя противъ государствъ съ отсталой культурой и низкой заработной платой. Подобно тому, какъ Европа и Азія понижаютъ—говорятъ американскіе экономисты — уровень нашей цивилизаціи и нашего standard of life (средній уровень жизни), посылая къ намъ своихъ бѣдныхъ и голодныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ эмигрантовъ, точно такъ же поступаютъ они, привозя къ намъ свои дешевые продукты, и потому приходится намъ защищать свою цивилизацію и свою высокую заработную плату одновременно и противъ нашествія бѣдныхъ рабочихъ, и противъ нашествія товаровъ, произведенныхъ бѣднымъ трудомъ.

А когда требуютъ установленія равенства условій въ конкур-

ренціи путемъ возмѣщающихъ пошлинъ, то не слѣдуетъ ли еще знать, какая сторона находится въ невыгодномъ положеніи, и на чью сторону склоняются вѣсы? Мы во Франціи говоримъ, что эта компенсація должна быть дана намъ противъ американцевъ, потому что у нихъ больше естественныхъ рессурсовъ, неистощенной еще почвы, и менѣе обременительный бюджетъ. А американцы говорятъ, что компенсація должна выпасть имъ противъ насъ, потому что низкая заработная плата, болѣе продолжительный рабочій день, меньшая цѣнность денегъ позволяетъ намъ производить товары по очень низкимъ цѣнамъ.

Итакъ, какой же сдѣлать выводъ, и кто здѣсь ошибается? Для кого необходимо производство? Для молодыхъ противъ старыхъ или для старыхъ противъ молодыхъ? Для слабыхъ противъ сильныхъ или для сильныхъ противъ слабыхъ? И кого же считать сильнымъ или слабымъ? И что же подумать о доводѣ, которымъ можно одинаково воспользоваться для защиты двухъ противоположныхъ тезисовъ [6]).

Отбросимъ также напрасныя опасенія, что страна будто бы можетъ когда-нибудь обезлюдѣть благодаря международной торговлѣ. Это ужасное зрѣлище народа, послѣдовательно вытѣсняемаго иностранной конкурренціей изъ всѣхъ отраслей производства, вынужденнаго покинуть свою землю и искать убѣжища на территоріи своихъ побѣдителей—чистѣйшій вымыселъ. Не найдется ни одной до такой степени обездоленной природой или судьбой страны, чтобы она стояла ниже другихъ во всѣхъ отрасляхъ производства. А если бы, по несчастному стеченію обстоятельствъ, она и была доведена до такой крайней степени нищеты, то нелѣпо думать, что запрещеніе ввоза иностранныхъ продуктовъ можетъ улучшить ея положеніе или помѣшаетъ ея капиталистамъ или рабочимъ искать гдѣ-нибудь болѣе счастливой страны. Таможенная

---

[6]) Что касается возраженія о возникающемъ при этомъ неравенствѣ налоговаго бремени, то слѣдуетъ отмѣтить, что, по содержанію идеи, на которой основанъ доводъ о компенсирующихъ пошлинахъ, таможенныя пошлины перекладываются на иностранныхъ производителей. Но если эти пошлины въ формѣ высокихъ цѣнъ чаще всего падаютъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, на свой же народъ, то вы можете оцѣнить всю иронію этой, такъ называемой, компенсаціи, которая, подъ предлогомъ уравненія условій борьбы, кладетъ двойное бремя на плечи того, кто и такъ уже въ высокой степени обремененъ!

застава не можетъ замѣнить тюремныхъ затворовъ, да и не желательно, конечно, чтобы она это дѣлала [7]).

Всякая страна, какъ бы бѣдна она ни была, неизбѣжно найдетъ какую-нибудь промышленность у себя, чтобы обмѣниваться ея продуктами съ болѣе счастливыми странами. Но если бы, вопреки вѣроятію, она ничего не нашла бы у себя, въ такомъ случаѣ протекціонистамъ въ особенности нечего волноваться, ибо тогда немедленно прекратился бы всякій ввозъ: перспектива не быть оплаченными лучше всякой запретительной пошлины остановитъ притокъ иностранныхъ продуктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что ввозъ можетъ быть оплаченъ лишь вывозомъ; какъ же можно предположить, что какая-нибудь страна все покупаетъ за границей, не посылая туда ничего взамѣнъ?— развѣ только допустить такую нелѣпость, что заграничная страна доставляетъ ей безвозмездно все необходимое, а въ такомъ случаѣ положеніе ея было бы скорѣе завиднымъ, чѣмъ жалкимъ, и не видно вовсе, какъ она могла бы разориться! [8])

2) Представляется также совершенно химерическимъ опасеніе за крайнюю спеціализацію и упадокъ страны, какъ результатъ международной торговли. Всякая страна, конечно, имѣетъ право развивать всѣ свои силы, находящіяся, можетъ быть, въ скрытомъ состояніи, не только въ земледѣліи, но и въ индустріи. Она должна стараться извлечь наибольшую выгоду изъ своей почвы, изъ своего климата и способностей своей расы. Это безспорно. Но какой же педагогическій пріемъ наиболѣе подходящъ для пробужденія и развитія этихъ силъ? Не является ли именно такимъ пріемомъ международная торговля, благодаря строгой дисциплинѣ, которую она навязываетъ народу, принуждая его дѣлать или луч-

---

[7]) Можно ли себѣ представить (мы возвращаемся тутъ къ вышеприведенному въ качествѣ довода факту), что если бы департаменты Канталь или Нижнія Альпы были окружены таможенными заставами, то это сдѣлало бы ихъ болѣе богатыми и даже удержало бы ихъ жителей отъ переселенія въ Ліонъ или Парижъ?

[8]) У тѣхъ, кто упорно продолжаетъ думать, что обездоленная страна будетъ платить за ввозъ своими деньгами и что, такимъ образомъ, она разорится, слѣдуетъ спросить: а откуда же у нея возьмутся эти деньги, если ей нечего продавать?

Впрочемъ, мы уже объяснили, почему и по отношенію къ металлическимъ деньгамъ мало основаній опасаться, что страна можетъ лишиться ихъ, благодаря международной торговлѣ. Въ приводимыхъ примѣрахъ (Южно-американскія республики) причину зла нужно искать скорѣе въ злоупотребленіяхъ бумажными деньгами, чѣмъ въ иностранномъ ввозѣ.

ше, или иначе, чѣмъ другіе, вытѣсняя его изъ занятыхъ уже имъ позицій, чтобы заставить его создать себѣ въ другомъ мѣстѣ новые рессурсы? И, дѣйствительно, развѣ въ странахъ со свободой торговлей, какъ, напримѣръ, Голландія, Бельгія или Англія, мы встрѣчаемъ менѣе разнообразную промышленность, чѣмъ въ протекціонистскихъ странахъ? Ничуть не бывало.

3) Пророчество на счетъ упадка или разоренія народовъ, которые примирятся съ положеніемъ покупателей по отношенію къ тѣмъ народамъ, которые сумѣютъ остаться въ положеніи продавцовъ,—пустая угроза. Конечно, какъ для народовъ, такъ равно и для отдѣльныхъ лицъ лучше быть богатымъ, чѣмъ бѣднымъ, но ошибочно думать, что положеніе покупателя непремѣнно ниже положенія продавца. Развѣ мы, потребители, считаемъ себя въ соціальныхъ отношеніяхъ ниже нашихъ поставщиковъ? И кто же это такое,—народъ, ввозящій къ себѣ продукты? Развѣ это не народъ, заставляющій другихъ работать на себя, за плату, само собою разумѣется? Его положеніе, конечно, не свидѣтельствуетъ о его отсталости и еще менѣе о его бѣдности.

Что же касается соображенія о томъ, что всякая ввозящая страна, въ концѣ концовъ, становится должникомъ, то тутъ страна неправильно уподобляется папенькину сынку, покупающему въ кредитъ. Международный обмѣнъ происходитъ за наличный счетъ, или, самое большее, съ отсрочкой на нѣсколько мѣсяцевъ по переводнымъ векселямъ. Международный обмѣнъ нѣчто вродѣ натуральной мѣны, а послѣдняя меньше всего походитъ на покупку въ кредитъ. Правда, можетъ случиться, что народъ разорится благодаря займу — хотя въ такихъ случаяхъ чаще случается, что разоряются его кредиторы!—но это уже другой вопросъ, ничего общаго не имѣющій съ покупками.

4) Въ качествѣ общаго положенія нелѣпо утвержденіе, что покровительственныя пошлины уплачиваются иностранцами, и что, не налагая никакого бремени на страну, онѣ, напротивъ, составляютъ для государства дополнительный доходъ. По-истинѣ было бы слишкомъ удобно, если бы страна могла доставать себѣ доходы изъ кармана сосѣднихъ государствъ! Если бы даже у протекціонизма и оказалось такое магическое средство, то, очевидно, оно не оправдало бы надеждъ ни одной страны, такъ какъ всѣ страны поторопились бы использовать это средство, чтобы заставить своихъ сосѣдей платить себѣ налоги.

Въ силу закона, извѣстнаго въ ученіи о налогахъ подъ названіемъ „закона отраженія“, всякій налогъ, уплачиваемый производителемъ или купцомъ, обыкновенно переносится имъ на его товаръ и ложится такимъ образомъ на потребителя. Это тѣмъ болѣе вѣрно по отношенію къ иностранному производителю [9]).

Допустимъ даже, что этотъ доводъ остается во всей своей силѣ. Предположимъ, что иностранцы согласны принять на свой счетъ покровительственныя пошлины. Что же произойдетъ? А то, что цѣны на иностранные продукты не будутъ подняты; слѣдовательно, ихъ конкурренція и подавляющее вліяніе не будутъ ослаблены и въ конечномъ счетѣ національная индустрія ничего не добьется: ни устраненія иностранныхъ продуктовъ, ни повышенія ихъ цѣнъ; а къ упрекамъ, которые только что были высказаны нами противъ системы покровительственныхъ пошлинъ, придется прибавить еще послѣдній и самый рѣшительный упрекъ,— въ томъ, что указанная система ни къ чему не служитъ

5) Наконецъ, что касается довода о войнѣ, которая можетъ возникнуть каждый моментъ, и о необходимости готовиться къ ней, то тутъ является вопросъ: не самъ ли протекціонизмъ создаетъ ту опасность, противъ которой онъ стремится предостеречь насъ? И тарифная война не вызываетъ ли призрака вооруженнаго столкновенія народовъ, тогда какъ развитіе свободной торговли, напротивъ, не ведетъ ли къ благодѣтельному послѣдствію, почти

---

9) Все-таки, можетъ случиться, что иностранный производитель несетъ пошлины въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, отмѣченныхъ Стюартомъ Миллемъ. Всякое повышеніе цѣны влечетъ за собою пониженіе потребленія. Предъ иностраннымъ производителемъ встанетъ такимъ образомъ вопросъ: не выгоднѣе ли ему согласиться на нѣкоторую жертву, понизивъ цѣну своихъ продуктовъ на сумму, равную пошлинѣ, чтобы продать своимъ покупателямъ по прежнимъ цѣнамъ и удержать за собой свою кліентуру. Падающая на его продукты пошлина ставитъ предъ нимъ горькую альтернативу: или ограничить цифру своихъ продажъ или пожертвовать цѣной. Возможно, что интересъ подскажетъ ему остановиться на второй части альтернативы, т. е. принять на себя всю пошлину или часть ея. Такъ, во время франко-швейцарской торговой войны въ 1893—1895 гг. многіе французскіе фабриканты, чтобы не потерять своихъ швейцарскихъ покупателей, приняли на свой счетъ всѣ установленныя новымъ тарифомъ пошлины или часть ихъ.

Но, чтобы иностранные производители согласились пойти на такую крайность, необходима наличность двухъ предварительныхъ условій: 1) чтобы стоимость себѣ позволяла имъ это; 2) чтобы у нихъ не было возможности сбывать свои продукты на какомъ-нибудь другомъ рынкѣ.

исключающему всякую возможность возникновенія войны? Монтескье писалъ: „Естественный результатъ торговли—стремленіе къ миру“ [10]).

И опытъ показываетъ намъ, что торговыя отношенія между народами дѣйствительно являются весьма серьезнымъ препятствіемъ къ войнѣ. Не разъ въ теченіе послѣдняго столѣтія они помѣшали вспыхнуть войнѣ между Франціей и Англіей.

Если же, однако, хотятъ представить протекціонизмъ, какъ военную необходимость, въ такомъ случаѣ придется смотрѣть на него, какъ на источникъ дополнительныхъ къ военному бюджету расходовъ, а не какъ на источникъ доходовъ. Какой-то американскій экономистъ высчиталъ, что извѣстная прядильня стоила его странѣ дороже броненосца. Вотъ это откровенно сказано! Да, именно, такъ лучше открыто заявлять, что покровительственныя пошлины и тарифныя войны обходятся столько же, сколько вооруженный миръ и военныя дѣйствія, что онѣ не менѣе обременительны, но что онѣ могутъ быть не менѣе необходимы для существованія народа, требующаго себѣ мѣста на землѣ. Но протекціонисты не любятъ дѣлать такія признанія и предпочитаютъ обольщаться перспективой воображаемыхъ барышей.

Фритредеры не ограничиваются опроверженіемъ протекціонистовъ на основаніи ими же выдвигаемыхъ доводовъ, а переходятъ въ наступленіе, указывая на неудобства, создаваемыя покровительственными пошлинами:

1) Съ точки зрѣнія потребленія, покровительственныя пошлины безспорно ведутъ къ вздорожанію стоимости жизни, или, по крайней мѣрѣ, мѣшаютъ понизиться стоимости ея. Большинство предметовъ широкаго потребленія, которые интересуютъ рабочаго, дешевле въ фритредерскихъ странахъ, какъ, напримѣръ, Англія, чѣмъ во Франціи или Германіи [11]).

Ввозныя пошлины вызываютъ обыкновенно повышеніе цѣнъ не только на ввозимые товары, но и на всѣ подобные товары,

---

[10]) Esprit des lois, кн. XX, гл. 11.

[11]) Изъ одной анкеты, произведенной англійскими консулами въ 1907 г. въ Германіи, слѣдуетъ, что стоимость существованія нѣмецкаго рабочаго на 30% выше стоимости англійскаго рабочаго, что можетъ быть приписано ничему другому, какъ таможеннымъ пошлинамъ на продовольственные товары.

потребляемые внутри страны, такъ что публикѣ приходится платить изъ своего кармана за получаемую государствомъ пошлину въ десять разъ больше. Предположимъ, что во Францію ввозятъ 10 милліоновъ центнеровъ иностраннаго хлѣба по 20 фр. въ моментъ выгрузки. Вслѣдствіе конкурренціи этого иностраннаго хлѣба 80 милліоновъ центнеровъ хлѣба, представляющіе въ среднемъ производство Франціи, тоже продаются только по 20 фр., и на это, именно, и жалуются. Наложимъ на иностранный хлѣбъ ввозную пошлину въ 7 фр. Государство получитъ чрезъ таможенное вѣдомство (если только эта пошлина не повлечетъ сокращенія ввоза) 10×7=70 милліоновъ франковъ. Но обратимъ теперь вниманіе на публику: она не только будетъ платить на 7 франковъ дороже за каждый центнеръ иностраннаго хлѣба, т. е. не только заплатитъ 70 милліоновъ, полученные государствомъ, но, кромѣ того, такъ какъ французскіе производители, конечно, поспѣшатъ продавать свой хлѣбъ по той же цѣнѣ, какъ и заграничные производители, то публика опять-таки заплатитъ на 7 фр. дороже за каждый центнеръ хлѣба, произведеннаго во Франціи, т. е. 80×7= 560 милліоновъ франковъ. Въ итогѣ покровительственныя пошлины принесутъ 70 милліоновъ государству и 560 милліоновъ отечественнымъ производителямъ, но потребителямъ онѣ обойдутся въ 630 милліоновъ.

Правда, если въ годъ урожая національное производство хлѣба удовлетворяетъ спросъ, и нѣтъ необходимости въ иностранномъ хлѣбѣ, то покровительственная пошлина не играетъ роли или играетъ ее лишь отчасти. Можетъ даже случиться и такъ, что покровительственныя пошлины, искусственно поддерживая высокія цѣны, доведутъ производство хлѣба до крайняго напряженія, а затѣмъ наступитъ перепроизводство, и цѣны будутъ сбиты, что́ и наблюдалось во Франціи въ производствѣ винъ.

А въ такомъ случаѣ гдѣ же выгода? Хорошо ли, если Франція будетъ завалена своимъ хлѣбомъ и виномъ, вмѣсто иностраннаго? Я со своей стороны думаю, что вызванное такимъ образомъ внутри страны перепроизводство хуже перепроизводства, идущаго изъ-за границы, ибо съ послѣднимъ легко справиться, просто путемъ отказа отъ покупки, разъ спросъ удовлетворенъ, тогда какъ при внутреннемъ перепроизводствѣ отказъ отъ покупокъ въ данный моментъ ведетъ къ разоренію отечественныхъ производителей.

2) Съ точки зрѣнія распредѣленія, покровительственныя пошлины насаждаютъ несправедливость, ибо онѣ имѣютъ цѣлью гарантировать землевладѣльцамъ минимальный доходъ [12]), тѣмъ болѣе непріемлемый, что законъ отказываетъ наемнымъ рабочимъ гарантировать также требуемый ими минимумъ заработной платы.

Итакъ, получается выгода гораздо болѣе значительная для богатыхъ, чѣмъ для бѣдныхъ. Покровительственныя пошлины усиливаютъ существующія уже неравенства. Пошлина въ 7 фр. на центнеръ хлѣба должна повысить цѣну хлѣба съ 20 до 27 фр. Землевладѣлецъ, обрабатывающій посредственную землю и не располагающій въ достаточномъ количествѣ рессурсами, соберетъ только 10 центнеровъ съ одного гектара, и доходъ его увеличится на 70 фр., которыхъ, можетъ быть, даже не хватитъ на покрытіе его затратъ; между тѣмъ, какъ землевладѣлецъ, пользующійся плодородной землей или прибѣгающій къ усовершенствованнымъ орудіямъ, соберетъ 30 центнеровъ съ гектара и получитъ (хотя, вслѣдствіе своего привилегированнаго положенія, онъ могъ бы очень хорошо обойтись безъ всякаго покровительства) добавочнаго дохода 210 франковъ на гектаръ!

3) Даже съ точки зрѣнія національнаго производства, поддержаніе котораго является ихъ цѣлью, покровительственныя пошлины безспорно наносятъ ему вредъ, способствуя вздорожанію сырья и орудій производства. Благодаря этому, постоянно возникаютъ трудно улаживаемыя столкновенія между различными отраслями промышленности. Когда хотѣли наложить ввозную пошлину на шелкъ, чтобы такимъ образомъ создать покровительство производству коконовъ въ Севеннахъ и по берегамъ Роны, противъ этого поднялись рѣзкіе протесты со стороны хозяевъ ліонскихъ шелкопрядиленъ. Если же обложить ввозной пошлиной шерстяныя, шелковыя или бумажныя нити, то этимъ разорятъ ткацкую промышленность, употребляющую нитки въ

---

[12]) Мелинъ, авторъ существующаго нынѣ во Франціи таможеннаго тарифа, выражаетъ ту же мысль самымъ яснымъ образомъ: „Сущность нашего таможеннаго тарифа состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать курсовыя цѣны и такимъ образомъ вознаградить тѣхъ, у кого падаетъ прибыль".

Но въ такомъ случаѣ справедливость требовала внести въ законъ о таможенныхъ тарифахъ минимумъ заработной платы для рабочихъ покровительствуемой индустріи; это, именно, и было предложено въ парламентѣ, но безуспѣшно.

качествѣ сырья, и т. д.—Правда, для устраненія этого вреда, выдумали сложныя системы „временнаго допущенія", но это—только совершенно недостаточные палліативы.

4) Съ точки зрѣнія торговли, не слѣдуетъ забывать, что покровительственныя пошлины, ограничивая ввозъ товаровъ, приводятъ къ ограниченію въ то же время и вывоза и становятся, такимъ образомъ, въ чудовищное противорѣчіе съ усиліями всѣхъ народовъ, направленными къ облегченію международныхъ сношеній: къ прорытію горъ, разрыву перешейковъ, пересѣченію морей линіями субсидируемыхъ пакетботовъ и подводныхъ телеграфныхъ кабелей, къ открытію международныхъ выставокъ, заключенію монетныхъ конвенцій и пр. Можно ли вообразить себѣ большее безуміе, заключающееся въ томъ, что люди сначала расходуютъ сотни милліоновъ на прорытіе туннелей подъ Альпами или на перебрасываніе мостовъ чрезъ Ламаншъ, а затѣмъ, закончивъ эти предпріятія, ставятъ на обоихъ концахъ таможни, чтобы не пропускать товары или же брать за нихъ мзду! Истратили сотни милліоновъ франковъ на Сену, на Рону, на Жиронду и милліарды на каналы, а для чего?.. для того, чтобы понизить на нѣсколько сантимовъ стоимость перевозки товаровъ, идущихъ изъ-за границы,—а въ то же время поднимаютъ цѣну ихъ на 20—30% таможенными пошлинами! [13])

5) Съ точки зрѣнія промышленнаго прогресса, онѣ часто замедляютъ его, отнимая или ослабляя у него стимулъ заграничной конкурренціи. Въ одной изъ своихъ рѣчей князь Бисмаркъ упоминалъ о щукахъ, которыхъ пускаютъ въ пруды, въ которыхъ разводятся карпы, для того, чтобы держать послѣднихъ на-сторожѣ и не давать имъ привыкать къ тинѣ. Это сравненіе было бы умѣстно и здѣсь. Если мы хотимъ—а такова, именно, цѣль протекціонистовъ—чтобы страна сохранила свое положеніе крупной промышленной и торговой державы, необходимо заставить ее постоянно обновлять свои орудія и технику производства, безпре-

---

[13]) „Пошлина въ 20% равносильна плохой дорогѣ, пошлина въ 50%—широкой и глубокой рѣкѣ безъ необходимыхъ средствъ переправы, пошлина въ 70%, это—обширное болото, тянущееся по обѣимъ берегамъ рѣки, пошлина въ 100%, это—шайка грабителей, отбирающихъ у купца почти все, что у него есть, и еще заставляющихъ его почитать себя счастливымъ, что вырвался отъ нихъ цѣлъ и невредимъ!" (David Wells, A primer of tarif reform, 1885 г.). См. также не менѣе остроумные памфлеты Бастіа.

станно устранять изношенныя или устарѣвшія машины, какъ обновляется змѣя, смѣняя свою кожу; а такъ какъ подобная операція всегда очень непріятна, то сомнительно, чтобы производители охотно соглашались на нее безъ внѣшняго давленія со стороны.

6) Наконецъ, съ точки зрѣнія фискальной, покровительственныя пошлины увеличиваютъ доходъ только въ началѣ, а, въ концѣ концовъ, онѣ уменьшаютъ или уничтожаютъ его, изсушая его источникъ, т. е. ввозъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Макъ Кинлей, представляя свой знаменитый таможенный тарифъ, категорически заявилъ слѣдующее: „Предметъ этого тарифа сводится не къ тому, чтобы увеличивать нашъ доходъ, а, напротивъ, чтобы уменьшить его и, въ конечномъ счетѣ, когда пошлины станутъ на уровнѣ, достаточномъ для достиженія ихъ цѣли, уничтожить".

Напротивъ, когда пошлины не носятъ покровительственнаго характера — таковы, напримѣръ, пошлины, налагаемыя въ Англіи на экзотическіе продукты, которыхъ она сама не производитъ: чай, кофе, сахаръ, табакъ и вино — въ интересахъ правительства понизить ихъ настолько, чтобы развить ввозъ обложенныхъ продуктовъ, и, такъ какъ доходность налога увеличивается въ зависимости отъ умѣренности ставки (какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ при обложеніи), то у казны можетъ оказаться довольно значительный источникъ доходовъ.

IV.

Режимъ торговыхъ договоровъ.

Нашимъ идеаломъ должно быть установленіе между націями такихъ же отношеній, какъ между отдѣльными лицами. А, между тѣмъ, мы констатировали, что торговля и свободная конкурренція далеко не служатъ, какъ слѣдуетъ, интересамъ потребителя. Мы должны отвергнуть протекціонистскія системы, поскольку онѣ имѣютъ цѣлью провести въ жизнь принципъ: „каждый для себя, каждый у себя". Но мы не можемъ также считать весьма желательной абсолютную свободу торговли: „laissez faire, laisser passer," ибо такой принципъ не больше, какъ форма анархистской конкурренціи.

Итакъ, какая же форма отношеній между народами больше всего приближается къ режиму кооперації между отдѣльными лицами?— Режимъ торговыхъ договоровъ, въ формѣ ли простыхъ взаимообязательныхъ соглашеній между двумя странами, или же, еще лучше, въ формѣ торговаго союза многихъ странъ. Будущее, по нашему мнѣнію, принадлежитъ торговымъ договорамъ. И на практикѣ такова нынѣ тенденція. Торговые договоры представляются самымъ мудрымъ орудіемъ международной политики, благодаря своимъ умѣряющимъ отдѣльныя крайнія претензіи тенденціямъ, благодаря установленію взаимности интересовъ и благодаря той солидарности, которую они въ конечномъ счетѣ вводятъ между договаривающимися націями.

Правда, торговые договоры предполагаютъ предварительно существованіе общаго тарифа и покровительственныхъ пошлинъ, по крайней мѣрѣ, въ скрытомъ состояніи, ибо всякій договоръ— взаимно-обязывающее соглашеніе, а всякое соглашеніе предполагаетъ обмѣнъ извѣстными выгодами. А какія же выгоды можетъ предложить страна, вовсе не имѣющая ввозныхъ пошлинъ, въ обмѣнъ на тѣ выгоды, которыя она требуетъ себѣ? Обяжется закрыть свои двери? Но вѣдь еще нужно устроить двери съ засовами на нихъ! Если же „входъ свободенъ", то договоръ не имѣетъ никакого смысла. Вотъ почему Англіи трудно заключать договоры, и для того, чтобы подготовить себѣ почву для заключенія ихъ, она склоняется теперь къ установленію пошлинъ.

Торговые договоры представляютъ слѣдующія выгоды:

1) Они обезпечиваютъ опредѣленность тарифныхъ ставокъ на долгій періодъ времени (обыкновенно, 10 лѣтъ), что весьма удобно для торговыхъ операцій. Правда, съ другой стороны, они связываютъ договаривающіяся страны и отнимаютъ у нихъ возможность измѣнять свои тарифы въ зависимости отъ обстоятельствъ, но на эту связь надо смотрѣть, какъ на благо, а не какъ на зло, ибо, благодаря ей, фабриканты могутъ разсчитать и установить свои цѣны на достаточно долгій періодъ. Главное возраженіе иностранныхъ, въ особенности, англійскихъ, фабрикантовъ противъ нашего торговаго режима въ томъ и заключается, что они не могутъ разсчитывать на завтрашній день, такъ какъ наше правительство сохраняетъ за собой право измѣнять пошлины по своему усмотрѣнію.

Но слѣдуетъ прибавить, что и, наоборотъ, это же обстоятель-

ство является серьезнымъ возраженіемъ въ устахъ нашихъ французскихъ производителей противъ системы торговыхъ договоровъ. Они не хотятъ связывать себя, чтобы быть въ состояніи повышать пошлины всякій разъ, какъ имъ покажется это необходимымъ. Это особый взглядъ на вещи, — антисолидаристскій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мало практичный на дѣлѣ. Это настолько вѣрно, что наше правительство, вопреки протестамъ со стороны промышленниковъ, принуждено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ консолидировать пошлины, чтобы быть въ состояніи вступить въ договорныя отношенія съ другими странами, т. е. принять на себя обязательство не измѣнять тарифовъ, — такъ было, напримѣръ, по отношенію къ Россіи въ переговорахъ о пошлинахъ на хлѣбъ.

2) Они устанавливаютъ солидарность между всѣми странами, независимо отъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, особой оговоркой, гласящей: „по праву наиболѣе благопріятствуемой націи“, и вносимой обыкновенно во всѣ договоры. Въ силу этой оговорки, всякая уступка, сдѣланная одной какой-нибудь страной въ пользу другой, во всей своей силѣ распространяется на всѣ тѣ страны, съ которыми она уже заключила соглашеніе. Напримѣръ, въ силу ст. 11 франкфуртскаго договора 1871 г., всякое пониженіе пошлинъ, допущенное Франціей или Германіей въ пользу одной изъ сосѣднихъ странъ [14]), распространяется во всей силѣ на другую страну.

3) Они постепенно приводятъ ко все болѣе и болѣе либеральному режиму, благодаря взаимнымъ уступкамъ, которыя договаривающіяся стороны вырываютъ другъ у друга при каждомъ возобновленіи соглашенія, тогда какъ, согласно опыту, протекціонистская система, разъ установленная въ странѣ, клонится къ усиленію и обобщенію, такъ какъ всѣ отрасли промышленности выступаютъ одна за другой съ требованіями пошлинъ на свою долю [15]).

---

[14]) Англіи, Австріи, Россіи, Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ данномъ особомъ случаѣ оговорка, составляющая неразрывную часть договора, навязаннаго войной, не содержитъ ограниченія времени и тѣмъ отличается отъ обыкновенныхъ оговорокъ, которыя, какъ и договоры, содержащіе ихъ, имѣютъ обыкновенно силу въ теченіе десяти лѣтъ.

[15]) Смыслъ тезиса „покровительственный протекціонизмъ“, рекомендующій покровительство, какъ временное состояніе, необходимое для народовъ въ пору дѣтства и предопредѣленное къ исчезновенію въ пору ихъ экономической возмужалости,

Съ другой стороны, торговые договоры позволяютъ удовлетворять нѣкоторымъ требованіямъ протекціонизма:

1) Путемъ введенія принципа взаимности — что́ англичане называтъ fair trade (дозволенная, законная торговля) въ противоположность free trade (свободная торговля)—иначе говоря, путемъ открытія дверей для странъ, которыя открываютъ свои, и закрытія ихъ для тѣхъ, кто закрываетъ свои.

Экономистовъ либеральной школы почти вовсе не интересуетъ принципъ взаимности. Конечно, говорятъ они, весьма желательно, чтобы двери были настежь открыты каждой изъ сторонъ, но, если онѣ закрыты или только пріоткрыты у одной изъ странъ, это не можетъ служить поводомъ для закрытія нашихъ дверей. Все же, лучше, если одна открыта, чѣмъ обѣ закрыты! Если, напримѣръ, Европа обложитъ пошлинами американскіе продукты, она нанесетъ вредъ Соединеннымъ Штатамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она причинитъ вредъ и себѣ, и зло, которое мы можемъ сдѣлать своему сосѣду, нельзя разсматривать, какъ компенсацію за полученное нами отъ сосѣда зло.

Это правильно. Репрессаліи или, какъ говорятъ, rétorsions, нелѣпы, какъ средство, если онѣ имѣютъ своимъ назначеніемъ исцѣленіе отъ сдѣланнаго намъ зла, но ихъ можно оправдать, какъ военную мѣру, когда ихъ цѣлью является заставить противника измѣнить свои пріемы борьбы. Такъ или иначе, а торговый договоръ какъ разъ и преслѣдуетъ цѣль избѣгать этихъ rétorsions и военныхъ тарифовъ.

2) Путемъ сбереженія завоеваннаго положенія такихъ отраслей промышленности, разореніе коихъ вызвало бы въ странѣ слишкомъ большія пертурбаціи, или такихъ, поддержка коихъ является желательной какъ съ точки зрѣнія политической и соціальной, такъ равно и съ точки зрѣнія экономической. Если Франція, напримѣръ, признаетъ, что торговое мореходство должно быть поддержано, во что бы то ни стало, изъ соображеній національной защиты, а виноградарство въ силу затраченныхъ въ него колоссальныхъ капиталовъ и громадныхъ суммъ, выдаваемыхъ имъ въ формѣ заработной платы рабочимъ, то режимъ торговыхъ договоровъ, можетъ быть, дастъ возможность осуществить это.

не оправдывается на опытѣ, ибо послѣдній показываетъ, что разъ установленный въ странѣ протекціонизмъ никогда не имѣетъ склонности къ самоуничтоженію или самоограниченію, а, наоборотъ, все больше стремится къ развитію.

3) Путемъ допущенія дифференцированія пошлинъ, сообразуясь съ особенностями положенія каждой отдѣльной страны и отдѣльной отрасли промышленности, которымъ болѣе или менѣе угрожаетъ конкурренція, тогда какъ общій таможенный тарифъ по необходимости однообразенъ и не можетъ установить различныхъ пошлинъ, сообразуясь съ каждой страной, или это, во всякомъ случаѣ, было бы военной мѣрой.

Правда, эта дифференціація пошлинъ часто оказывается анулированной оговоркой относительно права наиболѣе благопріятствуемой страны, о которой мы только что говорили; впрочемъ, не необходимо, ибо эта оговорка распространяется только на однородные продукты, между тѣмъ, какъ при дифференціаціи можно такъ опредѣлить благопріятствуемый продуктъ, что право благопріятствованія не можетъ быть распространено на другіе продукты; напримѣръ, право благопріятствованія, которымъ пользуются шампанскія вина, не будетъ распространено на пѣнящіяся вина вообще. Это называется спеціализаціей, и Германія часто прибѣгала къ ней, чтобы обойти оговорку франкфуртскаго договора, такъ что Франція угрожаетъ теперь поступать такъ же, какъ Германія.

4) Противясь актамъ искусственной конкурренціи, съ помощью которыхъ иностранцы стараются распространить у насъ нѣкоторые продукты, когда, напримѣръ, государственная казна выдаетъ преміи за вывозъ, какъ это недавно было для сахара, или когда трёсты продаютъ свои продукты по цѣнѣ ниже той, по которой они продаютъ ихъ своимъ соотечественникамъ, — это называется dumping.

Въ чемъ же тутъ зло?—спросятъ. Благодаря преміямъ, которыя государства выдавали своимъ сахарозаводчикамъ, Англія имѣла сахаръ почти даромъ. Прекрасная находка! — Да, прекрасно, ибо Англія отказалась отъ производства сахара, но плохо то, что индустрія данной страны стоитъ, такимъ образомъ, въ зависимости отъ доброй воли иностранныхъ властей и ждетъ отъ ихъ рѣшенія гибели или спасенія. Когда государство—правильно или нѣтъ—признаетъ, что необходимо покровительствовать той или другой индустріи, оно не можетъ допустить, чтобы это покровительство было сведено къ нулю иностранцами путемъ искусственнаго пониженія цѣны конкуррирующихъ продуктовъ, назначеніе которыхъ вламываться въ запертую дверь.

Таковы выгоды режима торговыхъ договоровъ. Къ сожалѣнію, Франція проводитъ не особенно благопріятную для него политику, ибо, съ изданіемъ таможеннаго закона 1892 г., правительство можетъ заключать только торговыя соглашенія, которыя могутъ быть во всякій моментъ отмѣнены, какъ только правительство сочтетъ за благо измѣнить таможенный законъ [16]), и оно можетъ дѣлать уступки только въ предѣлахъ, поставленныхъ двойнымъ—максимальнымъ и минимальнымъ—тарифомъ. Эта политика, внушенная ненавистью аграріевъ ко всякому торговому договору, есть одна изъ причинъ, отодвинувшихъ международную торговлю Франціи назадъ по сравненію съ торговлей ея соперницъ. Но если Англія, въ концѣ концовъ, соорганизуетъ всю свою огромную имперію въ одинъ таможенный союзъ, если Соединеннымъ Штатамъ, въ свою очередь, удастся, послѣ многочисленныхъ попытокъ на разныхъ панамериканскихъ конгрессахъ, образовать таможенный союзъ, обнимающій всѣ американскія республики, то предъ лицомъ этихъ двухъ Zollverein'овъ, изъ которыхъ каждый охватываетъ одну треть міра, придется, конечно, создать третій торговый союзъ, обнимающій всѣ государства европейскаго континента.

ГЛАВА VII.

Кредитъ.

I.

Какимъ образомъ кредитъ бываетъ лишь расширеніемъ обмѣна.

Кредитъ есть лишь расширеніе обмѣна, но обмѣна, совершающагося во времени, а не въ пространствѣ; иначе можно опредѣлить его, какъ обмѣнъ существующаго богатства на богатство, которое возникнетъ въ будущемъ.

Напримѣръ, я продаю вамъ шерсть. Но у васъ нечѣмъ платить за нее, иначе говоря, у васъ нѣтъ на рукахъ богатства, ко-

16) Это оно сдѣлало въ 1910 г. путемъ пересмотра всѣхъ тарифовъ.—См. о таможенномъ законодательствѣ Франціи мой „Курсъ политической экономіи“ стр. 377—390.

торое вы могли бы дать мнѣ въ обмѣнъ на богатство, которое я доставляю вамъ. Ну, такъ что же! Вы дадите мнѣ въ обмѣнъ будущее богатство, которое вы предполагаете создать изъ моей шерсти, т. е. цѣнность, эквивалентную цѣнности сукна, которое будетъ изготовлено.

Здѣсь явленіе обмѣна представляется очевиднымъ, это — продажа. Единственное отличіе отъ обыкновенной продажи то, что она совершена съ платежомъ на срокъ, а не на наличныя. Но это отличіе, кажущееся незначительнымъ, ведетъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Ввести въ договорную область элементъ будущаго—дѣло нешуточное.

Вотъ еще другой видъ кредита, при которомъ не такъ легко различить актъ обмѣна, хотя онъ существуетъ при этомъ въ скрытомъ видѣ. Вмѣсто того, чтобы продать вамъ хлѣбъ, я его ссужаю вамъ, а вы возвратите его мнѣ при будущемъ урожаѣ. Конечно, вы вернете мнѣ не тотъ же самый хлѣбъ, ибо онъ пойдетъ на обсѣмененіе вашего поля, а другой, отъ вашей жатвы. Римскіе юристы очень хорошо говорили, что при ссудѣ вещь передается въ полную собственность — поэтому они и называли ее mutuum (meum tuum) — и что то же самое происходитъ при возвратѣ вещи, подобной данной въ ссуду. Если, вмѣсто хлѣба, мы возьмемъ деньги, которыя нынѣ составляютъ обыкновенный объектъ ссуды, то и въ такомъ случаѣ будетъ не менѣе очевидна наличность обмѣна настоящаго богатства на будущее [1]).

Эти двѣ операціи—продажа въ кредитъ и ссуда—составляютъ двѣ существенныя формы кредита.

Итакъ, существенныя свойства кредита суть потребленіе ссуженной или проданной вещи и ожиданіе новой вещи, предназначенной замѣнить ее. Ибо, тогда, какъ при отдачѣ въ наемъ дома или земли заимодавецъ знаетъ, что они будутъ ему возвращены, и онъ не теряетъ ихъ изъ виду за все время пользованія ими заемщикомъ,—то лицо, которое ссужаетъ вещь, предназначенную къ потребленію, напротивъ, знаетъ, что онъ безвозвратно лишится ея, знаетъ, что она будетъ уничтожена, ибо

[1]) Если дѣло касается ссуды извѣстнаго предмета, который заемщикъ обязуется возвратить въ томъ видѣ, въ какомъ онъ беретъ его, напримѣръ, ссуда дома или земли (что называется договоромъ аренды или найма), ссуда лошади или книги,— въ такомъ случаѣ данное нами опредѣленіе непримѣнимо: тутъ не обмѣнъ, а наемъ, но также нѣтъ и кредита въ собственномъ смыслѣ этого слова.

таково ея назначеніе. Ссуженное зерно должно будетъ пройти подъ жерновомъ, чтобы превратиться въ муку, или попасть на борозду, чтобы дать новую жатву. Мѣшокъ занятыхъ экю, какое бы употребленіе ни было сдѣлано изъ нихъ, долженъ быть опорожненъ до послѣдней монеты и ожидать новыхъ денегъ, которыя заемщикъ надѣется пріобрѣсти въ будущемъ.

Но при этомъ создается по-истинѣ опасное положеніе какъ для лица занимающаго, такъ равно и для лица ссужающаго, ибо вотъ что отсюда можетъ получиться:

1) Что касается заимодавца, онъ подвергается значительному риску. Онъ, правда, разсчитываетъ на полученіе эквивалентнаго богатства, которое замѣнитъ то, что́ онъ ссудилъ, но вѣдь оно еще не существуетъ; оно еще должно быть только произведено въ будущемъ, а все то, что наступитъ въ будущемъ, уже въ силу этого одного, ненадежно. Законодатели всячески изощрялись надъ изобрѣтеніемъ средствъ обезпеченія заимодавца отъ всякой опасности, и придуманныя ими съ этой цѣлью средства обезпеченія (поручительство, круговая порука, ипотека и т. д.) составляютъ одинъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ гражданскаго законодательства. Тѣмъ не менѣе, все-таки, нужно со стороны заимодавца нѣкоторое довѣріе; поэтому-то этой особой формѣ ссуды и придано названіе „кредита“, которое по своему этимологическому происхожденію уже предполагаетъ актъ довѣрія (creditum, credere — вѣрить). И онъ призванъ постепенно оправдывать свой прекрасный титулъ, ибо личный кредитъ, какъ мы увидимъ, стремится все болѣе и болѣе замѣщать кредитъ реальный, — въ формѣ ли текущихъ счетовъ банка или въ формѣ обществъ взаимнаго кредита. Правда, могутъ сказать, что это возвратъ къ прошлому, къ античному времени Рима, когда залогомъ для кредитора служила личность должника, но разница между тогдашней и нынѣшней формами обезпеченія—громадная, ибо тогда залогомъ служило тѣло должника, который могъ быть заключенъ въ тюрьму, битъ, можетъ быть, даже разрубленъ на куски (in partes secanto, говорилъ законъ XII таблицъ), между тѣмъ, какъ нынѣ въ торговлѣ или въ кредитныхъ кооперативахъ залогомъ для личнаго кредита служитъ честность должника, не физическая, а моральная личность его.

2) Что касается заемщика, то онъ не обязанъ, какъ арендаторъ или наниматель, сохранять ссуженную ему вещь и поддерживать

ее въ хорошемъ состояніи, чтобы возвратить ее къ назначенному сроку. Ему придется, по использованіи, т. е. по истребленіи ея, поработать надъ изготовленіемъ другой вещи равной цѣнности для удовлетворенія заимодавца въ день срока. Заемщику, слѣдовательно, приходится приложить стараніе употребить это богатство производительнымъ образомъ. Если же съ нимъ случится такая бѣда, что онъ потребитъ его непроизводительно, напримѣръ, на свои личные расходы, или же, просто, по той или иной причинѣ, заемщику не удастся произвести богатство, по крайней мѣрѣ, эквивалентное ссуженному ему богатству, то ему грозитъ разореніе. И, дѣйствительно, исторія всѣхъ странъ и эпохъ даетъ истинный мартирологъ заемщиковъ, разорившихся, благодаря кредиту.

Поэтому опирающееся на кредитъ производство несравненно опаснѣе всѣхъ тѣхъ способовъ, на которые мы указывали до сего времени, и оказывать услуги кредитъ можетъ только въ обществахъ, ушедшихъ далеко впередъ по пути экономическаго развитія [2]).

II.

Историческій очеркъ кредита.

Изъ всѣхъ видовъ соціальной организаціи, кредитъ—самаго недавняго происхожденія. Его функція, дѣйствительно, слишкомъ сложна, чтобы онъ могъ зародиться въ первобытныхъ обществахъ, ибо эта функція предполагаетъ предварительное накопленіе капиталовъ въ денежной формѣ.

Однако, могутъ сказать, что ссуда (если не продажа на срокъ) занимала огромное мѣсто уже въ древности и въ средніе вѣка. Это вѣрно, но только какъ форма вспомоществованія между людьми одной и той же семьи, одного и того же класса, или какъ форма эксплоатаціи между чужестранцами или людьми различныхъ классовъ [3]), и только рѣдко какъ форма производства. Отсюда

---

[2]) Объ организаціи различныхъ формъ кредита, земельнаго, сельско-хозяйственнаго, народнаго, государственнаго,—см. мой „Курсъ".

[3]) „Ты можешь ссужать подъ проценты чужестранцу, а не твоему брату" (Второзаконіе, XXIII, 20).

то нерасположеніе, которымъ такъ справедливо надѣлялась эта форма договора, тѣ волненія, которыя такъ часто были связаны съ вопросами о долгахъ и то сложеніе долговъ, котораго такъ часто требовали и на которое иногда соглашались демократическія правительства. Канонисты среднихъ вѣковъ, стремившіеся различать договоръ ссуды, носившій производительный характеръ (въ такомъ случаѣ процентъ считался законнымъ), отъ носившаго непроизводительный характеръ (въ такомъ случаѣ они осуждали процентъ, какъ ростовщическій), разсуждали не столь ошибочно, какъ это говорили, и ихъ старанія вполнѣ отвѣчали нуждамъ ихъ времени.

Кредитъ, какъ форма производства, возникъ только тогда, когда будущія, еще несуществующія богатства, составляющія его истинный объектъ, были нѣкоторымъ образомъ реализованы и пущены въ торговый оборотъ въ формѣ способныхъ къ обращенію документовъ. При этомъ совершилась по-истинѣ цѣлая экономическая революція, начало которой можно отнести къ XIII вѣку.

Вначалѣ обязательство не считается богатствомъ, ибо оно относится не къ матеріальному предмету, не къ какому-нибудь богатству, а выражаетъ чисто личную связь кредитора съ должникомъ. По энергичному выраженію глоссаторовъ, обязательство приростаетъ къ тѣлу должника, ossibus hoeret, и если должникъ не возвращаетъ долга, то кредиторъ не можетъ получить удовлетвореніе изъ его имущества, ибо не было предмета, подлежавшаго аресту, кромѣ тѣла самого должника. Вотъ почему кредиторъ могъ, какъ это мы сейчасъ упоминали, заключить должника въ тюрьму и даже разрубить на куски. При такихъ условіяхъ идея о переходящихъ обязательствахъ, т. е. о возможности передать такую власть надъ личностью должника въ руки любого другого лица, не могла и зародиться въ головѣ.

Но очень скоро—и этотъ шагъ впередъ сдѣлали римскіе юристы—на обязательства начали смотрѣть, какъ на богатство (bona), и даже удалось сдѣлать ихъ переходящими съ помощью остроумныхъ изворотовъ (novatio и litis contestatio [4]).

Однако, такая передача все же была труднѣе, чѣмъ передача матеріальныхъ благъ, и нынѣ еще, по нашему гражданскому ко-

---

[4]) См. Поль Жидъ, La Novation.

дексу, передача обязательствъ требуетъ довольно сложныхъ формальностей, а именно—оповѣщенія должника.

Но торговое право, которое, какъ уже часто замѣчали, всегда опережаетъ гражданское и шествуетъ впереди, какъ развѣдчикъ, уже въ средніе вѣка осуществило двойное и удивительное изобрѣтеніе, состоящее въ томъ, что право по обязательству представляется въ письменной формѣ, на письмѣ (вексель переводный или личный).

Венеціанскій купецъ, вмѣсто того, чтобы посылать 1000 дукатовъ въ Амстердамъ, передалъ ихъ своему венеціанскому же сотоварищу, имѣющему сношенія съ Амстердамомъ, а послѣдній выдалъ ему письменный приказъ на имя своего корреспондента въ Амстердамѣ уплатить 1000 дукатовъ тому, кто представитъ ему этотъ приказъ. Такимъ образомъ, венеціанскій купецъ, вмѣсто денегъ, послалъ письменный приказъ.—Но вначалѣ такой письменный приказъ могъ быть утилизированъ только тѣмъ лицомъ, на имя кого онъ былъ выданъ. Только позже, въ XV ст., придумали сдѣлать его способнымъ къ обращенію посредствомъ простой надписи на оборотѣ векселя, бланковой надписи [5]).

---

[5]) Двѣ главныя формы кредитныхъ бумагъ суть слѣдующія:

1) Переводный вексель. Павелъ, продавшій Петру, пишетъ такъ: „Монпелье, 1 января 1908 г. — Черезъ девяносто дней отъ вышеписаннаго числа уплатите Жаку, или его приказу, тысячу франковъ, которые я товаромъ получилъ". Внизу прибавка: „Господину Петру въ Парижѣ", подпись: „Павелъ", и вексель передается Жаку. А когда Жакъ захочетъ его передать, онъ напишетъ на оборотѣ: „Уплатите приказу Вильгельма", подпись: „Жакъ". И т. д.

2) Личный вексель. Петръ купилъ и пишетъ такъ: „Чрезъ девяносто дней отъ нижеписаннаго числа я уплачу Павлу, или кому онъ прикажетъ, тысячу франковъ, которые я товаромъ получилъ.—1 января 1908 г.—Подпись: „Петръ".

Личный вексель есть, слѣдовательно, простое обѣщаніе уплатить, даваемое должникомъ своему кредитору. Переводный вексель—болѣе сложный документъ: это—приказъ уплатить, съ которымъ кредиторъ обращается къ своему должнику—кому уплатить?—не кредитору, а третьему лицу. Благодаря такой своей формѣ, переводный вексель употребляется спеціально для урегулированія операцій на разстояніи, между отдѣльными мѣстностями или странами.

Для должника-торговца неплатежъ по векселю, допущеніе его до протеста—весьма серьезная вещь: онъ можетъ быть объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Если лицо, на которое выданъ вексель, неплатежеспособно, то по векселю отвѣтственнымъ является векселедатель. За неплатежеспособностью послѣдняго отвѣтственными являются одинъ или нѣсколько бланконадписателей, чрезъ руки которыхъ прошелъ вексель. Такимъ образомъ, у кредитора полная гарантія платежа.

Надпись на оборотѣ уже представляетъ удивительное упрощеніе, но она все же составляетъ формальность, хотя и очень важную, такъ какъ влечетъ за собою солидарную отвѣтственность всѣхъ подписавшихся. Былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ, уничтожающій надпись на оборотѣ и создающій такіе долговые документы, которые могутъ переходить изъ рукъ въ руки, какъ деньги (кредитныя бумаги и чеки на предъявителя).

На этотъ разъ достигнутъ крайній предѣлъ. И отнынѣ чудовищныя массы богатствъ—не фиктивныхъ, а имѣющихъ появиться въ будущемъ,—что̀ не одно и то же—присоединятся къ массѣ существующихъ богатствъ и будутъ обращаться въ формѣ кредитныхъ бумагъ или бумагъ на предъявителя. Эти кредитныя бумаги составляютъ предметъ колоссальной торговли, о которой раньше нельзя было имѣть никакого представленія, и купцы, избравшіе своей спеціальностью такую торговлю, называются банкирами.

Но какая же великая польза—можетъ быть, спросятъ — получится отъ того, что обязательства будутъ представляться въ видѣ кредитныхъ бумагъ?

А вотъ какая: если для заемщика при ссудѣ или для покупателя въ кредитъ очень выгодно имѣть нѣкоторое время въ своемъ распоряженіи капиталъ, то для заимодавца, наоборотъ, очень невыгодно обходиться въ то же время безъ капитала. Фабриканту каждый день приходится дѣлать покупки и платить рабочимъ. Онъ можетъ вести свое дѣло только при условіи, если онъ ежедневно будетъ выручать отъ продажи своихъ товаровъ нужный ему капиталъ. Но если онъ продаетъ свои товары въ кредитъ, т. е. не получая за нихъ при продажѣ денегъ, то какъ будто бы ему нельзя и продолжать своего дѣла.

Какъ же быть? Нельзя же какъ будто сдѣлать такъ, чтобы одинъ и тотъ же капиталъ находился одновременно въ распоряженіи двухъ различныхъ лицъ, т. е. заимодавца и заемщика?

Въ томъ-то и дѣло, что возможно! Кредитная бумага и разрѣшаетъ эту, на первый взглядъ неразрѣшимую, задачу.

Въ обмѣнъ на уступаемый капиталъ заимодавецъ или продавецъ въ кредитъ получаетъ цѣнную бумагу, т. е. документъ той или иной формы, напримѣръ, личный или переводный вексель и т. д., а этотъ документъ представляетъ цѣнность, которая, какъ всякая другая цѣнность, можетъ быть продана. Если же заимода-

вещъ захочетъ вступить въ обладаніе своими капиталами, то нѣтъ ничего проще сдѣлать это: достаточно для этого продать свою цѣнную бумагу [6]).

III.

Какимъ образомъ кредитъ позволяетъ уничтожить платежъ деньгами.

Что кредитъ позволяетъ отсрочить платежъ, это—очевидно и вытекаетъ изъ самаго опредѣленія кредита. Но, чтобы онъ позволялъ уничтожить платежъ, это представляется не особенно ясно, ибо, рано или поздно, когда наступитъ срокъ, все же придется платить [7])? Нѣтъ, не придется,—это вовсе необязательно!

И вотъ, какъ это дѣлается. Въ первую голову замѣняютъ, какъ мы только что видѣли это, продажу на наличныя, т. е. обмѣнъ товара на звонкую монету—продажей на срокъ или въ кредитъ, т. е. обмѣномъ товара на обязательство. Въ самомъ дѣлѣ, продажа въ кредитъ не что иное, какъ то, что я отдаю вамъ свой товаръ и получаю въ обмѣнъ обѣщаніе платежа, выраженное въ личномъ или переводномъ векселѣ.

Вмѣсто того, чтобы уплатить А деньгами, я даю ему вексель на X; А, вмѣсто того, чтобы платить В, отдаетъ ему вексель, а В пользуется имъ, чтобы уплатить С и т. д. вплоть, напримѣръ, до Z. Если предположить, что я уплачу Z деньгами, то этого од-

---

[6]) Леонъ Сэ говоритъ въ предисловіи къ „Теоріи векселей“ Гошена:

„Это абсолютное воплощеніе собственности въ цѣнной бумагѣ устранило всѣ трудности, связывавшія обмѣнъ и передачу правъ. Нынѣ въ письмѣ посылаютъ изъ Франціи въ Англію, изъ Англіи въ Канаду, изъ Голландіи въ Индію, и обратно, заводы, фабрики, желѣзныя дороги, словомъ, все, чѣмъ можно обладать. Вещь остается неподвижной, а ея символъ безпрестанно переносится изъ одного мѣста въ другое,—какъ зеркало, посылающее свое отраженіе въ безконечность. Зеркало наклоняется, и отраженіе несется выше, ниже, направо, налѣво. Вещь остается на мѣстѣ, а пользуются ею вездѣ. У кого ея отраженіе, тотъ и владѣетъ ею“.

Но слѣдовало бы прибавить, что если отраженіе равноцѣнно вещи, то только потому, что оно имѣетъ признанную закономъ цѣнность.

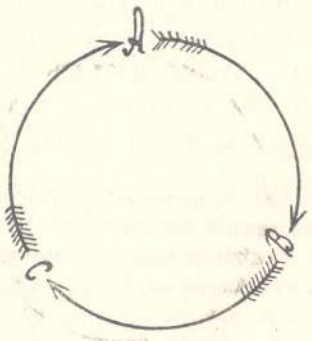
[7]) Мы уже видѣли, какъ можно обходиться безъ денегъ, съ помощью чека; но платить чекомъ—все же платить, тѣмъ болѣе, что чекъ всегда предполагаетъ, какъ мы уже знаемъ, наличность извѣстнаго запаса, иначе говоря, соотвѣтствующей суммы денегъ, тогда какъ здѣсь мы ищемъ средство уничтожить деньги.

ного платежа будетъ достаточно, для ликвидаціи 10, 20 или 100 сдѣлокъ обмѣна; но можетъ случиться и такъ, что Z состоитъ почему-либо моимъ должникомъ; въ такомъ случаѣ даже и этого единственнаго платежа не будетъ! Цѣлый рядъ сдѣлокъ обмѣна обходится безъ посредства денегъ.

Крайняя сложность соціальныхъ отношеній и тотъ фактъ, что каждый изъ насъ или, по крайней мѣрѣ, каждый производитель поочередно бываетъ то покупателемъ, то продавцомъ, значительно упрощаютъ пользованіе этими различными формами погашенія обязательствъ.

Предположимъ, напримѣръ, что я адвокатъ, и одинъ изъ моихъ кліентовъ, виноторговецъ, долженъ мнѣ извѣстную сумму денегъ Онъ выдаетъ мнѣ, вмѣсто денегъ, вексель. Когда я захочу уплатить долгъ моему книгопродавцу, я отдамъ ему въ платежъ этотъ вексель. Если же случайно окажется, что книгопродавецъ беретъ вино у этого виноторговца, то ему останется въ свою очередь передать вексель виноторговцу.

Возьмемъ три страны, или трехъ лицъ, и назовемъ ихъ A, B, C. Предположимъ, что A—кредиторъ B, который является кредиторомъ C на ту же сумму, а C въ свою очередь — кредиторъ A, каковое положеніе мы и изображаемъ слѣдующей діаграммой:

Не очевидно ли, что, вмѣсто того, чтобы заставлять сумму денегъ, которую каждый изъ трехъ должниковъ долженъ каждому изъ трехъ кредиторовъ, описывать полный кругъ, проще произвести погашеніе долга, не затративъ ни одного су?

Но,—можетъ-быть, скажутъ,— развѣ не очевидно, что C нарочито сдѣланъ кредиторомъ A и поставленъ въ опредѣленномъ пунктѣ, чтобы замкнуть кругъ?—Конечно, очевидно, но если не C креди-

торъ A, то, можетъ быть, будетъ таковымъ D, E, F, G и т. д., до тѣхъ поръ, пока, въ концѣ концовъ, не встрѣтимъ какое-нибудь лицо, которое окажется въ свою очередь кредиторомъ A, и тогда задача будетъ рѣшена. Чѣмъ больше лицъ войдетъ въ цѣпь этого отношенія, тѣмъ, очевидно, будетъ больше шансовъ на то, что кругъ замкнется.

Прежде всего, въ международной торговлѣ, въ обмѣнѣ между отдѣльными странами научились прибѣгать къ кредиту для того, чтобы обходиться безъ денегъ. Трудности по перевозкѣ на большія разстоянія огромныхъ суммъ звонкой монеты внушили, по всей вѣроятности, ломбардамъ мысль о переводномъ векселѣ. Посмотримъ, какъ поступаютъ на практикѣ, чтобы достигнуть такого результата. Предположимъ, что французскіе торговцы продали Англіи вина на 10милліоновъ франковъ, продали въ кредитъ, т. е., вмѣсто денегъ, получили на 10 милліоновъ франковъ переводныхъ векселей на своихъ англійскихъ должниковъ. Предположимъ также, что компанія англійскихъ горнопромышленниковъ, съ своей стороны, продала французскимъ фабрикантамъ каменнаго угля на 10 милліоновъ франковъ и получила соотвѣтствующую цѣнность переводными векселями на Францію. Когда французскимъ фабрикантамъ придется платить за уголь, развѣ они пошлютъ эти 10 милліоновъ франковъ деньгами? Нѣтъ, они этого не сдѣлаютъ. Они предложатъ продавцамъ вина уступить имъ на 10 милліоновъ векселей на Англію (имъ не трудно будетъ достать эти векселя, ибо, какъ мы увидимъ, существуютъ люди, называемые банкирами, дѣятельность которыхъ сводится къ сдѣлкамъ по переводнымъ векселямъ, иначе говоря, къ пріобрѣтенію бумагъ на заграницу и переуступку ихъ тѣмъ, кто нуждается въ нихъ) и перешлютъ своимъ кредиторамъ - горнопромышленникамъ, вмѣсто 10 милліоновъ деньгами, соотвѣтствующую цѣнность въ цѣнныхъ бумагахъ, прибавивъ: „Получите платежъ съ вашихъ согражданъ“. Такимъ же образомъ поступятъ и эти послѣдніе, чѣмъ и будетъ устранена нелѣпость пересылки денегъ чрезъ Ла-Маншъ въ обоихъ направленіяхъ.

Правда, нашъ примѣръ предполагаетъ двѣ взаимозадолженныя страны на одинаковую сумму, — предположеніе маловѣроятное. Но если не прямо, то обходнымъ путемъ, въ концѣ концовъ, все-таки, приходятъ къ тому же результату. Предположимъ, что Франція купила у Китая чаю на 10 милліоновъ франковъ и ничего не про-

дала ему. Компенсація какъ будто невозможна, такъ какъ у Франціи нѣтъ долговыхъ обязательствъ на Китай. Не придется ли въ такомъ случаѣ Франціи расплачиваться деньгами? Можетъ быть, это и необязательно. Хотя мы, французы, ничего не продали Китаю, зато есть много другихъ странъ на свѣтѣ, которыя ему продали и состоятъ, слѣдовательно, его кредиторами. Намъ остается только купить на міровомъ рынкѣ—на томъ рынкѣ, гдѣ купцы называются банкирами, и гдѣ товарами бываютъ бумаги — векселя на Китай, цѣнныя бумаги на Шанхай или Гонгъ-Конгъ. — Но, возразятъ, хотя бы и такимъ образомъ, все-таки, не придется ли Франціи давать денегъ на 10 милліоновъ фр., чтобы имѣть векселя на Китай?—И въ этомъ нѣтъ необходимости, ибо она въ обмѣнъ на китайскіе векселя можетъ дать векселя любой страны. Напримѣръ, покупая въ Лондонѣ векселя на Китай, она уплатитъ за нихъ собственными векселями на Англію. Такимъ образомъ, купленный Франціей у Китая чай можно будетъ, не раскрывая кошелька, оплатить проданнымъ Франціей Англіи виномъ.

Безъ этихъ остроумныхъ комбинацій была бы безусловно неосуществимой международная торговля, ибо, при ежегодномъ ввозѣ на 5—6 милліардовъ франковъ, гдѣ бы Франція брала такую огромную массу денегъ? Въ ея распоряженіи почти не бываетъ такой суммы. Фактически, какъ мы говорили въ предыдущей главѣ, изъ страны въ страну путешествуетъ незначительное количество денегъ, самое большее $^1/_{10}$ цѣнности обмѣниваемыхъ товаровъ.

IV.

Можетъ ли кредитъ создавать капиталы?

Въ современныхъ обществахъ кредитъ пріобрѣлъ такое значеніе, что появляется склонность приписывать ему какія-то сверхестественныя свойства. Когда на каждомъ шагу слышатся разговоры объ огромныхъ состояніяхъ, пріобрѣтенныхъ съ помощью кредита, приводятся факты, свидѣтельствующіе о томъ, что самыя обширныя предпріятія современной индустріи основой своей имѣютъ кредитъ, какъ-то невольно убѣждаешься въ томъ, что кредитъ—агентъ производства, который можетъ такъ же, какъ и земля или трудъ, создавать богатство.

Но тутъ кроется чистѣйшее заблужденіе. Кредитъ не агентъ производства, онъ только особый способъ производства, какъ обмѣнъ или раздѣленіе труда, что далеко не одно и то же. Кредитъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ передачѣ богатства, капитала изъ рукъ въ руки, но передавать не значитъ еще создавать. Кредитъ не создаетъ капиталовъ точно такъ же, какъ обмѣнъ не создаетъ товаровъ. „Кредитъ есть лишь—какъ удивительнымъ образомъ выражается Стюартъ Милль — позволеніе пользоваться чужимъ капиталомъ".

Такому заблужденію способствуетъ существованіе кредитныхъ бумагъ. Мы видѣли, что всякій отданный въ ссуду капиталъ замѣняется въ рукахъ заимодавца бумагой той же цѣнности. Отсюда какъ бы выходитъ, что ссуда обладаетъ чудесной силой — дѣлать два капитала изъ одного. Старый капиталъ въ 10.000 фр., который переданъ въ ваши руки, и новый капиталъ, который представленъ въ моихъ рукахъ цѣнной бумагой тоже въ 10.000 фр.,—развѣ это не два капитала?—Съ субъективной точки зрѣнія, эта бумага, дѣйствительно, капиталъ. Она—капиталъ для меня, а не для общества. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что эта бумага не можетъ быть продана, если не найдется другое лицо, которое захочетъ уступить мнѣ въ обмѣнъ на нее капиталъ, находящійся въ его распоряженіи въ формѣ денегъ или товаровъ. Кредитная бумага сама по себѣ не есть, слѣдовательно, капиталъ, но она даетъ мнѣ возможность достать другой капиталъ, вмѣсто того, который я уступилъ. Впрочемъ, очевидно, что какое бы употребленіе я ни хотѣлъ сдѣлать изъ имѣющейся у меня цѣнной бумаги,—на свои ли личные расходы или на производство — такъ или иначе, все же я смогу это сдѣлать, только вымѣнявъ бумагу на существующіе уже на рынкѣ предметы потребленія или орудія производства, ибо съ этими богатствами въ натурѣ я смогу производить или жить, а не съ клочками бумаги.

Если бы всякая кредитная бумага, т. е. если бы всякое обязательство составляло дѣйствительное богатство, то достаточно было бы каждому французу одолжить все свое состояніе своему сосѣду, чтобы разомъ удвоить богатство Франціи и поднять его съ 200 до 400 милліардовъ!

Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, сказать, что бумаги эти представляютъ будущія богатства? Совершенно вѣрно, но, именно,

потому, что это будущія богатства, ихъ не должно принимать въ разсчетъ. Ихъ можно будетъ принять въ разсчетъ съ того момента, когда они возникнутъ, а до тѣхъ поръ между настоящими и будущими богатствами всегда будетъ та существенная разница, что первыя существуютъ, тогда какъ вторыя не существуютъ. Люди не производятъ и не живутъ ожидаемыми богатствами. Вѣдь такъ, пожалуй, и при переписи народонаселенія можно сосчитать, какъ будущихъ членовъ общества, всѣхъ тѣхъ, кто родится въ теченіе ближайшихъ двадцати лѣтъ!

Но если кредитъ не можетъ быть названъ производительнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ не создаетъ капиталовъ, все-таки, онъ оказываетъ производству огромныя услуги, позволяя утилизировать, какъ можно лучше, существующіе капиталы [8]).

Если бы, въ самомъ дѣлѣ, капиталы не могли переходить отъ одного лица къ другому, и каждый человѣкъ былъ бы вынужденъ самъ давать производительное назначеніе своимъ капиталамъ, то огромная масса капиталовъ оставалась бы неиспользованной. Во всякомъ культурномъ обществѣ много найдется людей, которые не могутъ лично извлекать выгоду изъ своихъ капиталовъ, какъ, напримѣръ:

тѣ, у которыхъ слишкомъ много капиталовъ, ибо, какъ только состояніе переходитъ за извѣстную цифру, владѣльцу его становится уже трудно однѣми своими силами давать ему производительное назначеніе,—не говоря уже о томъ, что въ подобныхъ случаяхъ люди слишкомъ часто мало расположены затрачивать необходимыя для этого усилія;

тѣ, у которыхъ мало капиталовъ; ибо рабочіе, крестьяне, прислуга, которые сдѣлали кое-какія сбереженія, не могли бы сами дать этимъ крохотнымъ капиталамъ какое-нибудь производительное употребленіе, а, между тѣмъ. все эти ничтожныя су, собранныя вмѣстѣ. могутъ образовать милліарды;

тѣ, кто по своему возрасту, полу или профессіи не могутъ сами по себѣ употреблять свои капиталы въ промышленныхъ предпріятіяхъ: дѣти, женщины, лица, посвятившія себя ли-

[8]) Мы говоримъ здѣсь лишь о кредитѣ, который имѣетъ цѣлью облегченіе производства, ибо мы изучаемъ сейчасъ производство, но существуетъ также кредитъ, имѣющій цѣлью облегченіе потребленія. Но послѣдній не особенно рекомендуется.

беральнымъ профессіямъ, какъ-то: адвокаты, врачи, военные, духовные, чиновники и всякаго рода служащіе.

А, съ другой стороны, не мало на свѣтѣ предпринимателей, изобрѣтателей, земледѣльцевъ, даже рабочихъ, которые прекрасно сумѣли бы извлекать выгоду изъ капиталовъ, если бы у нихъ были таковые, но, къ сожалѣнію, у нихъ нѣтъ капиталовъ.

Поэтому, если, благодаря кредиту, капиталы могутъ переходить изъ рукъ тѣхъ людей, которые не могутъ или не хотятъ ничего съ ними дѣлать, въ руки тѣхъ, кто въ состояніи употребить ихъ производительно, то получится большая выгода для каждаго въ отдѣльности и для всей страны въ цѣломъ. Между тѣмъ, въ такой странѣ, какъ Франція, милліардами насчитываются капиталы, которые такимъ образомъ изъемлются изъ области безплоднаго копленія или непроизводительнаго потребленія, и оплодотворяются кредитомъ. Справедливо было сказано, что кредитъ обладаетъ свойствомъ переводить въ дѣятельное состояніе капиталы, находившіеся въ скрытомъ состояніи. Въ сущности, кредитъ играетъ по отношенію къ капиталамъ такую же роль, какъ обмѣнъ по отношенію къ богатствамъ. Мы уже видѣли, что обмѣнъ, перенося богатства отъ одного обладателя къ другому, не создаетъ ихъ, а служитъ для лучшаго использованія ихъ и также для лучшаго использованія производительнаго труда.

ГЛАВА VIII.

Банки.

I.

Функціи и эволюція банковъ.

Мы видѣли, что обмѣнъ товаровъ былъ бы почти невозможенъ безъ помощи извѣстныхъ посредниковъ, купцовъ. Точно также обращеніе капиталовъ было бы невозможно безъ помощи извѣстныхъ посредниковъ, называемыхъ банкирами.

Начиная со среднихъ вѣковъ, исторія банковъ тѣсно связана съ исторіей торговли, и появленіе каждаго крупнаго банка отмѣчаетъ новую эпоху въ развитіи торговли. Впервые банки возникли въ итальянскихъ республикахъ: въ Венеціи (1400 г.), въ Генуѣ

(1407 г.). Съ переходомъ господства въ торговыхъ отношеніяхъ къ Голландіи возникаетъ крупный и знаменитый Амстердамскій банкъ (1609 г.), а, вслѣдъ за нимъ, появляются банки въ Гамбургѣ и Роттердамѣ. Наконецъ, основаніе англійскаго банка въ 1694 г. свидѣтельствуетъ о томъ, что Англія скоро пріобрѣтетъ первенствующую роль во всемірной торговлѣ. Французскій банкъ появился гораздо позднѣе, только въ началѣ XIX ст. Однако, раньше, въ 1716 году, Ло основалъ банкъ, извѣстный, главнымъ образомъ, своимъ печальнымъ концомъ.

Первоначально банкиры попросту торговали деньгами, были, какъ говорятъ нынѣ, м ѣ н я л а м и. Въ XVII ст. въ Лондонѣ эту роль играли серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера. Но, тогда какъ нынѣ мѣнялы играютъ незначительную роль—развѣ только въ пограничныхъ городахъ или крупныхъ центрахъ, гдѣ иностранцы нуждаются въ размѣнѣ денегъ,—въ средніе вѣка, вслѣдствіе чудовищнаго множества разныхъ монетъ (каждый сеньоръ имѣлъ право чеканить монету), постоянныхъ поддѣлокъ ихъ, часто производившихся самими суверенами, на мѣняльныя лавки выпадала весьма важная роль: здѣсь каждый могъ найти доброкачественную монету, уплативъ ажіо.

Въ Голландіи, куда, вслѣдствіе ея крупныхъ торговыхъ сношеній, стекались деньги со всѣхъ концовъ свѣта, купцамъ было очень выгодно класть свои деньги въ Амстердамскій банкъ, который гарантировалъ имъ обратное полученіе во всякій моментъ такого же по вѣсу количества серебра, т. е. цѣнности, равной вложенной суммѣ. Разсчетъ производился на идеальную монету, которая называлась д е н ь г а м и б а н к а. Кредитъ на банкъ всегда представлялъ поэтому цѣнность на 8—10% выше такой же цѣнности, выраженной въ ходячей монетѣ (см. знаменитое изложеніе у Адама Смита, кн. IV, гл. 3, по этому предмету).

Банкиры—такіе же купцы, какъ и всѣ другіе. Только купцы оперируютъ съ товарами, а банкиры—съ капиталами, представленными въ кредитныхъ бумагахъ или звонкой монетѣ. Одни покупаютъ, чтобы перепродать, и получаютъ барышъ, покупая по болѣе низкой цѣнѣ и продавая по болѣе высокой. Другіе занимаютъ деньги, чтобы ссужать ихъ, и получаютъ барышъ, занимая по возможности дешевле и ссужая по возможности дороже. Вотъ, слѣдовательно, двѣ основныя банковскія операціи: заемъ и ссуда, и такъ какъ эти займы обыкновенно совершаются въ формѣ д е-

позитовъ, а ссуды—въ формѣ дисконта (учета), то такіе банки обыкновенно называютъ „депозитно-учетными банками".

Существуетъ, однако, еще третья операція, совершенно отличная отъ первыхъ двухъ, хотя по существу она тоже составляетъ видъ займа,—это выпускъ банковыхъ билетовъ. Но эта операція не является присущей всѣмъ банкамъ; чаще всего она составляетъ исключительную и привилегированную функцію особыхъ банковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „эмиссіонныхъ банковъ".

Кромѣ этихъ основныхъ операцій, существуетъ много другихъ.

Прежде всего, кромѣ дисконта, существуютъ другіе виды ссуды, какъ-то: текущій счетъ, являющійся чистой и простой ссудой, основанной на вѣрѣ въ честность заемщика; выдача подъ цѣнныя бумаги, являющаяся, напротивъ, чѣмъ-то вродѣ ссуды подъ обезпеченіе; непосредственное субсидированіе промышленныхъ предпріятій, — опасная операція, отъ которой обыкновенно воздерживаются французскіе банки, но которая практикуется въ широкомъ масштабѣ нѣмецкими; она, несомнѣнно, не мало содѣйствовала промышленному подъему этой страны [9]).

Существуетъ крупная операція по переводамъ, связанная съ обращеніемъ переводныхъ векселей на заграницу.

Существуетъ выпускъ движимыхъ цѣнностей, т. е. акцій и облигацій анонимныхъ обществъ и государственныхъ займовъ, которыя насчитываются ежегодно милліардами; банкиры принимаютъ на себя обязанность по выпуску и помѣщенію ихъ.

Въ банковскомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, раздѣленіе труда создаетъ спеціализацію. Нѣкоторые банки занимаются только кредитными операціями въ собственномъ смыслѣ, другіе—только финансовыми операціями, которыя называли раньше во Франціи (а нынѣ въ Германіи) совершенно непонятнымъ именемъ движимаго кредита. Это значитъ, что такіе банки занимаются снабженіемъ промышленныхъ предпріятій необходимыми имъ капиталами.

Законъ концентраціи сказывается въ банковомъ дѣлѣ не менѣе, чѣмъ въ товарной торговлѣ. Движеніе, приведшее къ организаціи крупныхъ магазиновъ, ведетъ, конечно, и къ организаціи круп-

---

[9]) Существуетъ также ссуда подъ недвижимость, практикуемая особыми, такъ называемыми, земельными банками. См. мой „Курсъ".

ныхъ банковъ. Это очень замѣтно во Франціи, гдѣ за послѣдніе тридцать лѣтъ возникло нѣсколько банковскихъ учрежденій въ формѣ акціонерныхъ обществъ — названія ихъ всѣмъ извѣстны: Crédit Lyonnais, Société Générale, Comptoir d'Escompte, — которыя разбросали по всей Франціи тысячи отдѣленій и открыли убійственную конкуренцію мѣстнымъ банкамъ, являющимся обыкновенно индивидуальными предпріятіями. То же явленіе обнаруживается и въ другихъ странахъ, особенно же, въ Германіи, гдѣ семь крупныхъ банковъ держатъ подъ своимъ контролемъ шестьдесятъ другихъ, служащихъ имъ „филіальными отдѣленіями", и, такимъ образомъ, собираютъ въ своихъ рукахъ акціонернаго капитала болѣе, чѣмъ на 2 милліарда франковъ.

Причины такой побѣдоносной конкуренціи крупныхъ банковъ приблизительно тѣ же, что указывались нами въ другихъ областяхъ: кредитъ и престижъ могущественнаго предпріятія, возможность пониженія цѣнъ (т. е. нормы дисконта), благодаря многочисленности операцій, подборъ способнаго персонала высшихъ служащихъ, благодаря крупнымъ окладамъ жалованія, которые наверстываются на окладахъ низшаго персонала, утѣшающагося надеждами на повышеніе, и т. д. Тѣмъ не менѣе, въ этой области, какъ и въ другихъ отрасляхъ производства, не слѣдуетъ обобщать и спѣшить съ выводомъ объ исчезновеніи мелкихъ или среднихъ банковъ. Послѣдніе сохраняютъ достаточно привлекательныхъ чертъ, чтобы удерживать у себя различныя категоріи капиталистовъ, а, главнымъ образомъ, рантье, которые нынѣ очень любятъ тряхнуть своей мошной; тутъ они находятъ болѣе основательные и безпристрастные совѣты относительно помѣщенія своихъ капиталовъ, а, можетъ быть, и болѣе надежное, потому что болѣе скромное, убѣжище отъ розысковъ фиска, которые мѣтятъ, главнымъ образомъ, въ крупныя кредитныя учрежденія, какъ представителей капитализма и того, что называется „финансовой олигархіей". Итакъ, повидимому, концентрація банковаго дѣла не направляется къ монополіи (за исключеніемъ эмиссіонныхъ операцій, о чемъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ), подобно тому, какъ не создаютъ монополіи крупные магазины,—ни даже къ образованію трёста или консорціума крупныхъ банковъ. Конкуренція между ними, кажется, довольно оживленная, чтобы гарантировать интересы публики.

II.

Депозиты.

Для обезпеченія своихъ операцій банкиръ долженъ, прежде всего, достать себѣ капиталы. Онъ можетъ, конечно, пользоваться своими собственными капиталами или болѣе значительными, соединенными капиталами компаніи, достигающими въ нашихъ крупныхъ кредитныхъ обществахъ сотенъ милліоновъ. Но если бы банкиръ совершалъ операціи только со своимъ личнымъ капиталомъ или даже съ капиталомъ общества, онъ получалъ бы незначительную прибыль, да и общество извлекало бы изъ его операцій мало выгодъ; мы сейчасъ увидимъ, почему. Необходимо, чтобы онъ совершалъ свою операцію съ деньгами публики и у нея занималъ бы ихъ[10]). Слова одной комедіи: „дѣла, это—деньги другихъ", казавшіяся убійственно-язвительными, являются по отношенію къ банкамъ выраженіемъ чистой экономической истины.

Но какъ же онъ займетъ ихъ? Онъ не станетъ дѣлать этого такъ, какъ дѣлаютъ государства, города или промышленныя общества, которыя занимаютъ на долгій срокъ (въ формѣ рентъ, облигацій, акцій) капиталы, владѣльцы которыхъ ищутъ для нихъ помѣщенія. Нѣтъ, такой видъ займа требуетъ слишкомъ высокаго процента, чтобы банкиръ могъ найти въ немъ выгоду для себя. Банкиръ спрашиваетъ у публики только тотъ оборотный, подвижной капиталъ, который находится въ видѣ звонкой монеты въ карманѣ у каждаго изъ насъ или въ ящикѣ нашего стола. Во всякой странѣ существуетъ въ такомъ видѣ значительный капиталъ, который нигдѣ еще не нашелъ себѣ приложенія, ничего пока не производитъ, а только ждетъ, когда наступитъ время его использованія. Банкиръ обращается къ публикѣ и говоритъ ей такъ: „Пока вы найдете приложеніе для вашего капитала, довѣрьте его мнѣ: я избавлю васъ отъ хлопотъ и безпокойства по храненію его, а какъ только онъ понадобится, я возвращу его по первому

---

[10]) Нѣкоторые крупные банки никогда даже не пользуются своими капиталами для операцій: они помѣщаютъ ихъ или подъ залогъ недвижимости, или подъ ренту, какъ резервъ или гарантію для ихъ кліентовъ. Такъ дѣло обстоитъ, напр., во французскомъ банкѣ. Что касается англійскаго банка, то почти весь его капиталъ состоитъ изъ кредитныхъ обязательствъ государства.

вашему требованію. Мало того: я буду платить небольшой процентъ, напримѣръ, 1—2%[11]). Это все же будетъ больше, чѣмъ то, что вы съ него получаете, ибо, находясь въ вашемъ карманѣ, онъ ничего не приноситъ вамъ. Наконецъ, я могу оказать вамъ еще третью услугу: буду вашимъ кассиромъ, буду получать ваши доходы, представлять къ уплатѣ ваши купоны, расплачиваться по вашему указанію съ вашими поставщиками, что будетъ для васъ очень удобно".

Тамъ, гдѣ публика считается съ такимъ обращеніемъ и понимаетъ выгоду отъ него, банкиры могутъ, такимъ образомъ, достать очень дешево значительный капиталъ, стягивая къ себѣ разсѣянныя повсюду въ обращеніи деньги (во Франціи[12]) больше, чѣмъ на 7 милліардовъ депозитовъ, а въ Англіи, гдѣ они больше въ ходу, болѣе, чѣмъ на 20 милліардовъ). Мы уже неоднократно упоминали, что въ Англіи у всѣхъ богатыхъ людей вошло въ обычай не держать у себя денегъ, а все сдавать своимъ банкирамъ. Когда этимъ людямъ приходится платить какому-нибудь поставщику или кредитору, они посылаютъ его за платежомъ къ своему банкиру съ приказомъ на особомъ бланкѣ, оторванномъ изъ книжечки и называемомъ чекомъ. И такой обычай стремится къ распространенію на всѣ страны.

Фонды, сохраняемые такимъ образомъ въ банкахъ и возвращаемые по первому требованію вкладчику, называются депозитами.

---

[11]) Онъ могъ бы даже вовсе ничего не давать. Нѣкоторые банки, какъ, напримѣръ, французскій и англійскій, дѣйствительно, ничего не даютъ, ибо они полагаютъ, что и безъ того они оказываютъ своимъ вкладчикамъ достаточную услугу, а что это такъ, доказываетъ то обстоятельство, что депозиты вносятся къ нимъ на огромныя суммы. Больше того: раньше депозитные банки, тѣ старые банки, названія которыхъ мы приводили, сами взимали съ вкладчиковъ плату за храненіе, ибо въ тѣ времена банки депозитныхъ суммъ не трогали и никакой прибыли изъ нихъ не извлекали.

Но нынѣ всѣ частные банки стараются найти депозитнымъ деньгамъ продуктивное приложеніе; поэтому большинство выдаетъ вкладчикамъ небольшой процентъ, чтобы такимъ образомъ привлечь къ себѣ возможно большее количество депозитовъ. Они выдаютъ еще немного большій процентъ, если вкладчикъ обязуется не брать обратно денегъ въ теченіе извѣстнаго времени, шести мѣсяцевъ, года, пяти лѣтъ.

[12]) Не включая сюда суммъ, вложенныхъ въ сберегательныя кассы, которыя не имѣютъ ничего общаго съ банками; такихъ суммъ наберется до 4½ милліардовъ.

III.

Дисконтъ.

Разъ банкъ занялъ капиталъ на выгодныхъ для себя условіяхъ, для него возникаетъ вопросъ о производительномъ помѣщеніи этого капитала и ссудѣ его публикѣ.

Но какъ ссудить капиталъ? Банкиръ не можетъ ссудить его на долгій срокъ, напримѣръ, подъ залогъ недвижимости или на финансированіе промышленнаго предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не долженъ забывать, что этотъ капиталъ у него только на вкладѣ, что его, можетъ быть, придется возвратить по первому требованію. Поэтому банкиръ долженъ употреблять капиталъ только на краткосрочныя операціи, которыя занимали бы его короткое время и, такъ сказать, оставляли бы его подъ рукой и на глазахъ банкира.

Можно ли найти такую ссудную операцію, которая удовлетворяла бы этимъ условіямъ?

Есть одна такая операція, прекрасно соотвѣтствующая имъ. Когда купцу, продавшему свой товаръ, по установившемуся торговому обычаю, въ кредитъ, понадобятся деньги раньше наступленія срока платежа, онъ обращается къ банкиру. Банкиръ выдаетъ ему сумму, которая приходится ему за проданный товаръ, за вычетомъ небольшой доли, составляющей его прибыль, и получаетъ отъ купца его вексель на покупателя. Банкиръ держитъ этотъ вексель у себя, а въ день срока предъявляетъ его должнику и, такимъ образомъ, получаетъ обратно капиталъ, который былъ выданъ имъ купцу.

Это—операція, называемая дисконтомъ. Она представляетъ, какъ мы сказали, одну изъ формъ ссуды: ясно, въ самомъ дѣлѣ, что банкиръ, который, взамѣнъ векселя на 1000 фр. срокомъ платежа чрезъ три мѣсяца, выдаетъ купцу 985 фр. и въ день срока получаетъ отъ должника 1000 фр., находится въ дѣйствительности въ положеніи заимодавца, ссудившаго свои деньги на 3 мѣсяца изъ 6% и даже немного больше. И эта ссуда всегда краткосрочна, ибо векселя, покупаемые банкиромъ, предстоятъ къ уплатѣ въ срокъ, не превышающій обыкновенно трехъ мѣсяцевъ, но это—максимальный срокъ, который, въ среднемъ, никогда не бываетъ въ распоряженіи банкира. У купцовъ не всегда бываетъ необходи-

мость продавать свои векселя на другой день по заключеніи сдѣлки; иногда они хранятъ ихъ нѣкоторое время у себя, а бываетъ даже и такъ, что имъ приходится продать векселя только наканунѣ срока платежа. Французскій банкъ не можетъ акцептировать векселя больше, чѣмъ на 90 дней отъ срока выдачи, но фактически срокъ, въ теченіе котораго векселя остаются въ его портфелѣ, колеблется между 21 и 25 днями. Итакъ, періодъ времени, на который банкиръ уступаетъ вложенныя ему деньги, очень непродолжителенъ, поскольку каждое экю должно вернуться въ его кассу чрезъ короткій срокъ.

Поэтому достаточно было бы оставить между предполагаемыми требованіями на возвратъ вкладовъ промежутокъ времени въ четыре недѣли, чтобы банкиръ всегда былъ въ состояніи удовлетворить имъ своими поступленіями; но почти невѣроятно, чтобы обратныя требованія на возвратъ вкладовъ поступали такъ часто, въ нормальное, по крайней мѣрѣ, время. Было бы, слѣдовательно, трудно найти какую-нибудь иную ссудную операцію, которая лучше согласовалась бы съ требованіями депозита.

Прибавьте еще то, что дисконтъ не только удобный видъ ссуды, но и чрезвычайно надежный, вслѣдствіе солидарной отвѣтственности всѣхъ подписавшихся. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, по векселю существуетъ не одинъ должникъ, векселедатель, какъ его называютъ, а, по крайней мѣрѣ, два, ибо за векселедателемъ отвѣтственнымъ является векселепринимателъ. А если вексель переходитъ къ третьему лицу, то и послѣднее становится отвѣтственнымъ въ случаѣ, если не послѣдуетъ платежъ отъ двухъ первыхъ. Словомъ, положеніе получается такое, какъ если бы должникъ имѣлъ столько поручительствъ, сколько было владѣльцевъ векселя, включая и того, кто выдалъ его. Итакъ, чѣмъ больше вексель обращается, тѣмъ больше подписей покрываетъ его,— иногда за недостаткомъ мѣста приходится наставлять новый клочокъ бумаги,—и тѣмъ лучше гарантируется цѣнность его. Французскій банкъ требуетъ три подписи, т.-е. кромѣ подписи векселедателя и векселепринимателя, еще требуется подпись бланконадписателя,—обыкновенно, банкъ же и играетъ роль бланконадписателя. Потери французскаго банка отъ неоплаченныхъ векселей достигаютъ въ средній годъ 5 милліоновъ франковъ на 13 милліардовъ фр. дисконта, т.-е. менѣе 4 сантимовъ на 100 франковъ!

Тѣмъ не менѣе, въ періоды кризиса банкиръ, очевидно, под-

вергается извѣстному риску. Если всѣ вкладчики нахлынутъ въ одинъ день съ обратнымъ требованіемъ своихъ денегъ, банкъ, конечно, не будетъ въ состояніи удовлетворить ихъ всѣхъ, ибо его деньги или, лучше, ихъ деньги разсѣяны по всему свѣту. Правда, деньги эти скоро поступятъ въ кассу, но все же между капиталами, занятыми банкомъ въ формѣ вклада, и ссудами, выданными въ формѣ учета, всегда существуетъ та разница, что первые могутъ быть отъ него потребованы обратно во всякое время, тогда какъ вторыя банкъ можетъ требовать только по истеченіи извѣстнаго времени, и разница эта въ данный моментъ можетъ оказаться достаточной для того, чтобы привести банкъ къ банкротству.

Но должна ли эта, въ дѣйствительности столь сомнительная, опасность удерживать банки пускать въ оборотъ складочные капиталы и принудить ихъ хранить эти вклады неприкосновенными, какъ подлинные депозиты, подобные вносившимся когда то въ старые банки Венеціи или Амстердама? Конечно, нѣтъ. Всѣ были бы въ большомъ проигрышѣ отъ такой строгости:

1) Прежде всего, сами же вкладчики,—ибо ясно, что, если бы банкъ долженъ былъ хранить ихъ деньги въ своихъ кладовыхъ, не пользуясь ими, онъ не только не сталъ бы платить за нихъ проценты, а, наоборотъ, долженъ былъ бы самъ требовать вознагражденія за расходы по храненію денегъ, какъ это дѣлали старые банки. Поэтому для вкладчиковъ лучше подвергнуться риску подождать нѣсколько дней обратнаго полученія вклада, чѣмъ быть обязаннымъ хранить у себя свои деньги непроизводительно или платить за ихъ храненіе.

2) Вся страна,—ибо соціальная функція банковъ состоитъ въ соединеніи капиталовъ, которые были непроизводительными въ видѣ разбросанныхъ повсюду денегъ, чтобы превратить ихъ въ активный и производительный капиталъ, но выполненіе этой функціи стало бы, очевидно, невозможнымъ съ того момента, когда банки были бы не въ состояніи пользоваться своими депозитами.

Поэтому банки не колеблются пользоваться довѣренными имъ суммами. Они стараются только всегда имѣть въ своей кассѣ извѣстный запасъ денегъ для удовлетворенія обратныхъ требованій вклада, которыя могли бы во всякій моментъ представиться.

A priori невозможно установить какое-нибудь отношеніе между величиной запаса денегъ въ кассѣ и суммой депозитовъ.

Банкъ долженъ имѣть въ своей кассѣ тѣмъ болѣе значительный запасъ, чѣмъ меньше его кредитъ, чѣмъ больше у него крупныхъ вкладовъ, а въ особенности, онъ долженъ усиливать свой денежный запасъ въ моментъ торговыхъ кризисовъ, при приближеніи выпуска ренты или облигацій, — словомъ, во всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, когда вкладчикамъ, по его соображеніямъ, понадобятся ихъ деньги.

Мы сказали, что учетъ (дисконтъ) не есть единственная форма, въ которой банки употребляютъ свои капиталы. Они ссужаютъ ихъ также:

1) Въ видѣ ссудъ подъ цѣнныя бумаги, т.-е. принимая въ залогъ движимыя цѣнности и заботясь о томъ, чтобы ссужаемая сумма была ниже дѣйствительной цѣнности этихъ бумагъ. Эти ссуды подъ цѣнныя бумаги составляютъ одну изъ самыхъ важныхъ операцій Французскаго банка.

2) Въ видѣ кредита, который банки открываютъ своимъ кліентамъ. Если кліенты банка имѣютъ въ немъ текущій счетъ, и банкъ выдаетъ имъ больше денегъ, чѣмъ имѣетъ отъ нихъ вкладовъ, то это, очевидно, равносильно выдачѣ ссуды. Но такъ какъ этотъ видъ ссуды безъ всякаго обезпеченія (à découvert—какъ говорятъ) представляется слишкомъ рискованнымъ, такъ какъ онъ требуетъ со стороны директора банка весьма точной освѣдомленности о состояніи каждаго кліента, то нѣкоторые банки отказываются отъ него. Уставъ Французскаго банка безусловно воспрещаетъ ему такую операцію.

IV.

Выпускъ банковыхъ билетовъ.

Въ интересахъ банкира, какъ и всякаго торговца, расширить, насколько возможно, свои операціи. Удваивая обороты, онъ удваиваетъ свои барыши. Но какъ же ему поступать, чтобы возможно больше развить свои операціи?

Если бы банкиръ могъ ex nihilo (изъ ничего) создавать капиталы въ денежной формѣ, такъ что ему не приходилось бы терпѣливо поджидать, пока публикѣ вздумается принести ихъ ему, это было бы, очевидно, несравненно выгоднѣе для него.

Но такъ какъ приходилось ждать нѣсколько столѣтій, пока публика привыкла носить свои деньги въ банкъ, то у банкировъ явилась геніальная мысль создать нужный имъ капиталъ путемъ выпуска простыхъ обѣщаній платежа, банковыхъ билетовъ, и опытъ доказалъ практичность этого способа [13]): онъ великолѣпно достигалъ цѣли.

Итакъ, въ обмѣнъ на представленные къ учету торговые векселя, банки, вмѣсто денегъ, выдаютъ вамъ свои билеты. Но,—можетъ кто-нибудь удивиться,—какъ публика соглашается на такую комбинацію? Вотъ купецъ, явившійся дисконтировать вексель на 1000 фр.; взамѣнъ онъ получаетъ попросту другую кредитную бумагу, а именно—банковый билетъ на 1000 франковъ. „Къ чему же мнѣ это? — могъ бы онъ сказать. — Мнѣ нужны деньги, а не долговыя обязательства. Если бы дѣло шло о нихъ, не лучше ли было бы мнѣ хранить то, что у меня было, на рукахъ?“—Но, хотя банковый билетъ не что иное, какъ долговое обязательство, какъ всякій вексель, онъ все же представляетъ несравненно болѣе удобную форму долгового обязательства. И, дѣйствительно, банковый билетъ весьма сильно отличается отъ другихъ кредитныхъ бумагъ, а, въ особенности, отъ векселя, слѣдующими характерными признаками:

1) Банковый билетъ — бумага на предъявителя, въ чемъ онъ похожъ на деньги, тогда какъ вексель связанъ съ извѣстными формальностями, отвѣтственностью бланконадписателей.

2) Онъ уплачивается по предъявленіи, т.-е. когда угодно — раньше это изображалось даже на самомъ билетѣ полностью, — тогда какъ уплата по торговому векселю происходитъ въ опредѣленный срокъ.

3) Именно потому, что онъ уплачивается по предъявленіи, при немъ не имѣетъ мѣста ни дисконтированіе, ни взиманіе процента, а отсюда вытекаетъ то, что его цѣнность всегда остается одинаковой и не подвергается колебаніямъ, подобно цѣнности денегъ, тогда какъ торговые векселя, уплачиваемые въ из-

---

[13]) Это геніальное изобрѣтеніе приписывается Пальмструху, основателю Стокгольмскаго банка (1656 г.)

Старые итальянскіе и амстердамскіе банкиры, а также лондонскіе серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, въ XVII ст. выпускали много билетовъ, но эти билеты просто представляли имѣвшіяся въ кассѣ деньги; это были депозитныя квитанціи, а не настоящіе банковые билеты.

вѣстный срокъ, стоятъ больше или меньше въ зависимости отъ отдаленности срока.

4) Онъ подлежитъ оплатѣ всегда, тогда какъ для другихъ кредитныхъ бумагъ существуетъ давностный срокъ.

5) Цѣнность банковаго билета выражается въ какой-нибудь круглой суммѣ, соотвѣтствующей монетной системѣ страны—на 50, 100 или 1000 франковъ, тогда какъ другія кредитныя бумаги, представляющія торговыя операціи, имѣютъ обыкновенно дробную цѣнность.

6) Банковый билетъ выпускается и подписывается какимъ-нибудь извѣстнымъ банкомъ, хорошо знакомымъ всѣмъ, даже лицамъ, непричастнымъ къ торговымъ дѣламъ, напримѣръ, Французскимъ банкомъ, тогда какъ имена лицъ, подписавшихъ вексель, весьма часто извѣстны только тѣмъ, кто состоитъ съ ними въ торговыхъ отношеніяхъ.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому, что банковый билетъ принимается публикой, въ дѣйствительности, какъ наличныя деньги, и что онъ составляетъ, такимъ образомъ, особый видъ бумажныхъ денегъ.

Обыкновенно банки находятъ огромныя выгоды въ выпускѣ билетовъ: съ одной стороны, они достаютъ себѣ такимъ образомъ необходимыя средства для безконечнаго расширенія своихъ операцій, однако, въ предѣлахъ, указываемыхъ благоразуміемъ; съ другой стороны, добываемый такимъ образомъ въ формѣ билетовъ капиталъ болѣе выгоденъ, чѣмъ капиталъ, добываемый въ формѣ вкладовъ, ибо послѣдній обыкновенно стоитъ имъ, какъ мы видѣли, 1—2%, тогда какъ первый имъ ничего не стоитъ, кромѣ незначительныхъ расходовъ по печатанію билетовъ.

Но не надо упускать изъ виду, что если эта операція способна доставить банкамъ прекрасные барыши, то она можетъ также создать для нихъ серьезную опасность. Въ самомъ дѣлѣ, сумма находящихся въ обращеніи билетовъ можетъ быть каждый моментъ предъявлена къ уплатѣ; билеты, слѣдовательно, какъ и депозиты, представляютъ долгъ, подлежащій немедленному покрытію; вслѣдствіе этого банкъ подвергается двоякому риску: одновременно удовлетворить требованія по возврату депозитовъ и по размѣну своихъ билетовъ.

Если необходимость денежнаго запаса представлялась неизбѣжной уже тогда, когда банку приходилось считаться только съ тре-

бованіями по возврату вкладовъ, то тѣмъ болѣе настоятельной она станетъ, когда къ существующему уже долгу по вкладамъ присоединится еще долгъ по находящимся въ обращеніи билетамъ. Вполнѣ поэтому понятно, что во многихъ странахъ самъ законъ налагаетъ на банки, которые хотятъ выпускать билеты, обязанность имѣть всегда извѣстный денежный фондъ. А за отсутствіемъ закона, благоразуміе подсказываетъ поступать такимъ образомъ. Но, съ другой стороны, такъ какъ спокойно дремлющія въ кладовыхъ деньги ничего не приносятъ, то погоня за барышами понуждаетъ банки доводить свой денежный фондъ до минимума. Если бы Французскій банкъ былъ частнымъ, то его акціонеры, несомнѣнно, протестовали бы противъ храненія въ кладовыхъ болѣе четырехъ милліардовъ звонкой монеты и требовали бы, чтобы эти деньги получили производительное назначеніе на финансированіе предпріятій или на какую-нибудь другую доходную операцію.

V.

Разница между банковыми билетами и бумажными деньгами.

Они такъ похожи, что публика не улавливаетъ различія между ними, тѣ и другія считаетъ за деньги. Во Франціи и въ Англіи банковый билетъ имѣетъ даже законный курсъ, совершенно такъ же, какъ золотая монета. --Тѣмъ не менѣе, банковый билетъ отличается отъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ государствомъ, и имѣетъ предъ ними три слѣдующихъ преимущества:

1) Прежде всего, въ практикѣ банковый билетъ всегда подлежитъ оплатѣ, всегда размѣнивается на звонкую монету по требованію предъявителей, тогда какъ бумажныя деньги не всегда размѣниваются. Эти послѣднія имѣютъ, правда, видъ обѣщанія уплатить извѣстную сумму, и можно, конечно, надѣяться, что когда-нибудь государство, выбравшись изъ финансовыхъ затрудненій, выкупитъ свои бумажки, но это болѣе или менѣе отдаленная перспектива мало трогаетъ тѣхъ, кто получаетъ эти билеты, ибо они обыкновенно не намѣреваются копить ихъ у себя.

2) Затѣмъ, банковый билетъ выпускается въ виду торговыхъ операцій и только въ той мѣрѣ, въ какой этого тре-

буютъ эти операціи, обыкновенно, на сумму цѣнности, равной суммѣ представленныхъ къ учету векселей, тогда какъ бумажныя деньги выпускаются правительствомъ для покрытія своихъ расходовъ, вслѣдствіе чего выпускъ ихъ не знаетъ другихъ границъ, другой преграды, кромѣ финансовыхъ потребностей момента.

3) Наконецъ, какъ объ этомъ уже достаточно говоритъ само названіе, банковый билетъ выпускается *какимъ-нибудь банкомъ*, т.-е. обществомъ, имѣющимъ своимъ единственнымъ назначеніемъ выполненіе торговыхъ операцій и основной заботой— береженіе своего кредита, тогда какъ бумажныя деньги выпускаются всегда государствомъ.

Итакъ, банковый билетъ не слѣдуетъ смѣшивать съ бумажными деньгами. Несмотря на это, можетъ, все-таки, случиться, что банковый билетъ приближается къ бумажнымъ деньгамъ почти до полнаго смѣшенія съ ними, утрачивая совершенно, или отчасти, только что отмѣченныя отличительныя черты свои:

1) Прежде всего, банковому билету присваивается иногда *принудительный курсъ*, иначе говоря, онъ становится неразмѣннымъ на болѣе или менѣе долгій періодъ времени. Такая возможность осуществляется весьма часто во время кризисовъ относительно билетовъ почти всѣхъ крупныхъ банковъ [14]).

Въ такомъ случаѣ, остаются еще два другихъ изъ указанныхъ нами выше различія между банковымъ билетомъ и бумажными деньгами и, особенно, второе, а, именно, что количество выпускаемыхъ билетовъ не неопредѣленно и опредѣляется не произвольно, а сообразуется съ самими потребностями торговли. Это очень серьезная гарантія.

2) Можетъ еще случиться, что банковымъ билетамъ не только присваивается принудительный курсъ, но и выпускаются они съ единственной цѣлью дать государству средства для покрытія его

---

[14]) Не слѣдуетъ смѣшивать *законный курсъ* съ *принудительнымъ*. Банковый билетъ имѣетъ законный курсъ, когда *кредиторы или продавцы не имѣютъ права отказываться принимать его при платежахъ*.—Банковый билетъ имѣетъ принудительный курсъ, *когда владѣлецъ его не имѣетъ права требовать отъ банка размѣна его на звонкую монету*. — Принудительный курсъ всегда предполагаетъ законный курсъ, но не наоборотъ. Банковые билеты во Франціи и Англіи имѣютъ легальный курсъ, но не имѣютъ принудительнаго: каждый человѣкъ обязанъ ихъ принимать, и каждый, если захочетъ, имѣетъ возможность потребовать размѣна ихъ въ банкѣ.

расходовъ, вмѣсто того, чтобы служить нуждамъ торговаго оборота. Въ этомъ случаѣ дѣло происходитъ такимъ образомъ. Государству нужны деньги, и оно обращается къ банку съ просьбой: „Напечатайте нѣсколько сотъ милліоновъ билетовъ и дайте ихъ мнѣ взаймы, а я избавлю васъ отъ необходимости размѣнивать билеты, присвоивъ имъ принудительный курсъ". Такъ случилось, напримѣръ, во время франко-прусской войны 1870 г. Правительство заняло у банка въ нѣсколько пріемовъ 1,470 милліоновъ, но для того, чтобы сдѣлать такой заемъ осуществимымъ, оно издало указъ о принудительномъ курсѣ билетовъ.

Въ такомъ случаѣ исчезаетъ въ свою очередь и вторая гарантія. Выпускъ билетовъ не имѣетъ никакихъ другихъ границъ, кромѣ потребностей государства, и банковый билетъ тогда совершенно похожъ—нельзя этого не признать—на бумажныя деньги.

Но даже и тогда остается третья гарантія, а,—именно, личность выпускающаго,—и ея одной достаточно для того, чтобы банковый билетъ гораздо меньше былъ подверженъ обезцѣненію, чѣмъ бумажныя деньги. Опытъ доказалъ это такъ ясно, что государства, вообще говоря, отказались непосредственно выпускать бумажныя деньги и обращаются въ этомъ дѣлѣ къ посредничеству банковъ. Публика полагаетъ, что банки будутъ, насколько возможно, противиться чрезмѣрному выпуску билетовъ, каковой вздумали бы навязать имъ, ибо чрезмѣрный выпускъ билетовъ можетъ повести къ разоренію банка; публика думаетъ (и—увы!—не безъ основанія), что финансовое учрежденіе, которому приходится оберегать свои собственные интересы, будетъ предусмотрительнѣе и осторожнѣе, чѣмъ правительство или министръ финансовъ, которому приходится заботиться только объ интересахъ государственныхъ.

VI.

Монополія или конкурренція? — Государственный или частный банкъ?

Этотъ вопросъ [15]) возникаетъ только по поводу выпуска банковыхъ билетовъ. Дѣйствительно, когда дѣло касается торговыхъ операцій банковъ, какъ, напримѣръ, дисконтъ, то, конечно, законъ концентраціи стремится, какъ мы уже видѣли это, уменьшить число банковъ, но, тѣмъ не менѣе, мы все еще стоимъ далеко отъ фактической монополіи и еще менѣе помышляемъ облечь одинъ какой-нибудь изъ банковъ законной монополіей. Напротивъ, интересы торговли требуютъ многочисленности и конкурренціи банковъ, чтобы имѣть болѣе дешевый учетъ.

Но когда рѣчь идетъ о выпускѣ билетовъ, дѣло мѣняется. Тогда уже идетъ рѣчь объ интересахъ не купцовъ, а публики. Тогда ставится вопросъ не о полученіи выдачъ на благопріятныхъ условіяхъ, а о полученіи хорошихъ бумажныхъ денегъ, равныхъ по цѣнности металлическимъ деньгамъ и столь же надежныхъ, какъ послѣднія. Но развѣ прибѣгаютъ къ свободной конкурренціи, когда рѣчь заходитъ о выпускѣ металлическихъ денегъ? Нисколько, такъ какъ извѣстно, что, въ силу закона Грешема, плохая монета всегда вытѣсняетъ хорошую, и что, слѣдовательно, страна осталась бы при наихудшей изъ монетъ. Чеканка монеты повсюду составляетъ монополію государства. Почему же могло бы быть иначе, когда дѣло касается такой монеты, какъ банковый билетъ, предназначенный для замѣщенія металлическихъ денегъ и, подобно имъ, имѣющій законный курсъ? Къ тому же разнообразіе банковыхъ билетовъ создаетъ такое неудобство, что въ Соединенныхъ Штатахъ всѣмъ банкамъ поставлено въ обязанность имѣть одинаковые билеты, и даже печатаніе ихъ предоставить государству. Такъ постепенно приходятъ сначала къ единому эмиссіонному банку, а затѣмъ и къ посредничеству государственнаго банка.

---

[15]) Не слѣдуетъ смѣшивать вопросъ о свободной конкурренціи или монополіи, который мы излагаемъ въ этой главѣ, съ вопросомъ о регламентаціи выпуска, котораго мы будемъ касаться въ слѣдующей главѣ. Весьма возможно, какъ мы это увидимъ, что свободная конкурренція банковъ совмѣщается съ очень строгой регламентаціей выпуска билетовъ, или, наоборотъ, монополія совмѣщается съ полной свободой выпуска.

Монополія эмиссіи уже осуществлена, путемъ закона, во Франціи, Австріи, Испаніи, Бельгіи и предоставлена одному, болѣе или менѣе частному, банку въ Россіи и Швейцаріи, а въ большинствѣ государствъ Южной Америки она предоставлена государственному банку. И даже тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Англіи и Германіи, монополія эмиссіи не вполнѣ еще установлена, къ ней тоже приближаются. Въ самомъ дѣлѣ, когда банки, сохраняющіе за собой въ этихъ обѣихъ странахъ право выпуска билетовъ, прекратятъ свое существованіе (банки, какъ и люди, не безсмертны) или, по той или иной причинѣ, откажутся отъ своего права, то ихъ мѣста не займетъ ни одинъ частный банкъ,—и Англійскій банкъ или Германскій Имперскій банкъ унаслѣдуютъ ихъ право эмиссіи.

Это движеніе въ сторону монополіи и даже государственной монополіи не встрѣчаетъ, какъ само собою разумѣется, одобренія въ лагерѣ экономистовъ либеральной школы.

Если бы дѣло шло только о выпускѣ билетовъ, если бы государственный банкъ долженъ былъ бы, подобно монетному двору въ каждой странѣ, изображать изъ себя мастерскую для печатанія этихъ билетовъ, то тогда они охотно согласились бы съ этимъ. Но вѣдь выпускъ билетовъ не можетъ быть обособленъ отъ другихъ операцій банка, съ которыми онъ связанъ. Въ обращеніе билеты проникаютъ не иначе, какъ путемъ дисконта или ссуды. Какъ же поэтому государственный банкъ можетъ функціонировать, не производя сдѣлокъ по дисконту? Билеты предполагаютъ денежный фондъ, а денежный фондъ образуется изъ вкладовъ,—все связано одно съ другимъ. Такъ, именно, и понимаютъ роль государственнаго банка приверженцы его, соціалисты или соціалисты-радикалы; они ни въ коемъ случаѣ не допускаютъ, чтобы дѣятельность его была сведена къ эмиссіонной кассѣ. Они хотятъ видѣть въ немъ всю полноту банковскихъ функцій. Они этого хотятъ именно для борьбы съ тѣмъ, что называется финансовой олигархіей. Они хотятъ, чтобы у него былъ денежный запасъ, который долженъ играть для государства роль военнаго фонда,—и вся та власть надъ движеніемъ дѣлового міра, которая сосредоточивается въ рукахъ банка, благодаря фиксаціи нормы учета. А, въ такомъ случаѣ, мы встрѣтимся здѣсь съ извѣстными аргументами противъ неспособности государства отправлять промышленныя функціи, въ особенности же, столь щекотливыя функціи руководителя кредитомъ. Скажутъ:

1) что государственный банкъ неизбѣжно будетъ вносить въ свою дѣятельность больше политическихъ, чѣмъ коммерческихъ, соображеній, что онъ никогда не откажетъ учесть цѣнную бумагу вліятельныхъ друзей правительства, но часто будетъ отказывать сдѣлать это для своихъ противниковъ;

2) что онъ будетъ вынужденъ открыть народный кредитъ, помогать бѣднымъ, вести дѣло соціальной солидарности [16]);

3) что онъ не сможетъ, въ особенности, отказать самому государству въ ссудѣ, что поэтому онъ окажется въ зависимости отъ послѣдняго и будетъ принужденъ прибѣгнуть къ такимъ безразсуднымъ выпускамъ, которые приведутъ къ обезцѣненію билета;

4) что, въ случаѣ несчастной войны, у побѣдителя, который до сихъ поръ уважалъ права частныхъ банковъ, не будетъ больше основаній относиться такъ впредь къ государственному банку, и онъ будетъ смотрѣть на него, какъ на хорошую добычу;

5) что, когда государство и банкъ будутъ составлять одно цѣлое, кредитъ государства ничего не выиграетъ отъ кредита банка, но зато, во время кризиса, на кредитѣ банка отразятся финансовыя затрудненія государства. Во время войны 1870 — 71 г. курсъ 3%-ой ренты упалъ съ 75 до 50 франковъ, т.-е. рента потеряла треть своей цѣнности, тогда какъ банковый билетъ въ 100 фр. потерпѣлъ пониженіе цѣнности всего на 50 сантимовъ, чего публика даже не замѣтила. Развѣ билетъ не потерялъ бы столько же, сколько и рента, если бы Французскій банкъ былъ государственнымъ банкомъ?

6) что, наконецъ, государство, благодаря этому, ни въ коемъ случаѣ не получитъ ни барышей, которые оно ожидаетъ, ни финансовой мощи, которой оно завидуетъ. Ибо вполнѣ вѣроятно, что торговый міръ будетъ избѣгать имѣть дѣло съ этимъ государственнымъ банкомъ, что, въ силу самой необходимости, онъ научится обходиться безъ банковыхъ билетовъ—примѣръ Англіи показываетъ, что это не такъ трудно — и что, такимъ образомъ, государственный банкъ останется одинокимъ и опустѣлымъ въ своемъ официальномъ величіи... развѣ только онъ заберетъ въ свои руки монополію учета и всѣ банковскія операціи,

---

[16]) Это и случилось въ 1910 г., когда государство обязало Французскій банкъ выдать 100 милліоновъ безъ процента для помощи жертвамъ наводненія. А вѣдь Французскій банкъ далеко еще не государственный.

чтобы выйти изъ создавшагося положенія! Но тогда наступитъ полный коллективизмъ.

Всѣ эти возраженія вполнѣ основательны, особенно же, послѣднее. Государственный же банкъ, какъ и всякій другой, можетъ преуспѣвать, только внушая довѣріе обществу—кредитъ и банкъ неотдѣлимы другъ отъ друга, — но возможно, что онъ вовсе не внушаетъ никакого довѣрія. Но это вопросъ факта, не требующій принципіальнаго рѣшенія.

Если монополія предоставлена *какому-нибудь частному банку*, то всѣ вышеуказанные доводы противъ монополіи теряютъ силу, хотя бы этотъ банкъ и находился подъ контролемъ государства. Но, все-таки, либеральная школа дѣлаетъ нѣсколько возраженій даже и противъ такого порядка. Монополія одного какого-нибудь банка, хотя бы распространяющаяся только на выпускъ билетовъ, отражается на всѣхъ банковскихъ операціяхъ, несправедливо ставитъ конкуррирующіе банки въ неодинаковыя условія съ банкомъ-монополистомъ и причиняетъ вредъ публикѣ. Дѣйствительно, монополія выпуска предоставляетъ банку-монополисту право производить учетъ съ помощью ничего-нестоящихъ ему билетовъ. Какъ же бороться при такихъ условіяхъ? Такимъ именно образомъ, какъ говорятъ, монополія выпуска билетовъ создала Французскому банку такія преимущества, которыя, можетъ быть, не оправдываются ни его дѣятельностью, ни его коммерческими способностями, и превратила всѣ другіе банки въ его вассаловъ. Французскій банкъ хвалятъ за то, что у него учетный процентъ всегда умѣреннѣе, чѣмъ у другихъ банковъ. Но при чемъ же тутъ этотъ банкъ, если онъ производитъ учетъ билетами, которые стоятъ ему только расходовъ по печатанію ихъ! А торговый міръ выигрываетъ ли что-нибудь отъ этого? Ничего не выигрываетъ, ибо для учета во Французскомъ банкѣ требуется три подписи. Поэтому купецъ вынужденъ обращаться къ посредству обыкновеннаго банка, который учитываетъ ему кредитное обязательство за 4—5%, а самъ переучитываетъ во Французскомъ банкѣ за 3% и зарабатываетъ такимъ образомъ разницу.

Возраженіе правильное,—отвѣчаютъ защитники монополіи,—но это доказываетъ только, какъ не правы тѣ, кто думаетъ, что монополія эмиссіи создаетъ привилегированное положеніе. Фактически Французскій банкъ выигрываетъ на этомъ очень мало. Онъ меньше учитываетъ, чѣмъ конкуррирующіе съ нимъ банки. Онъ

оказываетъ имъ огромную услугу, освобождая отъ необходимости хранить звонкую монету, ибо эти банки, вмѣсто того, чтобы накоплять бездѣятельную массу денегъ, набиваютъ свои портфели дисконтируемыми бумагами (papier bancable), т.-е. такими бумагами, которыя Французскій банкъ долженъ учесть, а, когда имъ нужны деньги, они обращаются къ Французскому банку, который, такимъ образомъ, служитъ имъ кассиромъ. Послѣдній, слѣдовательно, банкъ для банковъ. А чтобы удовлетворять функціи денежнаго запаса для всѣхъ банковъ страны, у него должна быть чрезмѣрная денежная наличность. Это не даетъ ему большого простора для выпуска его билетовъ, а, слѣдовательно, и для полученія исключительныхъ барышей, тѣмъ болѣе, что на немъ лежитъ множество другихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него государствомъ за предоставленную ему привилегію. Впрочемъ, и за границей право выпуска билетовъ не составляетъ предмета особой зависти; доказательствомъ служитъ то, что довольно большое число банковъ, еще пользующихся этимъ правомъ въ Германіи и Англіи, охотно отказываются отъ него.

Изъ этой противорѣчивой дискуссіи, думается намъ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что монополія эмиссіи, предоставленная одному какому-нибудь банку—частному, но подъ контролемъ государства — представляется наилучшимъ рѣшеніемъ, по крайней мѣрѣ, на практикѣ. Она осуществлена въ лицѣ Французскаго банка, имѣющаго за собой опытъ цѣлаго столѣтія и стойко вынесшаго множество политическихъ и экономическихъ кризисовъ.

Надо ли регламентировать выпускъ билетовъ, независимо отъ того, какой принятъ режимъ: режимъ монополіи или свободной конкурренціи?—Это другой вопросъ.

VII.

Регламентація выпуска билетовъ.

Въ доброе старое время господства либеральной доктрины былъ усвоенъ принципъ, что всякая законодательная регламентація выпуска безполезна, ибо вполнѣ достаточно одной свободы[17]).

[17]) Это то, что называется banking principle (банковый принципъ) въ противоположность currency principle (денежный принципъ), съ чѣмъ мы

Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, какое же основаніе бояться laisser-faire? Чрезмѣрнаго выпуска билетовъ? Это—призрачная опасность, ибо дѣйствіе экономическихъ законовъ поставитъ его въ надлежащія границы, даже если бы банки захотѣли переступить ихъ; и вотъ почему:

а) Прежде всего, банковые билеты выпускаются вслѣдствіе банковскихъ операцій, т.-е. операцій по учету или выдачамъ подъ цѣнныя бумаги. Слѣдовательно, для того, чтобы банковый билетъ вступилъ въ обращеніе, недостаточно, чтобы банку было только угодно это: нужно еще, чтобы кто-нибудь былъ склоненъ взять его въ заемъ. Выпускъ регулируется потребностями публики, а вовсе не желаніями банка. Количество билетовъ, которое банкъ выпуститъ, будетъ зависѣть отъ числа долговыхъ обязательствъ, которое будетъ представлено къ учету, а количество послѣднихъ будетъ зависѣть отъ интенсивности торговаго оборота.

б) Затѣмъ, банковые билеты вступаютъ въ обращеніе лишь на непродолжительное время: чрезъ нѣсколько недѣль послѣ выхода они возвращаются въ банкъ. Вотъ, напримѣръ, банковый билетъ на 1000 фр. вступаетъ въ обращеніе взамѣнъ векселя; чрезъ нѣсколько недѣль, не позже, какъ чрезъ 90 дней, когда банкъ получитъ валюту по векселю, билетъ на 1000 фр. вернется къ нему обратно. Это будетъ не тотъ же самый билетъ, но что-жъ изъ этого? Сколько ихъ выходитъ, столько и возвращается.

Приливъ пригналъ ихъ; отливъ уноситъ ихъ обратно.

в) Наконецъ, если даже предположить, что банкъ могъ бы выпустить чрезмѣрное количество билетовъ, то онъ былъ бы не въ состояніи удерживать ихъ въ обращеніи, ибо, если билеты выпущены въ излишнемъ количествѣ, они непремѣнно упадутъ въ цѣнѣ, а какъ только они упадутъ въ цѣнѣ, какъ бы незначительно ни было пониженіе ихъ цѣны, обладатели ихъ немедленно нахлынутъ въ банкъ съ требованіемъ размѣна. Сколько бы ни старался банкъ

сейчасъ познакомимся: по первому принципу обращеніе должно регулироваться сообразно банковскимъ операціямъ, а по второму—обращеніе должно регулироваться исключительно сообразно количеству звонкой монеты, находящейся въ кассѣ банка. Между этими двумя принципами происходила знаменитая въ экономической исторіи борьба; она занимала огромное мѣсто во всѣхъ дискуссіяхъ первой половины XIX в.

наводнить ими карманы своихъ кліентовъ, это ему не удастся, ибо онъ самъ будетъ наводненъ ими.

Эта аргументація заключаетъ въ себѣ, несомнѣнно, долю истины, и даже на опытѣ она обыкновенно подтверждалась. Банкамъ рѣдко удавалось втиснуть въ обращеніе билетовъ больше, чѣмъ это соотвѣтствовало потребностямъ въ нихъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя, пожалуй, отъ себя скрывать, что абсолютная свобода выпуска билетовъ можетъ принести съ собой великія опасности, если не въ нормальное время, то, по крайней мѣрѣ, во время кризиса; а кризисы въ экономической жизни нашихъ современныхъ обществъ становятся явленіемъ, все чаще и чаще повторяющимся.

Теоретически, конечно, правильно, что количество выпускаемыхъ билетовъ будетъ зависѣть отъ спроса публики, а не отъ воли банковъ. Однако, замѣтьте, что если какой-нибудь не особенно добросовѣстный банкъ задастся единственной цѣлью привлечь къ себѣ кліентовъ, онъ всегда будетъ въ состояніи путемъ извѣстнаго пониженія учетнаго процента значительно увеличить число этихъ кліентовъ, отнявъ ихъ у другихъ банковъ, а, слѣдовательно, и цифру своихъ выпусковъ.

Правда также и то, что билеты, выпущенные неосторожнымъ банкомъ въ чрезмѣрномъ количествѣ, возвратятся для размѣна немедленно послѣ того, какъ они падутъ въ цѣнѣ; но вѣдь паденіе цѣны ихъ даетъ себя чувствовать не тотчасъ же, а по истеченіи, можетъ быть, нѣсколькихъ недѣль. А если банкъ за все это время продолжалъ выпускать въ обращеніе свои билеты, то не будетъ ли для него ужъ слишкомъ поздно, когда они начнутъ возвращаться въ его кассу? будетъ ли онъ тогда въ состояніи размѣнять ихъ и не захлебнется ли онъ тогда въ волнахъ того прилива, о которомъ мы сейчасъ говорили. Правда, банкъ будетъ первымъ наказанъ банкротствомъ за свою неосторожность. Но намъ-то что отъ этого? Мы должны скорѣе всего заботиться о томъ, чтобы предупреждать кризисы, а не о томъ, чтобы наказывать ихъ виновниковъ.

И тутъ мы находимъ серьезный доводъ въ пользу монополіи. Въ самомъ дѣлѣ, есть основаніе полагать, что банкъ, занимающій выдающееся положеніе въ странѣ, съ давнимъ прошлымъ и прочными традиціями, внесетъ въ дѣло выпуска своихъ билетовъ надлежащую осторожность, а въ этомъ-то и кроется единственная дѣйствительная гарантія.

Опытъ, между прочимъ, подтверждаетъ наличность такого взгляда на дѣло эмиссіи у всѣхъ крупныхъ банковъ и, въ особенности, у Французскаго банка, котораго, за цѣлый приблизительно вѣкъ его существованія, могли упрекнуть только развѣ въ слишкомъ преувеличенной осторожности, ибо его денежный запасъ обыкновенно превышаетъ общую сумму его билетовъ на $^4/_5$. А, между тѣмъ, Французскій банкъ не подверженъ, какъ мы увидимъ, никакой регламентаціи ни въ отношеніи общей суммы своего запаса, ни въ отношеніи пропорціональности его къ суммѣ выпущенныхъ билетовъ.

Поэтому-то система абсолютной свободы выпуска билетовъ, безъ всякой регламентаціи, не вошла въ жизнь ни въ одной странѣ.

Системы регламентаціи, практиковавшіяся въ различныхъ странахъ, можно разбить на четыре рубрики.

I. Ограниченіе суммы билетовъ въ обращеніи суммой денежнаго запаса.

Въ этомъ случаѣ банковый билетъ—не что иное, какъ репрезентативная монета. Онъ представляетъ полнѣйшую обезпеченность, но никакой полезности, кромѣ развѣ той, что занимаетъ въ карманѣ мѣста меньше, чѣмъ золото, и способствуетъ сохраненію вѣса (вслѣдствіе меньшей порчи) металла. Банкъ перестаетъ быть кредитнымъ учрежденіемъ, а превращается въ кладовую.

Поэтому разсматриваемое нами правило нигдѣ во всей полнотѣ не примѣняется; къ нему только до нѣкоторой степени приближаются въ разныхъ мѣстахъ.

По такому правилу установлена организація (currency principle) Англійскаго банка согласно знаменитому акту 1844 г., проведенному въ жизнь Робертомъ Пилемъ. По буквѣ закона банкъ можетъ выпустить билетовъ только на сумму его денежнаго фонда плюсъ 18,450,000 фунтовъ стерлинговъ (465 милліон. фр.). Почему взятъ такой предѣлъ? Законодатель полагалъ, что при такомъ предѣлѣ выпускъ стоитъ внѣ опасности, ибо эти 18,450,000 фунтовъ вполнѣ гарантированы. И въ самомъ дѣлѣ, въ значительнѣйшей своей части (275 милліоновъ) они представлены старымъ долговымъ обязательствомъ на государство [18]) (слѣд., уплата по немъ гарантирована государствомъ), а въ остальной части гаранти-

[18]) Когда въ 1894 г. правительство дало Англійскому банку инвеституру, оно взяло у него взамѣнъ весь его капиталъ и съ того времени не возвратило его. См. Andréadès, Histoire de la Banque d'Angleterre.

рованы капиталомъ банка, тоже облеченнымъ въ форму государственныхъ рентъ.

Въ интересахъ точнаго соблюденія этого регламента, Англійскій банкъ раздѣленъ на два различныхъ департамента: на одинъ департаментъ возложены банковскія операціи—депозиты и дисконтъ (banking department),—и онъ уже не можетъ выпустить ни одного билета; а на другой—выпускъ билетовъ (issue department), и онъ уже не можетъ производить ни одной банковской операціи. Послѣдній вручаетъ свои билеты первому департаменту, сообразуясь со своими потребностями въ нихъ. Когда онъ вручитъ ихъ на сумму 465 милліоновъ франковъ, свыше этого билеты выдаются только въ обмѣнъ на деньги или слитки.

На такое ограниченіе нельзя было бы смотрѣть какъ на серьезную гарантію, если бы дѣло шло о какомъ-нибудь другомъ, а не Англійскомъ банкѣ, ибо капиталъ банка не есть обезпеченіе, всегда и немедленно реализуемое, въ особенности, когда онъ, какъ въ данномъ случаѣ, представленъ въ значительнѣйшей своей части простыми обязательствами на государство.

Мало того: это ограниченіе представляетъ на практикѣ, и какъ разъ именно во время кризиса, столь большія неудобства, что уже приходилось троекратно въ разное время пріостанавливать дѣйствіе закона 1844 г. и позволять банку переступать роковую границу. Предположимъ, что въ какой-нибудь моментъ у банка имѣется 465 милліоновъ денежнаго фонда и 930 милліоновъ билетовъ въ обращеніи, и банкъ будетъ принужденъ пріостановить всякій дисконтъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ бы учесть представленное ему обязательство? — Путемъ выпуска новыхъ билетовъ? Но вѣдь предѣлъ въ 465 милліоновъ уже достигнутъ. — Путемъ взятія денегъ изъ своей кассы? Но если онъ уменьшитъ свой фондъ до 464 милліоновъ, то предѣлъ, при остающихся въ обращеніи билетахъ на 930 милліоновъ, все равно будетъ превзойденъ. Однако, Англійскій банкъ не можетъ отказать въ учетѣ, не вызвавъ банкротства части торговаго міра! Хуже всего то, что, такъ какъ дѣло идетъ о пріостановленіи дѣйствія закона, одно правительство, а не банкъ, должно нести эту ужасную отвѣтственность.

II. Второе правило состоитъ въ опредѣленіи извѣстной пропорціи (обыкновенно $^1/_3$) между суммой денежнаго фонда и суммой находящихся въ обращеніи билетовъ. Оно практикуется во многихъ странахъ (но не практикуется

Французскимъ банкомъ, хотя это заблужденіе очень прочно держится у публики и у студентовъ).

Эта система эластичнѣе предыдущей, но она приводитъ къ тому же самому результату, т.-е. въ данный моментъ дѣлаетъ невозможнымъ всякій учетъ и даже всякій размѣнъ билетовъ, и, слѣдовательно, создаетъ опасность, которую хотѣли предупредить.

III. Третье правило состоитъ въ простомъ опредѣленіи максимума выпуска билетовъ.

Эта система практикуется во Франціи. Максимумъ—5,800 милліоновъ. Но какое же значеніе имѣетъ, что банкъ можетъ выпустить только ограниченное количество билетовъ, если онъ можетъ свести свой денежный фондъ до нуля? Въ чемъ же будетъ заключаться гарантія для публики? — Исключительно въ осторожности банка, который приложитъ стараніе къ сохраненію разумной пропорціи между денежнымъ фондомъ и находящимися въ обращеніи билетами. Фондъ Французскаго банка въ данный моментъ (сентябрь 1912 г.) — 4,062 милліона. Раньше фондъ даже превышалъ сумму выпущенныхъ билетовъ. Но если имѣть довѣріе къ благоразумію банка, то къ чему же закономъ указывать предѣлъ? Остается только вполнѣ положиться на banking principle.

IV. Четвертое правило состоитъ въ обязанности банковъ гарантировать выпускаемые билеты надежными цѣнностями, обыкновенно, государственной рентой, представляющей цѣнность, по крайней мѣрѣ, равную цѣнности билетовъ.

Эта система практикуется въ Соединенныхъ Штатахъ. Каждый, такъ называемый, „національный“ (ихъ болѣе 7.000) банкъ въ обезпеченіе выпускаемыхъ билетовъ (которые доставляются государствомъ, ибо самъ банкъ не можетъ печатать ихъ) долженъ внести въ государственное казначейство государственныхъ рентъ на цѣнность, равную цѣнности эмиссіи.

Эта система была придумана правительствомъ во время войны за независимость не столько для того, чтобы гарантировать билеты, сколько для того, чтобы побудить покупать свои собственныя бумаги, которыя правительство было вынуждено тогда выпускать цѣлыми милліардами,—точь-въ-точь такъ же, какъ поступаетъ французское правительство, обязывая сберегательныя кассы и государственныя учрежденія помѣщать ихъ фонды въ государственную ренту. Это было, впрочемъ, очень хорошее дѣло для банковъ, потому что эти ренты приносили имъ 7%. Такъ какъ

нынѣ долгъ въ значительной части погашенъ, то эти бумаги стали рѣдкими, и для банковъ, число которыхъ постоянно увеличивается, трудно найти необходимое количество ихъ, а, съ другой стороны, такъ какъ бумаги приносятъ всего какихъ-нибудь 3%, для банковъ дѣло это не представляется особенно интереснымъ. Поэтому выпускъ билетовъ въ Соединенныхъ Штатахъ сталъ очень затруднительнымъ. Это обстоятельство еще болѣе усилило кризисъ 1907 года. Золото не требовалось тогда, и можно было бы свободно обойтись съ билетами. А билетовъ банки не могли выпустить. Надо было прибѣгнуть къ обходному пути и выпустить неразмѣниваемые на деньги чеки и залоговыя свидѣтельства подъ цѣнныя бумаги. А государство, съ другой стороны, должно было произвести заемъ съ исключительной цѣлью достать себѣ новыя бумаги и отдать ихъ въ распоряженіе банковъ въ качествѣ залога; банкамъ же оно должно было разрѣшить вносить ему въ видѣ гарантіи другія цѣнности.

Для обезпеченія кредита какого-нибудь банка въ нормальное время такая гарантія фондами государства излишня, а во время кризиса, когда исцѣляющее средство больше всего необходимо, она, пожалуй, не въ состояніи играть роль такого средства. Въ самомъ дѣлѣ, въ обстановкѣ кризиса курсъ всѣхъ цѣнностей, не исключая и государственной ренты, непремѣнно понизился бы, а если бы для удовлетворенія требованій по размѣну билетовъ пришлось вдругъ реализировать огромную массу государственной ренты, которая служитъ имъ обезпеченіемъ, то курсъ ея полетѣлъ бы внизъ, и размѣнъ сталъ бы невозможнымъ. Словомъ, банковые билеты въ Соединенныхъ Штатахъ не что иное, какъ превращенная въ деньги государственная рента, иначе говоря, государственные билеты, а банки не больше, какъ эмиссіонныя кассы для этихъ государственныхъ бумажныхъ денегъ. Только выпускъ при этомъ поставленъ въ очень строгіе предѣлы.

Помимо этого, банки подвержены массѣ ограниченій, а именно:—не выпускать билетовъ на сумму свыше своего капитала;—имѣть денежный фондъ равнымъ четверти суммы всѣхъ своихъ вкладовъ;—вкладывать въ государственныя кассы звонкой монетой сумму, равную 5% суммы своихъ билетовъ;—уплачивать налогъ въ размѣрѣ $1^1/_2$ цѣнности выпущенныхъ билетовъ;—представить доказательства минимума капитала, колеблющагося въ зависимости отъ важности города и т. д.

Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ показываетъ намъ, что регламентація эмиссіи бываетъ наиболѣе строгой именно тамъ, гдѣ эмиссіонные банки весьма многочисленны, и конкурренція между ними самая оживленная. Примѣръ Франціи, напротивъ, показываетъ, что тамъ, гдѣ существуетъ монополія, регламентація минимальна. И естественно, что это такъ и должно быть, ибо монополія уже сама по себѣ является весьма дѣйствительной гарантіей. Въ самомъ дѣлѣ, есть полное основаніе полагать, что банкъ, занимающій въ странѣ исключительное положеніе, импонирующій своимъ прошлымъ и своимъ величіемъ и сохраняющій чувство своей отвѣтственности, внесетъ въ дѣло выпуска билетовъ всю необходимую осторожность. Опытъ подтвердилъ эти ожиданія относительно всѣхъ крупныхъ банковъ, особенно же относительно Французскаго банка, которому за цѣлый вѣкъ его существованія можно поставить въ упрекъ развѣ только излишнюю подозрительность.

Въ конечномъ счетѣ, какъ кажется, ни одна изъ придуманныхъ системъ безусловно не гарантируетъ размѣна билетовъ, ибо банки суть и должны быть учрежденіями к р е д и т а. Когда же хотятъ пользоваться кредитомъ, то приходится мириться и съ неудобствами. Соединить одновременнно выгоды кредита съ выгодами наличнаго разсчета значило бы разрѣшить квадратуру кругу,—одно исключаетъ другое.

Крупные банки по необходимости состоятъ во взаимныхъ отношеніяхъ. Уже дважды случалось, что Французскій банкъ ссужалъ Англійскому около ста милліоновъ золотомъ, чтобы избавить послѣдняго отъ повышенія учетнаго процента. Но этимъ спорадическимъ отношеніямъ можно было бы придать болѣе постоянный характеръ, учредивъ какой-нибудь великій интернаціональный совѣтъ, нѣчто вродѣ финансоваго ареопага, гдѣ были бы представлены всѣ банки; этотъ ареопагъ посылалъ бы звонкую монету въ тѣ страны, гдѣ ея не достаетъ, и такимъ образомъ можно было бы сохранять равновѣсіе денежнаго обращенія и предупреждать кризисы. Въ 1907 г. Луццатти выступилъ апостоломъ такого грандіознаго проекта.

VIII.

Вексельный курсъ.

Портфели всѣхъ крупныхъ банкирскихъ домовъ—тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которые распространяютъ свои операціи и на чужія страны—завалены связками векселей на всѣ концы міра. Векселя эти представляютъ цѣнность нѣсколькихъ милліардовъ и составляютъ предметъ очень оживленной торговли. Ихъ называютъ бумагой на Лондонъ, на Нью-Іоркъ и т. д., въ зависимости отъ мѣста платежа по векселю.

Банкиры, владѣющіе векселями и ведущіе сдѣлки на нихъ, состоятъ, очевидно, только посредниками. Приходится, слѣдовательно, задать себѣ вопросъ, у кого они покупаютъ этотъ товаръ—бумаги, и кому сбываютъ его.

Прежде всего, у кого они покупаютъ этотъ товаръ?—У лицъ, которыя производятъ его, у тѣхъ, кто, по той или иной причинѣ, состоитъ кредиторомъ на иностранныя государства, напримѣръ, у французскихъ купцовъ, которые продали свои товары за границу и приняли отъ своихъ покупателей векселя на Лондонъ или Нью-Іоркъ. Если французскому купцу придется испытать нужду въ деньгахъ раньше, чѣмъ наступитъ срокъ платежа по векселю, или, если онъ просто найдетъ для себя неудобнымъ предъявлять его къ платежу за границей, то онъ обратится къ банкиру, который и купитъ (я хочу сказать—учтетъ) у него этотъ вексель.

Кому же банкиры продаютъ свой товаръ?—Всѣмъ, кто въ нихъ нуждается, а такихъ тоже очень много. На такую бумагу очень большой спросъ со стороны всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ приходится производить платежи за границей, напримѣръ, со стороны французскихъ купцовъ, которые купили товаръ за границей. Если, напримѣръ, англійскій продавецъ не захочетъ взять отъ французскаго покупателя вексель, то послѣднему придется выслать всю стоимость покупки въ фунтахъ стерлинговъ по адресу своего кредитора, что довольно неудобно и не всегда даже возможно, ибо можетъ случиться, что въ странѣ, гдѣ онъ пребываетъ, нѣтъ золотыхъ денегъ, и у него подъ руками имѣется только серебро или бумажныя деньги. Если же онъ смо-

жетъ достать кредитную бумагу на тотъ же городъ, гдѣ живетъ его кредиторъ, то у него, благодаря этому, окажется болѣе удобное и менѣе дорогое средство платежа. Это значитъ—сдѣлать покрытіе.

Казалось бы, что такая бумага должна бы продаваться всегда по одной цѣнѣ, равной суммѣ денегъ, на которую даетъ право вексель. Развѣ вексель на 1000 фр. не долженъ бы стоить ровно 1000 фр.—ни больше, ни меньше?—Однако, въ дѣйствительности, бываетъ иначе. Прежде всего, само собою разумѣется, что бумага должна испытывать колебанія въ зависимости отъ степени довѣрія къ подписи должника или отдаленности срока платежа. Но и независимо отъ этихъ очевидныхъ самихъ по себѣ причинъ колебанія и даже независимо отъ того, какая это бумага—вѣрная или нѣтъ,—ежедневно цѣнность ея, какъ цѣнность, впрочемъ, всякаго товара, подвергается колебаніямъ предложенія и спроса. Эти колебанія называются вексельнымъ курсомъ, который, какъ курсы биржевыхъ бумагъ, отмѣчается въ газетахъ.

Легко понять, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ предложеніемъ и спросомъ по отношенію къ торговымъ бумагамъ. Предположимъ, что долговыя требованія Франціи на чужія страны—вслѣдствіе ли ея вывоза или по какой-нибудь другой причинѣ, поднимаются до 3 милліардовъ франковъ. Предположите, что долги Франціи чужимъ странамъ — вслѣдствіе ли ея ввоза, ея займовъ или по какой-нибудь иной причинѣ —поднимаются до 4 милліардовъ. Очевидно, не хватитъ кредитной бумаги для всѣхъ, кому она будетъ нужна, ибо можно будетъ предложить ея только на 3 милліарда, а нужда въ ней—на 4 милліарда. Всѣ тѣ, кто нуждается въ этой бумагѣ для погашенія своего долга, начнутъ надбавлять цѣну, и векселя на чужія страны будутъ въ повышеніи, такъ что, напримѣръ, вексель въ 1000 фр. на Брюссель или Римъ будетъ продаваться не за 1000 фр., а за 1002 и 1005 франковъ. Онъ будетъ, какъ выражаются технически, выше al pari, или будетъ продаваться съ преміей.

Если же, наоборотъ, предположить, что долговыя требованія Франціи на чужія страны поднимаются до 4 милліардовъ франковъ, тогда какъ долги ея чужимъ странамъ—до 3 милліардовъ, то, очевидно, векселей будетъ слишкомъ много, ибо въ предложеніи ихъ 4 милліарда, а для урегулированія мѣновыхъ сдѣлокъ будетъ достаточно всего на 3 милліарда. Большое количество вексе-

лей не найдетъ, слѣдовательно, покупателей, и нельзя будетъ воспользоваться ими иначе, какъ отославъ ихъ за границу для предъявленія къ платежу. Поэтому банкиры будутъ стараться освободиться отъ этихъ векселей, уступая ихъ дешевле, чѣмъ они стоятъ. Вексель на 1000 фр. на Брюссель будетъ уступленъ за 998 фр. или, можетъ быть, даже за 995 фр., т. е. падетъ ниже al pari.

Всякій разъ, когда въ какой-нибудь странѣ, во Франціи, напримѣръ, бумага на чужія страны котируется выше al pari, говорятъ, что вексельный курсъ неблагопріятенъ для этой страны, въ нашемъ примѣрѣ, для Франціи.—Что же означаетъ это выраженіе? Что курсъ бумаги не благопріятенъ для ея покупателей? Положимъ, такъ; а, наоборотъ, развѣ нельзя было бы сказать, что онъ благопріятенъ для продавцевъ бумаги? А, между тѣмъ, этого почему-то не говорятъ.—Дѣло заключается въ слѣдующемъ: при такихъ условіяхъ вексельный курсъ показываетъ, что активные долги, которые Франція можетъ имѣть на чужія страны, не достаточны для того, чтобы уравновѣсить ея пассивные долги по отношенію къ чужимъ странамъ, и что ей придется, слѣдовательно, для покрытія разности счета отослать за границу извѣстное количество звонкой монеты. Повышеніе вексельнаго курса, иначе говоря, вздорожаніе векселей на чужія страны, есть, слѣдовательно, достовѣрный признакъ предстоящаго вывоза звонкой монеты,—потому-то и употребляется выраженіе „неблагопріятный курсъ“. И, наоборотъ, когда во Франціи бумаги на чужія страны котируются ниже al pari, говорятъ, что вексельный курсъ благопріятенъ для Франціи; и тутъ тѣ же самыя соображенія: паденіе въ цѣнѣ бумагъ на заграничныя страны показываетъ, что, по сведеніи счетовъ ихъ съ Франціей, торговый балансъ окажется въ пользу Франціи, и что предстоитъ, такимъ образомъ, приливъ изъ-за границы звонкой монеты.

Не слѣдуетъ, конечно, придавать словамъ благопріятный и неблагопріятный преувеличеннаго значенія. Мы уже знаемъ, что фактъ прилива и отлива металла не составляетъ еще для страны ни слишкомъ большой опасности, ни слишкомъ большой выгоды, и что, во всякомъ случаѣ, все это, вѣроятно, будетъ только мимолетнымъ явленіемъ. Но, съ частной точки зрѣнія банкировъ, такое положеніе имѣетъ очень важное значеніе, ибо, если

предстоитъ выслать звонкую монету за границу, то за ней обратятся къ нимъ въ кассу. Поэтому, всѣ свидѣтельствующіе объ этомъ признаки имѣютъ для нихъ капитальный интересъ: они приковываютъ свои взоры къ вексельному курсу и неотступно слѣдятъ за нимъ, какъ морякъ, опасающійся бури, слѣдитъ за стрѣлкой барометра.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ замѣтить, что колебанія цѣнъ на кредитныя бумаги заключены въ гораздо болѣе тѣсныя границы, чѣмъ колебанія цѣнъ обыкновенныхъ товаровъ. Въ нормальное время (и внѣ исключительныхъ случаевъ, на которые мы сейчасъ укажемъ) цѣны эти никогда не котируются ни слишкомъ выше, ни слишкомъ ниже al pari. А почему? Объясняется это двумя слѣдующими причинами:

1) Почему должникъ по заграничному обязательству старается пріобрѣсти переводный вексель?—Съ единственной цѣлью, чтобы избавиться отъ расходовъ по пересылкѣ денегъ и по размѣну своей монеты на заграничную. А въ такомъ случаѣ очевидно, что если бы премія, которую онъ долженъ уплатить, чтобы достать вексель, превышала расходы по пересылкѣ денегъ, которые въ сущности не такъ ужъ велики, то купцу не за чѣмъ было бы и покупать вексель. Съ другой стороны, иностранный кредиторъ и служащій ему посредникомъ банкиръ стараются сбыть эти векселя только для того, чтобы избавиться отъ хлопотъ по пересылкѣ ихъ за границу для предъявленія къ платежу и полученію оттуда денегъ; но они, конечно, скорѣе предпочтутъ прибѣгнуть къ этой крайности, чѣмъ уступить свои векселя за безцѣнокъ. Поэтому не трудно понять, что если сдѣлка по куплѣ-продажѣ векселей имѣетъ единственной цѣлью сбереженіе расходовъ по пересылкѣ и размѣну звонкой монеты, она потеряла бы свой raison d'être, какъ только стала бы для сторонъ обходиться дороже непосредственной пересылки денегъ, т.-е какъ только колебанія вексельнаго курса, выше ли или ниже al pari, превысили бы расходы по пересылкѣ денегъ. А, между тѣмъ, эти расходы съ включеніемъ даже страховки очень ничтожны; слѣдовательно, и колебанія вексельнаго курса тоже должны быть весьма ничтожны.

Gold point называется такой вексельный курсъ, за предѣлами котораго становится для должника выгоднѣе пересылать деньги, чѣмъ покупать векселя. Этотъ gold point имѣетъ большое зна-

ченіе для банкировъ, ибо предвѣщаетъ отливъ звонкой монеты, а, слѣдовательно, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, и требованія, направленныя къ банкамъ о размѣнѣ [19]).

2) Существуетъ еще и другая, болѣе отдаленная и въ то же время болѣе тонкая причина, ограничивающая колебанія курса. Предположимъ, что цѣна векселя на заграничныя страны поднимается выше al pari, т. е., напримѣръ, купецъ, имѣющій на своего заграничнаго покупателя вексель на 1000 фр., можетъ продать его за 1010 фр.: ясно, что эти 10 фр. повысятъ его барышъ по продажѣ товара; вмѣсто того, чтобы заработать на продажѣ товара, напримѣръ, 10%, какъ онъ надѣялся, купецъ заработаетъ 11%. Такое повышеніе барышей, приходящееся всѣмъ тѣмъ, кто продавалъ свои товары за границу, побудитъ многихъ купцовъ послѣдовать этому примѣру,—иными словами, повышеніе вексельнаго курса дѣйствуетъ какъ премія за вывозъ.

Но въ силу возрастанія вывоза увеличится также и число векселей, которые возникаютъ вслѣдствіе вывоза, и цѣна этихъ векселей, согласно общему закону предложенія и спроса, станетъ постепенно понижаться, пока не дойдетъ до al pari.

Наоборотъ, если векселя спускаются ниже al pari, то нетрудно доказать, что это пониженіе повлечетъ за собою потери для купцовъ, продававшихъ свои товары за границу, и, слѣдовательно, поведетъ къ уменьшенію вывоза, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и къ уменьшенію предложенія векселей на заграничныя страны, пока цѣнность ихъ опять не поднимется до al pari.

Въ сущности, тутъ дѣйствуетъ только обыкновенный механизмъ предложенія и спроса, который, какъ только цѣнность какого-нибудь товара уклонится отъ равновѣсія, стремится возстановить это равновѣсіе путемъ увеличенія или сокращенія производства.

Мы сказали, что въ исключительныхъ случаяхъ вексельный курсъ можетъ подвергаться довольно значительнымъ и даже безграничнымъ колебаніямъ. Вотъ каковы эти случаи:

1) Прежде всего, если дѣло идетъ объ очень отдаленномъ рынкѣ, съ которымъ сообщеніе затруднительно, вслѣдствіе чего и расходы по пересылкѣ денегъ были бы гораздо болѣе значитель-

---

[19]) Существуетъ всегда два соотвѣтствующихъ другъ другу gold points, какъ два полюса: одинъ выше al pari, означающій отливъ звонкой монеты, и другой ниже al pari, означающій приливъ ея.

ными, то и колебанія вексельнаго курса могутъ быть также гораздо болѣе замѣтны. Ясно, что купецъ, которому предстояло бы производить платежи въ Тибетѣ, сочтетъ себя весьма счастливымъ, если найдетъ векселя на это мѣсто, хотя бы ему и пришлось заплатить за нихъ на 10 или 12% выше ихъ номинальной цѣнности, и, наоборотъ, кредиторъ, которому предстоялъ бы тамъ платежъ по векселю, поторопился бы продать его даже на 10 или 12% ниже al pari.

2) Но когда дѣло идетъ о странѣ съ обезцѣненной монетой, колебанія вексельнаго курса могутъ быть особенно чрезмѣрными и, такъ сказать, не считающимися ни съ какими границами. Вексель, напримѣръ, на Ріо-де-Жанейро стоитъ въ Лондонѣ или Парижѣ лишь половину его номинальной цѣнности, по той причинѣ, что бразильскій milreis, номинальная цѣнность котораго 2 фр. 83 с., стóитъ нынѣ (1908 г.) всего около 1 фр. 60 с.: бумага, уплачиваемая обезцѣненной монетой, должна по необходимости испытывать обезцѣненіе, равное обезцѣненію данной монеты, тогда какъ, наоборотъ, по векселю на Лондонъ или Парижъ уплачивается въ Ріо (деньгами этой страны) почти вдвое больше его номинальной цѣнности.

Но, помимо бумажныхъ, обезцѣниваются также и металлическія деньги; обезцѣненіе послѣднихъ оказываетъ такое же вліяніе на вексельный курсъ. Такъ случилось нынѣ съ серебряными деньгами, которыя потеряли половину своей цѣнности. Поэтому всѣ векселя на страны съ серебряной валютой, какъ, напримѣръ, азіатскія страны, или даже Испанія, теряютъ треть или половину своей цѣнности, и, наоборотъ, во всѣхъ этихъ странахъ векселя на страны съ золотой валютой, т.-е. векселя на Лондонъ, на Парижъ, на Берлинъ, продаются съ огромной преміей. Отсюда происходитъ весьма большое разстройство въ коммерческихъ отношеніяхъ.

Итакъ, даже для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ экономическимъ и финансовымъ положеніемъ различныхъ странъ, достаточно прослѣдить вексельный курсъ, чтобы отдать себѣ точный отчетъ въ положеніи этихъ странъ и догадаться, ввозятъ ли онѣ къ себѣ больше, чѣмъ вывозятъ, или наоборотъ, обезцѣнены ли ихъ деньги, и каково въ точности паденіе ихъ цѣнности.

3) Наконецъ, всякій разъ, какъ должнику трудно достать себѣ золота—потому ли, что кредитъ сократился, вслѣдствіе ли труд-

ностей учета въ банкахъ, или же потому, что торговый балансъ или, лучше сказать, долговой балансъ изъялъ золото изъ страны— всякій разъ при такихъ условіяхъ можетъ случиться, что вексельный курсъ поднимается значительно выше al pari. Такъ, напримѣръ, когда Франція выплачивала Германіи пятимилліардную контрибуцію, ей, конечно, трудно было собрать массу золота для покрытія такого огромнаго выкупа, и потому французское правительство повсюду искало векселей на Германію, или даже на Лондонъ, чтобы расплатится путемъ а р б и т р а ж а [20]). Послѣдствіемъ было то, что вексельный курсъ на Германію и даже на Лондонъ долгое время держался значительно выше al pari не только во Франціи, но даже и за границей.

---

[20]) Арбитражъ—не что иное, какъ мѣновая операція, но болѣе сложная.

Вотъ въ чемъ она состоитъ. Векселя на Лондонъ находятся не только въ Парижѣ, они бываютъ во всѣхъ торговыхъ центрахъ міра. Если они слишкомъ дороги въ Парижѣ, можно поискать ихъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ, вслѣдствіе иныхъ условій они будутъ дешевле. Вотъ эта-то операція, состоящая в ъ п о к у п к ѣ б у м а г ъ т а м ъ, г д ѣ о н ѣ д е ш е в ы, д л я п е р е п р о д а ж и и х ъ т а м ъ, г д ѣ о н ѣ д о р о г и, и есть именно то, что называется арбитражемъ. Арбитражисты проводятъ все свое время у телефона, освѣдомляясь о курсѣ въ разныхъ мѣстахъ.

Арбитражъ ведетъ къ тому выгодному результату, что облегчаетъ всѣмъ странамъ расплату путемъ компенсацій. Въ самомъ дѣлѣ, дороговизна бумагъ является характернымъ признакомъ для тѣхъ странъ, гдѣ пассивные долги превышаютъ активные, и такія страны однѣ не въ состояніи погасить свои долги путемъ компенсаціи. Но онѣ могутъ возстановить равновѣсіе и покрыть всю сумму своихъ долговъ путемъ компенсаціи съ помощью бумагъ, которыя арбитражисты найдутъ для нихъ за границей (они скупятъ эти бумаги именно въ тѣхъ странахъ, которыя находятся въ прямопротивоположномъ положеніи, т. е. тамъ, гдѣ активные долги превышаютъ пассивные, ибо только тамъ векселя на заграничныя страны и стоятъ дешево).—Это очень счастливый выходъ, ибо если бы компенсація (уравненіе) должна была производиться только между двумя странами, она была бы большею частью невозможна,—рѣдкая случайность, что ввозъ и вывозъ у двухъ находящихся въ торговыхъ отношеніяхъ странъ какъ разъ совпадаютъ. Такъ, напримѣръ, Франція покупаетъ у Россіи гораздо больше, чѣмъ продаетъ ей, и, напротивъ, сама продаетъ Англіи гораздо больше, чѣмъ покупаетъ у нея.

IX.

Повышеніе нормы учетнаго процента.

Бываютъ случаи, когда банки стоятъ предъ необходимостью размѣна большого количества своихъ билетовъ; это случается всякій разъ, какъ предстоятъ крупные платежи за границу. Такъ какъ эти платежи не могутъ быть покрыты билетами, а только звонкой монетой, то приходится обращаться къ банку за обмѣномъ билетовъ на металлъ.

Если, вслѣдствіе плохого урожая, слѣдуетъ купить за границей, предположимъ, около 20 милліоновъ центнеровъ хлѣба, то вотъ и составляется уже сумма приблизительно въ 400 милліоновъ франковъ, которую придется переслать въ Америку или въ Россію, а банкъ долженъ разсчитывать, что значительнѣйшую часть этой суммы, если не всю, придутъ почерпнуть изъ его кассы. Банкирскія кладовыя, какъ мы видѣли, представляютъ изъ себя резервуаръ, гдѣ скопляется громаднѣйшая часть подвижного капитала страны въ видѣ звонкой монеты, и этотъ резервуаръ является единственнымъ источникомъ, откуда почерпаютъ деньги въ случаѣ надобности. Такое положеніе можетъ стать для банка опаснымъ, если его денежный запасъ и, въ особенности, золотой запасъ недостаточно великъ. Къ счастью, вексельный курсъ gold point заранѣе предупреждаетъ банкъ о приближеніи такого положенія съ большей точностью, чѣмъ барометръ предупреждаетъ моряка или манометръ – машиниста. Въ самомъ дѣлѣ, если вексельный курсъ становится неблагопріятнымъ, иначе говоря, если бумаги на заграничныя страны продаются выше al pari, банкъ долженъ заключить изъ этого, что гораздо больше должниковъ, которымъ приходится платить за границу, чѣмъ тѣхъ, кто получитъ оттуда платежи, и что, слѣдовательно, за невозможностью сбалансировать счеты путемъ компенсаціи, придется посылать звонкую монету для уплаты разности.

Но, и помимо повышенія вексельнаго курса, одно ужъ прогрессивное увеличеніе числа векселей, совпадающее съ уменьшеніемъ металлическаго запаса въ банкахъ, свидѣтельствуетъ о приближающемся критическомъ положеніи. Наблюденіе надъ этими двумя явленіями подсказало Жюгляру средство предвидѣть экономиче-

скіе кризисы и представить ихъ въ графическомъ видѣ. Проводятся двѣ кривыхъ—одна, указывающая сумму векселей въ портфеляхъ банковъ, а другая—сумму металлической наличности въ банкахъ. Кризисъ нависаетъ всякій разъ, какъ кривыя портфеля и наличности быстро начинаютъ расходиться и, наоборотъ, возвратъ къ нормальному положенію становится вѣроятнымъ, какъ только обѣ кривыя стремятся сблизиться. Въ самомъ дѣлѣ, восхожденіе первой кривой указываетъ на ростъ торговыхъ сдѣлокъ и на нужду въ кредитѣ, а паденіе второй свидѣтельствуетъ о нуждѣ въ деньгахъ. Опытъ обыкновенно подтверждалъ этотъ остроумный способъ предвидѣнія.

Итакъ, приближеніе опасности констатировано: банку предстоитъ принять мѣры предосторожности. Для того, чтобы предупредить возможность заявленія слишкомъ значительныхъ требованій размѣна, банку надлежитъ принять необходимыя мѣры либо для увеличенія своего металлическаго запаса, либо для уменьшенія количества своихъ, находящихся въ обращеніи, билетовъ.

Не во власти, конечно, банка увеличить свой металлическій запасъ, но зато отъ него зависитъ не выпускать больше билетовъ въ обращеніе, т. е. не ссужать больше денегъ публикѣ ни въ видѣ выдачъ подъ цѣнныя бумаги, ни въ видѣ учета (ибо только благодаря этимъ двумъ операціямъ банкъ вводитъ въ обращеніе свои билеты). Ясно, что это средство вполнѣ достигнетъ цѣли.

Ибо, съ одной стороны, за прекращеніемъ выпуска билетовъ, количество ихъ, уже находящееся въ обращеніи, не будетъ больше увеличиваться.

Съ другой стороны, вслѣдствіе постепеннаго наступленія сроковъ платежей по находящимся въ портфелѣ банка векселямъ въ кассу банка ежедневно поступаетъ значительное количество либо билетовъ, отъ чего настолько же уменьшается число ихъ въ обращеніи, либо звонкой монеты, отъ чего увеличивается настолько же металлическій запасъ банка.

Все-таки, такое полное прекращеніе выдачъ ссудъ и учета, какое мы только что предположили, было бы слишкомъ радикальной мѣрой. Съ одной стороны, уничтоживъ всякій кредитъ, оно вызвало бы въ странѣ ужасный кризисъ; а съ другой, уничтоживъ операціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и барыши банка, оно причи-

нило бы ему большой ущербъ. Но банкъ можетъ достигнуть того же результата болѣе мягкимъ способомъ для торговли и болѣе выгоднымъ для себя самого, сокративъ сумму выдаваемыхъ ссудъ. Для этого ему достаточно либо повысить норму учетнаго процента, либо быть болѣе требовательнымъ по отношенію къ представляемымъ для учета векселямъ, отказываясь дисконтировать векселя со слишкомъ отдаленными сроками или недостаточно надежными подписями [21]).

Конечно, и эта мѣра, даже осторожно примѣняемая, не особенно пріятна купцамъ, тѣмъ болѣе, что она дѣлаетъ затруднительнымъ полученіе звонкой монеты какъ разъ въ такой моментъ, когда ощущается большой недостатокъ въ ней. Даже обвиняли банки въ томъ, что они такимъ образомъ часто вызываютъ кризисы, и это не безъ основанія. Это – сильно дѣйствующее средство, но, несмотря на это, оно наиболѣе подходитъ къ данному положенію, и предусмотрительный банкъ не долженъ колебаться прибѣгнуть къ нему для защиты своего металлическаго запаса. Опытъ вполнѣ подтвердилъ дѣйствительность его.

Предотвращая угрожающій банку ударъ, эта мѣра оказывается выгодной не только для банка, но и для цѣлой страны путемъ благопріятнаго измѣненія ея экономическаго положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, *предположимъ, что Франціи предстоитъ произвести* крупные платежи за границей. Повышеніе нормы учетнаго процента, во время появившееся, совершенно измѣнитъ ея положеніе, превративъ ее въ кредитора заграничныхъ странъ на значительныя суммы, и, слѣдовательно, вызоветъ приливъ иностранной звонкой монеты или, по крайней мѣрѣ, помѣшаетъ убыли французской монеты. Вотъ что, въ самомъ дѣлѣ, произойдетъ:

Первымъ слѣдствіемъ повышенія нормы учетнаго процента будетъ паденіе въ цѣнѣ всѣхъ кредитныхъ бумагъ.

[21]) У Французскаго банка есть гораздо болѣе простое средство защиты своего золотого запаса: онъ просто пользуется правомъ, принадлежащимъ каждому должнику при режимѣ биметаллизма, и платитъ серебромъ (5-тифранк. монетами; ихъ имѣется на милліардъ). Онъ и не упускалъ дѣлать такъ всякій разъ какъ находилъ это необходимымъ. Такъ именно онъ поступилъ во время кризиса 1907 г. Поэтому-то онъ могъ сохранить норму своего учета въ 3% (и только непродолжительное время—4%), тогда какъ Англійскій банкъ и Нѣмецкій поднимали ее до 7 и $7^1/_2$ %. Это обстоятельство сильно поражало всѣхъ, а, между тѣмъ, никакой особенной заслуги со стороны Французскаго банка тутъ нѣтъ; все дѣло въ томъ, что у другихъ банковъ не было возможности отказаться платить золотомъ.

Вексель въ 1000 фр., который при 3% учетѣ продавался въ Парижѣ за 970 франковъ, будетъ продаваться не больше, какъ за 930 фр.; когда учетный процентъ будетъ 7%,—паденіе въ цѣнѣ болѣе, чѣмъ въ 4% [22]). При такихъ условіяхъ, банкиры всѣхъ странъ, а въ особенности тѣ, которые занимаются арбитражемъ, поспѣшатъ посылать деньги во Францію на покупку этихъ векселей, потому что они тамъ дешевы, и металлическій запасъ Франціи такимъ образомъ увеличится на всю совокупность суммъ, затраченныхъ на эти покупки.

Второе слѣдствіе—паденіе въ цѣнѣ всѣхъ биржевыхъ бумагъ.—Каждый финансистъ знаетъ, что биржа очень чувствительна по отношенію къ высотѣ учетнаго процента, и что повышеніе учетнаго процента почти всегда ведетъ къ паденію курса бумагъ. Происходитъ это потому, что биржевыя цѣнности (въ особенности, такъ называемыя, международныя, какъ котируемыя на главныхъ европейскихъ биржахъ) часто употребляются купцами, или, по крайней мѣрѣ, банкирами вмѣсто торговыхъ кредитныхъ бумагъ [23]) для уплаты ихъ долговъ за границей. Какъ только имъ становится ясно, что они не могутъ, или могутъ только съ крупными потерями, достать на свои векселя деньги, они предпочитаютъ обезпечить себѣ фондъ путемъ продажи ренты или какихъ-нибудь другихъ цѣнныхъ бумагъ. Поэтому послѣднія начинаютъ падать въ цѣнѣ и раздѣлять судьбу торговыхъ кредитныхъ бумагъ. Но, подобно тому, какъ паденіе въ цѣнѣ векселей вызвало спросъ на нихъ со стороны заграничныхъ банковъ, такъ и пониженіе биржевыхъ цѣнностей вызоветъ многочисленныя закупки ихъ со стороны заграничныхъ капиталистовъ, и такимъ образомъ Франція опять-таки окажется кредиторомъ заграничныхъ банкировъ на всю совокупность значительныхъ суммъ, затраченныхъ на всѣ эти покупки.

Наконецъ, если повышеніе учетнаго процента сильно и длится

---

[22]) Мы высчитываемъ учетный процентъ на годичный срокъ.

[23]) Если вамъ предстоитъ произвести платежъ въ Лондонѣ, то проще всего, конечно, для васъ отыскать кредитную бумагу на Лондонъ, но вы можете равнымъ образомъ прибѣгнуть къ купонамъ итальянской ренты, облигаціямъ ломбардскихъ желѣзныхъ дорогъ, акціямъ оттоманскаго банка, трансваальскихъ золотыхъ пріисковъ, Ріо Тинто, и т. д., которыя тоже платежомъ на Лондонъ. Это настоящія международныя деньги и пользуются ими постоянно для цѣлей международнаго оборота.

довольно долго, оно повлечетъ за собой еще третье слѣдствіе — понижение цѣнъ на всѣ товары.—Нуждаясь въ деньгахъ, купцы пытаются достать ихъ сначала путемъ продажи имѣющихся у нихъ векселей; какъ только этотъ источникъ изсякнетъ или становится очень дорогимъ, они обращаются къ биржевымъ цѣнностямъ, если таковыя имѣются у нихъ въ портфелѣ, и, наконецъ, доведенные до крайности, они должны для обезпеченія себѣ денегъ продать, „реализовать", имѣющіеся у нихъ на складахъ товары. Отсюда общее пониженіе цѣнъ. Но это пониженіе опять таки приведетъ къ тѣмъ же слѣдствіямъ, но въ еще большихъ размѣрахъ, иначе говоря, оно вызоветъ покупки со стороны заграничныхъ странъ, увеличитъ тѣмъ самымъ вывозъ изъ Франціи и, слѣдовательно, сдѣлаетъ ее кредиторомъ ихъ.

Въ общемъ, всѣ эти слѣдствія можно резюмировать такимъ образомъ: повышение нормы учетнаго процента создаетъ искусственный недостатокъ въ деньгахъ[24]) и тѣмъ самымъ выражаетъ общее понижение всѣхъ цѣнностей, что, несомнѣнно, зло, но это же повышеніе вызываетъ въ дальнѣйшемъ значительный спросъ изъ-за границы, а, слѣдовательно, и приливъ денегъ, что является, конечно, добромъ и, какъ разъ подходящимъ къ положенію, цѣлебнымъ средствомъ.

---

[24]) Мы называемъ этотъ недостатокъ искусственнымъ, но онъ, все-таки, соотвѣтствуетъ дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, стремящейся осуществиться возможности, а именно—факту отлива звонкой монеты за границу. Зло лѣчатъ зломъ,— принципъ гомеопатической школы въ медицинѣ: similia similibus.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

Первая часть.

Различные способы распредѣленія.

ГЛАВА I.

Современный способъ.

I.

Какъ происходитъ распредѣленіе благъ.

Если бы каждый человѣкъ производилъ отдѣльно отъ другихъ, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ, то онъ и оставлялъ бы себѣ произведенную имъ вещь, и не было бы и вопроса о распредѣленіи. Силою вещей примѣнялось бы правило: каждому свое, suum cuique.

Но подобный порядокъ, который, согласно предположенію, исключалъ бы всякій обмѣнъ и всякое раздѣленіе труда, не совмѣстимъ со строемъ всякой общественной жизни. Даже у дикихъ племенъ, живущихъ охотой или рыбной ловлей, онъ безусловно никогда не осуществлялся. А что же сказать о нашихъ современныхъ обществахъ? Какъ каждый изъ насъ былъ бы непріятно пораженъ, если вдругъ вздумали бы примѣнить этотъ порядокъ къ намъ, если бы, напримѣръ, сказали булочнику или сапожнику: Вы произвели столько-то хлѣба или паръ башмаковъ. Прекрасно! Оставьте ихъ у себя. Это ваша доля!

Мы видимъ, какъ во всякомъ культурномъ обществѣ каждое отдѣльное лицо безпрерывно, путемъ продажи своихъ товаровъ или отдачи въ наемъ своихъ услугъ, бросаетъ въ общій круговоротъ цѣнности, и какъ оно, тоже безпрерывно, извлекаетъ оттуда другія цѣнности въ формѣ различныхъ доходовъ. Каждый изъ насъ предлагаетъ на рынкѣ то, чѣмъ онъ владѣетъ: землевладѣлецъ—урожай своей земли, домовладѣлецъ—помѣщеніе, капиталистъ — денежный капиталъ, фабрикантъ — продукты своей фабрики, а тотъ, кто не владѣетъ ни землей, ни капиталомъ, предлагаетъ свои руки или свой умъ. Каждый изъ нихъ, конечно, старается продать свои продукты, или отдать въ наемъ свои услуги возможно дороже, но это зависитъ не отъ него, ибо эти продукты или эти услуги продаются на рынкѣ по цѣнѣ, опредѣляемой закономъ предложенія и спроса; а это значитъ (если мы припомнимъ данныя выше объясненія по вопросу о цѣнности), что они продаются по болѣе или менѣе высокой цѣнѣ, смотря по тому, отвѣчаютъ ли они болѣе или менѣе интенсивнымъ желаніямъ общества. Слѣдовательно, само общество или потребитель опредѣляетъ приходящуюся намъ долю съ помощью той цѣны, которую оно назначаетъ за наши продукты или наши услуги, и которую оно соглашается уплатить намъ; а эта цѣна и составляетъ нашъ доходъ, представляющійся въ разнообразныхъ видахъ заработныхъ платъ, гонораровъ, наемныхъ или арендныхъ платъ, процентовъ или прибылей отъ продажи продуктовъ.

Весь вопросъ о распредѣленіи сводится, слѣдовательно, къ слѣдующему: получаетъ ли каждый человѣкъ изъ массы благъ цѣнность, равнозначущую той, которую онъ внесъ въ эту массу?

Экономисты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно.

Развѣ,—говорятъ они,—законъ предложенія и спроса, сохраняющій равенство обмѣниваемыхъ цѣнностей, не является какъ разъ тѣмъ механизмомъ, который позволяетъ каждому извлекать изъ массы благъ сумму цѣнностей, равнозначущую вложенной имъ въ эту массу цѣнности? И развѣ эта равнозначимость не измѣрена самымъ безпристрастнымъ и менѣе всего произвольнымъ образомъ, поскольку обмѣнъ на рынкѣ основанъ на свободномъ договорѣ? Развѣ не совмѣстимо съ соціальной полезностью, а также и со справедливостью, чтобы наиболѣе желаемыя и наиболѣе рѣдкія блага—иначе говоря, блага, отвѣчающія самымъ настоятель-

нымъ потребностямъ общества и находящіяся еще въ недостаточномъ количествѣ для ихъ удовлетворенія—имѣли и наибольшую цѣнность?

Къ тому же эти неравенства находятъ себѣ предѣлъ въ конкурренціи. Послѣдняя всегда стремится исправить несправедливости, къ которымъ могъ бы повести подобный режимъ, ибо если случается, что такой-то продуктъ или такая-то услуга оцѣниваются по слишкомъ высокой цѣнѣ, немедленно же толпа соперниковъ, жаждущихъ попользоваться неожиданной прибылью, нахлынетъ въ ту же промышленность или профессію, подниметъ предложеніе тѣхъ же продуктовъ или тѣхъ же услугъ и собьетъ цѣнность ихъ до уровня стоимости производства,—иначе говоря, цѣнность всякой вещи въ конечномъ счетѣ стремится къ соотвѣтствію съ затраченными на нее усиліями и понесенными издержками.

Такъ экономисты объясняютъ и оправдываютъ современный способъ распредѣленія богатствъ. Въ качествѣ объясненія точка зрѣнія экономистовъ прекрасна, но, какъ оправданіе современнаго способа распредѣленія, она оставляетъ желать очень многаго.

Съ практической точки зрѣнія, вѣрно, что современный порядокъ распредѣленія имѣетъ огромное преимущество надъ всѣми другими системами, какія только можно было бы себѣ представить,—онъ движется самъ по себѣ, функціонируетъ автоматически. Законъ предложенія и спроса дѣлаетъ излишнимъ вмѣшательство какой-бы то ни было власти: законодателю остается только предоставить каждому свою часть—подобно матери семейства, распредѣляющей пирожное между своими дѣтьми—потому что каждый самъ достаетъ свою часть; законодателю приходится вмѣшиваться только для того, чтобы помѣшать взять чужую часть.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что если этотъ строй движется самостоятельно, то создавался онъ не самостоятельно. Если онъ движется теперь самъ по себѣ, то только потому, что механизмъ его приведенъ въ полный порядокъ. А когда шло дѣло о томъ, чтобы пустить все это въ ходъ, т. е. создать частную собственность со всѣми ея аттрибутами—арендной платой, рентой, процентомъ,—нужна была власть королей, или дворянъ, или парламентовъ, вѣка завоеваній, сотни революцій, тысячи законовъ. И эта работа трансформаціи производится безпрерывно, такъ что было бы очень трудно открыть въ современномъ экономическомъ строѣ

то, что остается еще въ немъ отъ, такъ называемаго, естественнаго порядка.

А, съ другой стороны, что это такое, такъ называемая, равнозначимость между тѣмъ, что вносится каждымъ въ массу богатствъ, и тѣмъ, что оттуда берется?

Прежде всего, законъ предложенія и спроса — этотъ верховный распредѣлитель — естественный законъ, — пусть будетъ такъ, но именно потому, что онъ естественный законъ, онъ абсолютно амораленъ, а также безучастенъ ко всѣмъ нашимъ законамъ о нравственности или справедливости, какъ любой другой естественный законъ, хотя бы законъ обращенія крови въ нашемъ организмѣ, заставляющій биться наше сердце одинаково какъ для добра, такъ и для зла, или законъ вращенія земли, согласно которому, по выраженію евангелія, „солнце свѣтитъ, и дождь падаетъ для добрыхъ и злыхъ".

Вотъ, напримѣръ, метельщикъ улицъ; ему платятъ по 3 фр. въ день за то, что онъ блюдетъ чистоту въ общественныхъ мѣстахъ и охраняетъ насъ отъ эпидемій. А вотъ, съ другой стороны, піанистъ, которому платятъ 12,500 фр. за два часа игры на концертѣ [1]).

Или вотъ еще чемпіоны бокса въ Парижѣ и Лондонѣ, которые получили за борьбу, продолжавшуюся всего 5 минутъ, 6000 фр., —это максимумъ того, что когда-либо приносилъ трудъ (если позволено будетъ такъ выразиться). На вопросъ, почему послѣдніе (піанистъ и боксеръ) получаютъ въ сто тысячъ разъ больше перваго, школа Бастіа, не задумываясь, отвѣтитъ:—„Потому, что послѣдніе оказываютъ обществу услугу въ сто тысячъ разъ бо́льшую, чѣмъ первый... а доказательствомъ служитъ то, что общество согласно платить за нее въ сто тысячъ разъ больше. Оно можетъ быть неправо, но мы можемъ опредѣлить цѣнность оказанныхъ услугъ только на основаніи цѣны, которую оно даетъ за нихъ [2]). Давая за мои продукты высокую цѣну, а за ваши, на-

[1]) „Знаменитый піанистъ П. только что подписалъ ангажементъ въ Соединенные Штаты: онъ дастъ 100 концертовъ и получитъ за это 1,250,000 фр. (т. е. по 12,500 фр. за концертъ). Онъ только что получилъ 35000 фр. за одно выступленіе въ Чикаго." (Выписка изъ америк. газетъ 1895 г.)—Одинъ итальянецъ-теноръ заявилъ недавно, что зарабатываетъ 1,200,000 въ годъ.

[2]) И не упустятъ случая напомнить по этому поводу слова какой-то пѣвицы, отвѣтившей императрицѣ Екатеринѣ, которая сѣтовала на то, что пѣвица осмѣлилась спросить себѣ жалованіе болѣе значительное, чѣмъ жалованье маршаловъ императрицы: „Ну, такъ заставьте пѣть вашихъ маршаловъ!"

противъ, низкую, публика тѣмъ самымъ не измѣряетъ въ точности степень важности, соціальной полезности, которую она приписываетъ нашимъ продуктамъ или нашимъ трудамъ."—Плохой судья, скажутъ. А кто же лучше будетъ судить, если не потребитель?

Прекрасно, но пусть тогда не говорятъ о соціальной справедливости, если услуги, безъ которыхъ люди не могутъ жить—отъ простого ручного труда до труда изобрѣтателей, умирающихъ отъ нищеты – могутъ не имѣть почти никакой мѣновой цѣнности, тогда какъ, напротивъ, такія дѣйствія, которыя доставляютъ только ничтожному кругу богачей мимолетнѣйшее, и можетъ быть, даже безнравственнѣйшее наслажденіе, могутъ цѣниться на вѣсъ золота и обезпечиваютъ состояніе тѣмъ, кто умѣетъ доставать ихъ вовремя [3]).

А что касается конкурренціи, то нельзя разсчитывать на то, что она исправляетъ неравенство и проводитъ вознагражденіе каждаго къ лучшей нормѣ въ зависимости отъ труда или заслуги, ибо конкурренція вліяетъ, главнымъ образомъ, на самыя обычныя отрасли труда и услуги, и самыя полезныя въ то же время, чтобы еще болѣе понизить на нихъ цѣну, тогда какъ избранныя отрасли труда, такъ называемыя, благородныя услуги всегда составляютъ болѣе или менѣе монополію. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ самымъ жестокимъ образомъ испытываетъ на себѣ законъ конкурренціи метельщикъ улицъ, а не виртуозъ и не лэндлордъ.

Тѣмъ не менѣе, если бы въ современномъ способѣ распредѣленія богатства не было другой причины неравенства, кромѣ только что указанной и вытекающей изъ закона предложенія и спроса, этотъ способъ можно было бы признать соотвѣтствующимъ—дурно-ли, хорошо-ли—выставленному выше принципу распредѣленія богатства, достаточно удовлетворяющимъ справедливости, основанной на принципѣ обмѣна. Дѣйствительно, можно было бы, пожалуй, сказать, что каждый вознаграждается сообразно оказаннымъ имъ услугамъ, если бы отвлечься отъ всякаго опредѣленія

---

[3]) Геркенратъ (въ голландскомъ переводѣ этой книги) замѣчаетъ, что эти несправедливости закона цѣнностей зависятъ, особенно, отъ того факта, что наши о ц ѣ н к и несправедливы, и что съ прогрессомъ моральнаго воспитанія рода человѣческаго могутъ измѣниться эти оцѣнки и стать болѣе соотвѣтствующими справедливости.—Это возможно; поэтому-то мы и не говоримъ, что законъ цѣнности иммораленъ, а только говоримъ, что онъ аморалеиъ. Если бы всѣ люди сдѣлались справедливыми, то и законъ цѣнностей, можетъ быть, сталъ бы тоже справедливымъ.

моральной и соціальной оцѣнки этихъ услугъ. Да и неравенства, которыя отсюда происходили бы, были бы непостоянными, подобно закону предложенія и спроса, ихъ опредѣляющему, а, вслѣдствіе того, съ ними легче примирялись бы. Но дѣло въ томъ, что существуетъ другая, болѣе серьезная и болѣе постоянная причина неравенства,—причина, обусловливаемая пріобрѣтенной собственностью.

Въ самомъ дѣлѣ, лица, появляющіяся на рынкѣ для обмѣна своими продуктами или своими услугами, оказываются здѣсь не въ равныхъ, а въ высокой степени неравныхъ условіяхъ, при чемъ это ихъ неравенство зависитъ не столько отъ ихъ индивидуальныхъ качествъ, сколько отъ обладанія болѣе или менѣе могущественными орудіями производства. Посмотрите, какая громадная разница между поденщикомъ, предлагающимъ лишь свои руки, т. е. силу, находящуюся на рынкѣ въ излишкѣ и потому малоцѣнную, и фабрикантомъ, приносящимъ свои машины въ тысячи лошадиныхъ силъ, капиталистомъ, приходящимъ съ мѣшками золота, землевладѣльцемъ или домовладѣльцемъ, владѣющимъ необходимой для жизни землей! Можно, конечно, сказать, что послѣдніе оказываютъ огромныя услуги, ибо неоцѣненная услуга—доставить другимъ людямъ средства, необходимыя для труда, или помѣщенія, необходимыя для того, чтобы жить, плодиться и умирать. Но не особенно ясно, въ силу какого принципа справедливости или соціальной полезности нѣкоторые люди облечены пріятной привилегіей быть въ состояніи оказывать своимъ ближнимъ столь драгоцѣнныя и столь дорого оплачиваемыя услуги.

Слѣдовательно, очевидно, что неравенство получаемаго вознагражденія вытекаетъ главнымъ образомъ изъ неравенства состояній. Распредѣленіе доходовъ по необходимости предопредѣляется присвоеніемъ земель и капиталовъ. Но почему же одни приходятъ на рынокъ, или даже приходятъ въ этотъ міръ, уже надѣленными и почти заранѣе увѣренными въ разсчетахъ на львиную долю?

И чѣмъ они надѣлены? — Собственнымъ трудомъ? — Закономъ?—Силой?—Всѣ эти вопросы слѣдуетъ теперь разсмотрѣть.

II.

Основаніе правъ собственности.

Какъ мы только что видѣли въ предыдущей главѣ, право частной собственности является великимъ двигателемъ всего механизма распредѣленія въ культурныхъ обществахъ. Все движется на правѣ частной собственности. Поэтому необходимо знать, на чемъ она основывается.

Пользованіе вещами почти всегда предполагаетъ извѣстное присвоеніе. Чтобы воспользоваться хлѣбомъ, надо его съѣсть; чтобы воспользоваться платьемъ, надо его носить; въ домѣ надо жить; землю надо обрабатывать.

Но можно пользоваться вещью, не будучи собственникомъ ея,— въ качествѣ владѣльца, арендатора, заемщика и т. д. Собственность появляется лишь тогда, когда присвоеніе, именно, обособляется отъ простого личнаго пользованія богатствами; собственникомъ становятся тогда, когда имѣется право либо держать вещь, не пользуясь ею лично, но запрещая постороннему лицу дотрогиваться до нея, либо отдавать ее въ пользованіе другимъ, — это право безусловнаго распоряженія вещью, jus abutendi. Такова, по крайней мѣрѣ, наивысшая концепція права частной собственности, выкованная римскимъ правомъ.

Каковы способы пріобрѣтенія собственности?—Важнѣйшіе способы—покупка, дареніе и наслѣдованіе по духовному завѣщанію или по закону. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это все, какъ выражаются юристы, производные, иначе говоря, посредственные способы: всѣ они предполагаютъ переуступку собственности волею сторонъ (въ первыхъ трехъ случаяхъ) или по закону (въ послѣднемъ случаѣ) и, слѣдовательно, подразумѣваютъ существованіе уже конституированной собственности. Намъ же хочется знать, какъ первоначально [4]) конституируется собственность.

[4]) Мы не имѣемъ въ виду говорить здѣсь о такихъ способахъ пріобрѣтенія собственности, какъ кража въ различныхъ видахъ ея, или какъ случай въ формѣ выигрыша въ играхъ, въ пари и въ лотереѣ. Хотя эти способы представляютъ значительныя суммы во всѣхъ странахъ, все-таки, проявленіе ихъ въ общемъ весьма ничтожно. Если, по словамъ соціалистовъ, эти способы фигурируютъ при зарожденіи всякой собственности, если сама собственность, согласно знаменитому опредѣленію, есть воровство, то это только потому, что соціалисты думаютъ найти ихъ въ скрытомъ видѣ въ освященныхъ закономъ способахъ пріобрѣтенія.

И вотъ тутъ-то юристы указываютъ намъ только три способа, которые, впрочемъ, какъ мы увидимъ дальше, могутъ свестись къ одному: владѣнію.

Какъ на первоначальный фактъ, отъ котораго проистекаетъ всякое право собственности, указываютъ, прежде всего, на завладѣніе (occupatio). „Исторически и логически присвоеніе предшествуетъ всякому производству... Первобытные народы разсматриваютъ владѣніе, какъ наилучшій титулъ собственности. Пріоритетъ завладѣнія есть единственный титулъ, который можно предпочесть праву сильнѣйшаго“ [5]). Дѣйствительно, завладѣніе предполагаетъ вступленіе во владѣніе какимъ-нибудь благомъ, никому не принадлежащимъ, и, слѣдовательно, оно лучше изгнанія слабаго сильнымъ; завладѣніе представляетъ прогрессъ по сравненію съ правомъ завоеванія [6]). Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что завладѣніе также не заключаетъ въ себѣ момента труда (напримѣръ, открытіе сокровища, занятіе дѣвственной почвы), оно не представляетъ экономической цѣнности и достаточнаго моральнаго основанія для того, чтобы на немъ можно было утвердить вѣчное и неограниченное право собственности. [7])

Приращеніе или присоединеніе есть способъ пріобрѣтенія, основанный на томъ принципѣ, что принадлежность раздѣляетъ судьбу главной вещи. Въ силу именно этого способа, собственнику земли приписывается собственность на сооруженія, возведенныя на его участкѣ, или на насажденія, взращенныя на его землѣ чужимъ трудомъ, или хозяину, доставившему сырой матеріалъ, приписывается собственность на выдѣланный изъ этого матеріала предметъ. Онъ представляетъ, слѣдовательно, нѣчто въ родѣ расширенія права завладѣнія и имѣетъ тѣ же свойства, что и это послѣднее.

---

[5]) Grahom Sumner, Des devoirs respectifs des classes de la Société.

[6]) Въ античныхъ обществахъ собственность была основана на правѣ завоеванія. Типичной формой квиритской собственности въ Римѣ является собственность, пріобрѣтенная sub hasta (копье, воткнутое въ землю, служило знакомъ публичной продажи. Прим. переводчика). И въ древней греческой пѣснѣ говорится: „Мое богатство—мое копье, мой мечъ и мой прекрасный щитъ, оплотъ моего тѣла; съ ними я пашу, съ ними я сѣю и собираю виноградъ въ моемъ виноградникѣ.“ (Цит. у Гиро: La propriété en Grece, стр. 127).

[7]) Въ Кодексѣ Наполеона о завладѣніи не говорится, но оно подразумѣвается, когда рѣчь идетъ объ охотѣ, рыбной ловлѣ, сокровищѣ и безхозяйныхъ вещахъ.

Но эти оба способа пріобрѣтенія отодвигаются на задній планъ третьимъ, давностью (или usucapio, какъ выражалось старое римское право), которая приписываетъ собственность на всякую вещь тому, кто владѣлъ ею въ теченіе извѣстнаго времени, а въ отношеніи движимости даже и не требуется какого-либо періода владѣнія. Въ отношеніи недвижимости давность избавляетъ отъ необходимости восходить къ первоначальному факту завладѣнія, провѣрка коего была бы невозможной. Когда же рѣчь заходитъ о продуктахъ, она избавляетъ отъ необходимости провѣрять, было ли приращеніе или его не было. Вотъ, такимъ образомъ, единственное юридическое основаніе собственности. Но вѣдь оно, по самому опредѣленію своему, ничего больше въ себѣ не заключаетъ, кромѣ грубаго факта, лишеннаго всякой моральной цѣнности. Правда, возможно совпаденіе давности и захвата съ трудомъ и сбереженіемъ (ниже мы изслѣдуемъ это), но по закону это вовсе не необходимо.

Понятно поэтому, что всѣ усилія ученыхъ направлены къ тому, чтобы найти для права собственности болѣе прочное основаніе, чѣмъ голый фактъ владѣнія. Но какое же это основаніе?

1. Естественное право?—Это классическій, но нынѣ сильно дискредитированный, принципъ, ибо если съ помощью его можно объяснить право собственности, какъ пользованіе вещами для удовлетворенія нашихъ потребностей, то онъ не примѣнимъ къ праву собственности, какъ къ власти надъ другими. А, съ другой стороны, нѣтъ болѣе революціонной теоріи, чѣмъ теорія, представленная этимъ принципомъ, ибо если собственность есть естественное право, то что же сказать массамъ людей, лишенныхъ собственности и требующихъ ея?—Однако, отъ этого принципа вотъ что остается: собственность есть необходимое условіе личной независимости, потому что тотъ, кто ничѣмъ не владѣетъ, ставится въ необходимость итти на службу къ другимъ, чтобы обезпечить себѣ существованіе, а отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что обществу слѣдовало бы поставить себѣ цѣль—обезпечить каждому человѣку минимумъ собственности.

2. Трудъ?—Были затрачены огромныя усилія для доказательства этого положенія. Экономисты (и даже папа Левъ XIII въ своей энцикликѣ De conditioneipificum) опредѣляютъ право собственности, какъ „право человѣка на продуктъ своего личнаго труда.“ Слѣдовательно, человѣкъ является какъ бы собственникомъ всѣхъ

вещей, созданныхъ его дѣятельностью и представляющихъ, такъ сказать, естественное продолженіе его личности. Но того, кто захотѣлъ бы руководствоваться этимъ критеріемъ на практикѣ, постигли бы неожиданныя разочарованія. Попробуйте заглянуть въ инвентарь вашего имѣнія: Вотъ этотъ домъ, напр., — развѣ онъ продуктъ вашего труда?—Нѣтъ: отъ достался вамъ отъ отца.—А вотъ эти лѣса, луга,—развѣ они продуктъ вашего труда?—Нѣтъ: ничьимъ продуктомъ труда они не являются.—А товары, заполняющіе ваши склады, или жатва, собранная въ вашихъ закромахъ,—развѣ это продуктъ вашего труда?—Нѣтъ: они продуктъ труда вашихъ рабочихъ или вашихъ арендаторовъ.—Но какъ же тогда?..

Юристы болѣе осторожны и точны. Они опредѣляютъ право частной собственности просто по его свойствамъ, не заботясь объ оправданіи его; для нихъ это—право, проявляемое даннымъ лицомъ надъ вещью и исключающее притязанія на нее со стороны всякаго другого лица. Весьма замѣчательно то, что ни тексты римскаго права, ни даже статьи французскаго гражданскаго кодекса, вышедшаго, однако, изъ нѣдръ Революціи, не ввели въ опредѣленіе права собственности момента труда! Тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего неожиданнаго въ томъ, что трудъ не фигурируетъ въ числѣ приводимыхъ ими различныхъ способовъ пріобрѣтенія собственности. Понятно, что въ древности трудъ не могъ служить для пріобрѣтенія собственности, потому что тогда трудъ былъ почти исключительно рабскимъ, т. е. самъ работникъ былъ собственностью господина. Но и нынѣ еще, какъ общее правило, трудъ не служитъ для рабочаго источникомъ права на продуктъ его труда: характерной чертой, такъ называемаго, „рабочаго договора“ является то, что наемный рабочій не имѣетъ никакого права на продуктъ своего труда. Тотъ, кто далъ ему работу, такъ называемый, хозяинъ, пріобрѣтаетъ въ собственность его продуктъ. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочій, самостоятельный производитель, крестьянинъ, напр., или ремесленникъ, имѣетъ право собственности на продукты, это происходитъ вовсе не отъ того, что эти продукты—плодъ его труда, а отъ того, что право собственности его, какъ собственника земли или сырья, распространяется на все то, что исходитъ отъ земли, или на все то, что прибавляется къ сырью.

3. Соціальная полезность?—Дѣйствительно, за этой скалой нашли себѣ убѣжище защитники частной собственности, и

она достаточно прочна для отраженія аттакъ на собственность. Исторія и факты показываютъ, что до настоящаго времени частная собственность была наилучшимъ средствомъ и даже conditio sine qua non пользованія богатствами, сильнѣйшимъ стимуломъ производства. Правда, можно привести случаи, когда интересъ собственника сталкивается съ общимъ интересомъ: примѣръ съ лѣсомъ, который землевладѣлецъ заинтересованъ срубить, тогда какъ въ интересахъ народа сохраненіе его, сталъ классическимъ; есть много и другихъ, мы укажемъ на нихъ потомъ. Но что жъ изъ этого, если гораздо болѣе серьезны и болѣе многочисленны случаи расточительства или опустошенія, приписываемые отсутствію частной собственности?

Но если таково основаніе права собственности, то отсюда слѣдуетъ, что частное лицо не является собственникомъ для самого себя, а для общества, что собственность является общественной функціей въ самомъ высокомъ и въ то же время въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. Поэтому она будетъ абсолютной, но не въ старомъ римскомъ смыслѣ этого слова, а только въ той мѣрѣ, въ какой господство надъ вещами и право свободнаго распоряженія ими будетъ необходимо для извлеченія наибольшей выгоды изъ этихъ вещей. Она будетъ видоизмѣняться сообразно съ обстоятельствами и средой. Можно будетъ допустить, чтобы неограниченное право собственности было признано необходимымъ для піонера въ новой странѣ, подобно тому, какъ dominium ex jure Quiritium было признано таковымъ для римскаго крестьянина, не дѣлая отсюда вывода о томъ, что такая собственность должна распространяться и на фабрику, рудники или желѣзную дорогу.

Посмотримъ теперь, на какіе предметы можетъ распространяться право собственности, какія лица могутъ располагать имъ и какую власть даетъ оно.

III.

Право собственности въ отношеніи къ своему объекту и субъекту.

Въ настоящее время всякое богатство, за исключеніемъ только такого, которое по самой природѣ своей не поддается присвое-

нію, какъ, напр., море, громадныя водныя теченія, можетъ стать предметомъ права частной собственности, и фактически почти вся совокупность богатствъ во всѣхъ европейскихъ странахъ присвоена. Но не всегда такъ было. Было, напротивъ, время, когда сфера частной собственности была безконечно мала.

Право частной собственности распространялось въ началѣ только на нѣкоторыя богатства и, прежде всего, на тѣ, которыя уже съ давнихъ временъ перестали быть предметомъ собственности во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ,—на рабовъ и женщинъ. Оно распространялось также на предметы, непосредственно служащіе личности, на драгоцѣнныя вещи, оружіе, лошадь, частное присвоеніе коихъ узнавалась по той примѣтѣ, что ихъ клали вмѣстѣ съ собственникомъ въ его могилу (не исключая довольно часто рабовъ и женщинъ!).

Затѣмъ, если не по титулу частной собственности, то, во всякомъ случаѣ, какъ семейная собственность, она распространялась также на домъ, ибо домъ былъ очагомъ, мѣстопребываніемъ домашнихъ боговъ, а боги принадлежали семьѣ [8]).

Затѣмъ она понемногу распространяется на маленькій клочокъ земли, и, прежде всего, на тотъ, гдѣ были могилы предковъ, ибо предки также были какъ бы собственностью семьи. Но, несмотря на этотъ первый шагъ, частная собственность на благо par excellence, почти на единственное богатство древнихъ, на землю, устанавливалась очень медленно [9]). При изученіи поземельнаго дохода мы увидимъ, какъ земля въ свою очередь вступила юридически въ область собственности, и какъ фактически она вступаетъ туда ежедневно съ прогрессомъ колонизаціи и расчистки почвы, такъ что не далеко время, когда частная собственность покроетъ всю землю и все то, что имѣется на поверхности земли.

Постепенно, и въ зависимости отъ эпохи, та или другая собственность пріобрѣтаетъ особо важное значеніе: скотъ у пастушескихъ народовъ, земля при феодальномъ строѣ, угольныя копи,

---

[8]) См. La Cité antique de Fustel de Coulanges. (есть нѣсколько русскихъ переводовъ).

[9]) „По Мейеру, въ древне-еврейскомъ языкѣ нѣтъ слова для означенія земельной собственности. По Моммзену, идея собственности у римлянъ первоначально не связывалась съ недвижимыми владѣніями, а только съ владѣніемъ невольниками и скотомъ familia pecuniaque. См. также этимологію слова mancipatio, которое очевидно предполагаетъ движимый предметъ“ (Г. Спенсеръ „Соціологія“, т. II).

какъ только наступаетъ эра паровыхъ машинъ. Въ наше время создалась также частная собственность на новые предметы, неизвѣстные древнимъ: 1) это, прежде всего, такъ называемыя, движимыя цѣнности, т. е. долговыя обязательства, или доли собственности, въ формѣ кредитныхъ бумагъ на предъявителя, составляющія нынѣ наиболѣе удобную и наиболѣе завидную форму богатства; изъ 230 милліардовъ всего богатства Франціи больше $^1/_3$, около 100 милліардовъ, относится къ этой новой категоріи [10]); 2) кромѣ того, нематеріальныя произведенія науки, литературы, искусства сдѣлались предметами собственности въ формѣ литературной, артистической собственности и привилегіи на изобрѣтеніе.

Возможно, что въ будущемъ частная собственность облечется въ другія формы, о которыхъ въ настоящее время мы не можемъ составить себѣ никакого представленія.

Точно также прогрессивно раширяется и кругъ л и ц ъ, которымъ можетъ принадлежать право собственности.

Въ началѣ число ихъ было весьма ограничено: собственникомъ былъ только суверенъ, а впослѣдствіи только глава семьи; рабы и иностранцы, а иногда и женщины, во всякомъ случаѣ, исключались.

Нынѣ право собственности признано не только за всякимъ человѣческимъ существомъ, но и распространилось даже на фиктивныхъ личностей, которыя называются ю р и д и ч е с к и м и лицами. Боги были первыми, на которыхъ было распространено представленіе объ юридическомъ лицѣ: они могли, такимъ образомъ, владѣть богатствами и наслѣдовать, къ великой выгодѣ своихъ жрецовъ. За ними послѣдовали государства и общественныя учрежденія, какъ, напр., города. Позднѣе собственниками могли становиться частныя общества. Однако, это право было признано за ними не безъ сопротивленія со стороны государства. За ассоціаціями экономическаго характера, лучше сказать, за о б щ е с т в а м и, которыя преслѣдуютъ промышленную или коммерческую выгоду, право

---

[10]) Какъ остроумно замѣчаетъ Жоресъ въ своихъ Études socialistes:

„Прочитывая свою газету, собственникъ узнаетъ нынѣ новыя свѣдѣнія о своей собственности.“ Извѣстно, что это такая форма собственности, которая имѣетъ лишь очень слабое сходство съ формами прошлаго времени и которой въ старину почти не придавали значенія.

владѣнія было признано съ большей легкостью. Но за ассоціаціями, не задающимися, какъ выражается законъ, цѣлями наживы, т. е. такими ассоціаціями, которыя преслѣдуютъ высшія и безкорыстныя цѣли благотворительности, образованія, ставятъ себѣ научныя, религіозныя, политическія задачи, это право, вопреки ожиданію, долгое время не признавалось, особенно, во Франціи, да и нынѣ еще оно раздается скудной рукой. Для этой старой антипатіи къ тому, что называется main-morte, существуетъ экономическая причина (блага, принадлежащія коллективностямъ, будутъ плохо управляться и, во всякомъ случаѣ, будутъ изъяты изъ обращенія и торговаго оборота на неограниченное время) а, главное, политическая причина, страхъ предъ ростомъ этихъ ассоціацій, которыя могутъ стать могущественными соперниками государства и встать на его мѣсто въ дѣлѣ отправленія великихъ соціальныхъ функцій. По французскому праву (исключая нѣкоторыя привилегированныя ассоціаціи, какъ, напр., профессіональные союзы и общества взаимопомощи, которыя могутъ пріобрѣтать даже по завѣщанію), ни одна ассоціація принципіально не можетъ пріобрѣтать по даренію или завѣщанію безъ разрѣшенія государственнаго совѣта, прежде всего, общаго, а затѣмъ и спеціальнаго для каждаго новаго пріобрѣтенія. Замѣтьте однако, что это—единственный способъ, съ помощью котораго эти ассоціаціи могутъ создать себѣ имущество, поскольку эти ассоціаціи по самой сущности своей не преслѣдуютъ цѣлей наживы, не занимаются ни промышленностью, ни торговлей.

Этотъ страхъ предъ main-morte, восходящій къ старымъ французскимъ легистамъ, кажется намъ весьма запоздалымъ. Весьма желательно, чтобы часть богатствъ изымалась изъ сферы частныхъ интересовъ и посвящалась цѣлямъ безкорыстнаго служенія. Возраженіе экономическаго характера относительно того, что такимъ образомъ блага изъемлются изъ торговаго оборота, имѣетъ значеніе только по отношенію къ землѣ и не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ собственности въ формѣ бумагъ или даже въ формѣ строеній. Пусть поэтому ограничиваютъ право собственности юридическихъ лицъ только по отношенію къ землѣ: можно согласиться, что земля, ограниченная въ своемъ количествѣ, должна быть оставлена для живыхъ лицъ. Но что касается движимой собственности юридическихъ лицъ, нѣтъ никакого экономическаго основанія для того, чтобы ставить имъ какія-либо границы въ

этомъ отношеніи, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ вытекать изъ цѣли, преслѣдуемой ассоціаціей, ибо законодатель можетъ требовать отъ нея такой гарантіи,—ей надлежитъ быть всегда въ границахъ своихъ задачъ.

Сдѣлали шагъ дальше. Приписали право собственности даже не ассоціаціямъ, а дѣламъ, можно было бы сказать, идеямъ. Это, такъ называемые, вклады [11]). Достаточно того, чтобы какой-нибудь человѣкъ захотѣлъ сдѣлаться полезнымъ послѣ своей смерти, и чтобы на задуманное имъ дѣло онъ оставилъ достаточное имущество, и дѣло это будетъ существовать, вѣчно владѣть и даже обогащаться новыми пріобрѣтеніями. Въ этомъ случаѣ французскій законъ опять-таки болѣе строгъ, чѣмъ въ случаѣ съ ассоціаціями. Только государство можетъ освящать ихъ существованіе, оно же можетъ и отнять у нихъ жизнь, когда они утратятъ свой raison d'être. И это само собою понятно. Ибо ассоціація есть нѣчто въ родѣ живого существа, которое безпрестанно возобновляется и умираетъ, какъ только перестаетъ быть полезнымъ. Но вкладъ, это—пережившій самого себя мертвецъ, набальзамированный, неподвижный, неспособный измѣняться и, слѣдовательно, приспособляться къ неизбѣжнымъ измѣненіямъ вещей. Вкладъ на культъ въ честь Юпитера не можетъ существовать, когда нѣтъ больше жертвенниковъ Юпитера, и вклады для совершенія мессъ по необходимости исчезнутъ въ странахъ, перешедшихъ отъ католицизма къ протестантизму [12]). Однако, другія законодательства, а именно, англійское, даютъ болѣе широкій просторъ въ этомъ отношеніи. Частные вклады, управляемые trustees, безконечно смѣняющимися, законны при одномъ условіи, что предметомъ ихъ является общая полезность, а не чисто индивидуальная. [13]) За ними наблюдаетъ высшій совѣтъ (Gharitis Commission), состоящій

---

[11]) Напр., вкладъ Нобеля для того, чтобы изъ него около милліона франковъ распредѣлять на преміи между 5-ью выдающимися въ той или иной области лицами, и много другихъ.

[12]) Указывали на фактъ, имѣвшій мѣсто на факультетѣ каноническаго права въ Парижѣ въ XVII в.; на факультетѣ былъ только одинъ профессоръ, который ради сохраненія своихъ доходовъ упорно отказывался принимать къ себѣ другихъ професоровъ (Liard, L'enseignement supérieur en France, т. I, стр. 71). См. также этюдъ Шармона о корпоративной собственности (Le droit et l'esprit démocratique).

[13]) Англійскій законъ допускаетъ вкладъ постольку, поскольку онъ является

изъ юристовъ, обязанныхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы вклады оставались вѣрными своему назначенію и, въ случаѣ необходимости, когда того требуетъ ходъ вещей, измѣняли его.

IV.

Право собственности въ отношеніи своихъ свойствъ. — Наслѣдованіе.

„Право собственности", говоритъ ст. 544 Кодекса Наполеона, „есть право пользованія и распоряженія вещами самымъ безусловнымъ образомъ". Хотя такое распоряженіе перестало быть въ полномъ смыслѣ подлиннымъ, такъ какъ право собственности подвергается нынѣ все болѣе и болѣе умножающимся ограниченіямъ, однако, оно отчетливо подчеркиваетъ, что собственность есть абсолютное право, во-первыхъ, въ томъ смыслѣ, что оно обнимаетъ всю совокупность удовлетворенія, которую можно извлечь изъ вещи, не исключая и безразсуднаго желанія уничтожить ее [14]); во-вторыхъ, въ томъ смыслѣ, что оно не ограничено во времени или, во всякомъ случаѣ, ограничено только продолжительностью существованія своего объекта. — Итакъ, вѣчность и свободное распоряженіе,—таковы двѣ характерныя черты права собственности.

§ 1.—Когда право собственности имѣетъ своимъ объектомъ блага, исчезающія благодаря потребленію, или блага, продолжительность существованія коихъ ничтожна, вѣчность его не представляетъ большого экономическаго интереса, ибо она фактически не осуществляется. Но когда присвоенное благо вѣчно по своей природѣ или, по крайней мѣрѣ, способно къ весьма продолжительному существованію, тогда право собственности, развертываясь

---

charitis, но право толкуетъ это слово въ болѣе широкомъ смыслѣ: въ смыслѣ всего того, что можетъ служить благу всѣхъ. Однако, не допускается вѣчный вкладъ на поддержаніе могилы, напр., такъ какъ при этомъ имѣется въ виду только частный интересъ.

14) Однако, собственникъ не можетъ поджечь своего дома, — тутъ мы встрѣчаемся съ первымъ ограниченіемъ права собственности изъ соображенія опасности для сосѣдей отъ пожара.

сообразно съ предѣлами существованія своего объекта, представляется во всемъ своемъ величіи и со всѣми своими послѣдствіями.

Много ли такихъ предметовъ, которые одарены вѣчнымъ существованіемъ?

Прежде всего, земля, продолжительность существованія которой опредѣляется періодомъ существованія нашей планеты или, по крайней мѣрѣ, геологическихъ цикловъ, преобразующихъ ея поверхность. Поэтому-то земельной собственности всегда былъ присущъ исключительный характеръ, о которомъ мы будемъ говорить въ особой главѣ. Дома, какъ сооруженія человѣка, не носятъ характера вѣчности, но этотъ характеръ присущъ имъ, поскольку они связаны съ участкомъ земли, на которомъ они возведены. Предметы искусства, особенно высѣченные изъ мрамора или вылитые изъ металла тоже могутъ разсчитывать на безсмертіе. Тоже относится и къ металлическимъ деньгамъ. Но, что касается только что указанныхъ богатствъ и, въ особенности, послѣдняго, то частая повторяемость актовъ обмѣна, ежеминутно выбрасывающая ихъ въ водоворотъ обращенія, фактически отнимаетъ у права собственности всякое значеніе вѣковѣчности, кромѣ развѣ случаевъ, когда деньги исполняютъ функцію сокровища [15]).

---

[15]). Но и въ такомъ случаѣ деньги, утрачивая нѣсколько въ своей цѣнности, вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать нѣкоторый приростъ въ ней, какъ это бываетъ съ землей, не составляютъ въ рукахъ собственника самовозрастающаго богатства. Иное дѣло—предметы искусства, когда они остаются въ одномъ и томъ же домѣ. Чрезмѣрный ростъ цѣнности предметовъ искусства за послѣднюю четверть столѣтія былъ поистинѣ замѣчательнымъ явленіемъ.

Съ перваго взгляда можно подумать, что всякое, даже движимое, богатство вѣчно по своей природѣ. Ибо развѣ всякій капиталъ не безконечно возобновляется?—Нѣтъ: тутъ есть нѣкоторое смѣшеніе. Капиталы въ натурѣ, какъ, напр., орудія производства, изнашиваемы и даже очень быстро. Капиталы въ формѣ движимыхъ цѣнностей, бумагъ, акцій или облигацій имѣютъ болѣе продолжительное существованіе, потому что они въ дѣйствительности относятся собственно не къ вещамъ, а къ безпрестанно возобновляющимся продуктамъ предпріятія. Но и ихъ существованіе ограничено періодомъ существованія предпріятія, которое (для самыхъ крупныхъ, напр., желѣзнодорожныхъ компаній или компаніи Суэзскаго канала) функціонируетъ не болѣе 99 лѣтъ. Правда, устраиваютъ такъ, что облигаціи, и даже акціи, оплачиваются ранѣе прекращенія дѣятельности предпріятія, такъ что онѣ могутъ быть вновь помѣщены, и такъ далѣе до безконечности. Но это только кажущаяся вѣчность, проистекающая изъ факта вѣчнаго возобновленія. Нельзя,

Но если предметъ права собственности иногда бываетъ вѣчнымъ, то субъектъ его никогда не бываетъ вѣчнымъ. Субъектъ—существо смертное, и смерть его—критическій моментъ для права собственности. Что дѣлается съ правомъ собственности? Такъ какъ оно не умираетъ, то необходимо, чтобы оно перешло къ какому-нибудь другому правопреемнику. Къ какому?—Къ тому, кого укажетъ покойный? Это, дѣйствительно, его право, хотя, какъ это мы сейчасъ увидимъ, оно было признано за нимъ не безъ колебанія.—Но если покойный никого не указалъ, тогда его замѣщаютъ ближайшіе родственники его. Какое же существуетъ основаніе для такого, какъ говорятъ, ab intestat (беззавѣщательнаго наслѣдованія)?

Никакого разумнаго основанія для него не существуетъ [16]) Это—пережитокъ того времени, когда собственность существовала

напр., назвать вѣчнымъ домъ, который ремонтируется по мѣрѣ того, какъ приходитъ въ ветхость, ремонтируется до тѣхъ поръ, пока отъ первоначальнаго дома ничего не остается.

Теоретически только государственныя бумаги имѣютъ неограниченное существованіе, потому что онѣ никогда не выкупаются; поэтому ихъ и называютъ вѣчными рентами.

Впрочемъ, юридически, движимыя цѣнности не составляютъ права собственности, ибо онѣ суть кредитныя бумаги или акціи.

[16]). Можно было бы оправдать беззавѣщательное (ab intestat) наслѣдованіе:

а) какъ разумное толкованіе воли завѣщателя, когда онъ ничего не сказалъ. Въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ естественно предположеніе, что если бы умершій хотѣлъ лишить своихъ родственниковъ—дѣтей, супругу, родителей, или даже братьевъ или сестеръ—наслѣдства, то онъ опредѣленно заявилъ бы объ этомъ; если же онъ ничего не сказалъ, то можно предположить, что онъ хотѣлъ оставить имъ свое имущество. Но когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь дальнемъ родственникѣ или даже о племянникѣ, нелѣпо примѣнять къ нимъ то же разсужденіе и толковать молчаніе покойнаго, какъ предоставленіе имъ права. Мало того, такое толкованіе находитъ себѣ формальное опроверженіе въ томъ фактѣ, что близкіе родственники имѣютъ право на нѣкоторую часть имущества даже въ томъ случаѣ, когда покойный формально лишилъ ихъ наслѣдства.

б) какъ освященную самой природой и всѣми законодательствами обязанность содержать нѣкоторыхъ родственниковъ, дѣтей, родителей, супругу или супруга, т. е. всѣхъ тѣхъ, кому мы дали жизнь, отъ кого получили ее, или съ кѣмъ раздѣляли ее. Смерть не можетъ снять такой обязанности, и большинство законодательствъ признаетъ ее въ формѣ закона, законной доли, обезпечиваемой этимъ родственникамъ. Однако, если законная доля имѣла въ основѣ своей лишь обязанность содержать, то она не должна была бы выходить за предѣлы пенсіи на содержаніе.

еще только въ формѣ семейной собственности и когда, слѣдовательно, не было ни перерыва въ обладаніи собственностью, ни передачи ея (собственникомъ была юридическая личность, которая не умираетъ, — семья). Если по внѣшности она переходила отъ отца къ дѣтямъ, то это было актомъ преемства, а не наслѣдованія въ собственномъ смыслѣ. Поэтому-то отецъ не имѣлъ права лишить своихъ родственниковъ наслѣдства, и сыновья не имѣли права отказаться отъ наслѣдства [17]).

Нельзя сказать, чтобы право беззавѣщательнаго наслѣдованія было полезно для укрѣпленія семейнаго устоя, особенно, когда оно простирается такъ далеко, что пренебрегаетъ волей главы семейства. Это до такой степени вѣрно, что школа Ле-Плэ, стремящаяся сдѣлать изъ семьи базисъ общественнаго строя, требуетъ какъ разъ того, чтобы свобода завѣщать была предоставлена главѣ семьи или, по крайней мѣрѣ, чтобы оставляемая наслѣдникамъ по крови часть была весьма ограниченной.

Нельзя также сказать и того, чтобы этотъ способъ оказывалъ благодѣтельное вліяніе на хозяйство; скорѣе, наоборотъ, онъ оказываетъ неблагодѣтельное вліяніе: обезпечивая за дѣтьми отцовское наслѣдство безъ всякой заслуги съ ихъ стороны, онъ избавляетъ ихъ отъ всякаго труда, или же, осчастливливая какого-нибудь племянничка наслѣдствомъ дядюшки изъ Америки, онъ вводитъ въ область законнаго перехода имуществъ лотерейные пріемы.

Поэтому многіе экономисты, даже не соціалисты, склоняются нынѣ къ уничтоженію беззавѣщательнаго наслѣдованія, по крайней мѣрѣ, въ боковыхъ линіяхъ [18]).

Беззавѣщательное наслѣдованіе еще сохраняется только потому, что не знаютъ, кому отдавать освободившееся имущество. Государству? Но не безъ нѣкотораго основанія полагаютъ, что погру-

---

17). Такимъ образомъ, въ Римѣ даже въ то время, когда было установлено право беззавѣщательнаго наслѣдованія въ собственномъ смыслѣ, призванные къ наслѣдованію члены семьи назывались именемъ heredes necessarii (непремѣнные наслѣдники).

18). Такъ, Кольсонъ (Cours d'Économie Politique, t. II, p. 182) требуетъ ограниченія 6-ой степенью. По гражданскому кодексу наслѣдственное право простирается до 12-ой степени. Впрочемъ, беззавѣщательныя наслѣдованія не особенно многочисленны; ихъ было бы еще меньше, если бы незавѣщанное имущество по закону должно было бы отходить къ государству.

женіе наслѣдства въ бездонную пропасть государственнаго бюджета—худшая для него участь, какую только можно было бы для него приготовить. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы, чтобы отходящія къ государству наслѣдства получали какое-нибудь спеціальное назначеніе: напр., поступали бы въ страховыя кассы для стариковъ или на что-нибудь подобное.

§ 2.—Другая характерная черта права собственности, это, какъ мы сказали, право свободнаго распоряженія. Мы только что приводили опредѣленіе французскаго гражданскаго кодекса: право пользоваться и распоряжаться самымъ безусловнымъ образомъ. Въ этомъ опредѣленіи, какъ это знаютъ всѣ студенты-юристы, единственнымъ характернымъ свойствомъ является право распоряжаться, jus abutendi, какъ выражается съ большей силой римское право.

Но это право—„распоряжаться своей вещью по своему усмотрѣнію“,—сообщающее собственности тотъ абсолютный характеръ, который кажется столь присущимъ ей, что безъ него мы не признали бы ее,—это право не всегда существовало. Лишь постепенно она такимъ образомъ расширялась, и въ этомъ отношеніи она продѣлала всю ту же послѣдовательную эволюцію, какъ и въ отношеніи своего объекта. Великая заслуга римлянъ, съ точки зрѣнія юридической, въ томъ и заключается, что они сообщили собственности этотъ суверенный характеръ, котораго она дотолѣ не имѣла и который, впрочемъ, она начинаетъ отчасти утрачивать подъ вліяніемъ новыхъ идей [19]).

Вотъ порядокъ, въ которомъ собственность послѣдовательно обогащалась своими существенными аттрибутами:

1) Первымъ аттрибутомъ было, вѣроятно, право дать своей собственности производительное назначеніе, т. е. эксплуатировать ее съ помощью чужого труда, раньше съ помощью труда рабовъ, а нынѣ съ помощью труда свободныхъ людей-наемниковъ. Этотъ аттрибутъ собственности создалъ „благородный“ классъ, потому что онъ избавлялъ отъ личнаго труда.

2) Право давать, повидимому, было однимъ изъ древнѣйшихъ способовъ распоряженія богатствомъ—по крайней мѣрѣ, для движимыхъ предметовъ—и существовало даже раньше права продавать. И, дѣйствительно, если собственникъ имѣетъ право

---

[19]). См. кн. Charmont, Les Transformations du Droit.

употребить вещь для удовлетворенія своей потребности, то почему бы не имѣть ему права дать ее другому для употребленія? Если онъ можетъ уничтожить ее, почему онъ не могъ бы отдать ее? Быть въ состояніи оказывать другимъ благодѣяніе не есть ли самая благородная и самая завидная привилегія права собственности?

3) Право продавать, отдавать въ наемъ, появилось, повидимому, много позже, по крайней мѣрѣ, для недвижимой собственности. Аристотель (въ IV вѣкѣ до Р. Хр.) заявляетъ, что въ этомъ заключается необходимый аттрибутъ права собственности, но онъ, повидимому, не говоритъ, чтобы уже въ его время это свойство права собственности пользовалось всеобщимъ признаніемъ. И, дѣйствительно, было много основаній для того, чтобы оно не было общепризнаннымъ. Прежде всего, поскольку собственность носитъ семейную форму и отпечатокъ религіознаго установленія—таковъ характеръ античной собственности—отчужденіе невозможно и, во всякомъ случаѣ, составляетъ непристойный актъ со стороны члена семьи. Мало того, при отсутствіи раздѣленія труда и обмѣна, когда каждая семья была самодовлѣющимъ цѣлымъ, да и движимые предметы были рѣдкимъ явленіемъ—каждый берегъ ихъ, иногда даже до самой могилы, куда ихъ помѣщали вмѣстѣ съ нимъ,—продажа могла быть лишь исключительнымъ, ненормальнымъ явленіемъ. Поэтому, когда она начинаетъ возникать, мы наблюдаемъ, какъ она сопровождается чрезвычайными торжественными актами, словно какое-нибудь общественное событіе. Такъ, mancipatio должно было совершаться въ присутствіи пятерыхъ свидѣтелей, представлявшихъ пять классовъ римскаго народа.

4) Право завѣщать, т. е. передавать путемъ завѣщанія, которое всегда разсматривалось, какъ самый важный аттрибутъ и вѣнецъ *права собственности, ибо оно продолжаетъ право собственности* за предѣлы смерти, еще медленнѣе прививалось къ праву собственности. Право распоряжаться своимъ имуществомъ на случай своей смерти во всѣ времена находилось, и нынѣ еще находится въ большинствѣ современныхъ законодательствъ, и въ частности въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ, въ конфликтѣ съ правомъ беззавѣщательнаго наслѣдованія. Этотъ конфликтъ проявляется именно въ томъ фактѣ, что нѣкоторые, такъ называемые, безусловные *) (réservataires) наслѣдники имѣютъ право

*). Въ нашихъ гражданскихъ законахъ не существуетъ термина, соотвѣтствую-

на часть отцовскаго имущества вопреки завѣщательной волѣ отца семейства. Такимъ образомъ, здѣсь вступаютъ въ борьбу двѣ идеи: идея индивидуальной собственности, послѣдовательно расширившейся до свободы завѣщательнаго распоряженія, и идея древней семейной собственности, сохраняющей имущество въ нѣдрахъ семьи. Полагаютъ, что даже въ Римѣ, гдѣ такъ мощно развивалась частная собственность, отецъ семейства не имѣлъ права завѣщать до изданія закона XII таблицъ (450 г. до Р. Хр). И та торжественность, какой обставлялся этотъ актъ (въ присутствіи собравшагося на комиціи народа, съ соблюденіемъ формы обнародованія законовъ—Uti pater legassit ita jus esto, говоритъ законъ XII таблицъ), достаточно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣло шло не о простомъ актѣ. Допуская нынѣ совершеніе духовнаго завѣщанія въ простой формѣ собственноручно написанной бумаги съ датой и подписью, законъ лишилъ это право величія его. Слѣдуетъ ли уничтожить право завѣщать подобно тому, какъ есть тенденція къ уничтоженію беззавѣщательнаго наслѣдованія? Конечно, нѣтъ. Ибо, прежде всего, какъ бы ни была слѣпа воля завѣщателя, но все же она предпочтительнѣе случайности перехода имущества по праву беззавѣщательнаго наслѣдованія. А затѣмъ слѣдуетъ остерегаться, чтобы не ослабить одинъ изъ самыхъ могущественныхъ рычаговъ производства, отнимая у людей право распоряженія своимъ благомъ. Блага, которыми мы не будемъ въ состояніи распоряжаться, передача или завѣщаніе которыхъ другимъ лицамъ по нашему усмотрѣнію будетъ воспрещена, въ силу этого потеряютъ большую часть своей полезности: они станутъ менѣе желаемыми, и мы будемъ дѣлать меньше усилій для производства ихъ. Много—къ чести человѣческой природы будь сказано—на свѣтѣ людей, которые трудятся и сберегаютъ не столько для самихъ себя, сколько для другихъ. Если вы принудите ихъ думать только о себѣ, они будутъ меньше трудиться и больше тратить. Сколько богатствъ будетъ въ такомъ случаѣ брошено на непроизводительное потребленіе благодаря расточительному образу жизни! Сколько лѣтъ будетъ отнято у

щаго указанному въ текстѣ франц. термину, ибо у насъ нѣтъ обозначаемаго имъ юридическаго института. Поэтому при переводѣ франц. выраженія „réservataire“ я пользуюсь произвольнымъ терминомъ „безусловный“, только до нѣкоторой степени передающимъ смыслъ подлинника. Примѣч. переводчика.

производительнаго труда вслѣдствіе преждевременнаго устраненія отъ дѣятельности! [20])

Окончательно сложившись при наличности этихъ четырехъ атрибутовъ, право частной собственности отнынѣ будетъ дѣйствовать, какъ орудіе распредѣленія, съ несокрушимой силой.

Съ помощью согласно дѣйствующихъ институтовъ наслѣдованія, даренія и завѣщанія оно сдѣлаетъ богатство независимымъ отъ личнаго труда, передавая его въ руки тѣхъ, кто не работалъ, кристаллизуетъ его въ перманентныхъ формахъ, а, съ другой стороны, создастъ классъ „обездоленныхъ“. Многіе люди окажутся собственниками богатствъ, которыхъ они не произвели, но которыя просто по презумпціи будутъ считаться продуктомъ труда ихъ предковъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ. И обнаружится основательная прорѣха въ томъ оптимистскомъ принципѣ, по которому каждый въ этомъ мірѣ получаетъ эквивалентъ своего труда.

Съ помощью институтовъ ссуды, аренды, найма оно углубитъ только что указанное раздѣленіе общества на праздныхъ людей и работниковъ наслоеніемъ новаго угрожающаго соціальному миру классоваго раздѣленія на кредиторовъ и должниковъ.

Съ помощью производительнаго приложенія богатствъ оно создастъ еще новое раздѣленіе общества на два класса—наемниковъ и хозяевъ (первые будутъ работать чужими средствами, а вторые будутъ — по внѣшности, по крайней мѣрѣ—присваивать плоды труда наемниковъ), и такимъ образомъ подготовится почва для борьбы между трудомъ и капиталомъ.

Наконецъ, съ помощью института продажи собственность на продуктъ превратится въ собственность на цѣнность послѣдняго, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, она почувствуетъ на себѣ все непостоянство спроса и предложенія, всю прихотливую смѣну удачъ и неудачъ, всю измѣнчивую игру счастья и случайности и облечется въ ту непрочную, мимолетную форму, которыя составляетъ особенность богатства въ современныхъ обществахъ.

---

[20]) Не будемъ преувеличивать. Мы не утверждаемъ, что если бы собственность принадлежала человѣку только на время его жизни, то онъ пересталъ бы трудиться для самообогащенія—холостяки становятся не менѣе богатыми, чѣмъ отцы семействъ,—но извѣстно, что, главнымъ образомъ, во Франціи, отецъ семейства, пристроившій своихъ дѣтей, весьма часто считаетъ безполезнымъ увеличивать свое состояніе и устраняется отъ дѣлъ.

Въ итогѣ изъ факта существованія права частной собственности съ его аттрибутами вытекаютъ три неизбѣжныя и взаимнообусловливающія послѣдствія: — 1) неравенство состояній;—2) существованіе класса праздныхъ людей;—3) существованіе класса нищихъ.

Разсмотримъ ихъ по порядку.

V.

Неравенство богатствъ.

Неравенство богатствъ во всѣ времена вызывало горькія жалобы. Тяжба между богатыми и бѣдными стара, какъ міръ.

Возмущеніе это отчасти возникаетъ, конечно, изъ естественнаго человѣческаго чувства зависти, которое не позволяетъ человѣку безучастно относиться къ превосходству своего ближняго, въ чемъ бы оно не выражалось: въ богатствѣ, талантѣ, происхожденіи, умѣ или даже добродѣтели.

Но, помимо этого, есть и болѣе глубокій корень, чѣмъ чувство неразумной зависти, это—чувство справедливости. Неравенство богатствъ оскорбляетъ чувство справедливости, ибо

1. Во-первыхъ, неравенство богатствъ представляется искусственнымъ, а не естественнымъ явленіемъ, подобно тѣмъ, которыя мы только что перечислили. На него смотрятъ не просто, какъ на результатъ счастливаго стеченія обстоятельствъ, а скорѣе какъ на нарочитый плодъ извѣстной общественной организаціи, извѣстныхъ экономическихъ институтовъ, какъ-то: права собственности или наслѣдованія, созданныхъ и сохраняемыхъ тѣми, кому они выгодны.

Если бы можно было съ помощью какого-нибудь невещественнаго динамометра измѣрить существующія между людьми неравенства интеллектуальнаго или моральнаго порядка, то, вѣроятно, пришлось бы констатировать, что они рѣдко совпадаютъ съ имущественнымъ неравенствомъ. Это не значитъ, что люди не бываютъ часто обязаны своимъ богатствомъ иниціативѣ, смѣлости, настойчивости, всѣмъ тѣмъ качествамъ, которыя создаютъ завоевателей и подготовляютъ почву для удачи, но весьма часто сама удача бываетъ доступна только для тѣхъ, кто уже обезпеченъ матеріаль-

но. Часто бываетъ (это стало общимъ мѣстомъ), что состояніе ни въ какой мѣрѣ, повидимому, не соотвѣтствуетъ заслугамъ или качествамъ людей. Еще менѣе оно кажется соотвѣтствующимъ „затраченному труду“, ибо, по горькому замѣчанію Стюарта Милля, размѣръ вознагражденія понижается, по мѣрѣ того, какъ трудъ становится все болѣе тяжелымъ, и падаетъ до того, что самаго тяжелаго труда едва достаточно для поддержанія существованія.

Наростая изъ поколѣнія въ поколѣніе, неравенство богатствъ создаетъ то, что называется „соціальными классами“. Оно отнимаетъ энергію у тѣхъ, кто стоитъ на нижней ступени общественной лѣстницы, лишая ихъ надежды подняться выше, и усыпляетъ тѣхъ, кто стоитъ наверху, въ безпечной увѣренности въ прочности своего положенія. Оно порываетъ узы соціальной солидарности, вырывая непроходимую пропасть между Лазаремъ и богачомъ. Оно отрываетъ отъ труда руки какъ слишкомъ бѣдныхъ, ибо у нихъ нѣтъ возможности производить, такъ равно и слишкомъ богатыхъ, ибо у послѣднихъ нѣтъ уже необходимости въ этомъ. Оно порождаетъ тѣ двѣ язвы, которыя съ давняго времени гложутъ современныя общества и которыя называются праздностью и пауперизмомъ, и такимъ образомъ создаетъ два паразитическихъ класса на верхней и на нижней ступеняхъ соціальной лѣстницы.

2. Во-вторыхъ, неравенство богатствъ становится все болѣе невыносимымъ для людей по мѣрѣ того, какъ падаютъ одно за другимъ всѣ другія раздѣляющія ихъ неравенства. Законы осуществили гражданское равенство; всеобщее избирательное право принесло съ собой политическое равенство; безостановочное распространеніе образованія ведетъ до нѣкоторой степени даже къ равенству интеллектуальному. Только неравенство богатствъ остается неизмѣннымъ и растетъ. Въ былое время оно какъ бы заслонялось другими болѣе глубокими неравенствами, нынѣ же оно выступаетъ на первый планъ и сосредоточиваетъ на себѣ все озлобленіе людей.

Къ тому же экономическія неравенства несравненно напористѣе неравенствъ стараго времени, ихъ соціальныя послѣдствія пространнѣе какъ въ отношеніи добра, такъ равно и въ отношеніи зла. Они сопровождаются цѣлымъ кортежомъ новыхъ неравенствъ, которыя въ свою очередь умножаютъ и углубляютъ ихъ.—Все же, скажутъ намъ, они множатъ не больше неравенства, чѣмъ умъ,

краснорѣчіе, эгоизмъ? — Нѣтъ, именно, больше, ибо только что указанныя силы сами не могутъ уже обойтись безъ содѣйствія богатства.

Богатство даетъ счастливцамъ не только всякаго рода наслажденія, что́ относительно было бы сущими пустяками, не только продолжительность жизни, здоровье, независимость, досугъ и высокую культуру, что́, было бы уже большимъ преимуществомъ, но и, главнымъ образомъ, силу во всѣхъ сферахъ. „Плутократія“ существовала во всѣ времена, но тѣ новыя династіи, которыя нарождаются въ С.-Ам. Соединенныхъ Штатахъ, династіи „стальныхъ, хлопчато-бумажныхъ, керосиновыхъ, желѣзнодорожныхъ королей“ стремятся сосредоточить въ своихъ рукахъ болѣе деспотическую власть, чѣмъ власть, даруемая происхожденіемъ или отвагой у людей стараго времени, наукой или умомъ у людей нашей эпохи. Потому-то богатство и является предметомъ такихъ пламенныхъ вожделѣній. Да, впрочемъ, въ концѣ концовъ, благороднѣе для человѣческой природы искать богатства для власти, нежели для наслажденія.

Но несоотвѣтствіе между столь прозаической причиной, обладаніемъ денегъ, и столь громадными соціальными, политическими и моральными послѣдствіями представляется тѣмъ болѣе возмутительнымъ.

Статистика показываетъ, что у богатыхъ классовъ продолжительность жизни вдвое больше, чѣмъ у бѣдныхъ, такъ что, по жестокой ироніи судьбы, чѣмъ меньше часть богатства, выпадающая человѣку, тѣмъ больше дань, которую онъ долженъ платить болѣзни и смерти [21]). И этого еще мало: чѣмъ человѣкъ бѣднѣе,

---

[21]) Леруа-Больё въ своей книгѣ Répartition des richesses (гл. du Sisyphisme et du Paupérisme) пытается зло, происходящее отъ нищеты, до нѣкоторой степени компенсировать зломъ, происходящимъ отъ болѣзней или нравственныхъ мукъ: „Что такое число нищихъ по сравненію съ числомъ человѣческихъ существъ, угнетаемыхъ нездоровьемъ, неизлѣчимыми или органическими болѣзнями въ родѣ золотухи и чахотки? Въ особенности, что значитъ это число по сравненію съ еще бо́льшимъ числомъ людей, мучимыхъ невыносимыми нравственными муками? Конечно, нищета — зло, но для мыслящаго ума это зло одно изъ самыхъ еще сносныхъ, одно изъ менѣе всего распространенныхъ золъ, поражающихъ культурныя общества“. Маститый экономистъ забываетъ, что бѣдность сама по себѣ является причиной „весьма невыносимыхъ нравственныхъ мукъ“, а равно весьма дѣятельной причиной „золотухи и чахотки“, и что, слѣдовательно, Фортуна помѣстила угнетающія людей бѣдствія не на двухъ противоположныхъ

тѣмъ бо́льшую дань онъ долженъ платить пороку и преступленію, ибо статистика показываетъ, что преступность бѣдныхъ классовъ выше преступности обезпеченнаго класса. Такъ что современная наука развѣяла, какъ мыльные пузыри, старыя аксіомы морали о томъ, что бѣдность шествуетъ въ ногу со здоровьемъ и добродѣтелью. У бѣдныхъ нѣтъ даже такого утѣшенія!

Обозрѣніе этихъ ошеломляющихъ доводовъ не приведетъ ли насъ къ выводу о необходимости уничтоженія неравенства богатствъ?—Нѣтъ, не приведетъ, ибо, прежде всего, это, повидимому, не легко осуществить: все, что можно было бы сдѣлать, это устранить наслѣдственныя неравенства, но остались бы естественныя различія, къ которымъ неравенства богатствъ часто бываютъ лишь чрезмѣрнымъ дополненіемъ; а затѣмъ это, повидимому, было бы и нежелательнымъ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока человѣческія общества будутъ оставаться въ состояніи относительной бѣдности, ибо слѣдуетъ признать, что имущественное неравенство еще болѣе, чѣмъ потребность, стимулируетъ производство. Перспективой всегда манящаго движенія впередъ оно держитъ на чеку людей всѣхъ состояній. Концентрируя крупные капиталы въ рукахъ наиболѣе искусныхъ людей, оно развертываетъ во всю ширь частную иниціативу. Благодаря безконечной гаммѣ потребностей и желаній, которую оно вводитъ среди людей, имущественное неравенство создаетъ плодотворное разнообразіе въ трудѣ.

Въ имущественномъ неравенствѣ возмущаетъ въ особенности то обстоятельство, что оно, повидимому, не можетъ избѣжать слѣдующей дилеммы: или богатства могутъ быть созданы съ избыткомъ, какъ это утверждаютъ соціалисты, и въ такомъ случаѣ

чашкахъ вѣсовъ, а, наоборотъ, соединила ихъ, повидимому, на одной и той же чашкѣ. Среди рабочихъ кварталовъ Парижа насчитывается туберкулезныхъ въ десять разъ больше, чѣмъ на Елисейскихъ Поляхъ.

По статистическимъ даннымъ Парижскаго городского самоуправленія, общая смертность, падающая до 10 на 1000 въ богатыхъ кварталахъ Елисейскихъ Полей и Тріумфальныхъ Воротъ, поднимается до 43 на 1000 въ Монпарнасскомъ кварталѣ! Въ Лондонѣ еще хуже. По свѣдѣніямъ Бюро здоровья, смертность въ Лондонѣ колеблется между 11,3% въ богатыхъ домахъ и 50% въ очень бѣдныхъ. Можно, слѣдовательно, сказать, что у бѣдняка въ 4—5 разъ больше шансовъ умереть, чѣмъ у богатаго.

непонятно то, что столь огромное количество людей не имѣетъ необходимаго, или же богатства недостаточно, и оно можетъ быть лишь съ трудомъ умножаемо, какъ это думаютъ экономисты, а въ такомъ случаѣ несправедливо то, что небольшое число отдѣльныхъ лицъ захватываетъ себѣ столь значительную долю.—Чтобы избѣжать этой дилеммы, стоитъ только сказать: 1) что богатствъ, дѣйствительно, недостаточно [22]), 2) но что свобода присвоенія со своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, неравенствомъ, есть именно наилучшій способъ, какой только можно было найти, для умноженія богатствъ.

Но для того, чтобы это стимулирующее на производство воздѣйствіе неравенства было доведено до максимума, необходимо, чтобы это неравенство было пропорціонально созданнымъ богатствамъ или оказаннымъ услугамъ; а, кромѣ того, чтобы дать удовлетвореніе идеѣ справедливости, необходимо было бы корректировать имущественное неравенство равенствомъ шансовъ [23]). Но это двоякое условіе выполняется въ современномъ экономическомъ строѣ лишь самымъ несовершеннымъ образомъ. Мы только что видѣли, по какимъ причинамъ.

---

[22]) Доказательство этого утвержденія см. ниже въ Равномъ раздѣлѣ, а также выше, кн. 1-ая, ч. I, гл. I, § V. Такъ называемые кризисы отъ перепроизводства внушаютъ мысль, что богатства имѣются въ избыткѣ, и, дѣйствительно, часто случается, что въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ они бываютъ въ избыткѣ. Но если бы весь міръ составлялъ одинъ рынокъ и если бы производство любого богатства, (хлѣба, мяса, вина, хлопка, сукна, желѣза, угля, резины, обуви, бѣлья, часовъ, книгъ и т. д.) сравнить съ истинными потребностями 1.600 милліоновъ людей, обитающихъ на землѣ, то пришлось бы ужаснуться предъ тѣмъ, какая ничтожная доля досталась бы каждому человѣку (см. нѣсколько цифровыхъ данныхъ у Новикова: Le problème de la misère).

Но констатированіе такого факта еще болѣе подчеркиваетъ чрезмѣрность части, взимаемой нѣкоторыми отдѣльными лицами и становящейся въ 100.000 разъ больше средней доли!

[23]) Замѣчательно то, что народное чувство очень хорошо мирится съ неравенствами, обязанными случаю, когда шансы у всѣхъ одинаковы, напр., при розыгрышѣ крупныхъ выигрышей.

Миѳологія надѣлила фортуну повязкой,—это значитъ, что фортуна слѣпо дѣйствуетъ при распредѣленіи своихъ щедротъ, и вручила ей также колесо, что̀ значитъ, что шансы измѣнчивы, выпадая то одному, то другому.

VI.

Праздность.

Не слѣдуетъ смѣшивать праздность съ досугомъ. Первая—зло, которое необходимо искоренить, второй—благо, которое слѣдуетъ умножать.

Праздность, это—состояніе бунта противъ закона труда. Человѣкъ, который является, какъ это очень хорошо подмѣчено, лѣнивымъ животнымъ—все-таки, не болѣе, а даже менѣе всякаго другого животнаго [24])—человѣкъ извѣчно развивалъ чудовищную изобрѣтательность, чтобы уклониться отъ этого суроваго закона: такова именно основа рабства, паразитизма, нищенства, воровства, игръ. Но имѣть ренту есть лучшее средство для этого, и наиболѣе вѣрное, и въ то же время наиболѣе почетное.

Досугъ, это—передышка въ трудѣ въ теченіе жизни, которая можетъ быть, впрочемъ, въ высокой степени трудовой и дѣятельной (и тѣмъ болѣе она бываетъ таковой, чѣмъ больше досуга въ ней), это—прогалинки въ темномъ лѣсу, куда можетъ проскользнуть лучъ солнечнаго свѣта, ежедневный вечерній отдыхъ послѣ трудового дня, отдыхъ послѣ недѣльнаго труда, отдыхъ въ вакаціонное время, который не всегда будетъ привилегіей интеллектуальныхъ работниковъ, а сдѣлается также возможностью и правомъ для представителей физическаго труда, и, наконецъ, отдыхъ старости послѣ трудовой жизни. Досугъ не только полезенъ для правильнаго отправленія труда, но онъ необходимъ для развитія внутренней и внѣшней жизни, для размышленія, которое не должно оставаться привилегіей только мудрыхъ, и для выполненія другихъ многочисленныхъ обязанностей: семейныхъ, общественныхъ, обязанностей, связанныхъ съ участіемъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, въ профессіональныхъ и кооперативныхъ комитетахъ и совѣтахъ, въ религіозныхъ и политическихъ собраніяхъ и т. д. и т. д.

---

[24]) Африканскіе негры говорятъ, что обезьяна въ совершенствѣ владѣла бы рѣчью, если бы захотѣла, но что если она не говоритъ, такъ потому, что ее не заставляютъ работать.

Фактически не всегда легко опредѣлить, гдѣ начинается праздность, и гдѣ кончается досугъ. Правда, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ, живущемъ нищенствомъ или игрой, тогда не трудно разрѣшить этотъ вопросъ, но это труднѣе сдѣлать по отношенію къ рантье. Является ли рантье празднымъ человѣкомъ или просто человѣкомъ съ досугомъ?

Хотя рантье не работаютъ, однако, это не мѣшаетъ имъ жить— и даже хорошо жить. Въ этомъ классѣ людей получаются самые крупные доходы. И эти доходы часто бываютъ не только крупнѣе доходовъ отъ труда, но и пользуются преимуществомъ наиболѣе правильнаго поступленія: идетъ ли снѣгъ, дуетъ ли вѣтеръ, здоровъ ли рантье или прикованъ къ постели болѣзнью, молодъ ли онъ или дряхлъ, сидитъ ли у себя дома или, какъ globe-trotter, рыскаетъ по всему свѣту, его доходъ всегда съ нимъ и никогда не измѣняетъ ему. Такимъ образомъ, фактъ обладанія рентой, прежде всего, обезпечиваетъ два блага, стоящихъ выше всѣхъ наслажденій, которыя можетъ намъ дать состояніе въ другихъ формахъ: обезпеченность и независимость. Вотъ по-истинѣ привилегированное положеніе, и не вправѣ ли мы спросить этихъ счастливыхъ смертныхъ, какому богу они обязаны этимъ вѣчнымъ досугомъ: Deus vobis haec otia fecit? (Не богъ ли далъ вамъ этотъ досугъ?)

Они отвѣтятъ:—Мы обязаны этимъ самому труду; мы живемъ продуктомъ прошлаго труда.

Когда этотъ трудъ— ихъ трудъ, напр., когда рантье бываетъ чиновникъ въ отставкѣ, получающій пенсію, или человѣкъ, скопившій деньги на старость, возразить нечего. Человѣка нельзя осуждать на вѣчныя каторжныя работы: проработавъ въ теченіе производительнаго періода своей жизни, онъ въ правѣ отдохнуть въ періодъ непроизводительный. Даже соціалисты, какъ, напр., Беллами въ своемъ романѣ Looking Backward, заявляютъ, что въ коллективистскомъ строѣ человѣкъ въ 45 лѣтъ будетъ освобожденъ отъ всякой службы обществу и, начиная съ этого возраста, будетъ дѣлать то, что ему угодно, и жить рентой.

Но вопросъ становится болѣе щекотливымъ, когда этотъ прошлый трудъ—трудъ чужой: отца, дѣда или даже посторонняго человѣка, который когда-то составилъ себѣ состояніе и передалъ его рантье съ правомъ потратить его на свои потребности.

Почему же такъ? — спросятъ насъ. Мы сравнивали денежныя

знаки съ бонами потребленія, дающими право потребить такое количество богатствъ, какое придется на ихъ цѣнность (см. выше, металлическія деньги, § II). Итакъ, человѣкъ пріобрѣлъ своимъ трудомъ большое количество такихъ боновъ: если онъ не захочетъ воспользоваться ими (теперь или потомъ) для себя, онъ передастъ ихъ кому-нибудь другому, кто воспользуется ими вмѣсто него.

Но съ моральной точки зрѣнія можно быть болѣе щепетильнымъ. Можно подумать, что счеты празднаго рантье съ обществомъ не заканчиваются на томъ простомъ фактѣ, что онъ заплатилъ настоящую цѣну за то, что онъ потребилъ. Недостаточно, чтобы рантье заплатилъ своими деньгами, но онъ долженъ еще заплатить эквивалентъ получаемаго имъ дохода своими личными и текущаго момента услугами. Замѣтьте, что рантье живетъ вовсе не прошлымъ, какъ это думаютъ, а настоящимъ трудомъ. То, что онъ ежедневно потребляетъ, есть продуктъ живого, а не мертваго труда: свѣжій хлѣбъ, свѣжіе фрукты, новая одежда, утренняя газета и т. д. Чѣмъ онъ платитъ за это? Деньгами, т. е., при самомъ благопріятномъ для него предположеніи, трудомъ мертвыхъ. Однако, справедливость требуетъ, чтобы въ обмѣнъ на то, что ежедневно дѣлаютъ для него его ближніе, онъ самъ дѣлалъ бы что-нибудь для нихъ. Одинъ экономистъ-классикъ сказалъ: „рантье—наемникъ, которому уплатили впередъ". Если ему уплатили впередъ, такъ, слѣдовательно, на немъ остается обязанность потратить извѣстный трудъ. Онъ долженъ, какъ говорятъ, „сдѣлаться полезнымъ". Если онъ не будетъ приносить никакой пользы,—экономисты, сколько угодно, могутъ доказывать, что онъ въ настоящихъ деньгахъ далъ точный эквивалентъ всего того, что онъ потребилъ,—онъ раздѣлитъ участь паразитовъ и будетъ устраненъ.

Все-таки, слѣдуетъ признать, что, съ исторической точки зрѣнія, рантье выполнили въ прошломъ истинно-общественную и притомъ важнѣйшую функцію, — они создали искусства, литературу, науки, политическія системы, просвѣщеніе, словомъ, цивилизацію. Всѣми этими благами, къ которымъ пріобщаются нынѣ и бѣднѣйшіе люди, мы обязаны празднымъ рантье Греціи, Рима или Іудеи, всѣхъ тѣхъ античныхъ обществъ, гдѣ, однако, праздность представлялась въ особо-неприглядномъ свѣтѣ, ибо она покоилась исключительно на насиліи, воровствѣ и рабствѣ. Но бу-

детъ ли всегда такъ продолжаться? Для того, чтобы достойнымъ образомъ пещись о высокихъ общественныхъ интересахъ, разбираться во всѣхъ тонкостяхъ политики и дипломатіи, съ достоинствомъ держать стягъ въ сферѣ литературы и искусства, не надо ли имѣть руки, не огрубѣвшія отъ тяжелаго труда, свободный умъ, который не угнетала бы забота о срочной работѣ, о насущномъ заработкѣ?—Можетъ быть, нѣтъ. Эти высокія функціи можно было бы, пожалуй, совмѣстить даже съ физическимъ трудомъ, если бы для всѣхъ былъ обезпеченъ достаточный досугъ.

VII.

Нищета.

Наряду съ классомъ праздныхъ рантье собственность въ то же время создаетъ во всѣхъ странахъ болѣе или менѣе многочисленный классъ праздныхъ нищихъ, т. е. такихъ людей, которые, не имѣя собственности, и не будучи въ состояніи, или не желая жить своимъ трудомъ, могутъ существовать только крохами отъ чужого дохода[25]).

Но почему они не работаютъ? Это можетъ зависѣть отъ трехъ причинъ:

1) Отъ отсутствія с и л ы работать;—дѣти, старики, больные хроническими болѣзнями или недужные.

2) Отъ отсутствія о х о т ы къ труду; всякій трудъ, какъ мы знаемъ, всегда предполагаетъ болѣе или менѣе тяжелое усиліе, и многіе люди скорѣе предпочтутъ рискнуть умереть съ голоду, чѣмъ дѣлать это усиліе и подчиняться дисциплинѣ, которую требуетъ всякій трудъ.

3) Отъ невозможности найти с р е д с т в а къ труду: одной охоты къ труду недостаточно, надо еще, какъ говорятъ, „найти работу“, т. е. имѣть въ своемъ распоряженіи матеріалы и орудія; между тѣмъ, во время кризиса ощущается недостатокъ и въ томъ, и въ другомъ.

---

[25]) Во Франціи насчитывается до 1.400.000 нищихъ, т. е. 3,6 %, 1 нищій на 28 человѣкъ. Но изъ этой арміи нищеты многіе кое-что зарабатываютъ и только отчасти живутъ благотворительностью.

Что должно дѣлать общество съ этими тремя категоріями нищихъ?—Оно не можетъ избѣгнуть необходимости позаботиться о нихъ.

Общество должно позаботится о первой категоріи по долгу общественной солидарности. Что касается въ частности дѣтей, то въ интересахъ общества устроить ихъ жизнь и воспитать ихъ, ибо они представители будущихъ поколѣній. Правда—какъ это въ порядкѣ вещей—семья должна позаботиться о дѣтяхъ, но въ наше время семья часто разсѣивается, а иногда, какъ, напр., для незаконнорожденныхъ дѣтей, и вовсе не существуетъ. Съ другой стороны, наоборотъ, приходится отнимать дѣтей у родителей, которые эксплоатируютъ и развращаютъ ихъ. Что касается стариковъ и недужныхъ нищихъ, то общество не имѣетъ интереса устраивать ихъ жизнь, ибо они, говоря экономическимъ языкомъ, не представляютъ цѣнностей, и все то, что будетъ имъ отдано, настолько же уменьшитъ долю активной части населенія,—но моральная эволюція народа имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ экономическая эволюція его, а въ томъ обществѣ, которое оставляло бы своихъ стариковъ и инвалидовъ умирать съ голоду, она чувствительнымъ образомъ затормозилась бы. Такое, съ позволенія сказать, культурное общество оказалось бы менѣе гуманнымъ, чѣмъ дикія орды, которыя убивали ихъ, избавляя ихъ, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, отъ долгихъ страданій.

Общество должно позаботиться о второй категоріи потому, что эта категорія грозитъ общественной безопасности. Изъ рядовъ этихъ бродягъ и попрошаекъ рекрутируется преступная армія. А, такъ какъ общество, разъ они совершатъ какое-нибудь преступленіе, должно же будетъ держать и кормить ихъ въ тюрьмахъ, между тѣмъ, ничто не обходится такъ дорого, какъ содержаніе преступника [26]), то благоразумнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ экономнѣе позаботиться о нихъ заранѣе.

Общество должно позаботиться о третьей категоріи, ибо оно до нѣкоторой степени отвѣтственно за ихъ неустройство [27]). Именно экономическій строй общества создаетъ это противо-

---

[26]) Въ современныхъ образцовыхъ тюрьмахъ камера преступника обходится въ 6000 фр., что составляетъ цѣну красиваго рабочаго домика!

[27]) Это соображеніе относится также и къ предыдущей категоріи. Общество несетъ долю отвѣтственности за преступность.

естественное отдѣленіе работника отъ орудія его труда и ставитъ его такимъ образомъ въ необходимость искать заработокъ [28]). Законъ прогресса, проявляющійся въ крупномъ производствѣ, въ техническихъ изобрѣтеніяхъ, въ международной торговлѣ и конкуренціи, и создаетъ безработицу и кризисы. Справедливость поэтому требуетъ, чтобы общество, которое въ цѣломъ выигрываетъ отъ каждаго достигнутаго успѣха и въ этой великой борьбѣ за жизнь собираетъ всѣ плоды побѣды, принимало на себя и ея тяготы, оказывая помощь и раненымъ, и побѣжденнымъ. Это и есть то, что называется общественной солидарностью.

Мы говоримъ: общество д о л ж н о, но слѣдуетъ ли понимать подъ этимъ ю р и д и ч е с к у ю или только моральную обязанность? Должно ли общество зарегистрировать эту свою обязанность въ законѣ, что означаетъ, съ другой стороны, для нищаго признаніе за нимъ права, въ случаѣ необходимости, предъявлять къ обществу искъ?—На основаніи только что изложенныхъ мотивовъ мы полагаемъ, что призрѣніе есть обязанность общества обезпечить нищему, по крайней мѣрѣ, необходимый минимумъ на его существованіе и, какъ таковая, она должна быть внесена въ законъ и не только въ формѣ безсодержательнаго признанія принципа, а и въ формѣ расходной статьи въ бюджетѣ государства или коммуны; при этомъ нищему разрѣшается добиваться своего права путемъ судебнаго процесса.

Такое обезпеченное закономъ призрѣніе далеко не исключаетъ, какъ этого опасаются, частнаго призрѣнія. Законъ можетъ обезпечить лишь самый необходимый минимумъ, а все сверхъ этого минимума остается на долю частной, болѣе изобрѣтательной и разносторонней въ своихъ источникахъ благотворительности. Чтобы поглотить активность послѣдней, болѣе, чѣмъ достаточно нищеты и страданій [29]).

---

[28]) Не слѣдуетъ забывать, что есть еще люди, которые умираютъ съ голоду. По офиціальнымъ статистическимъ даннымъ, въ Лондонѣ число умершихъ собственно о т ъ г о л о д а, т. е. отъ истощенія, доходило въ 1907 г. до 48 (т. е. приблизительно по одному такому умершему на недѣлю), а, по изслѣдованіямъ Арміи Спасенія, оно поднималось значительно выше, до 200 приблизительно въ годъ!

[29]) Объ организаціи общественнаго призрѣнія см. мой „Курсъ“.

ГЛАВА II.

Соціалистическіе способы.

Такъ какъ существующій способъ распредѣленія представляется въ различныхъ отношеніяхъ весьма несправедливымъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что всегда дѣлались попытки найти лучшій способъ распредѣленія. Этимъ объясняется возникновеніе всѣхъ соціалистическихъ системъ.

Но слѣдуетъ отмѣтить, что соціалисты не ограничиваются сферой распредѣленія и установленіемъ справедливости въ этой только области, они хотятъ также измѣнить всю систему производства и обмѣна. Фурье занятъ отысканіемъ средствъ не столько лучшаго распредѣленія богатствъ, сколько пріумноженія ихъ. Карлъ Марксъ видитъ въ современныхъ и прошлыхъ способахъ распредѣленія лишь необходимыя послѣдствія существующаго способа производства.

Все же, краткій обзоръ различныхъ соціалистическихъ системъ представляется умѣстнѣе въ книгѣ о распредѣленіи, ибо въ конечномъ счетѣ всѣ онѣ сводятся къ вѣчной борьбѣ между бѣдными и богатыми.

Въ предисловіи мы уже изложили общіе принципы, присущіе всѣмъ соціалистическимъ школамъ, теперь же мы вкратцѣ скажемъ объ особенностяхъ главныхъ соціалистическихъ системъ, въ частности тѣхъ, которыя отвѣчаютъ одной изъ слѣдующихъ четырехъ формулъ распредѣленія:

Каждому равную часть,
Каждому по его потребностямъ,
Каждому по его заслугамъ,
Каждому по его труду.

I.

Равный раздѣлъ.

Этотъ наивный способъ распредѣленія существовалъ, повидимому, въ очень отдаленныя времена, такъ какъ всѣ древніе законо-

датели, имена коихъ передала намъ исторія или легенда, Миносъ, Ликургъ, Ромулъ, прибѣгали, повидимому, къ равному, если не поголовному, то, во всякомъ случаѣ, посемейному раздѣлу земли. А когда, по истеченіи нѣкотораго времени, первоначальное равенство по необходимости нарушалось, приходилось возстановлять его съ помощью новыхъ передѣловъ. Такая система была возможна въ примитивныхъ обществахъ, насчитывавшихъ небольшое количество членовъ и владѣвшихъ одной категоріей богатства—землей. Но въ такихъ обществахъ, какъ наши современныя общества, эта система была бы безсмысленна; поэтому-то нынѣ даже среди соціалистовъ-революціонеровъ не встрѣчается больше приверженцевъ раздѣла.

Тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ соціалистическихъ системъ остается кое-что отъ этой упрощенной идеи. Всѣ соціалисты предполагаютъ, что во всѣхъ современныхъ культурныхъ обществахъ богатствъ болѣе, чѣмъ достаточно для удовлетворенія всѣхъ людей, и что если существуютъ нищіе, то только потому, что состоятельные взяли себѣ долю бѣдныхъ. Поэтому было-бы достаточно, путемъ ли экспропріаціи по методу соціалистовъ-революціонеровъ, или путемъ прогрессивнаго налога по методу умѣренныхъ, отобрать то, что богатые не по праву захватили себѣ. Во всякомъ случаѣ, таково, несомнѣнно, общераспространенное настроеніе.

Но богатые во всѣхъ странахъ въ меньшинствѣ. Съ точки зрѣнія количественнаго соотношенія между богатыми и бѣдными часто уподобляли общество пирамидѣ, вершину которой представляли самые богатые люди, а основаніе—самые бѣдные. Отсюда выводъ, что если бы имущество богачей распредѣлить между всѣми бѣдными, то никто отъ этого не обогатился бы. Если бы можно было срыть Монъ-Бланъ и всю массу его земли равномѣрно разнести по всей поверхности французской территоріи, то послѣдняя поднялась бы только на полметра.

Общая масса накопленныхъ богатствъ въ такой странѣ, какъ Франція, можетъ быть исчислена не больше, какъ въ 230 милліардовъ франковъ [1]). Раздѣлимъ это число на количество народонаселенія Франціи, скажемъ, на 39 милліоновъ, получится частное приблизительно въ 6000 фр. Если предположить, что богатство

---

[1]) Общую массу частныхъ имуществъ въ данной странѣ можно исчислить двоякимъ образомъ:

было бы раздѣлено поровну между всѣми французскими семьями, то каждая семья (допускаемъ по 4 человѣка на семью) получила бы на свою долю 24000 фр.; изъ нихъ приблизительно 7000 фр. —землей, 5000 фр.—жилищемъ, немного болѣе 10.300 фр.—движимыми цѣнностями или частью промышленной собственности, 1000 фр. - движимостью и около 700 фр.—наличными деньгами [2]).

а) Либо путемъ исчисленія каждой категоріи благъ и сложенія ихъ, какъ это показываетъ для Франціи нижеслѣдующая краткая и приблизительная таблица:

Земли (съ сельскохозяйств. инвентаремъ) . . .	на 70	милліардовъ.
Фабрикъ, складовъ (съ промышл. инвент.). . .	„ 20	„
Домовъ	„ 57	„
Движимыхъ цѣнностей въ формѣ бумагъ . . .	„ 90	„
Мебели, платья, предметовъ потребленія . . .	„ 22	„
Денегъ	„ 7	„
Государственныхъ имуществъ	„ 2	„
Всего	на 268	милліардовъ.

Но изъ движимыхъ цѣнностей 30 милліардовъ составляютъ государственныя долговыя бумаги и ренту, а 14 милліардовъ—ипотечныя бумаги, всего около 44 милліардовъ; это фиктивныя богатства, ибо они представляютъ долги однихъ французовъ другимъ или долги всей націи въ цѣломъ. Поэтому ихъ слѣдуетъ исключить: останется 224 милліарда.

б) Либо путемъ помноженія цифры благъ, перешедшихъ по наслѣдству или дареніе, что называется „сюксессоральнымъ аннюитетомъ", на число лѣтъ, протекшихъ въ среднемъ между моментами перехода однихъ и тѣхъ же благъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, каковое число опредѣляется (весьма произвольно, впрочемъ) въ 36. Сюксессоральный аннюитетъ (приблиз. отъ 1898 до 1907 г.) немного выше 6 милліардовъ (включая дарения, но за вычетомъ долговъ). Помножая эту цифру на 36, получаемъ 216 милліардовъ; но если принять во вниманіе, что цифра *заявленныхъ* наслѣдственныхъ массъ всегда ниже дѣйствительной, то будетъ видно, что оба метода приводятъ почти къ одному и тому же итогу.

[2]) Но если не *всѣ имущества* пустить въ общую массу раздѣла, какъ мы предполагали при исчисленіяхъ выше, а только *имущества богатыхъ*, какъ это предполагается по общераспространенному соціалистическому представленію, то доли получатся до смѣшного малы. Такъ, если бы во Франціи всѣ наслѣдства выше 1 милліона франковъ раздѣлялись ежегодно между всѣми французами, то приходилось бы на каждую голову 25—30 франковъ! Въ Англіи при распредѣленіи всѣхъ наслѣдствъ выше 50.000 фунтовъ (1.250.000 фр.)—по 81 фр. на голову. Этотъ, съ перваго взгляда столь озадачивающій, результатъ объясняется *относительно ничтожнымъ количествомъ богачей*. Наслѣдствъ по суммѣ своей свыше 1 милліона франковъ, въ общей сложности представляющихъ сумму въ 1 милліардъ—1.200 милліоновъ франковъ, во Франціи выпадаетъ въ среднемъ на годъ 400—500, а въ Великобританіи 700 на общую сумму въ 3.400 милліоновъ, и это на 400.000 наслѣдствъ въ каждой изъ этихъ странъ въ годъ!

Такое же вычисленіе можно произвести для дохода. Не слѣдуетъ думать, что доходъ страны составляется только изъ дохода съ капиталовъ и выше-отмѣченныхъ недвижимыхъ имуществъ, что, наприм., для Франціи даже при 5% выразилось бы менѣе, чѣмъ въ 12 милліардовъ. Слѣдуетъ прибавить сюда всѣ доходы отъ т р у д а, что болѣе чѣмъ удвоитъ эту цифру,—около 25 милліардовъ. Для Англіи Giffen насчитываетъ 44 милліарда. Во Франціи это дало бы на каждую семью 2500 фр. дохода, а въ Англіи—4400 франковъ.

Ну, такъ что же?—скажутъ намъ,—все-же, огромному большинству народа было бы лучше, чѣмъ теперь, такъ какъ большинство промышленныхъ и, особенно, сельскохозяйственныхъ наемниковъ получаетъ гораздо меньше.—И, дѣйствительно, изъ 2500 фр. годового дохода поденная заработная плата выражается въ 8 фр. Ариѳметически это неоспоримо, и напрасны попытки апологетическихъ трактатовъ, превозносящихъ современный экономическій порядокъ, оспорить дѣйствительность этого факта. Въ сущности, этотъ фактъ и поднимаетъ въ глазахъ массъ престижъ соціальной революціи. Но только надлежало бы знать вотъ что: устраняя концентрацію капиталовъ въ сильныхъ рукахъ, а, главное, устраняя возможность нажить состояніе, не будетъ ли такой дѣлежъ (періодическій, конечно, ибо иначе онъ оказался бы безрезультатнымъ) изсушать самые обильные источники общественнаго дохода и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ массой, подлежащей раздѣлу, уменьшать долю каждаго. Экономическія, соціальныя и психологическія послѣдствія подобнаго перемѣщенія богатствъ весьма сомнительны. Если же для осуществленія его придется прибѣгнуть къ всеобщей экспропріаціи и кровопролитной революціи, то заранѣе можно сказать, что игра не будетъ стоить свѣчъ, и позволительно надѣяться, что можно будетъ болѣе мирными средствами осуществить этотъ скромный достатокъ, почти не превосходящій „курицы въ горшкѣ“ Генриха IV.

II.

К о м м у н и з м ъ.

Итакъ, раздѣлъ не возможенъ! Въ такомъ случаѣ, не будемъ дѣлить, ибо всякій раздѣлъ будетъ причиной новыхъ неравенствъ, и будемъ владѣть всѣмъ обществомъ, сообща, подобно тому,

какъ это происходитъ между членами одной и той же семьи. Какъ и въ семьѣ, каждому по его потребностямъ.—Такова, дѣйствительно, самая простая и самая старая изъ всѣхъ соціалистическихъ системъ, но въ послѣднее время, когда новая школа, анархистская, сообщила ей нѣкоторый блескъ, она начала утрачивать свой обликъ и становится немного смѣшной.

Общность благъ не составляетъ главной задачи анархистской школы. Истинная цѣль ея—интегральное и безпрепятственное развитіе человѣческой индивидуальности, а коммунизмъ представляется ей единственно-возможнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Анархистская школа думаетъ, что частная собственность, какъ бы ограничена она ни была, всегда предполагаетъ извѣстный предѣлъ и власть, поставленную наблюдать за этимъ предѣломъ; что фактъ частнаго владѣнія чѣмъ бы то ни было всегда будетъ ставить препоны тѣмъ, кто ничѣмъ не владѣетъ, и всегда будетъ средствомъ эксплоатаціи другихъ. Вотъ почему единственнымъ допускаемымъ ею способомъ распредѣленія признается (пользуемся ея формулой, изображаемой на картинѣ) „la prise au tas“ (взятіе изъ кучи).

Не найдется такого наивнаго человѣка, который не призналъ бы, что формула „каждому по его потребностямъ“ — была бы весьма пріятной, но для примѣненія ея надо было бы, чтобы богатства были въ безграничномъ или, по крайней мѣрѣ, въ изобильномъ количествѣ, такъ, чтобы каждый могъ черпать, сколько угодно, какъ воздухъ изъ атмосферы или воду изъ источниковъ.

Къ несчастью, не такъ стоитъ дѣло въ дѣйствительности: количество богатствъ есть и, вѣроятно, всегда будетъ недостаточно для нашихъ потребностей или нашихъ желаній, ибо послѣднія растутъ по мѣрѣ легкости, съ которой намъ удается удовлетворять ихъ. Поэтому способъ „la prise au tas“ невозможенъ, и на сцену выдвигается дѣленіе на части [3]). Въ семьѣ раздѣленіе на части зависитъ отъ власти отца или матери, которые даютъ каждому его долю. Какая же власть въ обществѣ возьметъ на себя столь щекотливую задачу? Ея вовсе не будетъ, ибо программа новыхъ коммунистовъ, анархистовъ, требуетъ уничтоженія всякой власти, всякаго правительства; ихъ девизъ: „Ni Dieu ni maître“ (Ни Бога, ни власти). Все будетъ улаживаться, увѣряютъ анархисты, путемъ

[3]) Правда, анархисты полагаютъ, что всякое дѣленіе на доли сдѣлается безполезнымъ вслѣдствіе изобилія богатствъ! (См. у Кропоткина въ книгѣ La conquête du pain).

взаимныхъ уступокъ и содѣйствія доброй воли. Ничто, несомнѣнно, не подтверждаетъ такой гипотезы, стоящей въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о человѣческой природѣ.

Однако, мы не говоримъ, что коммунистическая организація абсолютно химерична, ибо она, конечно, существовала, если не у колыбели всѣхъ человѣческихъ обществъ, какъ это утверждали, пожалуй, слишкомъ категорически, то, во всякомъ случаѣ, у колыбели многихъ изъ нихъ. Мы не утверждаемъ также, что осуществленіе такой организаціи въ малыхъ размѣрахъ невозможно, ибо, не говоря уже о религіозныхъ общинахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ мы находимъ соціалистическія общества, которыя существуютъ уже около вѣка, а наряду съ ними создаются такія же новыя общества. Если они не дали очень значительныхъ результатовъ, то, все-таки, уже своимъ существованіемъ они доказали, что общность имуществъ не абсолютно несовмѣстима съ трудомъ и производствомъ и даже съ осуществленіемъ до нѣкоторой степени счастья. Но каковы же условія такого относительнаго успѣха?

1. Нужны очень небольшія общества съ числомъ членовъ не свыше сотни или тысячи.

Сами коммунисты, какъ общее правило, признавали это. Такъ, Фурье опредѣлялъ максимумъ для своего фаланстера въ 1500 человѣкъ; Овенъ ограничивалъ число членовъ 500—2000; и для анархистовъ съ уничтоженіемъ государства базисомъ коммунистической организаціи является автономная Коммуна [1]). Соображеніе для этого весьма простое: по мѣрѣ того, какъ число участниковъ растетъ, уменьшается степень интереса каждаго изъ нихъ въ успѣхѣ ассоціаціи. Когда ассоціація очень мала, каждый можетъ разсчитывать на то, что онъ воспользуется въ значительной мѣрѣ своими личными усиліями, но въ коммунистическомъ обществѣ, которое обнимало бы всѣхъ французовъ, каждый былъ бы заинтересованъ только на $^1/_{39.000.000}$; ясно, такая доля слишкомъ ничтожна, чтобы стимулировать чье бы то ни было усердіе.

Но политическая эволюція нашихъ современныхъ обществъ, кажется, нисколько не ведетъ насъ къ автономіи общинъ и уничтоженію государствъ, а клонится, напротивъ, къ централизаціи, къ

[1]) Всѣ существующія въ Соединенныхъ Штатахъ коммуны имѣютъ очень небольшое число членовъ.

расширенію полномочій государственной власти, къ развитію національзма, имперіализма!—Впрочемъ, и при автономной, вставшей на мѣсто государства, общинѣ все же были бы богатыя и бѣдныя коммуны, и неравенство лицъ было бы только замѣнено неравенствомъ группъ.

2. Нужны общества, подчиненныя самой строгой дисциплинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно предвидѣть, что общность жизни и равенство содержанія должны быть несовмѣстимы со всякимъ поползновеніемъ индивидуума на потребленіе больше того, что причитается на его долю, со всякимъ покушеніемъ его уклониться отъ исполненія своей работы. И опытъ подтверждаетъ это положеніе, ибо повсюду, гдѣ существуетъ общежитіе—въ монастыряхъ, казармахъ или учебныхъ заведеніяхъ—обязательно и повиновеніе. Слѣдуетъ даже отмѣтить, что почти во всѣхъ случаяхъ одно только доходящее до фанатизма религіозное чувство и было достаточно сильно, чтобы поддерживать въ этихъ общинахъ необходимую для ихъ существованія дисциплину. Всѣ коммунистическія общества Соединенныхъ Штатовъ, за исключеніемъ прозябавшаго общества Икарійцевъ, религіозныя секты, а республики парагвайскихъ іезуитовъ—единственный, собственно, примѣръ общины, крупной и давно существующей, — учредили истинную теократію.

И потому практика коммунистическаго строя находится въ безусловномъ противорѣчіи съ анархистскимъ идеаломъ уничтоженія всякой дисциплины и всякой регламентаціи и уже, во всякомъ случаѣ, представляется совершенно непримиримой съ тенденціями нашей современной жизни.

III.

Коллективизмъ.

Коллективизмъ, это—смягченный коммунизмъ. Онъ предлагаетъ сдѣлать общими только орудія производства: земли, копи, фабрики, банки, желѣзныя дороги, сырые матеріалы, а что касается продуктовъ потребленія, то ихъ оставить частной собственностью [5]).

[5]) Коллективизмъ датируетъ съ недавняго времени. Первымъ, повидимому, употребилъ этотъ терминъ Коленъ въ Бельгіи (1850 г.), но его коллективизмъ былъ преимущественно аграрнымъ. Различіе между орудіями производства и предметами

Коллективизмъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ соціалистическихъ системъ, которыя предшествовали ему, присваиваетъ себѣ титулъ научнаго соціализма. Этимъ коллективизмъ хочетъ сказать, что онъ не строитъ систему, а научно обосновываетъ свои положенія. Онъ не задается вожделѣннымъ идеаломъ справедливости или братства, а выдаетъ себя за выраженіе того строя вещей, къ которому, волей или неволей, въ силу законовъ эволюціи [6]), непроизвольно клонятся современныя общества.

Когда-то частной собственности соотвѣтствовало и индивидуальное производство: существовала полная гармонія между способомъ производства и способомъ распредѣленія. Такова была средневѣковая ремесленная мастерская. Но нынѣ, благодаря развитію крупной промышленности, крупной торговли, крупной собственности, иначе говоря, благодаря закону концентраціи предпріятій, индивидуальное производство съ каждымъ днемъ исчезаетъ, чтобы уступить мѣсто коллективному производству въ формѣ крупныхъ фабрикъ, угольныхъ копей, желѣзнодорожныхъ компаній.

Между тѣмъ, распредѣленіе все еще продолжаетъ опираться на частную собственность. Такимъ образомъ, между строемъ современнаго производства и распредѣленія существуетъ внутреннее противорѣчіе, которое должно когда-нибудь нарушить равновѣсіе и вызвать крахъ современнаго капиталистическаго порядка.

Безостановочнымъ ходомъ эволюціи всѣ современныя формы индивидуальнаго производства осуждены на исчезновеніе, и, такимъ

потребленія, составляющее основную черту этой системы, впервые установили во Франціи Пеккеръ (1838 г.) и Видаль (1846 г.). Доктриной борьбы сдѣлалъ его впервые „Манифестъ коммунистической партіи“ Маркса и Энгельса (1847 г.). Критическую форму придалъ ему Карлъ Марксъ (въ своемъ знаменитомъ „Капиталѣ“, первый томъ котораго былъ выпущенъ въ 1867 г., а два другіе послѣ смерти Маркса были изданы соратникомъ его по оружію Энгельсомъ), благодаря чему эта система выступила во всеоружіи на борьбу съ современной организаціей нашихъ обществъ. Наконецъ, общій планъ коллективистской организаціи впервые набросалъ бельгіецъ Цезарь де-Пепъ (умер. въ 1891 г.).

Хотя коллективизмъ часто обозначается именемъ „марксизма“—по имени его знаменитѣйшаго теоретика—тѣмъ не менѣе, не всѣ коллективисты являются марксистами и все чаще и чаще появляются коллективисты — диссиденты. (См Bourguin, Les Systèmes socialistes et l'évolution économique).

6) Эта концепція опредѣляемой экономической необходимостью эволюціи извѣстна подъ именемъ „историческаго матеріализма“.

образомъ, неизбѣжно наступитъ день, когда всѣ орудія производства будутъ соціализированы, а всѣ мелкіе производители будутъ экспропріированы крупными.

Но колесо исторіи на этомъ не остановится, и крупные экспропріаторы въ свою очередь будутъ экспропріированы въ интересахъ общества, націи! Такъ возстановится гармонія между производствомъ и распредѣленіемъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, получитъ удовлетвореніе и логика эволюціи, которая требуетъ, чтобы коллективному способу производства соотвѣтствовалъ коллективный способъ присвоенія.

Какъ же совершится эта экспропріація, эта соціализація капиталовъ?

Либо путемъ закона, по волѣ большинства націи, которое просто-на-просто примѣнитъ къ этому случаю законъ объ экспропріаціи имуществъ для цѣлей государства [7]), придавъ ему расширительное толкованіе;—либо революціоннымъ путемъ, если всеобщее избирательное право, парламентаризмъ и сопротивленіе буржуазныхъ классовъ встанетъ на пути мирнаго разрѣшенія. Тогда наступитъ послѣдній актъ борьбы классовъ, которая ведется въ теченіе столѣтій и которая, по Марксу, представляется важнѣйшимъ историческимъ явленіемъ, объясняющимъ все другія явленія.

Экспропріированныя орудія производства будетъ эксплоатировать государство или коммуна либо непосредственно, либо чрезъ посредство профессіональныхъ союзовъ. Доходъ будетъ поступать

---

[7]) За вознагражденіе или безъ него?—За вознагражденіе, отвѣчаютъ умѣренные, если классъ собственниковъ охотно примирится съ экспропріаціей. Но вознагражденіе будетъ уплачено не въ формѣ капитала, какъ это дѣлается при экспропріаціяхъ; иначе капиталъ замѣнилъ бы для экспропріируемаго его собственность и могъ бы быть помѣщенъ для извлеченія такого же или большаго дохода; а въ такомъ случаѣ, никакого измѣненія въ экономическомъ положеніи не произошло бы, только мѣсто капиталистовъ - производителей заняли бы капиталисты - рантье; вознагражденіе будетъ выдаваться въ формѣ боновъ потребленія, которые, по использованіи ихъ, теряютъ всякое значеніе, подобно тѣмъ деньгамъ, которыя расточитель кладетъ въ свою шкатулку, чтобы вынуть ихъ оттуда и потратить; поэтому, когда боны будутъ потрачены, бывшіе владѣльцы ихъ встанутъ въ ряды простыхъ гражданъ, чтобы жить своимъ трудомъ.

Было предложено также осуществить экспропріацію болѣе экономнымъ для государства способомъ: просто, путемъ конфискаціи наслѣдствъ, но проводя ее въ жизнь постепенно, съ такимъ разсчетомъ, чтобы оказалось окончательно лишеннымъ наслѣдства, напр., четвертое поколѣніе, которое еще не родилось.

въ государственную кассу, а послѣдняя, отдѣливъ часть, необходимую на государственныя нужды, остальное будетъ возвращать рабочимъ въ полное ихъ распоряженіе.

Мы говорили, что коллективизмъ отличается отъ коммунизма тѣмъ, что послѣдній стремится установить общность для всѣхъ благъ, тогда какъ первый требуетъ ея только для орудій производства, оставляя въ формѣ частной собственности все, что относится къ потребленію. Для бо́льшей точности мы должны сказать, что для настоящаго времени коллективизмъ не требуетъ даже обобществленія всѣхъ орудій производства, а только тѣхъ, которыя эксплоатируются уже коллективно, т. е. посредствомъ наемныхъ рабочихъ. Такъ, хотя воздѣлываемая крестьяниномъ земля, лодка рыбака—орудія производства, они не будутъ обобществлены и останутся частной собственностью, ибо они служатъ еще индивидуальному производству.

По какой формулѣ будутъ распредѣляться между людьми продукты? По формулѣ: каждому по его труду. Но эту формулу можно понимать въ двухъ очень различныхъ смыслахъ:—либо каждому по полученному результату, что почти совпадаетъ съ сенъ-симонистской формулой: каждому по его дѣламъ;—либо каждому по затраченному труду. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и надо понимать коллективистскую формулу распредѣленія: каждому по затраченному имъ усилію, измѣряемому количествомъ доставленныхъ часовъ труда [8]), —съ нѣкоторымъ коррективомъ, гарантирующимъ минимумъ средствъ существованія тѣмъ, кто не можетъ работать.

Коллективистскія положенія можно, слѣдовательно, резюмировать такимъ образомъ: цѣль — послѣдовательная соціализація орудій производства; средство — борьба классовъ, наемниковъ съ капиталистами, рабочихъ съ буржуа [9]).

Вотъ что можно возразить противъ коллективизма:

---

8) Количество труда измѣряется продолжительностью времени. „Трудъ, образующій субстанцію и цѣнность товаровъ, есть трудъ одинаковый или безразличный, затрата одной и той же силы". („Капиталъ" Маркса, стр. 15 франц. изд.).

9) Формула „борьба классовъ" не предполагаетъ непремѣнно борьбу съ оружіемъ въ рукахъ и гражданскую войну, какъ не предполагаетъ этого, напр., борьба политическихъ партій, религіозная борьба и пр., но она предполагаетъ окончательное устраненіе капиталистическаго класса.

Такъ называемый историческій законъ, на которомъ базируется весь коллективизмъ, а именно — послѣдовательное превращеніе всякаго индивидуальнаго производства въ коллективное, есть не что иное, какъ обобщеніе, далеко не охватывающее всѣхъ фактовъ и даже стоящее въ противорѣчіи со многими изъ нихъ. Сельскохозяйственное производство, какъ мы уже сказали, не даетъ, вопреки утвержденіямъ коллективистовъ, рѣшительнаго доказательства такой эволюціи. Напротивъ, мы наблюдаемъ, что, съ ростомъ народонаселенія и прогрессомъ интенсивной культуры, земля все болѣе и болѣе парцеллируется, и сельскохозяйственныя предпріятія все болѣе и болѣе уменьшаются. Эксплоатація земельной собственности на акціонерныхъ началахъ нашла себѣ приложеніе только въ нѣкоторыхъ совершенно исключительныхъ случаяхъ. И даже въ фабрично-заводской индустріи мелкія предпріятія не только не вытѣснены крупными, но развиваются, по меньшей мѣрѣ, въ такой же степени, какъ и послѣднія [10]).

Такимъ образомъ, ничто не доказываетъ, что осуществится когда нибудь всеобщая экспропріація частныхъ производителей. „Логика эволюціи“, слѣдовательно, промахнулась, а вмѣстѣ съ ней рушится и логика коллективизма.

Съ другой стороны, чисто словесной антитезой является существующее будто бы противорѣчіе между способомъ производства, который сталъ коллективнымъ, и способомъ распредѣленія, оставшимся индивидуальнымъ. Въ дѣйствительности, въ нихъ происходитъ параллельное видоизмѣненіе. Въ акціонерныхъ обществахъ принимаетъ коллективную форму не только производство, а и собственность, въ томъ смыслѣ, что въ этихъ обществахъ столько же, и даже вообще больше, акціонеровъ, чѣмъ рабочихъ.

Наконецъ, классовая борьба, фактически неоспоримо существующая, представляется гораздо болѣе сложной, чѣмъ это выходитъ по изображенію марксистовъ. И ничто не доказываетъ,

---

10) См. выше Законъ концентраціи.

Тезисъ о всеобщей концентраціи производствъ вызываетъ оживленную полемику внутри самой коллективистской школы. См. опроверженіе этого тезиса въ надѣлавшей много шума книгѣ Бернштейна: Socialisme théorique et Socialisme pratique (фр. пер.). Бернштейнъ показываетъ, напр., что въ Англіи число пользующихся достаткомъ семействъ съ доходомъ въ 150—1000 фунт. (3750—25000 фр.) болѣе чѣмъ утроилось за 30 лѣтъ, а число мелкихъ мастерскихъ (1—10 рабочихъ) почти удвоилось и т. д.

что развязка приближается, если вообще должна наступить развязка!

Въ самомъ дѣлѣ, сила сопротивленія владѣющихъ классовъ окончательной экспропріаціи, т. е. обобществленію ихъ имуществъ, не ослабляется, какъ это утверждаютъ коллективисты, а, напротивъ, возрастаетъ. Милліоны маленькихъ людей, служащихъ, чиновниковъ, домашней прислуги и даже рабочихъ, купившихъ государственную ренту, облигаціи города Парижа или Земельнаго Кредита и даже акцій желѣзнодорожныхъ компаній, и съ каждымъ днемъ растущихъ въ числѣ, такъ же крѣпко держатся за свои бумаги, какъ крестьянинъ за свою землю [11]). Естественно, что, если имъ предложить равный раздѣлъ, они ничего больше не потребуютъ, кромѣ какъ прибавки къ своимъ скромнымъ купонамъ изъ содержимаго портфелей богачей. Но они не обнаружатъ склонности пожертвовать своими купонами, какъ бы ничтожны послѣдніе ни были, въ обмѣнъ на призрачное и неопредѣленное право коллективнаго участія въ національномъ капиталѣ.

Предположимъ, что коллективизмъ осуществится цѣликомъ; въ такомъ случаѣ, ему придется на практикѣ столкнуться съ серьезными препятствіями. Укажемъ на главныя препятствія:

1. Право частной собственности, которое коллективистская школа предполагаетъ сохранить, ограничивъ его продуктами личнаго труда, останется лишь пустой приманкой. Въ самомъ дѣлѣ, если бы частная собственность со всѣми присущими ей аттрибутами (ссужать, продавать или производительно употреблять) была признана, то, благодаря этому, не замедлили бы вновь возникнуть категоріи кредиторовъ и должниковъ, хозяевъ и наемниковъ, продавцовъ и покупателей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неравенство богатствъ, т. е. опрокинулся бы весь экономическій строй. Поэтому коллективисты заявляютъ, что, такъ называемый, собственникъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ ни продавать, ни ссужать свою часть, иными словами, ему будетъ запрещено дѣлать изъ своей части

---

[11]) Коллективисты говорятъ (см. Вандервельде: Le collectivisme et l'évolution industrielle; Jaurés: Etudes socialistes), что, съ развитіемъ анонимныхъ акціонерныхъ обществъ, собственность улетучивается. Но слѣдуетъ замѣтить, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, она стремится:1) демократизироваться, становясь доступной для всѣхъ, 2) и въ своей анонимной формѣ бумагъ на предъявителя сдѣлаться всемірной и неуловимой для всякаго, кто бы ни захотѣлъ ею завладѣть, будь то фискъ и коллективистское государство.

какое-либо другое употребленіе, кромѣ непроизводительнаго. Но это, прежде всего, открываетъ предъ нами мало утѣшительную перспективу на счетъ будущности производства. А, во-вторыхъ, такъ какъ собственники, вѣроятно, нелегко примирятся съ такимъ изуродованнымъ правомъ собственности и будутъ прилагать отчаянныя усилія, чтобы дать ему наиболѣе выгодное приложеніе, то имъ придется встрѣтиться съ крайне стѣснительными для личной свободы мѣрами. Во всякомъ случаѣ, лишившись такимъ образомъ своихъ самыхъ существенныхъ свойствъ, право собственности превратится въ пустой звукъ, тѣнь, и мы очутимся въ коммунистическомъ—или почти коммунистическомъ — строѣ.

Поэтому коллективистская система, кажется, напрасно льститъ себя надеждой держаться золотой середины между коммунизмомъ и индивидуализмомъ, и едва ли ей удастся избѣгнуть необходимости впасть, въ концѣ концовъ, въ коммунизмъ, если она не захочетъ вернуться къ индивидуалистическому строю.

2. Смѣщеніе въ будущемъ руководителей промышленности, хозяевъ, собственниковъ, капиталистовъ съ цѣлью замѣщенія ихъ людьми, избранными профессіональными союзами рабочихъ, федераціями или комитетами ихъ вызываетъ серьезныя опасенія у всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ нѣкоторое представленіе о слабой степени экономическаго образованія у рабочихъ классовъ. Правда, такое же возраженіе дѣлается противъ кооперативнаго строя, который мы, однако, признаемъ. Но при кооперативномъ строѣ устраненіе хозяевъ происходитъ путемъ свободной конкурренціи, а не путемъ государственнаго переворота, иначе говоря, такое устраненіе осуществляется по мѣрѣ того, какъ оно становится возможнымъ и соціально-полезнымъ.

Но еще болѣе тревожнымъ представляется для насъ исчезновеніе другой соціальной категоріи,—бережливыхъ капиталистовъ. Во Франціи милліоны такихъ капиталистовъ, крупныхъ и мелкихъ (гораздо больше мелкихъ). Плохой или хорошій годъ, они благоразумно сберегаютъ около 2 милліардовъ и такимъ образомъ питаютъ тотъ источникъ, благодаря которому поддерживается и возобновляется богатство Франціи. Правда, они дѣлаютъ это въ своихъ личныхъ интересахъ, а въ результатѣ это оказывается жизненнымъ интересомъ всей страны.—Между тѣмъ, при коллективистскомъ строѣ этотъ чудный источникъ изсякнетъ. И вотъ почему. Прежде всего, потому, что когда люди будутъ знать, что

все необходимое для нихъ обезпечено, они, вѣроятно, не будутъ принуждать себя дѣлать сбереженіе изъ той части, которая будетъ имъ удѣляться. А, во-вторыхъ, потому, что если нѣкоторые и будутъ сберегать кое-что изъ своего дохода въ формѣ боновъ труда, то это сбереженіе они оставятъ для удовлетворенія своихъ потребностей и не подумаютъ найти ему какое либо производительное помѣщеніе, да, впрочемъ, это будетъ строго воспрещено. У нихъ останется только право накоплять безплодныя, не имѣющія общественной полезности сокровища. Однако, какимъ же источникомъ замѣнить частное сбереженіе, такъ какъ все же надо будетъ поддерживать и увеличивать національный капиталъ? – Общественнымъ сбереженіемъ, говорятъ намъ. Нація будетъ поступать такъ, какъ поступаютъ нынѣ всѣ финансовыя общества: она будетъ вычитать изъ своихъ доходовъ нѣкоторую часть въ 10—20% и складывать ее въ резервный фондъ. — Прекрасно. Только до сего времени никто никогда не видѣлъ такого правительства, которое умѣло бы, хотѣло бы и могло бы сберегать. Надо, слѣдовательно, предполагать, что коллективистское правительство не будетъ походить на правительства, которыя предшествовали ему, что оно будетъ бережливымъ, предусмотрительнымъ, словомъ, надѣленнымъ всѣми тѣми качествами, которыми нынѣ отличается „добрый буржуа“.

3. Устраненіе всякаго независимаго производителя (только общество будетъ предпринимателемъ) почти неизбѣжно поведетъ къ устраненію свободы труда. У гражданина не будетъ выбора занятія. Какъ нынѣ наемникъ отправляется на мѣсто, указанное ему хозяиномъ, такъ тогда каждый обязанъ будетъ отправляться туда, куда назначитъ его единственный хозяинъ, Нація, и ни у кого не будетъ возможности искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ другого хозяина и другой службы. Ужасная перспектива! И тщетно многіе коллективистскіе писатели стараются затушевать ее остроумными проектами.

Но, могутъ сказать, это порабощеніе, которое васъ такъ ужасаетъ, существуетъ нынѣ для всего класса наемниковъ. — Увы, существуетъ! Но, именно, для того и надо искать средства освобожденія тѣхъ, кто нынѣ порабощенъ, а не распространять порабощеніе на тѣхъ, кто нынѣ свободенъ отъ него.

4. Коллективистская формула распредѣленія „каждому по числу часовъ затраченнаго труда“ сталкивается, наконецъ, съ громадными практическими трудностями и съ моральными принципами.

Коллективистскій способъ распредѣленія связанъ съ марксистской доктриной, по которой трудъ—единственное основаніе цѣнности. Но если—какъ мы объяснили выше и какъ нынѣ думаютъ почти всѣ экономисты — трудъ есть лишь одинъ изъ элементовъ цѣнности и если предѣльная полезность или желаемость (désirabilité) составляетъ основу ея, то марксистская система распредѣленія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Цѣнность не позволитъ уложить себя на прокрустово ложе, къ которому хотятъ приковать ее. Можно будетъ, конечно, дать мнѣ въ обмѣнъ на мой трудъ извѣстное количество боновъ, равное количеству затраченныхъ мною часовъ; но кто же сможетъ гарантировать мнѣ, что въ обмѣнъ на эти боны я смогу достать себѣ продукты, представляющіе то же количество часовъ труда, ибо никакъ нельзя помѣшать тому, чтобы рѣдкій предметъ стоилъ дороже часто встрѣчающагося, хотя бы на него было потрачено то же количество часовъ труда.

Что касается моральныхъ принциповъ, то согласно ли съ соціальной справедливостью, чтобы каждый получалъ вознагражденіе въ соотвѣтствіи съ затраченнымъ трудомъ, съ количествомъ часовъ и минутъ, измѣряемымъ хронометромъ, и не справедливѣе ли соразмѣрять вознагражденіе съ полученнымъ результатомъ? Не слѣдуетъ ли сдѣлать критеріемъ справедливаго распредѣленія opus, а не labor? И не умѣстно ли здѣсь повторить вмѣстѣ съ Мизантропомъ:

Voyons, Monsieur! Le temps ne fait rien à l'affaire*).

До сего времени особую силу марксистскаго соціализма составляло то, что онъ заявлялъ себя рабочимъ, классовымъ соціализмомъ. Но съ недавняго времени наряду съ нимъ выросъ еще болѣе крайній рабочій соціализмъ,—Синдикализмъ. Послѣдній презираетъ всякую доктрину, всякую предвзятую организацію и думаетъ, что рабочему классу надо преслѣдовать свои непосредственные интересы при всякихъ обстоятельствахъ, чтобы находиться на истинномъ пути, т. е. чтобы создать изъ себя новое общество и даже новую мораль. Лагардель, одинъ изъ представителей его, пишетъ: „только рабочій классъ можетъ обновить міръ, но при условіи отчужденія отъ буржуазнаго класса". Этотъ нео-соціализмъ имѣетъ своимъ органомъ профессіональный союзъ

*) Количество минутъ—не главное для дѣла.

(syndicat, откуда и названіе его), а средствомъ для него является „прямое дѣйствіе“ (l'action directe), т. е. чисто экономическая борьба; политическія средства и реформы онъ не признаетъ.

IV.

Кооператизмъ.

Кооператизмъ — новый терминъ. Его начинаютъ употреблять тѣ, кто видитъ въ кооперації не только средство осуществленія нѣкоторыхъ улучшеній, но и цѣлую программу общественнаго обновленія. Кооператизмъ непосредственно примыкаетъ къ ассоціаціонистскому соціализму первой половины XIX столѣтія. Но къ нему нельзя приложить эпитетъ „утопическій“, какъ къ послѣднему, ибо онъ имѣетъ дѣло съ существующими экономическими категоріями и уже проводитъ въ жизнь многія важнѣйшія désiderata соціализма, а, главное, онъ непосредственно вноситъ—чѣмъ нельзя пренебрегать—весьма реальное улучшеніе въ условія существованія тѣхъ людей, которые примѣняютъ его на практикѣ.

Въ началѣ XIX столѣтія Овенъ въ Англіи и Фурье во Франціи думали, что возможно измѣнить человѣка и міръ съ помощью свободной ассоціаціи и для этой цѣли придумывали болѣе или менѣе остроумныя организаціи, которыя не удавались. Однако, требованія практической жизни, болѣе настоятельныя, чѣмъ системы, привели къ самопроизвольному возникновенію въ различныхъ странахъ самыхъ разнообразныхъ формъ ассоціаціи: — въ Англіи—потребительныхъ обществъ; во Франціи—производительныхъ; въ Германіи—кредитныхъ; въ Даніи—сельскохозяйственныхъ; въ Соединенныхъ Штатахъ — строительныхъ и т. д. Всѣ эти общества уже начали, хотя еще въ скромныхъ размѣрахъ, вносить довольно серьезныя измѣненія въ современныя экономическія условія и подавать надежду на еще болѣе широкія перспективы. Для ознакомленія съ этими формами кооперативной ассоціаціи мы отсылаемъ къ соотвѣтствующимъ главамъ, гдѣ каждая изъ нихъ разсматривается болѣе подробнымъ образомъ. Здѣсь же мы должны отмѣтить отличительныя черты ихъ, общія всѣмъ этимъ формамъ, что позволитъ намъ установить нѣкоторую соціальную программу.

1. Всѣ эти общества преслѣдуютъ цѣль экономической эмансипаціи извѣстныхъ категорій лицъ, чтобы можно было обходиться безъ посредниковъ и быть самодовлѣющими единицами. Потребительное общество позволяетъ потребителямъ обходиться безъ булочника, безъ мелкаго лавочника или торговца, такъ какъ оно дѣлаетъ закупки непосредственно у производителей или, еще лучше, само производитъ все необходимое для своихъ членовъ. Кредитное товарищество позволяетъ заемщикамъ избѣгать когтей ростовщиковъ, такъ какъ оно обезпечиваетъ своимъ членамъ ссуду необходимыхъ капиталовъ или, при помощи остроумныхъ комбинацій сбереженія и взаимопомощи, само создаетъ капиталы. Производительное кооперативное общество позволяетъ рабочимъ обходиться безъ хозяевъ, такъ какъ оно производитъ товары своими средствами и за свой счетъ и продаетъ ихъ непосредственно покупателямъ.

2. Всѣ эти общества преслѣдуютъ цѣль устраненія соперничества и насажденія солидарности; вмѣсто индивидуалистическаго девиза: каждый для себя, они ставятъ кооперативный девизъ: каждый для всѣхъ. Отдѣльныя лица перестаютъ конкуррировать между собою, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, поскольку они соединяются въ опредѣленную кооперативную организацію для удовлетворенія своихъ потребностей; а каждая такая кооперативная организація въ свою очередь беретъ за правило соединяться съ другими такими же организаціями для образованія болѣе широкихъ союзовъ.

3. Всѣ эти общества преслѣдуютъ цѣль не уничтоженія частной собственности, а обобщенія ея, такъ какъ они дѣлаютъ ее доступной для всѣхъ въ формѣ мелкихъ купоновъ [12]), а также созданія—рядомъ и надъ частной собственностью—коллективной собственности въ формѣ безличнаго фонда, предназна-

12) Правда, въ послѣдніе годы нѣкоторые коллективисты и даже анархисты проповѣдуютъ и насаждаютъ кооперацію, не отказываясь въ то же время отъ распространенія идеи объ обобществленіи богатствъ. Это значитъ, что кооперація является для нихъ подготовительной стадіей, средствомъ подготовить наступленіе коллективистскаго строя, создать кадры и рессурсы для классовой борьбы, тогда какъ для кооператоровъ кооперація сама по себѣ составляетъ цѣль, иначе говоря, кооперація въ самой себѣ носитъ будущее общество и для возникновенія послѣдняго достаточно дать маленькому кооперативному обществу возможность развиваться и размножаться, подобно тому, какъ зерно въ самомъ себѣ носитъ плодъ, и достаточно предоставить его самому себѣ, чтобы оно могло созрѣть и размножиться.

ченнаго для развитія общества и для дѣлъ общественной полезности.

4. Всѣ эти общества преслѣдуютъ цѣль не уничтоженія капитала, а отнятія у него руководящей роли въ производствѣ и лишенія его той части продукта, которую онъ въ качествѣ руководящей власти взимаетъ въ формѣ прибыли и дивидендовъ. Уничтоженіе прибыли во всѣхъ ея видахъ составляло уже существенное положеніе системы Овена. Многія общества въ своихъ уставахъ или запрещаютъ создавать какую-либо прибыль или вносятъ ее въ резервный фондъ. Общества, приносящія прибыль, возвращаютъ ее своимъ членамъ, при чемъ сумма возврата соразмѣряется либо съ суммой, на которую произведены покупки членами, если они потребители, либо съ количествомъ ихъ труда, если они рабочіе, но никогда не соразмѣряется съ суммой ихъ акцій, т. е. внесеннаго ими капитала. Услуга акціонернаго капитала, равно какъ и услуга позаимствованнаго капитала, оплачивается лишь скромнымъ процентомъ, но она никогда не оплачивается дивидендомъ, а нѣкоторыя общества и вовсе не отчисляютъ никакого процента на капиталъ. Если принять во вниманіе, что въ анонимныхъ обществахъ, стремящихся въ наше время принять такіе широкіе размѣры, капиталъ захватываетъ въ свои руки всю прибыль предпріятія и все управленіе имъ, низводя трудъ на положеніе наемника, то станетъ понятнымъ, что кооперативная система создаетъ настоящую соціальную революцію, ниспровергая современный экономическій порядокъ, и что, именно, капиталу она навязываетъ роль наемника!

5. Наконецъ, всѣ эти общества имѣютъ важную воспитательную цѣнность, такъ какъ они научаютъ своихъ членовъ не поступаться какой-либо стороной своей индивидуальности, своего духа предпріимчивости, а, напротивъ, развивать свои силы, чтобы, помогая себѣ, приходить на помощь другимъ, ставить цѣлью экономической дѣятельности удовлетвореніе потребностей, а не добываніе прибыли, вносить въ экономическія отношенія принципы морали путемъ уничтоженія рекламы, мошенничества, фальсификаціи товаровъ, sweating-system (потогонной системы) и т. д. уничтожить всѣ средства эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и всѣхъ поводовъ къ конфликтамъ. Можно даже сказать, что отличительной чертой всякой крупной кооперативной ассоціаціи является устраненіе какого-нибудь конфликта, какой-нибудь тяжбы

между противоположными интересами:—потребительное общество устраняетъ конфликтъ между продавцомъ и покупателемъ;—строительное общество устраняетъ конфликтъ между домовладѣльцемъ и квартирантомъ; кредитное—между кредиторомъ и должникомъ; производительное—между хозяиномъ и наемникомъ.

Осуществятъ ли эти общества столь претенціозную программу? Какъ знать? Вѣдь самыя старыя изъ этихъ обществъ насчитываютъ лишь 60 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, Клодіо Жанэ, который является меньше всего кооператоромъ, могъ написать, что „это—единственный соціальный экспериментъ въ XIX столѣтіи, который удался". Производительныя кооперацiи, на которыя старый французскій соціализмъ возлагалъ столько надеждъ, насчитываютъ нѣсколько блестящихъ, но до настоящаго времени рѣдкихъ, успѣховъ. Но кредитныя товарищества, въ особенности же потребительныя общества, стоятъ на пути такого широкаго развитія, которое изумило ихъ противниковъ и даже ихъ приверженцевъ. Потребительныя общества, въ особенности, стремятся поглотить въ себѣ всѣ другія формы и осуществить нѣчто въ родѣ кооперативной республики, въ которой все управленіе производствомъ перешло бы въ руки потребителей, что, конечно, было бы не малымъ переворотомъ. Къ сожалѣнію, во Франціи потребительныя общества быстро заражаются пороками меркантильной среды, которую они стремятся переродить, и фактически не столько имѣютъ въ виду уничтожить прибыль, сколько присвоить ее въ формѣ излишка.

Но если даже допустить, что такая программа не можетъ быть цѣликомъ осуществлена, все же, кооперативизмъ имѣетъ то преимущество, что онъ не компрометируетъ будущаго, такъ какъ не намѣревается пригонять человѣческія общества къ однообразной и напередъ опредѣленной формѣ. Величайшее преимущество соціальнаго строя, который онъ стремится установить, это—его факультативность; при этомъ кооперативизмъ не прибѣгаетъ ни къ революціонной, ни къ легальной силѣ и для устраненія существующей экономической организаціи пользуется лишь ея собственнымъ оружіемъ—конкурренціей и свободой.

Вторая часть.

Различныя категоріи участвующихъ въ распредѣленіи.

Общественные классы.

Мы только что разсмотрѣли принципы распредѣленія богатствъ, какъ примѣняемые въ настоящее время, такъ равно и тѣ, которые предлагаются въ замѣну ихъ. Посмотримъ теперь, какія лица участвуютъ въ распредѣленіи, и какова та доля, на которую они претендуютъ. Само собою разумѣется, намъ предстоитъ разсмотрѣть не индивидуальныя требованія, а требованія, формулированныя значительными группами, „классами", т. е. всѣми тѣми объединенными извѣстною общностью интересовъ лицами, которыя представляютъ одинаковыя права на участіе въ дѣлежѣ [1]). Будучи антагонистичными, эти требованія неизбѣжно вызываютъ упорную борьбу между общественными группами. Извѣстно, что даже между отдѣльными лицами дѣлежъ служитъ источникомъ тяжбъ и процессовъ, хотя здѣсь права каждаго отдѣльнаго лица самымъ тщательнымъ образомъ регулируются закономъ. Тѣмъ болѣе основаній ожидать этого въ той области, гдѣ конфликтъ завязывается между крупными силами, и гдѣ сами законы подвергаются натиску.

---

[1]) Таково наиболѣе простое, какъ намъ кажется, опредѣленіе класса. Было предложено много другихъ опредѣленій. Критеріемъ для опредѣленія класса называли фактъ владѣнія или невладѣнія, профессіональную солидарность, различіе въ нравахъ и образованіи и даже расовыя различія (см. Cyr von Overbegh, La Classe Sociale).

Классъ не слѣдуетъ смѣшивать съ кастой. Кастовый строй предполагаетъ существованіе прочныхъ перегородокъ между общественными группами. Будучи по происхожденію политическимъ и религіознымъ, кастовый строй санкціонируется законами. Шаткія перегородки, создаваемыя классовымъ строемъ, не мѣшаютъ отдѣльнымъ лицамъ переходить изъ одного класса въ другой. Классъ вызывается къ жизни

Современный соціализмъ видитъ только два борющихся класса: владѣющій и невладѣющій, т. е. капиталъ и трудъ, и вѣковая борьба между ними разрѣшится, по мнѣнію соціалистовъ, побѣдой труда. Экспропріированные капиталисты вступятъ въ ряды рабочихъ, и такъ какъ не будетъ больше классовъ, то, очевидно, не будетъ и классовой борьбы [2]).

Извѣстно, что борьба между капиталомъ и трудомъ въ данный моментъ стоитъ на первомъ планѣ. Тѣмъ не менѣе, дѣленіе общества на два класса представляется немного упрощеннымъ. Классическіе экономисты различали не два, а три класса: рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ, въ соотвѣтствіи съ тремя факторами производства. Каждый изъ этихъ классовъ требуетъ свою долю: рабочій—заработную плату, капиталистъ—прибыль, землевладѣлецъ—ренту. И самъ Карлъ Марксъ призналъ правильность этого дѣленія. Между тѣмъ, весьма существенна разница, происходитъ ли борьба между двумя или между тремя. Присутствіе третьяго дѣлаетъ борьбу менѣе жестокой, такъ какъ третій заинтересованъ въ томъ, чтобы кто-нибудь изъ двухъ противниковъ не былъ окончательно разбитъ, и такъ какъ онъ становится то на одну сторону, то на другую, для возстановленія равновѣсія. Это какъ разъ и происходитъ въ нашемъ случаѣ.

экономическими причинами и свою санкцію находитъ лишь въ нравахъ. Гражданскіе и политическіе законы классовой организаціи отрицаютъ неравенство между людьми не только въ такъ называемыхъ демократическихъ обществахъ, но даже и въ другихъ, такъ что не существуетъ болѣе внѣшнихъ признаковъ, отличающихъ людей другъ отъ друга. Что касается индивидовъ, въ особенности, мужского пола, то въ любой толпѣ—американской, англійской или парижской—трудно отличить рабочихъ отъ буржуа. Это, все-таки, не мѣшаетъ существованію постоянныхъ различій между классами, въ чемъ можно убѣдиться по разговорной рѣчи: такъ, про человѣка, добровольно или насильно оставившаго свою общественную среду, говорятъ, что онъ „деклассированный“. Самымъ вѣрнымъ признакомъ существованія классовъ въ нашихъ современныхъ обществахъ является то, что jus connubii, какъ говорили римляне, бракъ, не существуетъ между представителями различныхъ классовъ, какъ онъ не существовалъ въ древности или въ средніе вѣка. Не только молодая дѣвушка изъ буржуазной среды не выйдетъ замужъ за рабочаго—романы Жоржъ Зандъ не въ счетъ—но даже дочь служащаго добровольно не рѣшится на это.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать борьбу классовъ съ конкурренціей, хотя и та и другая суть проявленія борьбы за существованіе: послѣдняя существуетъ только между подобными, а первая только между различными. Между бакалейными торговцами существуетъ конкурренція, а не классовая борьба.

У землевладѣльцевъ и капиталистовъ интересы весьма различны, и это расхожденіе ихъ интересовъ проявляется въ политической жизни всѣхъ странъ въ формѣ классической борьбы либераловъ и консерваторовъ, виговъ и тори. Если въ настоящій моментъ грозная сила рабочаго соціализма соединила ихъ въ „entente cordiale", то это вѣдь не всегда такъ было. Во время великой битвы за свободу торговли въ Англіи фабриканты встали на сторону рабочихъ противъ лордовъ, чтобы добиться отмѣны пошлинъ на хлѣбъ, а впослѣдствіи землевладѣльцы оказали поддержку рабочимъ противъ фабрикантовъ, чтобы провести фабричные законы.

Но развѣ существуютъ только три соучастника въ распредѣленіи, только три категоріи интересовъ? Нѣтъ, соучастниковъ гораздо больше! Прежде всего, среди капиталистовъ есть двѣ различныя категоріи: активные капиталисты—предприниматели, хозяева, играющіе первую роль на экономической сценѣ, ведущіе все предпріятіе, и пассивные капиталисты—рантье, ограничивающіеся ссудой своихъ капиталовъ первымъ на производительныя цѣли и никогда не стоящіе въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ наемниками. У фабриканта и рантье неодинаковые интересы, ибо первый фигурируетъ обыкновенно среди заемщиковъ, а второй среди ссудодателей.—Затѣмъ и среди работниковъ существуютъ различныя категоріи, не всегда согласно дѣйствующія. Есть рабочіе въ собственномъ смыслѣ слова, представители физическаго труда, и есть служащіе, чиновники. У нихъ несомнѣнно общее то, что всѣ они наемники, и въ настоящее время мы наблюдаемъ, что нѣкоторые рабочіе изъ этихъ группъ въ этомъ своемъ качествѣ требуютъ признанія за ними права встать подъ знамя Всеобщей Конфедераціи Труда. Но ихъ—ничтожное меньшинство.

Наконецъ, и главнымъ образомъ, есть независимые работники, ремесленники, мелкіе лавочники, либеральныя профессіи, словомъ, такіе работники, у которыхъ есть капиталъ, достаточный для того, чтобы не итти въ наемники, но слишкомъ ничтожный для того, чтобы брать къ себѣ на службу наемниковъ. Во Франціи милліонъ такихъ работниковъ; они составляютъ то, что называется среднимъ классомъ. Этотъ средній классъ, благодаря своему смѣшанному составу, призванъ, повидимому, играть въ классовой борьбѣ весьма важную роль,—роль класса-тампона. Главной причиной конфликта между другими классами является отдѣленіе работника отъ орудія его труда, а въ среднемъ классѣ такого отдѣ-

ленія не существуетъ. Каждый производитъ своими собственными средствами и весь продуктъ своего труда беретъ себѣ. Поэтому, если бы существовали въ обществѣ только самостоятельные производители, не возникало бы и вопроса о дѣлежѣ, соціальнаго вопроса, и неравенство было бы введено въ узкія границы, ибо большое состояніе можно пріобрѣсти, только заставляя работать на себя большое число людей,—возможность, исключающаяся для самостоятельнаго производителя.

Къ сожалѣнію, существуетъ предположеніе, что этотъ умиротворяющій классъ стоитъ подъ угрозой исчезновенія, благодаря закону концентраціи, и не только соціалисты, но и экономисты заявляютъ, что ему осталось не долго жить. Однако, это неправильно. Мы уже говорили (см. Законъ концентраціи), что это пророчество, повидимому, не оправдывается фактами. Вытѣсненный, дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ областей, средній классъ пускаетъ ростки въ другихъ и, въ конечномъ итогѣ, не теряетъ въ своемъ количественномъ составѣ. Къ тому же всѣ, близко къ сердцу принимающіе интересы соціальнаго мира, выступаютъ на защиту этого класса. Вопросъ о среднихъ классахъ съ давняго времени стоитъ въ порядкѣ дня въ Германіи, въ Австріи и, особенно, въ Бельгіи [3]).

Итакъ, современныя общества слишкомъ сложны и разнообразны, интересы среди нихъ слишкомъ запутаны, чтобы можно было примириться съ грубымъ представленіемъ о двухъ геологическихъ, поднимающихся одинъ надъ другимъ, пластахъ классовыхъ организацій въ нихъ. А отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что классовая борьба можетъ развертываться среди многочисленныхъ перипетій, и очень трудно предсказать исходъ ея. Гордый пароль, данный рабочему классу марксистскимъ соціализмомъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ 1848 г.: „рабочій классъ долженъ ждать своего освобожденія только отъ себя самого“, встрѣтитъ, весьма вѣроятно, опроверженіе, ибо исторія, напротивъ, учитъ насъ тому, что классы, стремившіеся къ освобожденію, добивались своей сво-

---

[3]) Во Франціи тоже только что образовалась „Лига для защиты средняго класса“. Развитіе потребительныхъ кооперацій такъ же, какъ и развитіе крупной индустріи, наноситъ ударъ среднему классу, а производительная кооперація и кредитныя товарищества, напротивъ, стараются скорѣе укрѣпить его.

боды только при содѣйствіи другихъ классовъ націи (рабы, крѣпостные и даже третье сословіе 1789 г.)

Мы не можемъ разсмотрѣть всѣхъ только что перечисленныхъ нами общественныхъ группъ. Возьмемъ изъ нихъ только четыре типичныхъ класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ-рантье, наемныхъ рабочихъ и предпринимателей. Ставя послѣднихъ на конецъ, хотя они распредѣляютъ доли всѣмъ остальнымъ, мы дѣлаемъ это, именно, потому, что ихъ доля состоитъ изъ того, что остается имъ послѣ выдѣленія долей другихъ классовъ, подобно тому, какъ главному наслѣднику остается часть наслѣдства послѣ удовлетворенія легатаріевъ.

ГЛАВА I.

Землевладѣльцы.

I.

Собственность на землю.

Собственность на землю нынѣ не только санкціонирована всѣми законодательствами, но даже считается обыкновенно типичной собственностью, и, когда говорятъ о „собственности“ безъ всякаго иного опредѣленія, каждый знаетъ, что рѣчь идетъ о поземельной собственности.

Однако, вопреки многочисленнымъ литературнымъ спорамъ, возгорѣвшимся въ особенности за послѣднее время, можно считать доказаннымъ, что поземельная собственность сравнительно недавняго происхожденія, и что слагалась она даже съ большимъ трудомъ [4]).

Въ эволюціи поземельной собственности можно прослѣдить

---

[4]) Окончательное упроченіе поземельной собственности составляетъ, можетъ быть, самую характерную черту римскаго права и, тѣмъ не менѣе, даже въ Римѣ частная собственность, какъ это, повидимому, доказано, въ первое время распространялась только на жилище и на очень ограниченную огороженную полосу земли, въ $^1/_2$ гектара.

шесть послѣдовательныхъ стадій, на которыя мы и укажемъ здѣсь вкратцѣ [5]).

1. Легко понять, что земельная собственность не можетъ возникнуть у племенъ, живущихъ охотой или даже у пастушескихъ народовъ, ведущихъ кочевой образъ жизни. Земельная собственность можетъ зародиться только вмѣстѣ съ земледѣліемъ. Но на первыхъ ступеняхъ земледѣльческой жизни она еще не возникаетъ, во-первыхъ, потому, что въ продолженіе этого періода земля находится въ изобиліи, и никто не испытываетъ потребности отмежевывать себѣ участокъ, а, во-вторыхъ, потому, что способы обработки находятся еще въ зачаточномъ состояніи, и земледѣлецъ покидаетъ свое поле. какъ только оно истощилось, чтобы найти себѣ другое. Земля воздѣлывается въ этотъ періодъ если не сообща, то, по крайней мѣрѣ, всѣми безразлично: она принадлежитъ всему обществу или, лучше сказать, всему племени. Производителю принадлежатъ только плоды.

2. Но мало по-малу населеніе становится болѣе осѣдлымъ и все болѣе привязывается къ землѣ; въ то же время оно становится и болѣе плотнымъ и вслѣдствіе этого испытываетъ потребность прибѣгать къ болѣе производительной обработкѣ земли. Тогда на смѣну первой стадіи приходитъ другая,—стадія временнаго владѣнія съ періодическими передѣлами. Продолжая считаться общественной собственностью, земля дѣлится поровну между всеми главами семейства, не для окончательнаго завладѣнія ею, а только на извѣстное время: сначала только на годъ, ибо въ теченіе года завершается обычный циклъ земледѣльческихъ операцій, а впослѣдствіи постепенно—по мѣрѣ того, какъ совершенствуются способы обработки, и земледѣльцы начинаютъ нуждаться въ болѣе продолжительномъ времени для своихъ работъ,—и на все болѣе и болѣе продолжительные періоды. Этотъ порядокъ періодическихъ передѣловъ встрѣчается еще и теперь въ Россіи. Земля принадлежитъ общинѣ или міру, который и распредѣляетъ пользованіе ею между

---

[5]) Здѣсь идетъ рѣчь о послѣдовательности стадій развитія собственности скорѣе съ точки зрѣнія логической, нежели хронологической. Мы ни въ коемъ случаѣ не думаемъ утверждать, что во всѣхъ странахъ собственность на землю послѣдовательно принимала всѣ эти формы. Такъ dominium ex jure Quiritium, свободная и абсолютная форма собственности, исторически предшествовала феодальной собственности, хотя логически она представляетъ высшую форму.

своими членами съ помощью передѣловъ, повторяющихся черезъ извѣстные, смотря по обычаямъ и культурѣ, періоды времени. Вся земельная площадь общины обыкновенно дѣлится на три категоріи: —на усадебную землю, составляющую наслѣдственную собственность (но, все-таки, неотчуждаемую и не подлежащую передѣлу);—на пахотную землю, періодически передѣляемую на по-возможности одинаковыя части по числу общинниковъ;—на луговую или покрытую лѣсомъ землю, которая остается обыкновенно нераздѣленной. Передѣлами и порядкомъ обработки безапелляціонно завѣдуетъ міръ, сельскій сходъ главъ семействъ [6]).

3. Наступаетъ время, когда эти періодическіе передѣлы выходятъ изъ употребленія; тѣ, кто удобрялъ свою землю, неохотно соглашаются на операцію, которая періодически отнимаетъ у нихъ продуктъ ихъ труда въ пользу общины; каждая семья остается, въ концѣ концовъ, собственникомъ своего надѣла, и такимъ образомъ возникаетъ семейная собственность. Но это еще не частная собственность, такъ какъ у семьи нѣтъ права распоряжаться землею: глава семейства не можетъ ни продать, ни отдать ее на случай своей смерти, именно, потому, что земля считается общимъ достояніемъ, а не частной собственностью. Съ такимъ строемъ мы встрѣчаемся и теперь въ семейныхъ общинахъ восточной Европы, а, именно, въ болгарскихъ и кроатскихъ „задругахъ", насчитывающихъ до 50—60 человѣкъ, но эти задруги начинаютъ довольно быстро исчезать, вслѣдствіе развитія духа независимости среди молодыхъ членовъ ихъ.

4. Эволюція земельной собственности проходитъ одну такую фазу, которая, будучи по природѣ своей случайной, къ сожа-

---

[6]) Впрочемъ, можетъ быть, міръ не особенно удачный примѣръ примитивнаго способа присвоенія земли, такъ какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, міръ не является пережиткомъ какой-нибудь очень древней формы: онъ восходитъ не дальше XVI в. и укрѣпился, главнымъ образомъ, благодаря уничтоженію крѣпостного права въ 1861 году. Были установлены выкупные платежи за землю, а на общинниковъ была возложена круговая порука за исправность выплаты. Отсюда—устойчивость этой принудительной общины.

Законъ 9 ноября 1906 г. положилъ начало уничтоженія міра: этотъ законъ разрѣшаетъ каждому общиннику пріобрѣсти въ собственность надѣлъ, который онъ обрабатываетъ. Однако, до настоящаго времени оказалось очень немного такихъ общинниковъ, которые воспользовались бы этимъ правомъ,—менѣе 2% всей площади было закрѣплено за отдѣльными членами міра въ первый годъ.

лѣнію, всегда встрѣчается въ исторіи человѣческихъ обществъ,— я говорю здѣсь о завоеваніи. Нѣтъ на поверхности земли такого уголка, который не былъ бы когда-нибудь отнятъ силой у занимавшаго его раньше населенія и присвоенъ завоевателями. Но завоеватели, именно, потому, что они были завоевателями и господами, нисколько не заботились о воздѣлываніи земли и, приписавъ себѣ просто законную собственность на нее, dominium eminens, какъ говорили въ старину, оставляли населенію владѣніе ею въ формѣ лена. Ленъ болѣе или менѣе уподоблялся настоящей собственности, но онъ все же былъ ограниченъ самими условіями сдѣланной земледѣльцу передачи, наложенными на него повинностями, оброкомъ, который онъ долженъ былъ уплачивать собственнику, неотчуждаемостью земли безъ разрѣшенія послѣдняго. Эта система, служившая въ теченіе многихъ вѣковъ основой общественной и политической организаціи Европы подъ именемъ феодальнаго строя, оставила еще и понынѣ слѣды во многихъ странахъ. Въ Англіи, въ особенности, почти всякая собственность сохранила юридически форму леннаго владѣнія и до сего времени еще стѣснена множествомъ узъ, изъ которыхъ приходится высвобождать ее съ большимъ трудомъ[7]).

5. Развитіе индивидуализма и гражданскаго равенства, уничтоженіе феодализма, въ особенности, въ тѣхъ странахъ, которыя испытали на себѣ вліяніе французской революціи 1789 г., привели къ пятой фазѣ, осуществившейся уже въ наше время,—къ окончательному образованію свободной земельной собственности съ всѣми присущими праву собственности свойствами. Однако, и эта земельная собственность въ томъ видѣ, въ какомъ она установлена, напр., въ Кодексѣ Наполеона, еще не во всѣхъ отношеніяхъ тождественна собственности на движимыя имущества: она отличается отъ послѣдней многочисленными, хорошо извѣстными юристамъ, чертами, и это отличіе особенно рѣзко сказывается въ большихъ или малыхъ стѣсненіяхъ права отчужденія и пріобрѣтенія [8]).

---

[7]) „Такимъ-то образомъ устанавливается въ нашемъ англійскомъ правѣ основное правило владѣнія землей, а именно: король—единственный господинъ и первоначальный собственникъ всѣхъ земель королевства“ (Комментаріи Блэкстона).

[8]) Достаточно припомнить неотчуждаемость недвижимости замужнихъ женщинъ въ формѣ приданаго или недвижимости подопечныхъ дѣтей, формальности, требуемыя при передачѣ права собственности на недвижимость, огромныя пошлины, которыми обложены эти сдѣлки и т. д.

6. Чтобы вполнѣ прировнять поземельную собственность къ движимой и такимъ образомъ завершить ея эволюцію, оставалось пройти еще одну стадію,—облегчить мобилизацію земельной собственности, т. е. надо было предоставить каждому индивиду возможность не только владѣть землей, но и распоряжаться ею съ такой же легкостью, какъ и любымъ движимымъ предметомъ. Этотъ послѣдній шагъ былъ сдѣланъ въ новой странѣ, въ Австраліи, путемъ признанія знаменитой системы, извѣстной подъ именемъ системы Торренса, которая позволяетъ собственнику недвижимости какъ бы вложить свою землю въ бумажникъ въ видѣ листа бумаги и переносить ее съ одного лица на другое съ такой же легкостью, какъ банковый билетъ или, по крайней мѣрѣ, вексель [9]). Съ нѣкотораго времени началась уже кампанія за введеніе этой системы въ нашихъ старыхъ странахъ Европы. Вѣроятно, что логика фактовъ и набросанный нами естественный ходъ эволюціи собственности приведутъ повсюду къ торжеству этой системы.

7. Не слѣдуетъ ли предусмотрѣть еще одну стадію развитія собственности на землю: не получитъ ли земельная собственность выраженіе въ формѣ акціи, т. е. именной или даже на предъявителя бумаги, когда сельскохозяйственныя предпріятія, подобно индустріальнымъ, примутъ форму анонимныхъ обществъ?— Но дойдетъ ли земельная собственность до такого логическаго конца своей эволюціи?—Это подлежитъ, повидимому, большому сомнѣнію: по крайней мѣрѣ, произведенные до сего времени въ этомъ отношеніи опыты успѣха не имѣли.

Изъ этого бѣглаго обзора напрашивается тотъ выводъ, что поземельная собственность прогрессивно и неуклонно эволюціонировала отъ коллективной формы къ индивидуальной и все болѣе и болѣе стремится уподобиться собственности на движимость и капиталы до полнаго сліянія съ нею.

Каковы же тѣ причины, благодаря которымъ собственность на землю постепенно выдѣлялась изъ первобытной общности имущества, чтобы вылиться въ форму свободной частной соб-

---

[9]) Цѣль системы Торренса, какъ объ этомъ заявлялъ самъ авторъ ея, освободить земельную собственность отъ всѣхъ стѣснявшихъ доступъ къ ней путъ „подобныхъ тѣмъ рѣшеткамъ, подъемнымъ мостамъ и рвамъ, которые затрудняли доступъ къ замкамъ нашихъ предковъ“.

ственности, и въ своихъ послѣдовательныхъ превращеніяхъ шагъ за шагомъ слѣдовала за прогрессомъ земледѣлія и развитіемъ цивилизаціи?—Причины эти слѣдующія:

Съ одной стороны, возрастаніе населенія ставило людей въ необходимость прибѣгать къ болѣе интенсивной культурѣ для извлеченія изъ земли все болѣе и болѣе значительнаго количества припасовъ.

Съ другой стороны, чувствовалась необходимость для стимулированія труда, обезпечить за земледѣльцемъ право не только на продукты его земли, но и на самую землю, какъ орудіе его труда,— право сначало временное, но съ теченіемъ времени удлинняемое, по мѣрѣ того, какъ развитіе земледѣлія требовало все болѣе продолжительныхъ работъ, и ставшее, въ концѣ концовъ, вѣчнымъ.

Потеряли ли эти причины, вызвавшія въ прошломъ образованіе частной поземельной собственности, свою силу для защиты ея нынѣ противъ нападокъ ея противниковъ?—Мы полагаемъ, что не потеряли.

Въ виду болѣе или менѣе быстраго, но постояннаго, возрастанія населенія, въ наши дни еще важнѣе, чѣмъ въ старое время, выбрать такой способъ эксплоатаціи земли, который позволялъ бы содержать наибольшее количество людей на данномъ пространствѣ. Обществу, по праву претендующему на верховную власть надъ землею, ничего больше не остается, какъ въ интересахъ всѣхъ довѣрить свое право тѣмъ, кто въ состояніи будетъ извлечь изъ этой земли наибольшую выгоду. Но до сего времени это лучше всего удавалось отдѣльнымъ лицамъ, и надо полагать, что они, именно, болѣе всего способны исполнять эту соціальную функцію.

Тѣмъ не менѣе, позволительно думать, что если смыслъ существованія и цѣль земельной собственности оправдываются соціальной полезностью ея, то она пошла нѣсколько дальше своей цѣли въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, было повидимому, безполезно распространять право собственности на земли, которыя не были предметомъ никакого дѣйствительнаго труда. Поэтому-то мусульманскій законъ, оказавшійся болѣе вѣрнымъ принципамъ политической экономіи, чѣмъ нашъ (кто могъ бы подумать!), допускаетъ частную собственность только на тѣ земли, которыя были предметомъ дѣйствительнаго труда и которыя называются „живыми“ въ противоположность землямъ необработаннымъ, которыя назы-

ваются „мертвыми“ и должны оставаться въ коллективной собственности. „Когда кто-нибудь оживитъ мертвую землю, говоритъ пророкъ, она никому другому не будетъ принадлежать, и онъ будетъ имѣть на нее исключительныя права“. Чтобы обратить землю въ частную собственность, предстоитъ произвести слѣдующія работы: „Вырыть колодезь для питья или орошенія, освободить потопленную поверхность земли отъ наводненія, возвести постройки на мертвой землѣ, сдѣлать насажденія на ней, вскопать ее, выполоть, чтобы сдѣлать болѣе доступной для обработки, уровнять почву, освободить ее отъ камней“. Благодаря примѣненію такого правила, коллективная собственность занимаетъ, напр., въ Алжирѣ и на Явѣ еще очень большое мѣсто.

А во Франціи изъ 20 милліоновъ гектаровъ земли въ естественномъ состояніи (лѣса, луга и проч.)—$^2/_3$ всей поверхности,—государству и коммунамъ принадлежитъ не больше шести милліоновъ, а все остальное количество разобрано частными собственниками, очевидно, не иначе, какъ по праву захвата.

Во-вторыхъ, можно поставить себѣ и такой вопросъ: была ли необходимость сообщать поземельной собственности характеръ вѣчности? Вѣчность собственности на землю, повидимому, идетъ далеко за предѣлы того, что обусловливается необходимостью культуры земли. Человѣкъ, существо съ кратковременной жизнью, не нуждается въ вѣчности для того, чтобы задаваться организаціей крупнѣйшихъ предпріятій,—желѣзнодорожныя предпріятія и предпріятія по прорытію Суэзскаго и Панамскаго каналовъ опираются на концессіи въ 99 лѣтъ. Впрочемъ, въ Англіи очень большое число земель и домовъ находится во владѣніи только въ теченіе 99 лѣтъ.

Правда, логически, повидимому, была необходима вѣчность, ибо право собственности живетъ столько же, сколько и объектъ его; но вѣдь объектъ имѣетъ здѣсь вѣчное существованіе. Земля—единственное богатство съ такой привилегіей. Время, уничтожающее всѣ вещи, касается земли лишь для того, чтобы каждую весну вдыхать въ нее новую молодость. Но логика здѣсь страдаетъ, ибо вѣчно живетъ только земельный фондъ и его естественныя силы; что же касается придаваемыхъ землѣ трудомъ видоизмѣненій, то они существуютъ не вѣчно.

II.

Откуда происходитъ земельный доходъ. Земельная рента.

Даетъ ли земля доходъ? — Этотъ вопросъ кажется страннымъ. Само собою разумѣется, что всякая земля — ненормальныя условія не въ счетъ — даетъ доходъ, и, если надо было бы приводить доказательства въ подтвержденіе этого, достаточно было бы, кажется, сослаться на тотъ фактъ, что всякую землю можно продать или отдать въ аренду, ибо, очевидно, что не нашлось бы ни фермера, ни покупателя на землю, если бы она ничего не приносила.

Это правильно. Но рѣчь идетъ о томъ, существуетъ ли такой доходъ, который присущъ самой землѣ и который нельзя было бы смѣшивать съ доходомъ отъ труда или же капитала, потраченнаго на землю?

Вотъ на этотъ-то вопросъ не такъ легко отвѣтить, какъ это можно было бы подумать. Нѣкоторые экономисты увѣряютъ (ниже мы убѣдимся въ этомъ), что земельный доходъ не что иное, какъ продуктъ капиталовъ, накопленныхъ въ землѣ собственникомъ или его предшественниками, и что, слѣдовательно, онъ по необходимости распадается на заработную плату, процентъ и прибыль. Такое объясненіе, подсказанное желаніемъ оправдать земельную собственность, не пользуется общимъ признаніемъ. Но, въ такомъ случаѣ, откуда же происходитъ этотъ земельный доходъ?

Физіократы, Адамъ Смитъ, Ж.-Б. Сэй учили, что земельный доходъ обязанъ своимъ возникновеніемъ естественнымъ плодороднымъ свойствамъ почвы, и землевладѣлецъ получаетъ его просто потому, что земельная собственность составляетъ монополію, привилегію, которая позволяетъ ему извлекать выгоду изъ естественныхъ силъ, плодородія земли, — монополію, которую они, между прочимъ, оправдывали соображеніями общественной полезности. Они признаютъ за землевладѣльцемъ право эксплоатировать этотъ естественный источникъ богатства лично путемъ продажи продуктовъ земли или же передавать эксплоатацію этого источника другому лицу путемъ отдачи земли въ аренду за деньги.

Такое объясненіе земельнаго дохода содержало въ себѣ мысль о томъ, что природа можетъ создавать цѣнность, иначе говоря,

такое объясненіе склонялось къ доктринѣ, основывающей цѣнность на полезности въ матеріалистическомъ смыслѣ этого слова [10]).

Такое объясненіе не могло удовлетворить гибкаго ума Рикардо. Мы знаемъ, что этотъ великій экономистъ является главнымъ авторомъ ученія, основывающаго цѣнность на трудѣ и стоимости производства. Поэтому, съ одной стороны, онъ не могъ допустить, чтобы цѣнность земли или продуктовъ ея создавалась сотрудничествомъ природы, не рискуя тѣмъ опрокинуть свою доктрину. А, съ другой стороны, необходимо было допустить, что доходъ съ земли представляетъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ трудъ обработки, такъ какъ ему приходилось наблюдать, что въ Англіи на всякую землю находится арендаторъ, т. е. такой человѣкъ, который, оплативъ всѣ расходы на свою жизнь, а также расходы по обработкѣ земли, имѣетъ изъ продукта земли еще нѣкоторый излишекъ, достаточный для того, чтобы покрыть арендную плату за землю.—Для объясненія такихъ фактовъ Рикардо и построилъ свою теорію поземельной ренты, самую знаменитую во всей политической экономіи и послужившую въ теченіе цѣлаго столѣтія темой для споровъ между экономистами.

Вначалѣ,—говоритъ Рикардо,—люди, не нуждаясь въ обработкѣ большой площади земли, выбирали наилучшую почву. Несмотря, однако, на плодородіе этой почвы, они не извлекаютъ изъ нея большаго дохода, чѣмъ тотъ, который они могли бы извлечь изъ какого-нибудь другого приложенія своего труда и своихъ капиталовъ. Дѣйствительно, при наличности непочатой земли, собственники занятыхъ земель подчиняются закону конкурренціи, которая понижаетъ цѣнность ихъ продуктовъ до уровня стоимости производства ихъ. Поэтому они не получаютъ ренты, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Наступаетъ, однако, время, когда ростъ населенія приводитъ къ росту производства, а такъ какъ всѣ участки первой категоріи уже заняты, то приходится приступить къ обработкѣ менѣе плодородныхъ земель, т. е. такихъ, на которыхъ стоимость производства будетъ выше. Если предположить, что участки первой категоріи даютъ 30 гектолитровъ хлѣба съ одного

---

10) Эта именно мысль, очевидно, содержится въ слѣдующей фразѣ Адама Смита: „Въ земледѣліи природа работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и ея доля часто представляетъ одну треть и никогда менѣе одной четверти всего продукта“.

гектара при расходахъ въ 300 фр., такъ что гектолитръ обходится въ 10 фр., то съ участковъ второй категоріи получится при тѣхъ же расходахъ только 20 гектролитровъ, такъ что стоимость производства каждаго гектолитра обойдется въ 15 фр. Очевидно, собственники этихъ участковъ не будутъ въ состояніи продавать свой хлѣбъ ниже этой цѣны, ибо они были бы въ убыткѣ и оставили бы производство, а вѣдь мы предположили, что безъ нихъ, именно, нельзя обойтись. Не менѣе очевидно также и то, что собственники участковъ первой категоріи не захотятъ продавать свой хлѣбъ дешевле, чѣмъ продаютъ ихъ сосѣди; они, слѣдовательно, также будутъ продавать по 15 фр., а такъ какъ хлѣбъ обходится имъ попрежнему только 10 фр., то они станутъ съ этого момента получать съ каждаго гектолитра 5 фр. и съ гектара 150 фр. прибыли. Вотъ эта-то прибыль и называется въ ученіи Рикардо и въ лексиконѣ политической экономіи, гдѣ она получила право гражданства, земельной рентой.

Впослѣдствіи безостановочное возрастаніе населенія, предъявляющее все большій спросъ на средства существованія, заставляетъ людей взяться за обработку участковъ еще болѣе плохого качества [11]), которые будетъ давать, напр., только 15 гектолитровъ хлѣба съ гектара,—гектолитръ будетъ обходиться въ 20 фр.; въ соотвѣтствіи съ этимъ поднимется и цѣна всѣхъ гектолитровъ на рынкѣ по тѣмъ же, только что указаннымъ причинамъ. Съ этого момента рента собственниковъ участковъ первой категоріи подни-

---

[11]) Но почему предполагать, что люди всегда должны будутъ для увеличенія производства прибѣгать къ обработкѣ все новыхъ земель? Развѣ они не могутъ увеличивать производство путемъ лучшей обработки хорошихъ земель? Конечно, они могутъ дѣлать это, но, въ силу закона убывающаго плодородія, всякое увеличеніе доходности выше извѣстнаго предѣла требуетъ болѣе, чѣмъ пропорціональнаго, увеличенія расходовъ и, слѣдовательно, влечетъ за собою повышеніе издержекъ производства. Если съ этихъ земель, дававшихъ 30 гектолитровъ съ гектара при расходѣ въ 300 фр., потребовать 60 гектолитровъ, то, пожалуй, ихъ и можно будетъ получить, но для этого придется израсходовать уже 900 франковъ и стоимость производства каждаго гектолитра повысится такимъ образомъ до 15 франковъ! Конечный результатъ, слѣдовательно, получится точно такой же, какъ если бы приступлено было къ обработкѣ земель второй категоріи. — При ознакомленіи съ этими страницами необходимо перечесть главу о законѣ непропорціональной доходности, съ которымъ законъ Рикардо стоитъ въ тѣснѣйшей связи.

мется до 10 фр., а у собственниковъ участковъ второй категоріи тоже возникнетъ рента,—въ 5 фр.

Этотъ порядокъ обработки земель можетъ тянуться безконечно, приводя постоянно къ повышенію цѣны средствъ существованія въ ущербъ потребителямъ и къ возрастанію ренты въ пользу землевладѣльцевъ, которые безъ всякаго труда получаютъ все большіе доходы и въ общемъ обѣднѣніи находятъ для себя источникъ обогащенія.

Такова теорія Рикардо. Говорили, что она противорѣчитъ исторической дѣйствительности и является апріорнымъ построеніемъ, придуманнымъ Рикардо для подкрѣпленія его ученія о трудовой цѣнности. Американскій экономистъ Кэри дѣлалъ даже попытку— небезосновательную — доказать, что порядокъ обработки земель имѣлъ мѣсто какъ разъ въ обратномъ направленіи, т. е. что обработка начиналась съ менѣе плодородныхъ земель, какъ болѣе доступныхъ для человѣка, или же съ такихъ, которыя были расположены на высокихъ мѣстахъ, потому что на нихъ легче защищаться; а богатыя и плодородныя земли, покрытыя обыкновенно густой растительностью [12]), поступали въ обработку медленно и постепенно, лишь по мѣрѣ того, какъ земледѣліе все болѣе обогащалось орудіями производства и знанія.

Но что же изъ этого? Если даже отбросить историческій порядокъ занятія земель, все же останется вѣрнымъ подчеркиваемый гипотезой Рикардо существенный фактъ самопроизвольнаго и, такъ сказать, фатальнаго роста цѣнности земель. Въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на то, что земля—богатство sui generis, надѣлена тремя характерными свойствами, которыми въ той же степени не обладаетъ никакое другое богатство, а, именно: 1) свойствомъ отвѣчать существеннымъ и постояннымъ потребностямъ человѣческаго рода, 2) быть въ ограниченномъ количествѣ и 3) вѣчно существовать,—то легко будетъ понять, что цѣнность ея и ея продуктовъ съ теченіемъ времени будетъ расти — по крайней мѣрѣ, въ прогрессирующемъ обществѣ—и что всѣ силы экономи-

---

[12]) Оба автора разсуждали въ соотвѣтствіи съ условіями, среди которыхъ они жили. Рикардо жилъ въ Англіи, на островѣ, гдѣ земля уже много вѣковъ какъ разобрана, и цѣнность ея растетъ вмѣстѣ съ ростомъ населенія. Кэри наблюдалъ новый міръ, гдѣ земля была въ изобиліи и гдѣ пользовались только такими землями, которыя легче всего поддавались обработкѣ.

ческаго и соціальнаго прогресса дружно способствуютъ повышенію ея.

Возрастаніе населенія есть главная причина, вызывающая повышеніе цѣнности земли [13]), ибо, вѣдь, чѣмъ больше людей, тѣмъ больше нужно требовать отъ земли средствъ для питанія и мѣста для поселенія ихъ; а, кромѣ того, общее увеличеніе богатства, проведеніе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, образованіе большихъ городовъ, даже развитіе общественнаго порядка и безопасности неизбѣжно влекутъ за собою увеличеніе той сверхцѣнности земли, которую англійскіе экономисты очень выразительно назвали unearned increment (незаработанная сверхцѣнность) [14]). Въ Соединенныхъ Штатахъ чрезъ каждые пять лѣтъ производится опись имуществъ, цензъ. Въ періодъ времени между двумя такими цензами (1900—1905 гг.) цѣнность американской земли увеличилась на 31 милліардъ франковъ, откуда вытекаетъ, что, какъ говоритъ Д'Авенель, „съ каждымъ закатомъ солнца на земельной собственности отмѣчается повышеніе цѣнности на 17 милліоновъ франковъ".

Есть только двѣ причины, которыя могутъ затормазить или даже повернуть это поступательное движеніе въ противоположную сторону.

Первая причина — конкурренція новыхъ земель, появляющаяся вслѣдъ за крупными предпріятіями колонизаціи и значительными усовершенствованіями средствъ перевозки, что́ обнаруживается какъ разъ въ данный моментъ съ поразительной интенсивностью. Но этотъ фактъ нисколько не опровергаетъ тезиса Рикардо, а, наоборотъ, подтверждаетъ его, ибо Рикардо заявляетъ,

---

13) Генри Джорджъ краснорѣчиво доказывалъ, что цѣнность всякой земли стоитъ въ прямомъ отношеніи къ количеству живущихъ на ней людей.

14) Высчитали, что каждый эмигрантъ увеличиваетъ цѣнность территоріи Соединенныхъ Штатовъ приблизительно на 400 долларовъ (2000 франковъ). Такъ какъ съ начала послѣдняго столѣтія въ Америку прибыло болѣе 15 милліоновъ эмигрантовъ, то однимъ фактомъ своего присутствія тамъ они одарили американскую почву сверхцѣнностью въ 30 милліардовъ франковъ.—Черная неблагодарность со стороны американцевъ нагромождать нынѣ столько препятствій на пути эмиграціи!

Въ старыхъ странахъ, гдѣ эти причины дѣйствуютъ слабѣе, и гдѣ ростъ населенія происходитъ гораздо медленнѣе, какъ, напримѣръ, во Франціи, тамъ повышеніе цѣнности земли, конечно, менѣе замѣтно. Но оно было огромнымъ въ прошломъ.

что рента не можетъ существовать въ колоніи или въ новооткрытой странѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, именно, конкурренція новыхъ странъ и колоній временно пріостановила повышеніе ренты въ старыхъ странахъ. Это, впрочемъ, простая — осмѣлюсь такъ выразиться — заминка въ экономической исторіи. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія дѣятельность по расчисткѣ незанятыхъ земель развернулась съ такой силой, что предложеніе сельскохозяйственныхъ продуктовъ превзошло потребительную емкость старыхъ странъ. Но это будетъ временнымъ явленіемъ. Когда эти новыя страны будутъ заселены, законъ земельной ренты, послѣ непродолжительнаго перерыва, вступитъ вновь въ свои права.

Вторая причина, — что покажется особенно парадоксальнымъ, хотя и характерно для теоріи Рикардо, — крупныя и неожиданныя усовершенствованія въ агрикультурѣ. Рикардо говорилъ, что такой прогрессъ сдѣлалъ бы безполезнымъ обработку плохихъ земель или даже повлекъ бы за собой полное запустѣніе ихъ, а результатомъ этого было бы паденіе ренты. Но нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ такой гипотезѣ, ибо достаточно немного поразмыслить, чтобы понять, что всякій прогрессъ агрикультуры, умножая количество продуктовъ, тѣмъ самымъ долженъ повести къ пониженію предѣльной полезности ихъ, а косвенно и къ пониженію предѣльной полезности самой земли.

Остается отмѣтить, что ни та, ни другая изъ этихъ двухъ причинъ пониженія ренты не относится къ землямъ подъ постройками. Вотъ почему изъ всѣхъ цѣнностей цѣнность этихъ земель повышается съ такой поразительной быстротой и изъ всѣхъ расходовъ расходъ на жилище растетъ такъ быстро [15]).

---

[15]) Левассёръ (De la valeur et du revenu de la terre en France) приводитъ слѣдующій фактъ: въ 1234 г. одинъ англичанинъ - сапожникъ купилъ въ Парижѣ, въ Монмартрскомъ кварталѣ участокъ земли въ гектаръ 70 аръ за 2460 франковъ. Нынѣ же земля въ этомъ мѣстѣ котируется по цѣнѣ въ 1000 франковъ за метръ, а весь такой участокъ стоитъ, слѣдовательно, 27 милліоновъ (не считая построекъ на немъ, какъ само собой разумѣется). См. многочисленные примѣры въ Histoire des prix виконта Д'Авенеля.

Veditz въ американскомъ переводѣ этого сочиненія приводитъ такой фактъ: клочокъ земли въ 10 аръ, проданный въ 1830 г. за 100 франковъ, нынѣ стоитъ 6.250.000. франковъ (онъ теперь въ центрѣ Чикаго), т. е. 6250 франковъ за метръ.

III.

Законъ ренты.

Оставимъ въ сторонѣ историческую, такъ сказать, часть теоріи Рикардо, часть, касающуюся порядка занятія земель подъ обработку, и разсмотримъ поближе часть чисто экономическую.

Сначала склонны были смотрѣть на земельную ренту, какъ на результатъ монополіи. Земля, отличающаяся какими-нибудь особыми свойствами въ отношеніи своего плодородія, качества своихъ продуктовъ (благородныя вина изъ Медока) или своего мѣстоположенія, должна давать своему собственнику продукты большей цѣнности по сравненію съ продуктами другихъ земель, такъ какъ послѣдніе не могутъ конкуррировать съ первыми.

И, дѣйствительно, такая, происходящая отъ монополіи, рента весьма частое явленіе въ сельскомъ и другихъ производствахъ. Но Рикардо имѣлъ въ виду не эту ренту. Онъ изучалъ дифференціальную ренту, которая никоимъ образомъ не является результатомъ монополіи, а, напротивъ, опредѣляется самой конкурренціей.

Возьмемъ любую сотню проданныхъ на рынкѣ мѣшковъ хлѣба. Ясно, что не весь этотъ хлѣбъ произведенъ въ одинаковыхъ условіяхъ: часть его созрѣла благодаря унавоженію и труду, другая часть благодаря естественному плодородію земли; одна часть, обогнувъ мысъ Горнъ, прибыла изъ Санъ-Франциско, а другая — съ сосѣдней фермы. Если бы на каждомъ мѣшкѣ имѣлась этикетка съ обозначеніемъ стоимости производства заключающагося въ немъ хлѣба, не нашлось бы, можетъ быть, и двухъ мѣшковъ съ одинаковыми на нихъ цифрами. Возьмемъ, напримѣръ, 8 мѣшковъ: мѣшокъ А со стоимостью издержекъ производства въ 10 франковъ, В — 11 франковъ, С—12 франковъ и такъ далѣе вплоть до Н, стоющаго 18 франковъ.

Но мы, съ другой стороны, знаемъ, что на рынкѣ должна быть одна и та же цѣна для всѣхъ однородныхъ продуктовъ. Слѣдовательно, продажная цѣна всѣхъ мѣшковъ хлѣба будетъ одна и та же.

Какъ же при такихъ условіяхъ, когда себѣстоимости различны, а продажныя цѣны одинаковы, можетъ установиться равновѣсіе между продажной цѣной и себѣстоимостью?

Отвѣтъ такой: равновѣсіе установится только между продажной цѣной и себѣстоимостью мѣшка самаго дорогого по производству, т. е. въ нашемъ примѣрѣ мѣшка Н, стоившаго 18 франковъ. По очень простому соображенію: продажная цѣна должна быть, по меньшей мѣрѣ, достаточной для того, чтобы возмѣстить издержки несчастливаго продавца, производившаго хлѣбъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ противномъ случаѣ, ему не придется больше появляться на рынкѣ; но въ то же время, мы предполагаемъ, что предложеніе хлѣба на рынкѣ не выше существующаго спроса на него, а потому нельзя обойтись безъ послѣдняго мѣшка Н, и, слѣдовательно, безъ участія въ торгѣ послѣдняго производителя.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что при продажѣ на одномъ и томъ же рынкѣ одинаковых продуктовъ цѣнность всѣхъ этихъ продуктовъ стремится совпасть съ максимальной стоимостью производства.

Отсюда ясно, что при цѣнѣ въ 18 франковъ получатъ дифференціальную прибыль всѣ тѣ производители хлѣба, которые меньше затратили на производство его:—8 франковъ прибыли за мѣшокъ при себѣстоимости въ 10 франковъ, 6 франковъ за мѣшокъ съ себѣстоимостью въ 12 франковъ, 3 франка за мѣшокъ съ себѣстоимостью въ 15 франковъ и т. д. Эта прибыль и называется рентой.

Вышеприведенное разсужденіе предполагаетъ наличность такой земли, которая производитъ хлѣбъ категоріи Н, которая не приноситъ земельной ренты и даетъ лишь доходъ на капиталъ и затраченный трудъ. Эта земля играетъ здѣсь рѣшающую роль, ибо она служитъ нормой для всѣхъ другихъ земель. Что касается дохода съ другихъ земель, то вовсе не плодородіемъ ихъ (если бы онѣ были всѣ одинаковы плодородны, то не было бы никакой ренты, какъ мы показали выше; см. предыдущую главу) объясняется появленіе этого дохода, а скудостью ихъ, не щедростью, а скупостью природы. Положеніе собственника плодородной земли создаетъ ему привилегію, монополію, если хотите, но монополію весьма своеобразную, ибо эта монополія состоитъ не въ возможности продавать дороже, а въ возможности производить дешевле. Игра словъ!—скажете вы. Нѣтъ, не игра словъ, и вотъ почему. Монополистъ поднимаетъ цѣну на рынкѣ и тѣмъ причиняетъ ущербъ обществу, тогда какъ землевладѣлецъ-рантье принимаетъ

лишь ту цѣну, которая опредѣляется на рынкѣ необходимостью. И если бы даже всѣ землевладѣльцы въ порывѣ щедрости отказались отъ своихъ рентъ, рыночная цѣна на хлѣбъ не понизилась бы ни на одинъ сантимъ: это было бы просто подаркомъ для ихъ арендаторовъ или ихъ непосредственныхъ покупателей [16]).

Этотъ законъ ренты относится не только къ сельскому производству, а и ко всѣмъ другимъ производствамъ, о чемъ очень опредѣленно говоритъ и Рикардо. Повсюду, гдѣ однородные продукты, созданные при весьма неравныхъ условіяхъ, продаются по одинаковой цѣнѣ, производители, стоящіе въ лучшихъ условіяхъ производства, получаютъ ренту, обусловливаемую превышеніемъ продажной цѣны надъ себѣстоимостью.

Однако, въ фабрично-заводской промышленности феноменъ ренты носитъ временный характеръ, такъ какъ здѣсь привилегированные производители могутъ снабжать рынокъ своими продуктами путемъ безконечнаго расширенія производства. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы использовать свое привилегированное положеніе и продавать по прежнимъ цѣнамъ, они предпочитаютъ ставить свои цѣны ниже цѣнъ своихъ конкуррентовъ и постепенно вытѣснять своихъ соперниковъ съ рынка. Они получаютъ меньше съ каждаго отдѣльнаго предмета, но наверстываютъ на общей массѣ.

Вотъ почему въ индустріи рыночныя цѣны опредѣляются, въ концѣ концовъ, минимальной стоимостью производства, хотя въ каждый данный моментъ онѣ всегда опредѣляются максимальной его стоимостью, что, впрочемъ, представляетъ большую выгоду для общества.

Ниже мы увидимъ, что нѣкоторая доля ренты встрѣчается во всѣхъ категоріяхъ дохода, въ частности, и въ прибыли.

---

16) Рикардо говорилъ: „Не рента опредѣляетъ цѣну хлѣба, а цѣна хлѣба опредѣляетъ ренту“.

Эту же мысль можно выразить еще слѣдующей извѣстной формулой: рента не входитъ въ издержки производства. Издержки производства состоятъ только изъ заработной платы и процента, ими же, косвенно, подъ вліяніемъ конкурренціи, опредѣляется и цѣнность продукта. А отсюда дѣлается тотъ интересный выводъ, который использованъ Стюартомъ Миллемъ и Генри Джорджемъ (см. La nationalisation du sol), а, именно, что можно было бы съ помощью налога конфисковать всю земельную ренту, и это не отразилось бы на цѣнѣ хлѣба.

IV.

О законности земельной ренты.

Изъ вышеизложенныхъ разъясненій вытекаетъ:

1) что земельный доходъ есть результатъ особаго рода монополіи;

2) что этому доходу предопредѣлено повышаться фатальнымъ образомъ, въ силу соціальныхъ причинъ, независимыхъ отъ землевладѣльца.

Съ перваго взгляда констатированіе такихъ обстоятельствъ представляется неблагопріятнымъ для законности земельнаго дохода.

Однако, на это можно было бы сказать, что если бы была прочно обоснована законность поземельной собственности, то логически необходимо было бы признать и законность земельнаго дохода.

Но такъ ли обстоитъ дѣло съ законностью земельной собственности? При ближайшемъ разсмотрѣніи вопросъ объ ея законности представляется не въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ вопросъ о законности дохода съ нея. Въ самомъ дѣлѣ, землѣ свойственны не только тѣ три своеобразныя черты, которыя мы перечислили выше и которыя уже сами по себѣ подвергаютъ сомнѣнію законность ея присвоенія, но ей необходимо приписать еще одну отличительную черту, а, именно, ту, что она не есть продуктъ труда. Всѣ вещи—продуктъ труда, за исключеніемъ земли [17]).

И если допустить, какъ это обыкновенно дѣлаютъ не только соціалисты, но и экономисты, что основой собственности является трудъ, то логически слѣдовало бы сдѣлать отсюда выводъ о томъ, что всѣ вещи могутъ подлежать частному присвоенію, кромѣ земли [18]).

---

17) А алмазъ? Алмазъ—продуктъ труда, ибо онъ получаетъ цѣнность только послѣ того, какъ найденъ и извлеченъ изъ земли.

18) Нѣкоторые думаютъ оправдать земельную собственность и доходъ съ нея слѣдующимъ доводомъ: „Собственность на землю законна—говорятъ они—потому, что всякая земля была куплена за деньги и, слѣдовательно, доходы съ земли есть лишь процентъ на помѣщенныя такимъ образомъ деньги“. Этотъ от-

Такое различіе поражаетъ умъ своей простотой и логичностью. Оно очень старо: въ предыдущей главѣ мы видѣли, что оно восходитъ ко времени самаго возникновенія собственности. Но въ то же время время оно очень современно: оно принимается въ нашу эпоху не только соціалистами, но и нѣкоторыми изъ современныхъ экономистовъ и философовъ.

Но оптимистская школа безусловно отвергаетъ это различіе. Она заявляетъ, что земля есть продуктъ труда земледѣльца въ такой же степени, какъ глиняная посуда—продуктъ труда горшечника. Правда, не человѣкъ создалъ землю, но и глину создалъ тоже не человѣкъ: трудъ никогда ничего не создаетъ; онъ ограничивается видоизмѣненіемъ матеріаловъ, доставляемыхъ ему природой. Но такое дѣйствіе труда ничуть не менѣе дѣйствительно и тогда, когда оно направляется на самую почву, изъ нѣдръ которой извлекаются сырые матеріалы. И, въ качествѣ примѣра, школа приводитъ землю, которую крестьяне изъ Валэ или съ Пиреней нанесли на склоны своихъ горъ со всѣхъ концовъ, въ корзинахъ, на своихъ плечахъ. Одинъ изъ древнихъ авторовъ разсказываетъ такой случай: одного крестьянина обвиняли въ колдовствѣ, а колдовство его заключалось въ томъ, что на его землѣ получался обильный урожай, тогда какъ сосѣднія поля представляли сплошную пустошь; крестьянина позвали въ Римъ на судъ къ претору и тутъ, вмѣсто всякой защиты, показавъ свои руки, крестьянинъ воскликнулъ: veneficia mea haec sunt („вотъ все мое колдовство“)! Земельная собственность можетъ повторить этотъ гордый отвѣтъ для опроверженія всѣхъ направленныхъ противъ нея нападокъ.

вѣтъ, кажущійся съ перваго взгляда убѣдительнымъ, вводитъ въ заколдованный кругъ.

Земля продана за 100.000 франковъ не потому, что она приноситъ 3000 франковъ ренты, а наоборотъ, такъ какъ она приносила 3000 франковъ ренты независимо отъ какого-либо труда своего собственника, она могла быть продана за 100.000 франковъ. Но въ томъ-то и вопросъ, почему именно она приносила эти 3000 франковъ? Все равно, какъ если бы тѣмъ, кто критикуетъ монополію нотаріальныхъ конторъ и требуетъ уничтоженія ея, думали зажать ротъ, говоря, что собственность на нотаріальныя конторы законна и безспорна, ибо собственники этихъ конторъ купили ихъ и заплатили деньги.

Изъ этого довода можно сдѣлать только тотъ выводъ, что собственникъ земли въ случаѣ экспропріаціи ея имѣетъ право на возмѣщеніе стоимости ея, но это ужъ совсѣмъ другой вопросъ.

И если бы даже земля,—говорятъ далѣе,—и не была непосредственнымъ продуктомъ труда, то, во всякомъ случаѣ, она является продуктомъ капитала. Цѣнность земли и вѣками накопившаяся на ней сверхцѣнность въ достаточной степени объясняются улучшеніями и затратами, произведенными на нее собственниками ея,—и при этомъ даже прибавляютъ, что если бы произвести подсчетъ всѣхъ затратъ на землю, то пришлось бы констатировать, что нѣтъ земли, которая цѣнилась бы во столько, сколько она стоила [19]).

Несмотря на нѣкоторую долю истины, безспорно содержащуюся въ этой аргументаціи, она представляется намъ недостаточной. Правда, земля и человѣкъ съ давнихъ поръ объединены узами труда и даже весьма тяжелаго труда, того самаго, къ которому относится выраженіе, „трудиться въ потѣ своего лица". Но, будучи орудіемъ труда, земля не является продуктомъ его. Она существовала раньше всякаго человѣческаго труда. Правда, человѣкъ съ каждымъ днемъ совершенствуетъ и видоизмѣняетъ своимъ трудомъ и своими затратами это удивительное орудіе производства, которымъ природа надѣлила его для успѣшнаго достиженія поставленныхъ имъ себѣ цѣлей, и въ такомъ случаѣ онъ, конечно, сообщаетъ ей новую полезность и новую цѣнность. Мы даже признаемъ, что по мѣрѣ прогресса агрикультуры земля все болѣе и болѣе становится продуктомъ труда, ибо въ огородной, напримѣръ, культурѣ вся почва представляетъ изъ себя искусственный составъ, приготовленный огородникомъ. Тѣмъ не менѣе, все же возможно въ теоріи, если не на практикѣ, подъ нагромажденными человѣческимъ трудомъ и капиталомъ пластами найти первоначальную цѣнность земли [20]).

---

[19]) Историкъ Мишлэ сказалъ: „Человѣкъ имѣетъ на землю первое изъ всѣхъ правъ,—право, основанное на воздѣлываніи ея". Физіократы основывали право собственности тоже на произведенныхъ на землю расходахъ, которые они называли „земельными затратами".

[20]) Чтобы доказать, что цѣнность земли происходитъ исключительно отъ труда, школа Бастіа опирается на тотъ фактъ, что тамъ, гдѣ земля, какъ, напримѣръ, въ Америкѣ, дѣвственна, она не имѣетъ цѣнности. Фактъ вѣренъ, но основанный на немъ доводъ ничего не доказываетъ. Расположенныя по берегамъ Амазонки земли не имѣютъ цѣнности не потому, что онѣ дѣвственны, а просто потому, что онѣ находятся въ пустынѣ, а тамъ, гдѣ нѣтъ людей, чтобы утилизировать вещи, и самое понятіе богатства исчезаетъ. Ясно, что земля не имѣла никакой цѣнности до появленія перваго человѣка на ней и не будетъ ее имѣть, когда исчезнетъ по-

Эту первоначальную цѣнность земли воочію обнаруживаютъ лѣса или естественные луга, которые никогда не расчищались и не обрабатывались и которые, тѣмъ не менѣе, можно продавать, и сдавать въ аренду за высокую цѣну; песчаное прибрежье департаментовъ Гаръ (Gard) и Эро (Hérault), котораго касался развѣ только морской вѣтеръ и которое обогатило между тѣмъ своихъ счастливыхъ владѣльцевъ послѣ того, какъ случайно открыли, что на этихъ пескахъ можно разводить виноградъ, не боящійся филоксеры; земельные участки подъ постройками въ крупныхъ городахъ, по которымъ никогда не проходилъ плугъ и которые имѣютъ цѣнность неизмѣримо большую, чѣмъ цѣнность наилучшимъ образомъ обработанной земли.

Даже и по отношенію къ обработаннымъ землямъ эта естественная цѣнность проявляется довольно замѣтнымъ образомъ въ неравномъ плодородіи участковъ, такъ какъ изъ двухъ участковъ земли, на которые были произведены одинаковыя затраты, одинъ можетъ ежегодно приносить цѣлое состояніе, а другой—едва оправдываетъ расходы по обработкѣ его.

Что касается довода, что никакая земля не имѣетъ цѣны, равной стоимости расходовъ по ея культурѣ, то онъ покоится на ошибочномъ разсчетѣ [21]).

Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что, подведя итогъ всѣмъ расходамъ, вложеннымъ въ какую-нибудь французскую землю съ того момента, когда первый кельтъ сталъ расчищать ее во времена друидовъ, мы получили бы сумму, безконечно превышающую ны-

---

слѣдній представитель нашего рода съ поверхности ея, но дѣвственность ея здѣсь рѣшительно не причемъ. Въ доказательство приведу слѣдующее: если бы можно было по манію волшебнаго жезла перенести эти земли во всей ихъ естественной неприкосновенности на берега Сены, онѣ стоили бы столько же и даже дороже, чѣмъ старыя земли Франціи, хотя послѣднія обливались потомъ и вспахивались трудомъ сотенъ поколѣній. Или, если этотъ примѣръ покажется слишкомъ фантастичнымъ, предположите, что какой-нибудь участокъ земли во Франціи обнесенъ стѣной и заброшенъ на цѣлое столѣтіе—какъ, напримѣръ, пребывающій въ дремотѣ замокъ de la Belle au Bois— такъ, чтобы всякій слѣдъ человѣческаго труда изгладился на немъ, и природа вернула бы ему дѣвственность, скажете ли вы, что въ такомъ состояніи онъ потеряетъ всякую цѣнность и не найдетъ ни арендатора, ни покупателя? Можно съ полной увѣренностью сказать, что, даже оставаясь въ такомъ состояніи, онъ чрезъ сто лѣтъ будетъ стоить дороже, чѣмъ теперь.

[21]) Впрочемъ, этотъ доводъ лишенъ смысла по отношенію къ участкамъ подъ постройками, ибо послѣдніе всегда остаются необработанными.

нѣшнюю цѣнность земли; но для того, чтобы разсчетъ нашъ былъ правиленъ, нужно было бы, съ другой стороны, сложить также и всѣ доходы съ земли, начиная съ того же момента, и тогда, несомнѣнно, оказалось бы, что земля давала ренту, съ теченіемъ времени неуклонно возраставшую.

V.

Системы соціализаціи земли.

Отличительная черта земельной собственности, констатированная еще классическими экономистами,—быть фактически существующей, но юридически съ трудомъ оправдываемой, монополіей—должна была логически привести къ попыткамъ примирить фактъ съ правомъ.

Это въ дѣйствительности и случилось. Не только соціалисты въ собственномъ смыслѣ этого слова, но и многіе экономисты и философы съ соціалистическимъ оттѣнкомъ и даже подлинные либералы и индивидуалисты допускали, если и не полное устраненіе частной земельной собственности, то, во всякомъ случаѣ, сосуществованіе на ряду съ нею общественной собственности, какъ нѣкотораго корректива къ ней,—нѣчто въ родѣ того, что старые юристы называли dominium eminens (верховной властью) государства,—и подыскивали различныя мѣры для осуществленія этой общественной собственности.

Вотъ важнѣйшія изъ предложенныхъ системъ:

1. Первая система состояла въ отнятіи у земельной собственности ея характера вѣчности и превращеніи ея во временную концессію. Государство, номинальный собственникъ земли, уступало бы ее для эксплоатаціи частнымъ лицамъ на долгій срокъ 50, 70 и даже 99 лѣтъ, подобно тому, какъ оно поступаетъ съ желѣзнодорожными концессіями. По истеченіи этого срока государство снова вступало бы во владѣніе землей (какъ во Франціи перейдутъ около 1950 г. въ государственное владѣніе желѣзныя дороги) и снова уступало бы ее на извѣстное время, обязавъ при этомъ новыхъ концессіонеровъ уплатить, либо въ видѣ единовременнаго взноса, либо въ видѣ ежегодной ренты, эквивалентъ повышенія доходности земли, который получили бы новые концессіонеры.

Такимъ образомъ, государство, какъ представитель коллективности, обращало бы въ свою пользу всю сверхцѣнность земли, что, въ концѣ концовъ, составило бы для него огромный доходъ и, можетъ быть, позволило бы ему уничтожить всякіе налоги. Это—система Вальраса.

Подобная система, повидимому, вовсе не непримирима, какъ это утверждаетъ Леруа-Болье, съ хорошей эксплоатаціей земли, ибо вѣдь и самыя большія современныя предпріятія (желѣзныя дороги, Суэзскій каналъ и т. д.) были осуществлены такимъ образомъ,—въ особенности, если бы предусмотрительно имѣли въ виду возобновлять концессіи за нѣкоторое время до истеченія срока. Слѣдуетъ даже признать, что подобное положеніе вещей было бы болѣе благопріятно для хорошей обработки земли, чѣмъ нынѣшнія условія во многихъ странахъ, гдѣ почти вся земля обрабатывается бѣдными арендаторами, которыхъ можно согнать съ земли, когда угодно.

Но приведеніе въ исполненіе подобнаго проекта встрѣтило бы непреодолимое препятствіе въ предварительной операціи выкупа, если бы ее захотѣли выполнить, какъ это надлежитъ [22]), со всей справедливостью. Она была бы, дѣйствительно, безусловно разорительной, ибо цѣнность земли во Франціи опредѣляется приблизительно въ 80 милліардовъ, и государству, слѣдовательно, пришлось бы занять такую сумму для вознагражденія землевладѣльцевъ.

Мы лично давно уже предложили систему выкупа, которая была бы значительно менѣе обременительной [23]). Государство могло бы купить земли за наличныя съ условіемъ отобранія ихъ чрезъ 99 лѣтъ. На такихъ условіяхъ, навѣрное, можно было бы получить ихъ за минимальную цѣну, ибо землевладѣлецъ, взвѣсивъ, съ одной стороны, отдаленность срока отобранія земли что не будетъ ощутительно ни для него самого, ни даже для его внуковъ, а съ другой—возможность немедленнаго полученія денегъ, не поколебался бы взять любую цѣну, какъ бы низка она ни была.—Мы даже произвели математически точный подсчетъ этой

---

[22]) Справедливость требуетъ, чтобы купившіе землю подъ покровительствомъ закона не были обобраны съ помощью закона. Если общество желаетъ измѣнить строй своихъ земельныхъ отношеній, расходы по такому эксперименту должны лечь на плечи всѣхъ его членовъ.

[23]) De quelques doctrines nouvelles sur la propriété foncière.— Gournal des Économistes, май 1883 г.

цѣны: 1000 франковъ, предстоящіе къ полученію чрезъ 100 лѣтъ, т. е. въ 2012 году, изъ 5% годовыхъ, стоютъ нынѣ 7 франковъ 98 сантимовъ; слѣдовательно, 80 милліардовъ (при допущеніи, что такова цѣнность земельной собственности во Франціи), уплачиваемые чрезъ 100 лѣтъ, въ настоящее время стоютъ лишь 638 милліоновъ наличными. Это было бы не очень дорого [24]).

2. Вторая система, предложенная Миллемъ, отцомъ и сыномъ, если еще не физіократами, и прославленная американцемъ Генри Джорджемъ подъ именемъ single tax system (системы единаго налога), состоитъ попросту въ обложеніи земельной собственности возрастающимъ налогомъ, прогрессія котораго была бы разсчитана такимъ образомъ, чтобы поглощать по мѣрѣ ея возникновенія всю сверхцѣнность, происходящую отъ причинъ внѣшнихъ и независящихъ отъ дѣятельности землевладѣльца (unearned increment). Эта система, за которую велась кампанія разными Лигами въ Америкѣ, въ Австраліи, въ Англіи, а съ недавняго времени даже и во Франціи, наталкивается на слѣдующія серьезныя возраженія:

а) Съ точки зрѣнія справедливости: если общество конфискуетъ въ свою пользу всѣ хорошіе шансы подъ тѣмъ предлогомъ, что они—не дѣло землевладѣльца, то было бы справедливо, чтобы оно взяло на свой счетъ и всѣ плохіе шансы на томъ же основаніи.

б) Разъ послѣдствіемъ конфискаціи дохода съ помощью налога, подобно конфискаціи естественнаго фонда, должно быть зна-

---

[24]) Поль Леруа-Болье, заявляя, что этотъ проектъ выкупа, „можетъ быть, самый остроумный“ изъ всѣхъ предложенныхъ проектовъ (Collectivisme, 1 изд., стр. 176), тѣмъ не менѣе, отвергаетъ его, какъ непрактичный. Мы сами не будемъ особенно настаивать на принятіи его по тому единственному соображенію, что если правильно, что 80 милліардовъ, получаемые чрезъ 100 лѣтъ, представляютъ лишь незначительную цѣнность, то правильно также и то, что соціальная реформа, откладываемая на сто лѣтъ, тоже не имѣетъ большой цѣнности! А кромѣ того, такъ какъ съ того времени, когда былъ произведенъ этотъ подсчетъ, норма капитализаціи повысилась, то основа моего подсчета представляется нынѣ сильно измѣнившейся. При 3% въ настоящее время пришлось бы уплатить не 638 милліоновъ, а немного болѣе четырехъ милліардовъ, какъ математическій эквивалентъ 80 милліардовъ, получаемыхъ чрезъ 100 лѣтъ. Но многіе землевладѣльцы согласились бы на меньшее.

Можно было бы сократить срокъ, опредѣливъ моментъ вступленія государства во владѣніе землею моментомъ смерти послѣдняго ребенка, зачатаго въ день обнародованія закона, т. е., ограничивъ продолжительность собственности двумя или тремя поколѣніями.

чительное пониженіе цѣнности земли (на долю землевладѣльца должно остаться, какъ выражается Г. Джорджъ, только скорлупа), то напрашивалась необходимость справедливаго вознагражденія, хотя Джорджъ безусловно отвергаетъ его, а въ такомъ случаѣ возникли бы почти такія же финансовыя затрудненія, на какія мы только что указали.

в) Наконецъ, важное практическое возраженіе противъ этой системы состоитъ еще вотъ въ чемъ: въ повышеніи цѣнности земли есть всегда два элемента: одинъ зависитъ отъ различныхъ соціальныхъ и безличныхъ причинъ, а другой коренится въ трудѣ земледѣльца или, по крайней мѣрѣ, въ затратахъ его. Устанавливая подобный налогъ, слѣдовало бы остерегаться затронуть эту вторую часть (что опредѣленно признаетъ и Генри Джорджъ) подъ страхомъ созданія тормаза для всякой иниціативы и прогресса въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, которыя и безъ того отличаются рутиной. А, между тѣмъ, на практикѣ такое раздѣленіе немыслимо.

Всѣ эти возраженія могутъ быть, однако, устранены, если государство ограничится требованіемъ той части сверхцѣнности, которая проистекаетъ отъ продажной цѣны. Въ Германіи и Англіи уже вступаютъ на этотъ путь.

Что касается системы выкупа земли, то, являясь непрактичной по отношенію къ уже установившейся земельной собственности, она, тѣмъ не менѣе, можетъ осуществиться по отношенію къ будущей собственности. Еще полвѣка тому назадъ во всѣхъ новыхъ странахъ и колоніяхъ оставалась огромная площадь государственныхъ земель, которыя, къ сожалѣнію, почти исчезли, благодаря неограниченной и дешевой сдачѣ ихъ на концессіи частнымъ лицамъ или компаніямъ. Если бы эти концессіи носили временный характеръ, то въ распоряженіи государствъ оставались бы драгоцѣнные рессурсы на будущее время, и для будущихъ поколѣній они, можетъ быть, облегчили бы разрѣшеніе соціальнаго вопроса [25]).

---

[25]) Это именно сдѣлало голландское правительство въ своихъ обширныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ. Оно не продало земель, а отдало ихъ въ аренду на 75 лѣтъ приблизительно. Въ Новой Зеландіи правительство сдало земли въ аренду на 999 лѣтъ, начиная съ 1892 г.,—довольно большая отсрочка для націонализаціи земли!

Въ старыхъ странахъ система націонализаціи могла бы быть проведена, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ рудникамъ. Во Франціи на рудники смотрятъ какъ на безхозяйное имущество, res nullius, и государство сдаетъ ихъ, кому угодно. Между тѣмъ, сдача рудниковъ государствомъ предполагаетъ у государства право

Дѣло только въ томъ, что тамъ, гдѣ легче всего можно было бы предупредить злоупотребленіе земельной собственностью, меньше всего чувствуется необходимость въ этомъ! Въ самомъ дѣлѣ, земельная собственность въ новыхъ странахъ, гдѣ она находится еще въ состояніи зарожденія, какъ, напримѣръ, въ пампасахъ Аргентинской республики или въ Австраліи, не представляетъ никакихъ неудобствъ, напротивъ, создаетъ извѣстныя выгоды. Такъ какъ, съ одной стороны, она относится только къ расчищеннымъ землямъ и распространяется только по мѣрѣ распространенія культуры, то она является какъ бы собственностью, освященной трудомъ. А, съ другой стороны, такъ какъ земельная собственность занимаетъ ничтожную часть всей территоріи, а земельный фондъ неисчерпаемъ, то она никоимъ образомъ не составляетъ монополіи и, подобно всякому предпріятію, скромно подчиняется закону конкурренціи.

Только по мѣрѣ развитія общества и уплотненія населенія земельная собственность начинаетъ измѣнять свой характеръ и малу-по-малу становится монополіей, которая въ состояніи безпредѣльно расширять свою мощь. Тогда уже слишкомъ поздно выкупать ее, но не упущено еще время обложить ея сверхцѣнность.

VI.

Системы демократизаціи земельной собственности.

Заботы о сохраненіи мелкой крестьянской собственности тамъ, гдѣ она уже существуетъ, и о созданіи ея тамъ, гдѣ ея еще нѣтъ, проявляются въ формѣ законовъ и проектовъ закона во всѣхъ странахъ — въ Англіи, Германіи, Даніи, Россіи, Придунайскихъ странахъ — и даже во Франціи, хотя въ послѣдней это не такъ необходимо, какъ въ другихъ мѣстахъ. Но создать мелкую собственность не легкое дѣло. Тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, во Фран-

---

сдавать ихъ лишь на ограниченное время. Однако, по французскому закону 1810 года сданный рудникъ становится абсолютной и вѣчной собственностью. Впрочемъ, рудники, въ отличіе отъ земли, по природѣ своей имѣютъ ограниченное существованіе. См. мой „Курсъ“.

ціи, Бельгіи, Германіи, мелкая собственность существуетъ, она является результатомъ совокупности политическихъ и экономическихъ причинъ, которыя дѣйствовали въ теченіе столѣтій и которыя, во Франціи, напримѣръ, возникли раньше Революціи 1789 г., хотя обыкновенно послѣдней приписывается заслуга насажденія мелкой собственности. Сеньоріальная собственность среднихъ вѣковъ мало-по-малу превращалась въ dominium eminens, которое фактически дѣлало крестьянина настоящимъ собственникомъ. Она продолжала существовать лишь въ формѣ различныхъ, правда, многочисленныхъ и обременительныхъ, повинностей, отъ которыхъ Великая Революція—въ чемъ и заключалось ея дѣло—окончательно освободила землю.

Въ Англіи это движеніе происходитъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Свободныхъ мелкихъ собственниковъ, yeomen, какъ ихъ называли въ эпоху Шекспира, было тамъ, повидимому, больше, чѣмъ въ любой другой странѣ. Но, мало-по-малу, путемъ цѣлаго ряда актовъ легальной узурпаціи (повидимому, не особенно отличающихся отъ тѣхъ, съ помощью которыхъ въ эпоху Гракховъ римскіе патриціи превратили ager publicus въ частную собственность), сеньоры превратили свои политическія права въ права поземельной собственности и, путемъ законовъ объ огораживаніи (Enclosure Acts), забрали себѣ всѣ когда-то свободные мелкіе участки. Это огораживаніе приняло такіе широкіе размѣры, что почти вся земля британскихъ острововъ принадлежитъ нынѣ 4—5.000 лэндлордовъ, и 40 милліоновъ людей могутъ заселять ее и жить на ней только съ соизволенія лэндлордовъ, за что приходится очень дорого платить. Поэтому вопросъ о землѣ сталъ въ Англіи серьезнымъ вопросомъ, и англійское правительство напрягаетъ теперь всѣ свои силы, чтобы подняться на гору, съ которой оно спускалось въ теченіе цѣлыхъ столѣтій [26]).

Все-таки, если бы дѣло ограничилось только узурпаціей, этого было бы недостаточно для такой концентраціи земельной собствен-

---

[26]) На британскихъ островахъ насчитывается 1.200.000 землевладѣльцевъ, но огромное большинство изъ нихъ (3/4, по крайней мѣрѣ),—собственники незначительныхъ клочковъ земли (меньше одного акра—маленькій коттэджъ съ садикомъ). Для болѣе яснаго представленія о распредѣленіи земельной собственности на британскихъ островахъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что половина Англіи и Уэльса находится въ собственности у 4.500 лицъ, половина Ирландіи—у 744 лицъ, и половина Шотландіи—только у 70 лицъ.

ности, какая существуетъ въ Англіи (узурпація общинныхъ земель имѣла мѣсто и въ другихъ странахъ, и даже во Франціи); надо было еще, чтобы порядокъ наслѣдованія сохранялъ и расширялъ ее. Раздѣлу земельной собственности между дѣтьми [27]) мѣшало право первородства, но, главнымъ образомъ, институтъ субституцій, назначеніе отцомъ будущихъ наслѣдниковъ, сдѣлалъ земельныя имущества въ полномъ смыслѣ слова неотчуждаемыми. Такимъ образомъ, получился слѣдующій результатъ: съ одной стороны, большинство гражданъ лишено земельной собственности, а съ другой—кучка привилегированныхъ собственниковъ, которая въ дѣйствительности не можетъ распоряжаться своей собственностью и находится въ положеніи собирателей дохода!

Что же слѣдуетъ предпринять, чтобы создать мелкую собственность?—Существуютъ три способа:

а) самый прямой способъ — государство ссужаетъ сельскому работнику деньги, необходимыя для пріобрѣтенія земли, необходимаго клочка, разумѣется. Такая система принята во многихъ странахъ. Она отвѣчаетъ желанію крестьянина, который захотѣлъ бы стать, наконецъ, собственникомъ земли, воздѣлываемой имъ съ давняго времени въ качествѣ поденщика, арендатора или фермера, но не ставшей его собственностью за отсутствіемъ у него денегъ. Во Франціи и въ большинствѣ странъ существуютъ земельныя кредитныя учрежденія, которыя отвѣчаютъ такой потребности, но они слишкомъ дороги, чтобы можно было совѣтовать крестьянину прибѣгать къ ихъ услугамъ. Государство можетъ предложить болѣе сносныя условія. Такъ, въ Даніи государство требуетъ отъ человѣка, который хочетъ сдѣлаться землевладѣльцемъ, только $^1/_{10}$ цѣны, а $^9/_{10}$ авансируетъ ему изъ 3%—безъ погашенія въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ и съ очень слабымъ погашеніемъ потомъ—такъ, что крестьянинъ становится землевладѣльцемъ ,уплачивая за землю меньше, чѣмъ онъ платитъ въ качествѣ простого фермера. Клочокъ земли, пріобрѣтенный такимъ образомъ, не долженъ превышать 5 гектаровъ по площади и 5600 франковъ по цѣнности. Нѣчто болѣе или менѣе аналогичное существуетъ и въ

---

[27]) Право первородства, введенное со времени нормандскаго завоеванія, примѣняется только въ случаѣ беззавѣщательнаго (ab intestat) наслѣдованія и по отношенію къ землямъ; право первородства не связываетъ отца, ибо свобода завѣщанія абсолютна, но нравы мѣшаютъ отцу нарушать его.

Англіи. Тамъ законъ создалъ сначала allotments, которые не могли превышать одного арка (чтобы можно было кормить одну корову), но эти allotments сдавались не въ собственность, а по долгосрочному договору съ той именно цѣлью, чтобы держатель не могъ ихъ отчуждать. Затѣмъ, когда оказалось этого недостаточно, создали small holding, кот(ые могутъ простираться до 50 акровъ съ уплатой въ теченіе 50 лѣтъ; по погашеніи всего долга держатель можетъ отчуждать свой участокъ.

Во Франціи законъ 19 марта 1910 года далъ въ распоряженіе земледѣльцевъ капиталы, необходимые „для облегченія пріобрѣтенія, упорядоченія, измѣненія и возстановленія мелкихъ сельскихъ эксплоатацій". Эти капиталы будутъ взяты изъ суммъ, которыя государство создало за счетъ Французскаго Банка со времени возобновленія его привилегіи въ 1897 году. Государство предложило Банку внести 40 милліоновъ, и само вноситъ свою часть прибыли, поднимающуюся ежегодно до 6 или 7 милліоновъ. Бóльшая часть этихъ суммъ предназначается для земледѣльческаго кредита въ собственномъ смыслѣ, т. е. для краткосрочныхъ ссудъ на эксплоатацію земли. Но, съ изданіемъ закона 1910 года, часть ихъ можетъ быть выдаваема на долгій срокъ (15 лѣтъ) на пріобрѣтеніе земель, лишь бы цѣнность ихъ не превышала 8000 франковъ [28]).

Для того, чтобы эти системы могли найти себѣ приложеніе, очевидно, необходимо, чтобы государство или общества-посредники нашли земли для покупки. Это не всегда легко сдѣлать, въ особенности, тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, крупныя имѣнія неотчуждаемы. А, съ другой стороны, дѣло серьезное—прибѣгать къ

---

[28]) Не слѣдуетъ смѣшивать этотъ законъ съ другими (10 апрѣля 1908 года и 26 февраля 1912 года), которые тоже преслѣдуютъ цѣль облегченія пріобрѣтенія недвижимой собственности, но которые, ограничивая эту собственность цѣнностью въ 1200 франковъ (и пространствомъ въ одинъ гектаръ), имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду пріобрѣтеніе рабочими жилищъ или огородовъ. Впрочемъ, и предназначенныя на этотъ предметъ суммы исходятъ изъ другого источника. Онѣ будутъ ссужаться національной кассой для инвалидовъ и, какъ надѣются, сберегательными кассами. Само собою разумѣется, онѣ ссужаются не прямо государствомъ, а чрезъ посредство „Обществъ кредита подъ недвижимость".

Всѣ эти законы, стремящіеся облегчить устройство очага, home'a, дополняются закономъ 12 іюля 1909 года, позволяющимъ сдѣлать „семейное достояніе" неприкосновеннымъ для арестовъ по судебнымъ рѣшеніямъ (на сумму до 8.000 франковъ).

экспропріаціи, ибо такимъ способомъ экспропріируешь существующихъ землевладѣльцевъ въ пользу новыхъ.

б) Второй способъ—установить закономъ равный раздѣлъ земли при каждомъ переходѣ ея по наслѣдству. Это сдѣлалъ Кодексъ Наполеона, усугубившій такимъ образомъ историческую эволюцію, о которой мы говорили выше. Извѣстно, что знаменитая статья 826 Кодекса не ограничивается установленіемъ равнаго раздѣла между всѣми дѣтьми путемъ полученія эквивалента за свою часть, а даетъ каждому наслѣднику право требовать свою часть въ натурѣ, иначе говоря, согласно этой статьѣ, каждый наслѣдникъ можетъ требовать свою $^1/_3$, $^1/_4$ или $^1/_{10}$ часть въ самомъ маленькомъ клочкѣ, а, въ случаѣ невозможности произвести раздѣлъ, имѣетъ мѣсто продажа по суду, сопряженная съ огромными издержками. Отецъ семейства не можетъ избѣжать такого порядка раздѣла путемъ завѣщанія, ибо онъ можетъ завѣщать только ту очень ограниченную часть, которая остается въ его завѣщательномъ распоряженіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобная система оказала бы свое дѣйствіе, и что если бы Англія, напримѣръ, ввела бы ее у себя, многія громадныя имущества лэндлордовъ чрезъ нѣсколько поколѣній свелись бы къ маленькимъ клочкамъ.

Очень трудно, однако, судить о томъ, къ какимъ результатамъ привела эта система во Франціи. И это потому, что число землевладѣльцевъ—какъ ни горько такое признаніе для нашихъ статистиковъ — извѣстно лишь съ очень малой степенью достовѣрности, чтобы можно было опредѣлить приростъ или уменьшеніе ихъ.

Если вести подсчетъ мелкихъ землевладѣльцевъ по парцеллямъ, какъ называютъ маленькіе земельные участки, то констатируется огромное количество парцеллъ, — болѣе 150 милліоновъ! Но это рѣшительно ничего не означаетъ, ибо на языкѣ сельскаго кадастра парцеллой называется „поле“, т. е. подвергающаяся извѣстной обработкѣ единица земли, пахотное поле, виноградникъ и т. д., и, слѣдовательно, въ одномъ владѣніи можетъ содержаться сотня такихъ парцеллъ. Если вести подсчетъ по подлежащимъ обложенію земельнымъ статьямъ, то можно получить болѣе точныя свѣдѣнія о количествѣ земельныхъ владѣній, но не особенно точныя о количествѣ землевладѣльцевъ, ибо собственники разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ участковъ могутъ вносить налоги въ

5 или 6 учрежденіяхъ и столько же разъ быть записанными; къ тому же эти статьи не различаютъ сельскихъ участковъ отъ городскихъ. Наконецъ, если взять число сельскохозяйственныхъ эксплоатацій (5.700.000), это приблизитъ насъ къ истинѣ. Но и при этомъ мы въ сущности еще далеко отъ нея, ибо большое, раздѣленное на 5—6 фермъ, владѣніе образуетъ 5—6 эксплоатацій, между тѣмъ, какъ многія мелкія владѣнія, соединенныя въ рукахъ одного фермера, что встрѣчается не такъ часто, но, все-таки, весьма распространено въ нѣкоторыхъ областяхъ, образуютъ, наоборотъ, одну эксплоатацію.

Съ такими оговорками мы, кажется, вправѣ прійти къ безпристрастному выводу о томъ:

1) что число землевладѣльцевъ во Франціи очень велико, отъ 4 до 5 милліоновъ,—почти половина французскаго населенія, если принять во вниманіе членовъ семьи;

2) что среди нихъ мелкіе землевладѣльцы по количеству составляютъ огромное большинство, ($^9/_{10}$—имѣющихъ менѣе 10 гектаровъ), но не по площади, ибо владѣнія съ площадью менѣе 10 гектаровъ занимаютъ всего $17^1/_2$ милліоновъ гектаровъ изъ 49, немного больше трети (35%);

3) что число очень мелкихъ землевладѣльцевъ увеличивается, хотя очень медленно и, повидимому, въ соотвѣтствіи съ медленнымъ приростомъ населенія, но что число крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ уменьшается, хотя тоже очень слабо.

в) Наконецъ, третій способъ, косвенный,—пустить землю, какъ говорятъ, въ оборотъ, т. е. сдѣлать ее легко отчуждаемой, подобно любому товару. Этотъ способъ осуществленъ во Франціи. Во Франціи ежегодно продается до 2 милліоновъ гектаровъ земли, а такъ какъ всего частныхъ земель около 40 милліоновъ гектаровъ, то, слѣдовательно, вся земельная площадь переходитъ въ другія руки въ 20 лѣтъ или, иначе говоря, земля остается въ рукахъ одной и той же семьи только въ теченіе одного поколѣнія. Иначе дѣло стоитъ въ другихъ странахъ и, особенно, въ Англіи.

Но что же слѣдуетъ сдѣлать, чтобы ввести земли въ круговоротъ рынка?

Прежде всего,—что само собою разумѣется—отмѣнить статьи закона, стѣсняющія отчужденіе земли (во Франціи статьи закона, ограждающія приданое, имущество малолѣтнихъ, юридическихъ лицъ; въ Англіи законъ, ограждающій владѣніе субституціей).

Затѣмъ, свести до минимума формальности и издержки по отчужденію, стѣснительныя тѣмъ болѣе, чѣмъ малоцѣннѣе земля, и связывающія мелкую собственность больше, чѣмъ крупную. Въ Австраліи примѣняется, такъ называемая, система Торренса, получившая свое названіе отъ государственнаго дѣятеля, который ввелъ ее въ 1858 году на югѣ Австраліи, и проникающая въ другія страны, главнымъ образомъ, въ новыя (въ Тунисъ, напримѣръ). Кратко говоря, эта система представляетъ изъ себя примѣненіе по отношенію къ землѣ системы актовъ гражданскаго состоянія людей (какъ метрическія свидѣтельства, представляющія выписки изъ книгъ о родившихся, бракосочетавшихся, умершихъ и пр.). Въ особый реестръ заносится вся исторія даннаго участка земли, планъ и опись его, а копія изъ этого реестра выдается собственнику. Получаемое послѣднимъ свидѣтельство позволяетъ ему какъ бы носить свою землю въ карманѣ. Когда собственникъ захочетъ продать землю, онъ продаетъ свое свидѣтельство, а въ реестрѣ отмѣчается новый собственникъ безъ всякаго вмѣшательства нотаріуса или какого-либо другого чиновника.

Наконецъ, необходимо дать пріобрѣтателю земли полную увѣренность въ томъ, что онъ не лишится ея и не наживетъ себѣ непріятностей. Способъ констатаціи земельной собственности въ большинствѣ странъ, и даже во Франціи, далеко не удовлетворяетъ такому пожеланію. Пріобрѣтатель никогда не можетъ быть увѣренъ, что продавецъ является настоящимъ собственникомъ, а вѣдь онъ не можетъ имѣть больше правъ, чѣмъ послѣдній передалъ ему! Въ этомъ отношеніи система Торренса стоитъ выше, какъ въ смыслѣ обезпеченія имущественнаго права, такъ и въ смыслѣ экономіи.

Дѣйствительно, по этой системѣ всегда предполагается настоящимъ собственникомъ земли то лицо, которое внесено въ реестръ, и если бы даже оказалось, что, вслѣдствіе вкравшейся въ запись ошибки, это лицо не является настоящимъ собственникомъ, оно не можетъ быть лишено значащейся за нимъ по реестру собственности; у лица же потерпѣвшаго вслѣдствіе ошибки въ записи остается только право требовать отъ государства вознагражденія. Можетъ показаться жестокимъ приносить право собственности въ жертву ошибкѣ, вкравшейся въ запись, но эта жертва явилась неизбѣжной, чтобы придать абсолютную цѣнность документу, который долженъ представлять собственность, какъ банковый билетъ представляетъ золото.

VII.

Системы сохраненія земельной собственности.

Въ этихъ системахъ проводится точка зрѣнія какъ разъ противоположная той, которую мы изложили въ предыдущей главѣ, но это не значитъ, чтобы выдвигаемыя ими цѣли были абсолютно непримиримы.

Экономисты, главнымъ образомъ, соціально-католической или, во всякомъ случаѣ, консервативной школы, охотно допускали первый изъ трехъ указанныхъ въ предыдущей главѣ способовъ, (выдачи государствомъ денегъ на пріобрѣтеніе земли), но имъ очень мало нравятся два послѣднихъ способа.

Система, состоящая въ превращеніи земли въ деньги и товаръ, представляется имъ противорѣчащей и интересамъ культуры, и интересамъ семьи. Они не хотятъ отнимать у земли характеръ неподвижности и вѣчности ея, которымъ она отмѣчена самой природой, ибо, благодаря этому своему характеру, она можетъ скорѣе сдѣлаться сопричастной вѣчности семьи, устойчивости предпріятій и прочности надеждъ.

Что касается дѣленія земельной собственности по принципу равнаго раздѣла, то эта система представляется имъ внушенной не столько любовью къ мелкой собственности, сколько ненавистью къ крупной, а ея грубый механизмъ часто направляется противъ тѣхъ задачъ, которыя она себѣ ставитъ. Эта система очень мало задѣваетъ крупныя владѣнія, такъ какъ собственники ихъ обыкновенно имѣютъ въ своемъ распоряженіи достаточно цѣнностей для того, чтобы сохранить владѣніе за однимъ изъ своихъ дѣтей, а другимъ дѣтямъ обезпечить равную долю въ деньгахъ, и дѣти, ради достоинства своего имени, охотно соглашаются на такую сдѣлку. Между тѣмъ, мелкій землевладѣлецъ, у котораго все богатство состоитъ въ его участкѣ, наоборотъ, не можетъ ускользнуть отъ лезвея равнаго раздѣла. Такимъ образомъ, каждая смерть несетъ мелкому владѣнію новый раздѣлъ, и оно дѣлится безъ конца, пока отъ него не останутся жалкіе клочки, съ которыми ничего не остается дѣлать, какъ развязаться, продать богатому сосѣду на округленіе его владѣнія! Такой порядокъ вредитъ интересамъ земледѣлія, не будучи въ то же время въ состояніи

дать какое-либо удовлетвореніе демократическимъ слоямъ населенія.

По-истинѣ, надо быть зараженнымъ легкомысленнымъ оптимизмомъ, чтобы, подобно нѣкоторымъ экономистамъ, говорить, что повторный раздѣлъ земель остановится самъ собой на той границѣ, гдѣ онъ окажется вреднымъ. Во многихъ мѣстахъ приводятся ими невѣроятные примѣры распыленія земли, разбиванія участковъ на мельчайшія полоски шириной въ косу или даже въ серпъ! Если во Франціи равный раздѣлъ не произвелъ на земельную собственность такого разрушительнаго дѣйствія, какъ можно было бы этого опасаться, то только потому, что вліяніе его было отчасти нейтрализовано двумя причинами, впрочемъ, еще болѣе пагубными:—мальтузіанствомъ, которое избѣгаетъ дѣленія земли путемъ борьбы противъ дѣторожденія; — обезлюденіемъ деревень, вслѣдствіе чего даже тамъ, гдѣ много дѣтей, на землѣ остается только одинъ, если только вообще кто-нибудь остается.

Что же дѣлать, съ другой стороны? Возстановленіе свободы завѣщанія было бы средствомъ нетерпимымъ для эгалитарнаго духа нашей страны, ибо въ немъ заподозрили бы воскресеніе права первородства. А если, во избѣжаніе такого подозрѣнія, ограничить свободу завѣщанія мелкими владѣніями, трудно допустить возможность существованія двухъ порядковъ наслѣдованія: одного для богатыхъ и другого для бѣдныхъ. Не заходя такъ далеко, чтобы отстаивать за отцомъ право произвольно распоряжаться своимъ имуществомъ, школа Ле-Плэ требуетъ, чтобы свободная часть составляла, по крайней мѣрѣ, половину имущества для облегченія передачи владѣнія одному изъ дѣтей и для сохраненія того, что школа называетъ семьей-родоначальницей, — институтъ, представляющійся ей одинаково важнымъ какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ семей. А если бы въ наслѣдственной массѣ не оказалось достаточной суммы для выдѣленія даже такой сокращенной доли другихъ дѣтей, то послѣднія должны удовлетвориться гипотекой на владѣніе. Но при этомъ нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что такимъ образомъ не оказывается очень плохая услуга наслѣднику, котораго могутъ задавить возложенныя на него долговыя обязательства, и не бросается въ среду дѣтей зерно вѣчнаго раздора.

Но можно было бы, по крайней мѣрѣ, опредѣлить крайнюю границу, ниже которой воспрещается всякій раздѣлъ, и наслѣдни-

камъ оставалось бы на выборъ или бросить жребій относительно такого клочка земли или же продать его. Это былъ бы, такъ сказать, недѣлимый атомъ земельной собственности, подобный атомамъ физическихъ тѣлъ [29]).

Измельчаніе (morcellement) земельной собственности часто сопровождается другимъ зломъ,—раздробленіемъ (parcellement) ея, что не одно и то же. Когда земля распредѣляется между множествомъ собственниковъ, это будетъ измельчаніе земельной собственности; когда же одинъ собственникъ владѣетъ громаднымъ количествомъ клочковъ земли, это будетъ раздробленіе собственности. Раздробленіе не связывается непремѣнно съ мелкой земельной собственностью. Можетъ быть, и такъ—въ нѣкоторыхъ странахъ такъ и бываетъ — что огромныя владѣнія образуются изъ клочковъ земли, разсѣянныхъ повсюду на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другого. Въ такихъ случаяхъ налицо всѣ неудобства мелкой и крупной собственности. Но при такихъ условіяхъ есть, по крайней мѣрѣ, одно средство избѣжать этихъ неудобствъ — обмѣнять отдаленныя парцеллы на сосѣднія, чтобы собрать земельные участки къ одному мѣсту. Эта операція называется remembrement (сочлененіе, собираніе). Она практикуется съ давняго времени въ германскихъ странахъ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи.

Но во Франціи такая операція осуществима только при полюбовномъ соглашеніи. Трудно допустить, чтобы она практиковалась здѣсь въ широкомъ масштабѣ, въ виду того индивидуалистическаго и недовѣрчиваго настроенія, которымъ зараженъ французскій крестьянинъ. Въ Германіи и, главнымъ образомъ, въ Эльзасѣ эта операція проводится съ большей принудительностью, благодаря существованію тамъ института обязательныхъ синдикатовъ (см. въ моемъ „Курсѣ“ о „Земледѣльческихъ товариществахъ“), который имѣется, впрочемъ, и во Франціи, но только со спеціальнымъ назначеніемъ по осушкѣ болотъ, орошенію или проведенію дорогъ. Въ коммунахъ, гдѣ большинство собственниковъ высказывается за remembrement, упрямое меньшинство обязано подчиниться приговору, т. е. допустить экспропріацію своихъ земель. Можно итти въ этомъ

[29]) Практическая трудность заключается въ опредѣленіи этого минимума. Ясно, что онъ не можетъ быть одинаковымъ для пастбища, виноградника или огорода. Конгрессъ сельскихъ синдикатовъ, засѣдавшій въ Орлеанѣ въ 1897 г., требовалъ, чтобы минимальный предѣлъ былъ опредѣленъ въ 50 аръ (1/2 гектара).

направленіи еще далѣе. Такъ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи кантональное правительство можетъ понудить къ remembrement даже тогда, когда не получится въ коммунѣ большинства за него. Излишне указывать на благодѣтельное вліяніе этой энергичной операціи на земледѣльческую культуру.

Если дѣленіе земли несетъ за собой злоупотребленія и требуетъ средствъ для борьбы съ ними, то важно не давать слишкомъ широкаго простора для мобилизаціи собственности въ формѣ ли облегченія заклада земли или въ формѣ облегченія отчужденія ея. Къ чему создавать съ такими затратами отъ государства классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, если потомъ они отдаются въ жертву собственной непредусмотрительности и ростовщичества, благодаря чему скоро вновь спускаются въ ряды пролетаріата? Необходимо поэтому найти какой-нибудь коррективъ во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій свободы мобилизаціи собственности, необходимо исключить изъ гражданскаго оборота,—или, во всякомъ случаѣ, сдѣлать неприкосновенной для кредиторовъ,—если не всю землю, то, по крайней мѣрѣ, часть ея, необходимую для существованія и поддержанія семьи.

Это, такъ называемый, homestead. Такое названіе носитъ этотъ институтъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ онъ былъ введенъ въ 1839 году. Нынѣ онъ вводится и въ другихъ странахъ. Послѣ долгихъ колебаній закономъ 12 іюля 1909 года homestead, въ концѣ концовъ, введенъ и у насъ.

Для того, чтобы эта мѣра привела къ сохраненію мелкой земельной собственности въ неприкосновенности, слѣдовало бы сдѣлать ее обязательной, и мелкая собственность должна бы оставаться не только неприкосновенной для кредиторовъ, но и исключенной изъ гражданскаго оборота. Однако, ни въ одной странѣ не рѣшились пойти такъ далеко изъ опасенія, чтобы лишеніемъ мелкаго собственника гражданской правомощности не оттолкнуть земледѣльцевъ отъ мелкой собственности и такимъ образомъ не ударить мимо той цѣли, которая имѣется въ виду. Homestead повсюду является факультативнымъ для собственника и содержитъ право отчужденія, но, все-таки, съ согласія жены, ибо сохраненіе имущества—въ интересахъ семьи, а не въ интересахъ только отдѣльнаго лица. Поэтому homestead (семейное достояніе) долженъ заключать въ себѣ домъ, очагъ. Французскій законъ идетъ далѣе. Если умираетъ жена и остаются малолѣтнія, законъ

требуетъ согласія семейнаго совѣта. Размѣръ протежируемаго такимъ образомъ достоянія колеблется въ Соединенныхъ Штатахъ смотря по Штату. По французскому закону онъ опредѣляется въ 8000 франковъ, включая и орудія производства или движимость. Во всякомъ случаѣ, земля должна обрабатываться лично собственникомъ.

Хотя этотъ порядокъ весьма восхваляется не только экономистами католической школы, но и нѣкоторыми экономистами либеральной школы, однако, у него есть противники.

Этотъ порядокъ, конечно, мало гармонируетъ съ индивидуалистическимъ ученіемъ, ибо онъ зоветъ мелкихъ собственниковъ къ объединенію для самозащиты. Но съ этимъ ученіемъ вполнѣ гармонируютъ законы, изъемлющіе отъ ареста орудія труда и необходимую мебель, законы, устанавливающіе неприкосновенность для кредиторовъ $^{8}/_{10}$ заработной платы рабочаго. Что же касается возраженія относительно вреда, причиняемаго кредиту мелкаго собственника, то оно несостоятельно, ибо цѣль этого порядка въ томъ и заключается, чтобы избѣжать необходимости кредитоваться. Мы думаемъ, что гипотечный кредитъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы, ибо онъ слишкомъ часто ведетъ къ экспропріаціи. Что же касается личнаго кредита, то homestead никакого вреда ему не причиняетъ.

ГЛАВА II.

Капиталисты-рантье.

I.

Историческій очеркъ ссуды подъ процентъ.— Ростовщичество.

Весь древній міръ практиковалъ ссуду подъ процентъ и при томъ въ ужасающе тяжелыхъ формахъ, и всѣ великіе люди этого міра—Моисей, Аристотель, самъ суровый Катонъ—клеймили ее. Съ возникновеніемъ христіанства нападки противъ ссуды стали вестись съ удвоенной силой въ писаніяхъ Отцовъ Церкви, и, когда Церковь прочно основала свою власть, ей удалось провести

формальный запретъ ссуды какъ въ гражданскомъ, такъ и въ каноническомъ правѣ. Законъ Магомета дѣлалъ то же самое: „Богъ разрѣшилъ продажу, но запретилъ взиманіе процента“, говоритъ Коранъ. Истинный мусульманинъ не беретъ процента на ссуженныя деньги еще и теперь, и даже у банкира-христіанина, которому онъ внесъ ихъ.

Хотя это ученіе третировалось съ глубокимъ презрѣніемъ и разсматривалось, какъ свидѣтельство о незнакомствѣ съ экономическими законами, однако, исторически его можно очень легко объяснить.

Мы уже отмѣчали, что до сравнительно недавняго времени кредитъ въ формѣ ссуды денегъ не могъ имѣть производительнаго характера: онъ могъ служить, и дѣйствительно служилъ, только потребленію. Слѣдовательно, объявляя процентъ безплоднымъ древніе народы и канонисты не ошибались на этотъ счетъ такъ грубо, какъ это думаютъ, а имѣли, наоборотъ, очень ясное представленіе объ экономическомъ положеніи своего времени.

Занимали бѣдные плебеи у римскихъ патриціевъ на покупку хлѣба, обѣднѣвшіе рыцари у евреевъ и ломбардовъ въ средніе вѣка на снаряженіе для крестовыхъ походовъ, всѣ—для личнаго и, слѣдовательно, непроизводительнаго потребленія. Когда наступалъ срокъ платежа, они, естественно, не могли уплатить ни процентовъ, ни даже капитала. Имъ приходилось тогда, какъ рабамъ своихъ кредиторовъ [1]), платить своимъ тѣломъ и своимъ трудомъ. При такихъ условіяхъ ссуда подъ процентъ представлялась ссужателю злоупотребленіемъ противъ права собственности, а заемщику—орудіемъ эксплоатаціи и разоренія, и этого достаточно для столь древняго и устойчиваго осужденія ея.

Въ ту эпоху почти не знали капитала даже по имени. Плоды приносила только земля. Поэтому и не думали оспаривать законности аренды, и на арендную плату землевладѣльцу по договору смотрѣли какъ на деньги, исходящія изъ земли въ формѣ урожая, а не изъ кармана. Но съ деньгами было иначе, и по отношенію

---

[1]) При домахъ римскихъ патриціевъ были подвалы, служившіе тюрьмами (ergastula) для неоплатныхъ должниковъ. Въ Средніе вѣка, несмотря на существованіе такихъ типовъ, какъ шекспировскій Шейлокъ, нравы смягчились. Родовитый должникъ долженъ былъ дать своимъ кредиторамъ заложниковъ и платить за содержаніе ихъ, что тоже было очень обременительно. Не оправдывается ли этой исторической чертой выраженіе канонистовъ: jus usurae, jus belli?

къ нимъ наблюденіе Аристотеля выражало, повидимому, истину: деньги не производятъ дѣтей.

Тѣмъ не менѣе, въ древности, какъ и теперь, было много людей, испытывавшихъ большую нужду въ деньгахъ, и такъ какъ въ древности, какъ тоже и теперь, не было никого, кто бы былъ склоненъ ссужать деньги даромъ, надо было приспособиться къ принципу. И, дѣйствительно, многочисленныя и изворотливыя средства, придуманныя для этой цѣли казуистикой Среднихъ вѣковъ, составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ исторіи ученій. Перечислимъ главныя изъ нихъ.

1) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда было установлено, что заемщикъ могъ получить прибыль, напримѣръ, путемъ торговли, и что ссужатель подвергался извѣстному риску, процентъ становился законнымъ, ибо онъ не былъ при такихъ условіяхъ ростовщическимъ [2]).

2) Если ссужатель передавалъ заемщику въ собственность капиталъ въ размѣрѣ ссужаемой суммы, т. е. отказывался отъ всякаго возмѣщенія его, въ такомъ случаѣ тоже признавалась законность дохода отъ процента, ибо нельзя было бы требовать отъ него жертвовать и капиталомъ своимъ, и доходомъ.

3) Если процентъ былъ обусловленъ въ формѣ неустойки за неуплату долга въ назначенный срокъ, то и въ такомъ случаѣ процентъ считался законнымъ, а такъ какъ ничто не мѣшало назначить по соглашенію срокъ платежа хотя бы на слѣдующій день послѣ ссуды, то, очевидно, такимъ образомъ очень легко можно было обходить законъ.

Реформація выступила, разумѣется, противъ каноническаго ученія о процентѣ. Кальвинъ склоненъ былъ признавать ссуду подъ процентъ при извѣстныхъ условіяхъ, а въ XVIII столѣтіи два великихъ французскихъ юриста, гугеноты Дюмулэнъ и Сомэзъ, опровергли схоластическіе аргументы противъ процента. Однако, только со времени экономистовъ Тюрго (Mémoire sur les prêts d'argent, 1769 г.) и Бентама (Lettres sur l'usure, 1787 г.) въ экономической доктринѣ начинается поворотъ въ пользу ссуды подъ процентъ.

---

[2]) Латранскій соборъ (1515 года) ясно опредѣляетъ: „ростовщическій процентъ имѣетъ мѣсто при наличности барыша, который происходитъ не отъ производительнаго дѣйствія и который не предполагаетъ ни труда, ни затратъ, ни риска со стороны ссужателя".

Начиная съ этой эпохи, всѣ экономисты единодушно высказываются за процентъ. И на этотъ разъ они имѣютъ основаніе. Почему? Потому что измѣнилось положеніе вещей.

Съ одной стороны, участники въ договорѣ ссуды помѣнялись ролями. Нынѣ не бѣдные занимаютъ у богатыхъ, плебеи у патриціевъ, а наоборотъ, весьма часто богатые, сильные, спекуляторы, крупныя компаніи, банкиры, владѣльцы золотыхъ пріисковъ, особенно же, большія государства—занимаютъ у публики, у маленькихъ людей, черпаютъ въ народномъ сбереженіи, въ чулкѣ крестьянина. А отсюда получается вотъ что: не судьба заемщика весьма часто достойна жалости, а скорѣе судьба ссужателя. Уже не слабаго и безоружнаго заемщика должны защищать общественное мнѣніе и законъ противъ хищничества ссужателя, а невѣжественнаго ссужателя должны отстаивать общественное мнѣніе и законъ противъ эксплоатаціи крупныхъ заемщиковъ, давшихъ финансовой исторіи нашего времени многочисленные скандальные примѣры обиранія людей.

Съ другой стороны, измѣнилась и цѣль договора ссуды. Отнынѣ деньги занимаютъ уже не на прожитье, а для того, чтобы пріобрѣсти состояніе. Нынѣ ссуда приняла свой истинный экономическій характеръ,—характеръ способа производства. Предприниматель, какъ мы показали выше, т. е. истинный агентъ производства, занимаетъ капиталъ и платитъ процентъ, и этотъ процентъ фигурируетъ въ издержкахъ производства его на ряду съ заработной платой рабочаго или арендной платой за его заводъ.

Поэтому было бы безсмысленно изъ гуманныхъ побужденій стремиться къ тому, чтобы освободить этого предпринимателя отъ платежа процента: послѣдствіемъ этого было бы только то, что увеличилась бы его прибыль!

Несомнѣнно, еще не на всѣ государства распространилась эта эволюція. Въ земледѣльческихъ странахъ Востока, въ Россіи, на Дунаѣ, въ Италіи, въ Алжирѣ кредитъ сохранилъ свои старыя формы, и заемщикъ, крестьянинъ, часто эксплоатируется и, въ концѣ концовъ, экспропріируется тамъ ссужателемъ. Этимъ объясняется движеніе, называемое антисимитизмомъ, и по этимъ соображеніямъ старые законы противъ процента могутъ быть еще умѣстными въ извѣстныхъ странахъ и при извѣстныхъ условіяхъ.

II.

О законности и регламентаціи процента.

Вопросъ о законности процента—самый старый вопросъ политической экономіи. Но въ настоящее время онъ утратилъ свое прежнее значеніе и почти не дискутируется.

Дѣйствительно, всѣ эти устарѣлые аргументы противъ процента потеряли свою силу въ глазахъ тѣхъ, кто видитъ въ немъ просто результатъ права собственности.

Къ чему сводились схоластическіе доводы противъ процента?

1) Говорили, что слѣдуетъ различать процентъ въ зависимости отъ того, какое—производительное или непроизводительное—употребленіе дѣлаетъ заемщикъ изъ занятаго капитала.

Но какое дѣло до этого собственнику капитала? И почему онъ обязанъ ссужать свой капиталъ безвозмездно даже въ томъ случаѣ, когда занятый капиталъ не получилъ и не могъ получить, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, производительнаго приложенія, иными словами, даже въ томъ случаѣ, когда занятый капиталъ оказывается въ рукахъ заемщика не капиталомъ, а просто предметомъ потребленія? Mutuum date nil inde sperantes—правило исключительно евангельскаго, а не экономическаго порядка, все равно, какъ правило, рекомендующее человѣку отдать одно платье, когда онъ имѣетъ два. Съ точки зрѣнія экономической и юридической, для оправданія процента, очевидно, достаточно того простого принципа, по которому никто не можетъ быть лишенъ своего блага, и тотъ, кто соглашается уступить его другимъ, имѣетъ право сдѣлать это на такихъ условіяхъ, какія ему заблагоразсудится установить.

2) Говорили, что слѣдуетъ различать процентъ въ зависимости отъ того, испытываетъ ли или не испытываетъ займодавецъ какое-либо лишеніе, ссужая свои деньги.

Но какое же значеніе имѣетъ, терпитъ онъ лишеніе или нѣтъ? Съ какихъ поръ вознагражденіе, прибыль или заработная плата, которыхъ я требую, стоятъ въ соотношеніи съ лишеніями, которыя я испытываю? Въ силу какого принципа можно было бы понудить меня отдавать безвозмездно въ распоряженіе моихъ ближнихъ блага, которыми я не могу или не хочу пользоваться самъ?

Обязанъ ли я помѣщать постороннихъ людей въ своей квартирѣ только потому, что я самъ не живу въ ней, или сажать ихъ за мой столъ только потому, что я самъ сытъ? На этой точкѣ зрѣнія можно было бы оставаться, только исходя изъ того принципа, что человѣкъ въ семъ мірѣ имѣетъ право на количество богатствъ, строго необходимое только для его личнаго потребленія, иначе говоря, становясь на почву чистаго коммунизма.

Разсужденіе, на которомъ нынѣ основывается законность процента, сводится къ простѣйшему силлогизму, выражающемуся слѣдующимъ образомъ.

Капиталъ очень полезенъ какъ для того, чтобы производить, такъ и для того, чтобы ничего не дѣлать, и потому онъ желателенъ для всѣхъ.

Но капиталъ весь присвоенъ и, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, нѣтъ капитала неприсвоеннаго;

Поэтому тотъ, кто владѣетъ капиталомъ и можетъ отдавать его на нѣкоторое время въ другія руки, будетъ дѣлать это только за извѣстную цѣну и притомъ за ту максимальную цѣну, которая установится вслѣдствіе конкурренціи другихъ ссужаемыхъ капиталовъ.

Но это разсужденіе предполагаетъ допустимымъ присвоеніе капиталовъ. Однако, слѣдуетъ ли допускать присвоеніе? И старый вопросъ о законности процента перенесенъ нынѣ въ новую область, ставъ вопросомъ о законности собственности на капиталы.

И вотъ экономисты выдвигаютъ то соображеніе, что собственность на капиталы есть результатъ не только труда, какъ всякое другое богатство, но и, сверхъ того, результатъ сбереженія или воздержанія, которое было необходимо для превращенія продукта въ капиталъ, и что такимъ образомъ собственность на капиталы какъ бы вдвойнѣ священна!

Законность капиталистическаго присвоенія подвергалась ожесточеннымъ нападкамъ со стороны соціалистовъ, и знаменитая книга Карла Маркса „Капиталъ“ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, цѣль доказать, что капиталистическое присвоеніе было результатомъ историческаго ограбленія и средствомъ для дальнѣйшаго безконечнаго усиленія этого ограбленія. Коллективисты допускаютъ, что капиталъ можетъ сдѣлаться предметомъ законнаго права соб-

ственности, когда онъ появляется въ той простой формѣ, на которую такъ охотно ссылаются экономисты, въ формѣ, напримѣръ, челнока, выдолбленнаго Робинзономъ, рубанка, сдѣланнаго столяромъ Бастіа, грошей, сложенныхъ крестьяниномъ въ старый чулокъ или сберегательную кассу,—но, говорятъ соціалисты, настоящій капиталъ, дающій богатство и силу, не то. Этотъ капиталъ никогда не бываетъ продуктомъ личнаго труда или сбереженія, сдѣланнаго на продуктѣ личнаго труда; наоборотъ, онъ является сбереженіемъ, сдѣланнымъ на продуктѣ чужого труда, труда наемныхъ рабочихъ. Ни одно крупное состояніе не создано инымъ путемъ.

Изъ этого разсужденія слѣдовало бы заключить, что существуютъ двѣ категоріи капиталовъ: мелкій капиталъ, присвоеніе котораго законно, потому что онъ плодъ личнаго и честнаго труда, и крупный капиталъ, капиталъ-вампиръ, присвоеніе котораго незаконно, потому что оно предполагаетъ присвоеніе продукта чужого труда. Но такъ какъ всякій крупный капиталъ, очевидно, начинается съ маленькаго, то отсюда слѣдуетъ заключить, что присвоеніе капитала законно при его зарожденіи и остается законнымъ до извѣстнаго пункта его развитія, послѣ чего это присвоеніе становится противозаконнымъ. Съ капиталомъ происходитъ тутъ какъ бы то же, что съ нѣкоторыми животными, хорошими, пока они маленькія, и становящимися дурными, когда они подростаютъ... Но гдѣ же находится поворотный пунктъ? Тамъ, гдѣ капиталъ, ставъ слишкомъ большимъ, чтобы служить своему хозяину просто вспомогательнымъ средствомъ при его работѣ, будетъ употребляться имъ для использованія труда другихъ людей въ такомъ количествѣ, которое позволяетъ собственнику капитала (и наслѣдникамъ его) жить рентой. Тутъ мы возвращаемся къ коллективистской доктринѣ и отсылаемъ своихъ читателей къ изложенному уже нами спору.

Напомнимъ только, что, по нашему мнѣнію, капиталъ, даже крупный, не является по своей природѣ непремѣнно орудіемъ эксплоатаціи, питающимся кровью труда: капиталъ-вампиръ—не нормальная форма капитала, а, напротивъ, чудовищное извращеніе его; истинная роль капитала быть орудіемъ и слугой труда. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы поставить его на свое мѣсто.

Напомнимъ также и то, что присвоеніе капиталовъ отвѣчаетъ соціальной полезности и что наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ

для ободренія общественныхъ экономовъ къ ихъ общественной функціи накопленія является предоставленіе имъ права присваивать богатства и извлекать изъ нихъ прибыль.

Тѣмъ не менѣе, мы въ правѣ спросить, не слишкомъ ли дорого заставляютъ эти „экономы“ оплачивать свою функцію, и нельзя ли дешевле пользоваться ихъ услугами.

Прудонъ утверждалъ, что можно вовсе не платить имъ и что для этого достаточно организовать даровой кредитъ.

Не заходя такъ далеко, кредитныя товарищества, какъ мы видѣли выше, стремятся поставить капиталъ въ узкіе предѣлы и отвести ему подчиненную роль.

Экономисты увѣряютъ, что естественные законы сами по себѣ приводятъ къ минимуму долю, иначе говоря, процентъ капиталиста. Это мы сейчасъ увидимъ.

Наконецъ, самъ законодатель во многихъ странахъ вмѣшивается въ эту область, чтобы ограничить процентъ. Можно было бы ожидать, что всѣ старые законы, запрещавшіе процентъ, пали съ того времени, какъ полтора вѣка тому назадъ политическая экономія провозгласила право на процентъ, какъ естественный аттрибутъ права собственности. Однако, это не совсѣмъ такъ.

1) Законъ опредѣляетъ максимальную норму въ 5% при ссудѣ денегъ не для коммерческихъ цѣлей, напримѣръ, при ссудѣ подъ недвижимость или съ цѣлями потребленія. Здѣсь проглядываютъ еще слѣды каноническихъ правилъ.

2) Ограниченіе сказывается не только въ томъ, что кредиторъ не имѣетъ права требовать больше 5%, но также и въ томъ, что ссуда денегъ подъ проценты выше установленной нормы въ видѣ промысла считается преступнымъ дѣяніемъ (ростовщичествомъ), наказуемымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Экономисты протестуютъ не противъ послѣдняго, а противъ перваго правила. Дѣйствительно, опредѣленіе максимума процента при ссудахъ денегъ является совершенно исключительной мѣрой, не установленной ни для сдѣлокъ по найму помѣщеній, ни для сдѣлокъ по арендѣ земель. И мы думаемъ, что можно было бы безъ всякаго ущерба для дѣла уничтожить этотъ максимумъ, оставивъ, однако, второе правило о преступности ростовщической ссуды.

III.

Почему капиталъ производитъ процентъ?

Между поставленнымъ здѣсь вопросомъ и разобраннымъ нами въ предыдущей главѣ есть большая разница. Здѣсь идетъ рѣчь уже не о томъ, имѣетъ ли право получить процентъ лицо, ссудившее капиталъ, а о томъ, какимъ образомъ капиталъ приноситъ процентъ? Рѣчь идетъ уже не объ оправданіи процента съ моральной точки зрѣнія, а объ объясненіи феномена процента, т. е. о чисто экономическомъ вопросѣ. Вопросъ о томъ, почему яблоня производитъ яблоки, не то же, что вопросъ: кому должны принадлежать яблоки? Легко понять, что лицо, которому выпало счастье имѣть капиталъ, не уступаетъ его даромъ (труднѣе было бы объяснить противоположное), но посмотримъ съ точки зрѣнія заемщика: уплачиваемый имъ процентъ берется изъ его кармана, изъ его доходовъ? или же онъ соотвѣтствуетъ какой-нибудь цѣнности, равной полученной или созданной цѣнности? Первое рѣшеніе недопустимо (хотя соціалисты настаиваютъ на немъ, какъ на единственно вѣрномъ), ибо оно предполагаетъ, что всѣ заемщики по необходимости разоряются, чего на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Слѣдуетъ поэтому остановиться на второмъ рѣшеніи. Но въ такомъ случаѣ, какова же эта представленная процентомъ цѣнность или эта сверхцѣнность? И откуда она берется? Вопросъ далеко не такъ простъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Совсѣмъ недавно много большихъ и ученыхъ книгъ было посвящено разрѣшенію его. Много было дано рѣшеній, и это указываетъ на то, что нѣтъ увѣренности въ правильномъ разрѣшеніи его.

Мы приводимъ три главныхъ рѣшенія:

1) По первому рѣшенію (такъ называемой теоріи производительности) процентъ съ капитала уподобляется арендной платѣ съ земли. Почему земля можетъ приносить своему собственнику арендную плату? Потому что она производитъ плоды, а арендная плата и представляетъ эти плоды. Несомнѣнно, эта теорія не утверждаетъ, что капиталъ производитъ дѣтей, какъ живое существо (если только не представлять себѣ капиталъ въ видѣ коровы или стада,—и замѣтьте, что таково именно этимологическое проис-

хожденіе слова капиталъ—kapital—cheptel—данный въ ссуду скотъ), но она показываетъ, что капиталъ производится трудомъ. Какъ показалъ въ одномъ апологѣ Бастіа, рубанокъ помогаетъ рабочему вытесать досокъ въ два или даже въ десять разъ больше, нежели рабочій вытесалъ бы руками. Излишнее количество досокъ обязано примѣненію рубанка, что́ составляетъ доходъ отъ рубанка. И если собственникъ рубанка, вмѣсто того, чтобы самому пользоваться имъ, отдаетъ его другому, то вполнѣ естественно, что онъ требуетъ себѣ, какъ бы въ видѣ дивиденда, по крайней мѣрѣ, часть излишне сдѣланныхъ съ помощью рубанка досокъ: доходъ, происходящій отъ капитала, становится условленнымъ процентомъ.

Но это объясненіе весьма недостаточно. Ибо, прежде всего, оно удовлетворительно только въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о капиталѣ, который фактически получилъ производительное приложеніе. Если же рѣчь идетъ о капиталѣ, занятомъ на прожитье, это объясненіе ничего не стоитъ: въ такомъ случаѣ, согласно этому объясненію, слѣдовало бы прійти къ заключенію о несуществованіи процента (и, слѣдовательно, подобно канонистамъ, о незаконности его).

Даже и по отношенію къ производительно употребленному капиталу—рубанку—эта теорія представляется весьма ненаучной, ибо, если очевидно, что пользованіе капиталомъ позволяетъ труду производить больше въ смыслѣ количества и полезности, то это еще не доказываетъ, что капиталъ позволяетъ производить больше въ смыслѣ цѣнности. Создавать обиліе не значитъ создавать цѣнность. Не слѣдуетъ смѣшивать техническую производительность съ экономической. Сообщаютъ ли машины сдѣланнымъ съ помощью нихъ продуктамъ бо́льшую цѣнность по сравненію съ продуктами, произведенными руками? Да, если существуетъ монополія; нѣтъ, если господствуетъ конкурренція. Въ послѣднемъ случаѣ, оставаясь на уровнѣ стоимости производства, продукты не пріобрѣтаютъ никакой дополнительной цѣнности, кромѣ развѣ цѣнности, представляемой самой машиной. Понятно, что себѣстоимость досокъ должна содержать въ себѣ цѣнность, необходимую для возстановленія машины или рубанка, но непонятно, почему она должна содержать въ себѣ еще какую-то дополнительную цѣнность, которая была бы доходомъ отъ машины или рубанка.

2) По второй теоріи процентъ съ капитала уподобляется аренд-

ной платѣ съ помѣщеній. Почему домъ приноситъ арендную плату? Очевидно, по отношенію къ дому нельзя сказать того же, что говорится относительно земли, т. е. что домъ приноситъ плоды, ибо онъ никакого плода не приноситъ. Но домъ доставляетъ многочисленныя полезности, какъ убѣжище отъ непогоды, семейный и уютный очагъ и пр.—вѣчныя полезности или, по крайней мѣрѣ, такія, которыя существуютъ, пока существуетъ домъ. Арендная плата есть цѣна за эти постоянныя полезности, и какъ онѣ, она постоянна или, по крайней мѣрѣ, періодична. То же самое можно сказать о капиталѣ. Капиталъ оказываетъ услугъ еще больше, чѣмъ домъ, и пользованіе имъ, будучи безконечнымъ, должно оплачиваться періодически оброкомъ, чѣмъ и является процентъ. Процентъ—явленіе, возникающее не изъ производства, а изъ обмѣна. И этимологическое значеніе этого слова свидѣтельствуетъ, повидимому, о томъ же (названіемъ для процента было usura—плата за пользованіе деньгами).

Эта теорія кажется весьма удовлетворительной; однако, она не выдерживаетъ критики, ибо ссуженный капиталъ, представляющійся всегда въ формѣ оборотнаго капитала и, особенно, въ своей типичной формѣ, денежнаго капитала, не имѣетъ длительнаго существованія: онъ уничтожается въ самомъ процессѣ производства. Уголь, брошенный въ печь, улетучивается въ формѣ дыма; сырье превращается въ фабрикатъ; деньги расходуются на заработную плату или на матеріалы. Какъ же процентъ можетъ оплачивать пользованіе такой вещью, которая потребляется въ моментъ пользованія ею?

Юристы очень хорошо опредѣляютъ эту разницу, говоря, что при договорѣ найма недвижимости сдающій остается собственникомъ ея, между тѣмъ, какъ при ссудѣ ссудодатель окончательно отчуждаетъ свои деньги, а заемщикъ становится окончательнымъ собственникомъ ихъ. Было бы непримиримымъ противорѣчіемъ—оставаться одновременно и собственникомъ и арендаторомъ одной и той же вещи [3]).

---

[3]) Однако, это возраженіе носитъ скорѣе юридическій, а не экономическій характеръ, ибо можно сказать, что ссуженный капиталъ не есть уголь или деньги, а абстрактный капиталъ, чистая цѣнность; послѣдняя же остается постоянной и сохраняетъ свое тождество еще лучше, чѣмъ домъ, который рано или поздно износится и разрушится. Капиталъ—цѣнность, подобно миѳологическому Протею, остается вѣчнымъ, несмотря на всѣ свои метаморфозы.

3) Третья теорія устраняетъ всякое уподобленіе процента арендной платѣ. Ссуда денегъ не наемъ, говоритъ эта теорія (таково же и наше опредѣленіе), а обмѣнъ настоящаго блага (ссужаемой цѣнности) на благо будущее (цѣнность, подлежащую возмѣщенію). Поэтому необходимо, чтобы въ этомъ обмѣнѣ, какъ и во всякомъ другомъ, обмѣнивались равныя цѣнности Но если я далъ вамъ наличными 1000 франковъ въ обмѣнъ на 1000 франковъ, которые я получу чрезъ годъ, обмѣнъ не будетъ равнымъ по той причинѣ, что будущее благо никогда не стоитъ столько, сколько настоящее, даже если предположить, что они во всѣхъ отношеніяхъ одинаковы. Этотъ психологическій законъ основанъ на очевидности. Не очевидно ли, что приготовленный обѣдъ гороздо цѣннѣе, чѣмъ приглашеніе на обѣдъ въ будущемъ году? Если бы вы попытались отрицать эту аксіому, то вамъ пришлось бы пойти дальше и сказать, что обѣдъ, предстоящій чрезъ сто или тысячу лѣтъ, равноцѣненъ сегодняшнему обѣду!

Но, допустивъ неравенство цѣнностей одинаковыхъ благъ, создаваемое временемъ, необходимо сдѣлать выводъ, что для возстановленія равновѣсія въ обмѣнѣ между настоящей и будущей цѣнностями слѣдуетъ къ будущему благу прибавить нѣкоторую премію, которая называется процентомъ. Или наоборотъ: если рѣчь идетъ о будущей цѣнности, которая дается въ обмѣнъ на настоящую—когда, напримѣръ, выдается вексель срокомъ платежа на три мѣсяца для того, чтобы получить подъ него наличныя деньги—то для возстановленія равенства слѣдуетъ уменьшить получаемую сумму на нѣкоторую долю, называемую дисконтомъ (учетомъ).

Когда рѣчь идетъ не о ссуженномъ капиталѣ, а о капиталѣ, находящемся въ рукахъ собственника, объясненіе остается то же. Если я, будучи собственникомъ капитала въ тысячу франковъ, предпочитаю самъ дать ему производительное приложеніе — вложить въ землю въ формѣ сѣмянъ или удобренія, въ машины въ формѣ угля, или на эксплоатацію рабочихъ въ формѣ натуральной или денежной заработной платы — то я во всѣхъ этихъ случаяхъ жертвую настоящимъ благомъ ради того, чтобы получить будущее

А что касается заемщика, то онъ, несомнѣнно, становится собственникомъ дедегъ и удержитъ ихъ за собой окончательно, но онъ не дѣлается собственникомъ цѣнности, ибо онъ обязанъ вернуть ее въ формѣ другихъ денегъ.

благо въ формѣ урожая или фабричныхъ издѣлій. Все это обмѣнъ настоящаго на будущее, и его не производили бы, если бы будущее не стоило больше настоящаго, если бы я, въ концѣ концовъ, не получалъ бы тысячи плюсъ еще кое-что. Всякій капиталистъ безсознательно выражаетъ это, говоря, что его капиталъ должен ъ принести ему процентъ. Всякая ссуда есть авансъ,—выраженіе, ставшее ходячимъ, а что же значитъ авансъ, какъ не выигрышъ времени?

Эта послѣдняя теорія въ наибольшемъ почетѣ теперь. Будучи очень старой (въ зародышѣ встрѣчается уже у Тюрго), она получила блестящую разработку у Бёмъ-Баверка.

IV.

Норма процента.

Мы видѣли, что норма процента долгое время опредѣлялась закономъ, а во Франціи еще и понынѣ опредѣляется при ссудахъ неторговаго характера. Но правило закона ограничивается установленіемъ приблизительно той нормы, которая существуетъ на рынкѣ, иначе, законъ оставался бы мертвой буквой. Намъ же важно знать экономическіе и естественные законы, опредѣляющіе норму процента, подобно тому, какъ опредѣляется норма заработной платы и цѣна товара.

Если бы капиталы ссужались въ натурѣ, въ формѣ фабрикъ, машинъ или орудій производства, то для каждаго капитала установилась бы различная наемная цѣна въ зависимости отъ качества, продолжительности дѣйствія и производительности его, подобно тому, какъ измѣняется арендная плата домовъ въ зависимости отъ удобствъ, представляемыхъ ими, или мѣста расположенія ихъ, или арендная плата за земли въ зависимости отъ плодородія ихъ.

Но капиталы всегда представляются въ формѣ денегъ, прежде всего, потому, что заемщикъ всегда предпочитаетъ получить наличными деньгами, а не капиталами въ натуральной формѣ, а, во-вторыхъ, потому, что на рынокъ капиталы, ищущіе помѣщенія, выносятся въ денежной формѣ.

Изъ факта превращенія найма въ ссуду денегъ вытекаютъ нѣкоторыя важныя послѣдствія.

Съ одной стороны, устраняются всѣ причины колебанія ссуднаго процента и уравнивается плата за наемъ капиталовъ, ибо, будучи ссужаемы и занимаемы въ одной и той же, денежной, формѣ, всѣ капиталы становятся равноцѣнными. Между ними не существуетъ больше качественнаго различія, остается только различіе количественное. Кромѣ того, будучи въ этой своей формѣ весьма подвижными, капиталы почти моментально переносятся повсюду, куда привлекаетъ ихъ болѣе высокій процентъ, вслѣдствіе чего быстро сглаживается разница въ нормѣ процента. Поэтому-то въ каждый данный моментъ на національномъ и интернаціональномъ рынкахъ существуетъ одна и та же норма процента.

Но, съ другой стороны, благодаря вышеуказанному факту, въ опредѣленіи платы за наемъ капитала играетъ роль бо́льшая или меньшая платежеспособность заемщика. Въ самомъ дѣлѣ, заемщикъ, какъ мы замѣтили выше, уже не является больше арендаторомъ: онъ пріобрѣтаетъ полную собственность на деньги, съ которыми можетъ дѣлать, что ему угодно. Если, слѣдовательно, платежеспособность заемщика сомнительна, то ссудодатель рискуетъ потерять свой капиталъ, и это обстоятельство побуждаетъ его требовать болѣе высокаго процента, какъ компенсаціи за возможную потерю капитала. Эта, какъ называютъ ее, страховая премія и опредѣляетъ почти исключительно разницу въ нормахъ процента при всѣхъ помѣщеніяхъ государственныхъ фондовъ или биржевыхъ цѣнностей.

Процентъ долженъ, слѣдовательно, распадаться на двѣ части:

1) На процентъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, который представляетъ плату за право распоряженія капиталомъ и который является одинаковымъ для всѣхъ ссудъ (на одномъ и томъ же рынкѣ въ данный періодъ времени);

2) На страховую премію за рискъ потери, измѣняющуюся въ зависимости отъ каждой отдѣльной ссуды.

Каковы же причины, опредѣляющія эту общую норму процента, иначе говоря, плату за наемъ денежнаго капитала? И здѣсь, какъ и при разрѣшеніи вопроса о причинахъ, вліяющихъ на цѣнность товаровъ или на цѣну ручного труда, мы не должны обольщать себя надеждой открыть какую-нибудь одну причину. Существуетъ множество причинъ, которыя, впрочемъ, могутъ всѣ свестись къ старой формулѣ предложенія и спроса.

Предложеніе капитала въ денежной формѣ или въ формѣ кре-

дитныхъ бумагъ зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) прежде всего, отъ мощи сбереженія въ странѣ, опирающейся на благоустроенныя сберегательныя и кредитныя учрежденія, которыя способствуютъ сбереженію и находятъ накопленнымъ деньгамъ помѣщеніе; 2) но для предложенія капиталовъ еще недостаточно одного избытка ихъ въ странѣ; надо еще, чтобы капиталы были въ избыткѣ на рынкѣ, чтобы они предлагались въ ссуду, а это обстоятельство предполагаетъ наличность многочисленной категоріи лицъ, не могущихъ или не хотящихъ пользоваться своими капиталами для своего личнаго дѣла; 3) наконецъ, предложеніе капиталовъ зависитъ отъ обезпеченности ссужаемаго капитала, безъ чего капиталы, какъ въ Персіи или Марокко, не только не предлагаются, но исчезаютъ и превращаются въ безплодную форму сокровища.

Что касается спроса на капиталъ, то онъ опредѣляется производительностью, но не средней производительностью предпріятій въ данной странѣ и въ данное время, а производительностью наименѣе производительныхъ предпріятій изъ тѣхъ, которымъ предлагается капиталъ, ибо эти послѣднія издаютъ законъ для капиталистическаго рынка именно потому, что они не могутъ дать больше. Если эти послѣднія предпріятія могутъ дать только 3%, то другія, болѣе состоятельныя, которыя могли бы, въ случаѣ надобности, дать больше, воздержатся дѣлать это.

Въ новой странѣ, одаренной разнообразными богатствами—дѣвственными землями, рудниками и т. д.—норма процента бываетъ весьма высокой, во-первыхъ, потому, что ссудный капиталъ бываетъ тамъ рѣдкимъ гостемъ, а, во-вторыхъ, потому, что тамъ нѣтъ предпріятій съ малой производительностью; ихъ избѣгаютъ тамъ.

Наоборотъ, въ старой странѣ дѣйствуютъ противоположныя причины: съ одной стороны, капиталы умножаются здѣсь благодаря сбереженію и предлагаются въ изобиліи; а, съ другой, такъ какъ всѣ предпріятія съ высокой производительностью уже заняты, то капиталы по необходимости помѣщаются въ предпріятія съ минимальной производительностью, и эти послѣднія предпріятія нажимаютъ на общую норму процента.

V.

Стремится ли норма процента къ пониженію?

Если слѣдуетъ желать повышенія заработной платы, то, наоборотъ, повышеніе процента нежелательно.

Пониженія процента слѣдуетъ желать, прежде всего, съ точки зрѣнія справедливости въ распредѣленіи, ибо уменьшеніе доли капиталистовъ - рантье во всей совокупности производства ведетъ къ соотвѣтствующему повышенію доли труда, тѣмъ болѣе, что норма процента опредѣляетъ не только доходъ капиталистовъ, но и, косвенно, норму прибыли, наемной, арендной платъ и, слѣдовательно, всѣхъ доходовъ владѣющихъ классовъ.

Слѣдуетъ желать пониженія процента, какъ стимула производства, ибо пониженіе платы за наемъ капитала и, слѣдовательно, сокращеніе издержекъ производства облегчаетъ веденіе такихъ предпріятій, существованіе которыхъ при высокой нормѣ процента невозможно. Желательно, напримѣръ, обрабатывать землю или построить дома для рабочихъ, но дѣло это принесетъ не больше 3%. При пятипроцентной нормѣ не найдешь капитала для этого предпріятія. Но если бы норма процента упала до 2, можно было бы тотчасъ приняться за нихъ.

Но не достаточно сказать, что пониженіе нормы процента желательно. Существуетъ ли пониженіе нормы? Носитъ ли оно постоянный характеръ? Словомъ, можно ли разсматривать его, какъ естественный законъ, подобный закону повышенія цѣнности земли или даже пониженія цѣнности металлическихъ денегъ?

Политическая экономія, главнымъ образомъ, французская оптимистская школа, начиная съ Тюрго и кончая Леруа-Болье, всегда настаивала на существованіи такого закона. Бастіа помѣщалъ его среди своихъ прекраснѣйшихъ гармоній. И вотъ по какимъ соображеніямъ:

Фактически, значительное пониженіе нормы процента (съ 5 до 3 въ теченіе 30 или 40 лѣтъ) составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ экономическихъ явленій за вторую половину XIX вѣка.

Теоретически, большинство перечисленныхъ нами причинъ, опредѣляющихъ норму процента, повидимому, должно дѣйствовать въ смыслѣ пониженія процента. Кажется вполнѣ разумной мысль

о томъ, что въ прогрессирующемъ обществѣ капиталы должны появляться все въ большемъ и большемъ изобиліи, какъ, впрочемъ, и всякое созданное богатство, и что, слѣдовательно, ихъ предѣльная полезность и цѣнность должны уменьшаться. Умѣстно также предположеніе о томъ, что въ будущемъ капиталы сдѣлаются менѣе производительными, и что прибыль съ нихъ уменьшится,—въ земледѣліи въ силу закона убывающаго плодородія, въ фабрично-заводской и перевозочной промышленностяхъ вслѣдствіе суженія границъ приложенія капиталовъ: безспорно, напримѣръ, что желѣзныя дороги, которыя можно будетъ еще построить во Франціи, будутъ значительно менѣе производительными по сравненію съ тѣми путями, которые были проведены раньше.

Повидимому, даже нельзя намѣтить границу этого пониженія, ибо здѣсь нѣтъ предѣльнаго минимума издержекъ производства, играющаго роль при опредѣленіи цѣны товара, или предѣльной границы стоимости существованія рабочаго, нормирующей заработную плату. Единственнымъ предѣломъ здѣсь можетъ быть тотъ предѣлъ, ниже котораго не пожелаетъ итти капиталистъ просто потому, что онъ предпочтетъ оставить капиталъ у себя въ видѣ сокровища или прожить его, вмѣсто того, чтобы отдать его въ ссуду. Но гдѣ же этотъ предѣлъ? Будетъ ли такимъ предѣломъ 1 на 100 или 1 на 1000,—этого никто не можетъ сказать.

Ни одно изъ вышеприведенныхъ соображеній намъ не представляется рѣшающимъ.

Уже одинъ фактъ внезапности пониженія процента въ теченіе очень короткаго періода времени достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь дѣло идетъ не о тѣхъ кривыхъ эволюціоннаго движенія, которыя измѣряются вѣками, а лишь о временномъ и, вѣроятно, періодическомъ колебаніи. Въ нормѣ процента, какъ и въ другихъ экономическихъ явленіяхъ, есть извѣстный ритмъ. Въ Римской имперіи норма процента была не выше, чѣмъ въ срединѣ прошлаго столѣтія, и въ XVIII в. въ Голландіи она стояла такъ же низко, какъ въ настоящее время. Что касается продолжительности нынѣшняго пониженія, то ей, повидимому, наступилъ уже конецъ, ибо съ 1899 г. констатируется повышеніе нормы процента на государственные фонды и главныя цѣнности.

Что касается предвидѣній на счетъ колебанія различныхъ фак-

торовъ, вліяющихъ на норму процента, то они могутъ быть лишь очень неопредѣленными.—Относительно растущаго изобилія капиталовъ можно сказать только то, что оно, дѣйствительно, вѣроятно, но оно можетъ быть компенсировано растущимъ спросомъ. Развѣ не поднимается спросъ на все большее и большее количество капиталовъ во всякомъ предпріятіи?—Что касается риска, то развѣ нынѣ меньше несостоятельныхъ должниковъ, меньше банкротствъ, меньше колоссальныхъ мошенничествъ, меньше капиталовъ погублено въ дутыхъ предпріятіяхъ, чѣмъ въ прежнія времена?—Что касается производительности, то, дѣйствительно, опредѣленныя отрасли промышленности, какъ, напримѣръ, желѣзныя дороги или газовое освѣщеніе, дошли до своего предѣла развитія, но этого нельзя сказать о производствѣ вообще, ибо старыя отрасли производства замѣняются новыми, и нѣтъ никакихъ основаній отрицать, что перевозка, напримѣръ, при помощи автомобилей или дирижаблей будетъ менѣе продуктивной, чѣмъ при помощи желѣзныхъ дорогъ, или электрическое освѣщеніе будетъ менѣе доходнымъ, чѣмъ газовое.

Въ концѣ концовъ, намъ представляется болѣе вѣроятнымъ то, что норма процента, достигнувъ извѣстнаго минимальнаго пониженія, которое, можетъ быть, уже пройдено нами, снова пойдетъ на повышеніе, и что въ будущемъ ей придется переживать тѣ же долгіе періоды послѣдовательныхъ повышеній и пониженій, какіе выпадали ей въ прошломъ.

Это можетъ повести къ прогрессивному пониженію нормы процента и приблизить насъ къ даровому кредиту, о которомъ мечталъ Прудонъ,—что́, дѣйствительно, было бы самой практической формой коллективизма, ибо какое же можетъ имѣть значеніе то обстоятельство, что капиталъ останется частной собственностью, если каждый можетъ пользоваться имъ какъ бы даромъ?—Это будетъ не проявленіе естественныхъ законовъ, а разумное и настойчивое дѣйствіе людей, которое будетъ проводиться въ жизнь, по всей вѣроятности, товариществами взаимнаго кредита.

ГЛАВА III.

Наемники.

I.

Что такое наемникъ?

Заработная плата, по общепринятому опредѣленію экономистовъ, „доходъ, получаемый человѣкомъ въ обмѣнъ на свой трудъ".

Если бы придерживаться этого опредѣленія, то заработная плата представлялась бы типичной формой дохода, которая существовала и будетъ существовать во всѣ времена. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ такой общественный строй, въ которомъ человѣкъ могъ бы жить, не обмѣнивая своего труда, продуктовъ своего труда или своихъ услугъ на извѣстное количество богатствъ. Это-то обстоятельство и позволило классическимъ экономистамъ ввести въ категорію рабочихъ даже землевладѣльцевъ и рантье и утверждать, подобно Мирабо въ его знаменитой фразѣ [1]), что всѣ люди, кромѣ воровъ и нищихъ, наемные рабочіе.

Но это—чисто ораторское опредѣленіе, внушенное, можетъ быть, безсознательнымъ желаніемъ представить заработную плату, какъ самый совершенный способъ вознагражденія, а наемничество, какъ вѣчное состояніе. Однако, наука должна задаваться цѣлью различать, а не смѣшивать въ одну кучу всѣ доходы, происходящіе отъ труда. Выраженіе заработная плата въ экономическомъ, равно какъ, впрочемъ, и въ обиходномъ языкѣ, должно служить для квалификаціи не всякаго, а только весьма спеціальнаго способа вознагражденія труда, а именно—цѣны нанятаго и употребленнаго предпринимателемъ труда.

Дѣйствительно, мы уже неоднократно видѣли, что предпринимательство составляетъ характерную черту современной экономической организаціи. А наемничество неотдѣлимо отъ предпринимательства, какъ лицевая и оборотная сторона медали, или, лучше

---

[1]) „Я знаю только три способа существованія въ обществѣ: или нищимъ, или воромъ, или наемнымъ рабочимъ. Даже землевладѣлецъ не больше, какъ первый среди наемныхъ рабочихъ".

сказать, какъ продажа и покупка одного и того же товара. Товаромъ тутъ является трудъ или рабочія руки: наемникъ тотъ, кто продаетъ ихъ, предприниматель—тотъ, кто покупаетъ.

Такимъ образомъ, заработная плата представляетъ изъ себя способъ вознагражденія, относительно недавняго происхожденія въ экономической исторіи; она стала общимъ явленіемъ только съ возникновеніемъ современной капиталистической организаціи и неизбѣжно можетъ исчезнуть вмѣстѣ съ нею.

Наше опредѣленіе, конечно, обнимаетъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя работаютъ подъ командой хозяина въ земледѣліи, въ фабрично-заводской промышленности, въ транспортномъ дѣлѣ, въ торговлѣ, всѣхъ представителей физическаго труда, всѣхъ служащихъ, инженеровъ и даже директоровъ съ окладомъ жалованья въ 100.000 франковъ. Но обнимаетъ ли оно также и государственныхъ или коммунальныхъ чиновниковъ и домашнюю прислугу? — Логически, да, ибо государство или „буржуа“ тоже хозяева. Однако, обычно эту категорію трудящихся помѣщаютъ особо и въ обиходномъ языкѣ ихъ отличаютъ отъ другихъ.

Среди государственныхъ чиновниковъ слѣдуетъ различать: чиновниковъ въ собственномъ смыслѣ, жалованье которыхъ опредѣлено закономъ и за которыми въ силу этого отрицается право стачки и даже до сего времени право организаціи; рабочихъ и служащихъ въ арсеналахъ, мануфактурахъ и т. д., которые ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ рабочихъ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ преимуществъ (постояннаго мѣста, страхованія и пр.).

Что касается домашней прислуги, то она фактически образуетъ особый классъ: съ точки зрѣнія экономической, она отличается отъ обыкновенныхъ наемныхъ рабочихъ тѣмъ, что, какъ общее правило, она не занята производствомъ, а затѣмъ самый фактъ связанности ея съ личностью хозяина набрасываетъ на нее нѣкоторую неблагопріятную тѣнь. По этимъ соображеніямъ, а также вслѣдствіе того, что, въ смыслѣ распоряженія своею личностью и своимъ временемъ, домашняя прислуга стоитъ въ бо́льшей зависимости отъ хозяина, чѣмъ промышленные рабочіе,—профессія эта становится все менѣе и менѣе притягательной. Это одна изъ рѣдкихъ профессій, гдѣ спросъ часто стоитъ выше предложенія. Поэтому и плата въ ней очень высока.

Но изъ нашего опредѣленія вытекаетъ, что не являются „на-

емниками" всѣ тѣ производители, которые работаютъ за свой счетъ, иначе говоря, всѣ самостоятельные производители: крестьяне, лавочники, ремесленники, хотя они часто бываютъ бѣднѣе наемныхъ рабочихъ; а также всѣ тѣ, кто занятъ въ либеральной профессіи: врачи, адвокаты, артисты и т. д. Обѣ эти категоріи работаютъ на публику, на кліента, а не на хозяина.

II.

Историческій очеркъ наемнаго труда.

Во всѣ времена, даже въ древности, при общественномъ строѣ, основанномъ на рабскомъ трудѣ, существовали бѣдные, но свободные люди, которые отдавали свои руки богатымъ въ обмѣнъ за извѣстную денежную или натуральную плату и которые, слѣдовательно, приблизительно подходили подъ опредѣленіе наемнаго рабочаго. Но это было исключеніемъ. Не могло быть для нихъ мѣста за тотъ продолжительный періодъ времени, который мы охарактеризовали, какъ періодъ „семейной или домашней промышленности" (см. стр. 177), когда глава семьи трудомъ своихъ слугъ, рабовъ, крѣпостныхъ, обезпечивалъ себѣ все необходимое. Повидимому, эти свободные работники были скорѣе всего тѣмъ, что мы нынѣ называемъ ремесленниками, т.-е. самостоятельными производителями, жившими какимъ-нибудь ремесломъ и отдававшими свои руки въ наемъ только время отъ времени, когда не хватало рабовъ или прислуги.

Не было также мѣста для наемнаго рабочаго въ собственномъ смыслѣ и при цеховомъ строѣ промышленности. Правда, „aux compagnons" („братьямъ" — см. стр. 196) платилъ хозяинъ, но они не были съ нимъ въ отношеніяхъ наемника къ патрону. Этимологія самого слова „compagnon" (cum pane) достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какого рода отношенія существовали между ними, по крайней мѣрѣ, въ началѣ. И это были не только отношенія, вытекающія изъ общей жизни и взаимныхъ услугъ, но и взаимно-обязывающія узы. „Братья" не могли ни быть уволены по произволу хозяина, ни уйти отъ него по собственной прихоти: ихъ заработная плата и трудъ регулировались цеховыми уставами, а иногда и правилами, издававшимися мѣстною властью.

Всѣ они къ тому же питали надежду стать нѣкогда хозяевами, и для многихъ изъ нихъ эта надежда оправдывалась.

Хотя идиллическая картина, изображающая цеховой строй, нынѣ не является уже отвѣчающей дѣйствительности, хотя и въ то время возникали уже рабочіе союзы, тѣмъ не менѣе, можно сказать, что тогда наемные рабочіе и хозяева представляли не два противоположныхъ общественныхъ класса, а два послѣдовательныхъ этапа профессіональнаго существованія. И, по вычисленіямъ д'Авенеля, вознагражденіе рабочаго въ XV ст. было относительно очень высокимъ.

Но когда, въ концѣ среднихъ вѣковъ, маленькіе городскіе рынки перестаютъ быть центромъ экономической жизни, и когда образованіе современныхъ крупныхъ государствъ и открытіе новыхъ путей начинаютъ создавать національные и даже интернаціональные рынки, мелкіе мастера стараго времени оказываются недостаточно богатыми, чтобы удовлетворять требованіямъ производства. Постепенно вытѣсняются они капиталистами, крупными купцами, которые впослѣдствіи станутъ руководителями фабрично-заводской промышленности, и, такимъ образомъ, мало-по-малу вырисовывается типъ хозяина. Въ то же время предъ „братьями" закрывается доступъ въ сословіе мастеровъ. Изъ нихъ начинаетъ формироваться особый классъ. Ихъ исторгаютъ изъ цеховъ и лишаютъ, такимъ образомъ, всякаго участія въ опредѣленіи ихъ собственной заработной платы; сословію „мастеровъ", т.-е. союзамъ хозяевъ, противополагаютъ „братства", т.-е. союзы рабочихъ, первоначальную форму нашихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Съ тѣхъ поръ капиталъ и представители физическаго труда шествуютъ отдѣльно.

Надо было, однако, сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы создать существующій нынѣ типъ наемнаго рабочаго. Надо было уничтожить всѣ ограниченія и правила, державшія цеховой строй на низкой ступени экономическаго развитія, связывавшія рабочаго по рукамъ и по ногамъ, и сдѣлать его абсолютно свободнымъ. Это и сдѣлала, прежде всего, мануфактура, которая, возникнувъ подъ покровительствомъ государства за предѣлами цеховой организаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ оказалась свободной отъ всякой цеховой регламентаціи и смогла по своему усмотрѣнію въ широкомъ масштабѣ примѣнить раздѣленіе труда въ производствѣ. Эдикты Тюрго и Революціи, провозгласившіе полную сво-

боду труда, распространили эти начала на всю промышленность страны.

Съ этого времени рабочіе дѣйствительно стали свободными: свободно могли продавать свой трудъ по цѣнѣ, опредѣляемой закономъ предложенія и спроса, свободно отказываться отъ него, свободно уходить, когда имъ заблагоразсудится. Но и хозяева тоже стали свободными на тѣхъ же условіяхъ: они свободно могли платить минимальную цѣну мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ и отказывать имъ отъ работы по своему усмотрѣнію. Договоръ о заработной платѣ сталъ такъ же свободнымъ договоромъ, какъ договоръ продажи и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, много свободнѣе, ибо законъ совершенно не вмѣшивался въ отношенія найма рабочихъ,—и трудъ рабочаго сталъ товаромъ, цѣнность котораго регулировалась тѣми же законами, какъ и цѣнность любого другого товара. Возникло наемничество въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Никто даже среди соціалистовъ не думаетъ отрицать, что такой порядокъ сообщилъ огромный стимулъ производству и далъ промышленности мощное орудіе. Но ни одинъ безпристрастный умъ не будетъ также отрицать того, что эта взаимная свобода послужила больше всего къ выгодѣ хозяевъ, а не рабочихъ. Послѣдніе, будучи изолированными, дезорганизованными, жертвами законодательства, которое не позволяло имъ объединяться въ союзы, очутились въ наихудшихъ условіяхъ для извлеченія выгоды изъ своего товара, изъ своего труда, и были вынуждены продавать его по ничтожной цѣнѣ. Считается общепризнаннымъ то, что съ конца XVIII до конца XIX в. положеніе наемныхъ рабочихъ въ Европѣ было весьма тяжелымъ, и что режимъ свободы былъ для нихъ менѣе выгоднымъ, чѣмъ старый режимъ.

Но слѣдуетъ также признать, что положеніе ихъ начинаетъ измѣняться къ лучшему въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ:

1) Ибо рабочіе научились организоваться и объединяться для лучшей защиты своихъ интересовъ, и во всѣхъ странахъ были отмѣнены законы, ставившіе препятствія свободному проявленію правъ рабочаго класса; 2) Ибо цѣлый рядъ законовъ, обозначаемыхъ именемъ „рабочаго законодательства“, способствуетъ возстановленію въ современной фабрикѣ тѣхъ гарантій, которыя существовали при цеховомъ строѣ, но были уничтожены:—регламентаціи времени работы, страхованія, предписаній санитарно-гигіени-

ческаго характера, и если не установленія еще нормы заработной платы, то, во всякомъ случаѣ, извѣстныхъ гарантій при заключеніи и прекращеніи договора, связывающаго рабочаго съ хозяиномъ.

III.

Законы заработной платы.

Изслѣдовать законы заработной платы—значитъ открыть общія причины, опредѣляющія норму ея, повышеніе или пониженіе ея, и облечь дѣйствіе этихъ причинъ въ общую формулу. Это одна изъ великихъ проблемъ политической экономіи, вызвавшая къ жизни много выдающихся теорій.

Можетъ, пожалуй, возникнуть, прежде всего, вопросъ: да существуютъ ли естественные законы, регулирующіе норму заработной платы? Не напрасно ли наше изысканіе въ этомъ направленіи, ибо норма заработной платы примѣняется въ зависимости отъ отрасли труда и мѣста и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется, какъ мы только что видѣли, свободнымъ уговоромъ между хозяиномъ и рабочимъ?

Такіе вопросы были бы неумѣстны: цѣна вещей тоже измѣняется въ зависимости отъ природы товара, мѣста, времени, можно даже сказать, въ зависимости отъ свободнаго уговора продавца и покупателя; однако, это не мѣшаетъ отыскивать законы, регулирующіе цѣны товаровъ. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Цѣна товара и заработная плата рабочаго, конечно, регулируются соглашеніями людей, но соглашенія эти въ свою очередь опредѣляются общими причинами, которыя и требуется открыть. Вѣрить въ существованіе естественныхъ законовъ въ политической экономіи,—это и значитъ допускать, что люди въ своихъ соглашеніяхъ руководствуются извѣстными психологическими побужденіями или извѣстными внѣшними обстоятельствами, которыя носятъ общій характеръ и могутъ быть выдѣлены изъ пестрой массы отдѣльныхъ случаевъ.

Но поскольку въ нашей современной экономической организаціи трудъ является лишь товаромъ, который, подобно всякому другому товару, продается и покупается на рынкѣ, постольку кажется очевиднымъ, что цѣна этого товара должна опредѣляться тѣми же законами, которые управляютъ цѣной любого другого

товара, — законами, которые были нами уже изучены во главѣ о цѣнности и которые сводятся къ простой формулѣ предложенія и спроса или къ живому и красочному изображенію, данному Кобденомъ въ слѣдующей фразѣ: „Заработная плата повышается, когда два хозяина бѣгутъ за однимъ рабочимъ, и понижается, когда два рабочихъ бѣгутъ за однимъ хозяиномъ".

Но тутъ мы видимъ простое констатированіе фактовъ, а не объясненіе даннаго явленія. Между тѣмъ, рѣчь идетъ о томъ, чтобы знать, почему въ извѣстный моментъ рабочіе бѣгутъ за хозяиномъ или хозяева бѣгутъ за рабочимъ?

Истинный законъ заработной платы долженъ объяснить всѣ колебанія ея, а именно: — 1) почему заработная плата выше въ одной странѣ, чѣмъ въ другой?—2) почему она выше въ извѣстный періодъ времени, нежели въ другой?—3) почему она выше въ одномъ ремеслѣ и ниже въ другомъ?

Для объясненія этихъ явленій было предложено три теоріи; всѣ онѣ славились въ свое время, и каждая изъ нихъ еще и теперь имѣетъ своихъ приверженцевъ.

§ 1. Теорія фонда заработной платы. — Эта теорія долгое время считалась въ Англіи классической, почему ее обыкновенно и обозначаютъ англійскимъ терминомъ wage-fund (фондъ заработной платы). Она занимала выдающееся мѣсто въ исторіи экономическихъ ученій.

Эта теорія ближе другихъ подходитъ къ формулѣ предложенія и спроса и задается цѣлью точнѣе опредѣлить послѣднюю.

Предложеніе, по этой теоріи, сводится къ слѣдующему: рабочіе, пролетаріи ищутъ работы, чтобы заработать на хлѣбъ насущный, и предлагаютъ свои руки. Спросъ: капиталы ищутъ помѣщенія; мы уже видѣли, что нѣтъ иного способа производительнаго употребленія капитала, кромѣ приложенія къ нему рабочихъ рукъ. Отношеніе между этими двумя элементами и опредѣляетъ величину заработной платы.

Возьмите оборотный капиталъ данной страны, что англійскіе экономисты называли wage-fund (предполагая, что назначеніе этого капитала—содержаніе рабочихъ за время трудовой дѣятельности ихъ). Возьмите затѣмъ число работниковъ. Раздѣлите первую цифру на вторую, и частное несомнѣнно дастъ вамъ норму заработной платы. Пусть оборотный капиталъ будетъ въ 10 милліардовъ, число рабочихъ—10 милліоновъ, и вы получите ров-

нымъ счетомъ 1000 франковъ средней ежегодной заработной платы.

Ясно, что, по этой теоріи, заработная плата можетъ измѣниться только тогда, когда измѣнится одинъ изъ двухъ факторовъ. Повышеніе заработной платы возможно поэтому только въ двухъ случаяхъ:

а) если wage-fund, т. е. масса капитала, предназначенная для раздѣла, увеличится, а увеличиться она можетъ только путемъ сбереженія;

б) если рабочее населеніе, т. е. число соучастниковъ въ дѣлежѣ, уменьшится, а уменьшиться оно можетъ лишь постольку, поскольку рабочіе слѣдуютъ принципамъ Мальтуса, либо воздерживаясь отъ брака, либо ограничивая количество дѣтей [2]).

Эта формула мало утѣшительна для будущности рабочаго класса. Въ самомъ дѣлѣ, приходится опасаться, чтобы дѣлитель (т. е. цифра рабочаго населенія) не возрасталъ быстрѣе, чѣмъ дѣлимое (т. е. свободный капиталъ), откуда съ необходимостью вытекаетъ, что частное (т. е. заработная плата) должно стремиться къ пониженію, пока оно не достигнетъ того минимума, ниже котораго оно не можетъ опуститься. И основаніе для такого опасенія очевидно: производить дѣтей гораздо легче, чѣмъ создавать капиталы, ибо послѣднее предполагаетъ воздержаніе, а первое — совсѣмъ наоборотъ. Населеніе умножается само собой, а про капиталъ сказать этого нельзя.

Но эта теорія нынѣ почти совершенно оставлена.

Прежде всего, фактъ, на который она опирается,—существованіе извѣстнаго оборотнаго капитала на содержаніе рабочихъ — имѣетъ значеніе только съ точки зрѣнія производства, а никакъ не распредѣленія. Безспорно то, что заработная плата уплачивается изъ капитала или, лучше сказать, что деньги, которыя предприниматель употребляетъ на оплату рабочихъ, есть капиталъ, но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что норма заработной

---

[2]) О чемъ опредѣленно заявлялъ Ст. Милль, основательнѣе другихъ экономистовъ развившій ученіе о фондѣ заработной платы (отъ котораго онъ, впрочемъ, отказался впослѣдствіи): „Заработная плата зависитъ отъ отношенія, существующаго между цифрой трудящагося населенія и капиталомъ... и, при господствѣ конкурренціи, никакая другая причина на нее не вліяетъ."

И, какъ вполнѣ естественно, заключеніе отсюда было слѣдующее: „Для наемниковъ нѣтъ иного спасенія, кромѣ ограниченія роста народонаселенія".

платы опредѣляется суммой капитала. Одно—вопросъ о томъ, имѣетъ ли предприниматель, чѣмъ занять своихъ рабочихъ, т. е. имѣется ли у него достаточно сырья или орудій производства, и совершенно другое дѣло—вопросъ о томъ, какую часть изъ дохода предпріятія онъ будетъ въ состояніи уступить рабочимъ Отвѣтъ на первый вопросъ зависитъ отъ того, чѣмъ онъ владѣетъ; отвѣтъ же на второй вопросъ зависитъ отъ того, что онъ произведетъ. Спросъ на рабочія руки зависитъ отъ промышленной активности, а эта послѣдняя въ свою очередь зависитъ больше отъ разсчетовъ предпринимателей на сбытъ товаровъ, чѣмъ отъ суммы денегъ, имѣющихся у нихъ въ кошелькѣ или въ кошелькѣ ихъ банкировъ.

Въ конечномъ счетѣ эта теорія сводится къ тому, что норма заработной платы получается отъ дѣленія всей совокупности предназначенныхъ въ странѣ для заработной платы денежныхъ суммъ на число рабочихъ,—но это простая тавтологія... Или, если угодно придать ей болѣе разумный смыслъ: заработная плата тѣмъ выше, чѣмъ больше богатства въ странѣ,—положеніе слишкомъ банальное, чтобы требовалось какое-нибудь доказательство его.

А откуда происходитъ этотъ оборотный капиталъ, фондъ заработной платы?—Отъ самого труда! Это просто-на-просто доходъ труда, возвращающійся къ рабочему въ формѣ заработной платы. Остается еще отмѣтить, что этой теоріи плохо удается объяснить неравенство заработныхъ платъ по времени, по странамъ и, особенно, по отраслямъ промышленности. Такъ, напримѣръ, эта теорія не объясняетъ, почему въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки заработная плата выше, чѣмъ во Франціи, или почему литографъ получаетъ 10 франковъ, тогда какъ простой рабочій получаетъ 1 франкъ,—потому ли, что wage-fund въ 10 разъ больше для перваго по сравненію съ послѣднимъ? Все это совершенно необъяснимо съ точки зрѣнія разсматриваемой теоріи. Объясненія ея путаются въ порочномъ кругу. Wage-fund, какъ очень хорошо сказалъ американскій профессоръ Клэркъ, это—резервуаръ, который наполняется по мѣрѣ надобности чрезъ кранъ, а краномъ является трудъ.

§ 2. Теорія желѣзнаго закона. Эта теорія за исходный пунктъ тоже принимаетъ тотъ фактъ, что при современномъ общественномъ строѣ рабочая сила является только товаромъ, который покупается и продается на рынкѣ. Рабочіе продаютъ, а предпри-

ниматели покупаютъ. А общее для всѣхъ товаровъ правило состоитъ въ томъ, что тамъ, гдѣ можетъ свободно проявляться конкурренція, цѣнность товаровъ регулируется стоимостью производства. Экономисты называютъ это естественной цѣной или нормальной цѣнностью. Слѣдовательно, тоже должно относиться и къ товару, называемому рабочей силой. И ея цѣна, иначе говоря, заработная плата, опредѣляется стоимостью производства [3]).

Что же надо понимать подъ словами стоимость производства въ примѣненіи къ личности работника?

Возьмемъ, напримѣръ, машину. Издержками производства будутъ: 1) цѣнность потребляемаго ею угля; 2) премія, которую приходится ежегодно откладывать на ея погашеніе, т. е. на замѣну ея, когда она не будетъ уже годна къ употребленію, новой машиной. Точно также стоимостью производства труда будутъ: 1) цѣнность средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія силъ рабочаго; 2) премія погашенія, необходимая для замѣщенія рабочаго, когда онъ окажется негоднымъ къ труду, иначе говоря, для воспитанія ребенка рабочаго до его взрослаго возраста.

Вотъ какимъ образомъ заработная плата по необходимости должна сводиться къ минимуму, безусловно необходимому для содержанія рабочаго и его семьи, или, вообще говоря, для поддержанія и сохраненія рабочаго населенія.

Такова теорія, извѣстная подъ именемъ желѣзнаго закона. Это громкое имя, придуманное Лассалемъ, долгое время имѣло успѣхъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ оно гремѣло, какъ припѣвъ соціалистической пѣсни, и разжигало соціальную ненависть, убѣждая рабочихъ, что современный экономическій строй не оставляетъ имъ никакой надежды на улучшеніе своего положенія. Однако, корни этой теоріи находятся въ классической школѣ, хотя окрестила ее и создала ей славу коллективистская школа. Тюрго первый провозласилъ, что „во всякой отрасли труда заработная плата рабочаго должна понижаться до уровня, опредѣляемаго исключительно необходимостью существованія“. И Ж.-Б.-Сэй и Рикардо

---

[3]) Подобно цѣнѣ всѣхъ прочихъ товаровъ, цѣна труда опредѣляется отношеніями предложенія и спроса. Но что же опредѣляетъ рыночную цѣну каждаго товара или среднее отношеніе предложенія къ спросу этого товара? — Необходимыя для его производства издержки.“ Лассаль: Bastiat Schulze-Delitzsch, гл. IV.

выражали ту же мысль почти въ тѣхъ же словахъ, за что довольно долго упрекали ихъ!

Нынѣ эта теорія оставлена. Не только либеральная школа энергично возстала противъ нея, какъ только замѣтила выводы, вытекающіе изъ нея, но даже и коллективисты (именно, Либкнехтъ на Галльскомъ конгрессѣ 1890 г.) формально отказались отъ нея.

Дѣйствительно, если толковать ее дословно и понимать въ томъ смыслѣ, что заработная плата никогда не можетъ подняться выше того, что необходимо для поддержанія жизни рабочаго, то теорія слишкомъ очевидно опровергается фактами. Разберемся въ ней.

Почему норма заработной платы неодинакова во всѣхъ отрасляхъ труда? Развѣ литографъ или машинистъ должны потреблять больше граммовъ азота или углерода, чѣмъ простой рабочій? Почему плата сельскихъ рабочихъ ниже зимой, когда приходится больше тратить на отопленіе и одежду, и выше лѣтомъ въ „сезонъ бѣдняка“, по выраженію Виктора Гюго, т. е. въ такое время, когда бѣдному люду жизнь дается уже легче?

Почему заработная плата выше въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, нежели во Франціи, въ Германіи или даже въ Англіи? На основаніи какихъ физіологическихъ соображеній можно объяснить, что американецъ ѣстъ больше германца, или англичанина, тѣмъ болѣе, что и американецъ и англичанинъ принадлежатъ къ одной расѣ?

Почему заработная плата выше теперь, чѣмъ столѣтіе тому назадъ? Развѣ у насъ аппетитъ лучше, чѣмъ у нашихъ отцовъ?

Если же взять формулу этой теоріи въ широкомъ смыслѣ, если въ ней идетъ дѣло не о количествѣ граммовъ азота или углерода, необходимомъ для поддержанія чисто физической жизни, а просто о томъ минимумѣ, который необходимъ для удовлетворенія сложныхъ потребностей человѣка, живущаго въ культурной средѣ; если эта теорія просто означаетъ, что заработная плата рабочаго приноравливается къ привычкамъ и образу жизни рабочаго класса, къ совокупности физическихъ и общественныхъ потребностей, естественныхъ или искусственныхъ, характеризующихъ уровень существованія рабочаго; если она объясняетъ вышеуказанныя неравенства въ платѣ тѣмъ, что уровень существованія, standard of life, какъ говорятъ англичане, выше въ профессіи литографа, чѣмъ въ профессіи чернорабочаго, у американскаго рабочаго выше,

чѣмъ у французскаго, у человѣка XX вѣка выше, чѣмъ въ XIII ст., у городского жителя выше, чѣмъ у деревенскаго,—ну, тогда это будетъ означать то, что заработная плата далеко не изъ „желѣза", а, напротивъ, эластична, подвижна и измѣнчива по расамъ, климату, эпохамъ, что она стремится безпрерывно и необходимо къ повышенію по мѣрѣ того, какъ умножаются потребности, желанія, требованія образованныхъ людей.—Въ такомъ случаѣ эта формула становится болѣе соотвѣтствующей дѣйствительности, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слишкомъ оптимистической, обѣщая намъ больше того, на что мы осмѣливаемся надѣяться. Не слѣдуетъ уже называть ее желѣзнымъ закономъ, а, какъ кто-то очень мѣтко замѣтилъ, „золотымъ закономъ" заработной платы!

§ 3. Теорія производительности труда.—Третья теорія, совершенно уподобляя, какъ и предыдущая теорія, законъ заработной платы закону цѣнности, приходитъ, однако, къ совершенно противоположнымъ выводамъ, столь же оптимистическимъ, сколь пессимистичны предыдущія [4]).

Свои положенія эта школа защищаетъ слѣдующимъ образомъ:

Цѣнность труда, говоритъ она, не можетъ быть уподоблена цѣнности товара, подчиняющейся исключительно закону предложенія и спроса при дѣйствіи конкурренціи. Работникъ не товаръ, а орудіе производства. А цѣнность орудія производства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ производительности этого орудія. Когда предприниматель снимаетъ въ аренду землю, развѣ величина арендной платы, которую онъ даетъ, не разсчитывается сообразно производительности этой земли? Почему же при наймѣ труда величинѣ заработной платы не быть также пропорціональной производительности этого труда?

Школа не утверждаетъ, конечно, что заработная плата равна всей произведенной въ предпріятіи цѣнности (это было бы невозможно, такъ какъ въ такомъ случаѣ предприниматель, ничего не зарабатывая, не заставлялъ бы работать другихъ), но она говоритъ, что рабочій получаетъ въ формѣ заработной платы все то, что остается отъ продукта за вычетомъ различныхъ долей другихъ сотрудниковъ (процента, прибыли, ренты), которыя строго

---

[4]) Болѣе ранняго происхожденія, эта теорія была сначала выдвинута американцемъ Фрэнсисомъ Уэлькеромъ въ книгѣ The Wages Questions. Затѣмъ она была принята англичаниномъ Стэнли Джевонсомъ.

опредѣлены, тогда какъ доля рабочаго имѣетъ преимущество быть неопредѣленной [5]) По отношенію къ своимъ соучастникамъ въ дѣлежѣ наемный рабочій находится какъ бы въ такомъ положеніи, въ какомъ главный наслѣдникъ стоитъ по отношенію къ легатаріямъ.

Если бы эта теорія была основательна, она производила бы настолько же ободряющее дѣйствіе, насколько предыдущая приводила въ отчаяніе. Если, въ самомъ дѣлѣ, норма заработной платы зависитъ только отъ производительности труда рабочаго, то участь послѣдняго находится въ его собственныхъ рукахъ. Чѣмъ больше онъ произведетъ, тѣмъ больше заработаетъ: все, что можетъ увеличить и усовершенствовать его производительную дѣятельность—физическое развитіе, нравственное совершенство, профессіональное образованіе, изобрѣтенія и машины—все это должно неминуемо повышать его заработную плату. Слѣдуетъ даже замѣтить, что, согласно этой теоріи, договоръ о заработной платѣ оказался бы болѣе выгоднымъ для рабочаго, чѣмъ договоръ товарищества или участіе въ прибыляхъ, ибо всѣмъ ростомъ производительности труда пользовался бы онъ одинъ, а доля другихъ сотрудниковъ оставалась бы неизмѣнной или даже скорѣе уменьшалась бы!

Слѣдуетъ признать, что этой теоріи лучше другихъ удается объяснить неравенство заработныхъ платъ, ибо если литографъ получаетъ больше чернорабочаго, американецъ—больше француза, рабочій XX в.—больше рабочаго прошлыхъ вѣковъ, то не отъ того ли происходитъ это, что трудъ первыхъ производительнѣе труда послѣднихъ? И если вѣрно, что обученіе полезно для рабочаго, то не отъ того ли, что рабочій, хорошо знающій свое ремесло, производитъ болѣе, а, производя больше, лучше оплачивается?

Съ другой стороны, очевидно, что производительность труда должна вообще отражаться на нормѣ заработной платы въ томъ смыслѣ, что, увеличивая общее богатство страны, она увеличиваетъ массу богатства, предназначенную для раздѣла, и, въ концѣ концовъ, по необходимости увеличиваетъ долю каждаго изъ соучастниковъ дѣлежа, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и долю рабочихъ.

---

[5]) Поэтому рабочаго называютъ the residual claimant, человѣкомъ, который беретъ все, что остается. Объ этомъ и говоритъ Ст. Джевонсъ въ слѣдующихъ подлинныхъ выраженіяхъ: „заработная плата работника, въ концѣ концовъ, всегда совпадаетъ съ продуктомъ его труда, за вычетомъ ренты, налоговъ и процента“. Но „то, что остается“, беретъ предприниматель, а не рабочій!

Такимъ образомъ, эта теорія кажется не только болѣе утѣшительной, но и болѣе близкой къ истинѣ. Тѣмъ не менѣе, она оставляетъ въ тѣни одинъ изъ самыхъ существенныхъ, и чаще всего наиболѣе вліятельныхъ, элементовъ — обиліе или рѣдкость рабочихъ рукъ. Посмотрите на С. А. Соединенные Штаты: производительность труда чрезмѣрно возрасла тамъ за послѣдніе двадцать лѣтъ, однако, норма заработной платы почти не поднялась. Почему? Потому, что число пролетаріевъ значительно увеличилось, какъ вслѣдствіе наплыва иностранныхъ рабочихъ, такъ и вслѣдствіе присвоенія всѣхъ свободныхъ земель, — отсюда и всѣ законодательныя мѣропріятія, направленныя не только противъ китайской, но и противъ европейской иммиграціи.

Въ конечномъ счетѣ приходится признать, что, какъ раньше мы отказались найти одну причину цѣнности (ибо существуетъ безконечное число причинъ ея), такъ и теперь мы должны отказаться открыть одну причину заработной платы. Цѣна рабочихъ рукъ опредѣляется:

1) Всѣми тѣми общими причинами, которыя дѣйствуютъ на цѣнность вещей и которыя можно выразить въ формулѣ предѣльной полезности.

2) Нѣкоторыми отдѣльными причинами, присущими товару — труду, потому что этотъ товаръ въ то же время является человѣкомъ: — главнымъ образомъ, ростомъ у рабочаго сознанія своихъ правъ и важности соціальной роли его и, далѣе, развитіемъ рабочихъ организацій, помогающихъ рабочему защищать свои права.

Мы только что изслѣдовали, каковы экономическіе законы, опредѣляющіе заработную плату, но вопросъ можетъ быть поставленъ нѣсколько иначе. Можно поставить себѣ цѣль изслѣдовать, чѣмъ должна быть заработная плата съ точки зрѣнія справедливости и разума. Это знаменитый вопросъ о справедливой заработной платѣ. Начиная съ эпохи среднихъ вѣковъ, онъ занимаетъ экономистовъ, но и до сего времени остается нерѣшеннымъ. Самъ папа Левъ XIII занимался имъ. Въ своей знаменитой энцикликѣ о рабочихъ „Rerum Novarum“ онъ говорилъ: „По закону естественной справедливости, заработная плата не должна быть ниже того, что необходимо рабочему, чтобы оставаться трезвымъ и честнымъ“. Согласно этому опредѣленію, справедливая заработная плата зависитъ отъ потребностей или, лучше сказать, условій той соціальной среды, въ которой призванъ жить рабочій, — это

приблизительно то же, что англичане называютъ living wage (прожиточная плата). Но почему же по отношенію къ рабочему справедливость ограничивается тѣмъ, что достаточно для скромнаго существованія, тогда какъ для другихъ классовъ общества подобнаго ограниченія не ставится? Такое опредѣленіе подходитъ къ минимальной, а не справедливой заработной платѣ. Развѣ справедливость не требуетъ, чтобы заработная плата точно соотвѣтствовала созданной трудомъ рабочаго цѣнности? Конечно, требуетъ. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакого основанія для опредѣленія этой цѣнности.

Теоретически проблема справедливой заработной платы ставится такъ: даны два фактора производства—трудъ и капиталъ: они сотрудничаютъ въ какомъ-нибудь предпріятіи,—какая часть продукта должна отходить къ каждому изъ нихъ? Робинзонъ доставляетъ лодку и сѣть, а Пятница—свои руки. Трудовой день закончился; Пятница приноситъ 10 корзинъ рыбы. Сколько рыбы должно прійтись Робинзону (капиталу) и сколько Пятницѣ (труду)?—Корреспондентъ газеты Temps (Время) сообщалъ изъ Бризовилля (города во Французскомъ Конго), что собственникъ дощанника, на которомъ плылъ корреспондентъ, оспаривалъ у гребцовъ перевозную плату, говоря: „Что могли бы гребцы сдѣлать безъ дощанника?“—на что послѣдніе отвѣчали: „Что могъ бы сдѣлать дощанникъ безъ гребцовъ?“

Мы считаемъ эту проблему неразрѣшимой, какъ неразрѣшима проблема, иронически предложенная Стюартомъ Миллемъ: даны два лезвея ножницъ, предназначенныхъ для разрѣзанія матеріи,—какое лезвее имѣетъ право на большую часть?—Именно потому, что эта проблема теоретически неразрѣшима, что ни у одного судьи, ни у одной власти нѣтъ критерія для опредѣленія того, что должно отходить къ капиталу и что—къ труду, режимъ наемничества и даетъ поводы для безпрестанныхъ и неразрѣшимыхъ конфликтовъ.

IV.

О повышеніи заработной платы.

Каковы бы ни были законы, управляющіе заработной платой, она все же остается очень низкой. По статистическимъ даннымъ департамента труда средняя заработная плата для Парижа немно-

го выше 7 франковъ и немного выше 4 франковъ для провинціальныхъ городовъ, что составляетъ ежегодный доходъ рабочаго въ 2100 и 1200 франковъ, если считать въ году 300 рабочихъ дней, — цифра далеко выше средней. Это относится къ фабрично-заводскимъ рабочимъ. Для сельскихъ рабочихъ средняя не превосходитъ 3 франковъ въ день или 900 франковъ въ годъ. Это заработная плата мужчинъ. Женщины въ среднемъ получаютъ не больше 3 франковъ въ Парижѣ и не больше 1 фр. 50 с. или 2 фр. по департаментамъ [6]). Если рабочій имѣетъ семью, къ его заработку прибавляются заработки его жены и дѣтей, въ 13-тилѣтнемъ возрастѣ и еще не покинувшихъ домашняго очага, благодаря чему рабочій можетъ за довольно непродолжительный періодъ своей жизни почти удвоить свой доходъ, обозначенный нами въ цифрахъ выше. Тѣмъ не менѣе, доходъ рабочей семьи, т. е. почти половины населенія, свидѣтельствуетъ о весьма скромномъ существованіи и оказывается далеко ниже того средняго фиктивнаго дохода, который получился бы отъ дѣлежа всей годовой суммы дохода между французскими гражданами (см. стр. 433).

Какъ бы, однако, ни была убога современная заработная плата, она кажется значительной по сравненію съ платой, существовавшей недавно. Полвѣка тому назадъ средняя заработная плата не достигала во Франціи 2 франковъ.

Постоянное повышеніе заработной платы—фактъ безспорный. Изъ многочисленныхъ собранныхъ въ разныхъ странахъ статистическихъ данныхъ можно заключить, что заработная плата (сель-

---

[6]) Вопросъ о заработной платѣ женщинъ одинъ изъ самыхъ мучительныхъ вопросовъ современности. Существующая заработная плата абсолютно недостаточна для того, чтобы женщина могла прожить о д н а; такая плата можетъ служить лишь подспорьемъ. Однако, много женщинъ незамужнихъ, вдовъ, или, какъ это, къ сожалѣнію, весьма часто случается въ рабочей средѣ, брошенныхъ мужьями или людьми, съ которыми онѣ сожительствовали внѣ брака. Какъ въ такихъ случаяхъ могутъ онѣ прожить, не стремясь попасть къ кому-нибудь на содержаніе?—Выходъ изъ этого положенія тѣмъ болѣе труденъ, чѣмъ сложнѣе причины зла. Женщинамъ, нуждающимся въ работѣ за полную заработную плату, прежде всего и главнымъ образомъ, приходится сталкиваться съ конкурренціей женщинъ, ищущихъ подсобнаго заработка. Затѣмъ играетъ роль низкій уровень существованія и потребностей у женщины по сравненію съ мужчиной и ихъ приниженность, благодаря постоянной нищетѣ. Наконецъ, полное отсутствіе организацій среди женщинъ оставляетъ ихъ безъ защиты противъ эксплоатаціи предпринимателей.

скихъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ) болѣе, чѣмъ удвоилась въ теченіе XIX столѣтія [7]).

Однако, надо имѣть въ виду различныя обстоятельства, которыя дѣлаютъ это повышеніе менѣе значительнымъ и менѣе благодѣтельнымъ, чѣмъ можно было бы подумать объ этомъ съ перваго взгляда:

1) Повышеніе заработной платы отчасти номинально,—это просто оптическая иллюзія, создаваемая пониженіемъ цѣнности денегъ. Если деньги за послѣднее столѣтіе потеряли половину своей цѣнности, то работнику нисколько не легче отъ того, что онъ получаетъ теперь 2 франка вмѣсто одного!

Несомнѣнно, что деньги за послѣднее столѣтіе потеряли часть своей цѣнности, и что это пониженіе цѣнности монетной единицы вызвало общее повышеніе цѣнъ. Это повышеніе цѣнъ остановилось къ 1880 г., и съ того времени даже послѣдовало чувствительное пониженіе цѣнъ[8]); но съ 1907 г. повышательное движеніе возобновилось и стремится опередить повышеніе заработной платы. Цѣна на съѣстные припасы (мясо, молоко, масло и пр.) возрасла въ очень большихъ размѣрахъ, можетъ быть, еще больше увеличилась квартирная плата, а это самая тяжелая расходная статья ра-

---

[7]) Вотъ графическое изображеніе (было вывѣшено на Всемірной выставкѣ 1900 г. министерствомъ труда) повышенія заработной платы въ теченіе XIX ст. для Франціи, выраженнаго въ условныхъ цифрахъ:

1806 г.	45	1860 г.	70
1830 „	49	1880 „	98
1840 „	53	1892 „	100
1856 „	61	1900 „	103

Это даетъ повышеніе въ 129%. Согласно офиціальнымъ статистическимъ даннымъ болѣе поздняго происхожденія, исходящимъ изъ того же источника, заработная плата за время съ 1853 по 1906 г., т. е. за 53 года, увеличилась на 110%.

[8]) Статистика министерства труда дала слѣдующее исчисленіе издержекъ пропитанія для Парижа и для одной семьи изъ 4 лицъ. Мы приводимъ его вкратцѣ:

1804—1813 гг.	884 фр.	1874—1883 гг.	1093 фр.
1834—1843	950 „	1884—1893	993 „
1854—1863	1052 „	1894—1903	910 „

За послѣдніе тридцать лѣтъ стоимость жизни, такимъ образомъ, не только не увеличилась, но уменьшилась, и стала почти такой же, какой она была въ началѣ XIX ст. Правда, въ этотъ разсчетъ не включенъ расходъ на квартиру, а, между тѣмъ, послѣдній чрезмѣрно возросъ (учетверился, согласно статистическимъ даннымъ изъ того же источника), но, съ другой стороны, сюда не включенъ расходъ на одежду, перевозку, корреспонденцію, образованіе и т. д.—размѣръ какового расхода весьма значительно понизился.

бочаго; съ другой стороны, хлѣбъ, составляющій очень важную статью бюджета рабочаго, не поднялся въ цѣнѣ; многіе товары—сахаръ, вино, мануфактурные: одежда, мебель и пр.—значительно подешевѣли, и еще больше уменьшились расходы на транспортъ, почту и телеграфъ, на книги и газеты.

Въ общемъ за послѣднее столѣтіе стоимость матеріальной жизни возрасла въ среднемъ на одну треть. А такъ какъ номинальная заработная плата болѣе, чѣмъ удвоилась, то значительная часть остается на долю ея дѣйствительнаго повышенія [9]).

2) Въ основѣ вычисляемой статистикой средней заработной платы лежитъ предположеніе, что заработная плата выдается правильно и въ теченіе цѣлаго года. Но вѣдь безработица и мертвый сезонъ, становящіеся хроническимъ зломъ промышленности, могутъ чрезвычайно понизить дѣйствительно выдаваемую плату. И рискъ такого пониженія тѣмъ болѣе серьезенъ, что противъ него не найдено, какъ мы увидимъ ниже, никакихъ дѣйствительныхъ средствъ.

Является ли только что констатированное нами повышеніе заработной платы слѣдствіемъ естественныхъ или искусственныхъ причинъ? Иначе говоря: возникло ли оно самопроизвольно или вслѣдствіе усилій со стороны рабочихъ, государства и, можетъ быть, самихъ хозяевъ?

Крайніе послѣдователи либеральной школы не вѣрятъ въ существованіе какого-либо искусственнаго средства, способнаго повысить заработную плату. По ихъ мнѣнію, норма заработной платы опредѣляется естественными законами, независимыми отъ воли заинтересованныхъ сторонъ. Думать, что какой-либо торгъ, стачка рабочихъ, статья закона или даже щедрость хозяина могутъ повысить заработную плату, было бы такъ же наивно, какъ думать, что для наступленія хорошей погоды достаточно передвинуть пальцемъ стрѣлку барометра.

Правда, бываютъ случаи, когда та или иная стачка приводитъ къ повышенію заработной платы, но это, какъ говорятъ они, значитъ только то, что повышеніе платы все равно должно было бы

---

[9]) Въ нашей Economie Sociale мы исчисляемъ номинальное повышеніе въ 150%, а дѣйствительное повышеніе—въ 110—120%.

произойти силою вещей. Стачка въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ на манеръ того легкаго щелчка, который даютъ по барометру, чтобы всегда нѣсколько вялой стрѣлкѣ облегчить движеніе за повышеніемъ ртути и быстрѣе прійти въ положеніе равновѣсія.

Для повышенія заработной платы было бы достаточно, слѣдовательно, свободнаго проявленія естественныхъ законовъ,—въ особенности, въ странѣ съ здоровымъ экономическимъ состояніемъ,—и возможно большей подвижности труда [10]).

Можно, дѣйствительно, согласиться съ доводами оптимистской школы, что естественные законы, т. е. уже указанныя нами причины—рѣдкость или изобиліе рабочихъ рукъ, привычныя условія жизни рабочаго и, особенно, высота общаго благосостоянія въ странѣ—съ теченіемъ времени опредѣляютъ норму заработной платы; можно также согласиться, что большая часть этихъ причинъ дѣйствительно оказываетъ вліяніе въ смыслѣ повышенія заработной платы. Тѣмъ не менѣе, было бы весьма неосторожно со стороны рабочаго класса довѣряться исключительно этимъ законамъ, ибо норма заработной платы болѣе, чѣмъ товарныя цѣны, склонна къ кристаллизаціи, о чемъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, то обстоятельство, что заработная плата опредѣляется обычаемъ въ мѣстностяхъ, гдѣ рабочіе не организованы, и, въ особенности, вдали отъ крупныхъ центровъ.

Допуская, что повышеніе заработной платы существуетъ, и что это повышеніе даже значительно, мы не можемъ не задать себѣ еще одинъ вопросъ: находится ли оно въ соотвѣтствіи съ развитіемъ общаго богатства и съ ростомъ дохода другихъ классовъ общества? Предположимъ, что вся масса дохода, предназначенная для раздѣла между собственниками и пролетаріями, составляла сто лѣтъ тому назадъ 10 милліардовъ, по 5 милліардовъ на каждый классъ; а теперь сумма дохода, предназначенная для раздѣла, поднялась, скажемъ, до 25 милліардовъ (число соучастниковъ въ дѣлежѣ остается то же), но пролетаріи получаютъ 10 милліардовъ, а собственники—15; въ такомъ случаѣ

---

[10]) Вотъ почему экономисты либеральной школы ищутъ исцѣленія въ коммерціализаціи рабочихъ рукъ путемъ учрежденія Биржъ труда (Молинари), гдѣ рабочія руки котировались бы и передавались бы, подобно бумажнымъ цѣнностямъ, или путемъ организаціи коммерческихъ обществъ труда (Ивъ Гюйо), которыя продавали бы трудъ своихъ членовъ туда, гдѣ на него наибольшій спросъ, подобно тому, какъ промышленныя общества продаютъ свой уголь или хлопокъ.

повышеніе заработной платы не представляетъ настоящаго улучшенія положенія рабочихъ: доля рабочихъ, предположимъ, удвоилась, но зато доля собственниковъ утроилась. У рабочихъ будетъ, пожалуй, больше благосостоянія, но они не чувствуютъ себя болѣе богатыми, ибо не слѣдуетъ забывать, что богатство—вещь относительная, и, такова уже природа человѣка, что даже зажиточность покажется ему нуждой по сравненію съ богатствомъ окружающихъ людей. Кромѣ того, съ точки зрѣнія соціальной справедливости, слѣдуетъ допустить, что рабочіе имѣютъ право не только на улучшеніе условій своего существованія, но и на увеличеніе дохода въ той же степени, въ какой возрастаетъ доходъ другихъ классовъ общества.—И такое право ихъ тѣмъ болѣе основательно, что экономисты либеральной школы, прежде Бастіа, теперь—Ивъ Гюйо, стараются доказать, что доля, получаемая трудомъ, пропорціонально возрасла больше, чѣмъ доля капитала.

Къ сожалѣнію, утвержденіе этой школы неправильно. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что денежная заработная плата больше, чѣмъ удвоилась; предположимъ даже, что за послѣднее столѣтіе она почти утроилась. Можно ли сказать, что если бы теперь раздѣлить весь доходъ на число населенія, то доля, которая пришлась бы на каждаго француза, была бы только въ два или три раза больше, чѣмъ 100 лѣтъ тому назадъ?—Если мы возьмемъ, напримѣръ, сумму цѣнностей, перешедшихъ по завѣщанію и дарственнымъ записямъ, то мы увидимъ, что она составляетъ (средняя за 1901—1906 гг.) 6600 милліоновъ франковъ[11]), въ 1874 году она составляла только 2055 милліоновъ, въ 1829 г.—1412 м., и въ началѣ XIX ст. она не должна была превышать одного милліарда. Отсюда можно заключить, что вся сумма частныхъ состояній за XIX столѣтіе болѣе, чѣмъ ушестерилась.

Правда, вышеприведенныхъ данныхъ еще недостаточно для доказательства того, что доля каждаго капиталиста увеличилась въ одинаковой мѣрѣ, ибо, очевидно, число капиталистовъ, т. е.

---

[11]) 5600 мил. фр. плюсъ перешедшіе по наслѣдству (собственно, 5200 мил., если вычесть долги, но такъ какъ исключеніе долговъ стало производиться при вычисленіи, только съ 1901 г., то оно не должно итти въ счетъ при сопоставленіи приводимыхъ данныхъ) и 1 милліардъ—по дарственнымъ записямъ. Для 1907 г. 5900 мил.—по наслѣдству и 1038—по дарственнымъ записямъ. Въ общемъ, слѣд., около 7 милліардовъ, не считая скрытыхъ суммъ!

соучастниковъ въ дѣлежѣ, тоже значительно увеличилось: населеніе Франціи за XIX ст. поднялось съ 28 до 39 милліоновъ. Это составляетъ увеличеніе на 40%, а въ классѣ капиталистовъ оно было, конечно, ниже средняго. Вѣрно также и то, что классъ капиталистовъ пополнился нѣкоторыми счастливыми выходцами изъ рабочаго класса. Несмотря, однако, на все это, можно, кажется, сдѣлать выводъ, что доля капиталиста возрасла больше, чѣмъ доля рабочаго. По нашему мнѣнію, ее можно считать учетверившейся.

V.

О конфликтахъ между рабочими и предпринимателями.

При обыкновенныхъ условіяхъ, когда рабочій договаривается съ хозяиномъ о д и н ъ, онъ по необходимости находится въ невыгодномъ положеніи: онъ не можетъ ни защищать, ни даже оспаривать своей заработной платы и долженъ либо принять предложеніе капиталиста, либо отказаться. И, если рабочій голоденъ, онъ капитулируетъ. И вотъ по какимъ соображеніямъ:

1) Капиталистъ можетъ ждать, а рабочій не можетъ. Послѣдній находится въ положеніи купца, которому безусловно необходимо продать свой товаръ, чтобы жить, а товаромъ здѣсь является рабочая сила.

2) Предприниматель можетъ обойтись безъ даннаго рабочаго, когда тотъ не состоитъ въ организаціи, а рабочему не такъ-то легко обойтись безъ предпринимателя. Всегда можно найти другого рабочаго: въ крайнемъ случаѣ, можно выписать его изъ-за границы или даже замѣнить машиной. Но не такъ-то легко найти другого предпринимателя: его не привезешь ни въ поѣздѣ, ни на пароходѣ и не найденъ секретъ замѣнить его машиной.

3) Предприниматель лучше знакомъ съ положеніемъ рынка и, при заключеніи договора, можетъ руководиться соображеніями, неизвѣстными рабочему, а, главное, предпринимателю легко сговориться со своими коллегами или, по крайней мѣрѣ, знать, что они дѣлаютъ.

Но стоитъ только рабочему вступить въ союзъ со своими товарищами по ремеслу, какъ уже положеніе договаривающихся сторонъ до нѣкоторой степени уравнивается, потому что:

1) Союзъ даетъ рабочему возможность отказаться отъ работы, поддерживая его во время безработицы пособіемъ за счетъ взносовъ его товарищей. Если у союза имѣется достаточный фондъ, онъ создаетъ кассу вспомоществованія на случай безработицы;

2) Союзъ устанавливаетъ солидарность между всѣми рабочими данной отрасли производства, такъ что патрону приходится вступать въ соглашеніе не съ однимъ рабочимъ, а со всѣми. На мѣстѣ индивидуальнаго договора, являющагося каррикатурой на договоръ, возникаетъ договоръ коллективный;

3) Союзъ предлагаетъ рабочему услуги справочнаго бюро, во главѣ котораго стоятъ компетентные и опытные руководители, способные оріентироваться въ положеніи на рынкѣ такъ же хорошо, какъ и капиталисты, и удерживать, такимъ образомъ, рабочихъ отъ невыгодныхъ сдѣлокъ.

Поэтому экономистамъ, заявляющимъ, что рабочіе союзы не могутъ произвольно устанавливать норму заработной платы, слѣдуетъ отвѣтить, что союзы и не имѣютъ такой претензіи, а что они хотятъ только получить такую заработную плату, которая соотвѣтствуетъ общему состоянію рынка, и отказываются отъ заработной платы, навязываемой случайными обстоятельствами, напр., такимъ обстоятельствомъ, что рабочему нечего ѣсть или что у него многочисленная семья.

Однако, это свое право сговариваться и организоваться въ союзы рабочіе завоевали совсѣмъ недавно.

Правда, профессіональныя рабочія ассоціаціи восходятъ къ рабочимъ ассоціаціямъ Рима и древности чрезъ ассоціаціи среднихъ вѣковъ, но не чрезъ цеховыя корпораціи, которыя обыкновенно состояли изъ мастеровъ и преемниковъ которымъ слѣдовало бы скорѣе искать въ союзахъ капиталистовъ нашего времени, а чрезъ братства (compagnonages). Но этотъ почтенный институтъ былъ уничтоженъ,—по крайней мѣрѣ, во Франціи,—законами Революціи и, какъ пережитокъ стараго порядка, покорился той же участи, какая постигла и цеховыя корпораціи мастеровъ. Только спустя сто лѣтъ законъ (изд. 21 марта 1884 г. по иниціативѣ Вальдека Руссо) возстановилъ право рабочихъ (и хозяевъ тоже) вступать въ ассоціаціи, называемыя во Франціи syndicats professionnels (профессіональными союзами).

Стачка, т. е. отказъ отъ работы, обыкновенно разсматривается, какъ единственная цѣль и существенная функція профессіо-

нальнаго союза, но это грубая ошибка. Хорошо организованный профессіональный союзъ можетъ одержать побѣду, не прибѣгая къ стачкѣ, подобно генералу, не вступающему въ сраженіе, и наилучше организованные и наиболѣе могущественные союзы рѣже всего устраиваютъ стачки. Тѣмъ не менѣе, стачка составляетъ ultima ratio, когда всѣ другія средства исчерпаны. Въ самомъ дѣлѣ, что такое стачка? Стачка не есть простой отказъ отъ работы, ибо такое дѣйствіе никогда не наказывалось закономъ, но въ то же время она не есть прекращеніе начатой работы, ибо нарушеніе рабочаго договора, какъ нарушеніе всякаго договора, заключеннаго не на опредѣленный срокъ, не воспрещается закономъ. Стачка есть способъ принужденія, направленнаго одной изъ договаривающихся сторонъ противъ другой съ цѣлью заставить эту послѣднюю измѣнить извѣстныя условія договора, напримѣръ, повысить условленную заработную плату. Стачка—не единственное средство принужденія: могутъ быть и другія средства, напримѣръ, саботажъ, но въ стачкѣ принужденіе заключается въ неожиданномъ прекращеніи работъ и проистекающемъ отсюда для предпринимателя вредѣ. Это средство является, впрочемъ, дѣйствительнымъ постольку, поскольку оно проводится въ жизнь коллективно, большимъ числомъ рабочихъ, всѣми безъ исключенія рабочими завода и даже, по возможности,—что дѣлаетъ стачку еще болѣе страшной — всѣми рабочими данной отрасли промышленности, чтобы хозяева не могли прійти другъ къ другу на помощь,—или, наконецъ, даже всѣми рабочими всѣхъ отраслей промышленности, что приводитъ ко всеобщей стачкѣ,—наивысшей угрозѣ, теоретически, по крайней мѣрѣ. Предварительный уговоръ, коалиція (таково и юридическое наименованіе стачки), составляетъ поэтому характерную черту стачки.

На стачку надо смотрѣть, какъ на военную мѣру, ибо она преслѣдуетъ цѣль получить путемъ принужденія то, что не могло быть получено путемъ добровольнаго соглашенія. Почему и тактика стачечной борьбы стремится все болѣе и болѣе подражать военной тактикѣ: — открытіе непріязненныхъ дѣйствій безъ предварительнаго предупрежденія, чтобы застать врасплохъ;—организація генеральнаго штаба изъ руководителей профессіональнаго союза или Всеобщей Конфедераціи Труда; — устройство главной квартиры, каковой является Биржа Труда, интендантское вѣдомство, „коммунистическіе обѣды“ для кормленія стачечниковъ и

ихъ семей, эвакуація дѣтей въ другіе города для сбереженія своихъ рессурсовъ;—разстановка часовыхъ и пикетовъ у входовъ въ заводы, чтобы не пропускать неучаствующихъ въ стачкѣ, „желтыхъ“, на заводъ, или даже у входовъ на вокзалы, чтобы встрѣчать пріѣзжающихъ рабочихъ и отговаривать; — и, наконецъ, слишкомъ часто вооруженная борьба либо противъ „ренегатовъ“, либо противъ войска, защищающаго послѣднихъ, иногда даже поджогъ заводовъ; — не налицо ли здѣсь всѣ признаки военной борьбы? Такъ именно и понимаетъ стачку рабочая и синдикалистская партія: она видитъ въ ней типичную форму классовой борьбы.

Не удивительно поэтому, что стачка, или коалиція, составляла во всѣхъ странахъ, до самаго послѣдняго времени, преступленіе, предусмотрѣнное и наказуемое уголовнымъ закономъ. Однако, во Франціи право стачки было признано раньше права ассоціацій, ибо законъ, отмѣнявшій наказаніе за стачки, былъ изданъ 25 мая 1864 г., между тѣмъ, какъ законъ, признающій право профессіональной ассоціаціи, существуетъ, какъ мы только что видѣли, съ 21 марта 1884 г. Нынѣ никто не оспариваетъ законность стачки, и впервые провозгласили ее экономисты либеральной школы задолго до того, какъ она была признана въ законѣ.

Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда стачка является опасной для государства, возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли сохранить наказуемость ея, напримѣръ, для состоящихъ на службѣ у государства чиновниковъ и рабочихъ. За послѣдніе годы въ различныхъ странахъ возникали стачки почтовыхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, рабочихъ въ арсеналахъ и даже полицейскихъ въ Ліонѣ въ 1906 г.!

Правительства всѣхъ странъ, не исключая и французской республики, самымъ энергичнымъ образомъ отказывались признать за своими агентами, даже за тѣми, за которыми признано право союза, право на прекращеніе работы подъ предлогомъ стачки и разсматривали прекращеніе работъ, какъ бунтъ противъ власти. Въ одну категорію съ „государственной службой“ слѣдуетъ отнести и такія отрасли, какъ водопроводъ, освѣщеніе городовъ, желѣзнодорожная служба, хотя бы желѣзныя дороги находились въ частныхъ рукахъ, ибо прекращеніе работъ въ этихъ отрасляхъ не менѣе вредно для общественной безопасности, чѣмъ стачки той или другой категоріи чиновниковъ. Поэтому англійскій законъ строго караетъ за стачку въ первыхъ двухъ изъ только что ука-

занныхъ отраслей, а голландскій караетъ за стачку на желѣзныхъ дорогахъ. Во Франціи, вслѣдствіе недавнихъ стачекъ среди рабочихъ на электрическихъ станціяхъ, дважды погружавшихъ Парижъ во мракъ, возникъ вопросъ о принятіи репрессивныхъ мѣръ,—вопросъ чрезвычайно затруднительный, ибо трудно найти границу, на которой можно было бы остановиться. Въ самомъ дѣлѣ, если отнять право стачки у рабочихъ по освѣщенію, то почему не сдѣлать того же по отношенію къ булочникамъ? Безъ хлѣба городу обойтись еще труднѣе, чѣмъ безъ освѣщенія. Съ другой стороны, какое же наказаніе назначить за стачку? — Тюремное заключеніе? Но какъ же судить и заключить въ тюрьму тысячи людей? — Штрафъ?—Какъ же заставить рабочихъ заплатить его, если у нихъ ничего нѣтъ?—Разсчетъ? Это, дѣйствительно, единственное средство, но для него нѣтъ необходимости издавать особаго закона, ибо хозяинъ во всякое время можетъ разсчитать рабочаго, не исполняющаго или плохо исполняющаго свои обязанности. Но фактически къ этому средству прибѣгаютъ рѣдко и хозяева, и еще рѣже государство. Стачка, какъ военная мѣра, по самой природѣ своей, не поддается преслѣдованію со стороны закона. Поэтому мы думаемъ, что законъ долженъ ограничиться наказаніемъ такихъ дѣйствій, сопровождающихъ стачку, которыя носятъ характеръ покушеній на свободу личности или на частную собственность, оставляя на попеченіе общественнаго мнѣнія заботу о прекращеніи стачекъ, причиняющихъ вредъ повседневной жизни общества.

Контроль общественнаго мнѣнія далеко не иллюзорная гарантія! Общество остается равнодушнымъ или даже сочувствующимъ стачечникамъ, пока оно видитъ въ стачкѣ только конфликтъ между рабочими и капиталистомъ. Но оно выходитъ изъ состоянія безразличія, разъ усматриваетъ въ стачкѣ покушеніе на свои интересы или опасность лишиться возможности удовлетворять свои ежедневныя потребности. Этимъ объясняется то, что стачки почтовыхъ, трамвайныхъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ почти никогда не удавались,—ударъ приходился по потребителямъ. Съ теченіемъ времени потребители еще лучше поймутъ, что всякая стачка — прямо или косвенно — направляется противъ нихъ. Въ этомъ направленіи воспитательное вліяніе окажутъ на потребителя соціальныя лиги покупателей и потребительныя общества, и въ конечномъ счетѣ на потребителя придется разсчитывать, какъ на

третейскаго судью, призваннаго разрѣшать конфликты между капиталомъ и трудомъ.

Остается еще очень спорнымъ вопросъ о томъ, способствуютъ ли стачки повышенію заработной платы. Экономисты либеральной школы не склонны разрѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, ибо они думаютъ, что высота заработной платы, какъ и цѣна товаровъ, опредѣляется естественными законами, стоящими выше всякихъ споровъ и уговоровъ заинтересованныхъ сторонъ. Мы же не думаемъ, чтобы можно было оспаривать вліяніе этой насильственной мѣры на повышеніе заработной платы, въ особенности же, на сокращеніе продолжительности рабочаго дня, ибо какъ разъ въ этомъ отношеніи совершенно непонятно дѣйствіе естественныхъ законовъ. О дѣйствительности стачекъ не слѣдуетъ судить только по отмѣченному статистиками [12]) числу удавшихся или неудавшихся стачекъ. Одна увѣнчавшаяся успѣхомъ стачка можетъ повысить заработныя платы во многихъ отрасляхъ промышленности. Наконецъ, на повышеніе величины заработной платы дѣйствуетъ не столько сама стачка, сколько постоянное опасеніе стачки.

Экономисты, отрицающіе дѣйствительность стачекъ, какъ средства для повышенія заработной платы, замѣчаютъ, что заработная плата бываетъ, по крайней мѣрѣ, равной или выше въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ никогда не было стачекъ, и даже въ тѣхъ, гдѣ нѣтъ организованныхъ профессіональныхъ союзовъ, напримѣръ, у сельскихъ рабочихъ и домашней прислуги.—Но почему? Потому, что на заработной платѣ ихъ отразилось косвенно повышеніе платы въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ рабочіе организованы. Заработная плата въ деревнѣ поднялась потому, что сельскіе рабочіе покидали свои мѣста и направлялись въ города, куда привлекалъ ихъ болѣе высокій заработокъ. Точно также и жалованье домашней прислуги испытывало на себѣ вліяніе нормы заработной платы индустріальныхъ рабочихъ. Въ конечномъ счетѣ организованныя отрасли промышленности начинаютъ играть роль регуля-

---

[12]) Согласно многочисленнымъ статистическимъ даннымъ по этому предмету, опубликованнымъ во всѣхъ странахъ, слѣдуетъ считать изъ всего количества стачекъ, въ среднемъ, 20—25% окончившихся полнымъ успѣхомъ, 30—40%—неудачныхъ и 35—50%—взаимными уступками, такъ что рабочіе получаютъ болѣе или менѣе значительныя выгоды въ болѣе, чѣмъ половина, а часто и въ $^2/_3$ случаевъ стачекъ.

тора рабочаго рынка, тогда какъ раньше было наоборотъ: на рабочій рынокъ тяжелымъ бременемъ давила масса бѣдноты, — въ этомъ сказывается огромный экономическій и моральный прогрессъ.

Говорятъ также, что рабочіе теряютъ больше отъ стачки, чѣмъ выигрываютъ, даже въ случаѣ удачнаго исхода ея. Этимъ хотятъ сказать, что потерянная за время бездѣйствія заработная плата, сбереженія, израсходованныя за время стачки, и долги лавочникамъ составляютъ больше того, что можно получить отъ увеличенія заработной платы послѣ успѣшной стачки. Однако подсчетъ, произведенный во Франціи и Италіи, съ ариѳметической точностью показываетъ, что этотъ доводъ не основателенъ. Наоборотъ, увеличеніе заработной платы, полученное стачечниками, если даже оно остается только на одинъ годъ (предположеніе слишкомъ неблагопріятное для рабочихъ, ибо разъ отвоеванное повышеніе не легко отбирается назадъ), составляетъ, по исключеніи изъ него потерянной заработной платы, довольно значительный доходъ.

Подобно тому, какъ политическія столкновенія, вызывавшія нѣкогда безконечныя войны, склоняются нынѣ къ развязкѣ, по крайней мѣрѣ, отчасти, путемъ мировыхъ переговоровъ и третейскаго суда (постоянный третейскій судъ въ Гаагѣ), такъ и въ столкновеніяхъ между капиталомъ и трудомъ насильственная развязка путемъ стачки, т.-е. право сильнаго, начинаетъ уступать мѣсто примирительнымъ камерамъ и третейскимъ судамъ. Уже очень много существуетъ такихъ учрежденій, избранныхъ хозяевами и рабочими и функціонирующихъ довольно успѣшно.

Слѣдуетъ тщательно различать примирительныя камеры и третейскіе суды. Оба эти института отличаются одинъ отъ другого существенными чертами, хотя часто у нихъ бываютъ одни и тѣ же органы. Они разнятся между собою:

Во-первыхъ, по времени функціонированія. Примирительная камера обыкновенно дѣйствуетъ до возникновенія конфликта и для предупрежденія его. Третейскій судъ выступаетъ на сцену для улаженія уже затянувшагося конфликта;

Во-вторыхъ, по характеру дѣлопроизводства. Въ примирительной камерѣ присутствуютъ двѣ стороны, пытающіяся убѣдить другъ друга. Въ третейскомъ судѣ, кромѣ двухъ сторонъ, присутствуетъ третье лицо, и обѣ тяжущіяся стороны, какъ на коронномъ судѣ, стараются убѣдить это третье лицо;

Въ-третьихъ, главнымъ образомъ, по своимъ послѣдствіямъ.

Въ примирительной камерѣ стороны никакихъ обязательствъ на себя не принимаютъ: не удастся убѣдить противника, такъ разойдутся, и дѣлу конецъ. Въ третейскомъ судѣ непремѣнно выносится резолюція, и обѣ стороны заранѣе изъявляютъ согласіе подчиниться ей.

Такимъ образомъ, третейскій судъ является болѣе серьезнымъ институтомъ, и сторонамъ труднѣе соглашаться отдавать свой споръ на его разсмотрѣніе. Поэтому къ нему рѣдко прибѣгаютъ. Стороны не могутъ примириться съ обязательностью его рѣшенія.

Однако, въ Новой Зеландіи уже пятнадцать лѣтъ существуетъ обязательный третейскій судъ, настоящій судъ, юрисдикціи котораго никто не можетъ избѣгнуть. Это учрежденіе (законъ 21 декабря 1894 г.) приноситъ, повидимому, прекрасные результаты: онъ насаждаетъ соціальный миръ. Его начинаютъ вводить у себя и другіе штаты Австраліи. Слѣдуетъ, однако, сказать, что штаты Австраліи весьма незначительны по своему пространству, и профессіональные союзы рабочихъ представляютъ тамъ весьма могущественныя организаціи, объединяющія все рабочее населеніе. Тамъ, гдѣ профессіональныя организаціи существуютъ въ эмбріональномъ состояніи, нѣтъ никакихъ практическихъ средствъ сдѣлать третейскій судъ обязательнымъ и, въ особенности, надѣлить его карательной санкціей. Какъ, напримѣръ, можно было бы взыскать съ французскихъ профессіональныхъ союзовъ такіе огромные штрафы, которые были наложены на организованныхъ рабочихъ Новой Зеландіи (250 фр. съ каждаго рабочаго или 12.500 франковъ со всего союза), если они не захотятъ подчиниться рѣшенію суда [13])?

[13]) Во Франціи, по закону 27 декабря 1892 г., учреждены третейскіе суды и примирительныя камеры—необязательные, впрочемъ,—въ довольно нерѣшительной формѣ. На мирового судью возлагается обязанность склонять стороны къ соглашенію. Мировой судья можетъ вмѣшиваться въ дѣло ex officio только въ томъ случаѣ, когда объявлена стачка; или онъ можетъ вмѣшаться по просьбѣ одной изъ сторонъ. Если другая сторона отказывается явиться, то объ отказѣ ея дѣлается публичное объявленіе,—въ этомъ и состоитъ вся санкція суда. Если обѣ стороны изъявляютъ согласіе, онѣ называютъ своихъ представителей, которые и ведутъ пренія въ присутствіи судьи. Если пренія не приводятъ ни къ какому результату, судья предлагаетъ сторонамъ избрать третейскаго судью (самъ мировой судья не можетъ быть третейскимъ судьей за отсутствіемъ у него техническихъ свѣдѣній); стороны могутъ принять это предложеніе, или отказаться отъ него. Изъ 100 стачекъ около 9 оканчиваются въ примирительныхъ камерахъ и 1 въ третейскихъ судахъ.

Между ролью судьи въ гражданскомъ процессѣ и ролью судьи, разбирающаго конфликты между капиталомъ и трудомъ, всегда будетъ существовать та капитальная разница, что первый судитъ на основаніи писанаго закона или, по крайней мѣрѣ, общепризнанныхъ принциповъ права, тогда какъ у второго нѣтъ никакого критерія. Рабочій требуетъ заработную плату въ 5 фр., а хозяинъ заявляетъ, что онъ можетъ дать только 4 фр. На основаніи какого, я ужъ не говорю—писанаго, а экономическаго или нравственнаго закона можетъ третейскій судья вынести свое рѣшеніе? На основаніи справедливой заработной платы? Но что это за плата? Что же будетъ дѣлать третейскій судья? Разрѣжетъ грушу на двѣ половины, какъ говоритъ пословица, т.-е возьметъ немного у того, кто правъ, и дастъ кое-что тому, кто не правъ. Поэтому третейскаго суда требуетъ, главнымъ образомъ, та сторона, которая меньше всего права.

VI.

Вмѣшательство законодателя для защиты рабочихъ.

Съ начала XIX ст. и, особенно, къ концу его, государство начало вмѣшиваться въ отношенія между рабочимъ и капиталистомъ для того, чтобы: — 1) ограничить продолжительность работы; — 2) обезпечить рабочему гигіеническія условія и безопасность при работѣ; — 3) ограничить эксплоатацію путемъ рабочаго договора и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обезпечить минимумъ заработной платы; и, наконецъ,—4) распространить на чужія страны, путемъ международныхъ соглашеній, реформы, введенныя въ своей странѣ.

Однако, нельзя сказать, чтобы вмѣшательство государства было единственнымъ факторомъ этой регламентаціи. Предприниматель тоже внесъ сюда долю своего участія своими правилами внутренняго распорядка въ мастерской, и до самаго недавняго времени онъ же регламентировалъ по своему усмотрѣнію условія работы. Съ другой стороны, со времени возникновенія рабочихъ организацій профессіональные союзы тоже начинаютъ принимать все болѣе и болѣе дѣйствительное участіе въ регламентаціи труда, благодаря коллективнымъ договорамъ, налагающимъ обязательства на предпринимателей. Экономисты либеральной школы при этомъ

увѣряютъ, что вмѣшательства предпринимателей и рабочихъ вполнѣ достаточно, такъ что безполезно и излишне государству прикладывать свою тяжелую руку. Самые крайніе синдикалисты держатся того же мнѣнія, такъ какъ они стоятъ за прямое дѣйствіе (l'action directe), т. е. за то, чтобы рабочій классъ самъ осуществлялъ все то, что онъ считаетъ полезнымъ для себя, и они питаютъ глубочайшее презрѣніе къ реформамъ, вводимымъ государствомъ, и даже ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя ожидаютъ чего-нибудь отъ него.

Однако, экономическая исторія свидѣтельствуетъ о важности дѣйствія закона въ этой области. Когда ссылаются на примѣръ Англіи, гдѣ закономъ не ограничивается трудъ взрослыхъ и гдѣ, тѣмъ не менѣе, рабочіе сумѣли завоевать 9-тичасовой рабочій день, то забываютъ, что эта страна раньше другихъ ограничила закономъ трудъ дѣтей и подростковъ, и что это обстоятельство повліяло на продолжительность труда взрослыхъ. Во Франціи вмѣшательству государства предшествовала частная иниціатива, какъ со стороны предпринимателей, такъ равно и со стороны рабочихъ. Не слѣдуетъ забывать, что при господствѣ конкурренціи самый филантропическій предприниматель не можетъ ни сократить рабочаго дня, ни ввести двухнедѣльнаго отдыха, если его примѣру не послѣдуютъ его конкурренты: для осуществленія такой реформы необходимо изданіе обязательнаго для всѣхъ закона, а это можетъ сдѣлать только государство.

Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что законодательная регламентація остается пустымъ звукомъ тамъ, гдѣ она не опирается на сильныя рабочія организаціи, а также на общественное мнѣніе.

Изъ четырехъ приведенныхъ нами выше предметовъ регламентаціи самымъ важнымъ является ограниченіе продолжительности труда. Получаемая заработная плата—одна сторона вопроса о наемномъ трудѣ; другая сторона—доставленный трудъ. Улучшеніе положенія рабочаго можетъ зависѣть какъ отъ сокращенія усилія, такъ равно и отъ увеличенія дохода.

Уменьшеніе рабочаго дня—одна изъ самыхъ важныхъ реформъ нашего времени. Соціалисты видятъ въ ней орудіе эмансипаціи рабочаго, частичнаго освобожденія его отъ эксплоатаціи, дающее ему возможность подготовиться къ соціальной и политической борьбѣ. Рабочіе видятъ въ ней возможность меньше работать,

сохраняя прежнюю заработную плату. Но главное значеніе этой реформы въ томъ, что, обезпечивая рабочему необходимый досугъ, во время котораго онъ могъ бы разсѣяться, т. е. переставъ бы чувствовать себя машиной для производства и сталъ бы человѣкомъ на нѣсколько часовъ въ день,—эта реформа способствуетъ повышенію интеллектуальнаго, моральнаго и даже физическаго уровня рабочаго. Жизнь рабочаго не исчерпывается его профессіей: ему необходимо время и на семейную, и на гражданскую, и на интеллектуальную жизнь [14]).

Вопросъ о сокращеніи рабочаго времени ставится различно, смотря по тому, о комъ идетъ рѣчь: о дѣтяхъ, о женщинахъ или о мужчинахъ.

Что касается дѣтей, то въ настоящее время всѣ культурныя страны, за малыми и постыдными исключеніями, запрещаютъ дѣтскій трудъ на фабрикахъ. Колеблется только возрастъ, до котораго воспрещается работа: въ Англіи—до 12 лѣтъ, во Франціи—до 13, ибо въ эти годы заканчивается обязательное обученіе, и ребенокъ долженъ получить свидѣтельство объ окончаніи курса.

Для подростковъ въ 13—18 лѣтъ законъ ограничивается установленіемъ предѣльнаго рабочаго дня: во Франціи (съ 1904 г.)—10-ти часового; въ Англіи для подростковъ въ 10—14 лѣтъ—половины рабочаго дня взрослыхъ.

Что касается женщинъ, то вопросъ становится нѣсколько сложнѣе. Нѣкоторые непримиримые умы требовали полнаго исключенія женщинъ изъ фабрикъ и приводили много основательныхъ доводовъ:—разрушеніе семейнаго очага, страшная смертность среди покинутыхъ дѣтей, опасность фабричной жизни для нравственности дѣвушекъ и женщинъ, для здоровья послѣднихъ во время беременности и т. д. Но, въ противовѣсъ этимъ доводамъ, слѣдуетъ сказать, что въ наше время, когда очень много говорятъ объ эмансипаціи женщины и равенствѣ половъ, право, неудобно отмѣчать всѣхъ женщинъ какъ бы печатью неспособности ихъ зарабатывать себѣ пропитаніе своимъ трудомъ.

По отношенію къ женскому труду законъ остановился на по-

---

[14]) Одной изъ причинъ неудачнаго опыта съ народными университетами былъ, конечно, слишкомъ длинный рабочій день: рабочіе приходили слишкомъ поздно и слишкомъ усталыми, чтобы слушать лекціи.

лумѣрѣ. Женщинамъ не воспрещается работать на фабрикахъ, но трудъ ихъ регламентируется слѣдующими правилами:

а) ограниченный рабочій день: во Франціи 10 часовъ;

б) запрещается ночной трудъ, съ исключеніями, которыя на практикѣ приводятъ къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ;

в) запрещается работать въ шахтахъ;

г) воспрещается работать въ теченіе нѣсколькихъ недѣль до и послѣ родовъ. Но это правило не извѣстно еще французскому закону.

Еще болѣе труднымъ оказывается вопросъ о взрослыхъ мужчинахъ. Доводъ либеральной школы противъ ограниченія рабочаго времени взрослыхъ уже заранѣе извѣстенъ: взрослымъ людямъ должно быть предоставлено право самимъ распоряжаться своимъ временемъ и трудомъ, они сами—лучшіе судьи своихъ интересовъ.—Но на это можно возразить, что при режимѣ крупной промышленности, фактически не существуетъ у рабочаго свободы распоряженія своимъ временемъ. Рабочій долженъ по звонку приходить на заводъ и уходить съ него. Каково бы ни было его личное желаніе, онъ долженъ проводить на работѣ столько часовъ, сколько положено не хозяиномъ даже, а обычаемъ или конкурренціей. Въ такомъ случаѣ, ставится вопросъ уже не о свободѣ рабочаго, а о благодѣтельности сокращенія времени работы для прогресса рабочаго класса и націи въ цѣломъ. И опытъ странъ, уже осуществившихъ у себя эту реформу, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи.

Сокращеніе рабочаго дня не ведетъ непремѣнно къ уменьшенію производства и пониженію заработной платы (одно изъ возраженій, чаще всего выдвигаемое противъ реформы), какъ это можно было бы подумать съ перваго взгляда. Рабочіе, не надорванные работой, не одичавшіе, имѣющіе досугъ для интеллектуальнаго, моральнаго и физическаго развитія, произведутъ больше, и, если они производятъ больше, нѣтъ основанія уменьшать заработную плату. И, дѣйствительно, мы видимъ, что страны (Австралія, Соединенные Штаты, Англія) съ кратчайшимъ рабочимъ днемъ имѣютъ въ то же время наивысшую заработную плату и наибольшую производительность. Для того, чтобы сокращеніе продожительности труда дало хорошіе результаты, нужны нѣкоторыя условія, которыя имѣются не во всѣхъ странахъ:—1) Прежде всего, необходимо, чтобы рабочіе согласились интенсифицировать свой

трудъ настолько, чтобы восполнить уменьшеніе рабочаго дня. Но рабочіе, во Франціи, напримѣръ, не хотятъ этого дѣлать, утверждая, что въ такомъ случаѣ они ничего не выиграли бы, а выигралъ бы ихъ хозяинъ. Они хотятъ сокращеніемъ рабочаго дня заставить хозяина взять больше рабочихъ, что повело бы по ихъ мнѣнію, къ уничтоженію безработицы и къ повышенію заработной платы; — 2) Надо, чтобы рабочіе, согласившіеся доставлять больше труда въ меньшее время, могли сдѣлать это, такъ какъ не всѣ расы способны дать столько напряженія и энергія, сколько требуется интенсификаціей труда;—3) Наконецъ, необходимы довольно усовершенствованныя орудія производства, а это уже дѣло хозяина, рабочій ничего не можетъ тутъ сдѣлать.— Благодаря отсутствію этихъ условій происходило то, что внезапно введенное сокращеніе рабочаго дня приносило весьма печальные результаты, и отъ него приходилось отказываться.

Вотъ почему ограниченіе рабочаго дня для взрослыхъ мужчинъ по закону существуетъ, какъ исключеніе. Болѣе полвѣка тому назадъ Франція подала въ этомъ примѣръ закономъ 1848 года: день былъ ограниченъ 12 часами, но фактически законъ этотъ, опередившій экономическую эволюцію, остается мертвой буквой до самаго послѣдняго времени. Нѣкоторыя другія страны (Швейцарія, Австрія, Норвегія, Россія, Испанія) послѣдовали за Франціей позднѣе и установили максимальную продолжительность дня въ 11 ч.

Извѣстно, что рабочіе требуютъ бо́льшаго: Трехъ Восьмерокъ (восемь часовъ для труда, восемь—для отдыха, восемь—для сна [15]). Но этотъ минимумъ еще ни въ одной странѣ закономъ не установленъ. Фактически онъ примѣняется въ Австраліи, гдѣ онъ былъ отвоеванъ трэдъ-юніонами еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Въ Англіи продолжительность труда—54 часа въ недѣлю, что составляетъ приблизительно по $9^1/_2$ часовъ на день и 6 часовъ въ субботу. Въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ день не короче. Во Франціи въ крупной индустріи продолжительность дня колеблется отъ 10 до 11 часовъ.

---

[15]) Это припѣвъ къ одной старой англійской пѣснѣ, которая насчитываетъ не три, а четыре восьмерки:

Eight hours to work, eight hours to play,
Eight hours to sleep, eight shillings a day!
(Восемь часовъ для работы, восемь часовъ для забавы,
Восемь часовъ для сна, восемь шиллинговъ въ день!)

Рабочій день чрезмѣрно длиненъ, главнымъ образомъ, въ кустарной промышленности, гдѣ процвѣтаетъ благодаря этому (а также благодаря ничтожной заработной платѣ, нездоровымъ условіямъ труда, исполняемаго въ жиломъ помѣщеніи, иногда въ единственной комнатѣ, гдѣ живетъ цѣлая семья, и посредничеству между хозяиномъ и рабочимъ мелкихъ предпринимателей) sweating System (см. стр. 177). Здѣсь вмѣшательство закона принесло бы самые благодѣтельные плоды. Но здѣсь-то и трудно вмѣшаться закону, съ точки зрѣнія правовой, ибо законъ не долженъ проникать въ частное помѣщеніе, и, съ точки зрѣнія практической, ибо чрезвычайно трудно установить фабричный надзоръ.

Часто повторяютъ, что въ наше время экономическая солидарность или, лучше сказать, конкурренція между отдѣльными народами становится столь интенсивной, что невозможно странамъ въ одиночку вводить у себя ограниченіе рабочаго дня, не рискуя ухудшить своего положенія на міровомъ рынкѣ. Поэтому возникаетъ желаніе притти къ общему соглашенію, и проблема становится такимъ образомъ международной, что́ однако не облегчаетъ разрѣшенія ея! Правда, международное соглашеніе было бы полезнымъ, но ожиданіе этого соглашенія не должно служить для каждой отдѣльной страны предлогомъ подождать у себя съ реформой. Опытъ показалъ, что народы, довольно далеко ушедшіе впередъ въ моральномъ отношеніи по вопросу объ ограниченіи рабочаго времени, и въ индустріальномъ отношеніи стоятъ достаточно высоко, чтобы не бояться конкурренціи странъ съ продолжительнымъ рабочимъ днемъ. И, само собою разумѣется что для странъ съ одинаковыми приблизительно культурными условіями желательно введеніе у себя одинаковыхъ правилъ регламентаціи труда. Въ этомъ направленіи и были сдѣланы за послѣдніе годы нѣкоторыя попытки: путемъ дипломатическихъ переговоровъ въ 1890 г. семь государствъ пришли къ соглашенію о запрещеніи бѣлаго фосфора, въ 1906 г. четырнадцать государствъ —о запрещеніи ночного труда женщинъ; въ 1904 г. франко-итальянскимъ трактатомъ установлены правила относительно несчастныхъ случаевъ во время работы, участія въ сберегательныхъ кассахъ и т. д.

VII.

Страхованіе риска.

Пожеланія рабочаго не ограничиваются полученіемъ достаточной заработной платы и облегченіемъ труда. Есть еще одно условіе, безъ котораго жизнь рабочаго полна огорченій, — это безопасность: человѣкъ, работающій изо дня въ день, долженъ быть гарантированъ отъ риска ежеминутно лишиться работы, а, слѣдовательно, и пропитанія. Существуютъ три опасности, общія у рабочаго съ другими людьми, а именно: болѣзнь, старость и смерть, и даже четыре, если отдѣльно считать инвалидность,—и двѣ опасности, свойственныя его положенію: несчастные случаи и безработица. Всего шесть, — многовато! Всѣ онѣ ведутъ къ одному и тому же результату, лишая рабочаго временно или разъ навсегда заработной платы и приводя его и его семью къ нищетѣ. Но что же онъ одинъ можетъ сдѣлать противъ столькихъ враговъ? Не много.

Ведя умѣренный образъ жизни и соблюдая указанія гигіены, насколько это позволяетъ его скромный бюджетъ, рабочій можетъ избѣжать отчасти болѣзней и отдалить моментъ наступленія старости и смерти. Но избѣжать двухъ другихъ опасностей внѣ его силъ. Благоразуміе капиталистовъ и контроль государства могутъ кое-что сдѣлать для предупрежденія несчастныхъ случаевъ. И, дѣйствительно, количество несчастныхъ случаевъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, не исключая и рудниковъ, постоянно и значительно сокращается по отношенію къ числу занятыхъ рабочихъ. Что касается безработицы, то рабочій, очевидно, не можетъ помѣшать наступленію ея.

Путемъ сбереженія рабочій можетъ отложить кое-что про черные дни или на старость. Но кто же можетъ сказать, что сбереженія бѣдняка будетъ достаточно для обезпеченія рабочему или его семьѣ эквивалента заработной платы, которой онъ или его семья лишатся вслѣдствіе фатальной случайности, продолжительной болѣзни, инвалидности отъ несчастнаго случая или старости?

Если же рабочій безсиленъ самъ помочь себѣ, не слѣдуетъ ли за помощью обратиться къ другимъ?—Къ кому?—Къ предпринимателю и государству.

а) Къ предпринимателю,—по крайней мѣрѣ, по поводу профессіональнаго риска отъ несчастныхъ случаевъ и безработицы: поскольку при современномъ строѣ наемнаго труда рабочій является лишь орудіемъ производства на службѣ у хозяина, послѣдній долженъ нести издержки по порчѣ и изнашиванію этого орудія, какъ онъ несетъ издержки по порчѣ своихъ машинъ; что касается безработицы, то за нее до нѣкоторой степени является отвѣтственнымъ тоже хозяинъ, который можетъ предупредить ее путемъ соотвѣтствующаго регулированія своего производства, какъ это онъ дѣлаетъ, прибѣгая къ синдикатамъ и картелямъ во избѣжаніе убыточной реализаціи продуктовъ своего производства.

Даже за опасности, общія рабочему со всѣми людьми—болѣзнь, старость, смерть—нѣкоторая отвѣтственность можетъ пасть на предпринимателя, поскольку болѣзнь можетъ возникнуть, а старость и смерть преждевременно наступить вслѣдствіе отсутствія гигіеническихъ условій работы въ мастерской. Слишкомъ хорошо извѣстно, что профессіональныя болѣзни бываютъ чаще, а старость и смерть наступаютъ быстрѣе у рабочихъ, чѣмъ у другихъ классовъ общества. Поэтому нисколько не было бы противно справедливости—призвать предпринимателей къ участію, отчасти, въ страхованіи рабочихъ противъ этихъ послѣднихъ опасностей.

б) Къ государству,—какъ представителю націи и въ силу закона соціальной солидарности, согласно которой всѣ члены общества, пользующіеся плодами производства, участвуютъ также и во всѣхъ связанныхъ съ нимъ расходахъ. Это замѣчаніе относится въ особенности къ безработицѣ, которая обыкновенно вызывается соціальными причинами.

Принимая на себя обязательство обезпечить рабочаго отъ послѣдствій риска, государство въ правѣ зато возложить на рабочаго обязанность участвовать въ страхованіи въ мѣру своихъ рессурсовъ и призвать къ этому также и предпринимателя. Такимъ образомъ, принятое на себя государствомъ обязательство ведетъ, какъ это вполнѣ естественно, къ установленію о б я з а т е л ь н а г о с т р а х о в а н і я.

Эти двѣ черты: обязательство страхованія для заинтересованныхъ и сотрудничество трехъ факторовъ (рабочаго, предпринимателя, государства) характеризуютъ, такъ называемую, нѣмецкую систему (въ Германіи она введена тремя извѣстными законами: 1883 г. о страхованіи противъ болѣзней, 1886 г. — противъ не-

счастныхъ случаевъ и 1889 г.—на случай старости). Сущность этой системы сводится къ слѣдующему.

По страхованію противъ болѣзней (и незначительныхъ несчастныхъ случаевъ, влекущихъ за собой неспособность къ труду не болѣе 13 недѣль) предприниматель долженъ платить $^1/_3$, а рабочій $^2/_3$ взносовъ на страховую премію.

По страхованію на случай старости и инвалидности половина взносовъ на страховую премію падаетъ на предпринимателя, а другая половина на рабочаго. Но такъ какъ тутъ требуются слишкомъ большіе расходы, то государство приходитъ обоимъ имъ на помощь, обязываясь вносить ежегодно по 50 марокъ на каждаго отслужившаго рабочаго. Слѣдуетъ отмѣтить, что доля, вносимая, государствомъ, остается неизмѣнной, какова бы ни была пенсія, и что, слѣдовательно, она относительно тѣмъ больше, чѣмъ меньше пенсія,—остроумный способъ одарять бѣдныхъ.

По страхованію противъ несчастныхъ случаевъ нѣмецкій законъ возлагаетъ расходы всецѣло на предпринимателя, освящая, такимъ образомъ, всеобще-признанный теперь принципъ, извѣстный подъ именемъ теоріи „профессіональнаго риска"; по этому принципу расходы по несчастному случаю должны входить въ общія издержки по предпріятію.

Созданный страхованіемъ механизмъ, обнимающій 24 милліона застрахованныхъ, распредѣляющій 900 милліоновъ франковъ премій или пенсій въ годъ, съ капиталомъ уже въ 2,700 милліоновъ франковъ, представляетъ самый грандіозный и самый смѣлый опытъ государственнаго соціализма. Однако, остается двѣ серьезныхъ опасности, противъ которыхъ онъ не защищаетъ рабочихъ: безработица и смерть. Противъ первой страхованіе оказалось слишкомъ труднымъ, а противъ второй—слишкомъ отяготительнымъ.

Во Франціи страхованіе на случай болѣзни предоставлено частной иниціативѣ заинтересованныхъ и практикуется въ формѣ обществъ взаимнаго вспоможенія [16]).

Законъ о страхованіи противъ несчастныхъ случаевъ (1898 г.) основанъ на принципѣ профессіональнаго риска. Въ страхованіи на случай старости воспроизводится нѣмецкая система съ нѣко-

---

[16]) Эти общества насчитываютъ 4 милліона членовъ, но среди нихъ рабочіе далеко не составляютъ большинства.

торыми измѣненіями [17]) (законъ 20 апрѣля 1910 г.); но этотъ законъ былъ встрѣченъ бурными протестами не только со стороны предпринимателей, но и со стороны членовъ обществъ взаимнаго вспоможенія, которые боятся конкурренціи обязательнаго страхованія, и даже со стороны рабочихъ, отказывающихся отягчать свою заработную плату налогомъ, которымъ большинство изъ нихъ, какъ говорятъ они, не сможетъ воспользоваться (умрутъ раньше 60 лѣтъ).

Въ отличіе отъ нѣмецкаго закона, имѣющаго въ виду, главнымъ образомъ, инвалидность, французскій законъ имѣетъ въ виду старость, и въ этомъ отношеніи онъ отвѣчаетъ чаяніямъ общества. Слѣдуетъ отмѣтить, что страхованіе на случай старости пользуется у французовъ большой популярностью, потому что всякій надѣется дожить до старости, между тѣмъ какъ страхованіе на случай инвалидности очень мало популярно, потому что никто не думаетъ стать когда-нибудь инвалидомъ. Съ другой стороны, обезпеченіе пенсіи, начиная съ инвалиднаго возраста—возможно менѣе преклоннаго—вполнѣ отвѣчаетъ національному характеру, ибо всякій французъ мечтаетъ сдѣлаться, въ концѣ концовъ, маленькимъ рантье. Прибавимъ, наконецъ, что страхованіе на случай старости порождаетъ значительно меньше поводовъ къ злоупотребленіямъ, чѣмъ страхованіе на случай инвалидности, такъ какъ старость опредѣляется безспорнымъ доказательствомъ въ формѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи, тогда какъ инвалидность опредѣляется медицинской экспертизой, часто неправильной и произвольной...

Наиболѣе постоянной и потому наиболѣе серьезной опасностью для рабочаго представляется безработица, т. е. перерывъ въ работѣ вслѣдствіе увольненія и трудности найти себѣ работу въ другомъ мѣстѣ,—вслѣдствіе увольненія, вызываемаго либо мертвымъ сезономъ, либо экономическимъ кризисомъ, приводящимъ къ остановкѣ или замедленію производства, либо закрытіемъ фабрики по случаю пожара, несостоятельности, смерти хозяина и т. д.

Смотря по отраслямъ промышленности и сезону, число безработныхъ можетъ колебаться отъ 2 до 12% въ квалифицированныхъ предпріятіяхъ и поднимается до 50% и больше среди рабо-

---

[17]) Вмѣсто 70 л. принято 60 л.—возрастъ, съ котораго выдается пенсія, и взносъ государствъ повышенъ съ 60 до 100 франковъ

чихъ нѣкоторыхъ подсобныхъ отраслей труда, какъ, напримѣръ, среди портовыхъ грузчиковъ. Къ счастью, въ теченіе года безработица поражаетъ не однихъ и тѣхъ же рабочихъ, а рабочихъ различныхъ отраслей промышленности. Но, тѣмъ не менѣе, каждый рабочій долженъ ожидать посѣщенія безработицы на 1—6 недѣль въ году, смотря по ремеслу. Противъ этого страшнаго зла имѣются двѣ мѣры, но мало дѣйствительныя.

1) Пріисканіе работы для безработнаго составляетъ задачу особыхъ учрежденій. Существуютъ платныя конторы по пріисканію работы. Но эти конторы прибѣгаютъ къ такимъ злоупотребленіямъ, что недавно во Франціи законъ предоставилъ городскимъ управленіямъ право экспропріаціи ихъ за извѣстное вознагражденіе и на условіяхъ замѣны ихъ безплатными городскими конторами. Существуетъ также множество филантропическихъ обществъ по пріисканію работы. Рабочіе профессіональные союзы хотѣли бы взять въ свои руки монополію по пріисканію мѣста для безработныхъ, потому что такая монополія дала бы имъ вѣрное средство рекрутировать въ союзы всѣхъ рабочихъ и установить надъ ними суверенный контроль путемъ раздачи мѣстъ благонадежнымъ товарищамъ. Само собою понятно, что предприниматели противятся посягательству союзовъ и стремятся сохранить функцію конторъ по пріисканію мѣстъ за собой, которую имъ тѣмъ легче отправлять, что они сами же и могутъ раздавать мѣста. Лучшіе результаты дали нѣмецкіе Paritätsbureaux, конторы, состоящія наполовину изъ рабочихъ и наполовину изъ предпринимателей и находящіяся подъ надзоромъ городскихъ самоуправленій.

Но пріисканіе работы является недостаточнымъ противъ безработицы средствомъ, ибо статистика показываетъ, что спросъ на мѣста всегда значительно превышаетъ число вакантныхъ мѣстъ. Чѣмъ объясняется такое явленіе, по существу довольно таинственное? Такъ много людей, нуждающихся въ самомъ необходимомъ для своего существованія, и въ то же время такъ много безработныхъ, которые могли заняться производствомъ необходимыхъ для жизни предметовъ! Почему, какъ нормальное явленіе, существуетъ излишекъ рабочихъ рукъ, что́ Марксъ называетъ резервной арміей труда? Потому, что, какъ мы указывали выше (см. стр. 104), машинизмъ и вообще все то, что называется индустріальнымъ прогрессомъ, стремится уменьшить количество труда, необходимаго для полученія даннаго результата.

Это, во всякомъ случаѣ, жестокая черта нашей экономической организаціи, свидѣтельствующая, повидимому, о томъ, что, выражаясь словами Марцелло изъ „Гамлета“, „не чисто что-то въ датскомъ королевствѣ“, если человѣкъ, желающій зарабатывать себѣ пропитаніе своимъ трудомъ, часто не въ состояніи при современныхъ условіяхъ сдѣлать этого. Поэтому соціализмъ, господствовавшій во время революціи 1848 г., требовалъ, чтобы право на трудъ было обезпечено государствомъ за каждымъ индивидомъ. Печальный опытъ съ національными мастерскими во время этой революціи, какъ извѣстно, связанъ съ этой идеей. Нынѣ не говорятъ уже о правѣ на трудъ. Признана полная невозможность для государства обезпечить каждому полезную работу, я хочу сказать, дѣйствительно продуктивную по своей цѣнности работу. Для рабочаго къ тому же важно не право на трудъ, а право на заработную плату, почему современный соціализмъ главнымъ своимъ требованіемъ и выставляетъ минимальную заработную плату, отодвигая на задній планъ соціализацію средствъ производства, которая превратитъ безработицу въ досугъ и сдѣлаетъ такимъ образомъ изъ зла добро.

2) Страхованіе, преслѣдующее цѣль вознагражденія безработнаго за причиненный ему вредъ путемъ возмѣщенія всей или части потерянной имъ заработной платы. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ видъ страхованія весьма трудно осуществить не только вслѣдствіе громадности и частой повторяемости риска, но и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что невозможно отличить истинную, непроизвольную безработицу отъ мнимой, произвольной. Поэтому ни одно страховое общество не пыталось принимать на себя этотъ рискъ, и нѣсколько попытокъ, сдѣланныхъ городскими самоуправленіями въ этомъ направленіи, дали печальные результаты. Подумать только, сколько оказалось бы безработныхъ, если бы государство обязалось выдавать страховую премію всѣмъ, не имѣющимъ работы!

Есть одно только учрежденіе, которое по природѣ своей способно до нѣкоторой степени осуществить это страхованіе,—рабочій профессіональный союзъ. Онъ одинъ въ состояніи отличить среди своихъ товарищей настоящихъ безработныхъ отъ мнимыхъ и изобличить симулянтовъ путемъ предписанія принять указанную работу. Съ другой стороны, страхованіе на случай безработицы является для союза весьма сильнымъ оружіемъ для

удержанія заработной платы на извѣстной высотѣ, ибо, благодаря страхованію, безработному дается возможность пережидать и не принимать работы на невыгодныхъ условіяхъ. Англійскіе трэдъюніоны назначаютъ часть своихъ средствъ на преміи во время безработицы. Къ сожалѣнію, профессіональные союзы другихъ странъ, не столь богатые, какъ англійскіе, ассигнуютъ на вознагражденіе безработнымъ весьма незначительныя суммы. Благодаря этому, возникла мысль о сотрудничествѣ профессіональныхъ союзовъ съ городскими управленіями по вопросу объ обезпеченіи безработныхъ: послѣднія доставляютъ необходимыя средства, а первые организуютъ страхованіе и выдаютъ, кому слѣдуетъ, страховыя преміи [18]).

VIII.

Будущее наемнаго труда.

Будетъ ли вѣчно существовать режимъ наемнаго труда или онъ представляетъ изъ себя преходящую фазу экономической эволюціи? Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которыхъ наилучшимъ образомъ выявляются характерныя черты экономическихъ школъ.

Либеральная школа провозглашаетъ, что наемный трудъ — законченный режимъ, ибо, по ея мнѣнію, договоръ о заработной платѣ — единственный и универсальный способъ вознагражденія всякаго труда. Лучшаго не найти, ибо это—„типъ свободнаго договора“. Тотъ фактъ, что онъ нашелъ такое распространеніе въ нашихъ современныхъ обществахъ, свидѣтельствуетъ о неоспоримыхъ преимуществахъ, сводящихся къ слѣдующему: 1) что касается рабочаго, то договоръ о платѣ обезпечиваетъ ему непосредственный, вѣрный и постоянный заработокъ; 2) съ точки зрѣнія общественнаго интереса, онъ оставляетъ за главой предпріятія, на ряду съ руководствомъ и отвѣтственностью, и право собственности на продукты.

[18]) Система, извѣстная подъ именемъ гентской системы, ставитъ своей задачей поддерживать всякое индивидуальное стремленіе къ обезпеченію себя на случай безработицы и не только въ формѣ взносовъ въ страховую кассу союза, но и въ формѣ вкладовъ въ сберегательную кассу.

Правда, эта школа не оспариваетъ того, что заработная плата часто бываетъ недостаточной и что желательно было бы увеличить ее; но, говоритъ школа, единственнымъ средствомъ для достиженія этого является полная свобода договора о заработной платѣ. Она рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ концепцію наемнаго труда, свойственную семейному или патріархальному быту. Равнымъ образомъ она признаетъ неправильнымъ опредѣленіе заработной платы обычаемъ или закономъ. Рабочаго и предпринимателя она ставитъ на одну доску, какъ продавца и покупателя, и, исходя изъ этого сравненія, предлагаетъ создать Биржи Труда (Молинари), гдѣ рабочія руки котировались бы, какъ движимыя цѣнности котируются на фондовыхъ биржахъ, или коммерческія общества труда (Ивъ Гюйо), которыя продавали бы рабочія руки своимъ членамъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ это доступно изолированнымъ рабочимъ. Что касается справедливой заработной платы, то школѣ неизвѣстно существованіе иной справедливой платы, кромѣ той, которая опредѣляется закономъ предложенія и спроса или естественными законами, потому что только такая заработная плата соотвѣтствуетъ соціальной справедливости. Для установленія справедливой заработной платы какой-нибудь властью существуетъ не больше основаній, чѣмъ для установленія справедливой цѣны хлѣба или угля, или справедливаго дохода капиталиста. Рабочій имѣетъ право на все то, что онъ можетъ заработать, ни больше, ни меньше.

Соціально-католическая школа пріемлетъ наемный трудъ, какъ нормальное и даже провиденціальное состояніе. Благодаря наемному труду, устанавливается сотрудничество богатаго и бѣднаго. Но заработную плату не слѣдуетъ оставлять на произволъ предложенія и спроса или свободнаго уговора между хозяиномъ и рабочимъ. Лучше было бы, если бы справедливая заработная плата опредѣлялась возстановленными корпораціями изъ рабочихъ и предпринимателей. А, за отсутствіемъ ихъ, долженъ вступиться законъ.

Соціалистическая школа видитъ въ наемномъ трудѣ историческую категорію, третій этапъ эволюціи. Подобно рабству и крѣпостничеству, наемный трудъ исчезнетъ, чтобы уступить мѣсто соціальному строю, въ которомъ трудящіеся, сдѣлавшись собственниками орудій производства, пріобрѣтутъ право на весь продуктъ своего труда. Характерную черту современнаго положе-

нія наемнаго труда составляетъ неизбѣжная зависимость рабочаго отъ предпринимателя и присвоеніе послѣднимъ продукта труда рабочаго. Это присвоеніе въ формѣ прибыли, процента или ренты неотдѣлимо отъ института частной собственности: уничтоженіе послѣдней—единственное средство уничтожить режимъ наемнаго труда.

Кооперативная или солидаристская школа, подобно предыдущей, тоже усматриваетъ въ наемномъ трудѣ только преходящій способъ вознагражденія за трудъ, присущій капиталистическому строю. Признавая, что наемный трудъ представляетъ величайшій прогрессъ въ порядкѣ вознагражденія ручного труда, эта школа въ то же время ставитъ ему въ упрекъ слѣдующее:

а) Режимъ наемнаго труда неизбѣжно создаетъ конфликтъ между интересами предпринимателя и рабочаго, подобно конфликту, существующему между продавцомъ и покупателемъ, ибо одинъ стремится дать возможно меньшую плату въ обмѣнъ на максимумъ труда [19]), а другой, напротивъ, доставить возможно меньше труда въ обмѣнъ на полученную плату, а это можетъ только обострить борьбу классовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ выше поднимается заработная плата, тѣмъ ниже упадетъ прибыль при прочихъ равныхъ условіяхъ [20]), и обратно. Эту именно мысль Рикардо выразилъ въ своей формулѣ: „норма прибыли колеблется всегда обратно пропорціонально нормѣ заработной платы". То же неизмѣнно доказывается непрекращающимися стачками. Такимъ образомъ, предприниматель и рабочій при современномъ экономическомъ строѣ представляются намъ, какъ два лица, вызвавшія другъ друга на

[19]) Въ анкетѣ, произведенной въ 1886 г. въ Бельгіи, мы находимъ слѣдующее заявленіе одного предпринимателя, проводимое Вандервельдомъ (Enquête sur les Associations professionnelles, t. III, p. 98): „Индустріальная наука состоитъ въ томъ, чтобы получить отъ человѣческаго существа возможно большую массу труда за самое низкое вознагражденіе".

[20]) Мы говоримъ и подчеркиваемъ: „при прочихъ равныхъ условіяхъ", ибо очевидно, что, если условія производительности измѣнятся, если, напримѣръ, вся масса продукта въ предпріятіи удвоится, одновременно могутъ удвоится заработная плата и прибыль. И въ новыхъ странахъ, гдѣ производительность велика, очень часто приходится наблюдать высокую заработную плату на ряду съ высокой прибылью. Но и въ этомъ случаѣ, тѣмъ не менѣе, существуетъ антагонизмъ интересовъ. Ибо не менѣе очевидно, что предприниматель получитъ еще больше, если ему удастся заплатить рабочему поменьше..

поединокъ и въ то же время не могущія обойтись одинъ безъ другого, какъ скованныя взаимной солидарностью.

б) Режимъ наемнаго труда отнимаетъ у рабочаго побужденіе хорошо работать и тѣмъ причиняетъ серьезный вредъ производству. Не имѣя права претендовать на прибыль предпріятія и заранѣе продавъ за опредѣленную цѣну свою часть въ продуктѣ труда, рабочій теряетъ всякій стимулъ къ труду, кромѣ страха быть уволеннымъ. Но если подобный стимулъ можетъ побудить рабочаго дать минимумъ труда, то его далеко не достаточно для того, чтобы побудить рабочаго наилучшимъ образомъ использовать свою производительную способность, и трудъ превращается въ барщину (см. стр. 118). Принудительный договоръ о платѣ осуждаетъ рабочаго на чисто пассивную роль и отнимаетъ у него всякій интересъ къ тому, какъ ведется предпріятіе. Кто же разубѣдитъ рабочихъ, что они не имѣютъ права на всѣ тѣ богатства, которыя вышли изъ ихъ рукъ. А, главное, какъ не взирать рабочимъ съ горечью на смѣняющіяся поколѣнія предпринимателей или акціонеровъ, обогащающихся на тѣхъ или другихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ рабочіе и отцы ихъ работали и все-таки остались бѣдняками. Дѣйствительно, они были только орудіемъ, руками, какъ говорятъ англичане. Правильное, но жестокое выраженіе. По-истинѣ несчастіе нашей общественной организаціи въ томъ и заключается, что человѣкъ въ ней можетъ быть только орудіемъ для человѣка. Первое правило морали, формулированное Кантомъ и названное имъ „высшимъ практическимъ принципомъ", сводится къ слѣдующему: Вспоминать по каждому случаю, что мы должны смотрѣть на личность нашего ближняго, какъ на цѣль, а не какъ на средство. Современная организація труда, при которой рабочіе служатъ только средствомъ для обогащенія предпринимателя, очевидно, не осуществляетъ приведеннаго возвышеннаго принципа.

Но въ вопросѣ о средствахъ уничтоженія наемнаго труда кооперативная школа расходится съ соціалистической. Уничтоженіе частной собственности представляется ей совершенно негоднымъ средствомъ для достиженія этой цѣли и даже противорѣчащимъ ей, ибо отсутствіе собственности какъ разъ и создаетъ зависимость и наемничество, а потому только путемъ распространенія собственности на всѣхъ можно будетъ освободить трудящихся.

Въ самомъ дѣлѣ, что собственно слѣдуетъ понимать подъ уничтоженіемъ наемнаго труда?

Единственнымъ и рѣшительнымъ способомъ уничтоженія наемнаго труда было бы превращеніе каждаго рабочаго въ самостоятельнаго производителя, производящаго своими орудіями и за свой собственный страхъ и рискъ, подобно ремесленнику или крестьянину. Но такой строй былъ бы несовмѣстимъ со строемъ крупной промышленности и организаціи труда и шелъ бы наперекоръ экономической эволюціи, и потому никто такой задачи себѣ не ставитъ: ни соціалисты, ни либеральная экономическая школа. Подъ уничтоженіемъ наемнаго труда приходится поэтому понимать только слѣдующее: рабочіе, работающіе въ предпріятіяхъ, должны стать собственниками этихъ предпріятій, самостоятельно управлять ими и пользоваться ихъ продуктами.

Но какъ же думаетъ коллективистскій соціализмъ осуществить такую программу?—Путемъ „соціализаціи средствъ производства", т. е. всѣ наемные рабочіе должны работать не на капиталистовъ, а на общество, которое будетъ отдавать имъ точный эквивалентъ продукта ихъ труда, удерживая только общіе расходы по предпріятіямъ и издержки на общественныя нужды.

Однако, сомнительно, чтобы при такомъ рѣшеніи вопроса, если вообще практически оно осуществимо, было осуществлено уничтоженіе наемнаго труда. Ибо не совсѣмъ ясно, чѣмъ будутъ отличаться тѣ, которые будутъ работать на „общество" (будетъ ли это нація, коммуна или профессіональная федерація), отъ наемныхъ рабочихъ, которые нынѣ работаютъ за счетъ государства или крупныхъ компаній.

Одно только очень ясно, а, именно, то, что всѣ самостоятельные производители, которые нынѣ еще не стоятъ въ рядахъ наемныхъ рабочихъ, осуждены при этомъ режимѣ на исчезновеніе!

Кооперативная школа льститъ себя надеждой лучше достигнуть цѣли путемъ превращенія наемныхъ рабочихъ въ кооператоровъ. Рабочіе будутъ работать за счетъ кооперації, въ которую они войдутъ въ качествѣ членовъ, и будутъ повиноваться, слѣдовательно, только самимъ себѣ; продуктъ ихъ труда цѣликомъ пойдетъ въ ихъ пользу. Словомъ, они сами себѣ будутъ предпринимателями. Теоретически рѣшеніе превосходно. Осуществить его на практикѣ труднѣе. Если ассоціація занята какимъ-нибудь спеціальнымъ предпріятіемъ (производительная кооперація), то,

повидимому, ея дѣятельность должна остаться довольно ограниченной, и ей, пожалуй, не подъ силу внести измѣненіе въ положеніе всей рабочей массы. А если ассоціація раскинулась весьма широко (потребительное общество или союзъ потребительныхъ обществъ), то рабочій, оставаясь песчинкой въ общей массѣ, утрачиваетъ сознаніе работы на себя, и его положеніе очень близко подходитъ къ положенію рабочаго при коллективистскомъ строѣ. Но ниже мы увидимъ, что, путемъ комбинаціи этихъ двухъ видовъ кооперацiи, можетъ быть, намъ удастся найти дорогу между указанными двумя подводными скалами.

ГЛАВА IV.

Предприниматели.

I.

Эволюція предпринимательства.

Мы уже знакомы съ этимъ важнымъ представителемъ экономической жизни, называемымъ на экономическомъ языкѣ предпринимателемъ. Въ книгѣ о производствѣ мы видѣли, что ему принадлежитъ иниціатива въ производствѣ. Но и въ распредѣленіи онъ занимаетъ не менѣе значительное мѣсто, потому что онъ является въ то же время и крупнымъ распредѣлителемъ. Онъ оплачиваетъ своихъ соучастниковъ за сотрудничество; ихъ доходъ и составляется изъ той части, которую онъ выдаетъ каждому изъ нихъ. Рабочему онъ выдаетъ заработную плату капиталисту—процентъ, землевладѣльцу—ренту или арендную плату, а себѣ беретъ то, что останется, если только останется [1]); этотъ остатокъ и составляетъ его предпринимательскую прибыль.

---

[1]) Бываетъ и такъ, что предприниматель распредѣляетъ между своими соучастниками доли ихъ до реализаціи цѣнности продуктовъ: заработная плата обыкновенно выдается раньше; но это не вноситъ никакого измѣненія въ роль предпринимателя.

Бываетъ также, и даже часто, что предприниматель самъ доставляетъ нѣкоторые элементы производства: обыкновенно, землю, весь или часть капитала, а также

Въ обиходномъ языкѣ предприниматель называется p a t r o n'омъ (хозяиномъ). Но при ближайшемъ разсмотрѣніи это названіе безусловно не является синонимомъ слова „предприниматель". Имъ выражается, главнымъ образомъ, совокупность отношеній съ рабочими; оно содержитъ въ себѣ нѣкоторую моральную идею покровительства, п а т р о н а ж а (patronage), нѣкоторую концепцію правъ и обязанностей начальника по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, совершенно чуждую узко - экономическому опредѣленію предпринимателя [2]).

Идея объ обязанностяхъ главы предпріятія по отношенію къ рабочимъ претерпѣла за послѣднее столѣтіе (если не подниматься выше до цехового строя) довольно интересныя измѣненія. Исторію этихъ измѣненій можно раздѣлить на три періода.

1) Въ началѣ индустріальнаго періода и до средины XIX столѣтія идеи патроната въ указанномъ нами смыслѣ не существовало Существовали только предприниматели, занятые своей экономической функціей и стремившіеся исключительно къ тому, чтобы при наименьшихъ затратахъ возможно больше произвести и наилучшимъ образомъ—для своихъ интересовъ—использовать наличную рабочую силу, не только силу мужчинъ, но и силу женщинъ и дѣтей, какъ наиболѣе дешевую и потому выгодную.

Съ экономической точки зрѣнія слѣдуетъ признать, что патроны-капиталисты этого героическаго времени создали современную крупную промышленность, съ моральной же точки зрѣнія исторію ихъ дѣятельности нельзя назвать прекрасной, за нѣкоторыми отдѣльными исключеніями, разумѣется, среди которыхъ слѣдуетъ въ особенности отмѣтить Овена, крупнаго шотландскаго промышленника, ставшаго коммунистомъ и впервые создавшаго образцовую фабрику.

2) Къ 1850 году возникаетъ новая концепція предпринимателя, какъ д о б р а г о х о з я и н а-п а т р о н а. Мѣсто зарожденія ея

трудъ по веденію предпріятія; но и отъ этого роль его нисколько не измѣняется: въ качествѣ директора, капиталиста и землевладѣльца онъ получитъ ихъ доли себѣ.

Если же предприниматель вкладываетъ въ дѣло, кромѣ того, свою рабочую силу, являясь тогда самостоятельнымъ производителемъ (что бываетъ только въ очень мелкомъ производствѣ), то и въ такомъ случаѣ изъ его дохода теоретически должны быть выдѣлены указанные три элемента: заработная плата, процентъ, рента.

[2]) А. Смитъ и англійская школа не отличали его отъ капиталиста. Впервые выдвинулъ его Ж-Б.-Сэй, но названіе „предприниматель" встрѣчается уже у Кенэ.

городъ Мюльгаузенъ, бывшій тогда французскимъ, а родоначальница—группа промышленниковъ—протестантовъ во главѣ съ Dollfus'ами. Формула ея выражается въ словахъ Dollfus'а слѣд. образомъ: „хозяинъ-патронъ должен ъ рабочему больше, чѣм ъ заработную плату". Что это значитъ?—Это значитъ, что оплатой труда по цѣнѣ рабочей силы на основаніи закона предложенія и спроса не исчерпывается справедливость, что на рабочаго слѣдуетъ смотрѣть, какъ на сотрудника хозяина, а не какъ на простое орудіе, что хозяинъ долженъ освѣдомляться о потребностяхъ рабочаго и стараться удовлетворить ихъ. На почвѣ такого представленія возникло огромное движеніе, выразившееся въ формѣ патрональныхъ учрежденій (квартиры для рабочихъ, столовыя, вспомогательныя и пенсіонныя кассы, иногда участіе въ прибыляхъ, школы для дѣтей и т. д.), которыя занимали почетное мѣсто на всѣхъ выставкахъ соціальной экономіи и заполняли Золотую книгу наградами.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это великодушное движеніе выродилось въ несносный контроль за частной жизнью рабочаго. Было вполнѣ естественно, что добрый хозяинъ-патронъ, признавая лежащія на немъ отеческія обязанности по отношенію къ рабочему, пользовался также и правами отца; соглашаясь на жертвы, онъ хотѣлъ приносить ихъ сознательно, удостовѣряясь въ томъ, что рабочій достоинъ этихъ жертвъ. Надо было ожидать, что рабочій окажется неблагодарнымъ. Это и случилось. При томъ настроеніи, какое имѣется у современнаго рабочаго, вовлеченнаго въ классовую борьбу, очевидно, ему представляется вздорной и ненавистной самая мысль о хозяинѣ, какъ отцѣ. Рабочій не вѣритъ мнимымъ жертвамъ хозяина и, хотя бы онѣ были дѣйствительными, отклоняетъ ихъ, какъ милостыню. Онъ требуетъ ихъ въ формѣ повышенія заработной платы и ничего ни больше, ни меньше.

Съ другой стороны, къ режиму добраго хозяина-патрона обнаружили очень мало симпатіи экономисты либеральной школы. Въ согласіи съ рабочимъ они заявляютъ, что договоръ о заработной платѣ долженъ быть договоромъ do ut des (даю, чтобы ты далъ), и ничего не долженъ заключать въ себѣ, кромѣ обязательствъ, присущихъ ему—со стороны рабочаго, хорошаго выполненія принятой работы, а, со стороны хозяина, платежа вознагражденія, опредѣляемаго рыночными цѣнами на рабочую силу,—и

что безполезно и даже опасно включать въ договоръ моральныя чуждыя политической экономіи, обязательства.

Режимъ патронажа защищаютъ только соціально-католическая школа и школа Ле-Плея. Но и эти школы отказываются связывать съ нимъ представленія патріархальнаго или отеческаго характера. Функція хозяина-патрона, по ихъ мнѣнію, не только экономическая, но и моральная, и утрата ея можетъ причинить большой вредъ не только хозяину-патрону, но и обществу. Но роль современныхъ хозяевъ-патроновъ должна сводиться, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы побуждать рабочихъ къ самоорганизаціи, а не къ тому, чтобы заботиться объ удовлетвореніи потребностей ихъ: напримѣръ, облегчать рабочимъ учрежденіе потребительныхъ обществъ или строительныхъ товариществъ, вмѣсто того, чтобы создавать столовыя или рабочіе поселки. Крупнымъ хозяевамъ-патронамъ рекомендуется даже сформированіе у себя соціальныхъ инженеровъ, спеціальностью которыхъ, въ отличіе отъ инженеровъ-техниковъ, было бы занятіе реформами соціальнаго порядка [3]).

3) Третій періодъ наступилъ недавно. Очутившись лицомъ къ лицу съ организованными и синдицированными рабочими, не желающими имѣть съ предпринимателями иныхъ отношеній, кромѣ отношеній классовой борьбы, предприниматели должны были подумать не о покровительствѣ рабочимъ, а о самозащитѣ. Патрональныя учрежденія уступили мѣсто учрежденіямъ, которыя можно было бы назвать боевыми. Цѣль этихъ новыхъ учрежденій заключается въ томъ, чтобы рабочимъ организаціямъ противопоставить вооруженныя предпринимательскія организаціи, чтобы отвѣчать ударомъ на ударъ, локаутами и strike-breakers'ами (разрушителями стачекъ)—на стачки, внесеніемъ въ черные списки—на внесеніе въ рабочіе списки, чтобы въ противовѣсъ кассамъ безработныхъ у профессіональныхъ союзовъ создать предпринимательскія кассы страхованія и т. д.

---

[3]) По нашему мнѣнію, роль современнаго хозяина-патрона можно опредѣлить такъ: онъ долженъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ жизнь рабочаго за стѣнами мастерской, даже для того, чтобы „дѣлать ему добро", но онъ долженъ сдѣлать все возможное, чтобы обезпечить рабочему въ мастерской наилучшія условія труда съ точки зрѣнія безопасности, гигіены и удобства. Такъ поступаютъ, замѣтимъ, нѣкоторые крупные предприниматели въ Англіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ.

Остается замѣтить, что даже соціалисты—наименѣе принципіально выдержанные—не оспариваютъ у предпринимателей права самоорганизаціи для защиты своихъ классовыхъ интересовъ и даже желаютъ этого, ибо, такимъ образомъ, классовая борьба предстанетъ предъ обществомъ во всей своей наготѣ, и нельзя уже будетъ отрицать ее, а это, какъ вѣрятъ соціалисты, ускорить развязку. Такъ называемыя филантропическія уступки со стороны предпринимателей, смягчавшія борьбу и ослаблявшія у рабочихъ классовое сознаніе, могли бы только замедлить наступленіе ея. Само собою разумѣется, что школа соціальнаго мира, напротивъ, взираетъ съ опаской на то, какъ предприниматели вступаютъ на этотъ путь борьбы. И, тѣмъ не менѣе, выступленіе на сцену могущественныхъ антагонистическихъ организацій является, можетъ быть, лучшимъ средствомъ обезпеченія мира, вооруженнаго мира, опирающагося на равновѣсіе враждующихъ силъ.

II.

О законности прибыли.

Такъ какъ предприниматель играетъ первую роль на экономической сценѣ, роль героя, то вокругъ него, главнымъ образомъ, и его дохода и происходитъ борьба.

§ 1.—Французскіе экономисты (впервые Ж.-Б.-Сэй) опредѣленно отдѣляли роль предпринимателя отъ роли капиталиста и окрестили перваго тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ извѣстенъ до настоящаго времени Преобладающая черта въ немъ, по ихъ мнѣнію — черта трудящагося человѣка; поэтому и прибыль представляется имъ вознагражденіемъ за трудъ. Но трудъ предпринимателя по своей природѣ отличается отъ ручного труда и стоитъ выше него по своей продуктивности, а потому и вознагражденіе за этотъ трудъ отличается отъ заработной платы.

Въ трудъ предпринимателя входитъ:

а) Изобрѣтеніе, капитальный актъ всякаго производства. Многія крупныя промышленныя богатства (сталь Бессемера, швейныя машины Зингера и пр.)—плодъ изобрѣтенія. Мы видѣли, что идея, по-истинѣ производительный актъ. А роль предпринимателя какъ разъ и сводится къ тому, чтобы имѣть идеи въ коммерческой области, т.-е. изобрѣтать то, что понравится публикѣ. Для

предпринимателя недостаточно изобрѣтать новыя модели, надо изобрѣтать еще—осмѣлюсь сказать—новыя потребности.

б) Управленіе. — Коллективный трудъ производительнѣе изолированнаго—это одинъ изъ основныхъ законовъ политической экономіи,—но при условіи организованности его, дисциплины и руководства. Кто нибудь долженъ распредѣлять работу и указывать каждому свое мѣсто, это—роль предпринимателя, и за это называютъ его „капитаномъ промышленности". Въ промышленности то же, что на войнѣ. Кто выигрываетъ сраженіе? Полководецъ. Правда, хорошіе солдаты способствуютъ этому такъ же, какъ и хорошее вооруженіе, но это только условія успѣха, а не дѣйствующая причина его; и доказательствомъ служитъ то, что при плохомъ командирѣ тѣ же войска и при томъ же вооруженіи будутъ побиты. И въ промышленности все также зависитъ отъ командира, въ чемъ можно убѣдиться изъ ежедневнаго опыта: мы на каждомъ шагу видимъ, какъ преуспѣваетъ одно предпріятіе тамъ, гдѣ другое рушится, хотя оба пользуются одинаково хорошими рабочими.

в) Коммерческая спекуляція. — Произвести—пустякъ, важно продать, найти сбытъ. Поэтому въ настоящее время предпріятія все и болѣе стремятся принять коммерческій характеръ, и коммерческая спекуляція составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ труда предпринимателя, величайшей соціальной важности, ибо благодаря ей, предприниматель безпрестанно стремится, хотя и безсознательно, установить равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ.

Въ опредѣленіи прибыли, какъ вознагражденія за трудъ, есть доля истины. Однако, этимъ опредѣленіемъ, повидимому, не выявляется существенная природа прибыли, и навѣяннымъ оно представляется скорѣе благодаря намѣренію защитить ее противъ нападокъ соціалистовъ. Дѣйствительно, нельзя не отмѣтить, что изъ всѣхъ только что перечисленныхъ нами видовъ дѣятельности, характерныхъ для предпринимателя—изобрѣтенія, управленія и даже отысканія рынковъ,—нѣтъ ни одного такого вида дѣятельности, который во всѣхъ крупныхъ предпріятіяхъ, организованныхъ на началахъ коммерческихъ обществъ, не могъ бы быть порученъ и фактически весьма часто не поручался бы нанятымъ людямъ: инженерамъ, химикамъ, коммивояжерамъ и т. д. И сами предприниматели часто относятъ на счетъ издержекъ и вписываютъ

въ книги особое вознагражденіе, которое они выдаютъ себѣ, какъ заработную плату за трудъ, и которое стоитъ отдѣльно отъ прибыли.

§ 2.—Соціалисты, напротивъ, видятъ въ прибыли ограбленіе рабочаго.

Уже Овенъ, въ началѣ XIX столѣтія, видѣлъ въ прибыли средоточіе всего экономическаго зла и стремился уничтожить ее путемъ учрежденія магазиновъ обмѣна, гдѣ трудящіеся могли бы обмѣнивать свои продукты на боны труда и vice versa и избѣгать такимъ образомъ предпринимательскаго ига, а, слѣдовательно, и избавиться отъ уплаты дани въ формѣ прибыли.

Но вести правильную аттаку противъ прибыли соціалисты начали особенно съ выходомъ въ свѣтъ книги Карла Маркса о капиталѣ. Вотъ какимъ образомъ—говоря въ общихъ чертахъ—этотъ суровый боецъ разрушаетъ предпринимательскій доходъ.

Установленное экономистами сходство между ролями предпринимателя и рабочаго, говоритъ онъ, абсурдно или, по меньшей мѣрѣ, устарѣло. Въ старыя времена можно было смотрѣть на хозяина, работавшаго вмѣстѣ со своими рабочими, какъ на рабочаго или производителя, primus inter pares (первый между равными). Еще и понынѣ въ мелкой промышленности можно встрѣтиться въ видѣ исключенія съ подобнымъ явленіемъ. Но въ крупной промышленности, представляющейся единственной формой для будущей индустріи, предприниматель только капиталистъ и состоитъ въ предпринимателяхъ только потому, что богатъ, какъ при старомъ порядкѣ человѣкъ становился офицеромъ только потому, что былъ дворяниномъ. И прибыль на свой капиталъ получаетъ онъ, какъ торговецъ: покупаетъ, чтобы перепродать. Что онъ покупаетъ? Рабочую силу въ формѣ рабочихъ рукъ. А что онъ перепродаетъ? Ту же рабочую силу въ конкретной формѣ товаровъ. Излишекъ составляетъ его прибыль.

Дѣло заключается только въ томъ, чтобы объяснить этотъ излишекъ. Откуда онъ происходитъ? Такъ какъ, по марксистской теоріи цѣнности, вещи имѣютъ только ту цѣнность, которая сообщена имъ трудомъ и измѣряется количествомъ этого труда, то, казалось бы, предприниматель не можетъ перепродать продукты труда рабочаго по цѣнности выше той, которую онъ уплатилъ за рабочую силу.—Въ этомъ-то и заключается гвоздь проблемы, „тайна несправедливости“, открытіе которой составляетъ славу Карла Маркса. Послушаемъ.

Доставленный предпринимателемъ на рынокъ продуктъ, дѣйствительно, имѣетъ цѣнность, опредѣленную трудомъ, котораго онъ стоилъ: если допустить, что рабочій потратилъ 10 часовъ на производство продукта, то цѣнность его будетъ измѣряться 10-ью часами труда,—продуктъ будетъ стоить 10 часовъ.

Но какъ же опредѣляется цѣнность рабочихъ рукъ, рабочей силы работника? Она опредѣляется такъ же, какъ продуктъ, какъ цѣнность всякаго товара, какъ цѣнность машины, напримѣръ,—стоимостью ея производства. Издержки же производства человѣческой машины, каковой являются рабочія руки, не что иное, какъ издержки, необходимыя для производства рабочаго, т.-е. для воспитанія его и для поддержанія его жизни. Предположимъ, что необходимыя для содержанія рабочаго и амортизаціи этого человѣческаго капитала издержки выражаются въ 5-ти часахъ ежедневнаго труда,—это значитъ, что рабочія руки будутъ стоить 5 часовъ труда, ни больше, ни меньше. Слѣдовательно, выдавая рабочему въ формѣ заработной платы цѣнность, эквивалентную 5-ти часамъ труда, предприниматель уплачиваетъ за рабочія руки точь-въ-точь столько, сколько онѣ стоютъ по законамъ цѣнности и обмѣна. Но такъ какъ продуктъ труда этого самаго рабочаго стоитъ 10 часовъ, то и получается нѣкоторая разница между покупной и продажной цѣнами, излишекъ цѣнности въ 5 часовъ. Это и есть то, что Марксъ называетъ Mehrwerth, прибавочная цѣнность,—центръ тяжести его доктрины.

Итакъ, остается 5 часовъ труда, которыми пользуется предприниматель безплатно, 5 часовъ, въ теченіе которыхъ рабочій работаетъ безвозмездно. Прибыль, это—нѣкоторое количество неоплаченнаго труда,—вотъ вся тайна капиталистической эксплоатаціи. Само собою разумѣется, что количество этихъ неоплаченныхъ часовъ умножается съ количествомъ занятыхъ рабочихъ: чѣмъ больше будетъ рабочихъ, тѣмъ больше будетъ прибыль.

Это доказательство можно представить въ болѣе простой, но менѣе точной формѣ, взявъ за исходный пунктъ тотъ фактъ, что произведенная трудомъ человѣка цѣнность обыкновенно выше необходимой для поддержанія жизни этого человѣка цѣнности. Это положеніе остается въ силѣ и по отношенію къ изолированному и примитивному работнику (доказательство: безъ этой прибавочной цѣнности не могла бы ни

цивилизація зародиться, ни даже населеніе умножаться). Съ тѣмъ большимъ основаніемъ оно остается въ силѣ по отношенію къ культурному работнику, сила котораго увеличивается благодаря раздѣленію труда и коллективной организаціи. Сдѣлавшись обладателемъ этой силы труда по праву покупки, предприниматель изобрѣтаетъ тысячи остроумныхъ способовъ для увеличенія прибавочной цѣнности, либо путемъ возможно большаго удлиненія рабочаго дня, либо путемъ изнуренія женщинъ и дѣтей съ помощью машинъ, для которыхъ можно пользоваться ихъ слабыми руками и т. д. Съ другой же стороны, техническій прогрессъ, низводя до минимума издержки производства всего необходимаго для физической жизни и содержанія рабочаго, понижаетъ тѣмъ самымъ цѣнность рабочихъ рукъ, поскольку эта цѣнность не можетъ превосходить цѣнности издержекъ содержанія. Если допустить, что производительность труда поднимется до такой степени, что пяти минутъ будетъ достаточно для производства пищи для человѣка, работающаго 10 часовъ въ день, то цѣнность рабочаго дня будетъ не больше цѣнности 5 минутъ труда,—такую заработную плату сталъ бы выдавать съ того времени предприниматель, удерживая себѣ весь излишекъ, т.-е. всю произведенную въ теченіе 9 часовъ 55 минутъ цѣнность!

Все это діалектическое сооруженіе, предназначенное для доказательства того положенія, что прибыль по самой природѣ своей представляетъ ограбленіе рабочаго, что она составляется изъ извѣстного количества неоплаченнаго труда, держится, какъ на остреѣ булавки, на той идеѣ, что всякій товаръ стóитъ количества содержащагося въ немъ труда, и что рабочая сила, будучи при современномъ экономическомъ строѣ товаромъ, подобно всякому другому товару, тоже можетъ стоить только того количества труда, которое потрачено на ея производство. И все рухнетъ, если отказаться отъ этой теоріи цѣнности, а теперь рѣдко кто не отказывается отъ нея.

Тѣмъ не менѣе, эта аргументація имѣетъ нѣкоторую реальную цѣнность, не столько какъ критика прибыли, сколько какъ критика режима наемнаго труда, особенно, съ исторической точки зрѣнія. Нельзя не признать, что рабочія руки при режимѣ наемничества были не чѣмъ инымъ, какъ предметомъ торга, что предприниматель всегда старался уплатить за нихъ возможно меньше и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ великолѣпнымъ образомъ успѣвалъ

въ этомъ. Но это не значитъ, что предприниматель—простой торговецъ, покупающій для перепродажи: его функція безконечно сложнѣе. А, съ другой стороны, его „товаръ", рабочія руки, не позволяетъ обходиться съ собой, какъ съ тюкомъ: профессіональные союзы, рабочее законодательство, кооперація,—вся эта совокупность мѣропріятій направлена именно къ тому, чтобы регулировать норму заработной платы съ помощью иныхъ законовъ, а не тѣхъ, которые управляютъ цѣнами товаровъ, т.-е. къ признанію за наемнымъ рабочимъ правъ соучастника въ распредѣленіи дохода.

§ 3.—Кромѣ этихъ двухъ теорій—одной по преимуществу апологетической, а другой по преимуществу критической—имѣется еще третья, по нашему мнѣнію, болѣе близкая къ истинѣ. Слѣдуетъ различать два вида прибыли: 1) первый, состоящій въ вознагражденіи предпринимателя за его особый трудъ и за рискъ по предпріятію, которое должно бы входить въ стоимость производства;—2) второй, который можно было бы назвать „сверхприбылью" (surprofit); эта прибыль получается, благодаря нѣкоторымъ благопріятнымъ для предпринимателя обстоятельствамъ, которыя позволяютъ ему продать выше себѣстоимости и какъ бы ставятъ его въ положеніе монополиста, или позволяютъ ему произвести ниже нормальной стоимости производства и даютъ ему нѣчто въ родѣ дифференціальной ренты [4]). Эта монополія можетъ быть естественной, т.-е. вытекать изъ нѣкоторыхъ преимуществъ, связанныхъ съ положеніемъ предпріятія; она можетъ быть также основанной на законѣ и вытекать, напримѣръ, изъ протекціонной системы или изъ привилегіи на изобрѣтеніе. Она можетъ вытекать изъ любого обстоятельства, ибо монополія—не исключительное явленіе: она существуетъ повсюду. Бакалейщикъ, имѣющій лавку на углу улицы, пользуется нѣкоторой монополіей, благодаря только мѣстонахожденію своей лавки.

---

[4]) Все-таки, промышленная или коммерческая рента отличается, отъ поземельной тѣмъ, что послѣдняя всегда стоитъ въ связи съ реальными причинами, независимыми отъ личности и вообще болѣе или менѣе постоянными, тогда какъ первая, напротивъ, носитъ болѣе личный и преходящій характеръ. Эта рента, кромѣ того, стоитъ не въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами общества, такъ какъ норма прибыли рано или поздно все же сводится къ минимуму стоимости производства, вслѣдствіе того, что монополистъ очень скоро лишается своего монопольнаго положенія, благодаря конкурренціи другихъ предпринимателей, да и самъ онъ заинтересованъ въ пониженіи своихъ цѣнъ.

Законность прибыли первой категоріи не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ вознагражденіе за существенные факторы производства. Но законность сверхприбыли не такъ легко оправдать, между тѣмъ какъ эта именно прибыль—главный источникъ всѣхъ крупныхъ богатствъ. Въ защиту ея можно сослаться только на полезность давать случаю нѣкоторое участіе въ человѣческихъ дѣлахъ, допускать прихотливую игру того прилива и отлива, который, по словамъ Шекспира, „застигнувъ на гребнѣ волны, возноситъ къ богатству и опрокидываетъ въ бездну нищеты, лишь только потеряешь удобный моментъ“ [5]).

Но весьма возможно, что эти удобные моменты будутъ все рѣже встрѣчаться въ грядущемъ обществѣ. Пойдетъ ли оно по пути полной свободы конкурренціи, которая понизитъ всякую цѣнность до уровня стоимости производства и такимъ образомъ осуществитъ идеалъ математической школы; или по пути развитія кооперативной ассоціаціи, принципъ которой сводится къ уничтоженію прибыли путемъ возвращенія ея тѣмъ, у кого она взята, т.-е. потребителямъ или рабочимъ [6]); или, наконецъ, въ направленіи къ коллективизму съ соціализаціей орудій производства,—во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыли грозитъ гибель. Уже давно классическіе экономисты, какъ, напримѣръ, Стюартъ Милль, считали неизбѣжнымъ если не исчезновеніе, то, по крайней мѣрѣ, постепенное пониженіе ея, и пророчествовали, что она можетъ привести къ „стаціонарному состоянію“ (см. стр. 106).

Но если исчезновеніе прибыли подлежитъ сомнѣнію и, во всякомъ случаѣ, дѣло отдаленнаго будущаго, то исчезновеніе предпринимателя—совершившійся фактъ во всѣхъ предпріятіяхъ, организованныхъ на акціонерныхъ началахъ, т.-е. въ крупной инду-

---

[5]) There is a tide in the affairs of men.
Which taken at the flood leads to the fortune;
Omitted, all the voyage of their life
Is bound in shallows and in miseries.

[6]) Въ настоящее время существуетъ только одна форма предпріятія, относительно которой можно сказать, что она устранила прибыль,—потребительное общество. Правда, оно распредѣляетъ между своими членами дивиденды, но эти дивиденды только по внѣшности похожи на прибыль, а по существу они представляютъ просто возмѣщеніе покупателямъ излишка, полученнаго съ ихъ покупокъ.

стріи. Здѣсь онъ еще налицо, но только въ распыленномъ состояніи въ видѣ директоровъ правленій, акціонеровъ и т. д.

Будетъ ли устраненіе предпринимателя общимъ явленіемъ? Это собственно значитъ, будетъ ли частное предпріятіе замѣнено повсюду коллективнымъ—капиталистическими обществами, кооперативными, коллективистской соціализаціей и т. д.? Что касается уже существующихъ предпріятій, достигшихъ той ступени, на которой они могутъ развиваться какъ бы автоматически, то мы склонны отвѣтить на поставленный вопросъ утвердительно. Но для созданія новыхъ предпріятій, по нашему мнѣнію, еще долго нельзя будетъ обойтись безъ предпринимателя. Предприниматель останется необходимымъ дѣятелемъ во всѣхъ обществахъ, находящихся въ динамическомъ и прогрессирующемъ состояніи. Онъ перестанетъ быть таковымъ только тогда, когда человѣческія общества придутъ—что возможно—въ статическое, застойное состояніе. Можно ли сказать, что предпріятія самаго недавняго происхожденія—автомобильныя, аэропланныя—увидѣли бы когда-нибудь свѣтъ, если бы богатые и смѣлые люди не взяли ихъ въ свои руки? Но все же возможно, что придетъ день, когда авіація станетъ кооперативнымъ и даже государственнымъ предпріятіемъ: это будетъ тогда, когда путешествіе на аэропланѣ станетъ такимъ же обыденнымъ явленіемъ, какъ путешествіе въ поѣздѣ.

Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ исчезъ предприниматель, въ коллективныхъ предпріятіяхъ, все же есть одно или нѣсколько лицъ, составляющихъ душу дѣла. Но такой душой являются не акціонеры, которымъ англичане дали мѣткое названіе sleeping partners (спящихъ членовъ),—не акціонеры, люди, ссудившіе деньги, которые отличаются отъ обыкновенныхъ ссудодателей, называемыхъ облигаціонерами, только тѣмъ, что они приняли на себя нѣкоторый рискъ въ обмѣнъ на участіе въ прибыляхъ. Настоящими преемниками предпринимателя являются члены административнаго совѣта, чаще всего, одинъ изъ нихъ, предсѣдатель или секретарь, изучившій и поставившій предпріятіе и состоящій обыкновенно держателемъ огромнаго количества акцій; онъ получаетъ крупную часть прибыли и вноситъ въ дѣло всю энергію заинтересованнаго лица.

III.

Ассоціація рабочаго съ предпринимателемъ.

При разсмотрѣніи режима наемнаго труда мы указали на неудобства этого способа вознагражденія: на столкновеніе интересовъ рабочаго и предпринимателя, на неудовлетворительное использованіе труда и потому неудовлетворительную производительность его.

Вслѣдствіе этого, дѣлались попытки усовершенствовать договоръ заработной платы различными видами ассоціаціи рабочаго въ предпринимателями и даже безъ него:

1) Путемъ назначенія нѣкоторой доли изъ прибылей предпріятія въ дополненіе къ постоянной заработной платѣ.

Участіе въ прибыляхъ практиковалось въ незапамятныя времена у рыбаковъ, и старый испольный договоръ въ земледѣліи есть не что иное, какъ участіе сельскаго рабочаго въ прибыляхъ помѣщика. Но первый опытъ примѣненія этого института въ современной промышленности, сопровождавшійся громкимъ успѣхомъ, былъ сдѣланъ въ Парижѣ въ 1842 году Леклеромъ, маляромъ.

Участіе въ прибыляхъ можетъ облекаться въ самыя разнообразныя формы, но, во всякомъ случаѣ, оно должно носить договорный характеръ, т. е. входитъ составной частью въ рабочій договоръ, быть внесеннымъ въ уставъ предпріятія и признаннымъ, какъ право, нелицепріятно и при наличности извѣстныхъ опредѣленныхъ заранѣе условій. Обыкновенно оно опредѣляется соразмѣрно заработной платѣ, а весьма часто принимается также въ разсчетъ и продолжительность службы. Неумѣстно употребленіе термина „участіе въ прибыляхъ“ въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ просто о наградѣ.

Назначенная рабочимъ часть можетъ быть выдаваема имъ деньгами или вносима на ихъ счетъ въ сберегательную или страховую кассу. Послѣдняя форма, обозначаемая иногда терминомъ отсроченнаго участія (participation différée), весьма часто практикуется во Франціи.

У института участія въ прибыляхъ имѣются восторженные приверженцы, ожидающіе отъ него многочисленныхъ выгодъ какъ съ моральной, такъ и съ политической точекъ зрѣнія:

а) Превращая рабочаго изъ орудія производства въ товарища

по производству, оно примиряетъ трудъ съ капиталомъ и возвышаетъ достоинство рабочаго;

б) Поднимая активность рабочаго и заинтересовывая его въ успѣшности предпріятія, оно повышаетъ производительность труда;

в) Оно увеличиваетъ доходъ рабочаго, прибавляя къ его обыкновенной и двухнедѣльной заработной платѣ, затрачиваемой на текущіе расходы, нѣкоторый дивидендъ, который выплачивается въ концѣ года и можетъ быть предназначенъ для сбереженія или для чрезвычайныхъ расходовъ;

г) Создавая между предпринимателемъ и его рабочими постоянныя узы, оно способствуетъ избавленію отъ безработицы.

Но у этого института есть также и противники среди экономистовъ и предпринимателей, съ одной стороны, среди соціалистовъ и самихъ рабочихъ, съ другой.

Что касается соціалистовъ, то это понятно само собою: если прибыль—кража, совершаемая предпринимателями въ ущербъ рабочимъ, то представляется слишкомъ нелѣпой эта, такъ называемая, реформа, узаконяющая кражу путемъ привлеченія къ участію въ ней самихъ рабочихъ!

Рабочіе боятся, чтобы участіе въ прибыляхъ не было использовано въ качествѣ приманки, которая заставила бы ихъ затрачивать больше труда для производства цѣнности выше той, которая будетъ возвращена имъ въ формѣ дополнительнаго дохода.

Предприниматели находятъ несправедливымъ участіе въ прибыляхъ безъ участія въ убыткахъ. А, главное, они не хотятъ обязываться открывать своимъ рабочимъ, а чрезъ нихъ, слѣдовательно, и своимъ конкуррентамъ и публикѣ сумму своихъ прибылей или—что еще хуже—своихъ убытковъ!

Экономисты, не осуждая института участія въ прибыляхъ формально, хотятъ видѣть въ немъ лишь—какъ остроумно замѣтилъ Поль Леруа-Больё — „приправу“ къ наемному труду, аналогичную преміямъ или прибавкамъ къ заработной платѣ, выдаваемымъ нѣкоторыми предпріятіями. Противъ взгляда на него, какъ на мѣру, способную разрѣшить вопросъ о наемномъ трудѣ, экономисты приводятъ то серьезное возраженіе, что рабочіе не имѣютъ права претендовать на прибыль, такъ какъ прибыль ни въ какой мѣрѣ не является ихъ произведеніемъ, а исключительно произведеніемъ предпринимателя. Прибыль, говорятъ они, является продуктомъ не технической и матеріальной фабрикаціи, а удачной продажи въ

подходящее время и въ надлежащемъ мѣстѣ, иначе говоря, продуктомъ чисто коммерческаго искусства, къ которому рабочіе безусловно не имѣютъ никакого отношенія. Доказательство: на каждомъ шагу встрѣчаются предпріятія, изъ которыхъ одни получаютъ большіе барыши, а другіе терпятъ убытки, хотя рабочій персоналъ во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ безусловно одинаковый (напр., копи, желѣзныя дороги и пр).

Если этимъ возраженіемъ хотятъ сказать, что промышленникъ получаетъ прибыль лишь какъ коммерсантъ, а не какъ фабрикантъ, то такое различіе представляется весьма парадоксальнымъ. Если же этимъ хотятъ сказать, что промышленникъ обязанъ своей прибылью главнымъ образомъ благопріятно сложившимся для него обстоятельствамъ въ формѣ монопольной прибыли (какъ сказано было выше), то почему бы и рабочимъ не имѣть право на прибыль отъ монополіи, выгодами которой нельзя было бы воспользоваться безъ ихъ содѣйствія. Вѣдь находятъ же естественнымъ, чтобы акціонеры пользовались такими выгодами, хотя прибыль еще меньше, конечно, является ихъ произведеніемъ, чѣмъ произведеніемъ рабочихъ!

Такимъ образомъ, участіе въ прибыляхъ далеко не отвѣчаетъ тѣмъ большимъ надеждамъ, которыя возлагались на этотъ институтъ. За послѣдній десятокъ лѣтъ довольно значительно упало число практикующихъ его предпріятій во всѣхъ странахъ.

На развитіи института участія въ прибыляхъ неблагопріятно отражается, главнымъ образомъ, существующая нынѣ непріязнь ко всякаго рода хозяйскому патронажу и даже ко всему тому, что стремится скрѣпить узы между предпринимателемъ и рабочимъ. И рабочій и предприниматель стараются стать возможно болѣе независимыми другъ отъ друга. Между тѣмъ, институтъ участія въ прибыляхъ требуетъ, какъ выражается Тромберъ, „существованія въ мастерской хорошаго духа“. Это правильно, но дѣло въ томъ, что „хорошій духъ“, въ смыслѣ семейнаго духа, становится теперь рѣдкостью.

Все-таки, участіе въ прибыляхъ еще не сказало, можетъ быть, своего послѣдняго слова.

Прежде всего, есть нѣсколько отраслей производства, въ которыхъ еще и не дѣлалось серьезныхъ попытокъ введенія этого института, хотя, казалось бы, въ нихъ-то онъ и долженъ дать наилучшіе результаты,—мы говоримъ о земледѣліи и морскомъ ловѣ.

Кромѣ того, возможно, что онъ станетъ обязательнымъ въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, каковое требованіе входитъ въ программу радикаловъ-соціалистовъ, какъ мы говорили уже выше. Въ предпріятіяхъ, сдаваемыхъ государствомъ или городскими самоуправленіями на концессію, институтъ участія въ прибыляхъ могъ бы стать обязательнымъ въ силу особаго условія, включеннаго въ договоръ о концессіи. Въ огромной области такого рода предпріятій (угольныя копи, желѣзныя дороги, трамваи, освѣщеніе и т. д. и т. д.) онъ нашелъ бы себѣ широкое примѣненіе, въ особенности, если бы былъ изданъ законъ о концессіяхъ съ обратнымъ дѣйствіемъ, т. е. законъ, распространяющійся на существующія уже и давно отданныя въ концессію предпріятія.

Въ заключеніе скажемъ, что существуетъ склонность слишкомъ преувеличивать сумму прибылей. Тотъ фактъ, что во всякомъ предпріятіи прибыль собирается въ рукахъ одного лица, между тѣмъ какъ заработная плата распыляется въ рукахъ сотенъ и тысячъ рабочихъ, создаетъ иллюзію объ относительной чрезмѣрности прибыли. Но если бы можно было, путемъ устраненія предпринимателей, распредѣлить ихъ прибыль между рабочими, послѣдніе очень непріятно были бы поражены тѣмъ обстоятельствомъ, что экспропріація предпринимателей въ довольно ничтожной степени увеличила бы долю каждаго отдѣльнаго рабочаго.

2) Еще болѣе радикальное видоизмѣненіе въ договоръ о заработной платѣ внесло бы превращеніе его въ настоящій договоръ товарищества, т. е. въ такой договоръ, которымъ предоставлялось бы рабочимъ не только участіе въ прибыляхъ, но и участіе въ управленіи и отвѣтственности по предпріятію, не исключая и отвѣтственности за убытки. На первый взглядъ это представляется невозможнымъ: какъ же рабочій можетъ нести отвѣтственность за убытки, не имѣя капитала? И какъ предприниматель можетъ согласиться на контроль рабочаго въ управленіи? Однако, такая двоякаго рода трудность преодолѣвается, если рабочій становится капиталистомъ, т. е. держателемъ акцій предпріятія, въ которомъ онъ занятъ. Въ такомъ случаѣ онъ участвуетъ и въ администраціи и въ потеряхъ въ той же мѣрѣ, какъ всякій акціонеръ. Англичане называютъ такое товарищество copartnership (копартнершипъ), а мы можемъ назвать actionnariat ouvrier (рабочее акціонерство).

Практическая трудность, какъ само собою разумѣется, заклю-

чается въ томъ, чтобы доставить рабочему средства на пріобрѣтеніе акцій. Участіе въ прибыляхъ представляетъ въ такомъ случаѣ—наипростѣйшій путь (превратить части рабочихъ въ прибыляхъ въ акціи предпріятія), но можно достигнуть этого и не прибѣгая къ участію въ прибыляхъ, облегчая, напримѣръ, рабочимъ пріобрѣтеніе акцій маленькими купюрами, доступными по суммѣ для сбереженій рабочаго.

Но еще большая трудность заключается въ томъ, чтобы убѣдить рабочаго сдѣлаться акціонеромъ предпріятія. Какъ общее правило, рабочій обнаруживалъ очень мало рвенія использовать предоставленную ему возможность пріобрѣсти на свои сбереженія акціи, такъ что часто приходилось эту возможность превращать въ обязанность, т. е., независимо отъ желанія рабочаго, обращать въ акціи [7]) долю его въ прибыляхъ. Но позволительно усумниться на счетъ моральной и соціальной дѣйствительности такого рѣшенія, которое состоитъ въ превращеніи наемнаго рабочаго въ сотоварища по предпріятію вопреки его волѣ.

Если рабочее акціонерство привьется на почвѣ участія въ прибыляхъ и организуется такъ, что будетъ функціонировать автоматически, не выдѣляя капитала для разверстки между рабочими, то, очевидно, рано или поздно оно должно будетъ привести къ устраненію предпринимателя и къ превращенію предпріятія въ производительную кооперацію. Такъ, именно, и не инымъ путемъ образовались наиболѣе преуспѣвающія производительныя кооперативныя ассоціаціи въ родѣ, напримѣръ, „Фамилистера“ въ Гизѣ.

IV.

Производительное товарищество.

Производительное товарищество составляетъ въ эволюціи наемнаго труда высшую ступень по сравненію съ предыдущими ас-

---

[7]) Такъ, лондонскому обществу газоваго освѣщенія, являющему примѣръ весьма успѣшно дѣйствующаго копартнершипа, приходилось принуждать служащихъ обращать въ акціи, по крайней мѣрѣ, полов[illegible] долей въ прибыляхъ. См. нашу статью о рабочемъ акціонерствѣ въ Revue d'Economie politique, янв. 1910 г.

соціаціями. Это—не ассоціація рабочихъ съ предпринимателемъ, а ассоціація рабочихъ безъ предпринимателя [8]).

Классической страной такого рода учрежденій считается Франція. Она, дѣйствительно, положила имъ начало. Первая производительная ассоціація была основана въ 1831 г. Бюшезомъ. Правда и то, что послѣ революціи 1848 г. возникло крупное движеніе въ пользу такой формы предпріятій, и во Франціи, главнымъ образомъ, въ Парижѣ было основано болѣе 200 рабочихъ производительныхъ обществъ; но всѣ они погибли, кромѣ четырехъ, существующихъ и понынѣ. Въ послѣдніе годы ростъ ихъ идетъ быстрѣе, благодаря, главнымъ образомъ, поддержкѣ со стороны государства. Но гибнетъ этихъ обществъ такъ же много, какъ и возникаетъ. Въ настоящее время (1910 г.) насчитывается 440 обществъ; изъ нихъ нѣкоторыя весьма преуспѣваютъ.

Препятствія, съ которыми встрѣчаются производительныя товарищества, весьма многочисленны и болѣе чѣмъ достаточно объясняютъ медленное развитіе ихъ:

а) Первая и самая важная помѣха—недостатокъ экономическаго воспитанія въ рабочемъ классѣ; это не позволяетъ рабочимъ ни найти въ своей средѣ людей, способныхъ управлять промышленнымъ предпріятіемъ, ни довѣрить имъ веденіе дѣла, если бы таковые люди нашлись, такъ какъ уже одно превосходство этихъ людей слишкомъ часто служитъ причиной ихъ исключенія, ни, наконецъ, обезпечить этимъ людямъ, поставивъ ихъ во главѣ предпріятія, долю въ доходахъ, соотвѣтствующую оказываемымъ ими услугамъ, такъ какъ рабочій классъ еще не достаточно сознаетъ превосходство интеллектуальнаго труда надъ физическимъ.

б) Второе препятствіе—недостатокъ капиталовъ. Можно устранить изъ производительнаго предпріятія капиталиста, но ни въ коемъ случаѣ нельзя исключить капиталъ, а современное крупное производство требуетъ нынѣ все [illegible] и болѣе значительныхъ капиталовъ. Какъ достать ихъ простымъ рабочимъ?— Путемъ ежедневныхъ грошевыхъ сбереженій? Это возможно и, дѣйствительно, наблюдается въ кое-какихъ предпріятіяхъ мелкой промышленности, да и то цѣной геройскихъ усилій, но на такой

8) Стюартъ Милль видѣлъ въ свободномъ производительномъ товариществѣ рѣшеніе соціальнаго вопроса. Система соціалиста Лассаля сводилась къ той же коопераціи.

источникъ разсчитывать нельзя.—Или государство дастъ рабочимъ деньги въ ссуду? Опытъ этотъ былъ произведенъ въ 1848 г., но розданные государствомъ 2 милліона не принесли счастья обществамъ, которымъ они достались. Нынѣ государство выдаетъ обществамъ ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ, которыя, повидимому, находятъ лучшее приложеніе.

Впрочемъ, рабочія товарищества съ крѣпкой организаціей, доказавшія свою состоятельность, легко могли бы достать нужные имъ капиталы въ видѣ ссуды либо путемъ учрежденія своего банка (существуетъ уже во Франціи), либо у кредитныхъ или у потребительныхъ товариществъ, располагающихъ уже значительными капиталами.

в) Третье препятствіе—недостатокъ покупателей. Предпріятія рабочихъ товариществъ, какъ общее правило, не достаточно оборудованы, чтобы производить дешево и для широкаго массового потребленія. А, съ другой стороны, у нихъ обыкновенно нѣтъ имени, марки, достаточно извѣстной для привлеченія богатаго покупателя. Къ счастью, во Франціи они нашли себѣ сочувствіе въ лицѣ такихъ покупателей, какъ государство и городскія самоуправленія, и многія производительныя товарищества только, благодаря такой поддержкѣ, и существуютъ. Но при такихъ условіяхъ существованіе ихъ нѣсколько искусственно.

г) Наконецъ, послѣдній камень преткновенія производительныхъ товариществъ тотъ, что они клонятся къ возстановленію тѣхъ самыхъ формъ, которыя они предполагали уничтожить, т. е. къ капиталистической организаціи съ наемнымъ трудомъ, — такъ-то трудно измѣнить соціальный строй! Весьма часто, какъ только дѣла этихъ товариществъ начинаютъ итти хорошо, они закрываютъ къ себѣ доступъ новымъ членамъ и вербуютъ себѣ наемныхъ рабочихъ, обращаясь, такимъ образомъ, просто въ товарищество мелкихъ предпринимателей. Это — главный упрекъ, съ которымъ соціалисты выступаютъ противъ производительныхъ товариществъ и, нужно признаться, упрекъ довольно основательный. Съ другой стороны, требовать отъ рабочихъ, трудящихся съ самаго начала надъ основаніемъ предпріятія цѣной постоянныхъ лишеній и настойчивости, чтобы они подѣлились плодами своихъ трудовъ съ рабочими, приходящими подъ конецъ, когда дѣло уже налажено, это значило бы требовать отъ нихъ необычайнаго самопожертвованія.

Слѣдуетъ все же надѣяться, что эти препятствія можно будетъ обойти путемъ своего рода подготовки, которая можетъ выражаться въ трехъ формахъ:

1) Подготовкой можетъ служить участіе въ прибыляхъ, если предпринимателю угодно будетъ согласиться подготовить свое отреченіе, организуя участіе въ прибыляхъ такимъ образомъ, чтобы рабочіе при его жизни были его соучастниками, а послѣ его смерти—наслѣдниками его. Такъ, именно, сдѣлали (указываемъ наиболѣе извѣстные примѣры) Годенъ, основатель „Фамилистера“ въ Гизѣ, г-жа Бусико, владѣтельница парижскихъ магазиновъ „Au Bon Marché“, и т. д.

2) Подготовкой могутъ служить профессіональные союзы рабочихъ. Многія производительныя товарищества во Франціи вышли изъ нѣдръ этихъ союзовъ [9]). Въ такихъ случаяхъ товарищества не въ состояніи одновременно занять работой всѣхъ членовъ профессіональнаго союза, потому что у нихъ нѣтъ для этого ни капиталовъ, ни рынковъ сбыта, и они даютъ работу по очереди только тѣмъ, кто проситъ ея.

3) Той же цѣли могутъ служить и потребительныя кооперативныя общества, которыя, будучи достаточно развиты и сплочены въ союзы, могутъ учреждать производительныя товарищества, доставлять имъ капиталы въ видѣ ссуды, и обезпечивать постояннаго покупателя для ихъ продуктовъ, т. е., именно, тѣ два элемента, которыхъ имъ недостаетъ для успѣха. Что касается третьяго элемента, управленія, то этотъ элементъ становится все менѣе важнымъ, такъ какъ потребительныя общества ведутъ двояк[а]го рода контроль надъ производительными товариществами, и въ качествѣ кредиторовъ, и въ качествѣ покупателей. Къ этой цѣли стремятся англійскія потребительныя общества. Они уже основали цѣлый рядъ кооперативныхъ товариществъ, съ успѣхомъ ведущихъ свои дѣла.

На этомъ послѣднемъ пути ожидаетъ производительную ассоціацію лучшая будущность. Но въ организаціи ея важно различать двѣ системы: автономную и федеральную.—Въ пер-

---

[9]) По закону профессіональные союзы рабочихъ не могутъ заниматься промышленностью или торговлей и, слѣдовательно, играть роль кооперативной ассоціаціи. Но они могутъ создавать предпріятія въ формѣ отдѣленій при себѣ. Впрочемъ, уже поставленъ вопросъ о предоставленіи имъ этого права по закону.

вой, только что указанной нами, системѣ иниціатива исходитъ отъ самихъ рабочихъ. Рабочіе организуются въ товарищество, чтобы избавиться отъ предпринимателя, а роль потребительныхъ обществъ сводится къ предоставленію въ ихъ распоряженіе капиталовъ и рынка сбыта. — Въ федеральной системѣ сами потребительныя общества—сплотившись въ союзы или же порознь, когда они достаточно сильны—создаютъ фабрики для производства того или другого товара, составляющаго предметъ ихъ потребленія. При этомъ, хотя такія фабрики и называются кооперативными, занятые ими рабочіе остаются простыми наемниками, соучастниками въ предпріятіи они ни въ коемъ случаѣ не состоятъ и даже въ прибыляхъ никакой доли не имѣютъ,—прибыль идетъ исключительно въ пользу потребителей [10]). Противъ этой послѣдней системы раздавались горячіе протесты, и предъявлялось требованіе, по крайней мѣрѣ, участія для рабочихъ въ прибыляхъ и даже сотоварищества въ предпріятіи (копартнершипа); эти пожеланія были осуществлены шотландскими союзами для оптовыхъ операцій.

Въ качествѣ заключенія къ этой главѣ скажемъ, что если политическая эволюція общества послѣдовательно проходитъ чрезъ три фазы—абсолютную монархію, конституціонную и республику, то вполнѣ естественно предположить, что экономическая эволюція должна будетъ въ послѣдовательной смѣнѣ формъ соотвѣтствовать эволюціи политической:—сначала принудительная форма хозяйства (рабство), потомъ монархическая (режимъ наемнаго труда), затѣмъ парламентарная (режимъ предпринимателей, умѣренный участіемъ въ прибыляхъ и нѣкоторымъ участіемъ рабочихъ въ правѣ собственности на предпріятіе и управленіи имъ), наконецъ, республиканская съ кооперативной ассоціаціей. Но мы вправѣ также предположить, что наступленіе демократическаго строя въ экономической сферѣ будетъ происходить еще медленнѣе, чѣмъ въ сферѣ политической.

---

10) Само собою разумѣется, что рабочіе эти участвуютъ въ прибыляхъ, какъ потребители, если только они состоятъ членами того потребительнаго общества, которое нанимаетъ ихъ на работу. Въ такомъ случаѣ, они сами являются своими предпринимателями. Такую цѣль и должна преслѣдовать кооперація.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОТРЕБЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Потребленіе въ его отношеніяхъ къ производству.

I.

Что значитъ слово „потребленіе“?

Потреблять богатство значитъ пользоваться имъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, иначе говоря, давать ему то употребленіе и назначеніе, для котораго оно было произведено. Слѣдовательно, потребленіе есть конечная причина и, какъ прекрасно на это указываетъ его названіе, „завершеніе“ всего экономическаго процесса—производства, обращенія и распредѣленія. Значеніе его много выше занимаемаго имъ въ трактатахъ по политической экономіи скромнаго мѣста. Потребленіе—богатѣйшая область, полная глубокаго интереса, но почти еще не изслѣдованная, и возможно, что настанетъ время, когда, благодаря ей, будетъ обновлена вся экономическая наука. Логически было бы даже послѣдовательнѣе съ потребленія и начинать изложеніе этой науки, и мы, говоря въ первыхъ главахъ нашихъ „Основъ“ о потребностяхъ и предѣльной полезности, уже находимся въ области потребленія. Слѣдуетъ перечитать эти главы прежде, чѣмъ итти дальше.

Слово „потребленіе“ подаетъ поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, которыхъ слѣдуетъ остерегаться.

Такъ какъ потребленіе—цѣль всякаго производства, то, пере-

ставъ потреблять, люди, очевидно, перестанутъ и производить; когда люди не станутъ больше ѣсть хлѣба, они прекратятъ сѣять его. Отсюда напрашивается тотъ выводъ, что нужно возможно больше способствовать потребленію для того, чтобы способствовать производству. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ дальше, и дѣлаетъ общественное мнѣніе столь снисходительнымъ ко всякаго рода расточительности.

Интенсивное потребленіе, по-американски, есть, несомнѣнно, могущественный стимулъ производства, такого, напр., какъ въ С.-А. Соедин. Штатахъ. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что, будучи конечной, потребленіе вовсе не является дѣйствительной причиной производства. Единственной причиной производства являются уже извѣстные намъ факторы: трудъ, земля и капиталъ, и не потребленіе, какъ это само собою ясно, ведетъ къ созданію или увеличенію каждаго изъ этихъ трехъ факторовъ. Наоборотъ, оно неустанно трудится надъ разрушеніемъ произведенія ихъ и надъ опорожненіемъ резервуара, который они трудятся наполнять. Если бы эти факторы представляли изъ себя неизсякаемый резервуаръ, который тѣмъ больше наполняется, чѣмъ больше изъ него вытекаетъ, то можно было бы согласиться съ тѣмъ, что, чѣмъ больше люди потребляютъ, тѣмъ больше производится продуктовъ. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. Никому же не придетъ въ голову утверждать, что чѣмъ больше собирается въ саду плодовъ, тѣмъ больше ихъ созрѣваетъ тамъ, чѣмъ больше вылавливается въ морѣ рыбы, тѣмъ больше ея появляется въ немъ, чѣмъ больше сжигается деревьевъ, тѣмъ выше и гуще становятся лѣса!

Правда, всякое производство богатства требуетъ непрерывнаго потребленія сырья, угля и т. д., словомъ, оборотнаго капитала, и въ этомъ смыслѣ потребленіе есть необходимое условіе и даже причина производства. Но занимающее насъ въ настоящей главѣ потребленіе ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ потребленіемъ, которому собственно не слѣдовало бы давать такого названія. Экономисты обыкновенно обозначаютъ послѣднее потребленіе именемъ „производительнаго потребленія“, а первое, служащее для непосредственнаго удовлетворенія нашихъ потребностей, — именемъ „непроизводительнаго потребленія“. Вотъ это непроизводительное потребленіе и есть настоящее потребленіе, и за нимъ только слѣдовало бы сохранить названіе „потребленіе“. „Величе-

ственный жестъ сѣятеля“ долженъ оставаться символомъ акта производства par excellence. Квалифицировать его, какъ актъ потребленія — это все равно, что отождествлять два такихъ совершенно противоположныхъ дѣйствія, какъ сѣять хлѣбъ и ѣсть его. Только бѣдностью и неправильностью экономической терминологіи можно оправдать одинаковое наименованіе этихъ двухъ различныхъ актовъ.

Экономическій процессъ, несомнѣнно, образуетъ замкнутый кругъ: человѣкъ производитъ для того, чтобы ѣсть, а для того, чтобы производить, необходимо ѣсть. Положеніе это настолько правильно, что нѣкоторые экономисты видятъ, напримѣръ, въ посѣвѣ актъ потребленія, въ то время какъ другіе (Джевонсъ) въ питаніи рабочихъ видятъ актъ производства, ибо потребляемые рабочими продукты они разсматриваютъ, какъ авансированный труду капиталъ. Но, тѣмъ не менѣе, необходимо указать, гдѣ конецъ и гдѣ начало круга, если мы хотимъ разобраться въ экономическомъ процессѣ. А концомъ его является удовлетвореніе потребностей человѣка [1]). Съ этого только момента богатство потребляется окончательно. До него, претерпѣвая всевозможныя видоизмѣненія, оно находится только въ процессѣ производства.

Наконецъ, какъ не слѣдуетъ смѣшивать потребленія съ производствомъ, такъ равно не слѣдуетъ считать потребленіе синонимомъ разрушенія. Правда — что и подаетъ поводъ къ смѣшенію — есть нѣкоторыя потребности (питаніе, напримѣръ, или отопленіе), которыя могутъ быть удовлетворены только путемъ видоизмѣненія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей. Для того, чтобы воспользоваться хлѣбомъ и виномъ, т. е. для того, чтобы превратить ихъ въ тѣло и кровь, мы должны съѣсть ихъ, и чтобы согрѣть себя, мы должны сжечь дрова,—это прискорбная необходимость.

Но, къ счастью, есть много другихъ богатствъ, которыми можно пользоваться, не прибѣгая къ уничтоженію ихъ: дома, сады, деньги, мебель, предметы искусства. Правда, они тоже не вѣчны и рано или поздно погибаютъ, благодаря простой случайности или просто

---

[1]) Отсюда слѣдуетъ, что при такомъ строѣ, гдѣ самъ человѣкъ является лишь простымъ орудіемъ производства — рабъ для господина или наемный рабочій для предпринимателя — точка зрѣнія измѣняется: потребленіе раба или сельскаго работника справедливо разсматривается, какъ издержки производства, лицомъ, пользующимся ихъ трудомъ.

отъ времени—tempus edax rerum (всеистребляющее время)!—но такое уничтоженіе никакъ не должно быть приписано потребленію. Венеру Милосскую изуродовали варвары, а не обожатели ея. Потому-то мы и заботимся о сохраненіи вещей, и если бы можно было сдѣлать всѣ вещи (одежду, бѣлье, мебель, дома и т. д.) неизнашиваемыми, онѣ еще лучше отвѣчали бы своему экономическому назначенію: при такомъ положеніи ими можно было бы пользоваться до безконечности, а это—идеалъ потребленія.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда потребленіе не можетъ обойтись безъ истребленія полезностей, разумная экономія находитъ средство извлекать выгоду изъ погибшихъ полезностей путемъ извлеченія изъ нихъ новой полезности: изъ тряпокъ вырабатывается бумага, изъ остатковъ каменнаго угля цѣлый рядъ красокъ и благовонныхъ маслъ. Возможность использованія остатковъ, напримѣръ, нефти, является одной изъ причинъ превосходства крупной индустріи. Такимъ образомъ, при экономіи, доведенной до совершенства, ни одна полезность не исчезала бы, а только видоизмѣнялась бы. И потребленіе было бы лишь исторіей метаморфозъ богатства.

II.

Будетъ ли производство въ состояніи поспѣвать за потребленіемъ? Законы Мальтуса.

Хотя потребленіе не предполагаетъ непремѣнно истребленія, все же большинство актовъ потребленія, главнымъ образомъ, въ области питанія, ведетъ къ ежедневному и безпрерывно возрастающему поглощенію продуктовъ. Отсюда поставленный въ заголовкѣ вопросъ.

Въ старое время онъ особенно сильно волновалъ экономистовъ. Появляясь на свѣтъ, всякій человѣкъ приноситъ съ собой ротъ,—и двѣ руки, правда,—но ротъ начинаетъ функціонировать немедленно, а руки—только 15—20 лѣтъ спустя. Такимъ образомъ, въ порядкѣ вещей, что потребленіе намного предваряетъ производство. Но это не все. Экономисты опасаются, какъ бы производство (по крайней мѣрѣ, продуктовъ питанія) не было ограничено въ будущемъ закономъ непропорціональнаго дохода (см. стр. 91), между тѣмъ какъ числу ртовъ предопредѣлено, несомнѣнно, без-

конечно возрастать, и при этомъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія полагать, что аппетитъ нашихъ потомковъ сократится по сравненію съ нашимъ аппетитомъ. Такимъ образомъ, можетъ, пожалуй, наступить время, когда производство не будетъ поспѣвать за потребленіемъ.

Немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ эти опасенія съ особенной силой были выражены англійскимъ экономистомъ Мальтусомъ. Въ формулѣ, пользовавшейся чудовищной извѣстностью, онъ утверждалъ, что населеніе стремится возрастать въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства существованія могутъ возрастать лишь въ ариѳметической. Мальтусъ выражалъ этотъ законъ въ слѣдующихъ цифрахъ, служившихъ, по его намѣренію, лишь иллюстраціей его соображеній:

Прогрессія населенія: 1. 2. 4 8. 16. 32 64...

Прогрессія производства: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7...

Періодъ времени, который долженъ былъ протечь между двумя послѣдовательными членами его прогрессіи, Мальтусъ исчислялъ въ 25 лѣтъ. Изъ этого онъ дѣлалъ выводъ, что, по прошествіи двухъ столѣтій, отношеніе населенія къ средствамъ существованія выразится, какъ 256 : 9, по прошествіи трехъ столѣтій, какъ 4096 : 13, и что по истеченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій разница выразится въ невообразимо громадной цифрѣ.

И замѣтьте, что опасенія Мальтуса относились не только къ болѣе или менѣе отдаленному будущему. Онъ пытался доказать, что этотъ натискъ населенія происходитъ въ настоящее время, и въ прошломъ также всегда происходилъ, и что равновѣсіе поддерживается только, благодаря своего рода правильному кровопусканію, производящемуся надъ родомъ человѣческимъ войнами, эпидеміями, голодомъ, нищетой, проституціей и другими ужасными бичами—ужасными, но ему, съ этой его новой точки зрѣнія, представляющимися истинно-провиденціальнымъ [2]) ниспосланіемъ.

Все-таки, Мальтусъ надѣялся, что въ будущемъ люди будутъ имѣть благоразуміе замѣнить репрессивныя препятствія пре-

---

[2]) Провиденціальнымъ не только потому, что оно служило поддержанію равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, но и потому, что, устраняя самыхъ слабыхъ и неспособныхъ, способствовало усовершенствованію вида вообще. Извѣстно, что Мальтусъ былъ вдохновителемъ Дарвина: послѣдній самъ признавалъ это.

вентивными, добровольно ограничивъ ростъ населенія. Съ этой цѣлью онъ совѣтовалъ людямъ моральное обузданіе, т. е. вступленіе въ бракъ въ такомъ возрастѣ, когда у нихъ достаточно средствъ для содержанія дѣтей [3]),— моральное, а не легальное, такъ какъ Мальтусъ былъ противъ того, чтобы закономъ воспрещалось вступленіе въ бракъ людямъ, не имѣющимъ опредѣленнаго дохода, какъ это дѣлалось раньше въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ. Но онъ опасался, что этимъ высокоморальнаго значенія совѣтамъ его не послѣдуютъ.

Цѣлое столѣтіе протекло со времени возникновенія этого знаменитаго ученія, и опытъ до сихъ поръ не оправдалъ пессимистическихъ предсказаній Мальтуса.

Съ одной стороны, что касается предполагаемой недостаточности средствъ существованія, то извѣстные намъ психологическіе законы о разнообразіи, ограниченіи и замѣнѣ потребностей (см. стр. 39—45) открываютъ предъ нами нѣкоторыя благопріятныя перспективы. Хотя природа даетъ намъ лишь ограниченное количество каждаго богатства, но зато она предоставляетъ въ наше распоряженіе по-истинѣ безконечное количество возможныхъ комбинацій, такъ что желаніямъ людей никогда не исчерпать его. Напримѣръ, потребность питанія никогда не будетъ замѣнена какой-нибудь другой потребностью, но зато отдѣльный продуктъ для удовлетворенія потребности питанія всегда можно будетъ замѣнить какимъ-нибудь другимъ. Если бы люди должны были питаться только хлѣбомъ, то рано или поздно, вѣроятно, не хватило бы хлѣба; но такъ какъ они, напротивъ, все меньше и меньше ѣдятъ хлѣбъ и замѣняютъ его безконечнымъ множествомъ различныхъ продуктовъ и безпрестанно находятъ новые, то нѣтъ основанія полагать, что когда-нибудь будетъ исчерпанъ списокъ продуктовъ ихъ питанія.

---

[3]) Но, вопреки тому, что думаютъ и чему учатъ нынѣ нео-мальтузіанцы, Мальтусъ никогда не проповѣдывалъ ограниченія числа дѣтей въ бракѣ (см. выдержки изъ его сочин., приводимыя нами въ Histoire des Doctrines—„Исторіи экономическихъ ученій“, - есть русскій переводъ); моральное обузданіе должно дѣйствовать до брака, а не послѣ него. Шесть дѣтей онъ считалъ нормальнымъ числомъ и прибавлялъ еще: „супруги не могутъ знать, не будетъ ли у нихъ больше“.

Рекомендуя безбрачіе тѣмъ, кто не имѣетъ средствъ, необходимыхъ для воспитанія дѣтей, онъ осуждалъ внѣбрачную связь, такъ какъ результаты ея въ смыслѣ рождаемости тѣ же и худшіе. Его моральное обузданіе—объ этомъ онъ категорически заявляетъ—предполагаетъ воздержаніе отъ всякихъ половыхъ сношеній.

Вотъ почему намъ приходится наблюдать, что почти во всѣхъ странахъ ростъ богатства происходитъ быстрѣе роста населенія, и предъ нами нынѣ возникаютъ иныя опасенія. Въ настоящее время, когда рынки ломятся отъ индустріальныхъ и сельскохозяйственныхъ продуктовъ до такой степени, что государствамъ приходится прибѣгать къ таможеннымъ заставамъ для огражденія себя отъ того, что они называютъ наплывомъ чужеземныхъ продуктовъ, ставится скорѣе такой вопросъ: найдется ли достаточно рынковъ для производства?

Возможно, однако, допустить, что чрезмѣрный и неожиданный ростъ производства по сравненію съ потребленіемъ за эти послѣдніе года объясняется причинами, которымъ не суждено повториться: обращеніемъ подъ обработку новыхъ земель и толчкомъ, даннымъ паровой машиной развитію средствъ перевозки. Въ концѣ концовъ, очевидно, земля съ ея 13 милліардами гектаровъ, изъ которыхъ только, повидимому, 9 милліардовъ удобны для обработки, не будетъ въ состояніи прокормить безконечное количество людей.

Съ другой стороны, если бы даже и предвидѣлось нѣкоторое замедленіе въ ростѣ производства, то еще болѣе вѣроятно замедленіе рождаемости, и вотъ съ этой стороны предвидѣнія Мальтуса, въ особенности, повидимому, неосновательны. Превентивныя препятствія дѣйствуютъ съ такой силой, что въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно, во Франціи, вызываетъ тревогу [4]) стаціонарное состояніе или, можетъ быть, даже сокращеніе населенія. Ошибка Мальтуса заключается въ смѣшеніи полового инстинкта съ желаніемъ имѣть потомство. Правда, природа тѣсно связала оба эти инстинкта, но человѣкъ—не безъ ущерба для морали — нашелъ средство разъединить ихъ. Первый инстинктъ—физіологическаго

[4]) Рождаемость быстро сокращается не въ одной Франціи. Явленіе это констатируется почти повсюду. Во Франціи рождаемость упала съ 1850 по 1905 г. съ 27 до 19 на 1000 жителей, въ Англіи за то же время съ 33 до 26 на 1000. Въ австралійскихъ государствахъ пала съ 38 на 1000 жителей въ 1875 г. до 26. И въ старыхъ штатахъ Америки норма рождаемости была бы почти на томъ же уровнѣ, какъ во Франціи, если бы высокая рождаемость иммигрировавшихъ не подняла бы среднюю ея. Германія была единственной страной, гдѣ норма рождаемости очень мало понижалась, но теперь она падаетъ.

Это тождество въ положеніи не мѣшаетъ, впрочемъ, тому, чтобы Франція находилась въ очень критическомъ положеніи неравенства съ другими странами съ точки зрѣнія политической, военной и даже экономической.

порядка, а второй—соціальнаго, моральнаго или религіознаго; послѣдній опредѣляется весьма различными причинами: желаніемъ имѣть семью, наслѣдника, помощника въ своей работѣ и т д.

Леруа Болье устанавливаетъ законъ, что рождаемость сокращается по мѣрѣ роста культуры. Дѣйствительно, статистика показываетъ, что:

1) Рождаемость слабѣе среди богатыхъ, чѣмъ среди бѣдныхъ классовъ. У богатыхъ многочисленность потребностей заслоняетъ потребность имѣть дѣтей, между тѣмъ какъ у бѣдныхъ она остается единственной на ряду съ потребностью пропитанія. Поэтому основательно сдѣлали заключеніе, что рождаемость будетъ сокращаться по мѣрѣ того, какъ будетъ подниматься матеріальный достатокъ общественныхъ классовъ, и будетъ прогрессировать благосостояніе народовъ. Факты вполнѣ подтверждаютъ это: по мѣрѣ того, какъ заработная плата увеличивается, рабочій классъ становится неомальтузіанцемъ.

2) Рождаемость слабѣе въ демократическихъ обществахъ. Въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ рождаемость уменьшается уже прогрессивно, а въ Австраліи — непредвидѣнное явленіе — она пала почти такъ же низко, какъ во Франціи. Можетъ быть, причиной здѣсь является открывающаяся предъ каждымъ человѣкомъ возможность сдѣлать общественно-политическую карьеру, чему помѣхой служитъ семья. Дюмонъ окрестилъ это красочнымъ именемъ *закона капиллярности*. Причина эта дѣйствуетъ одинаково на женщинъ и на мужчинъ: *феминизмъ* (одна изъ сторонъ демократическаго движенія) стремится сократить естественныя для женщинъ функціи жены и матери по мѣрѣ того, какъ предъ ними открываются соціальныя функціи.

По всѣмъ этимъ причинамъ человѣческій родъ болѣе чѣмъ обезпеченъ въ настоящее время отъ чрезмѣрнаго размноженія, и нынѣ уже отыскиваютъ во Франціи—рано или поздно то же самое, вѣроятно, будетъ и въ другихъ странахъ—средства стимулировать ростъ населенія или, по крайней мѣрѣ, устранить препятствія, которыя тормазятъ его. Но предлагаемыя для этого мѣры: облегченіе налогового бремени или даже увеличеніе жалованья многодѣтнымъ семьямъ, пониженіе стоимости жизни путемъ уничтоженія таможенныхъ пошлинъ, реформа законовъ о наслѣдованіи, даже установленіе налога на холостяковъ — совершенно, повидимому, безсильны ослабить только что указанныя нами общія причины.

Можетъ быть, дойдемъ до того, что государство будетъ назначать дѣтямъ пенсію, какъ старикамъ!

III.

Роль потребителя.

Послѣдними словами Бастіа на смертномъ одрѣ были: „Надо научиться разсматривать всякія вещи съ точки зрѣнія потребителя". Этимъ онъ выразилъ настроеніе либеральной политической экономіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, либеральные экономисты, оставаясь вѣрными духу своей школы, думаютъ, что нѣтъ необходимости прибѣгать для этого къ особымъ мѣрамъ, и надо предоставить все свободной конкурренціи. Дѣйствительно, говорятъ они, при режимѣ свободной конкурренціи всякій производитель долженъ изловчиться наилучшимъ образомъ обслуживать кліента, потребителя, дать ему наилучшее за наименьшую цѣну. Ивъ Гюйо написалъ небольшую остроумную и парадоксальную книгу La Morale de la concurrence („Мораль конкурренціи") для доказательства того, что производители проводятъ свою жизнь въ изощреніи по части обслуживанія публики. А потребителю, какъ королю, остается только снисходитъ къ услугамъ ихъ.

Факты не подтверждаютъ этой оптимистической картины. Правда, производитель заинтересованъ въ удовлетвореніи своего кліента, поскольку это для него вообще является наивѣрнѣйшимъ средствомъ расширить свою кліентуру, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свой оборотъ, но это—побочная цѣль: непосредственная цѣль—прибыль, а никакъ не обслуживаніе другихъ. Если предъ нимъ открывается возможность увеличить свою прибыль путемъ взбиванія своихъ цѣнъ или продажи фальсифицированныхъ товаровъ, то онъ, какъ показываетъ опытъ, не останавливается предъ этимъ. Извѣстно, до какихъ угрожающихъ размѣровъ дошли за послѣдніе годы взвинчиваніе цѣнъ и фальсификація товаровъ во всѣхъ странахъ.

Поэтому потребитель правильно поступитъ, не отдавая на попеченіе производителя своихъ правъ и не погружаясь въ успокоительную дремоту въ роли бездѣльника—короля. Ему необходимо энергично защищать свои интересы.

Для этого потребитель долженъ прибѣгать къ тому самому средству, какимъ пользуются производители,—къ ассоціаціи. Ассоціаціи

потребителей бываютъ двухъ различныхъ типовъ: однѣ ассоціаціи преслѣдуютъ цѣль просвѣщенія потребителей на счетъ ихъ правъ и интересовъ и средствъ удовлетворенія послѣднихъ; другія—просвѣщаютъ ихъ на счетъ ихъ обязанностей и средствъ исполненія послѣднихъ. Если потребитель—король въ экономическомъ строѣ, то вѣдь, очевидно, эта королевская власть связана съ отвѣтственностью. Одно не можетъ быть безъ другого. Отъ потребителя зависитъ отвести капиталъ и трудъ отъ отраслей, гдѣ они были заняты, и помѣстить ихъ въ другія, какія ему угодно, что онъ можетъ сдѣлать путемъ измѣненія природы своихъ тратъ, т. е. путемъ опредѣленія разнаго назначенія своимъ деньгамъ. Благодаря этому, оставаясь даже простымъ рантье, потребитель оказываетъ рѣшительное воздѣйствіе на всѣ три фактора производства: землю, трудъ и капиталъ. Онъ командуетъ ими. Подобно евангельскому центуріону, онъ говоритъ одному: „Иди“, и тотъ уходитъ, а другому: „Приди“, и тотъ приходитъ. Эта власть командовать и возлагаетъ на богатаго особыя обязанности, такъ мало понятыя до сего времени.

Что касается первыхъ ассоціацій, то можно было бы сослаться здѣсь, прежде всего, на, такъ называемыя, потребительныя общества; мы посвятимъ имъ особую главу. Можно было бы назвать лиги защиты противъ протекціонизма въ родѣ, напримѣръ, лиги, боровшейся противъ пошлины на хлѣбъ и игравшей такую огромную роль въ 1840 г. въ экономической исторіи Англіи (см. стр. 319), или въ родѣ лигъ, борющихся за изданіе законовъ противъ фальсификаціи товаровъ, или за защиту правъ квартиронанимателей, или даже тѣхъ, которыя защищаютъ права путешественниковъ въ родѣ Touring-Club'a [5]).

Что касается вторыхъ ассоціацій, то ихъ въ свою очередь слѣдуетъ подраздѣлить на двѣ категоріи:

а) Однѣ изъ нихъ, путемъ пропаганды и примѣра, борются противъ вреднаго, безнравственнаго и губительнаго потребленія. Среди нихъ на первомъ планѣ фигурируютъ антиалкогольныя, затѣмъ вегетеріанскія и другія общества: общество борьбы противъ употребленія табака или птичьихъ перьевъ на дамскія шляпки и т. д.

б) другія борются противъ взыскательности потребителей, ведущей къ сверхурочному труду для рабочаго класса: напримѣръ,

[5]) Только что организовалась Лига французскихъ потребителей, которая будетъ въ родѣ Союза всѣхъ лигъ.

противъ заказа платья въ послѣдній моментъ, требующаго для своевременнаго исполненія ночной работы, противъ доставокъ на домъ по воскресеньямъ, противъ употребленія слишкомъ тяжелыхъ для носильщиковъ чемодановъ, или противъ найма квартиръ, гдѣ кухни и комнаты для прислуги слишкомъ неудобны. Онѣ называются Соціальными лигами покупателей. Первыя такія лиги были основаны въ Нью-Іоркѣ. Въ Парижѣ такая лига была основана г-жей Брюнъ въ 1900 г. Лиги имѣютъ бѣлые листы, на которые записываются только магазины, принимающіе на себя обязательство сообразоваться съ извѣстными условіями заработной платы, отдыха и т. д. для своихъ рабочихъ и служащихъ, или же раздаютъ магазинамъ ярлыки (labels) для наложенія ихъ на товары въ качествѣ свидѣтельства о благонадежности предпріятія. Если бы эти лиги насчитывали въ своей средѣ огромное количество богатыхъ потребителей, то, понятно, торговцы были бы живо заинтересованы фигурировать на бѣлыхъ листахъ или получить labels, а, вслѣдствіе того, и обезпечивали бы своимъ рабочимъ лучшія условія.

Лиги покупателей, преслѣдующія весьма похвальную цѣль и составляющія даже новую эру въ экономической организаціи, встрѣтили, однако, въ послѣднее время довольно энергичныя нападки со стороны именно либеральной школы экономистовъ. Послѣдніе полагаютъ, что потребитель совершенно некомпетентенъ въ области технической организаціи труда и не призванъ ставить хорошіе или дурные баллы производителямъ.

Важно отмѣтить, что соціалисты цѣликомъ согласны съ экономистами-индивидуалистами по вопросу о функціяхъ потребителей. Они также полагаютъ, что производитель долженъ издавать законы въ этой области. Будущее общество должно покоиться не на потребительной, а на профессіональной ассоціаціи, и только въ этой послѣдней вырабатывается будущая мораль. Идея королевской власти потребителя—буржуазная идея. И, дѣйствительно, не трудно понять, что верховенство потребителя непримиримо съ сущностью марксистскаго соціализма о классовой борьбѣ и побѣдѣ рабочаго класса, ибо функція потребителя, благодаря своей универсальности, исключаетъ всякое классовое дѣленіе. Создавая антагонизмъ интересовъ, группы и классы, производство по необходимости раздѣляетъ людей, и потому оно представляется намъ въ моральномъ отношеніи ниже.

ГЛАВА II.

Расходъ.

I.

Распредѣленіе расходовъ.

Расходъ, это — цѣна, уплачиваемая за предметы потребленія, иначе говоря, выраженное въ деньгахъ потребленіе [1]).

Каждому приходится сообразовать свои расходы со своими доходами. Нѣтъ ничего важнѣе такого распредѣленія расходовъ, ибо оно опредѣляетъ максимумъ удовлетворенія, совмѣстимый съ даннымъ доходомъ. Но это не такъ легко сдѣлать, какъ кажется съ перваго взгляда. Такъ какъ почти у всѣхъ людей, въ особенности же, у бѣдныхъ, потребности выходятъ за предѣлы рессурсовъ, то приходится изощряться, чтобы дать своимъ доходамъ наилучшее приложеніе. А потребитель можетъ вѣдь удовлетворить одну какую-нибудь потребность, только пожертвовавъ другой. Игрушка, принесенная ребенку рабочимъ, предполагаетъ отказъ рабочаго отъ равноцѣнной пачки табаку. Такимъ образомъ, потребитель оказывается въ положеніи торговца, который можетъ пріобрѣсти одно благо только при условіи отдачи другого. И внутренне онъ также взвѣшиваетъ полезность того, отъ чего онъ отказывается, съ полезностью того, что онъ хочетъ потребить, и рѣшаетъ вопросъ, признавъ послѣднюю выше первой. Не слѣдуетъ забывать, что выраженіе „полезность“ взято здѣсь въ экономическомъ смыслѣ желаемости, весьма отличной отъ раціональной полезности. Къ сожалѣнію, очень рѣдко встрѣчаются такіе бюджеты, въ которыхъ расходы распредѣлены точно въ соотвѣтствіи съ истинными потребностями: каждый производитъ это распредѣленіе пропорціонально степени интенсивности своихъ желаній.

---

[1]) Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что трата денегъ не есть ихъ потребленіе: деньги просто переходятъ отъ покупателя къ продавцу. Поэтому въ глазахъ общества всякая трата, даже самая безсмысленная, является безобидной, такъ какъ она переноситъ деньги отъ Петра къ Павлу, и даже похвальной, такъ какъ „она двигаетъ торговлю“. Но для того, чтобы правильно судить о тратѣ, надо смотрѣть не на деньги, а на купленное на деньги богатство: полезно ли оно потреблено.

Австрійская школа сдѣлала попытку облечь законъ распредѣленія расходовъ въ слѣдующую болѣе опредѣленную формулу: для полученія максимума удовлетворенія необходимо и достаточно, чтобы предѣльныя полезности послѣднихъ потребленныхъ предметовъ для каждой категоріи расходовъ были равны. Вотъ что это значитъ. Предположимъ, у потребителя всего 6 су на день для удовлетворенія двухъ потребностей: куренія табаку и чтенія газетъ. Онъ распредѣляетъ свой расходъ такъ: 4 сигары по 1 су, 2 газеты по 1 су. Вышеприведенный законъ говоритъ, что доставленныя послѣдней выкуренной сигарой (№ 4) и послѣдней прочитанной газетой (№ 2) удовлетворенія равны. И, дѣйствительно, если бы они не были равными, если бы, напримѣръ, доставленное послѣдней прочитанной газетой удовлетвореніе было ниже удовлетворенія, доставленнаго послѣдней выкуренной сигарой, то, очевидно, потребитель предпочелъ бы выкурить одной сигарой больше и прочесть одной газетой меньше.

Практически полезнѣе этого психологическаго анализа является анализъ бюджетовъ отдѣльныхъ лицъ и семей и, въ частности, бюджетовъ рабочихъ. Изученіе бюджетовъ рабочихъ семей было предпринято Ле-Плэемъ полвѣка тому назадъ. Л-Плэй видѣлъ въ немъ лучшее орудіе для соціальнаго изслѣдованія, и нынѣ оно составляетъ важный отдѣлъ статистики. Между прочимъ, изученіемъ этимъ констатируется то интересное явленіе, что расходная статья по пропитанію въ рабочихъ бюджетахъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ бюджетъ бѣднѣе [2]).

Есть еще другое болѣе трудное распредѣленіе: распредѣленіе между настоящими и будущими потребностями, другими словами, между расходомъ въ собственномъ смыслѣ слова и сбереженіемъ. Но это мы отложимъ до главы о сбереженіи.

---

[2]) Расходы по пропитанію составляютъ $^2/_3$ всѣхъ расходовъ въ бюджетѣ въ 1000 фр., понижаясь до $^1/_4$ въ бюджетѣ въ 5000 фр. и выше. Этотъ законъ, извѣстный подъ названіемъ „закона Энгеля“, по имени формулировавшаго его нѣмецкаго статистика, былъ провѣренъ многочисленными наблюденіями.

II.

Потребительныя общества.

Люди, которые, какъ общее правило, не любятъ лишеній, искали средства сократить свои расходы, не прибѣгая къ сбереженію, т. е. не ограничивая ни количества, ни качества потребляемыхъ вещей, и такое средство существуетъ: ассоціація.

1) Прежде всего, общее хозяйство.—Если нѣсколько человѣкъ соединятся, чтобы жить въ одномъ домѣ, имѣть общее отопленіе, общій столъ, они такимъ образомъ, конечно, будутъ въ состояніи доставлять себѣ прежнее количество удовлетвореній при гораздо меньшихъ расходахъ. Постоянное доказательство этого положенія представляетъ содержаніе монаховъ въ монастырѣ, солдатъ—въ казармѣ, учениковъ—въ пансіонѣ.

Отъ чего это зависитъ? Отъ тѣхъ же причинъ, благодаря которымъ крупное производство экономнѣе производства изолированнаго,– отъ причинъ, уже извѣстныхъ намъ,' и которыя не трудно перенести съ кое-какими измѣненіями изъ области производства въ область потребленія.

Коммунисты не преминули заключить изъ этого факта, что образъ жизни, практикуемый до сего времени въ человѣческихъ обществахъ, жизнь семьями изолированными группами, влечетъ за собой чрезмѣрный расходъ, настоящее расточеніе богатствъ въ отношеніи помѣщенія, прислуги, кухни и т. д., что для человѣчества было бы большимъ прогрессомъ и великимъ благодѣяніемъ, если бы существующій изолированный образъ жизни былъ замѣненъ жизнью сообща. Никто не развилъ этой идеи съ такимъ увлеченіемъ и излишествомъ, какъ Фурье, давшій описаніе своего фаланстера.

Замѣтьте, что можно осуществить большинство выгодъ отъ жизни сообща, не приневоливая при этомъ къ жизни за табльд'отомъ. Для этого достаточно создать общія службы для всѣхъ обитателей одного и того же дома, предоставляя, однако, каждой отдѣльной семьѣ жить въ особой квартирѣ. Это уже осуществлено во многихъ крупныхъ гостиницахъ на курортахъ. Извѣстно, что такой образъ жизни въ особенности прививается въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, потребность къ

комфорту очень велика, и пользованіе трудомъ домашней прислуги весьма обременительно.

2) Затѣмъ, покупка сообща.—Даже оставаясь при современномъ образѣ жизни съ изолированнымъ хозяйствомъ, все же можно, хотя бы отчасти, реализовать вышеуказанныя выгоды съ помощью потребительнаго общества. Болѣе или менѣе значительное число лицъ соединяется для покупки сообща и оптомъ всѣхъ или части необходимыхъ для ихъ потребленія предметовъ, что даетъ имъ возможность получать эти предметы по болѣе дешевой цѣнѣ.

Соціалистъ Овенъ былъ вдохновителемъ этой формы ассоціаціи, но первый расцвѣтъ потребительной кооперації связанъ съ тысячу разъ пересказанной исторіей честныхъ Рочдельскихъ Піонеровъ (1844 г.). Большинство потребительныхъ обществъ организовалось по, такъ называемому, „рочдельскому типу“, для котораго характерными являются слѣдующія четыре черты [3]):

а) Продажа на наличныя и никогда въ кредитъ;

б) Продажа по рыночной цѣнѣ, а не по собственной, чтобы оставались нѣкоторые излишки;

в) Распредѣленіе большей части излишковъ между членами общества соразмѣрно ихъ покупкамъ (а отнюдь не соразмѣрно ихъ акціямъ, дающимъ право лишь на скромный процентъ);

г) Назначеніе извѣстной части этихъ излишковъ на дѣло соціальной полезности, какъ, напримѣръ, на образованіе членовъ общества, для взноса въ кассу солидарности, на пропаганду, на устройство экскурсій и пр.

Непосредственныя выгоды этихъ учрежденій слѣдующія:

1) Экономія въ расходахъ, если общества продаютъ по себѣстоимости, или сбереженіе, не сопровождающееся лишеніями, если общества, руководствуясь рочдельскимъ принципомъ, предпочитаютъ возвращать покупателю въ концѣ года излишки, приходящіеся на его долю.

2) Прекращеніе фальсификаціи товаровъ, и вслѣдствіе этого болѣе здоровое и болѣе обильное питаніе.

---

[3]) Относительно Франціи см. нашу книгу Les Société's coopératives de consommation, а также серію Almanachs dela coopération française, выходившую съ 1893 г.

Но, если это движеніе будетъ дальше прогрессировать такъ же, какъ это было въ теченіе полувѣка, болѣе отдаленными результатами его будетъ превращеніе современнаго экономическаго строя въ организацію со слѣдующими особенностями:

3) Постепенное устраненіе посредниковъ. Нѣкоторыя изъ потребительныхъ обществъ, напримѣръ, въ Лидсѣ (Англія), въ Бреславлѣ (Германія), въ Базелѣ (Швейцарія) достигли того, что имѣютъ своими членами почти всѣхъ жителей этихъ крупныхъ городовъ и, вслѣдствіе этого, вызвали переворотъ въ мѣстной торговлѣ;

4) Уничтоженіе рекла́мы съ ея чрезвычайными расходами, выставками, продажами „по случаю ликвидаціи“, съ ложью и обманомъ во всевозможныхъ формахъ—и, вслѣдствіе того, поднятіе моральнаго уровня въ мѣновыхъ отношеніяхъ;

5) Постепенное поглощеніе промышленныхъ предпріятій, сопровождаемое уничтоженіемъ прибыли и дивидендовъ по мѣрѣ того, какъ потребительныя общества будутъ сами производить все то, что имъ будетъ необходимо. Теперь дѣлать это въ состояніи пока небольшое число ихъ, но, сплачиваясь въ союзы, они начинаютъ создавать много фабрикъ;

6) Распыленіе крупныхъ состояній вслѣдствіе уничтоженія прибылей и, слѣдовательно, прибавочной цѣнности съ капиталовъ и размноженіе мелкихъ, благодаря кооперативному сбереженію;

7) Равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ и уничтоженіе кризисовъ и безработицы, поскольку объединившіеся потребители будутъ производить пропорціонально своимъ потребностямъ.

III.

Роскошь.

Въ своемъ обычномъ значеніе слово „роскошь“ выражаетъ удовлетвореніе, излишней потребности. Но само по себѣ это опредѣленіе отнюдь не выноситъ роскоши неблагопріятнаго приговора, ибо, по остроумному замѣчанію Вольтера, излишекъ— очень необходимая вещь. Мы должны желать немного лишняго и, слѣдовательно, немного роскоши для всѣхъ, не исключая и самыхъ бѣдныхъ. Сама природа подаетъ намъ примѣръ пышной и иногда экстравагантной роскоши въ лепесткахъ цвѣтовъ, въ

крыльяхъ бабочекъ или въ бронѣ самыхъ микроскопическихъ насѣкомыхъ. Съ другой стороны, исторія учитъ насъ, что на всякую впервые появляющуюся въ мірѣ потребность всегда смотрятъ, какъ на лишнюю. Она представляется по необходимости лишней, во-первыхъ, потому, что никто еще не почувствовалъ ея; во-вторыхъ, потому, что она требуетъ значительнаго труда для своего удовлетворенія, вслѣдствіе хотя бы того, что промышленность еще неопытна въ этомъ направленіи, и вначалѣ неизбѣжно приходится итти ощупью. Не кажется ли въ наше время носильное бѣлье необходимымъ предметомъ? „Остаться въ одной рубашкѣ“— это всѣмъ извѣстное выраженіе послѣдней степени обнищанія. Однако, было время, когда рубашка составляла предметъ большой роскоши, была царскимъ подаркомъ. И тысячи другихъ предметовъ имѣли такую же исторію.

Поэтому, если бы придерживаться аскетическаго принципа подавленія всякой потребности роскоши, то всѣ потребности, прививающіяся человѣку съ первыхъ шаговъ его культурнаго развитія, были бы заглушены въ зародышѣ, и мы еще и по настоящее время жили бы въ бытовыхъ условіяхъ нашихъ предковъ каменнаго вѣка.

Такимъ образомъ, роскошь отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ расточительностью. Горшокъ съ цвѣтами на окнѣ у работницы—роскошь, а не расточительность. И, наоборотъ, разбивать посуду послѣ кутежа—расточительность, а не роскошь. Правда, роскошь легко можетъ выродиться въ расточительность, и только тогда она становится достойной порицанія. Но тутъ трудно провести границу.

Для опредѣленія ея общественное мнѣніе считается исключительно съ суммой потраченныхъ денегъ, но это очень плохой критерій. Съ частной точки зрѣнія достойно порицанія то, что какое-нибудь лицо растрачиваетъ свое имущество на коллекціонированіе почтовыхъ марокъ, на посольское жалованье своему повару или на то, чтобы именоваться императоромъ Сахары, и родственники его хорошо сдѣлаютъ, если учредятъ надъ нимъ опеку, но общество не заинтересовано въ этомъ, ибо деньги, выходящія изъ кармана расточителя, просто переносятся въ карманы его поставщиковъ, его мэтръ-д'отеля или живущихъ на его счетъ паразитовъ [4]).

---

[4]) Это, между прочимъ, ясно выражено въ народной поговоркѣ: que toute dépense fait gagner quelqu'un (всякая трата даетъ кому-нибудь заработать). Возможно, что

Съ соціальной точки зрѣнія истиннымъ критеріемъ является не сумма израсходованныхъ денегъ, а количество богатствъ или труда, потребленное для удовлетворенія данной потребности. Но при этомъ всегда приходится имѣть въ виду, во-первыхъ, то, что количество существующихъ въ настоящее время богатствъ не достаточно для удовлетворенія элементарныхъ потребностей громаднаго большинства нашихъ ближнихъ и, во вторыхъ, то, что всѣ три производительныя силы,—земля, трудъ, капиталъ,—питающія и возобновляющія запасы богатствъ, ограничены количественно. И, вслѣдствіе этого, представляется весьма настоятельной обязанность не обращать на удовлетвореніе лишней потребности слишкомъ большой части наличныхъ силъ и богатствъ, необходимыхъ для существованія массъ народа [5]). Это вопросъ соотношенія. Неразсчетливая роскошь или расточительность состоитъ въ диспропорціи между количествомъ потребленнаго общественнаго труда и степенью полученнаго индивидуальнаго удовлетворенія.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ, украшеніе квартиръ цвѣтами, абсолютно неизвѣстное нашимъ предкамъ и получившее распространеніе во Франціи лишь за послѣдніе двадцать лѣтъ, несомнѣнно, роскошь въ первомъ приведенномъ выше смыслѣ этого слова, потому что оно отвѣчаетъ излишней потребности, но это роскошь прелестная, благодѣтельная и доступная бѣднымъ людямъ. Однако, совсѣмъ другое дѣло украшать свой салонъ орхидеями, привезенными съ Мадагаскара или Борнео цѣной назначенія туда экспедицій, стоившихъ сотни тысячъ франковъ и даже человѣческихъ жизней, или даліями, взращиваемыми въ оранжереяхъ, на отопленіе которыхъ потребуется больше угля, чѣмъ на десять квартиръ въ теченіе всей зимы,—это роскошь во второмъ смыслѣ слова.

Мы не испытываемъ никакого безпокойства при видѣ какой-

трата предполагаетъ истребленіе богатства, какъ въ извѣстномъ апологѣ Бастіа Vitre cassée, но это не всегда бываетъ.

[5]) Вытекаетъ ли изъ нашего опредѣленія, что роскошь перестанетъ быть достойной порицанія, когда общества станутъ достаточно богатыми, чтобы обезпечить всѣмъ своимъ членамъ излишество?—Мы, дѣйствительно, такъ и думаемъ. Если природа, какъ мы только что сказали, можетъ позволить себѣ необычайную роскошь въ своихъ произведеніяхъ, то это значитъ, что для нея ничего не стоютъ ни время, ни силы, ни матерія.

нибудь барыни, носящей элегантно-сшитое у первоклассnаго портного платье, хотя бы за это платье было заплачено 2000 франковъ, ибо, повторяемъ, значеніе имѣютъ не потраченныя деньги, которыя переходятъ изъ рукъ въ руки, а только потраченные трудъ и матерія, послѣднихъ же пошло на это платье, вѣроятно, не больше, чѣмъ идетъ на обыкновенное платье. Но вотъ если та же барыня пришиваетъ къ своему бальному платью нѣсколько метровъ кружевъ, на которыя потребовалось нѣсколько лѣтъ труда кружевницы, это будетъ преступное злоупотребленіе богатствомъ [6]).

Если англійскій лордъ затрачиваетъ нѣсколько милліоновъ на картинную галлерею, это хорошо (хотя было бы лучше, если бы онъ далъ ихъ на общественный музей). Но если онъ, подобно дикимъ баронамъ стараго времени, пожираетъ за обѣдомъ мяса и вина за двадцать человѣкъ или, желая доставить своимъ гостямъ удовольствіе застрѣлить нѣсколько фазановъ, обращаетъ въ мѣсто для охоты земли, которыя могли бы доставить пищу многимъ сотнямъ людей, это тоже будетъ преступное злоупотребленіе богатствомъ.

Не слѣдовало бы, однако, думать, что въ роскоши, расточающей трудъ и богатства, повинны только богатые люди. Существуетъ также расточительность бѣдныхъ, не менѣе обременительная для общества. Какую ничтожную цѣнность представляетъ жемчужина, брошенная Клеопатрой въ свой кубокъ, хотя бы она стоила (кажется) 300.000 сестерцій, по сравненію съ тѣми сотнями милліоновъ, которыя бѣдные классы ежедневно бросаютъ въ свои стаканы въ формѣ спиртныхъ напитковъ! Клеопатра, по крайней мѣрѣ, не отравилась своей жемчужиной!

Что сказать объ искусствѣ? Представляетъ ли оно роскошь? Общее мнѣніе отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ, и экономисты затрудняются найти оправданіе искусству. Однако, если

---

[6]) Но, скажутъ, развѣ для кружевницы не было бы большимъ огорченіемъ не имѣть кружевной работы и лишиться такимъ образомъ своего заработка? Но развѣ нельзя поставить дѣло такъ, чтобы кружевница зарабатывала свой насущный хлѣбъ, изготовляя платья для тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ?

Съ другой стороны, Леруа-Больe замѣчаетъ, что, можетъ быть, единственной „причиной, побудившей мужа заработать милліоны, было желаніе дать возможность своей женѣ носить дорогія кружева". (Préces d'Économie Pol., p. 337). Конечно, роскошь вызываетъ стимулирующее дѣйствіе, хотя бы завистью, которую она возбуждаетъ. Но если трудъ, создающій полезности, тратится на производство предметовъ роскоши, то это трудъ Данаидъ.

мы обратимся къ данному нами опредѣленію роскоши, то увидимъ, что оно не заключаетъ въ себѣ никакого осужденія искусству даже исключительно съ экономической точки зрѣнія, такъ какъ истинное искусство не требуетъ труда, несоотвѣтствующаго результату. Совсѣмъ напротивъ: кусокъ мрамора и рѣзецъ, или метръ полотна и нѣсколько красокъ и нѣсколько дней труда,—и вотъ готово произведеніе, которое доставитъ утонченное наслажденіе цѣлому ряду поколѣній. Дѣло не въ томъ, что американецъ платитъ за картину Рафаэля 2.500.000 франковъ. Не все ли равно, у него находится эта огромная сумма или у купца? Намъ надо считаться съ картиной. Потребовало ли это произведеніе количество труда или капитала, несоразмѣрное съ созданной красотой? Вотъ въ чемъ вопросъ. И мы говоримъ, что не потребовало, ибо оно создано съ помощью очень простыхъ средствъ. А въ такомъ случаѣ искусство не подходитъ подъ опредѣленіе роскоши, данное выше [7]).

IV.

Абсентеизмъ.

Надо различать два рода абсентеизма: абсентеизмъ лицъ и абсентеизмъ капиталовъ.

§ 1. Абсентеизмъ лицъ — усвоенная землевладѣльцами или рантье привычка проводить время за границей или, по крайней мѣрѣ, внѣ своихъ владѣній. Въ нѣкоторыхъ странахъ, а, именно, въ Ирландіи и въ Западной Европѣ, эта привычка весьма распространена. Возникаетъ вопросъ: вызываетъ ли она послѣдствія, непріятныя для родины этихъ лицъ и, vice versa, выгодныя для странъ ихъ мѣстопребыванія?

Съ моральной точки зрѣнія, абсентеизмъ сурово осуждается. Но слѣдуетъ различать, о чьемъ абсентеизмѣ идетъ рѣчь. Осужденіе абсентеизма землевладѣльцевъ вполнѣ основательно, ибо земельная собственность, какъ мы видѣли, есть соціальная функція, которую необходимо отправлять лично, а не чрезъ представитель-

---

[7]) Двѣ противоположныхъ теоріи—за роскошь и противъ нея—существуютъ съ древности. О теоріи противъ роскоши см. у Лавелэ: Le Luxe, а о теоріи за нее—у Леруа-Болье: Traité d'Economie politique. По исторіи роскоши см. четыре тома Baudrillart—Histoire du luxe.

ство, что, впрочемъ, является общимъ правиломъ для всѣхъ общественныхъ функцій. Земельная собственность, основывающаяся на общественной полезности, утрачиваетъ свое оправданіе, разъ ея представитель ограничиваетъ свою роль полученіемъ ренты и своимъ абсентеизмомъ доказываетъ, что онъ ведетъ паразитическое существованіе. Впрочемъ, и помимо этого вѣскаго теоретическаго соображенія, опытъ неоднократно показывалъ (въ Ирландіи, напримѣръ), что абсентеизмъ землевладѣльцевъ, передающихъ свои полномочія управляющимъ или посредникамъ (middlemen), ведетъ къ гибели земледѣльцевъ и земледѣлія [8]). Но что касается рантье, то по своей соціальной функціи (у нихъ тоже имѣется функція: создавать и управлять капиталами) они не связаны ни съ какимъ мѣстомъ. Наоборотъ, нѣкоторый космополитизмъ ихъ даже полезнѣе для того, чтобы съ большей осмотрительностью помѣщать капиталы и слѣдить за ними.

Раздаются жалобы на абсентеизмъ также и съ чисто экономической точки зрѣнія. Благодаря абсентеизму,—говорятъ,—доходы затрачиваются за границей, и выигрываютъ отъ этого заграничные жители. Развѣ на богатыхъ иностранцевъ въ Швейцаріи, въ Италіи, въ Парижѣ, въ Ниццѣ не смотрятъ, какъ на источникъ богатствъ? И не очевидно ли, что уже однимъ фактомъ проживанія абсентеистъ приноситъ прибыль странѣ, гдѣ онъ проживаетъ, и такой же вредъ покинутой имъ родинѣ? Затрачивая свои деньги за границей, онъ уже не сможетъ ни израсходовать, ни помѣстить ихъ у себя дома.

На это, можетъ быть, возразятъ, что не даромъ же абсентеистъ отдаетъ свои деньги, что онъ платитъ ими за границей за свое содержаніе? Если, напримѣръ, англичане расходуютъ въ Швейцаріи 50 милліоновъ франковъ, то развѣ они не потребляютъ за то швейцарскихъ продуктовъ точно такой же цѣнности, такъ что, въ концѣ концовъ, происходитъ обмѣнъ швейцарскихъ товаровъ на англійскіе [9])?—Нѣтъ, можно утверждать, что уплаченные англичанами

---

[8]) Слѣдовало бы также учитывать соціальныя и политическія послѣдствія абсентеизма: французская аристократія паденіемъ своимъ обязана абсентеизму крупныхъ версальскихъ землевладѣльцевъ.

Въ Румыніи землевладѣльцы, пребывающіе за границей, облагаются весьма высокимъ налогомъ.

[9]) Тѣмъ болѣе, что англійскія деньги, вѣроятно, будутъ употреблены на покупку англійскихъ товаровъ, согласно экономическому закону мѣны (см. стр. 306).

50 милліоновъ составляютъ бо̀льшую цѣнность, чѣмъ цѣнность дѣйствительно потребленныхъ англичанами продуктовъ или использованныхъ услугъ, и по слѣдующимъ двумъ основаніямъ:—1) потому что англичане обыкновенно оплачиваютъ всѣ вещи дороже, чѣмъ онѣ стоютъ. Оставляя въ сторонѣ нравственную сторону подобнаго поступка, мы все же должны констатировать, что нѣтъ городовъ, часто посѣщаемыхъ иностранцами, гдѣ не существовало бы у всѣхъ купцовъ двойной цѣны: одной—для иностранцевъ, другой—для мѣстныхъ жителей;—2) во-вторыхъ, потому, что весьма часто иностранецъ платитъ за пользованіе богатства, которое по природѣ своей не можетъ быть ни потреблено, ни уничтожено. Когда иностранецъ нанимаетъ на сезонъ виллу, беретъ на день проводника, покупаетъ право наслаждаться прекраснымъ небомъ, дышать цѣлительнымъ воздухомъ, любоваться голубымъ моремъ или снѣжными горами, онъ ничего не отнимаетъ отъ богатства страны: онъ платитъ странѣ настоящую ренту, подобную той, которою пользуется каждый собственникъ, имѣющій монополію на какое-нибудь естественное преимущество. Въ самомъ дѣлѣ, почему водамъ, въ родѣ швейцарскихъ, морскимъ берегамъ, въ родѣ береговъ у Ниццы, водопадамъ, въ родѣ норвежскихъ, развалинамъ Италіи не служить для страны такими же источниками богатствъ, какъ каменно-угольныя копи или лѣса?

То же самое можно сказать и по отношенію къ каждому отдѣльному лицу. Если въ моемъ имѣніи находится какая-нибудь естественная диковинка, гротъ, развалины и т. д., и я буду брать по франку съ каждаго посѣтителя, то, конечно, мой доходъ увеличится на счетъ кошелька проѣзжихъ.

§ 2.—Абсентеизмъ капиталовъ вовсе не совпадаетъ съ абсентеизмомъ лицъ, ибо, съ одной стороны, можетъ случиться такъ, что рантье, живущіе за границей, оставляютъ свои капиталы на родинѣ, а съ другой, еще чаще случается, что рантье, остающіеся у себя на родинѣ, отсылаютъ капиталы за границу. Такъ, во Франціи не приходится жаловаться на абсентеизмъ лицъ, но зато приходится безпокоиться, особенно, за послѣдніе годы, на абсентеизмъ капиталовъ.

Сумма французскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ за границей, огромна и, по отношенію къ національному богатству, вѣроятно, выше суммы всякой другой страны. Финансисты всего міра знаютъ, что, въ случаѣ нужды, во Франціи можно найти деньги легче и

дешевле. Такое положеніе, несомнѣнно, даетъ Франціи перевѣсъ въ финансовомъ отношеніи, но оно вовсе не свидѣтельствуетъ объ экономическомъ превосходствѣ ея надъ другими странами. Если французы помѣщаютъ столько денегъ за границей, это значитъ, что не находится приложенія деньгамъ внутри страны въ отличіе, напримѣръ, отъ Германіи, которая у себя имѣетъ достаточно широкое поле дѣятельности для поглощенія собственныхъ капиталистовъ. У Франціи приблизительно такой же характеръ, какъ у французскаго буржуа, который предпочитаетъ жить, какъ рантье, выгодно помѣщая свой капиталъ подъ проценты [10]).

За послѣдніе годы этому исходу французскихъ капиталовъ сильно способствовали опасенія, вызванныя проектами налога на доходъ.

Мы, однако, думаемъ, что абсентеизмъ капиталовъ безвреднѣе абсентеизма лицъ. Правда, ушедшіе капиталы служатъ иноземнымъ предпріятіямъ и, вслѣдствіе того, повидимому, отнимаются у туземныхъ. Но необходимо замѣтить, что произведенныя этими капиталами прибыли возвращаются въ свою страну и составляютъ, такимъ образомъ, для послѣдней нѣчто вродѣ ежегодной дани, которую платятъ ей заграничныя страны. А это, какъ мы видѣли, создаетъ благопріятное положеніе съ точки зрѣнія баланса счетовъ и вексельнаго курса (см. стр. 386), ибо долгами на чужія страны вывозящая капиталы страна можетъ уплачивать за свой ввозъ, не открывая кошелька. Въ случаѣ кризисовъ, революцій, неудачныхъ войнъ, помѣщеніе капиталовъ за границей создаетъ также бо́льшую обезпеченность не только для частнаго, но и для національнаго состоянія.

V.

О контролѣ государства надъ потребленіемъ.

Во всѣ времена правительства считали своей прерогативой и обязанностью наблюдать за тѣмъ, чтобы ихъ народы не страдали

[10]) Несправедливо утвержденіе, какъ замѣчаетъ Леруа-Болье, что французскій капиталъ трусливъ. Онъ умѣреннѣе или, если угодно, довѣрчивѣе капитала любой страны. Доказательство: какъ бы ни были многочисленны созданныя имъ во всемъ мірѣ преуспѣвающія предпріятія, тѣмъ не менѣе, многочисленны также и кладбища французскихъ капиталовъ, къ числу которыхъ относится Панамскій перешеекъ!

отъ недостатка, чрезмѣрной дороговизны или плохого качества продуктовъ, и издавали правила, ограничивающія или запрещающія потребленіе предметовъ, противныхъ общественному благу. Не вдаваясь въ подробности, которыя вышли бы изъ рамокъ этой главы, напомнимъ о запасахъ, сдѣланныхъ министромъ Фараона для обезпеченія населенія хлѣбомъ въ теченіе семи голодныхъ лѣтъ; о раздачѣ хлѣба римскимъ гражданамъ, начатой при Гракхахъ и продолжавшейся при имперіи; о мѣрахъ, принимавшихся при старомъ порядкѣ въ средніе вѣка и наканунѣ Революціи для обезпеченія хлѣбомъ рынковъ; объ эдиктахъ, устанавливавшихъ максимальныя цѣны; о законахъ противъ роскоши, регламентировавшихъ ношеніе костюмовъ, мѣховъ, или, по кодексу Мишо при Людовикѣ XIII, воспрещавшихъ ношеніе кружевъ и опредѣлявшихъ число блюдъ за столомъ; наконецъ, о многочисленныхъ и придирчивыхъ регламентахъ при цеховомъ строѣ на счетъ продажи товаровъ.

Провозгласивъ свободу труда, экономисты установили въ то же время принципъ свободы потребленія, и контроль государства въ этой области почти совершенно прекратился на все время господства либеральной школы. Было признано, что потребитель — лучшій судья своихъ интересовъ, и что потребленіе — область частнаго порядка, гдѣ государству нечего дѣлать. Поворотъ въ этомъ отношеніи, обнаружившійся сначала въ торговлѣ и производствѣ, не замедлилъ также отразиться и на потребленіи: принципъ протекціонизма, какъ это было естественно, распространился отъ производителей на потребителей. Государству, впрочемъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться новой власти, авторитетъ которой со дня на день становится все болѣе неотразимымъ,—соціальной гигіенѣ. Къ ея высокому покровительству почти исключительно и взываютъ нынѣ для оправданія государственнаго контроля въ сферѣ потребленія.

Такъ называемые законы о роскоши были оставлены не только потому, что они были вообще недѣйствительны и притѣснительны, но также и потому, что, какъ мы только что видѣли, безполезно и опасно проводить черту, за которой начинается роскошь. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые налоги на предметы или услуги роскоши (на автомобили во Франціи, прислугу въ нѣкоторыхъ странахъ и т. д.) могутъ частично оказывать такое же вліяніе, какъ законы о роскоши.

Можно намѣтить пять формъ вмѣшательства государства въ сферу потребленія:

1) Обезпеченіе потребителямъ достаточнаго количества. — Въ прошломъ заботы государства не шли дальше продуктовъ питанія и почти исключительно хлѣба. Мы только что упоминали о мѣрахъ, которыя принимались въ этомъ направленіи правительствами стараго порядка. Такъ какъ нынѣ возникаютъ опасенія не столько о недостаткѣ, сколько о перепроизводствѣ, эта первоначальная мѣра вмѣшательства отжила свое время. Все же можно отмѣтить для нашего времени проекты аналогичнаго направленія о снабженіи даровымъ хлѣбомъ, предложенные Barrucand'омъ во Франціи и Альфредомъ Вальрасомъ въ Англіи.

2) Защита потребителей противъ повышенія цѣнъ на товары первой необходимости, каковое повышеніе могло бы повести къ прекращенію потребленія бѣдныхъ классовъ. Эта мѣра, очевидно, одного порядка съ предыдущей и, подобно послѣдней, она распространялась только на хлѣбъ и иногда на мясо. Такъ, во Франціи, во время Революціи, законъ 22 іюня 1791 года признавалъ за городскими управленіями право устанавливать цѣны на хлѣбъ и мясо. И этотъ законъ, несмотря на горячія нападки со стороны экономистовъ, еще до сихъ поръ, спустя 119 лѣтъ, остается въ силѣ! Самый почтенный изъ всѣхъ существующихъ въ нашемъ законодательномъ арсеналѣ законовъ.

Правда, по отношенію къ мясу онъ не примѣняется, такъ какъ мясо бываетъ весьма различнаго качества, и невозможно, не прибѣгая къ весьма сложной таксировкѣ, установить максимальную цѣну его, особенно же трудно помѣшать мясникамъ переводить мясо изъ одной категоріи въ другую. Впрочемъ, иногда городскіе головы прибѣгаютъ къ нему, какъ угрозѣ, направленной противъ стачекъ мясниковъ. Но по отношенію къ хлѣбу законъ и нынѣ еще довольно часто примѣняется. Хлѣбъ—однородный продуктъ, и къ нему легче примѣнить правила закона. Однако, у булочниковъ есть много способовъ обойти правила о таксѣ путемъ подмѣшиванія муки низшаго качества или подливанія побольше воды или подсыпанія побольше соли въ тѣсто. Созданіе городскихъ мясныхъ лавокъ или булочныхъ (какъ въ Лиссабонѣ и Катанѣ), или, за отсутствіемъ ихъ, содѣйствіе кооперативнымъ булочнымъ и мяснымъ лавкамъ дало бы потребителямъ, повиди-

мому, болѣе дѣйствительныя гарантіи, чѣмъ этотъ пережитокъ старыхъ эдиктовъ о максимумѣ цѣнъ.

3) Защита потребителей отъ фальсификаціи товаровъ. Между тѣмъ, какъ два предыдущихъ способа вмѣшательства государства выходятъ изъ практики, этотъ третій способъ со дня на день возрастаетъ въ своемъ значеніи, по соображеніямъ двоякаго рода: во первыхъ, вслѣдствіе по-истинѣ чудовищнаго прогресса въ искусствѣ фальсификаціи, о чемъ мы уже упоминали (см. стр. 153), а, во-вторыхъ, вслѣдствіе параллельнаго прогресса въ познаніи законовъ гигіены, т. е. свойствъ питательныхъ субстанцій и наилучшей утилизаціи ихъ для поддержанія функцій и силъ нашего организма. Во всѣхъ странахъ, тоже и во Франціи, были изданы многочисленные законы противъ поддѣлки вина, масла, молока, сахара, мяса и т. д. И, наконецъ, общій законъ 5 августа 1905 года распространилъ контроль на всѣ товары, „служащіе для питанія человѣка и животныхъ“. У всѣхъ торговцевъ отбирается опредѣленное количество товара для анализа въ городскихъ лабораторіяхъ или въ Бюро гигіены, которыя должны быть учреждены во всѣхъ коммунахъ, и въ случаѣ констатированія фальсификаціи возбуждается уголовное дѣло по обвиненію въ фальсификаціи съ участіемъ въ процессѣ экспертовъ.

Изъ всѣхъ способовъ вмѣшательства государства послѣдній экономисты либеральной школы находятъ наиболѣе стѣснительнымъ и недопустимымъ. Когда рѣчь идетъ о производствѣ или обращеніи, можно еще говорить, что затрагивается общественный интересъ, но по отношенію къ потребленію такое вмѣшательство законодателя въ сферу частной жизни, прикрывающееся по сему случаю докторскимъ колпакомъ, экономистамъ представляется столь же забавнымъ, какъ вмѣшательство того доктора съ острова Баратаріи, который повелительнымъ жестомъ палочки разрѣшалъ злополучному Санчо одни блюда ѣсть, а другія приказывалъ убирать со стола.

Въ 1907 году четыре департамента Южной Франціи возстали съ лозунгомъ: Война фальсификаціи! Скандальныя разоблаченія о фальсификаціи консервовъ въ Чикаго вызвали возмущеніе во всемъ мірѣ. Въ 1908 году въ Женевѣ былъ созванъ международный конгрессъ по вопросу о фальсификаціи товаровъ. Неужели, при наличности такихъ фактовъ, можно спорить, что съ фальсификаціей товаровъ не связаны общественные интересы? Говорятъ,

что потребитель самъ въ достаточной мѣрѣ освѣдомленъ о томъ, что̀ онъ потребляетъ, и самъ блюдетъ свои интересы. Но говорить это не значитъ ли пренебрегать тѣмъ фактомъ, что потребитель, даже если онъ обладаетъ всѣми свѣдѣніями по гигіенѣ, весьма часто не можетъ дѣлать выбора, что̀ въ особенности относится къ бѣднымъ классамъ. И неужели можно допустить мысль, что отравляемыя молокомъ грудныя дѣти являются „лучшими судьями своихъ интересовъ“? Впрочемъ, если правда, что потребители сами лучшіе судьи своихъ интересовъ, то ничего больше не остается, какъ вполнѣ положиться на нихъ и предоставить имъ требовать вмѣшательства законодателя. Этого они и добиваются во всѣхъ странахъ.

Мы, впрочемъ, не споримъ противъ того, что примѣненіе мѣръ защиты противъ фальсификаціи связано съ большими трудностями. Съ одной стороны, гигіена еще и понынѣ далека отъ того, чтобы быть непогрѣшимой, а съ другой—нѣтъ ничего труднѣе опредѣленія того, гдѣ начинается фальсификація, и что̀ нужно понимать подъ „настоящимъ“ или „чистымъ“ продуктомъ. Если подъ фальсификаціей понимать всякое видоизмѣненіе естественнаго продукта, то, очевидно, пришлось бы все воспретить, ибо большинство продовольственныхъ продуктовъ во всякомъ случаѣ подвергается искусственному видоизмѣненію, — путемъ варки! Далѣе, подливаніе воды и примѣшиваніе сахара въ вино справедливо считается фальсификаціей, а, между тѣмъ, сама природа для производства вина прибѣгаетъ къ водѣ и сахару. Всѣ эти практическія трудности обязываютъ насъ лишь къ бо́льшей осторожности при примѣненіи закона, но нисколько не колеблютъ необходимости его [11]).

Правда, лиги покупателей и потребительныя общества, о которыхъ мы уже говорили, могли бы прійти на помощь потребителямъ, въ особенности, если бы онѣ были надѣлены правомъ преслѣдованія за нарушеніе правилъ, котораго французскій законъ не признаетъ за частными обществами [12]). Но эти общества какъ

---

[11]) Какъ на любопытный примѣръ вмѣшательства въ интересахъ гигіены, можно сослаться на обязательныя постановленія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городовъ, между прочимъ, Мюнхена, запрещающія дамамъ носить длинныя платья, чтобы не поднимать на улицахъ пыли.

[12]) За исключеніемъ, все же, рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, когда они могутъ доказать, что преслѣдуютъ свой профессіональный интересъ. Сельскіе профессіональные союзы неоднократно пользовались этимъ правомъ.

разъ и нуждаются въ поддержкѣ закона, а законъ въ свою очередь нуждается въ нихъ, ибо есть опасеніе, что безъ содѣйствія ихъ законъ останется недѣйствительнымъ.

4) Преслѣдованіе потребленія вредныхъ товаровъ путемъ запрещенія, если не самого потребленія, что практически трудно осуществимо и вело бы къ покушенію на индивидуальную свободу, то, по крайней мѣрѣ, продажи и фабрикаціи вредныхъ продуктовъ. Такъ, въ Бельгіи, Швейцаріи, Голландіи продажа абсента недавно воспрещена закономъ. Проектъ подобнаго закона былъ внесенъ во французскій парламентъ, но весьма сомнительно, чтобы онъ былъ принятъ. Китай только что воспретилъ опіумъ; желательно, чтобы французскій Индо-Китай послѣдовалъ его примѣру. Во Франціи принимаются мѣры противъ употребленія этого наркотическаго средства, принявшаго угрожающіе размѣры. Наконецъ, извѣстно, что продажа алкоголя и спиртныхъ напитковъ воспрещена въ различныхъ странахъ [13]).

Въ этой главѣ слѣдовало бы сказать о законодательныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ во многихъ странахъ для защиты городскихъ жителей и, въ частности, бѣдныхъ квартирантовъ противъ антигигіеничныхъ жилищныхъ условій, ибо это также входитъ въ область потребленія. Извѣстно, какія подробныя условія—хотя рѣдко выполняемыя внѣ крупныхъ центровъ—предписываются въ отношеніи числа кубическихъ метровъ для комнатъ, высоты потолковъ, отверстій и т. д.

Государство принимаетъ также мѣры противъ игры на деньги, пари и лотереи, либо воспрещая, либо, по крайней мѣрѣ, регламентируя ихъ. Правда, объ этомъ, можетъ быть, слѣдовало бы говорить въ книгѣ о распредѣленіи, и если бы мы посвятили тамъ главу ограбленію во всѣхъ его формахъ, мы не преминули бы удѣлить мѣсто и этому вопросу. Однако, во всѣхъ этихъ играхъ рѣчь идетъ если не объ актахъ потребленія въ собственномъ смыслѣ, то, во всякомъ случаѣ, о расходахъ. И расходы эти заключаются не въ передачѣ только денегъ: они, вмѣстѣ съ тѣмъ, являются непроизводительными расходами какъ въ томъ случаѣ, когда деньги, потерянныя на игру или въ пари, идутъ на мотовство, такъ равно и въ томъ случаѣ, когда ими существуетъ цѣлая группа паразитовъ. Широкое развитіе этихъ привы-

[13]) О борьбѣ противъ алкоголизма см. „Курсъ“.

чекъ среди народныхъ классовъ привлекло къ себѣ вниманіе правительствъ и во Франціи, и въ Англіи. Но до настоящаго времени эти правительства были заняты не столько запрещеніемъ игръ, сколько использованіемъ ихъ для извлеченія дохода.

Что касается лотерей, то извѣстно, что многія какъ прежнія, такъ еще и теперешнія правительства (Италія, Испанія, Гамбургъ и различныя нѣмецкія государства и т. д.) сами эксплоатируютъ ихъ въ формѣ болѣе или менѣе прибыльныхъ государственныхъ предпріятій. Во Франціи отказались отъ этого и поставили лотереи въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія администраціи или парламента, смотря по значительности суммы. Но разрѣшенія эти выдаются весьма щедро подъ предлогомъ филантропіи. Для лотереи нѣкоторымъ извиненіемъ можетъ служить то, что она не такъ опасна, какъ игра на деньги и пари, прежде всего, потому, что потери участниковъ ея ограничены и слишкомъ ничтожны, чтобы повлечь за собой разореніе ихъ, а затѣмъ и потому, что деньги проигравшихъ и даже выигравшихъ могутъ пойти, какъ это и случается, на полезное дѣло. Правда, лотерея, какъ способъ распредѣленія богатствъ, имѣетъ тотъ плачевный результатъ, что вызываетъ разсчеты на дѣйствіе случайности и пріучаетъ общественное мнѣніе къ мысли о пріобрѣтеніи богатства безъ труда, но она даетъ каждому, по крайней мѣрѣ, болѣе равные шансы, чѣмъ игра и пари, гдѣ неравенство шансовъ стоитъ на границѣ мошенничества, и даже, можно сказать, удовлетворяетъ упрощенному представленію о справедливости.

5) Наконецъ, законъ можетъ быть призванъ ко вмѣшательству не для защиты интересовъ потребителя, а, напротивъ, для возложенія на него обязанностей, присущихъ его соціальной функціи. Есть много продуктовъ, продажа которыхъ будетъ, несомнѣнно, воспрещена когда-нибудь, потому что потребленіе этихъ продуктовъ связано съ актами безсмысленнаго и дикаго истребленія, какъ, напримѣръ, съ убійствомъ нѣкоторыхъ видовъ животныхъ, слоновъ и многочисленныхъ птицъ, хотя бы, нашихъ ласточекъ!

ГЛАВА III.

Сбереженіе.

I.

Два вида сбереженія.

Слово „сбереженіе“ въ нашемъ языкѣ служитъ для обозначенія двухъ весьма различныхъ категорій актовъ, не имѣющихъ между собою никакой связи, хотя въ обыденной рѣчи, и даже въ книгахъ по политической экономіи, эти акты обыкновенно смѣшиваются.

§ 1.—Подъ сбереженіемъ подразумѣвается искусство удовлетворять свои потребности путемъ наименьшаго потребленія, т. е. путемъ извлеченія наибольшей выгоды изъ сырыхъ матеріаловъ или денегъ, путемъ экономіи въ нихъ. Въ этомъ смыслѣ сбереженіе есть примѣненіе гедонистическаго принципа, который, какъ мы знаемъ, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить себѣ максимумъ удовлетворенія съ минимумомъ жертвъ. Опытная хозяйка сумѣетъ потратить на приготовленіе обѣда въ два раза меньше угля и масла, чѣмъ другая, наразсчетливая, и даже больше: она сумѣетъ съ меньшей суммой денегъ сдѣлать для своего мужа и дѣтей болѣе питательныя кушанья. Экономія находитъ себѣ мѣсто не только въ области питанія, но и въ области всякаго рода потребностей: заботливый человѣкъ сохранитъ свое новое платье въ три раза дольше, чѣмъ другой, который немедленно износитъ его; одному со скромнымъ бюджетомъ удается получать столько же удовлетворенія или вести такую же широкую жизнь, какъ другому—съ дырявыми, какъ говорятъ, руками.

Не приходится думать, что эта форма сбереженія не важна для національной экономіи. Самъ по себѣ каждый отдѣльный случай такого сбереженія, конечно, ничтоженъ, но взятые въ массѣ изъ всѣхъ сферъ потребленія случаи такихъ сбереженій даютъ огромный итогъ и могутъ представить значительную долю національнаго дохода. Мотовство американцевъ, не исключая и рабочихъ классовъ, въ сферѣ потребленія—фактъ довольно извѣстный. Этому обстоятельству, какъ утверждаютъ, они отчасти обязаны активностью своего производства. Это возможно. Но этому же обстоятель-

ству они обязаны тѣмъ, что отъ своей производительной активности они дѣлаютъ ничтожное сбереженіе по сравненію со своей весьма высокой заработной платой и колоссальными доходами. Тогда какъ, напротивъ, французскія семьи, благодаря разумной экономіи, могутъ жить комфортабельно съ такими доходами, которые американцамъ показались бы нищенскими.

Такую экономію можно соблюдать не только въ сферѣ семейнаго, но и въ сферѣ національнаго потребленія. Многіе народы плохо утилизируютъ естественныя богатства своей территоріи и, можетъ быть, самой несомнѣнной выгодой отъ протекціонистской системы при раціональной постановкѣ ея было бы воспитаніе страны въ этомъ именно направленіи. Паттенъ, напримѣръ, замѣчаетъ, что хлопкомъ и маисомъ, туземными продуктами Соединенныхъ Штатовъ, можно было бы съ успѣхомъ замѣнить другіе сырые матеріалы текстильной промышленности и хлѣбные продукты, вывозимые С. Америкой изъ-за границы. Недавно въ Англіи возникъ своеобразный проектъ, тоже относящійся къ разсматриваемому нами порядку идей. По этому проекту предполагалось лучше использовать солнечный свѣтъ, который природа такъ неумѣло распредѣлила въ Англіи по временамъ года: лѣтомъ слишкомъ длинный, а зимой слишкомъ короткій день. А, съ другой стороны, гражданскій день въ Англіи, т. е. день, регулирующій жизнь и дѣятельность людей, плохо приноравливается къ солнечному дню: начинается и кончается слишкомъ поздно, такъ что приходится прибѣгать къ потребленію искусственнаго свѣта, ведущему для всѣхъ Британскихъ острововъ къ значительнымъ расходамъ. Упомянутый выше проектъ предлагалъ въ законодательномъ порядкѣ (Day Light Saving Bill—законъ объ экономіи дневного свѣта) измѣнить официальные часы такъ, чтобы, начиная съ апрѣля, они отмѣчали 8 ч. 20 мин. въ то время, когда по солнцу всего 7 часовъ, и вся дѣловая жизнь приноравливалась бы къ этому измѣненному времени. Дѣловой день, естественно, заканчивался бы на 1 часъ 20 мин. раньше, а, вслѣдствіе этого, меньше потреблялось бы газа для освѣщенія.

Экономія есть настоящее искусство, которому, какъ всѣмъ искусствамъ, надо учиться. Было бы большимъ благодѣяніемъ, надежнымъ залогомъ обогащенія страны, если бы преподаваніе этого искусства было хорошо поставлено, въ частности, для женщинъ, призванныхъ на практикѣ прилагать его. Образованіе хозя-

екъ принимаетъ нынѣ широкій размахъ, особенно, въ Германіи. Въ Берлинѣ и другихъ городахъ существуютъ школы теоретическаго и практическаго образованія съ кухнями вмѣсто лабораторій [1]). Въ Германіи и Швейцаріи существуетъ даже передвижное образованіе съ передвижными кухнями, которыя, подобно телѣгамъ скомороховъ, переѣзжаютъ изъ города въ городъ.

§ 2.—Сбереженіе принимается также и въ другомъ смыслѣ. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить свои текущія потребности, человѣкъ думаетъ о будущихъ потребностяхъ и (какъ очень хорошо говоритъ народная пословица: „met quelque chose de coté“) откладываетъ кое что про запасъ на завтрашній день, на старость или на своихъ дѣтей. Это уже не экономное, а отсроченное потребленіе, не просто экономія, а предусмотрительность.

На обыденномъ языкѣ и даже на языкѣ экономистовъ сбереженіе обыкновенно ассоціаціируется съ помѣщеніемъ денегъ, т. е. съ производительнымъ употребленіемъ сбереженія. Но это два совершенно различныхъ акта, и изучать ихъ слѣдуетъ отдѣльно, ибо сбереженіе въ себѣ находитъ свою цѣль и довольствуется самимъ собою. Забота о будущихъ потребностяхъ является уже довольно важнымъ экономическимъ актомъ.

Сбереженіе съ давняго времени проповѣдывалось экономистами, какъ единственный источникъ богатства и единственное средство для спасенія рабочаго класса.

Общественное же мнѣніе, напротивъ, всегда относилось къ сбереженію довольно неблагосклонно, и даже такой высокій умъ, какъ Монтескье, могъ, напримѣръ, сказать слѣдующую фразу: „Если богачи расходуютъ не много, бѣдняки умираютъ съ голоду“.

Можетъ быть, эти два мнѣнія примирятся такимъ образомъ: бѣднымъ надлежитъ сберегать, а богатымъ—тратить? Но, съ точки зрѣнія соціальной, какъ разъ обратное, по нашему мнѣнію, должно бы быть правиломъ.

Что касается богатыхъ, то ихъ сбереженіе, что бы ни думалъ Монтескье, полезнѣе для рабочихъ, чѣмъ для нихъ самихъ. И вотъ почему.

---

1) „Тамъ я слушала лекцію о приготовленіи фасоли, весьма интересную и логически строго выдержанную!“ Это трогательное свидѣтельство исходитъ отъ г-жи Молль-Вейсъ: L'enseignement ménager en Allemagne (изд. Musée Social, 1905 г.).

Прежде всего, если сбереженіе дополняется помѣщеніемъ, что бываетъ общимъ правиломъ, то сберегающій богачъ (какъ мы это увидимъ сейчасъ) дѣлаетъ не что иное, какъ переноситъ на другихъ — въ томъ числѣ и на рабочихъ — свою способность потребленія.

Но если бы даже богачъ не давалъ своимъ деньгамъ производительнаго назначенія, если бы онъ копилъ ихъ въ самомъ тѣсномъсмыслѣ этого слова—предположеніе весьма маловѣроятное[2]),— то и въ такомъ случаѣ онъ никому не приносилъ бы вреда, развѣ только себѣ или своей семьѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что изъ себя представляютъ монеты, зарытыя въ землю или положенныя въ несгораемый шкафъ? Каждую монету, какъ мы знаемъ, слѣдуетъ разсматривать, какъ значокъ, дающій его владѣльцу право на извѣстную часть изъ суммы существующихъ богатствъ. Но человѣкъ, который дѣлаетъ сбереженіе, тѣмъ самымъ просто заявляетъ, что онъ въ данный моментъ отказывается отъ права на свою часть богатствъ. Ну, такъ что же! Онъ воленъ поступать, какъ хочетъ: онъ никому вреда не приноситъ. Часть богатства, которую онъ могъ бы потребить, и отъ которой онъ отказывается, будетъ потреблена другими,—вотъ и все [3])!

Соціальная полезность сбереженія состоитъ въ образованіи, путемъ соединенія отдѣльныхъ сбереженій, массы свободнаго капитала, изъ котораго по мѣрѣ надобности могутъ черпать новыя предпріятія. Если Франція съ честью могла сохранить свое положеніе крупной промышленной державы на ряду со странами, пре-

---

[2]) Гарпагонъ—онъ самъ объ этомъ говоритъ—помѣщалъ свои деньги, и его знаменитая шкатулка была зарыта въ саду только въ ожиданіи счастливаго случая для ссуды денегъ, содержавшихся въ ней, подъ большіе проценты.

[3]) Съ моральной точки зрѣнія, скупость потому и презирается, что, извлекая деньги изъ обращенія, скупецъ самъ устраняетъ себя отъ всякой соціальной функціи и по необходимости живетъ эгоистомъ. Но, съ соціальной точки зрѣнія, какой-нибудь Гарпагонъ—личность совершенно безобидная.

Дѣйствіе скупца только въ томъ случаѣ можетъ причинить ущербъ обществу, если оно распространяется на предметы, которые не могутъ сохраняться,—тогда это дѣйствіе равносильно настоящему уничтоженію богатства; таковъ, напримѣръ, поступокъ того скупца изъ басни Флоріана, который хранилъ яблоки до тѣхъ поръ, пока они не сгнили и,

Lorsque quelqu'une se gâtait
En soupirant il la mangeait!

(Когда какое-нибудь яблоко портилось, онъ со вздохомъ съѣдалъ его!)

восходящими ее и численностью населенія, и активностью индустріи, и технической оборудованностью предпріятій, то этимъ она обязана въ особенности мощи своего сбереженія [4]).

Поскольку сбереженіе полезно для страны, постольку оно является обязаннностью для тѣхъ, кто можетъ дѣлать его, т. е. для богатыхъ, для рантье. На ихъ долю выпало дѣло сбереженія, такъ какъ только они могутъ совершать его безъ ущерба для всякой другой своей законной потребности. Они суть или, во всякомъ случаѣ, они должны быть „экономами“ общества въ старомъ и сильномъ значеніи этого слова.

Впрочемъ, мы вовсе не хотимъ сказать, что сбереженіе должно составлять единственную и даже главную обязанность богатыхъ людей. Есть и другія дѣла для нихъ, составляющія болѣе насущную соціальную обязанность, чѣмъ сбереженіе: напримѣръ, филантропія, искусство, наука и т. д. Если они не будутъ дѣлать этого, то за это должны будутъ взяться государства или города, но послѣдніе смогутъ выполнить эту свою обязанность только съ помощью налоговъ, взимаемыхъ со всѣхъ жителей.

Но что касается бѣдныхъ, а имъ, главнымъ образомъ, и проповѣдуется сбереженіе, то экономисты и моралисты, можетъ быть, немного превзошли мѣру въ этомъ отношеніи. Мы не скажемъ, что для бѣдныхъ слишкомъ часто невозможно сбереженіе, ибо сбереженіе всегда возможно даже для самаго бѣднаго человѣка: эластичность потребностей человѣка удивительна; онѣ могутъ безко-

---

Но, скажутъ, что стало бы съ промышленностью и торговлей, если бы богатые начали сберегать всѣ свои доходы, если бы, одержимые духомъ покаянія, они ограничивались хлѣбомъ и водой?

Въ такомъ случаѣ производство предметовъ, предназначенныхъ для потребленія богатыхъ классовъ, несомнѣнно, прекратилось бы за недостаткомъ спроса, а производство товаровъ, необходимыхъ для народнаго потребленія, продолжалось бы и получило бы могучій стимулъ, такъ какъ оно осталось бы единственнымъ рынкомъ для помѣщенія денегъ; товаровъ этихъ, по всей вѣроятности, было бы больше, и цѣны на нихъ упали бы.

[4]) Канцлеръ Германской имперіи Бюловъ говорилъ въ рейхстагѣ (въ ноябрѣ 1908 г.) не безъ нѣкотораго льстиваго преувеличенія: „Франція обязана своимъ богатствомъ своей благодатной почвѣ, активности и изобрѣтательности своихъ жителей, а еще больше своему удивительному духу экономіи, той мощи сбереженія, которой отличается каждый французъ, каждая француженка. Франція стала банкиромъ міра. То, что Франція теряетъ на производствѣ, она наверстываетъ на сбереженіи“.

нечно расширяться и безконечно сужаться. Человѣкъ, имѣющій дохода одинъ фунтъ хлѣба на день, сумѣлъ бы, можетъ быть, привыкнуть ѣсть черезъ день и такимъ образомъ сберегать половину своего дохода. Кромѣ того, мы видѣли, какъ рабочіе классы тратятъ милліарды франковъ на водку и табакъ; конечно, они могли бы сберечь эти милліарды, если бы захотѣли, и найти имъ лучшее приложеніе.

Если, все же, мы думаемъ, что свысока преподаваемыя бѣднымъ наставленія о бережливости не всегда основательны, такъ это потому, что сбереженіе въ ущербъ необходимымъ и законнымъ потребностямъ человѣка скорѣе гибельно, чѣмъ полезно. Безсмыслено жертвовать настоящимъ ради будущаго, когда жертва настоящаго времени по природѣ своей способна подорвать будущее. Всякій частный или общественный расходъ, имѣющій результатомъ физическое или интеллектуальное развитіе человѣка слѣдуетъ одобрить безъ колебанія не только какъ хорошій самъ по себѣ, но и какъ предпочтительный предъ сбереженіемъ. Какое лучшее назначеніе могъ бы человѣкъ дать своему богатству, какъ не употребить его на укрѣпленіе своего здоровья или на развитіе своего ума? Несомнѣнно, слѣдуетъ рабочихъ отговаривать отъ употребленія водки и аперитивовъ и рекомендовать имъ тратить свои деньги на здоровую пищу, хорошее платье, здоровую квартиру, комфортабельную мебель, на медицинскую помощь, книги, прогулки, путешествіе, спортъ, концерты и т. д. Можно даже сказать, что такое употребленіе денегъ не столько расходъ, сколько помѣщеніе ихъ и при томъ наилучшее, ибо увеличивается цѣнность и производительность человѣка.

Сбереженіе въ индивидуальной и буржуазной формѣ не пользуется большимъ почетомъ въ рабочихъ кругахъ, но зато оно развивается въ формѣ взносовъ въ профессіональные союзы, кооперативы, общества взаимопомощи, въ кассы для безработныхъ и т. д. И такое коллективное, какъ по своей цѣли, такъ и по организаціи, сбереженіе даетъ бо́льшіе результаты, чѣмъ индивидуальное сбереженіе, съ меньшими жертвами. Оно стремится создать безличный фондъ, поставленный на службу всѣмъ, и никому въ отдѣльности не принадлежащій. Оно взываетъ какъ къ солидарности, такъ и къ частному интересу.

Въ заключеніе мы скажемъ (какъ бы ни казалось своеобразнымъ такое сближеніе словъ), что сбереженіе есть рос-

к о ш ь, доступная только богатымъ обществамъ, да и среди этихъ обществъ только людямъ зажиточнымъ, т. е. меньшинству.

Поэтому и статистика намъ показываетъ, что страны, дѣлающія сбереженія, очень рѣдки, да и въ этихъ странахъ сбереженіе рѣдко представляетъ болѣе $^1/_{10}$ національнаго дохода [5]).

II.

Условія сбереженія.

Даже животныя, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ: муравей, пчела, бѣлка—знаютъ и практикуютъ сбереженіе въ формѣ накопленія [6]). Вмѣстѣ съ трудомъ и раздѣленіемъ труда сбереженіе есть одинъ изъ рѣдкихъ экономическихъ актовъ, который существовалъ до появленія на землѣ человѣка и который въ полномъ смыслѣ слова можно назвать „естественнымъ“.

И, все-таки, не слѣдовало бы думать, что сбереженіе происходитъ само собой, самопроизвольно! Для осуществленія его, напротивъ, необходимы довольно тяжелыя условія:

1) Прежде всего, въ качествѣ субъективнаго условія у того, кто сберегаетъ, необходима наличность извѣстной дозы предусмотрительности, т. е. особой способности чувствовать будущую потребность такъ, какъ будто бы она была настоящей. Человѣкъ, собирающійся дѣлать сбереженіе, взвѣшиваетъ двѣ потребности: одну н а с т о я щ у ю, отъ удовлетворенія коей онъ долженъ отказаться, напримѣръ, сейчасъ ощущаемый имъ голодъ, и б у д у щ у ю потребность, удовлетвореніе которой онъ хотѣлъ бы обезпечить,—напримѣръ, желаніе имѣть хлѣбъ на старости. Съ одной стороны,—его удерживаетъ мысль о необходимости предстоящей ему болѣе или менѣе значительной жертвы, а съ другой — его манитъ болѣе или менѣе значительная выгода, предстоящая отъ сбереженія. Воля человѣка колеблется между этими двумя противоположными силами, и, смотря по тому, какая изъ нихъ окажется

---

[5]) Въ такой пропорціи можно исчислить ежегодныя сбереженія Англіи и Франціи: отъ 2 до 3 миліардовъ на всю сумму дохода въ 25—30 милліардовъ.

[6]) И даже у растеній сбереженіе бываетъ весьма частымъ явленіемъ въ формѣ накопленныхъ для будущихъ потребностей запасовъ.

могущественнѣе, человѣкъ поступитъ такъ или иначе [7]). И, замѣтьте, настоящая потребность есть реальность: мы ее дѣйствительно ощущаемъ, а предстоящая потребность—чистая абстракція: мы ее ощущаемъ только въ воображеніи. Для того, чтобы освоиться съ этой абстракціей, нужны извѣстныя умственныя привычки и нравственныя склонности, а онѣ могутъ быть только слѣдствіемъ уже развитой цивилизаціи.

Наши занятія, особенно въ современныхъ обществахъ, и наше воспитаніе постоянно заставляютъ насъ заботиться о будущемъ. Ученые, пытающіеся проникнуть тайны будущаго, политики, озабоченные завтрашнимъ днемъ, дѣльцы, пустившіеся въ спекуляцію, простые коммерсанты, занятые высчитываніемъ платежей, предстоящихъ къ концу мѣсяца и заранѣе подводящіе итогъ году,—всѣ мы, сами того не замѣчая, въ большей или меньшей степени должны во всемъ считаться съ этимъ неизвѣстнымъ. Но это умственное усиліе недоступно дикарю, который сознаетъ только давящую его сейчасъ потребность и, по извѣстному выраженію Монтескье, подрѣзываетъ дерево у корня, чтобы имѣть плодъ; оно даже трудно дается тѣмъ изъ нашихъ согражданъ, которые, по соціальнымъ условіямъ своей жизни и умственнымъ навыкамъ, близки къ первобытнымъ людямъ и, подобно имъ, живутъ со дня на день. Дикари, дѣти, бродяги, нищіе,—всѣ они одинаково и по однѣмъ и тѣмъ же причинамъ непредусмотрительны [8]).

2) Трудъ долженъ быть достаточно производительнымъ для того, чтобы оставался нѣкоторый излишекъ изъ продуктовъ, необходимыхъ для существованія: если неблагоразумно жертвовать предстоящими потребностями ради настоящихъ, то и, наоборотъ, безсмысленно жертвовать настоящимъ ради будущаго. Сокращать свои потребности съ рискомъ умереть отъ голода въ настоящій моментъ изъ-за страха предъ голодной смертью въ будущемъ году или чрезъ десять лѣтъ,—это значило бы уподобляться Гарпагону, и эта именно черта характеризуетъ скупость, дѣлая ее смѣшной и презрѣнной. Мы только что видѣли, что противорѣчило бы и общественному и индивидуальному интересу принесеніе слишкомъ большихъ жертвъ въ настоящемъ ради отсроченнаго потребленія.

---

[7]) Мы уже отмѣчали аналогичный конфликтъ двухъ противоположныхъ силъ, говоря о трудѣ (см. стр. 119).

[8]) См. Bagebot, Economic Studies.—The growth of capital.

У человѣка, который едва только имѣетъ необходимое, не существуетъ излишка; сбереженіе составляетъ для него очень тягостную и даже опасную операцію: оно ведетъ къ отрѣшенію отъ какой-нибудь существенной потребности.

Напротивъ, для человѣка, располагающаго обширнымъ количествомъ богатствъ, сбереженіе уже не будетъ похвальной жертвой [9]): оно можетъ даже сдѣлаться для него необходимостью, ибо способности потребленія каждаго человѣка, будь то хоть самъ Гаргантуа, въ концѣ концовъ, ограничены. Наши потребности и даже наши желанія имѣютъ предѣлъ, и сама природа отмѣтила этотъ предѣлъ пресыщеніемъ (см. стр. 42).

3) Въ качествѣ объективнаго условія сбереженія необходимо еще извѣстное свойство въ сберегаемой вещи, — способность сохраняться. Эта способность довольно рѣдко встрѣчается въ природѣ. Существуетъ лишь небольшое число предметовъ потребленія, пользованіе коими можетъ быть отсрочено безъ боязни, что они не испортятся и останутся цѣлыми. Часто вещи уничтожаются такъ же быстро отъ пользованія, какъ и отъ непользованія ими. Мебель и занавѣски линяютъ; бѣлье рвется и желтѣетъ въ комодахъ; желѣзо ржавѣетъ; продовольственные продукты портятся или пожираются насѣкомыми, и т. д. И даже хлѣбъ не можетъ сохраняться свыше извѣстнаго числа лѣтъ безъ ухода за нимъ, хотя онъ представляетъ одно изъ такихъ богатствъ, которыя сохраняются лучше, и этимъ своимъ свойствомъ обязанъ тому столь важному мѣсту, которое онъ занимаетъ среди всѣхъ продуктовъ.

Въ дѣйствительности, за отсутствіемъ надлежащаго предмета, сбереженіе имѣетъ очень ограниченное распространеніе до того времени, пока не появляются деньги или, по крайней мѣрѣ, драгоцѣнные металлы въ качествѣ собирателей цѣнности. Золото и серебро, какъ мы видѣли, почти единственныя неизнашиваемыя тѣла. Правда, они сами не являются предметами потребленія, но это не важно, ибо во всякое время можно обмѣнить ихъ на эти

---

[9]) Экономисты прилагаютъ старанія выдвинуть на первое мѣсто самопожертвованіе, налагаемое сбереженіемъ, воздержаніемъ (какъ называлъ его Сеньоръ, видѣвшій въ немъ творческую силу капитала), и преувеличить его добродѣтели и заслуги. Напротивъ, соціалисты издѣваются надъ этимъ мнимымъ воздержаніемъ и лишеніями капиталиста, и противъ нихъ, именно, Лассаль металъ свои наиболѣе острыя стрѣлы.

предметы. Со времени появленія денегъ, человѣкъ, желающій сберегать, обмѣниваетъ портящіеся предметы на деньги, складываетъ послѣднія въ надежное мѣсто, и, по истеченіи извѣстнаго времени, ему или его правнукамъ придется только обмѣнять эти деньги на богатство, по своему выбору. Открываемые нынѣ клады, остававшіеся подъ землею въ теченіе столѣтій, представляютъ отсроченное на все то время потребленіе, осуществляющееся, наконецъ, для того счастливца, который его нашелъ.

Сбереженіе нашло еще болѣе удивительный способъ реализаціи со времени изобрѣтенія кредита и его органовъ. Нѣкто, располагающій въ какой-нибудь формѣ богатствомъ въ 1.000 франковъ, желаетъ отложить потребленіе его. Онъ заявляетъ о своемъ желаніи не пользоваться въ настоящее время своимъ правомъ потребленія и записывается въ главную книгу банка на цѣнность въ 1.000 франковъ. И, по истеченіи нѣкотораго періода времени, онъ или потомки будутъ имѣть право взять изъ массы богатствъ, которыя будутъ существовать въ то время, на оставленную сумму эквивалентъ ея.

4) Наконецъ, для реализаціи и облегченія сбереженія необходимы еще орудія, учрежденія, что и составитъ предметъ слѣдующей главы [10]).

---

[10]) Не упущено ли нами еще одно важное условіе?—Въ интересахъ осуществимости сбереженія не должны ли деньги или капиталъ приносить извѣстный процентъ?

Въ книгахъ по политической экономіи обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ положительно, что, по нашему мнѣнію, неправильно. Существованіе извѣстнаго процента необходимо для помѣщенія денегъ, какъ мы сейчасъ увидимъ это ниже, а не для сбереженія въ собственномъ смыслѣ: послѣднее находитъ достаточное основаніе въ себѣ самомъ, т. е. въ предвидѣніи будущихъ и непредусмотрѣнныхъ потребностей, для удовлетворенія коихъ оно предназначается. Напротивъ, можно, не впадая въ парадоксъ, утверждать, что если бы помѣщеніе процента стало невозможнымъ, то сбереженіе, накопленіе нашло бы для себя въ этомъ величайшій стимулъ, ибо то самое лицо, которое нынѣ довольствуется сбереженіемъ, скажемъ, 100.000 франковъ, разсчитывая прожить въ достаткѣ и безконечно на 3—4000 франковъ дохода отъ нихъ,—это самое лицо будетъ весьма заинтересовано возможно больше увеличить свой фондъ, какъ только ему придется жить не на доходъ, а на самый фондъ.

III.

Помѣщеніе капитала.

Помѣщеніе капитала и сбереженіе—два, по природѣ своей, существенно различные акта, хотя фактически они всегда представляются объединенными.

Правда, помѣщеніе предполагаетъ сбереженіе, какъ предварительное условіе, ибо можно помѣстить только то, что съэкономлено; отсюда и вытекаетъ устанавливаемая обществомъ и даже экономистами солидарность между этими двумя явленіями. Но сбереженіе, напротивъ, не предполагаетъ помѣщенія. Сберегать—это значитъ воздерживаться въ данное время отъ потребленія, „хранить грушу на случай жажды", это—отложенное потребленіе. Помѣстить, напротивъ, значитъ дать производительное назначеніе своему капиталу, т. е отказаться отъ своей власти потребить и перенести ее на другихъ, которые используютъ эту власть какимъ-нибудь производительнымъ образомъ. Слѣдовательно, помѣщеніе капитала есть актъ производства, а не потребленія.

Раньше помѣщеніе богатства совершалось въ формѣ покупки земель. Было трудно и даже почти невозможно производить его въ формѣ капиталовъ по двумъ причинамъ.

1) За недостаткомъ средствъ помѣщенія. Въ эпоху, когда ссуда подъ процентъ была воспрещена или, во всякомъ случаѣ, совершалась только въ обходъ закона, когда еще не существовало главныхъ заемщиковъ—крупныхъ акціонерныхъ обществъ и современныхъ государствъ,—каждому человѣку, располагавшему богатствомъ, трудно было куда-либо помѣстить его. Оставалось только накопленіе. Такое положеніе сохраняется еще понынѣ на Востокѣ и по двумъ причинамъ: по отсутствію обезпеченія и вслѣдствіе запрещенія процента [11]).

2) Кромѣ того, не менѣе существеннымъ условіемъ для помѣ-

---

[11]) Въ 1907 году управлявшій тогда Египтомъ лордъ Кромеръ приводилъ въ своемъ рапортѣ слѣдующій случай съ шейхомъ одного мѣстечка: купивъ недвижимую собственность за 25.000 фунтовъ стерлинговъ (630.000 франковъ) наличными, шейхъ, спустя полчаса послѣ подписанія договора, появился въ сопровожденіи цѣлой фаланги муловъ, несшихъ на спинахъ деньги, которыя только что были вырыты изъ земли въ саду шейха.

щенія денегъ является отсутствіе о б е з п е ч е н і я. Только обезпеченіе, гарантирующее ссудодателя отъ смутъ внутри и нашествій извнѣ, отъ конфискацій со стороны самихъ правителей или отъ недобросовѣстности сильнаго должника, можетъ побудить ссудодателя отказаться отъ накопленія и согласиться на производительное потребленіе.

Нынѣ указанныхъ двухъ препятствій не существуетъ. Съ одной стороны, политическое обезпеченіе во всѣхъ культурныхъ странахъ вполнѣ достаточное, хотя моральное обезпеченіе, заключающееся въ добросовѣстности каждаго по отношенію къ принятымъ на себя обязательствамъ, еще не сдѣлало, можетъ быть, большого прогресса. Съ другой стороны, наше время даетъ всѣмъ, желающимъ помѣстить свои деньги, тысячу средствъ, неизвѣстныхъ нашимъ предкамъ. Въ 1815 году на парижской биржѣ предметомъ сдѣлокъ служили только 5 цѣнностей, въ 1869 году ихъ насчитывалось уже 402, а въ 1913 году ихъ насчитывалось больше 1000, помимо сотенъ другихъ бумагъ, обращающихся въ департаментахъ или на заграничныхъ биржахъ. Всѣ промышленныя и финансовыя предпріятія въ формѣ акціонерныхъ компаній, земледѣльческія или ипотечныя операціи при посредствѣ обществъ земельнаго кредита и, въ особенности, постоянные государственные займы, — все это даетъ въ наши дни безчисленныя облегченія лицамъ, желающимъ помѣстить свои деньги [12]). Всѣ они даютъ надежду на реализацію болѣе или менѣе высокаго процента, большей частью, даже настоящихъ п р е м і й въ видѣ уплаты суммы, превышающей одолженную, и даже (въ дозволенныхъ закономъ случаяхъ) в ы и г р ы ш е й отъ 100.000 до 500.000 франковъ, что, впрочемъ, составляетъ приманку очень сомнительнаго нравственнаго достоинства. Ужъ не слишкомъ ли много этихъ средствъ помѣщенія! Вѣдь они слишкомъ облегчаютъ тотъ образъ существованія, который свой-

---

[12]) На конгрессѣ представителей банковъ на Парижской выставкѣ 1900 г. сумма цѣнностей, обращавшихся на биржахъ всѣхъ странъ, исчислялась въ 500 милліардовъ франковъ: изъ нихъ 150 милліардовъ — въ государственныхъ фондахъ, а остальные—въ акціяхъ и облигаціяхъ промышленныхъ обществъ. Сколь чудовищной ни казалась бы эта цифра, все-таки, ее слѣдуетъ признать много ниже дѣйствительной, ибо только для Франціи сумма цѣнностей поднимается до 100 милліардовъ.

Общая сумма эмиссій, т. е. займовъ, сдѣланныхъ государствами или частными обществами, поднималась за послѣдніе тридцать лѣтъ въ среднемъ за годъ на 10 милліардовъ, а въ 1906—1907—1908 гг. средняя была 21 милліардъ!

ственеиъ рантье, и которымъ все-таки, не слѣдовало бы злоупотреблять, хотя мы до нѣкоторой степени оправдывали его выше. Если бы въ распоряженіи людей не было столько способовъ помѣщенія денегъ, они были бы принуждены или, по крайней мѣрѣ, получили бы стимулъ помѣщать ихъ въ собственныхъ промышленныхъ, сельскохозяйственныхъ или торговыхъ предпріятіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, этимъ объясняется колоссальное размноженіе мелкихъ капиталистовъ. Держателей французской государственной ренты насчитывается болѣе, чѣмъ 2 милліона [13]).

Полезность помѣщенія богатства, съ точки зрѣнія производства, безспорна: благодаря ему, всѣ крупныя предпріятія снабжаются капиталами, въ которыхъ они нуждаются, и безъ которыхъ они не могли бы образоваться.

Съ соціальной точки зрѣнія, помѣщеніе слѣдуетъ даже признать болѣе альтруистическимъ способомъ приложенія богатства, чѣмъ копленіе или трата, ибо первое всегда, а вторая весьма часто носятъ экономическій характеръ, между тѣмъ какъ,—что дѣлаетъ лицо, помѣщающее свои деньги? Вмѣсто того, чтобы употребить деньги на удовлетвореніе своихъ текущихъ или предстоящихъ потребностей, оно передаетъ ихъ другимъ для производительнаго потребленія. Правда, капиталистъ поступаетъ такъ не изъ филантропическихъ побужденій: онъ преслѣдуетъ свою выгоду; все же, хотя альтруизмъ его безсознательный, разультаты получаются одни и тѣ же. И глубоко вѣрны слова Стюарта Милля: „Рабочимъ приносится польза не тѣмъ богатствомъ, которое потребляется, а только тѣмъ, которое не потребляется“ [14]). Предположимъ, напримѣръ, что человѣкъ употребляетъ свое сбереженіе на покупку акцій или облигацій, выпущенныхъ [15]) каменноугольной или же-

---

[13]) Въ докладѣ Мужо въ парламентѣ по бюджету 1907 года приводится точная цифра: 2.075.000 держателей.

Держателей именныхъ акцій или облигацій Земельнаго Кредита — 278.000, у шести желѣзно-дорожныхъ компаній — 560.000 держателей. Если прибавить держателей бумагъ на предъявителя, эти цифры должны болѣе чѣмъ удвоиться. Акціи Французскаго банка распредѣляются между 28.000 держателями.

[14]) Все же, не забудемъ замѣчаній, сдѣланныхъ выше о соціальной важности роли потребителя.

[15]) Я говорю о покупкѣ акцій или облигацій въ моментъ выпуска (эмиссіи) ихъ, потому что, если бумага куплена на биржѣ, то въ такомъ случаѣ будетъ только простая передача: нашъ капиталистъ явится просто замѣстителемъ того, кто прежде былъ держателемъ бумаги. Но и въ такомъ случаѣ помѣщеніе денегъ обык-

лѣзнодорожной компаніей. Онъ передаетъ компаніи цѣнность бумагъ въ деньгахъ. Что же сдѣлаетъ компанія съ этими деньгами? Запретъ ли ихъ въ свою кассу? Конечно, нѣтъ, ибо при наличности такого намѣренія она не стала бы и прибѣгать къ займу: она употребитъ деньги на устройство новыхъ шахтъ, на проведеніе новыхъ линій, на покупку угля, рельсовъ, шпалъ, на уплату жалованья своимъ служащимъ и рабочимъ и на наемъ новыхъ рабочихъ рукъ. То же самое будетъ и во всякомъ другомъ случаѣ помѣщенія, какой только можно себѣ представить.

Тѣмъ не менѣе, существуетъ предразсудокъ, свидѣтельствующій о враждебномъ отношеніи даже къ людямъ, дающимъ помѣщеніе своимъ деньгамъ. Думаютъ, что человѣкъ, прячущій ренту или какія-нибудь цѣнныя бумаги въ свой портфель, тоже копитъ, т.-е. вынимаетъ деньги изъ обращенія,—и проглядываютъ то, что деньги его путешествуютъ по всему міру, поощряя торговлю и призывая къ труду рабочихъ въ чужихъ странахъ, подъ чужимъ небомъ, можетъ быть, китайцевъ на Сибирской желѣзной дорогѣ, кафровъ—въ рудникахъ Трансвааля.

Этимъ-то послѣднимъ обстоятельствомъ, можетъ быть, и объясняется до нѣкоторой степени указанный народный предразсудокъ, ибо капиталистъ, дающій средства существованія экзотическимъ рабочимъ, уже не можетъ дать ихъ рабочимъ своей родины. Помѣщеніе весьма часто бываетъ формой абсентеизма капитала, но помѣщеніе, сдѣланное съ разсчетомъ, въ концѣ-концовъ, принесетъ въ страну въ формѣ прибылей и дивидендовъ больше цѣнностей, чѣмъ вынесло изъ нея.

новенно предполагаетъ производительное приложеніе ихъ, ибо капиталистъ, продавшій свою бумагу, будетъ принужденъ искать новое приложеніе для денегъ, которыя онъ получилъ въ обмѣнъ на бумагу, и даже вѣроятно, что, продавая ее, онъ уже имѣлъ въ виду новое болѣе выгодное назначеніе для денегъ.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ

„СТУДЕНЧЕСКАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА“.

Москва, Моховая 22, противъ Университета.

МАТЕМАТИКА. ФИЗИКА. ХИМІЯ.

Арданскій В. М. Полныя и подробныя рѣшенія 240 задачъ по аналитической геометріи—изъ задачника В. Шиффъ. М. 1915 г. 1 р. 20 к.

Беркенгеймъ А. М. Основы теоретической химіи. (Вв. въ качеств. химич. анализъ). М. 1914 г. 1 р. 40 к.

Прив.-доц. Бюшгенсъ С. С. Теорія опредѣлителей. М. 1915. 1 р.

Прив.-доц. Бюшгенсъ С. С. Высшая алгебра. М. 1915 г. 1 р. 50 к.

Важнѣйшія формулы по курсу метеорологіи — для студ.-естественниковъ. Изд. 2-е. М. 1915. 10 к.

Проф. Егоровъ Д. Ѳ. Интегрированіе дифференціальныхъ уравненій. М. 1915. 1 р. 50 к.

Задачи по интегральному исчисленію съ подробными рѣшеніями. М. 1914. 30 к.

Проф. Млодзѣевскій Б. К. Основы аналитич. геометріи въ пространствѣ. Изд. 3-е. М. 1915 г. 1 р. 75 к.

Нѣкоторыя главы изъ органической химіи (по лекціямъ проф. В. В. Челинцева). М. 1914. 15 к.

Списокъ типичныхъ ископаемыхъ въ ихъ зоологическомъ порядкѣ. Изд. 2-е. М. 1915. 15 к.

Таблицы по Исторической Геологіи съ приложеніемъ петрографической таблицы. М. 1914. 25 к.

Проф. Штернбергъ П. К. Курсъ Описательной астрономіи. Составлено Ал. А. Соколовымъ по курсу лекцій, читанныхъ проф. П. К. Штернбергомъ. М. 1915 г. Ц. 3 р. 70 к.

-K215916

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

„СТУДЕНЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“.

Прив.-доц. В. А. Нежинскутскій. Торговый процессъ. М. 1914. Ц. 1 р.

Мировичъ А. И. Конспектъ по исторіи философіи права, къ учебникамъ проф. Новгородцева. Ц. 60 к.

Мировичъ А. И. Конспектъ по статистикѣ къ лекціямъ проф. Н. А. Каблукова. Ц. 70 к.

Хронологическая таблица для экономиста, подъ редакц. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Ц. 20 к.

Проф. Н. А. Каблуковъ. Статистика. М. 1915. Ц. 1 р. 75 коп.

Проф. С. В. Познышевъ. Очерки тюрьмовѣдѣнія. М. 1915. Ц. 2 р.

Проф. А. И. Елистратовъ. Основныя начала административнаго права. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

Прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанцъ. Семинарій по кооперації. 2 выпуска по 1 руб.

Цѣна 3 р. 50 к.